

▪ Эдвард Радзинский ▪

СТАЛИН

Эдвард Станиславович Радзинский

Сталин. Жизнь и смерть

Об этой книге я думал всю свою жизнь.

И о ней до самой своей смерти думал мой отец.

Отец умер в 1969 году, и тогда я начал писать эту книгу.

Я писал ее, окруженный тенью тех, кого видел в детстве.

Я включил в эту книгу и их рассказы о Сталине.

Рассказы, которые так любил пересказывать мне отец с вечным рефреном:

– Может быть, ты когда-нибудь о нем напишешь.

ОТЦУ я посвящаю эту книгу

И дана была ему власть

над всяким коленом и народом,

и языком и племенем...

И говорил и действовал так,

чтобы убиваем был всякий,

кто не будет поклоняться образу зверя. Отк. 13: 7-15

И один сильный Ангел взял камень,

подобный большому жернову,

и поверг в море, говоря:

с таким стремлением повержен будет

Вавилон, великий город,

и уже не будет его...

ибо... волшебством твоим

введены в заблуждение все народы.

И в нем найдена кровь пророков и святых

и всех убитых на земле. Отк. 18:21-24

Пролог

Имя

Каждый день самая большая в мире страна просыпалась с его именем на устах. Каждый день его имя звучало по радио, гремело в песнях, смотрело со страниц всех газет. Это имя, как величайшую награду, присваивали заводам, колхозам, улицам и городам. С его именем шли на смерть солдаты. Сталинград во время войны истек кровью, земля превратилась в коросту, начиненную снарядами, но город, носивший его имя, не был сдан врагу. Во время устроенных им политических процессов жертвы, умирая, славили его имя. И в лагерях, где миллионы загнанных за колючую проволоку поворачивали вспять реки, возводили города за Полярным кругом и гибли сотнями тысяч – они свершали все это под его портретами. Его статуи в граните и бронзе высились по необозримой стране.

Гигантская статуя Сталина стояла на Волго-Доне – очередном канале, построенном его заключенными.

Однажды смотритель, следивший за статуей, с ужасом обнаружил, что птицы во время сезонных перелетов полюбили отдыхать на голове статуи. Нетрудно представить, во что грозило обратиться лицо Вождя. Но птиц наказывать нельзя. А людей можно. И на смерть перепуганное руководство области нашло выход: сквозь гигантскую голову пропустили ток высокого напряжения. Теперь статуя стояла, окруженная ковром из мертвых птиц. Каждое утро смотритель закапывал птичьи трупы, и земля, удобренная ими, цвела. И статуя, очищенная от птичьего помета, глядела в волжские просторы на цветущие берега, удобренные уже телами человеческими – строителями великого канала...

Кем он был для нас?

Один из видных хозяйственников тех лет, Ю. Борисов, рассказывал уже в 60-х годах: «Вызывает меня товарищ Сталин. До этого мне не приходилось беседовать с ним. Ехал как в тумане. Ответ на его вопрос выпалил, глядя ему в глаза, стараясь не мигать. Мы все знали его фразу: «Глаза бегают – значит, на душе не чисто». Выслушав ответ, он сказал: «Спасибо, товарищ». Когда я ощутил его рукопожатие, меня словно молния пронзила. Спрятал я руку за обшлаг пиджака, спустился в машину, домчался домой и, не отвечая на вопросы встревоженной жены, подошел к кровати, где спал мой маленький сын. Вытащил руку и простер над его головой, чтобы коснуться и его сталинское тепло».

Уинстон Черчилль вспоминал: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление... Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и – странное дело – держали почему-то руки по швам». Однажды он решил не вставать. Сталин вошел – «и будто потусторонняя сила подняла меня с места», – писал Черчилль.

Тепло отзывался о Сталине – об этом «добром дядюшке Джо» – и президент США Рузвельт.

В 1959 году, когда мир уже узнал о делах «доброго дядюшки Джо», Черчилль, выступая в палате общин в день 80-летия Сталина, сказал: «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин».

Если бы знал Черчилль, что задумал «непоколебимый полководец» тогда – в марте 1953 года!

Но 1 марта 1953 года Сталин лежал на полу, пораженный ударом. В столице своей Империи, начиненной его славой, он, сделавший себя прижизненным божеством, много часов лежал беспомощный в пустой комнате...

Однако и теперь, по прошествии стольких лет, личность Сталина, мотивы его поступков и даже сама его смерть остаются столь же таинственными, как и тогда, в солнечный мартовский день 1953 года.

В своих мягких кавказских сапогах Сталин умело отошел в тень истории, чтобы сейчас вновь замаячил на горизонте грозный образ. И павшая величайшая Империя XX века все чаще вспоминает о своем создателе, и в облаке новых мифов возвращается в страну он – Хозяин, Отец и Учитель.

Тайна

В непроницаемый мрак он сумел погрузить и свою жизнь, и всю историю страны. Бесперывно уничтожая своих соратников, он тотчас стирал всякий их след в истории. Он лично руководил постоянной и беспощадной чисткой архивов. Величайшей секретностью он окружил все, что хоть как-то касалось власти. Архивы он превратил в охраняемые крепости.

Но и теперь, получив доступ к этим прежде сверхсекретным документам, вы вновь окажетесь... перед тайной!

Он сумел предусмотреть и это.

Вот несколько выдержек из секретных протоколов заседаний Политбюро:

1920 год: «Решения Политбюро по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол».

1923 год: «Подтвердить прежнее решение Политбюро: в протоколы Политбюро ничего, кроме решений, записываться не должно».

1924 год: «Работу сотрудников Секретариата ЦК партии считать конспиративной партийной работой».

1927 год: «Принять меры по обеспечению максимальной конспиративности».

Тотальная секретность – традиция загадочного «Ордена Меченосцев», как назвал Коммунистическую партию ее вождь Сталин. Он сделал эту традицию абсолютной.

И, начиная рассказ о его жизни, мы вступаем в этот великий мрак. Еще учась в Историко-архивном институте, я знал об этом секретнейшем хранилище документов, которое мой учитель сравнивал с архивом Ватикана – по бесконечному богатству тайн.

Это был архив, существовавший при руководстве Коммунистической партии, при особом Секретном отделе. В нем хранились документы высших органов партии, управлявшей страной семь десятилетий, а также – личный архив Сталина. Это было справедливо, ибо к определенному времени и история партии, и история страны стали историей Сталина.

Этот архив и составил впоследствии основу Архива президента, сформированного при Горбачеве. Я получил уникальную возможность работать в этом хранилище.

В книгу также вошли документы из бывшего Центрального партийного архива – святая святых Коммунистической партии. В нем хранилась ее история – история подпольной группы революционеров, захватившей в 1917 году власть над шестой частью мира. «Совершенно секретно» – любимая пометка на документах архива.

Теперь Партархив стыдливо переименовал название и именуется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Но для меня он навсегда останется Партийным архивом. Так я и буду называть его в книге. Желанный архив, в который я стремился так долго...

И конечно, я использовал бывшие секретные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции. И он после крушения СССР сменил название на Государственный архив Российской Федерации, но и его в своем повествовании я именую по-прежнему. Архив Октябрьской революции – название, раскрывающее его суть. В нем – документы революции и знаменитых большевиков – погибших соратников Сталина, «Особые папки» Сталина – секретные отчеты Вождю...

Такова главная триада архивов, где я искал Сталина. Потаенного Сталина.

После интервью о том, что я пишу книгу о Сталине – первом революционном царе, – я начал получать множество писем. Забавно повторялась история с предыдущей книгой о царе последнем – Николае II.

В этих письмах нет сенсационных сведений, но они передают бесценные детали исчезнувшей эпохи.

Как правило, их писали старые люди, решившие поведать то, чему они были свидетелями.

Я благодарю добровольных моих помощников, жителей исчезнувшей Империи по имени СССР – еще одной погибшей русской Атлантиды.

Загадочные истории

Часто вспоминаю этот разговор. Случился он во второй половине 60-х годов. Я был молод, но был уже автором двух модных пьес. Именно тогда и познакомили меня с Еленой Сергеевной Булгаковой – вдовой самого мистического писателя сталинской эпохи. При жизни Сталина Булгаков прославился несколькими запрещенными пьесами и одной поставленной в знаменитом Художественном театре – «Дни Турбиных». Сталин любил ее какой-то странной любовью: он посетил этот спектакль бесчисленное количество раз...

В 60-е годы большинство произведений Булгакова было по-прежнему запрещено, а о жизни самого писателя рассказывалось множество фантастических историй. Меня интересовала одна: история его пьесы о Сталине. Именно об этом я и спросил у Елены Сергеевны. И тогда между нами состоялся разговор, показавшийся мне столь примечательным, что я записал его в дневнике.

– Я слышал, что Михаилу Афанасьевичу предложили написать пьесу о Сталине?

– Именно «предложили». К нам приехал директор Художественного театра. Он и предложил написать пьесу к юбилею Сталина.

Миша колебался, но потом согласился – у него было особое отношение к Сталину. Он написал интересную романтическую пьесу о Кобе... Вы, конечно, знаете – в юности Сталина называли Коба, это был его партийный псевдоним. Сначала все складывалось удачно – в театре пьесу приняли. Даже тогдашние чиновники, управлявшие культурой, были в восторге.

(Впоследствии я проверил рассказ Елены Сергеевны по ее опубликованному дневнику. Вот что там было написано: «11 июля Б[улгаков] читает пьесу в Комитете по делам искусств. Пьеса оч[ень] понравилась. Во время читки пьесы – сильнейшая гроза...»)

– Театр думал ее поставить к декабрю 1939 года – к шестидесятилетию героя, – продолжала она. – Но тут пьесу отослали Сталину, и он ее запретил. Вот, пожалуй, и вся история.

Если бы в ту пору я не был советским драматургом, я бы на этом закончил разговор. Но я им был. И оттого сразу понял чрезвычайную странность рассказанного.

Итак, 1939 год – сталинский террор. Вся страна объята страхом, любая идеологическая ошибка объявлялась вражеским актом. Кто же мог решиться заказать в такое время беспартийному Булгакову, автору нескольких запрещенных произведений, пьесу к юбилею самого Вождя? Да еще для Художественного театра – первого театра страны? Кто из тогдашних руководителей искусства посмел бы взять на себя такое? Естественно, никто, кроме... самого героя будущей пьесы – странного поклонника «Дней Турбиных». Конечно, заказчиком пьесы мог быть только он – Сталин.

И второй вопрос. Я драматург и хорошо знал постоянный страх чиновников. Даже в мое время – сравнительно безопасное – руководители культуры делали все, чтобы самим ничего не решать. А тогда, в страшном 1939 году... неужели эти умиравшие от ужаса чиновники так осмелели, что решились сами восторженно принять пьесу о Сталине, написанную много раз «ошибавшимся» Булгаковым? Невероятно! Точнее, вероятно только в одном случае: если ее уже одобрил сам заказчик.

Но тогда почему он ее запретил?

Я продолжаю разговор с Еленой Сергеевной:

– Когда было обсуждение пьесы?

– Летом... это был июль.

– И когда ее запретили?

– В августе.

– И... что-то случилось между этими событиями?

Елена Сергеевна усмехнулась. Она читала мои мысли.

– Миша договорился с театром поехать в Грузию. Он хотел побеседовать с очевидцами событий, помнившими Кобу в юности. Их к тому времени немного осталось, все исчезли... Поехали: художник спектакля, режиссер, я и Миша... Он мечтал поработать в архивах.

– В архивах?!

– Ну да, он писал совершенно без документов. Когда он попросил театр помочь ознакомиться с данными о юности Сталина, ему ответили: никаких документов не существует. И он решил поискать сам. Мы отправились в полном комфорте, в международном вагоне. В купе устроили банкет, когда нас нагнала телеграмма: «Надобность в поездке отпала, возвращайтесь в Москву». В Москве Мише объявили: в секретариате Сталина прочли пьесу и сказали, что

нельзя Сталина делать литературным героем и вкладывать ему в уста выдуманные слова. А сам Сталин будто бы сказал: «Все молодые люди одинаковы, зачем писать пьесу о молодом Сталине?»

Объяснение было очень странным: в те годы печатались произведения о молодом Сталине. Но они писались так же, как была написана эта пьеса – без документов. Авторы пользовались опубликованными сведениями о жизни великого революционера Кобы... Роковая ошибка Булгакова и была в том, что он захотел ознакомиться с документами, выйти за пределы этих сведений. Как только он попытался это сделать – все закончилось гибелью пьесы.

И я вспомнил... Детство, я сижу в своей комнате. В соседней комнате разговаривают мой отец и писатель Павленко – знаменитый писатель сталинской эпохи.

Несколько слов об отце.

Он был интеллигентом, помешанным на европейской демократии, часто цитировал мне слова чешского президента Масарика: «Что такое счастье? Это – иметь право выйти на главную площадь и заорать во все горло: «Господи, какое же дурное у нас правительство!»... Он был преуспевающим двадцативосьмилетним адвокатом, когда произошла Февральская революция в России и пала монархия. Отец восторженно приветствовал Временное правительство. Это была его революция, его правительство. Но несколько месяцев свободы быстро закончились, и к власти пришли большевики.

Почему он не уехал за границу – он, блестяще образованный, свободно говоривший на английском, немецком и французском? Обычная история: он любил Россию... В начале 20-х, пока еще были остатки свободы, он редактировал одесский журнал «Шквал», писал сценарии первых советских фильмов, его близкими друзьями были Юрий Олеша, Виктор Шкловский и, наконец, Сергей Эйзенштейн...

После смерти отца в одной из книг я нашел чудом уцелевшее, заложенное между страниц книги письмо Эйзенштейна и несколько непристойных и великолепных рисунков великого режиссера – следы забав их молодости...

А потом наступила пора укрощения мысли. Но отец не роптал, он жил тихо, незаметно, точнее – существовал. Оставив журналистику, он писал инсценировки для театра, в том числе и по романам Петра Андреевича Павленко, автора сценариев двух знаменитых кинофильмов, где действовал сам Вождь: «Клятва» и «Падение Берлина».

Романы Павленко тоже были знамениты. Четырежды ему присваивали Сталинскую премию первой степени... Имя Павленко спасало отца, и хотя многие из его друзей исчезли в лагерях, отца не тронули. Согласно логике тех времен, арестовать его – означало бросить тень на Павленко.

Отец понимал: это может закончиться в любой момент. Он ждал и был готов к ужасному. Но несмотря на эту жизнь под топором, он всегда улыбался.

Его любимым героем был философ и скептик Бротто из романа Анатоля Франса «Боги жаждут». И как франсовский герой печальнонасмешливо наблюдал ужасы Французской революции – с той же улыбкой отец наблюдал жизнь сталинской России.

Ирония и сострадание – таков был его девиз...

Я так и запомнил его с этой вечной улыбкой.

В тот день Павленко и отец обсуждали свои творческие планы. Сквозь плохо прикрытую дверь я услышал, как отец благодушно спросил Павленко:

– Почему бы вам не написать о юности Иосифа Виссарионовича? Об этом никто по-настоящему не написал. Вы долго жили на Кавказе...

Его прервал голос Павленко:

– Не следует описывать солнце, когда оно еще не взошло.

– Он оборвал меня так жестко, даже грубо – такого я никогда прежде от него не слышал, – сказал впоследствии отец.

Павленко не раз видел Вождя – он был вхож в таинственный круг, окружавший Богочеловека. Видимо, он знал, о чем говорил.

Исчезнувший день рождения

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря (9 декабря по старому стилю) 1879 года. Эту дату вы найдете во многих энциклопедиях.

Фотокопия выписки из метрической книги Горийского Успенского собора о рождении Иосифа Джугашвили, хранящаяся в Центральном партактиве:

«1878 год. Родился 6 декабря, крестился 17-го, родители – жители города Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и законная жена его Екатерина Георгиевна. Крестный отец – житель Гори крестьянин Цихитатришвили. Совершил таинство протоиерей Хахалов с причетником Квиникидзе».

Итак, он родился на целый год и три дня раньше официальной даты своего рождения, которую столько лет торжественно праздновала вся страна?! Столько лет отмечать ложную дату?!

Но это не ошибка. Здесь же, в архиве, находится свидетельство об окончании маленьким Иосифом Джугашвили Горийского духовного училища. И тоже: «Родился в шестой день месяца декабря 1878 года». Впрочем, сохранилась анкета, которую он сам заполнил в 1920 году. И там он собственноручно написал – 1878-й!

Да, официальная дата его рождения вымышлена! Но когда? Зачем?

На первый вопрос ответить просто: вымышленная дата рождения появляется сразу после официального возвышения Сталина.

В апреле 1922 года Ленин делает его Генеральным секретарем – главой партии. И уже в декабре секретарь Сталина Товстуха заполняет за него новую анкету, где проставляет измененный год его рождения – 1879-й. И новое число – 21 декабря. С тех пор наш герой избегает сам заполнять анкеты. За него их заполняют секретари. Они своей рукой ставят вымышленную дату. Он, как всегда, ни при чем. Ложная дата рождения становится официальной. И опять – зачем?

Передо мной – бумаги Товстухи. Он был доверенным лицом при Сталине до 1935 года, когда благополучно скончался. Точнее – успел благополучно скончаться...

Я просматриваю документы – все пытаюсь найти какой-то след. Никаких личных записей, никаких дневников не осталось после Товстухи. Впрочем, и те, кому он служил, поступали также. Это принцип. Ни Сталин, ни Ленин, ни их сподвижники не вели дневников. Ничего

личного – только дело партии. Этот полезный принцип помог им унести в могилу многие секреты.

В перерыве ко мне подходит старичок, один из партийных старичков, убивающих свой досуг в архиве. Он не представляется, и я не спрашиваю его, кто он. Мой опыт подсказывает: не будь любопытным, если хочешь получить интересные сведения.

– Я вижу, вы интересуетесь Товстухой? Мне пришлось с ним встречаться и даже работать... высокий был, худой – типичный интеллигент. Умер от туберкулеза, я навещал его в правительственной санатории «Сосны», где он умирал. Он просил меня играть на гитаре революционные песни времен его молодости. И плакал. Не хотел умирать... Сталин похоронил его в Кремлевской стене – оценил по заслугам. Товстуха был сталинским секретарем, но одновременно, что не менее важно, фактически руководил Партийным архивом. Он собрал все документы Ленина. Ими Сталин уничтожал потом своих противников. Один из секретарей Сталина, Бажанов, бежал за границу – он много написал о Товстухе в своей книге. Но важнейшей его заслуги Бажанов не понял... Это случилось, когда Сталин уже стал Хозяином. Тогда, в 1929 году, было решено всенародно справить его 50-летие. Товстуха начал забирать из всех архивов документы о Сталине – точнее, о его дореволюционной деятельности, для того чтобы написать полную биографию Сталина. Но никакой полной биографии не появилось. Гора родила мыш: результатом стала убудочная «Краткая биография Сталина». Поняли?

– Значит, он собирал документы...

– Да, чтобы никогда не публиковать. Точнее, он изымал документы. Впрочем, думаю, это придумал не он. Все были слугами... все делали то, что хотел Хозяин. Полученные документы о Сталине Товстуха тотчас отсылал ему. И они часто не возвращались обратно. Это объяснялось скромностью: Вождь не любит лишних упоминаний о себе. Лишними считались документы о его жизни до Октября. Передавали знаменитую сталинскую фразу: «Я не сделал тогда ничего такого, по сравнению с другими революционерами, о чем стоило говорить».

Просматривая бумаги, я часто вспоминал старика. Вот переписка Товстухи с признанным историком партии Емельяном Ярославским. В 1935 году Ярославский надумал написать подробную биографию Вождя. Он пишет Товстухе о своем желании познакомиться с источниками о жизни Сталина до Октября и спрашивает: как относится Товстуха к его идее.

И вот ответ Товстухи: «Отношусь скептически... материалов для нее пока, как говорится, кот наплакал... Архивные источники бедны, ничего не дают».

Опытный Ярославский все понял и тотчас изменил задачу: написал сталинскую биографию... без новых документов.

Есть общеизвестная версия: причиной охлаждения Сталина к Горькому было упорное нежелание того написать биографию Вождя. Но из архива Товстухи следует иное. Видимо, Горький сам просил у него материалы для биографии Сталина, ибо Товстухе пришлось ответить: «Посылаю вам, хотя и с опозданием, некоторые материалы, касающиеся биографии Сталина. Как и предупреждал, материалы довольно скудны...»

Опоздание с ответом Горькому – великому пролетарскому писателю и по такому поводу – могло означать лишь одно: писать биографию не надо. И Горький похоронил эту идею.

Все эти истории свидетельствовали: Сталин не хотел вспоминать жизнь революционера Кобы. И, сделавшись Генсеком, он не только изменил дату своего рождения. Как мы увидим в дальнейшем, он изменил целый ряд и дат и событий в жизни Кобы – будто хотел запутать будущих исследователей.

Но что же такое было в биографии Сосо и Кобы? Что внушало опасения Сталину?

Часть первая Сосо: Жизнь и смерть

Глава 1 Маленький ангел

Посмотрите на карту:

ведь Кавказ является центром мира... Английский путешественник

Город и семья

Под небом 1878 года на фоне далеких гор дремлет Гори – маленький городок, где родился Иосиф Джугашвили, Сосо – так по-грузински звала сына мать.

Горький, странствуя в конце XIX века по Кавказу, описал Гори: «Городок в устье реки Куры невелик – с порядочную деревеньку. Посреди – высокий холм. На холме крепость. На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды Куры, неподалеку горы, в них пещерный город, и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные нетающим снегом...»

Такова декорация, в которой начинается жизнь нашего героя. Но некую особую ноту в эту идиллию вносят грозные развалины. С крутой скалы смотрят на город руины замка феодалов, владевших когда-то краем и воевавших с грузинскими царями.

По мосту через Куру входим в городок... Гори просыпается с восходом солнца. Пока не наступила палящая жара, пастухи заходят во дворы – забирают коров; на балкончиках – заспанные люди; отпираются двери храмов – на утреннюю службу спешат старухи в черных одеждах. По бурной Куре несутся плоты. Уныло провожая глазами удалых плотогонов, водовозы набирают воду в кожаные мешки и везут по домам на тощих своих лошадях.

Длинная главная улица пересекает город. Когда-то царь Николай I посетил Гори – и улица называется Царской. Впоследствии, конечно, она станет улицей Сталина.

Двухэтажные дома и магазинчики прячутся между деревьями. Здесь, в нижней части города, живут богачи. Грузинские, армянские, азербайджанские и еврейские купцы из Гори торгуют по всему свету. Как и положено на Востоке, центром жизни является рынок – типичный восточный базар. В тесных рядах бесчисленных лавочек продается все – от спичек до драгоценностей. Прямо на улице работают портные, мерку снимают с заказчика так: посыпают землю золой, заказчик ложится, а портной садится на него верхом, прижимая к золе. Здесь же цирюльники стригут, моют головы, выдергивают зубы щипцами; торговцы играют в нарды и пьют вино.

Совсем иная жизнь в верхней части города, где живет сапожник Виссарион (Бесо)

Джугашвили. Здесь стоит его лачужка, в которой он поселился после свадьбы. Его жена Екатерина (Кэкэ) Геладзе родилась в семье крепостного крестьянина. Ее отец рано умер, но мать на скудные свои деньги все-таки выучила Кэкэ грамоте.

Будущий отец Вождя в Гори появился недавно, семья его жила в деревушке Диди-Лило, где Бесо и родился, а предки жили в горном селении – в Лиахвисском ущелье. Были они, как и Геладзе, крепостными, принадлежали воинственным феодалам – князьям Асатиани. Заза Джугашвили, прадед Сосо, участвовал в кровавом крестьянском бунте, был схвачен, жестоко высечен и брошен в тюрьму. Бежал, опять бунтовал, опять был схвачен, опять бежал. Тогда он и поселился в деревне Диди-Лило, близ Тифлиса, там женился и наконец обрел покой.

Сын старого бунтовщика Ваню в бунтах не участвовал, тихо-мирно прожил свою жизнь. Но после него остались два сына – Бесо и Георгий. Дух деда ожил во внуках. Буйного Георгия зарезали в пьяной драке, а Бесо, также преуспевший в драках и пьянстве, покинул тихое село и переехал в Тифлис. Там полуграмотный Бесо и стал сапожником, работал на большом кожевенном заводе Адельханова, поставлявшем сапоги для войск на Кавказе.

Так что впоследствии Сталин не зря всю жизнь носил сапоги.

Как-то Бесо заехал в Гори к друзьям-сапожникам. Девяносто два сапожника жили в городке – самый могущественный ремесленный цех. Там он и увидел шестнадцатилетнюю Кэкэ. В Грузии девушки созревают рано – в шестнадцать лет они считаются взрослыми женщинами... Полюбила ли она Бесо? У нищих людей, боровшихся за существование, здравый смысл часто назывался любовью. Она – бесприданница, он – сапожник, имеет верный кусок хлеба. Это был удачный брак...

Выписка из книги бракосочетавшихся за 1874 год: «17 мая сочетались браком: временно проживающий в Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили, вероисповедания православного, первым браком, возраст – 24 года; и дочь покойного горийского жителя крестьянина Глаха Геладзе Екатерина, вероисповедания православного, первым браком, возраст – 16 лет».

Бесо Джугашвили стал жителем Гори. Грузинскую свадьбу празднуют долго – по несколько дней пьют гости, играют музыканты. Так что уже во время свадьбы Кэкэ смогла многое понять в своем избраннике. В Грузии пьют весело, с бесконечными тостами, а Бесо пил мрачно, страшно, быстро пьянел и вместо грузинского застольного славословия тотчас лез в драку – гнев сжигал этого человека. Был он черен, среднего роста, худощав, низколоб, носил усы и бороду. Очень похож на него будет Коба...

Кэкэ – милостива, со светлой кожей, покрытой веснушками. Она была религиозна, знала грамоту и любила музыку.

Супруги были весьма различны.

Первые годы после замужества Кэкэ исправно рождает, но дети умирают. В 1876 году в колыбели умирает Михаил, затем Георгий. Мертвые братья Сосо... Природа будто противилась рождению ребенка у мрачного сапожника.

В Гори около развалин замка лежал странной формы камень – огромный круглый шар. Народная легенда связывала его с гигантом Амираном, который играл этим камнем, как мячом. Амиран – герой кавказского варианта легенды о Прометее. Но он был злым Прометеем, демоном разрушения – и боги приковали его цепью к вершине Кавказа. В Гори был древний обычай: в одну из ночей все кузнецы стучали по наковальням – чтобы не ушел со скалы в мир этот страшный дух разрушения.

Но тщетно стучали кузнецы. 6 декабря 1878 года у Кэкэ родился третий мальчик. Как молила

она Бога даровать жизнь младенцу! И свершилось: младенец остался жить.

Этот мальчик будет играть земным шаром, как Амиран – каменным мячом.

Домик сапожника Бесо сохранился до сих пор. В годы величия Сталина лачужку накроют мраморным павильоном. Ученик Духовной семинарии, он помнил: так поступили с яслями, где родился Спаситель.

Одноэтажный кирпичный домик... У входа, прямо на улице, тачал сапоги мрачный Бесо. В единственной комнатке ютились отец, мать и сын. Впрочем, был еще прокопченный, темный подвал. Скудный свет через окошечко освещал деревянную колыбель. Его колыбель...

Итак, Сосо выжил. Слабенького младенца в благодарность за дарованную ему жизнь Кэкэ решает посвятить Богу: Сосело («маленький Сосо» – так она нежно зовет его) должен стать священником.

Квартал, где находится домик Бесо, называли «русским»: неподалеку были казармы, где стояли русские солдаты. И Сосо дети часто зовут «русским» – человеком из русского квартала.

Это останется в его подсознании. Никогда в нем не проснется чувство грузинского национализма. Только первый, полудетский революционный псевдоним будет связан с Грузией. Став профессиональным революционером, он будет жить в подполье только под русскими именами. И о своей родине впоследствии отзовется насмешливо: «Маленькая территория России, именуемая себя Грузией».

Мать: постыдные слухи и правда

Темно детство нашего героя. Мраморный павильон, накрывший домик Бесо, скрывает загадки... «Мои родители были простые люди, но они совсем неплохо обращались со мной», – сказал Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Но в Грузии рассказывали и совсем иное...

Из беседы с М. Хачатуровой: «Я жила в Тбилиси до семнадцати лет и была хорошо знакома с одной старухой, прежде жившей в Гори. Она рассказывала, что Сталин называл свою мать не иначе как проституткой. В Грузии даже самые отъявленные разбойники чтят своих матерей, а он после 1917 года, может быть, два раза навестил свою мать. Не приехал на ее похороны».

Из письма Н. Гоглидзе: «Его мать никогда не приезжала к нему в Москву. Можно ли представить грузина, который, став царем, не позовет к себе свою мать? Он никогда не писал ей. Не приехал даже на ее похороны. Говорят, открыто называл ее чуть ли не старой проституткой. Дело в том, что Бесо жил в Тифлисе и не присылал им денег – все пропивал этот пьяница. Кэкэ должна была сама зарабатывать на жизнь, на учение сына – она ходила по домам к богатым людям, стирала, шила. Она была совсем молодая. Дальнейшее легко представить. Даже при его жизни, когда все всего боялись, люди говорили: «Сталин не был сыном неграмотного Бесо». Называли фамилию Пржевальского».

Пржевальский, знаменитый путешественник, действительно приезжал в Гори. Его усатое лицо в энциклопедиях сталинского времени подозрительно похоже на Сталина.

Гоглидзе: «После смерти Сталина, когда исчез страх, стали называть еще несколько имен предполагаемых отцов – среди них был даже еврей-купец. Но чаще всех называли Якова Эгнаташвили. Это был богатый виноторговец, любитель кулачных боев. И у него тоже

работала Кэкэ. Недаром Яков Эгнаташвили платил за учение Сосо в семинарии. Говорили, что Сталин в его честь назвал Яковом своего первого сына... Я видел портрет этого богатыря-грузина. Нет, это совсем не тщедушный Сосо... Конечно, когда Бесо возвращался из Тифлиса, он узнавал все эти слухи. Может, поэтому он так бил маленького Сосо? И жену он бил смертно. И когда Сталин вырос – он, как всякий грузин, не мог не презирать падшую женщину. Оттого никогда не приглашал мать в Москву, не писал ей».

Из письма И. Нодия: «Еще при его жизни, когда за любое не так сказанное слово о нем исчезали, люди свободно рассказывали, что он незаконный сын великого Пржевальского. Эти ненаказуемые рассказы могли быть только с высочайшего одобрения. В этом была не только ненависть Сталина к пьянице-отцу, но и государственный интерес. Он уже стал царем всея Руси и вместо неграмотного грузина-пьяницы захотел иметь знатного русского папашу. Но в Грузии согрешившая замужняя женщина – падшая женщина. Это родило грязные легенды о его матери...»

Летом 1993 года я получил разрешение работать в Архиве президента. И вот я вхожу в Кремль через Спасские ворота – через них когда-то въезжала в Кремль вереница одинаковых черных автомобилей, которую возглавляла машина Вождя.

Как и его автомобиль, я сворачиваю вправо. Ибо Архив президента находился в 1993 году в бывшей квартире Сталина в Кремле. Она перестроена, но остались высокие двери со стеклянными ручками, которые знали тепло его рук, старое зеркало, хранящее его отражение. Я сижу под его потолком и просматриваю его личные бумаги: «Медицинская история пациента Кремлевской поликлиники И.В. Сталина», такая же «История» его таинственно погибшей жены, его переписка с женой, с детьми и... его письма к матери!

Да, все оказалось ложью – и о его ненависти к матери, и о «проститутке». Он любил ее, он писал ей, как и положено сыну. Все годы писал – до самой ее смерти. Пожелтевшие маленькие листочки, исписанные по-грузински крупными буквами (мать так и не выучилась по-русски)...

После революции он поселил ее – бывшую прачку и служанку – в бывшем дворце наместника Кавказа. Но она заняла только крохотную комнатку, похожую на комнатку в их лачужке. В ней сидела вместе с подругами – такими же одинокими старухами в черных одеждах, похожими на ворон.

Он писал ей короткие письма. Как объяснит впоследствии его жена, он ненавидел длинные личные послания.

«16 апреля 1922 г. Мама моя! Здравствуй, будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные...»

И почти каждое письмо он заканчивает традиционным грузинским пожеланием: «Живи десять тысяч лет, дорогая мама».

Обычные письма любящего сына: он шлет ей фотографии жены, детей, шлет деньги, лекарства, просит не унывать в ее болезнях. И заботится, чтобы вместе с его краткими письмами жена писала ей длинные письма.

Отрывок из письма жены к его матери: «У нас все благополучно. Мы ждали Вас к себе, но, оказалось, Вы не смогли...»

Да, все наоборот: мать зовут, приглашают приехать, но она не приезжает. И при этом мать не прощает своему по горло занятому сыну малейшего невнимания. И ему приходится оправдываться:

«Здравствуй, дорогая мама моя... Давно от тебя нет писем – видно, обижена на меня, но что делать, ей-богу занят». «Здравствуй, мама моя. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но что поделаешь – много работы свалилось на голову и не сумел выкроить время для письма».

По-прежнему он продолжает звать мать в Москву. И по-прежнему она не приезжает. В одном из последних своих писем его жена пишет безнадежно: «Но лето не за горами, может быть, увидимся. А то приезжайте Вы к нам как-нибудь?.. Да, очень неловко, что Вы всегда нас балуете посылками...»

Итак: баловала посылками, но не приезжала. Впрочем, и он к ней не приезжал. Отдыхает совсем рядом на Кавказе, но не едет... Или боится ехать? Во всяком случае, только в 1935 году, зная, что она сильно болеет и, видно, ему более ее не увидеть, он к ней приезжает. Их встреча была превращена пропагандой в святочный рассказ. Но два эпизода правды проскользнули:

– Почему ты меня так сильно била? – спросил он свою мать.

– Потому ты и вышел такой хороший, – ответила Кэкэ.

И еще:

– Иосиф, кто же ты теперь будешь? – спрашивает мать.

Трудно не знать, кем стал ее сын, чьи портреты развешаны на каждой улице. Она попросту хотела дать ему погордиться.

И он погордился:

– Царя помнишь? Ну, я вроде царь.

Вот тут она и сказала фразу, над наивностью которой тогда добро смеялась страна:

– Лучше бы ты стал священником.

Эти слова понравились Сталину и стали тогда широко известны: о них рассказывала интеллигенция, они сохранились в воспоминаниях лечившего старую Кэкэ врача Николая Кипшидзе. Между тем в ответе верующей женщины заключалась ее трагедия, разгадка взаимоотношений с сыном.

Бить!

Конечно, пьяница Бесо был истинным отцом Сосо – достаточно сравнить изображения отца и сына. Иначе и быть не могло: Кэкэ – чистая, глубоко религиозная девушка. Да и в год рождения Сосо они еще не разлучались: Бесо жил тогда в Гори, работал по заказам тифлисской фабрики Адельханова – тачал свои сапоги. И пил.

Врач Н. Кипшидзе вспоминал рассказы Кэкэ: «Однажды пьяный отец поднял сына и с силой бросил его на пол. У мальчика несколько дней шла кровавая моча».

Несчастливая Кэкэ во время всех этих пьяных ужасов, схватив перепуганного ребенка, убегала к соседям. Но она выросла, тяжелый труд закалил ее, и отпор молодой женщины с каждым годом становился сильнее, а пьяница Бесо слабел. Теперь Кэкэ безбоязненно вступала в

рукопашные схватки с мужем. Бесо стало неудобно в доме, он не чувствовал себя властелином. А без этого невозможно мрачному азиату – потому, видимо, он и решил уехать в Тифлис.

Кулак, насилие и беспощадную борьбу видел с рождения маленький Сосо.

Бесо уезжает, мать и сын остаются вдвоем. Но мальчик похож на отца не только лицом... «Жуткая семейная жизнь ожесточила Сосо. Он был дерзким, грубым, упрямым ребенком» – так описала его стодвенадцатилетняя Хана Мошиашвили, подруга Кэкэ, грузинская еврейка, переехавшая в 1972 году в Израиль из Грузии.

Мать, ставшая главой семьи, кулаком смирявшая мужа, теперь воспитывает сына одна, беспощадно бьет за непослушание. Так что он имел все основания спросить ее впоследствии: «Почему ты меня так сильно била?»

Бить! – входит навсегда в его подсознание. Это слово станет у него самым любимым в борьбе с политическими противниками.

И еще одно жестокое чувство было заложено в нем с детства.

Антисемитизм не присущ Кавказу – это некая Вавилонская башня, здесь издревле живут бок о бок бесчисленные народы. Князь А. Сумбатов писал: «Грузия никогда не знала гонений на евреев. Недаром по-грузински нет оскорбительного слова «жид», но есть единственное слово «урия» – еврей».

Евреи в Грузии были мелкими торговцами, портными, ростовщиками и сапожниками. Евреи-сапожники прекрасно тачали грузинские сапоги на любой вкус. И за то, что они были состоятельными, за то, что в совершенстве знали свое ремесло, их ненавидел пьяный неудачник Бесо. С раннего детства отец преподает Сосо начатки злобы к этому народу.

С отъездом Бесо Кэкэ продолжает исполнять обет: маленький Сосо должен стать священником. Нужны деньги на учение, и она берется за любой труд: помогает убираться, шьет, стирает. Кэкэ знает: у мальчика необыкновенная память, он способен к наукам и музыкален, как мать, а это так важно для церковной службы. Кэкэ часто работает в домах богатых торговцев-евреев – туда рекомендовала ее подруга Хана. С нею приходит худенький мальчик. Пока она убирает, смысленный малыш забавляет хозяев. Он им нравится, этот умный ребенок.

Одним из таких хозяев был Давид Писмамедов, еврей из Гори. «Я часто давал ему деньги, покупал учебники. Я любил его, как родного ребенка, он отвечал взаимностью...» – вспоминал он. Если бы он знал, как горд и самолюбив этот мальчик! Как ненавидел каждую копейку, которую брал!

Через много лет, в 1924 году, старый Давид поехал в Москву и решил навестить мальчика Сосо, ставшего тогда Генеральным секретарем правящей партии.

«Меня не пустили к нему сначала, но когда ему сообщили, кто хочет его видеть, он вышел сам, обнял меня и сказал: «Дедушка приехал, отец мой».

Как хотелось Сталину, чтобы Давид, когда-то большой богач, увидел, кем стал он, жалкий попрошайка! До конца своих дней он наивно продолжал сводить счеты со своим нищим детством...

Но именно в детстве униженность любимой матери, вечное недоедание и нищета родили в болезненно самолюбивом мальчике ненависть. Прежде всего к ним – к богатым торговцам-евреям.

Хана Мошиашвили вспоминает: «Маленький Иосиф привык к нашей семье и был нам как родной сын... Они часто спорили – маленький и большой Иосиф (мой муж). Подросши, Сосо часто говорил большому Иосифу: «Я тебя очень уважаю, но смотри: если не бросишь торговлю, не пощажу». Русских евреев он всех недолюбливал».

Эти же мысли через много лет выскажет его сын Яков. Попав в плен во время войны, он говорит на допросе: «О евреях я могу только сказать: они не умеют работать. Главное, с их точки зрения, – это торговля».

К этому примешивалось чувство ревнивой обиды. Именно тогда поползли темные сплетни о матери, которая ходит по домам богатых евреев. Так формировался у маленького Сосо странный для Кавказа антисемитизм.

Его друг Давришеви вспоминал, как бабушка читала им Евангелие, историю предательского поцелуя Иуды. Маленький Сосо, негодуя, спросил:

– Но почему Иисус не вынул саблю?

– Этого не надо было делать, – ответила бабушка. – Надо было, чтоб Он пожертвовал собой во имя нашего спасения.

Но этого маленький Сосо понять не в силах: все детство его учили отвечать ударом на удар. И он решает сделать самое понятное – отомстить евреям! Он уже тогда умел организовать дело и остаться в стороне, страшась тяжелой руки матери. План Сосо осуществили его маленькие друзья – пустили в синагогу свинью. Их разоблачили, но Сосо они не выдали. И вскоре православный священник сказал, обращаясь к прихожанам в церкви: «Есть среди нас заблудшие овцы, которые несколько дней назад свершили богохульство в одном из домов Бога».

И этого Сосо понять не мог. Как можно защищать людей другой веры?

«Ангельские голоса»

В 1888 году мечта Кэкэ исполнилась: сын поступил в Горийское духовное училище. Мы можем увидеть нашего героя в день поступления глазами его сверстника: «На Сосо новое синее пальто, войлочная шляпа, шею облегал красивый красный шарф». Мать позаботилась – он был не хуже других.

Кэкэ решает поменять клиентуру: теперь она стирает и убирает в домах его учителей.

Большое двухэтажное здание Горийского духовного училища... Во втором этаже – домовая церковь. В ней впервые увидел Сосо другой ученик, Давид Сулиашвили. Он вспоминал: «Во время церковного поста пели трое. Это была Покаянная молитва. Певцы подбирались с лучшими голосами, и одним из них всегда был Сосо. Вечернее богослужение, три мальчика, облаченные в стихари, стоя на коленях, распевают молитву... Ангельские голоса трех детей, открыты золотые царские врата, воздел руки священник – и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц...»

Давид Сулиашвили, как и Сосо, окончит духовное училище, как и Сосо, станет профессиональным революционером, как и Сосо, влюбится в Кето Сванидзе, которую отобьет у него Сосо. Дальше их пути несколько разойдутся: его удачливый соперник станет Вождем страны, а Сулиашвили отправится в лагерь вместе с другими старыми большевиками...

Но сейчас они вместе стоят на коленях в маленькой церкви...

Глава 2 Загадки детства и юности

«Три мушкетера»

Вспоминает Михаил Церадзе (он также учился в Горийском духовном училище): «Любимой игрой Сосо был «криви» (коллективный ребячий бокс). Было две команды боксеров – те, кто жили в верхнем городе, и представители нижнего. Мы лупили друг друга беспощадно, и маленький щедушный Сосо был одним из самых ловких драчунов. Он умел неожиданно оказаться сзади сильного противника. Но упитанные дети из нижнего города были сильнее».

И тогда Церадзе, самый сильный боксер города, предложил ему: «Переходи к нам, наша команда сильнее». Но он отказался – ведь в той команде он был первым!

И еще: он умел подчинять. Он организовал компанию из самых сильных мальчишек, назвал их – «Три мушкетера». Петя Капанадзе, тот же Церадзе, Гриша Глурджидзе – имена мальчиков, безропотно выполнявших все приказания малорослого д'Артаньяна – Сосо.

Став Сталиным и уничтожив сподвижников революционера Кобы, он сохранит странную для него сентиментальную привязанность к друзьям маленького Сосо. В голодные годы войны он исправно посылает Пете, Мише и Грише немалые по тем временам деньги... «Прими от меня небольшой подарок. Твой Сосо», – нежно пишет 68-летний Сталин в очередной записочке 70-летнему Капанадзе. Эти записочки остались в его архиве.

Церадзе: «Никогда он не забывал нас, присылал мне открытки с ласковым приветом: «Живи тысячу лет».

Все четыре года в духовном училище Сосо – первый ученик. Ученикам не разрешалось выходить из дома по вечерам. «Надзиратели, которых посылали проверять, всегда находили Сосо дома занятого уроками», – вспоминал один из друзей его детства. Пока мать прибиралась в чужих домах, он прилежно учился. Она счастлива: сын будет священником!

Разные учителя преподавали в училище. Одного из них, Дмитрия Хахуташвили, ученики запомнили на всю жизнь. Он ввел на уроках воистину палочную дисциплину. Мальчики должны были сидеть не шевелясь, положив руки на парту перед собой и глядя прямо в глаза страшному учителю. Если кто-то отводил глаза – тотчас получал линейкой по пальцам. Учитель любил повторять: «Глаза бегают – значит, мерзость затеваешь».

Силу пристального взгляда и страх человека, не смеющего отвести глаза, маленький Сосо запомнил навсегда. (Вспомним рассказ Борисова: «Мы все знали фразу Сталина: «Глаза бегают – значит, на душе не чисто».)

Сурово воспитывали в училище. Но были исключения: Беляев, смотритель училища, – добрый, мягкий. Но ученики его не боялись и оттого не уважали. Сосо запомнит и этот урок.

Однажды Беляев повел мальчиков в Пещерный город – загадочные пещеры в горах. По пути бежал мутный, широкий ручей. Сосо и другие мальчики перепрыгнули, а тучный Беляев не смог. Один из учеников вошел в воду и подставил учителю спину. И все услышали тихий

голос Сосо: «Ишак ты, что ли? А я самому Господу спину не подставлю».

Нога и рука

Он был болезненно горд – это часто бывает с теми, кого много унижали. И вызывающе груб, как многие дети с физическими недостатками.

Мало того, что он тщедушен и мал, его лицо покрыто оспинами – следами болезни, перенесенной в шестилетнем возрасте. Рябой – такова будет его кличка в жандармских донесениях.

«Он прекрасно плавал, но стеснялся плавать в Куре. У него был какой-то дефект на ноге, и мой прадедушка, учившийся с ним в старших классах, как-то поддразнил его, что он прячет в туфле дьявольское копыто. Но это ему дорого обошлось. Сосо тогда ничего не сказал. Прошло больше года. В то время за Сосо, как собачка на привязи, ходил главный силач училища Церадзе. Прадедушка уже все забыл, когда Церадзе жестоко избил его». (Из письма К. Дживилегова.)

Я читаю «Медицинскую историю И.В. Сталина». На одной из страниц написано: «Сращивание пальцев левой ноги».

На бесчисленных картинах Сталин часто изображен с трубкой в левой, слегка согнутой руке. Эта знаменитая трубка, ставшая частью его облика, на самом деле должна была скрывать искаленную левую руку. Надежде Аллилуевой, своей второй жене, он объяснял в 1917 году, что в детстве в него врезался фаэтон, и так как не было денег на доктора, ушиб загноился, и рука скрючилась. Эту же версию, записанную с его слов, я нашел в его «Медицинской истории»: «Атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба в шестилетнем возрасте с последующим длительным нагноением в области локтевого сустава».

Но опять начинаются загадки. Действительно, в детстве катастрофа с фаэтоном была. Но вот как она описана очевидцем С. Гоглицидзе: «Вдень Крещения возле моста через Куру собралось множество народу. Никто не заметил, как с горы мчался фаэтон, потерявший управление. Фаэтон врезался в толпу, налетел на Сосо, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но, по счастью, колеса проехали лишь по ногам мальчика. Собралась толпа, на руках отнесли Сосо домой. При виде искаленного мать не смогла сдержать вопль. Доктор объявил, что внутренние органы не повреждены. Через несколько недель он вернулся к занятиям».

И другой свидетель тоже рассказывает о ноге, покалеченной фаэтоном. И действительно – если бы фаэтон проехал по руке, скорее всего, повредил бы «внутренние органы». Итак – по ноге! И доктор был, и быстро вылечил. И ни слова об искаленной руке.

Видимо, эта искаленная рука к его детству отношения не имеет. Она относится к будущим опасным и темным временам нашего героя – к будущим нашим главам.

Но мы забыли про Бесо. Он иногда возвращался. Своеволие жены по-прежнему приводило его в ярость. Она мечтает о сыне-священнике? Значит, этого не будет!

«Ты хочешь, чтобы твой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого, я сапожник, и он будет им», – часто говорил Бесо. Он попросту увез мальчика в Тифлис и определил на фабрику Адельханова: маленький Сосо помогал рабочим, прислуживал старикам. Но Кэкэ уже не боялась мужа – приехала в Тифлис и увезла сына. Беляев помог ей

снова определить мальчика в училище», – вспоминал Гоглицидзе.

Она еще раз победила мужа, еще раз унизила его. После этого Бесо больше никогда не возвращался в Гори. Он исчез. Сверстники Сосо и его биографы пишут: «Погиб в пьяной драке».

А что говорил сам Сосо?

Через несколько лет после «смерти отца в пьяной драке», в 1909 году, он был в очередной раз арестован полицией за революционную деятельность и отправлен в Вологду. Сохранились «сведения о поднадзорном» из Дела № 136 Вологодского жандармского управления.

«Иосиф Виссарионов Джугашвили, грузин из крестьян. Имеет отца Виссариона Иванова 55 лет и мать Екатерину. Проживают: мать в Гори, отец ведет бродячую жизнь».

30 июня 1909 года вновь записано: «Отец Виссарион... ведет бродячую жизнь». И только в 1912 году в жандармских бумагах будут иные показания сына: «Отец умер, мать живет в Гори».

Что это? Его страсть запутывать жандармов? Или... отец действительно тогда был жив и где-то бродяжничал? И однажды попросту исчез? В пьяной драке когда-то погиб брат Бесо. Не попытались ли объяснить тем же исчезновение самого Бесо?

Начало

Тускла, одинакова горийская жизнь. Одним из самых сильных впечатлений Сосо была публичная казнь двух преступников.

13 февраля 1892 года. Тысячная толпа собралась у помоста. Отдельно в толпе – учащиеся и преподаватели духовного училища. Считалось, что зрелище казни должно внушать чувство неотвратимости возмездия, боязнь преступления.

Из воспоминаний Петра Капанадзе: «Мы были страшно подавлены казнью. Заповедь «не убий» не укладывалась с казнью двух крестьян. Во время казни оборвалась веревка, но повесили во второй раз».

В толпе у помоста были двое будущих знакомцев: Горький и Сосо. Горький описал казнь, а Сосо запомнил. И понял: можно нарушать заповеди. Может быть, тогда и зародилась в его голове мысль: а не обманывают ли его в духовном училище?

Начав подозревать, он никогда не мог остановиться.

В 1894 году Сосо блестяще закончил училище – «по первому разряду» – и поступил в первый класс Тифлисской духовной семинарии.

Тифлис – веселый, пьяный, залитый солнцем город. Новый мир, который увидел маленький Сосо... Если взять «Каталог фотографических видов и типов Кавказа», изданный в начале века, вы увидите буйную тифлисскую толпу: важного грузина в черкеске, говорливых ремесленников, сидящих в своих мастерских, музыкантов-зурначей, удалых кинто – уличных торговцев, которые всегда навеселе...

Учащиеся жили в большом здании, отделенные стенами от полного соблазнов южного

города. Суровый, аскетический дух служения Господу царил в семинарии.

Раннее утро, когда так хочется спать, но надо идти на молитву. Торопливое чаепитие, долгие классы, и опять молитва, затем скудный обед, короткая прогулка по городу. И вот уже закрылись ворота семинарии. В десять вечера, когда город только начинал жить, учащиеся уже отходили ко сну после молитвы. Так началась юность Сосо.

«Мы чувствовали себя как арестанты, которые должны провести здесь без вины молодые годы», – писал его соученик Иосиф Иремашвили.

Многие из этих пылких, рано созревших юношей были совсем не готовы к такому служению. И они нашли иное учение. Оно позволило им наслаждаться радостями жизни и одновременно удовлетворило ту жажду жертвенности, высокого смысла, которую поселили в них чтение святых книг и благородные мечты юности. Старшие мальчики рассказывали о неких запретных организациях. Как и первые христиане, члены этих организаций провозгласили своей целью жертвенное служение на благо человечества.

Опасные идеи

Российская империя – крестьянская страна с вековыми традициями рабства: только во второй половине XIX века было отменено крепостное право. Порой ее сотрясали кровавые крестьянские бунты, но так же кроваво они усмирялись. И опять в необозримой стране наступали покорность и сон разума.

«Нация рабов. Все рабы снизу доверху» – так сказал о своей стране один из зачинателей революционного движения, Николай Чернышевский. Старинная форма землевладения, господствующая в деревне, отчасти объясняла рабскую покорность – это была община, давно уничтоженная в Западной Европе. Отдельный крестьянин не имел права на землю, землей владели все. Община все решала коллективно. Любая бунтарская личность растворялась в этой массе – забитой и покорной.

Русские цари дорожили общиной, однако ее ценили и... первые революционеры. Но если царь видел в общине сохранение великого прошлого, то Герцен и Чернышевский – первые русские радикалы – увидели в ней великое будущее. Коллективная собственность, коллективные решения – это и были те социалистические инстинкты, которые позволят России миновать бессердечный капитализм и сразу войти в социализм. Для этого надобно только революционизировать неграмотного мужика. Нужны агитаторы, новые апостолы. «К топору зовите Русь!»

И царь, и революционеры были правы. Без общинного сознания были невозможны ни трехсотлетняя монархия Романовых, ни последующая победа большевиков. Хотя первый опыт встречи революционеров с реальным народом оказался печальным.

В 1874 году сотни молодых людей (как правило, из состоятельных семей) приняли фиктивные имена, раздобыли фальшивые паспорта и отправились звать к бунту русского мужика. Но «хождение в народ» встретило неприятие крестьян. Большинство неудачливых «апостолов» были схвачены полицией или самими мужиками.

Между тем развитие революционных идей бурно шло в среде интеллигенции. Одним из главных «властителей дум» русского народничества стал публицист Петр Ткачев. Уже в семнадцать лет, студентом юридического факультета Петербургского университета, он вступил в революционное движение, был арестован, посажен в Петропавловскую крепость...

Впоследствии Ткачев сумел скрыться за границу, где стал признанным вождем русских якобинцев. В эмиграции издавал антиправительственный журнал «Набат», потом психически заболел и окончил жизнь в приюте для душевнобольных. Ему был всего сорок один год.

Ткачев провозглашает уже нечто новое. Оказывается, для успеха революции совсем не нужно общенародное восстание. Революция – дело узкого круга, ее успех может быть результатом удавшегося заговора революционеров-вождей. Они должны захватить власть в стране и уже потом преобразовать привыкшее к рабской покорности русское общество, на всех парах помчаться русский народ в социализм – в светлое будущее. Но во имя светлого будущего предполагалось истребить большинство населения, которое по неразвитости будет мешать идти в рай социализма. Когда Ткачева спросили: «Сколько людей из старого общества придется уничтожить, чтобы создать счастливое будущее?», он ответил: «Нужно думать о том, сколько их можно будет оставить».

Среди столпов революционного народничества был Михаил Бакунин – отец русского анархизма. Его идеи легли в основу знаменитого «Катехизиса революционера», написанного Сергеем Нечаевым – создателем тайного общества с характерным названием «Народная расправа». «Катехизис» предписывал порвать с законами цивилизованного мира: «Наше дело – страшное, повсеместное разрушение... Быть беспощадным, но не ждать пощады к себе и быть готовым умереть. Для дела разрушения строя проникать во все круги общества, включая полицию... Эксплуатировать богатых и влиятельных людей, подчиняя их себе. Усугублять всеми средствами беды и несчастья народа, чтобы исчерпать его терпение и толкнуть на восстание... Соединиться с диким разбойничьим миром – этим единственным революционером в России...»

У каждого «посвященного» революционера должно быть под рукой несколько революционеров «второго и третьего разрядов», то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на «часть общего капитала, отданную в его полное распоряжение».

«Титан революции, один из пламенных революционеров» – так называл Бакунина Ильич», – вспоминал Владимир Бонч-Бруевич слова молодого Ленина.

Новые апостолы

Многие русские революционеры, которым было запрещено жить в столице, выбирали для жительства благодатный Тифлис. С ними часто встречались умные семинарские мальчишки. Знакомится со ссыльными и Сосо. От них он и получил «Катехизис».

После отбоя, при свете огарка, читал он новые заповеди.

Без Ткачева, без «Катехизиса революционера» не понять ни нашего героя, ни всю историю России XX века.

Но особенно привлекательными, вызывающими испуг и сладкую дрожь семинаристов были идеи революционного террора.

Опасаясь капитализма в России, который разрушал общину – оплот будущего социализма, – революционеры решили ускорить падение строя, свергнуть царизм постоянными покушениями на его слуг – виднейших государственных деятелей – и самого царя. Им удалось убить царя Александра II... Но вместо ожидаемого народного взрыва начался мрачный период царствования Александра III.

Именно в это время из народничества выделяются марксисты. Их первые вожди символичны: Георгий Плеханов, сын русского помещика, и нищий еврей Павел Аксельрод. Они восприняли марксизм по-русски, как Библию, которая предсказывает будущее. Согласно Великому учению, русские последователи Маркса стали ждать плодов развития капитализма в России, поскольку, как учил немецкий философ, капитализм порождает своего убийцу – пролетариат, который неминуемо свершит социалистическую революцию. Смущало, правда, то, что ждать было долго, ибо грозный убийца капитализма, как и сам капитализм, был в России в младенческом состоянии. Но русские марксисты решили с пеленок вести его к революции, создав для этого партию пролетариата.

Марксизм быстро завоевывает Тифлисскую духовную семинарию. Семинаристам легко усваивать марксистские идеи: жертвенное служение нищим и угнетенным, презрение несправедливому богатству, обещание царства справедливости с воцарением нового мессии – Всемирного пролетариата – все это отчасти совпадало с тем, что было посеяно религиозным воспитанием. Отменялся только Бог. Но взамен они получали возможность жить в миру, наслаждаться его утехами. Отменялось малопонятное их возрасту «добром отвечать на зло», а вместо этого юным дикарям, сынам воинственного народа, даровалось право быть беспощадными к врагам их нового мессии. Вопрос маленького Сосо: «Почему Иисус не вынул саблю?» – был разрешен. И главное: униженное положение большинства из них, находившихся внизу социальной лестницы, объявлялось несправедливым. Они получали право самим его изменить.

Теперь Сосо – постоянный слушатель всех марксистских диспутов. И все заманчивее звучит для гордого, нищего мальчика великое обещание революции: «Кто был ничем – тот станет всем».

«В революционное движение вступил с 15 лет», – напишет он впоследствии.

Поэт

Его характер изменился, прошла веселость, любовь к играм. «Он стал задумчив, казался мрачным и замкнутым, – пишет его сверстник, – он не расстается с книгой». Точнее – с новыми книгами. В это время Сосо уже владел тайной. Он сказал сверстнику: «Бога нет, они обманывают нас». И показал испуганному мальчику книгу Дарвина. Именно тогда он научился таить. Он, тайный неверующий, по-прежнему блестяще отвечает на уроках, где религия – смысл и содержание. Двоедушие становится его повседневной жизнью.

Его расставание с прошлым, его одиночество находят выражение в стихах, что обычно для юноши. Он посылает стихи в «Иверию». Журналом руководит король грузинских поэтов – князь Илья Чавчавадзе.

«Иверия» печатает стихотворения Сосо – обычные юношеские грезы о луне, цветах. Семь стихотворений в 1895–1896 годах опубликовал в журнале поэт Сосо. Первое – бравурное, счастливое:

Цвети, родная Иверия!

Ликуй, родимый край...

Последнее – трагическое:

Там, где раздавалось бряцание его лиры,
Толпа ставила фиал, полный яда, перед гонимым
И кричала: «Пей, проклятый!
Таков твой жребий, твоя награда за песни.
Нам не нужна твоя правда и небесные звуки!»

Сосо готовится к жертвенному пути. Он помнит слова «Катехизиса»: «Революционер есть человек обреченный».

Согласно легенде, Чавчавадзе верил в будущее поэта. Даже напутствовал: «Следуй этой дорогой, сын мой». Возможно, это не только легенда: в 1907 году «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской поэзии» перепечатала раннее стихотворение Сосо.

Но в том году наш поэт уже слагал совсем иные стихи...

Стихи оказались его последним «прости» маленькому Сосо.

В это время родилось его новое имя. Как и положено поэту, он увлекся литературным персонажем. Коба – имя героя любимого произведения его юности, написанного писателем Казбеги. Коба – грузинский Робин Гуд, бесстрашно грабивший богатых. Все то же нечаевское: «Соединиться с диким разбойничьим миром – этим единственным революционером в России».

Интересно и название его любимого произведения – «Отцеубийца». Все правильно: он восстал против Отца. И именно в это время он убил в себе Отца.

Бывший блестящий ученик Духовной семинарии Сосо – ныне революционер Коба. Это имя на долгие годы станет его главной кличкой.

Два революционера

В это время в сибирской ссылке жил революционер. Он был всего на восемь лет старше Кобы. Ему суждено сыграть необычайную роль в его жизни. XX век запомнит этого революционера под именем Ленин.

Как не похожи эти двое...

Сын действительного статского советника, потомственный дворянин, Ленин рос в интеллигентнейшей русской семье. Его родители обожали своих детей. Отец, отдавший всю жизнь делу просвещения, был попечителем учебных заведений... И сын пьяного сапожника, не видевший от отца ничего, кроме побоев, и от жизни ничего, кроме нищеты...

И при этом: как странно они похожи!

В детстве Ленин – резок, заносчив. Как Коба.

Ленин – нетерпелив, вспыльчив и при этом может быть удивительно выдержан, скрытен и холоден. Как Коба.

Оба были поэтическими натурами. Юный Ленин бродит по аллеям дедовского поместья, зачитываясь чувствительным романом о любви – «Дворянским гнездом» Тургенева. Юный Коба пишет сентиментальные стихи. Оба при маленьком росте фанатично, почти болезненно стремились быть первыми – уже в детских играх.

Оба рано теряют отцов, оба – кумиры своих матерей.

Оба не собирались быть революционерами. Ленин стал им после того, как его старший брат был повешен за участие в попытке покушения на Александра III. Ленин испытал огромное потрясение: его брата, честного, доброго юношу, отправили на виселицу! Стрдание матери, внезапное изменение положения в обществе – и вот он уже возненавидел несправедливость жизни. Любимое сочинение казненного брата – роман Чернышевского «Что делать?» – по выражению Ленина, «перепахал» его. Так же, как «Отцеубийца» «перепахал» Кобу.

Грубое романтически-бульварное чтение Кобы и книга знаменитого философа-революционера были похожи. Их главная мысль – устранение несправедливости насилием.

И оба, вступая в революцию, твердо усвоили: настоящий революционер должен быть беспощадным и не бояться крови. Оба имели преданных сторонников и обладали секретом «харизмы» – гипнотического влияния на людей, господства над ними.

Глава 3 Конец Сосо

На рубеже столетий

Кобе удастся установить контакты с революционным подпольем. Стихи прекратились. Навсегда. Теперь во время отлучек из семинарии он руководит рабочими марксистскими кружками и вступает в социал-демократическую организацию «Месаме-Даси».

В 1898 году его имя становится одним из главных в журнале проступков учеников: «О чтении воспитанником И. Джугашвили запрещенных книг», «Об издании И. Джугашвили нелегального рукописного журнала»... На укоризненные слова учителей он научился отвечать презрительной улыбкой. Он презирает этих обманщиков, служащих несуществующему Богу.

Он перестает хорошо учиться – не хочет тратить напрасно время.

Но самое интересное: он стал одним из главных действующих лиц семинарской жизни. Вся семинария делится на его друзей и врагов. Но и враги боятся его скрытного, мстительного характера, его утонченных издевательств и грубых вспышек его гнева. И мести его друзей. Самые сильные мальчики в каком-то рабском подчинении у тщедушного семинариста с маленькими глазками, которые в ярости загораются опасным желтым огнем.

В Грузии ценится мужская дружба. У него много друзей. Точнее, тех, кто поверил, что они его

друзья. На самом деле и тогда, и в будущем он одинок. Просто есть юноши, которых он убеждает в своей дружбе и использует их в борьбе с другими юношами, которых считает своими врагами. Иосиф Иремашвили, который много будет писать о нем в своей книге воспоминаний, пылкий Миша Давиташвили, бывший его верной тенью... сколько их было и будет, веривших в его дружбу...

А записи проступков в журнале продолжались: «Читал недозволенные книги», «Грубое объяснение с инспекцией», «Обыску Иосифа Джугашвили, искали недозволенные книги»...

Он будто провоцирует администрацию исключить его из семинарии.

Почему он не ушел сам? Страх перед матерью? В тот период он уже не ездил домой на каникулы – видно, не хотел объяснений с ней.

В 1899 году свершилось: он исключен. «Вышиблен из семинарии за пропаганду марксизма» – так он объяснит сам. Но...

На самом деле Коба предпочел избавиться от семинарии куда более безопасным способом. Передо мной «Выписка из журнала общего собрания правления Духовной семинарии об увольнении Иосифа Джугашвили из семинарии за неявку на экзамен».

Как всегда, он действовал осторожно.

В конце умиравшего века он определил свой путь, чтобы стать одним из главных действующих лиц века грядущего.

Мать узнает: он отказался от служения Богу. Жертвы были напрасны. Обет нарушен. Религиозная Кэкэ переживает страшный удар. Она боится: Бог оставит Сосо. И придет дьявол?

В Рождество Коба поступает на работу. Это первая и... последняя работа в его жизни. Сохранилась «Выписка из отчета Тифлисской Главной физической обсерватории о поступлении на службу Иосифа Джугашвили 26 декабря 1899 года».

После Рождества он приходит в обсерваторию. Его службу описал некий К. Домбровский, работавший вместе с ним: «Иосиф работал наблюдателем-вычислителем обсерватории. Там не было самопишущих приборов, поэтому круглосуточная регистрация всех элементов погоды велась живыми наблюдателями. Днем и ночью. Дневной дежурный работал до девяти вечера, когда его сменял ночной дежурный».

Новый год ему пришлось встретить в обсерватории ночным дежурным. Близился неизвестный XX век – и человек, которому суждено было определить его течение, глядел в глубь Вселенной...

Основание его партии

Работа в обсерватории была лишь прикрытием. Там в своей комнатке он прятал нелегальную литературу и листовки Тифлисского комитета недавно созданной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

На исходе века русские марксисты-эмигранты перешли от слов к делу. Плеханов и Аксельрод настаивали на создании марксистской рабочей партии. И свершилось! В основании новой партии активно участвовал Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России

(Бунд) – массовое движение, объединявшее более двадцати тысяч евреев-антисионистов и марксистов. Они верили: только социализм покончит с антисемитизмом.

В 1898 году в Минске собрался подпольный учредительный съезд, который торжественно основал Российскую социал-демократическую рабочую партию. Съезд избрал ЦК и провозгласил создание местных комитетов. Большинство членов ЦК было арестовано сразу же после съезда, но местные комитеты множились. Один из них, при участии Кобы, и появился в Тифлисе.

Ленин после ссылки выезжает за границу и там увлекает Плеханова, Аксельрода и прочих марксистов-эмигрантов идеей необычной газеты. Она должна была иметь своих агентов по всей России. Газета называлась «Искра». И эпиграф к ней: «Из искры возгорится пламя» – был программой. Ленин и его сподвижники решили сжечь старую Россию.

Им это удастся. Большинство агентов «Искры» увидят победу революции. Чтобы погибнуть уже после революции – в сталинских лагерях.

В 1900 году в Тифлисе появляется агент «Искры» Виктор Курнатовский. Он передал местной ячейке РСДРП главные мысли Ленина: новая партия должна строиться на сверхконспирации. Никаких широких дискуссий, никакой свободы мнений в партии быть не может. Это боевая организация, ставящая целью революцию. Отсюда – беспрекословное подчинение приказам центра и жесткая дисциплина. Марксизм – святая святых новой партии. Всякая попытка ревизии любого положения Учения должна осуждаться как происки врагов рабочего класса. Коба сразу оценил силу этого азиатского марксизма. Он сразу стал ленинцем.

Первая кровь

Силу новых идей проверили в деле – начали готовить демонстрацию рабочих в Тифлисе, которая должна была закончиться кровью. И Коба, и Курнатовский надеялись на эту кровь.

«Коба часто говорил: кровавая борьба должна привести к скорейшим решениям», – вспоминал Иремашвили. Он не знал: Коба лишь повторял ленинские лозунги, которые привез Курнатовский.

В это время к нему приезжает мать. Некоторое время она живет у сына в обсерватории. Видимо, Кэкэ пыталась вернуть Сосо в семинарию. Она еще надеялась... Она не знала: ее Сосо умер, и появился Коба. Под этим именем он был известен теперь новым братьям-революционерам. И вскоре бедной женщине пришлось понять свое бессилие. Бог ушел из сердца Сосо, с ней говорил незнакомец – Коба. Мать возвращается в Гори.

За месяц до демонстрации начались аресты. Арестован Курнатовский, но Коба сумел исчезнуть. Накануне демонстрации он подает прошение об увольнении и в конце марта увольняется из обсерватории. Но комнатка остается пока за ним – комнатка, превращенная в склад нелегальной литературы.

1901 год. В первый майский день в центре города появились люди в теплых пальто и бараньих шапках. Это рабочие, приготовившиеся к встрече с нагайками казаков. Демонстрантов было около двух тысяч. Крики «Долой самодержавие!», полиция разгоняет буйную толпу.

И кровь пролилась: были раненые. Все это было внове для веселого, легкомысленного южного города. «Можно считать, что началось открытое революционное движение на

Кавказе», – с удовлетворением писала «Искра».

В городе идут обыски и аресты. Обыск – в обсерватории, в комнате Кобы, но его там давно уже нет. Еще не раз нас поразит его умение исчезать в решающие и опасные дни.

«Коба, один из разыскиваемых вожаков, успел скрыться... он бежал в Гори... тайно в ночные часы он посещал меня в моей квартире», – писал Иремашвили.

Там, в Гори, видимо, продолжались объяснения с матерью. Но мать должна помогать скрываться сыну, и она помогала. Только могла ли она любить Кобу, в сердце которого – пламя ненависти? Она, боготворившая маленького Сосо, мечтавшая увидеть его священником?

Кобе трудно жить в ее доме. При первой возможности он возвращается в опасный Тифлис и растворяется в революционном подполье.

Часть вторая Коба: Жизнь и смерть

Глава 4 Загадки Кобы

«Левая нога Ленина»

Начинается жизнь профессионального революционера, именуемая «нелегальным положением». Фальшивые документы, бесконечные явочные квартиры, подвалы, где прячут подпольные типографии... Тайное сообщество молодых людей, именуемое «Тифлисский комитет РСДРП»...

«Это было время людей от 18 до 30 лет. Революционеры старше этого возраста насчитывались единицами... Слова «комитет», «партия» были еще новы, овеяны свежестью и звучали в молодых ушах заманчивой мелодией. Вступивший в организацию знал, что через несколько месяцев его ждут тюрьмы и ссылка. Честолобие заключалось в том, чтобы продержаться как можно дольше до ареста, твердо держаться перед жандармами» (Троцкий).

Но прошли эти несколько месяцев, а Коба все еще на свободе.

Иремашвили: «Я несколько раз посещал Кобу в его маленькой убогой комнатке. Он носил черную русскую блузу с характерным для всех социал-демократов красным галстуком. Его нельзя было видеть иначе, как в этой грязной блузе и нечищенных ботинках. Все, напоминавшее буржуа, он ненавидел...»

«Грязная блуза, нечищенная обувь были общим признаком революционеров, особенно в провинции», – с сарказмом пишет Троцкий.

Да, наивный юный Коба старается походить на настоящего революционера. Все как положено: носит грязную блузу и ходит в рабочие кружки объяснять пролетариям учение

Маркса. Здесь вырабатывается его убогий стиль, столь понятный полуграмотным слушателям. Стиль, который потом принесет ему победу над блистательным оратором Троцким.

Восток требует культа. И «азиат», как называл его большевик Красин, нашел своего бога – Ленина.

«Он преклонялся перед Лениным, боготворил Ленина. Он жил его мыслями, копировал его настолько, что мы в насмешку называли его «левой ногой Ленина», – вспоминал революционер Р. Арсенидзе.

И бог Кобы не обманул его. Вышедшая в 1902 году работа Ленина «Что делать?» была взрывом бомбы. До нее марксисты безнадежно повторяли: пока в России по-настоящему не разовьется капитализм – ни один волос не падет с головы самодержавия. Революция отодвигалась в темноту времени, революционеры должны были работать для грядущих поколений. Своей книгой Ленин вернул им надежду. Он заявил: мощная законспирированная организация профессиональных революционеров при помощи насильственного переворота в силах осуществить революцию. Ибо Россия – страна вековой покорности. В России нужно лишь захватить власть – и общество покорится. Тайная организация героев сможет опрокинуть самодержавие. Как все это по душе Кобе!

Первый арест

Продолжать находиться в Тифлисе – значит увеличивать опасность ареста... Между тем, согласно Троцкому, арест входил в «обязательную программу» революционера, ибо «открывал возможность самого волнующего – выступления на суде».

Истинные революционеры жаждали быть арестованными, чтобы превратить суд в трибуну для пропаганды. Но этот путь закрыт для Кобы с его тихим голосом, медленной речью, грузинским акцентом. Только на свободе, в конспиративной тени, он чувствует себя уверенно.

Коба направляется Комитетом в Батум.

Батум – южный порт с узкими улочками, ветром с моря, прохладными двориками, где стирание белье плещется на ветру, как паруса кораблей. Город, где надо любить и веселиться. Здесь продолжается его тайная работа. Сверстники влюбляются, женятся, делают первые шаги в карьере, а Коба одержимо мечется по нелегальным квартирам. Готовится мощная демонстрация, похожая на восстание. Будет много крови.

Он помнит завет: в великой крови рождаются великие революции.

Теперь у безвестного юноши появился дотошный летописец – полиция. Семнадцать лет его жизни в новом веке опишут полицейские протоколы. Останутся его точные словесные портреты, фотографии анфас и в профиль.

Я просматриваю дела Тифлисского жандармского управления. Донесения о деятельности Тифлисской организации РСДРП, о рабочих сходках под руководством Джугашвили...

«Он все более становится вождем маленькой кучки сторонников Ленина в Грузии», – писал Иремашвили. Да, он сразу – Вождь. И деспот. В полицейском донесении сообщалось: «Во главе Батумской организации находится Джугашвили... Деспотизм Джугашвили многих возмутил, и в организации произошел раскол».

Но зато каковы результаты его деспотизма!

Тихий Батум потрясает невиданная демонстрация рабочих. Столкновения с полицией: полтора десятка убитых, множество раненых. Кровь и ярость! Опять удача!

Аресты в городе... И снова он успевает исчезнуть – бежит в горы. Вспоминает революционер Като Бачидзе: «Через горное селение Кром проходил Коба, вынужденный скрываться после демонстрации. Крестьянка приютила его, дала умыться и отдохнуть».

Горы, солнце, белые домики, старики в тени деревьев лениво пьют вино... время остановилось... Здесь испокон веков жили его предки... Нет, эта жизнь не для него. Но в Тифлис возвращаться опасно – там его давно ищут; и в Гори нельзя – там его будут искать. Он решается на неожиданный шаг – вернуться на место преступления, в Батум. Такой дерзости полиция не ожидала.

Ему удается продержаться целый месяц. В это время он занимает следующую ступеньку в иерархии заговорщиков – избран в состав Всекавказского комитета РСДРП.

А потом была южная весенняя ночь и тайная сходка революционеров. Но среди них оказался провокатор – и дом был окружен полицией.

И полиция продолжила писать его биографию:

«Рапорт пристава четвертого участка г. Батума об аресте в 12 часов ночи 5 апреля 1902 года И. Джугашвили на сходке рабочих в квартире М. Даривелидзе».

По счастливому городу в час, когда вываливались из трактиров его беззаботные сверстники, Кобу везут в тюрьму. Впервые. И сразу – в страшную батумскую тюрьму. Начинается его путешествие по тюрьмам: батумская, кутаисская...

«Учимся понемногу, учимся»

Азиатская тюрьма: побои надзирателей, грязь, абсолютное бесправие заключенных, расправы уголовных над политическими. Вначале Коба растерялся, заметался, выбрасывает через окно тюремного замка отчаянную записку без подписи. Он просит передать ее матери: «Если спросят: «Когда твой сын выехал из Гори?» – говори: «Все время находился в Гори».

Конечно, тюремный надзор перехватил почту. За наивным поступком – отчаяние потерявшего голову.

Но скоро он освоится в тюрьме.

Петр Павленко: «Учимся понемногу, учимся», – Иосиф Виссарионович любит повторять эти слова. С мягким акцентом и тихой усмешкой».

«Учимся понемногу, учимся»... Он открыл: в тюрьме, наряду с властью надзирателей, существовала незримая власть уголовников. И ему, нищему сыну пьяницы, нетрудно найти с ними общий язык. Он –

свой. Так он исполнил заповедь «Катехизиса революционера» – соединился с разбойничьим миром. Он понял потенциал преступников в революции.

И Ленин всегда ценил его умение найти общий язык с уголовниками. В гражданскую войну,

когда части, составленные из бывших арестантов и пьяных солдат, бунтовали, Ленин тотчас предлагал: «А не послать ли нам туда товарища Сталина – он умеет с такими людьми разговаривать».

Его новые знакомые уважали физическую силу. У него ее не было. Но, привыкший с детства к побоям, он доказал им иное: презрение к силе. В это время начальство тюрьмы решило преподать урок политическим. Урок по-азиатски.

Из воспоминаний революционера Н. Верещака: «На следующий день после Пасхи первая рота выстроилась в два ряда. Политических заключенных пропускали сквозь строй, избивая прикладами. Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в руках».

И вскоре, как в училище, как в семинарии и в Комитете, Коба

захватывает власть в тюрьме. Уголовников подчинила странная сила, исходившая от этого маленького черного человека с яростными желтыми глазами.

В тюрьме он установил для себя железный распорядок: утром занимался гимнастикой, затем – изучение немецкого языка (Маркса истинные революционеры должны читать в подлиннике).

Языка он так и не выучил. Его успехи в тюрьме были другие.

Всякий, кто не признал его власти, становился жертвой жестоких побоев. Расправу чинили его новые друзья-уголовники.

Но вот «заросший черными волосами, маленький рябой грузин» готовится идти в первую свою ссылку.

Верещак: «Коба был скован ручными кандалами с одним товарищем. Заметив меня, он улыбнулся». У него была странная улыбка, от которой иногда мороз пробегал по коже.

По этапу его доставляют на край света – в село Нижняя Уда в Иркутской губернии. В своем единственном черном демисезонном пальто южный человек очутился в холодной Сибири. Снег, который лежит на его родине только высоко в горах, теперь окружал его всюду.

В ссылке он получает письмо от бога – Ленина!

Троцкий насмешливо объяснял, что это было обычное циркулярное письмо. Его за ленинской подписью под копируку рассылала Крупская всем сторонникам Ленина в провинции. Но наивный азиат не знал этого – он был счастлив: бог его заметил!

Он запомнил этот день и включил его во все свои биографии.

В ссылке он узнал подробности великого события, о котором не писала ни одна газета: 30 июля 1903 года в Брюсселе сбылась мечта Ленина. Четыре десятка революционеров собрались в сарае. На дверях висел клочок бумаги с надписью: «Съезд Российской социал-демократической рабочей партии».

Им предстояло родить в этом сарае атеистического мессию – партию, которая должна была сделать счастливым все человечество.

На съезде председательствовал Плеханов. Но с первых же заседаний Ленин начал раскалывать не успевшую родиться партию. С группой молодых сторонников он пошел против тогдашних авторитетов русского социализма – потребовал жесткой централизованной организации (наподобие религиозного ордена) с беспощадным внутренним подчинением. Плеханов и Мартов пытаются отстоять хотя бы видимость свободы дискуссий. Но Ленин

неумолим.

И он сумел расколоть съезд, объединил во фракцию своих сторонников. Во время голосования по одному из пунктов его противники получили меньшинство, и Ленин ловко приклеил им кличку «меньшевики», с которой они и вошли в историю. Себе и своим сторонникам он взял гордое имя «большевики». Как должен был хохотать Коба, узнав, что эти глупцы (меньшевики) согласились называть себя столь унижительно. Ну разве могут такие руководить партией?

После съезда во всех провинциальных комитетах началась непримиримая борьба между большевиками и меньшевиками – борьба за власть над партией. Теперь горласто и беспощадно они будут биться на всех съездах почти два десятка лет.

В 30-е годы Коба окончательно завершит эту борьбу, истребив в лагерях последних революционеров-меньшевиков.

Такие удачные и странные побеги

Был ноябрь, и уже стояла сибирская зима – то с вьюгой, то с лютым морозом. В этой холодной, беспощадной земле Коба тосковал по теплу, по горам. И пытался бежать. «Он сделал первую попытку бежать в ноябре 1903 года, но отморозил уши и нос. Ему пришлось вернуться в Уду», – вспоминал его товарищ по ссылке.

Но уже 5 января 1904 года полицейский протокол сообщает: «Ссылный Джугашвили бежал».

Через всю Россию он ехал в Тифлис по подложным документам на имя русского крестьянина – с его грузинским лицом, с акцентом! Через всю Россию! И никто его не задержал!

Он живет в Тифлисе. И это тоже странность. «Видные революционеры редко возвращались на родину, где были бы слишком заметны», – писал Троцкий. Вернувшись, нелегал попадал в поле зрения полиции и, по статистике, самое большее через пол года – арестовывался. А Коба четыре года – с января 1904-го до марта 1908-го – продержится на нелегальном положении! Тифлисская охранка, контролирующая весь Кавказ, не может его арестовать! Так написано в его официальной биографии. Но есть иные сведения.

«В 1906 году он был арестован и бежал из тюрьмы». (Из «Справки об И. Джугашвили», составленной в 1911 году начальником Тифлисского охранного отделения И. Пастрюлиным.)

«28.01.1906 г. И. Джугашвили задержан на квартире Миха Бочоридзе».

Значит, арестовывался? И опять удачно бежал? И вновь не побоялся возвращаться на опасный Кавказ? Почему?

В Тифлисе Коба знакомится с Сергеем Аллилуевым.

«Мы познакомились с ним в 1904 году – он только что бежал из ссылки», – вспоминал Аллилуев. Сергей в партии со дня ее основания, работал в железнодорожных мастерских, где в рабочих кружках пропагандировал марксизм Коба. У Аллилуева – экзальтированная красавица жена. Ей не было четырнадцати лет, когда, выкинув из окна узелок с вещами, она сбежала с ним из отчего дома. Теперь ей под тридцать – и она по-прежнему умеет увлекаться. Но каждый ее новый роман заканчивается возвращением к доброму Сергею...

Есть страшноватая легенда: появление Кобы не оставило равнодушной пылкую женщину, и рождение младшей дочери Аллилуевой – Нади – могло иметь отношение к этому увлечению. К счастью, это только легенда. Когда Коба знакомится с Аллилуевым, Надя уже появилась на свет.

Наступил 1905 год – и пошатнулась дотоле непоколебимая Империя. Первая русская революция оказалась неожиданной и для большевиков, и для меньшевиков. Пока они спорили о революции – она началась. Массовые беспорядки, нападения на полицию, мятежи в армии, баррикады... Революция всегда театр. И на сцену вышли «герои-любовники» – блистательные ораторы. В это «время ораторов» Коба, по свидетельству Троцкого, затерялся, отошел в тень.

Но эта тень странна, таинственна. Известно только, что он редактировал в Тифлисе маленькую газетенку «Кавказский рабочий листок», писал теоретическую работу, где пересказывал мысли Ленина... И это все, чем занимается деятельнейший Коба в дни революции?

Нет, конечно, было еще что-то! И это «что-то» утаил от нас великий конспиратор. Сумел! Недаром в те годы происходили таинственные аресты, скрытые им в своей биографии. Недаром именно в то время Ленин отмечает Кобу – и тот отправляется на первую конференцию большевиков в Таммерфорсе. И опять с чужим паспортом на русскую фамилию (!). И это – в дни революции, когда поезда в Финляндию, где скрывалось множество революционеров, кишат агентами секретной службы! Но Кобу не схватили. Он опять удачлив. Поистине странно удачлив.

Встреча с его Богом

В Таммерфорсе он первый раз видит Ленина. Вся наивная, первобытная дикость тогдашнего Кобы – в его рассказе о встрече с кумиром: «Ленин рисовался в моем воображении в виде великана. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека... Принято, что великий человек обязательно должен запаздывать на собрания... чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления...» Но Ленин, к его изумлению, пришел вовремя и «вел беседу с обыкновенными делегатами».

Коба удивлялся искренне. Ибо сам... «На собрания Коба всегда опаздывал, ненамного, но постоянно», – писала революционерка Ф. Кнунянц.

«На съезде он не выступал. И за пределами съезда ничем себя в это время не проявил» – так справедливо отметит Троцкий. Но Ленин опять зовет его участвовать в IV съезде в Стокгольме. А потом «не проявившего себя» Кобу приглашают на новый съезд – в Лондон.

Заметим: посещения европейских столиц не произвели впечатления на бывшего поэта, и он никогда о них не вспоминал. Рассказывая о своей первой встрече с Парижем, Троцкий объяснил это за Кобу: «Чтобы охватить Париж, нужно слишком расходовать себя. А у меня была своя область, не допускавшая соперничества: революция».

И в этом они все были под стать друг другу. Революционерка Мария Эссен описывает прогулку с Лениным в горах Швейцарии. Они на вершине – Ленин и молодая женщина. «Ландшафт беспредельный, нестерпимо ярко сияет снег... я настраиваюсь на высокий стиль... уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича – он сидит, крепко задумавшись. И вдруг выпаливает: «А все-таки здорово гадят нам меньшевики!»... И Коба такой же: не ходит в музеи, не бродит по улицам... Все эти

буржуазные столицы для них – лишь бивуаки на пути к революции.

Итак, Ленин зовет Кобу на съезды, а он все так же ничем особым себя не проявляет. Или точнее: иногда проявляет особую, ненавистную Ленину черту.

В узкой среде революционеров до Ленина не могли не дойти некоторые шокирующие высказывания Кобы типа: «Ленин возмущен, что Бог послал ему таких товарищей, как меньшевики. В самом деле, что за народ все эти Мартов, Дан, Аксельрод – жида обрезанные! Да старая баба Вера Засулич. И на борьбу с ними не пойдешь, и на пиру не повеселишься». Или: «Они не хотят бороться, вероломные лавочники... еврейский народ произвел только вероломных, которые бесполезны в борьбе» (цитируется по книге И. Давида «История евреев на Кавказе»).

Здесь слышна живая речь юного, дикого Кобы.

Впрочем, можно взять и статью самого Кобы, напечатанную в нелегальной газете «Бакинский рабочий» в 1907 году. Это его отчет об участии в лондонском съезде РСДРП, где все в той же веселой манере Коба изложил те же мысли: меньшевики – сплошь еврейская фракция, а большевики – русская, и потому «есть неплохая идея для нас, большевиков, – устроить погром в партии».

Почему же Ленин, окруженный евреями-революционерами, сам имевший в роду еврейскую кровь, прощал Кобе ненавидимый подлинными интеллигентами антисемитизм и после подобных высказываний звал его на все съезды? Объяснить это можно лишь требованием «Катехизиса революционера»: «Ценить товарищей только в зависимости от пользы их для дела». Да, Ленин мог не заметить этих высказываний, если Коба был нужен делу. Очень нужен. Чем-то важным себя проявил.

Тайна Кобы

На лондонском съезде они впервые встретились – Коба и Троцкий. Лев Давидович явился на съезд в ореоле славы, затмив бога Ленина.

В отличие от споривших о революции эмигрантов-теоретиков Троцкий приехал из России – из самой гущи революции.

В последние дни легендарного Петербургского Совета Троцкий был его вождем, восторженно слушали его толпы. Он был арестован, бесстрашно держался на суде, был приговорен к пожизненной ссылке, бежал из Сибири, проехал семьсот километров на оленях... И Троцкий попросту не заметил косноязычного провинциала с грузинским лицом и нелепой русской партийной кличкой «Иванович».

Троцкий заметил другого. И написал о нем. На съезде выступил дотоле неизвестный молодой оратор, блестящая речь которого настолько поразила делегатов, что он был сразу избран в Центральный комитет РСДРП. Оратора звали Зиновьев – под этой партийной кличкой молодой большевик Григорий Радомысльский сразу стал знаменитым партийцем.

Что должен был испытывать самолюбивый Коба, видя это внезапное возвышение говоруна (опять же еврея), видя славу другого самовлюбленного еврея – Троцкого? И при этом сознавать, что о его собственных заслугах партия никогда не узнает. О них был осведомлен лишь один Ленин.

Сразу после лондонского съезда Ленин отправляется в Берлин, куда на встречу с ним

приезжает... Коба. Об этом через много лет он сам расскажет в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Но о чем он разговаривал в Берлине с Лениным – не расскажет...

Вскоре после благополучного возвращения Кобы в Тифлис (в который раз это фантастическое везение!) станет ясно, о чем он совещался с Лениным.

Случилось это в жаркий летний день 26 июня 1907 года. Было 11 часов дня. Эриванская площадь в Тифлисе, как всегда, полна народа – пестрая, веселая южная толпа. Два экипажа в сопровождении эскорта казаков въехали на площадь: везут большую сумму денег Государственного банка. Почти одновременно на площадь въезжают два фаэтона: в одном мужчина в офицерской форме, в другом две дамы. По команде «офицера», преграждая путь экипажам с деньгами, будто из-под земли появляется банда в полсотни человек. На казаков и прохожих посыпались бомбы. В грохоте и дыме бандиты бросаются к экипажам...

Из показаний полицейского: «Злоумышленники среди дыма и удушающих газов схватили мешок с деньгами... открыли в разных концах площади револьверную стрельбу и скрылись».

На площади остались убитые – казаки, полицейские и солдаты, в клочья разорванные бомбами. И стонущие, изуродованные прохожие, валявшиеся среди разнесенных в щепки экипажей.

«Личное участие Кобы в этой кровавой операции считалось в партийных кругах несомненным», – напишет Троцкий.

Кровь, много крови всюду, где появляется маленький черный человек.

Уголовное крыло партии

После смерти Сталина Никита Хрущев в своем знаменитом докладе о культе личности негодовал, что Сталин «принижал роль Политбюро созданием внутри ЦК неких «шестерок», «пятерок», наделенных особыми полномочиями... Что это за терминология картежника?» – возмущался Хрущев. Но он, относившийся к послеленинскому поколению партии, не знал (или делал вид, будто не знал), что замахнулся на одну из самых старых традиций партии. «Тройки», «пятерки» и прочие «узкие составы», создаваемые Вождем внутри руководства, не известные никому, кроме участников и самого Вождя, появились во времена Ленина.

Одна из этих ленинских «троек» имела непосредственное отношение к нападению на Эриванской площади.

В конце XIX века идеи революционного терроризма владели умами многих молодых людей. Убийство во имя революции именовалось «актом революционного возмездия». Грабеж банков, богатых домов назывался «экспроприацией». Боевики, осуществлявшие убийства и экспроприации, казались романтическими Робин Гудами. «Мы окружены всеобщей любовью и сочувствием... наши помощники во всех слоях общества», – писала террористка Вера Фигнер. И Достоевский, обдумывая продолжение романа «Братья Карамазовы», хотел сделать террористом тишайшего монаха Алешу.

Брат Ленина Александр был террористом. При Сталине официальная идеология упорно поддерживала версию: большевики с самого начала отказались от террора. Во всех учебниках приводилась мифическая фраза, будто бы сказанная Лениным после казни брата: «Мы пойдем другим путем». Это выдумка.

Столь ценный молодой Лениным революционер Нечаев (прототип героя романа Достоевского «Бесы») говорил: «Яд, нож и петлю революция освящает». И, почитатель якобинства, молодой Ленин никогда не думал отказываться от терроризма.

В дни революции 1905 года он призывал «учить молодых боевиков на убийствах полицейских» и даже развернул целую программу терроризма. Но Ленин знал: как только революционная партия начинала боевую деятельность, полиция активизировалась, и в партию внедрялись провокаторы. Одним из руководителей знаменитой террористической организации «Народная воля» оказался провокатор Дегаев. Главой боевой организации социалистов-революционеров был провокатор Азеф. И потому с самого начала Ленин глубоко законспирировал свою боевую организацию.

Это очень помогло ему, когда потребовалось скрывать боевые группы не только от полиции, но и от собственной партии.

После поражения первой революции боевые дружины все чаще превращались в банды обычных грабителей. Было множество примеров, когда деньги от экспроприаций тратились на пьянство, женщин, кокаин. Большевики потребовали распустить боевые отряды.

Ленин и революционеры-эмигранты оказались в затруднительном положении. «До революции 1905 года революционное движение финансировалось либо буржуазией, либо радикальной интеллигенцией», – писал Троцкий. Но в кровавом 1905 году русская интеллигенция впервые заглянула в лицо подлинной революции, в беспощадное лицо русского бунта. И ужаснулась. Поступление денег прекращается.

А между тем удобная жизнь эмигрантов за границей и деятельность подпольных революционеров в России – все это требовало очень и очень больших финансовых поступлений. «Насильственный захват денег казался в этих условиях единственным средством» (Троцкий). На съезде партии в Стокгольме Ленин попытался отстоять боевые отряды. Но было слишком много примеров разбоя боевиков – меньшевики побоялись дискредитации движения. И лондонский съезд категорически запретил экспроприации, постановил распустить боевые отряды.

Однако к тому времени Ленин уже создал тайное образование внутри партии, о котором партия ничего не знала. Но знала полиция. «Главным вдохновителем и генеральным руководителем боевой работы был сам Ленин», – писал жандармский генерал Спиридович. Бывший большевик Алексинский, стоявший в те годы близко к Ленину, рассказывал: «В составе ЦК была создана «тройка», существование которой было скрыто не только от полиции, но и от членов партии». Троцкий приводит состав этой «тройки»: Богданов, Ленин и Красин.

В примечаниях к сочинениям Ленина о Красине сказано глухо: «Руководил техническим бюро при ЦК». И даже после революции Крупская напишет уклончиво: «Партийцы знают теперь ту работу, которую вел Красин по вооружению боевых отрядов... Делалось все это конспиративно. Владимир Ильич больше чем кто-либо знал эту работу Красина».

Великий террорист Леонид Красин – член ЦК РСДРП, учился в Петербургском технологическом институте. Блестящий инженер, красавец, прославившийся успехами у женщин. Но главной страстью этого донжуана были бомбы. Бомбы для революции.

«У него была мечта создать бомбу величиной с орех» (Троцкий). Бомбы требовали много денег. И Красин находил самые разные способы их доставать.

В мае 1905 года на вилле в Ницце поселился Савва Морозов, знаменитый богач и меценат, много помогавший революционерам. Он был тогда в тяжелой депрессии. Красин приходит к Савве. После этого визита Морозов завещает свой страховой полис актрисе Марии

Юрковской-Андреевой. Она не только актриса, но и агент большевистского ЦК. Вскоре Морозова находят с пулей в сердце. Застрелился? Застрелили?

Возможно, ответ знал Красин...

Но история с морозовскими деньгами на этом не кончилась. Николай Шмидт, племянник Морозова, владел большой мебельной фабрикой. Он был тайным членом РСДРП и в дни революции 1905 года устроил восстание рабочих... на собственной фабрике, за что и был посажен в тюрьму. Он не раз объявлял прилюдно, что все его огромное состояние завещано любимой партии. В 1907 году он покончил с собой в тюрьме при странных обстоятельствах.

И... никакого завещания не оказалось! Наследниками стали две его сестры. Но у Красина был свой подход к ситуации. Сначала к старшей, Екатерине, был подослан большевик Николай Андриканис – и он успешно женился на ней, но, к сожалению, денег партии не отдал. Тогда к младшей, Елизавете, подсылают молодого большевика Василия Лозинского (партийная кличка – Таратута). Он вступил с ней в связь и обеспечил ее показания на суде в пользу большевиков. «Вы бы смогли? И я бы не смог... Тем-то Таратута хорош, что ни перед чем не остановится, – говорил Ленин члену ЦК Николаю Рожкову. – Это человек незаменимый».

«Незаменимый... ни перед чем не остановится» – еще один урок, который усвоит Коба в ленинских университетах. «Учимся понемногу, учимся»...

Процесс по шмидтовскому наследству большевики выиграли и получили огромную сумму. На изготовление красинских бомб, на подготовку налетов и грабежей шли морозовские и шмидтовские деньги. И возвращались с процентами. Теперь мастерские бомб Красина открываются в провинции. «Алхимия Красина сильно демократизировалась», – острит Троцкий.

И хотя революция умирает, крови в эти годы куда больше. В 1905 году террористы убили 223 человека, в 1907-м – уже 1231. Чем больше нуждались в деньгах революционные партии, тем больше убийств и экспроприаций.

С красинскими бомбами действовал в это время и молчаливый Коба. Мы можем только гадать, когда Ленину пришло в голову использовать в «бомбовой работе» преданного грузина. Ленин правильно оценил его организаторский талант, блеснувший в кровавых демонстрациях в Грузии, и способности конспиратора. И Ленин соединил хитроумного Кобу с легендарным Камо.

«Он был им словно околдован»

Камо – партийная кличка Симона Тер-Петросяна. Его смелость и физическая сила были легендой в партии. За Камо числились захваты транспортов в Батуми, в Тифлисе... Но мало кто знал: с некоторых пор Камо был не один. Рядом с ним – его давний друг. Друг и повелитель.

Ибо у них было общее прошлое.

Симон, как и Коба, жил в Гори. Богатый дом его отца находился недалеко от лачужки Кобы. С детства маленький Симон стал послушной тенью властного Сосо.

«Отец бесился: что нашли вы в этом голодранце Сосо? Разве в Гори нет достойных людей? Не доведет он вас до добра. Однако тщетно – Сосо притягивал нас к себе как магнит. Что же касается брата, он был им словно околдован», – вспоминала сестра Камо Джаваира.

Симон – сама дьявольская изворотливость, сила, жестокость. И этот бесстрашный, обладавший фантастической гордостью человек терялся в присутствии Кобы, становился странно зависимым. Даже кличка Симона – результат издевательской шутки Кобы. Как-то он поручил ему отнести пакет. Привычно коверкая русский язык, Симон спросил:

– К камо отнести?

– Эх ты, «камо», «камо», – засмеялся Коба.

За тень насмешки над Симоном любой расплатился бы жизнью. Но от Кобы он сносил все. Голем не может сердиться на хозяина. Симон согласился стать Камо.

Так Коба «родил имя, которое вошло в историю» (Троцкий).

Но нападение на Эриванской площади превосходило все подвиги Камо. Этот великолепный спектакль от начала до конца сочинил Коба и точно, по заданным нотам, исполнил Камо. Это был первый спектакль, поставленный Кобой, который прогремел на всю Европу.

«Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть... только и разговоров о русских эксках», – сообщала с восторгом Крупская из Швейцарии... «Только дьявол знает, как этот грабеж неслыханной дерзости был совершен», – писала тифлисская газета «Новое время». И тут, видимо, Коба не утерпел. Если остальные террористические подвиги он совершал в любимой им безвестности – о его участии в этом ограблении вскоре знала вся партия.

После «эриванского дела» многие большевики отправились в тюрьмы, даже опытный Камо, приехавший в Берлин, был тотчас арестован. Но Коба опять странно неуязвим!

Ограбление на Эриванской площади было лишь одним из его террористических подвигов. Иремашвили писал: «До этого он принимал участие в убийстве военного диктатора Грузии генерала Грязнова. Генерал должен был быть убит террористами-меньшевиками, но те медлили. И Коба организовал его убийство и очень веселился, когда меньшевики объявили это своим делом».

Павленко говорил отцу: «Сталин искалечил руку во время одного из эксков, он был ловок и храбр. Во время захвата денег в Тифлисе он был среди нападавших на экипаж».

Но Коба никогда не забывал партийных решений о запрещении террористической деятельности. Вождю партии и страны не пристало быть удалым грабителем... Вот почему, став Сталиным, он будет тщательно скрывать деятельность Кобы. Но о ней слишком хорошо знали. В 1918 году меньшевик Мартов заявил, что Сталин не имеет права занимать руководящие посты в партии, так как «в свое время был исключен из партии за причастность к экспроприациям». Коба потребовал разбирательства. «Никогда в жизни, – говорил он, – я не судился в партийной организации и не исключался. Это гнусная клевета». Но несмотря на негодование, Коба не заявил прямо о своем неучастии в терроре. Мартов настаивал на вызове свидетелей, приводил факты (в частности, об участии Кобы в экспроприации парохода «Николай I»). Однако вызвать свидетелей с охваченного войной Кавказа не удалось. Дело затихло.

Но прошлое Кобы всегда тревожило Сталина. И многие товарищи Кобы по разбойным нападениям закончат жизнь в сталинской тюрьме. И главный его соратник по удалым делам – Камо – уйдет из жизни раньше всех.

Это произошло сразу после возвышения Кобы, когда он стал Генеральным секретарем партии.

15 июля 1922 года Камо ехал на велосипеде по Тифлису, и на пустой дороге на него наехал

автомобиль, столь редкий тогда в городе. «Удар был настолько силен, – писала тифлисская газета, – что товарища Камо отбросило в сторону, и, ударившись головой о тротуарную плиту, он потерял сознание... В больнице, не приходя в себя, он скончался».

«Товарищ Камо погиб именно в тот момент, когда товарищи уговорили его заняться мемуарами и с этой целью приставили стенографистку... Какая насмешка судьбы!» – сокрушался на его похоронах Мамия Орахелашвили, один из руководителей Закавказья.

Насмешка судьбы? Или печальная усмешка его прежнего друга?

Любовь

Но тогда, в дни далекого 1907 года, Коба, как писал палестинский революционер Асад-бей, «был прямым и честным, довольствовался малым. Все остальное отсылал Ленину».

Все эти темные годы он живет, точнее, скрывается в Баку, на нефтяных промыслах. Видимо, это было решение Ленина, который с тех пор будет всегда заботиться о верном Кобе. «По воле партии я был переброшен в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня», – писал Коба.

«Революционная работа в нефтяной промышленности» действительно шла. Вместе со своими боевиками он накладывал «денежные контрибуции на нефтяных магнатов», угрожая поджогом промыслов. Иногда и поджигал, и тогда багровое зарево и клубы дыма неделями стояли над промыслами. Устраивались и забастовки, кстати, выгодные владельцам промыслов – они повышали цены на нефть, за что платили тоже...

Но сам Коба вел полунищую, бродячую жизнь – все средства аккуратно посылались Ленину. Приходилось нелегко: теперь он был женат, и жена родила ему ребенка.

На явочных квартирах в Тифлисе он встретил революционера Александра Сванидзе (партийная кличка Алеша), который познакомил его со своей сестрой. Ее звали Екатерина – так же, как мать Кобы. Ее предки были из того же селения Диди-Лило... Как она была прекрасна! И как тиха и покорна – совсем не похожа на говорливых, развязных революционеров. Но притом – сестра революционера!

Правда, в это время Давид Сулиашвили – другой бывший семинарист, тоже ставший революционером, – ходил в дом Сванидзе и считал себя ее женихом. Красавец Сулиашвили и Коба... Портрет Кобы в те годы беспощадно рисует Ф. Кнунянц: «Маленький, тщедушный, какой-то ущербный, одет в косоворотку с чужого плеча, на голове нелепая турецкая феска».

Но Екатерина увидела его иным... В нем было очарование столь любимого в Грузии романтического разбойника, грабящего богатых во имя бедных. И еще – ощущение власти над людьми. Оно подчиняло. «Он нравился женщинам», – вспоминал под старость Молотов.

Это, конечно, была любовь! Она была так же религиозна, как его мать. Их венчание было тайным, и не только от полиции – церковный брак был позором для революционера. «Почти не было случая, чтобы революционный интеллигент женился на верующей», – с презрением писал Троцкий.

Убивая людей, влача полунищее существование, Коба мечтал о настоящей семье, которой был лишен в детстве. Создать такую семью он мог только с невинной религиозной девушкой. Свободомыслящие девушки, «товарищи», скитавшиеся по нелегальным квартирам и постелям революционеров, ему не подходили. И он нашел ее... «Преследуемый царской

охранкой, он мог находить любовь только в убогом очаге своей семьи», – писал Иремашвили. Они снимали комнату на промыслах – в глиняном низеньком домике у хозяина-турка. Екатерина (Като) работала швеей. В их нищем жилище все сверкало чистотой, все было покрыто ее белыми вышивками и кружевами.

Его дом, его очаг – традиционная семья... Но при этом он оставался яростным фанатиком-революционером.

«Он был ужасен во время политических споров. Если бы у него была возможность, он искоренял бы противников огнем и мечом» (Иремашвили).

Все это время она пытается создать дом, в который он, избегая ареста, так редко приходит. А если и приходит, то только глубокой ночью, чтобы исчезнуть на рассвете.

Она рождает ему сына Якова. С грудным младенцем на руках она с трудом сводит концы с концами. Денег по-прежнему нет. Огромные средства, добытые мужем, немедленно уходят к Ленину. При этом полунищий Коба презирает деньги. Для него они – часть мира, который он взялся разрушить. И когда они у него появляются, он с легкостью раздает их друзьям.

Сергей Аллилуев: «В конце июля 1907 года я должен был уехать в Питер, денег не было, и по совету товарищей я отправился к Кобе». И Коба тотчас дает нужную сумму. Однако Аллилуев видит его нищету и, конечно, отказывается. Но Коба непреклонен, буквально всучивает деньги: «Бери, бери – пригодятся». И тот берет.

Вообще, Аллилуевы многим обязаны Кобе. Он спас из воды тонувшую девочку, дочь Сергея. Ту самую Наденьку...

И опять Като сидит без денег с кричащим младенцем. И опять Коба исчезает в ночи.

А потом она заболела... На лечение у Кобы не было денег.

Она умирала... Осенью он вынужден перевезти ее в Тифлис, где жила ее семья. Сванидзе смогут за ней ухаживать... Но было поздно. «Като скончалась на его руках», – писал Иремашвили. Есть фотография, хранившаяся в семье Сванидзе: Коба стоит над гробом – несчастный, потерянный, с всклокоченными волосами... Так он убил свою первую жену.

Дата рождения сына Кобы Якова – 1908 год – стоит во всех его анкетах. Но в Партархиве я нашел фотокопию газетного извещения «о смерти Екатерины Сванидзе, последовавшей 25 ноября 1907 года».

Как мог Яков родиться после смерти матери? Есть версия: он родился, конечно, в 1907 году. 1908-й – результат договоренности с местным священником, чтобы Яков пошел в царскую армию на год позже. Может быть, это правда. Но остается вопрос: почему потом, когда Яков получал паспорт, всеильный Сталин не возвратил верную дату?

Не возвратил. Ибо все, что касалось жизни таинственного Кобы, впоследствии старательно запутывалось Сталиным.

Новорожденный остался на руках родной сестры умершей. В ее семье Яков встретит революцию и будет жить до 1921 года. И только тогда Коба, ставший Сталиным, заберет сына в Москву.

Поразительные обстоятельства

«После смерти жены Коба стал ревностным организатором убийств князей, священников, буржуа» (Иремашвили).

Но тогда же появляются слухи – странные, точнее, страшные для революционера: бесстрашный Коба, удачливый Коба, уходящий от всех преследований, на самом деле провокатор, засланный полицией в революционное движение.

Однако слухи прерывает арест Кобы.

Коба – в тюрьме. При аресте у него найдены документы – доказательства «его принадлежности к запрещенному Бакинскому комитету РСДРП». Это дает полиции основание для нового обвинения – уже с перспективой каторжных работ. Но... Бакинское жандармское управление почему-то закрывает глаза на эти документы и рекомендует всего лишь вернуть Кобу на прежнее место ссылки – в Сольвычегодск сроком на три года. После чего новое удивительное решение: Особое совещание при министре внутренних дел отправляет Кобу в ссылку только на два года!

Путь ссыльных в забытый Богом городишко Сольвычегодск шел через Вятку. В камере вятской тюрьмы Коба заболел тифом. Из камеры его перевозят в губернскую земскую больницу.

Он находился на грани смерти. Но выжил.

В Сольвычегодске он снял комнату в доме Григорова. Крохотный городишко был в то время одним из центров революционной жизни: на 2000 жителей было 450 политических ссыльных. Все эти революционеры, получавшие пропитание от сославшего их государства, проводили дни в спорах о будущей революции.

В его государстве ссыльные будут жить совсем иначе...

В Сольвычегодске Коба поправился, поздоровел и уже в начале лета бежал. По полицейским сообщениям, побег произошел 24 июня 1909 года. И опять он не боится выбрать Кавказ!

Девять месяцев он находится на свободе. 23 марта 1910 года его арестовывают. Три месяца следствия, и вновь – поразительные обстоятельства! Помощник начальника Бакинского жандармского управления Н. Гелимбатовский пишет заключение: «Ввиду упорного его участия в деятельности революционных партий, в коих он занимал весьма видное положение, ввиду двухкратного его побега... принять меру взыскания – высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет». Но заключение игнорируют. Вместо него следует благодушное решение – выслать неисправимого Кобу в тот же Сольвычегодск! Так началась третья ссылка.

29 декабря 1910 года он опять поселился в доме Григорова, но прожил там на этот раз недолго. Вряд ли ему было там плохо – иначе бы он не поселился во второй раз. Скорее, сыграло свою роль нечто другое...

10 января 1911 года Коба переселяется в дом Матрены Прокопьевны Кузаковой, молодой вдовы. Она сама описала их встречу: «Зимой 1910 года зашел ко мне мужчина средних лет и спрашивает: «Жил у вас на квартире мой друг Асатиани?»

Посетитель назвался Иосифом Виссарионовичем Джугашвили. Одет не по-зимнему – в черном осеннем пальто и фетровой шляпе. Вдова поинтересовалась: «Сколько вам лет?» – «А сколько дадите?» – «Лет сорок, пожалуй». Он рассмеялся: «Мне только двадцать девять».

Свой дом Кузакова описала так: «Дом был тесный, дети спали прямо на полу... Детей у меня было много, иной раз расшумятся, какое уж тут чтение». Так что, видимо, не условия жизни в этом доме привлекли Кобу...

В 1978 году на телевидении праздновали 70-летний юбилей одного из телевизионных начальников – Константина Степановича Кузакова. Это был сын той самой Матрены Кузаковой.

Все телевидение знало: он сын Сталина! И похож, удивительно похож. Биография Константина Степановича была крайне загадочна. Один ответственный работник телевидения рассказывал мне: «Вскоре после возвышения Иосифа Виссарионовича вдову вызвали в столицу, дали квартиру в новом правительственном доме, юный Кузаков получил высшее образование и всю жизнь занимал высокие посты, соответствующие рангу заместителя министра. Сталина он никогда не видел. В конце 40-х годов Кузаков уже работал в ЦК партии. В это время началась очередная волна репрессий. Очередь дошла до Кузакова. Его выгнали из ЦК. Казалось, дни его сочтены, но он написал заявление на имя Сталина, и Кузакова тотчас оставили в покое... В анкете Кузакова в графе рождения стоит 1908 год, а его отец, согласно той же анкете, умер в 1905 году!»

Вот так-то! Впрочем, 1908 год – всего лишь осторожная деликатность. Так же, как напечатанный в «Правде» рассказ вдовы о знакомстве со Сталиным только в 1910 году.

Конечно, Коба не мог не познакомиться с нею еще в первой ссылке – в начале 1909 года, ибо тогда у вдовы квартировал его друг, грузинский революционер Асатиани. Утрата жены была тогда особенно остра. Добрая вдова, видимо, помогла ему забыть. Вот почему, когда Коба вновь появился в Сольвычегодске, он переехал в ее шумный дом. Так что Константин Степанович, скорее всего, родился годом позже. Я видел его не раз – старея, он становился все более похож на Сталина. Он это знал и немного играл: был нетороплив, немногословен. Дочь Сталина Светлана Аллилуева пишет, что, по рассказам теток, в одной из сибирских ссылок отец жил с крестьянкой и где-то должен быть их сын... Впрочем, как и все в биографии Кобы, это тоже будет надежно запутано Сталиным.

Уже после того как я закончил книгу, в самом конце сентября 1996 года в газете «Аргументы и факты» было напечатано интервью самого Кузакова под названием «Кузаков – сын Сталина». Предположения оказались верными: подходя к своему девяностолетию, Кузаков решился наконец открыть то, о чем молчал всю свою длинную жизнь. «Я был еще совсем маленьким, когда узнал, что я сын Сталина», – заявил он корреспонденту.

«Чижиков»

Ссылка Кобы закончилась, и с нею житье в шумном доме Кузаковой, где бегали многочисленные дети (как утверждали злые языки, весьма напоминавшие ее прежних ссыльных постояльцев). Не имея права выехать в столицу, Коба выбирает для жительства Вологду. Все это время Ленин помнит о верном удалом грузине, нетерпеливо зовет его. Об этом Коба пишет сам в письме, перлюстрированном полицией: «Ильич и Ко зазывают в один из двух центров (т. е. в Москву и Петербург.

– Э.Р.) до окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок, чтобы легально с большим

размахом приняться за дело, но если нужда острая, то, конечно, снимусь».

И опять странность. Почему этот великий конспиратор так странно доверчив? Как он мог забыть, что полиция перлюстрирует письма?

Вскоре в Департамент полиции пошло сообщение: «Как можно полагать, кавказец (так полиция именует Кобу. –

Э.Р.) в скором времени выедет в Петербург или в Москву для свидания с тамошними представителями организации и будет сопровождаться наблюдением... Явилось бы лучшим производством обыска и арест его нынче же в Вологде».

Но... никакого ареста! Руководство Департамента будто не слышит и никак не реагирует!

Немного спустя Ленин приказал – и тотчас Коба «снялся в Петербург». Следует новое донесение: «В 3.45 кавказец пришел на вокзал с вещами... вошел в вагон третьего класса в поезд, отходящий на Санкт-Петербург... Кавказец с означенным поездом уехал в Петербург».

И никакой попытки его задержать! Но почему?

Для побегов революционеры пользовались двумя видами документов. Первый – так называемые «липовые» – поддельные. Это старые просроченные паспорта, выкраденные из волостных правлений. Их обрабатывали химикатами, вписывали новые данные. И «железные» – подлинные паспорта, которые продавали местные жители, а продав, через некоторое время заявляли в полицию о пропаже.

После отъезда Кобы в делах жандармского управления появляется «Прошение жителя Вологды П.А. Чижикова о пропаже у него паспорта». Но к тому времени паспорт уже был найден: «В Петербурге в гостиничных номерах был задержан некий Чижиков, оказавшийся бежавшим с поселения И. Джугашвили».

И опять непонятное. С самого начала Коба должен был знать: побег в Петербург безнадежен. В это время в Киеве выстрелом из револьвера убит глава правительства Столыпин. Петербург наводнен полицейскими агентами. Как уцелеть с паспортом на имя Чижикова и с грузинской физиономией? Тем более что в Петербурге Коба вел себя совсем странно.

Вначале он был осторожен.

Из воспоминаний С. Аллилуева: «Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу... надеялся кого-нибудь встретить на улице. Это было безопаснее, чем искать по адресам. Под дождем он проходил весь день. Толпа на Невском редела, гасли огни реклам, и тогда он увидел Тодрию. После убийства Столыпина вся полиция была на ногах. Решили снять меблированную комнату. Швейцар вертел его паспорт недоверчиво – в нем он значился Петром Чижиковым. На следующее утро Тодрия повел его к нам».

Потом Аллилуев в окно видит шпииков, которые явно следят за квартирой. Но подозрительный Коба только шутит и настроен странно беспечно. Далее он и сопровождающий его рабочий Забелин с удивительной легкостью ускользают от наблюдения, он ночует у Забелина, после чего... возвращается в те же меблированные комнаты! И это – зная, что за ним следят!

Анна Аллилуева: «По словам самого Сталина, он был арестован по возвращении в меблированные комнаты поздно ночью, когда заснул».

Неудивительно, что его арестовывают. Удивительно другое: почему он так легкомысленно себя вел?

Вот так загадочно окончились три дня его жизни в Петербурге. До середины декабря ведется следствие. Наказание Коба вновь получает мягкое: его выслали на три года, да еще с правом выбора места жительства. Он снова выбрал Вологду.

Тут в следственном деле Джугашвили мелькнула еще одна фамилия, которой предстоит стать знаменитой: Молотов.

Молотов – партийная кличка революционера Вячеслава Скрябина. Под этой фамилией будущий министр иностранных дел СССР будет делить Европу и войдет в мировую историю.

Я просматриваю его скудный фонд в Партийном архиве. Автобиография, которую он написал в девятнадцать лет при аресте... Будущий министр тоже недоучился: в Казанском реальном училище он создал тайную революционную организацию, за что был исключен и отправлен в ссылку под надзор полиции – в тот же Сольвычегодск.

Итак, они были рядом, правда, в разное время. Судьбе угодно было отсрочить их встречу: в те дни, когда Коба покинул Сольвычегодск и бежал в Петербург, его будущий верный соратник там только появился. Причем вначале – в том же гостеприимном доме Кузаковой!

Романы молодых ссыльных... Как молоды они были, как полны надежд, тогда, на пороге второго десятилетия юного века... Их века, который принесет этим безызвестным людям власть и славу. А потом и гибель – большинству.

Введен в ЦК лично Лениным

В конце декабря 1911 года Коба прибыл в Вологду. Было Рождество, город радостно встречал великий праздник.

В новом году к Кобе вернулась удача. Орджоникидзе – давний друг и видный функционер партии – приезжает к нему в Вологду.

Григорий Орджоникидзе (партийная кличка Серго) моложе Кобы – он родился в 1886 году в дворянской грузинской семье. С семнадцати лет вступил в революционное движение, арестовывался, сидел в тюрьме, потом эмигрировал, жил во Франции, учился в большевистской партийной школе в Лонжюмо...

Орджоникидзе был известен в партии своим темпераментом и яростной манерой громогласно спорить, вернее, кричать на оппонентов. На одном из съездов партии его даже не захотели избрать в ЦК, но Ленин, ценивший его преданность, схитрил – объявил, что Серго глуховат на одно ухо и потому так кричит.

В 1912 году Орджоникидзе был нелегально послан Лениным в Россию – работать в подполье.

Орджоникидзе и рассказал Кобе об удивительных событиях, произошедших в партии: неутомимый Ленин совершил переворот! После поражения революции рядовые члены партии – и меньшевики, и большевики – стремились уничтожить раскол. Это подогревалось нехваткой средств у меньшевиков. Они пытались обсудить вопрос о шмидтовском наследстве, завещанном всей РСДРП и захваченном большевиками. Было принято решение о созыве Всероссийской конференции РСДРП для окончательного объединения враждующих. Но мало кто верил в это объединение.

«Разумеется, на такой конференции кучка драчунов, живущих за границей, будет состязаться

в крикливости... и ожидать чего-то путного от этих петухов – чистейший самообман», – саркастически заметила Роза Люксембург.

Но она не знала Ленина. Ему нужно было только показать партии: мы сделали все для объединения. После чего, обвинив меньшевиков в нежелании сотрудничать, в январе 1912 года Ленин открыто произвел переворот. Он созвал конференцию большевиков в Праге, и она провозгласила себя единственным представителем РСДРП, избрала большевистский ЦК. Среди членов нового ЦК были Ленин, Зиновьев, тот же Орджоникидзе, принимавший самое активное участие в подготовке пражского переворота, и прочие. Но Кобы среди них не было.

Коба был введен в ЦК позже – лично Лениным.

Возмущенные письма от Плеханова, от Троцкого, от лидеров меньшевиков, от немецких социалистов Ленин попросту игнорировал.

Это тоже было составной частью искусства Вождя нового века: абсолютное наплевательство на общественное мнение. Коба успешно постигнет и это.

Орджоникидзе сообщил Кобе волю Вождя: Ленин потребовал его побега. И через несколько дней после свидания с Орджоникидзе, 29 февраля 1912 года, он в очередной раз бежит.

Сбежав из ссылки, Коба развивает бешеную деятельность. Сначала посещает родной Тифлис – соскучился по солнцу в безысходной Сибири. Потом отправляется в Петербург, по дороге инспектируя провинциальные комитеты.

Полиция заботливо рисует его портрет: «Лицо в оспенных пятнах, глаза карие, усы черные, нос обыкновенный. Особые приметы: над правой бровью родинка, левая рука в локте не разгибается».

Революционерка Вера Швейцер дополняет:

«На обратном пути в Петербург он заехал в Ростов. Он оставил мне директивы для работы Донского комитета. В это время ЦК почти весь сидел... Мы дошли до вокзала пешком и, маскируя нашу встречу, выпили по чашечке кофе и провели вместе два часа до поезда. Он был в демисезонном пальто

черного цвета. На нем была темно-серая, почти

черная шляпа, и сам он был худой, а лицо

смуглое...»

Все то же пальто, все та же шляпа. Черный человек.

Выборы в Государственную думу очень волнуют Ленина. Ради них он уже пожертвовал самыми близкими людьми – направил на избирательную кампанию Инессу Арманд и Георгия Сафарова. Арманд – возлюбленная Ленина, с существованием которой приходится мириться Крупской. Сафаров в то время выполнял секретарские обязанности при Вожде.

Крупская: «Инесса и Сафаров, которых Ильич накачал инструкциями, были тотчас арестованы в Петербурге».

И тогда Ленин

заставил бежать Кобу.

В Петербург Коба доехал благополучно.

После революции Сафаров станет одним из руководителей Красного Урала и подпишет решение о расстреле царской семьи.

Через два десятка лет он сам будет расстрелян Сталиным.

Фантастическое путешествие

В Петербурге Коба руководит избирательной кампанией. Здесь он встречается Скрябина-Молотова, также нелегально проживающего в столице. К ним присоединяется еще один подпольный революционер – Свердлов.

На этот раз Коба – очень подозрителен. Обычно аресты производятся ночью – теперь он не возвращается домой ночевать. После сходов с рабочими, где обсуждается тактика кампании, он бродит всю ночь по извозничьим чайным и трактирам. В махорочном чаду, среди дремлющих за столами пьяниц и извозчиков Коба дожидается утра. От усталости и бессонных ночей он еле держится на ногах.

И все-таки петербургская весна закончилась арестом. Но если в сентябре 1911 года он был на свободе ровно три дня, то теперь – несколько недель. 22 апреля его арестовали. На этот раз ему не удалось уехать в хорошо знакомую Вологду – его отправляют в суровый Нарымский край. Но Коба не стал дожидаться ледяной нарымской зимы и уже 1 сентября бежал! В пятый раз!

В делах Департамента полиции есть телеграмма: «Джугашвили бежал из Нарымского края... намерен направиться к Ленину на совещание. В случае обнаружения наблюдения просьба задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу...»

Но почему-то ему опять разрешают благополучно переправиться через границу!

Он направляется сначала в Краков к Ленину, потом в ноябре преспокойно возвращается в Петербург, чтобы уже в конце декабря... вновь беспрепятственно вернуться в Краков на февральское совещание ЦК. И при этом у него нет заграничного паспорта! Но как? Как все это удалось?

Вот его собственное объяснение, пересказанное старшей дочерью Аллилуева – Анной.

Оказывается, адреса человека, который должен переправить его через границу, у Кобы не было. Но он встречает на базаре поляка-сапожника, и, когда тот узнает, что отец Кобы тоже был сапожник и бедняк в Грузии, которую так же угнетают, как Польшу, тотчас соглашается перевести его через границу. На прощание, не взяв денег, поляк говорит Кобе: «Мы, сыны угнетенных наций, должны помогать друг другу». «Я слышала этот рассказ, – пишет Аллилуева, – много лет спустя после революции... Он, смеясь, рассказывал нам».

Действительно, такое можно рассказывать только наивным девушкам и только смеясь. Так что по-прежнему остается открытым вопрос: как же он без заграничного паспорта, при предупрежденной о его маршруте полиции сумел дважды пересечь границу?

Через нудных, одинаковых вопросов без ответа.

«Чудесный грузин» из стали

За границей Коба наблюдает привольную жизнь большевистской эмиграции: споры о революции в кафе за чашечкой кофе. С иными живут жены, дети – нормальная жизнь, на которую он и ему подобные нелегалы в нечеловеческих условиях зарабатывают деньги в России.

Здесь у него была возможность наконец-то поговорить с Лениным. О чем они говорили? Наверное, о том же, о чем Ленин беседовал, к примеру, с Николаем Валентиновым и прочими симпатичными ему революционерами. Валентинов пересказал эти беседы.

Тема номер один – «кровавый марксизм».

«Быть марксистом, – говорил Ленин Валентинову, – это не значит выучить формулы марксизма... выучить сможет и попугай... чтобы быть марксистом, нужна соответствующая психология – то, что называют якобинством».

Якобинство – борьба за цель, «не исключая никаких решительных действий: борьба не в белых перчатках; борьба, не боящаяся прибегать к гильотине... Именно отношение к якобинству разделяет мировое социалистическое движение на два лагеря – революционный и реформистский». «От ража у Ленина краснели скулы, – писал Валентинов, – глаза превращались в маленькие точки».

И про якобинство, и про гильотину запомнит Коба. «Учимся понемногу, учимся».

Вслед за Лениным он переезжает в Австрию. В своем вечном черном пальто он оказывается в Вене.

В 1913 году Троцкий тоже был в Вене. Он сидел в квартире Скобелева – сына бакинского богача и тогдашнего верного ученика Троцкого (впоследствии его противника – министра Временного правительства). «Внезапно, – пишет Троцкий, – без стука открылась дверь и... на пороге появилась странная фигура: очень худой человек невысокого роста со смугло-серым отливом лица, на котором ясно виднелись следы оспы. Во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было принять за приветствие, налил молча стакан чаю и молча вышел.

– Это кавказец Джугашвили, – пояснил Скобелев. – Он вошел в ЦК большевиков и начинает играть у них, видимо, роль.

Впечатление было смутное, но незаурядное... априорная враждебность и угрюмая сосредоточенность...»

Так наконец заметил его Троцкий.

А Коба вернулся со стаканом чая к прерванной работе. Это была теоретическая работа. Ленин пригласил «национала» Кобу выступить против «бундовской сволочи» – еврейских социалистов, требовавших национально-культурной автономии, так и не сумевших забыть свою еврейскую принадлежность. Хотел ли Ленин использовать для дела даже столь ненавидимый им антисемитизм Кобы?

Коба усердно работал. Он писал о будущем мире, где восторжествует интернационализм, где не будет жалких наций – но единый мир победившего пролетариата. Ленин заботливо отредактировал работу.

«У нас один чудесный грузин засел и пишет большую статью», – сообщал он Горькому.

Под этой работой Коба поставил уже свое новое партийное имя – «Сталин», Человек из

стали.

Это было модно: Скрябин стал Молотовым – громящим врагов, как молот; был большевик Броневой – твердый, как броня. И так далее. Но при этом Коба не взял имя «Сталев» – наподобие «Каменев». Нет, Сталин – чтоб звучало как Ленин! Как и положено азиату, он был во всем – раб перед господином.

Эти наивные клички вызывали улыбку у интеллектуала Троцкого.

Из Вены Коба пишет письмо любимцу Ленина – главе фракции большевиков в Государственной думе Малиновскому, блестящему оратору, организатору профсоюза металлистов. Как и в случае с Кобой, именно Ленин выступил инициатором избрания Малиновского в ЦК партии. Но одновременно с высокими партийными обязанностями Малиновский исполнял должность... штатного осведомителя Департамента полиции!

Таков был петербургский адресат Кобы. Судя по письму, они были коротко знакомы. Оба из нелегалов, из тех руководителей партии, которые не отсиживались за границей, а работали в России. В этом откровенном письме Коба жалуется Малиновскому: «Занят вздором, чепухой». Так он определил свои теоретические занятия... Ему скучно. Он не может быть здесь первым – он может лишь повторять ленинские мысли.

Ленин отсылает его в Россию. Коба возвращается в Петербург – руководит работой думской фракции. И опять ведет себя крайне осторожно.

Из воспоминаний большевички Т. Словатинской (бабушки писателя Юрия Трифонова): «Я жила на конспиративной квартире вместе с дочерью. В одной из комнат прятался А. Сольц – большевик, за плечами которого и ссылки, и тюрьмы. Он жил в маленькой комнатке, предназначенной для прислуги. Однажды Сольц сказал, что приведет товарища-кавказца, с которым хочет меня познакомить. И тут выяснилось, что на самом деле этот кавказец уже несколько дней живет у Сольца, не выходя из комнаты. Видно, все те же неписанные законы конспирации не позволяли им даже мне открыться... Так я познакомилась со Сталиным. Он показался мне сперва слишком серьезным, замкнутым и стеснительным. Казалось, больше всего он боится чем-то затруднить и стеснить кого-то. С трудом я настояла, чтоб он спал в большой комнате и с большими удобствами. Уходя на работу, я каждый раз просила его обедать с детьми... но он запирался на целый день в комнате, питался пивом и хлебом... Его арестовали весной 1913 года на благотворительном вечере. Мы часто с каким-либо студенческим землячеством устраивали концерты, якобы с благотворительной целью, а на деле – чтобы собрать деньги для партии... Помню, как сейчас... он сидел за столиком... и беседовал с депутатом Малиновским, когда заметил, что за ним следят... Он вышел на минутку в артистическую комнату и попросил вызвать меня... он сказал, что появилась полиция, уйти невозможно, сейчас он будет арестован. Попросил сообщить, что перед концертом он был у Малиновского. Действительно, как только Сталин вернулся, к его столику подошли двое штатских и попросили его выйти с ними. О том, что Малиновский провокатор, никто еще не знал».

За краем света

На сей раз наказание более сурово: Кобу выслали в Туруханский край сроком на четыре года.

В арестантском вагоне – через Урал и Сибирь в Красноярск, а оттуда – на край света, в Туруханский край. Его везут в лодке по бурному Енисею в село Монастырское. Из

Монастырского дальше, за край света, в поселок Костино. Потом его переведут за Полярный круг – в поселок Курейку. Его встречают места жуткие для жителя солнечного юга – бесконечная свирепая зима, сырое короткое лето с тучами мошкары и тревожными белыми ночами. Время тут остановилось. Бескрайнее ледяное небо и крохотный человек. Здесь покончил с собой большевик Иосиф Дубровинский – соратник Ленина, здесь погибнет от чахотки другой известный большевик – Спандарян.

Шел 1913 год – Россия праздновала трехсотлетний юбилей династии Романовых. Строй казался незыблемым. И Ленин с печалью признавался: не увидеть им революции при жизни...

Коба рассылает жалобные письма.

«Кажется, никогда еще не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усиливающимся морозом (37 градусов холода), – пишет он думской фракции большевиков. – Нет запасов ни хлеба, ни сахара, здесь все дорогое, нужно молоко, нужны дрова... но нет денег. У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться. Моя просьба состоит в том, что если у фракции до сих пор остался фонд репрессированных, пусть она... выдаст мне... хотя бы рублей 60».

В издательство «Просвещение»: «У меня нет ни гроша, все запасы вышли... были кой-какие деньги, да ушли на теплую одежду... нельзя ли растормошить знакомых и раздобыть рублей 20–30. Это было бы прямо спасение...»

Пишет он и в семью Аллилуевых. Услышав о его бедственном положении, они тотчас выслали ему деньги. Впоследствии он ненавидел писать длинные письма. Но тогда в этом страшном краю письма были единственной возможностью говорить с близкими, а ближе этой полужнакомой семьи у одинокого Кобы никого не было: «Прошу только об одном: не тратьтесь на меня, вам деньги самим нужны, у вас большая семья... Я буду доволен и тем, если вы время от времени будете присылать открытые письма с видами природы... В этом проклятом краю природа скудна до безобразия, и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге».

В Партархиве хранится рассказ «В пургу», написанный со слов Кобы сыном Сергея Аллилуева – Федором. Видимо, когда он ухаживал за Надей Аллилуевой, Коба, как шекспировский Отелло, рассказывал о «мучительном прошлом»... Как он шел в полярную ночь – добывать рыбу, которая была «вся его пища». И как однажды чуть не погиб...

«Мороз все крепчал... голубоватый в свете луны снег и тени от торосов. Ледяная пустыня. Но подул северный ветер, завьюжило, и скрылись звезды. Он попал в пургу. Вешки, которыми отмечали путь, исчезли в пурге. При каждом порыве ледяной стужи лицо немело, превратившись в ледяную маску. Саднящая боль. Пар изо рта смерзался. Голова и грудь покрылись ледяной коркой, дышать невозможно, обындевевшие веки слипались. Тело растеряло тепло. Но он все шел. И дошел...»

Все это время Ленин не раз поднимал вопрос: как помочь Кобе бежать? Однако «сапоги» (так называли паспорта для побега) ему так и не прибыли... Но отчего сам Коба не попытался бежать? Он, который столько раз бежал из всех ссылок, конечно же, должен был бежать из этой – самой ужасной... Ничего подобного! Он страдает и покорно продолжает жить в этом аду. Почему?

Возможно, в этом вопросе и скрыта главная загадка Кобы.

Тринадцатый провокатор

Помню, студентом я проходил практику в Центральном Историческом архиве в Москве. Там я увидел картотеку Московского охранного отделения. Это была картотека революционеров: синие – большевики, белые – кадеты, розовые – эсеры. Более 30 000 карточек – на всех видных деятелей революции. На обороте карточек – клички провокаторов, давших эти сведения... Здесь же была знаменитая секретнейшая картотека Департамента полиции – в ней учитывались революционеры-провокаторы. Завербованный ценный провокатор открывал путь наверх для чиновника Департамента, так что они берегли своих подопечных. «Вы должны смотреть на сотрудника как на любимую замужнюю женщину, с которой находитесь в связи. Один неосторожный шаг – и вы ее погубите», – говорил В. Зубатов, глава охранки.

После Февральской революции Временное правительство создало ряд комиссий – и многие видные провокаторы были выявлены. Но приход к власти большевиков изменил ситуацию. Особая комиссия при Историко-революционном архиве в Петрограде, выявлявшая провокаторов, уже в 1919 году была упразднена. Однако в результате ее деятельности были обнаружены двенадцать провокаторов, работавших среди большевиков. А вот тринадцатый, имевший кличку Василий, так и не был выявлен...

Слухи о том, что Коба – провокатор, появились уже в начале его деятельности. Когда я начинал писать эту книгу, на Кутузовском проспекте жила член партии с 1916 года Ольга Шатуновская – личный секретарь председателя Бакинской коммуны Степана Шаумяна. В 30-х годах она, конечно же, была репрессирована, реабилитирована во времена Хрущева и занимала высокий пост члена Комиссии Партконтроля. Шатуновская много раз публично заявляла: Шаумян был абсолютно уверен, что Сталин – провокатор. Шаумян рассказывал о своем аресте на конспиративной квартире в 1905 году, о которой знал только один человек – Коба. Три года существовала в предместье Тифлиса подпольная типография. Весной 1906 года ее разгромила полиция. И опять упорный слух – Коба.

О подозрениях Шаумяна свидетельствуют не только рассказ Шатуновской, но и опубликованные документы:

«Бакинскому охранному отделению. Вчера заседал Бакинский комитет РСДРП. На нем присутствовали приехавший из центра Джугашвили-Сталин, член комитета Кузьма (партийная кличка Шаумяна. –

Э.Р.) и другие. Члены предъявили Джугашвили-Сталину обвинение в том, что он является провокатором, агентом охранки. Что он похитил партийные деньги. На это Джугашвили-Сталин ответил им взаимными обвинениями. Фигус».

Этот документ хранился в секретном фонде Архива Октябрьской революции. Под кличкой Фигус в полиции проходил Николай Ериков. Этот революционер, проживавший нелегально под именем Бакрадзе, состоял секретным сотрудником охранки с 1909 по 1917 год. В партии он был со дня ее основания.

И далее Фигус сообщает: «Присланные Центральным Комитетом 150 рублей на постановку большой техники (типографии).

– Э.Р.)... находятся у Кузьмы, и он пока отказывается их выдать Кобе... Коба несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно выражая Кобе недоверие». Именно в этот момент наибольшего напряжения Коба и был арестован полицией. Арест и ссылка покончили на время с ужасными слухами. И вот уже Шаумян сочувственно пишет: «На днях нам сообщили, что Кобу высылают на Север, а у него нет ни копейки денег, нет пальто и даже платья на нем».

В 1947 году, готовя второе издание «Краткой биографии», Сталин внес в старый текст интереснейшую правку. Она сохранилась в Партархиве.

В старом тексте написано: «С 1902 до 1913 года Сталин арестовывался восемь раз». Но Сталин исправляет – «семь».

В старом тексте – «Бежал из ссылки шесть раз». Он исправляет – «пять».

Какой-то арест его явно тревожил, и он решил его изъять.

Шатуновская считала: тот самый, когда он стал провокатором.

Я слышал рассказы Шатуновской уже в конце хрущевской оттепели. Со страстью она сыпала именами старых большевиков, знавших о провокаторстве Кобы: секретарь Ростовского обкома Шеболдаев, член Политбюро Косиор, командарм Якир...

Из письма Л. Корина: «Слух о провокаторстве Сталина был известен в Коминтерне. Мой отчим, старый большевик, рассказывал: «Как-то в Коминтерне Радек читал вслух секретную инструкцию Департамента полиции о вербовке провокаторов. Это делалось, чтобы научить компартии бороться с провокаторами и самим вербовать агентов. Причем читал с неподражаемым легким сталинским акцентом...»

Самое забавное: в фонде Коминтерна я наткнулся на эту инструкцию. Вот несколько выдержек:

«Наибольшую пользу секретные агенты приносят охранному отделению, если они стоят во главе партии... Если оно не в состоянии завербовать такого агента, то охранное отделение старается провести его с низов к вершине партии».

«Наиболее подходящие лица к заагитированию – лица, самовольно возвратившиеся из ссылки, задержанные при переходе границы, арестованные с уликами, предназначенные к высылке. Если секретному агенту грозит разоблачение, то он арестовывается вместе с другими членами партии, и в том числе с тем, от которого узнали о его провокаторстве».

Так что можно представить, как пишет Корин, что «чтение Радека имело большой успех у посвященных слушателей».

Шатуновская рассказывала, что материалы о провокаторстве Сталина были переданы Хрущеву. Но когда его попросили о дальнейшем расследовании, Хрущев только замахал руками: «Это невозможно! Выходит, что нашей страной тридцать лет руководил агент царской охранки?»

Здесь следует вспомнить все фантастические побеги Кобы, его поездки за границу, странное благоволение полиции и бесконечные тщетные телеграммы с требованием задержания, ареста, которые почему-то остаются без последствий.

Очередная шифрограмма начальника Московского охранного отделения А. Мартынова в Петербургское охранное отделение: «1 ноября 1912 года. Коба-Джугашвили направляется в Питер, и его следует задержать... перед отъездом за границу».

Но Коба преспокойно проследовал за границу через Петербург! В очередной раз! И участвовал вместе с Лениным в краковском совещании большевиков, на котором, кстати, присутствовал и провокатор Малиновский.

Неужели Коба действительно был агентом охранки?

Чтобы разобраться, следует вспомнить странную историю его близкого знакомого и адресата

– Малиновского, «русского Бебеля», как называл его Ильич. Уже с 1912 года некоторые члены партии имели серьезные подозрения против Малиновского. В то время он был избран от Москвы в Государственную думу, стал главой большевистской фракции. Когда председатель Думы узнал о его службе в полиции, Малиновскому было предложено тихо уйти. Он уехал из столицы. Это странное исчезновение всполошило большевиков. Вспоминаются слухи о провокаторстве, назначается расследование, создается комиссия. Малиновский соглашается предстать перед ней. Комиссия заслушивает всех обвиняющих, но Малиновского упорно защищает Ленин. В результате комиссия объявляет: «Обвинения в провокаторстве не доказаны». При этом некую личную историю, которой Малиновский объяснял свой уход из Думы, решено не оглашать.

И в дальнейшем Ленин горой стоит за своего любимца. Когда молодой Бухарин рьяно выступил против Малиновского, Ленин написал ему письмо на бланке ЦК: если он будет продолжать клеветать на Малиновского, его исключат из партии...

Реабилитированный Малиновский продолжал служить РСДРП. Во время войны он пошел добровольцем в армию с секретной задачей – сдать немцам и в плену вести большевистскую пропаганду среди русских военнопленных. В Партархиве существует заботливое письмо Ленина Малиновскому об отправке ему в 1915 году теплых вещей в лагерь военнопленных.

Однако после Февральской революции провокаторство Малиновского было доказано. И Ленин... продолжал биться до конца! По западным источникам, он решительно заявил комиссии Временного правительства: «Я не верю в провокаторство Малиновского, потому что будь Малиновский провокатор, то от этого охранка не выиграла бы так, как выиграла наша партия...»

В этом ответе Ленина, возможно, открыт ключ к удивительной ситуации. Действительно, Малиновский принес партии куда больше пользы, чем вреда: его зажигательные речи в Думе, существование «Правды» – газеты большевиков, где печатались крамольные статьи, – все это властям приходилось терпеть под нажимом охранки, покрывавшей Малиновского.

О том же говорит один из руководителей охранки, Виссарионов: «Когда я стал читать его выступления в Думе, я пришел к заключению, что более нельзя продолжать работу с ним».

В этом заявлении слышится голос обманутого человека.

Однако документов становилось все больше, и большевикам пришлось уступить. Имя Малиновского стало синонимом провокаторства наряду с именами Азефа и Дегаева. И вот после Октябрьского переворота, в октябре 1918 года, Малиновский... возвращается из Германии в Петроград! Его тотчас арестовывают, переправляют в Москву. Уже 5 ноября в Кремле состоялся суд, и Малиновский сделал странное заявление, о котором в своей книге о Ленине пишет Луис Фишер: «Ленину должна быть известна моя связь с полицией».

Он просил очной ставки с Ильичем, но... его поторопились расстрелять.

Думая над историей Малиновского, я вспомнил свою студенческую юность. В тот год у нас шли практические занятия в том самом Историческом архиве, где находились уже упоминавшиеся картотеки провокаторов и революционеров. В те годы в архив часто приходили запросы старых большевиков, хлопотавших об установлении им пенсии за революционные заслуги.

Тогда я стал свидетелем одной истории. Очередной старый большевик попросил справку о своей революционной деятельности. И сотрудница нашла его имя в картотеке провокаторов.

И вот он пришел в архив за справкой. Благоволившая ко мне руководительница практики

позволила мне присутствовать при разговоре... Я помню этого старика – высокого, с белоснежными волосами. И никогда не забуду его усмешку, когда ему сказали об открытии.

Состоялся удивительный разговор. Передаю его, естественно, по памяти. Но смысл, поразивший меня тогда, сохраняю в точности.

– Да, я числился агентом, но им не был... – сказал старик. – Я работал с согласия партии. Так мы доставали информацию. К сожалению, те, кто меня послал в полицию, давно расстреляны Сталиным.

– Но вы же выдали... – Сотрудница назвала имена.

– Как вы понимаете, так приходилось поступать, чтобы полиция верила... Но уверяю вас, если бы выданные мною знали об этом – они одобрили бы мои действия. Наши жизни принадлежали партии. Для ее блага мы жертвовали и свободой, и жизнью... Впрочем, сейчас это трудно понять: революционеры погибли – Термидор победил.

Хорошо помню: он встал и ушел, не прощаясь.

Вспомним «Катехизис» Нечаева: все те же идеи! Известная социалистка Анжелика Балабанова записывает поразившее ее суждение Ленина о готовности использовать провокаторов в интересах дела: «Когда вы начнете понимать жизнь? Провокаторы? Если бы я мог, я поместил бы их в лагере Корнилова».

Версия

Итак, моя версия о Малиновском. Сначала полиция, узнав о его темном прошлом (изнасилование, воровство и прочее), начала его шантажировать и предложила стать агентом. Впоследствии Малиновский, достигнув большого влияния в партии, решился сообщить об этом Ленину. Как и ожидал хорошо изучивший Ленина Малиновский, Вождь равнодушно отнесся к его прошлым преступлениям. Они не были совершены против партии, и с точки зрения «Катехизиса», призывавшего сотрудничать даже с разбойниками, Малиновский был невиновен. Ленин понял: нельзя было допустить, чтобы очернили «русского Бебеля», ибо это очернило бы партию. И вот тогда, видимо, Ленин принял решение абсолютно в духе «Катехизиса»: Малиновский должен продолжать быть провокатором, чтобы большевики смогли использовать полицию! Конечно, впоследствии, по ходу взаимоотношений Малиновского с полицией, приходилось даже жертвовать «некоторыми товарищами», но отдавали самых ненужных – «революционеров второго разряда» (говоря языком «Катехизиса»). Зато польза делу, которую теперь приносил Малиновский, была несравненно больше. Благодаря полиции Малиновский прошел в Думу, где беспрепятственно громил самодержавие. Многим помог он и «Правде». Его провокаторство происходило в обстановке обычной строжайшей секретности, и, скорее всего, никто, кроме Вождя, не знал об этом. Вот почему, когда свершилась революция, Малиновский вернулся в Россию. Но он забыл «Катехизис»: главное – польза дела. Ленин не мог открыто объявить о существовании уголовного крыла своей партии. И забывчивого Малиновского расстреляли.

Но вряд ли история Малиновского была единичным явлением. Возможно, была целая практика двойных агентов. И коварный восточный человек, как никто, подходил для этой роли. Вероятно, чтобы вести успешнее «бомбовые дела», Кобе и было предписано Вождем вступить в контакт с полицией. Тогда все становится понятней: и почему он так легко бежит, и почему так мало заботится о своей безопасности. И почему Ленина не тревожат его странно удачные побеги и слишком легкие поездки за границу.

«Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском» (из секретной инструкции Департамента полиции).

Но, как и в случае с Малиновским, полиция, видимо, начала догадываться о двойной игре Кобы. Потеряв покровительство полиции, он был вынужден стать очень осторожным. Ему пришлось перестать заниматься «эксами» и сосредоточиться на работе с думской фракцией. Он сумел и здесь доказать свою ценность для Ленина. Но после окончания выборов он перестал быть так уж ценен для партии. Руководить текущей работой фракции – то есть выполнять полученные из-за границы указания Ленина – могли и другие.

И возможно, Малиновскому позволили его выдать...

Кобе пришлось понять: его предали. Им пожертвовали. Он стал «революционером второго разряда»!

Но понял он это не сразу. Из туруханской ссылки он шлет письма Ленину. Он верит – его спасут, помогут бежать. Ведь теперь, без помощи полиции, ему не сделать это одному.

«Коба прислал привет и сообщение, что он здоров», – пишет Ленин Карпинскому в августе 1915 года. Но Кобе Ленин не ответил.

Ему не до Кобы. Пока тот гниет в Туруханском крае, начинается мировая война. И с нею великая драка между социалистами. Большинство поддерживает свои правительства. Но Ленин заявляет: «Наименьшим злом было бы теперь поражение царизма».

Поражение в войне, кровь солдат, «чем хуже – тем лучше» – вот путь к революции. Впрочем, через несколько месяцев, когда Ленин решил оживить деятельность Русского бюро ЦК, интерес к Кобе возродился. Ленин пишет Карпинскому: «Большая просьба, узнайте фамилию Кобы (Иосиф Дж.? Мы забыли. Очень важно!!!)».

Ленин уже не мог вспомнить фамилию верного Кобы...

Но видимо, планы Вождя переменились. И опять молчание.

А Коба все пытается напомнить о себе. Пишет статью по национальному вопросу: Ленин так любил, когда «чудесный грузин» Коба переписывал его мысли. Коба отсылает статью. Но... Ленин не отвечает.

Забыли, забыли верного Кобу...

Глава 5 Новый Коба

Итоги

Вскоре в Сибирь приехало пополнение. Послушные воле Ленина, думцы-большевики отказались втирывать военные кредиты. Депутаты объезжали Россию, агитируя против войны. Вся думская фракция большевиков была арестована.

В разговорах с ними Коба, видимо, окончательно уяснил роль Малиновского. И свою жалкую

роль. Когда-то он потерял веру в Бога. Теперь наступил второй страшный переворот в его душе. Он потерял веру в бога Ленина и в товарищей.

Он мог подвести итоги. Ему 37 лет – жизнь уже повернулась к смерти. И кто он? Член Центрального Комитета партии говорунов, большинство которых сидит по тюрьмам, а остальные ругаются между собой по границам. Жизнь не удалась! Теперь по целым дням он лежит, повернувшись лицом к стене. Он перестал убирать комнату, мыть после еды посуду. Деливший с ним жилье Свердлов рассказывал, как с усмешкой Коба ставил тарелки с объедками на пол и смотрел, как пес вылизывает посуду. И Свердлов вздохнул с облегчением, переехав в другой дом.

Между тем началась мобилизация в армию среди ссыльных. Свердлову службу в армии не доверили, а Кобу решили призвать.

И опять везли полузамерзшего грузина по тундре, по скованной льдом реке. Лишь через шесть недель, в конце 1916 года, измученного, привезли его в Красноярск на медицинскую комиссию. Но повезло: усохшая левая рука освободила от военной службы будущего Верховного Главнокомандующего.

Срок его ссылки заканчивался 7 июня 1917 года. И вновь некоторое благоволение властей: 20 февраля, за три с лишним месяца до окончания срока ссылки, ему разрешено отбыть в городок Ачинск.

В Ачинске в то время жил в ссылке Лев Каменев, редактор «Правды». Он был осужден вместе с фракцией большевиков в 1915 году. На суде вел себя странно, точнее, трусливо: в отличие от думцев-большевиков отказался осудить войну. Но все равно получил свою ссылку в Туруханский край.

По прибытии Каменев тут же был вызван на товарищеский суд ссыльных большевиков. В суде принимали участие только члены ЦК. И Каменев странно легко оправдался. Он сообщил нечто такое, в результате чего была принята резолюция, одобрявшая поведение всех большевиков на царском суде.

Уже после Февральской революции молодые вожди петроградских большевиков попытаются вновь устроить суд над Каменевым, на что тот величественно им ответит: «Ввиду партийно-политических соображений не могу дать всех объяснений по поводу своего поведения на суде впредь до переговоров с товарищем Лениным». Иными словами, он объяснил молодым большевикам, что есть вещи, о которых могут знать только вожди партии. И действительно, когда Ленин приедет в Петроград, «трус» Каменев с его одобрения станет членом ЦК.

Да, видимо, и это была столь знакомая Кобе двойная игра: Каменеву было

поручено предать свои убеждения на суде. Ленин попытался сохранить на свободе нужного ему соратника. Но полиция поняла маневр, и Каменев получил ссылку.

В Ачинске Коба частенько навещает Каменева. Лев Борисович ораторствовал, учил мрачного грузина, а Коба слушал, молчал, попыхивая трубкой. Учился.

Если бы знал Каменев, какой ад был в душе Кобы. Сколько он понял, передумал. И как изменился.

17-й год

«Некто 17-й год», – зловеще назвал его в своих предвидениях Велемир Хлебников.

Военные поражения, нехватка хлеба и холодная зима разбудили надежды революционеров. «Что-то в мире происходит. Утром страшно развернуть лист газетный», – писал Александр Блок.

В фельетоне, напечатанном в «Русском слове», Тэффи перечисляет слова, наиболее часто слышимые в толпе: «Отечество продают», «Дороговизна растет», «Власти бездействуют»...

Мейерхольд ставит «Маскарад», где в фантастически роскошных декорациях по сцене скользил, кривлялся Некто... Это была Смерть.

И свершилось! Сразу! Как бывает только на Руси! Свершилось то, о чем год назад нельзя было даже помыслить: в Петрограде произошла революция!

«Все сооружение рассыпалось как-то даже без облака пыли и очень быстро», – с изумлением писал будущий строитель Мавзолея А. Щусев.

И Бунин записал слова извозчика: «Мы – народ темный. Скажи одному: «трогай», а за ним и все».

Тюрьмы открыты, горят охранные отделения. Кто-то сумел позаботиться – настроил толпу. В революционном пожаре горят списки секретных сотрудников охраны...

И вот уже в Ачинске узнают потрясающую весть: царь отрекся от престола. Так в одночасье переменилась судьба Кобы.

Его прежняя энергия проснулась. Но это был уже новый Коба.

Каменев и Коба спешат в революционную столицу. Вместе с ними в поезде большая группа сибирских ссыльных.

В вагоне было холодно. Коба мучился, мерз, и Каменев отдал ему свои теплые носки. На станциях ссыльных встречали восторженно, а среди них и его – безвестного неудачника Кобу. Теперь они назывались «жертвы проклятого царского режима». Как всегда в России, после падения правителей в обществе проснулась ненависть ко всему, что связано с павшим режимом.

12 марта транссибирский экспресс привез его в Петроград. Он успел – прибыл в столицу одним из первых ссыльных большевиков и сразу направился к Аллилуевым.

Анна Аллилуева: «Все в том же костюме, косоворотке и в валенках, только лицо его стало значительно старше. Он смешно показывал в лицах ораторов, которые устраивали встречи на вокзалах. Он стал веселый».

«Нежная революция»

Стояли мартовские дни, полные солнца. Солдатики, совершившие революцию, еще мирно сидели в петроградских кафе, и хозяева кормили их даром. Это были солдаты Петроградского гарнизона, те, кто под разными предлогами сумел остаться в столице и избежал фронта. «Беговые батальоны» – так презрительно называли их в действующей армии, ибо, когда их направляли на фронт, они бежали в первом же сражении. Они ненавидели войну и быстро стали находкой для революционной пропаганды. Теперь они

чувствовали себя героями.

Интеллигенция была счастлива: отменена цензура, впервые – свобода слова. Политические партии росли как грибы. В театрах перед представлениями выходили знаменитые актрисы и, потрясая разорванными бутафорскими кандалами, символизирующими освобожденную Россию, пели «Марсельезу». Свобода, свобода! Петроградские улицы покрылись красным – красными бантами, красными флагами нескончаемых демонстраций. Все это напоминало о крови. Чернели только сожженные полицейские участки...

И солнце светило в те дни как-то особенно ярко. Даже свергнутая царица писала в своем письме отрекшемуся царю: «Какое яркое солнце...» Хотя уже тогда убивали: офицеров, полицейских... и в газетах было напечатано: «Убит тверской генерал-губернатор». (Впрочем, в той же газете объясняли: «Он был известный реакционер...»)

С каким интересом следил вчерашний ссыльный за событиями! Он понимал эту революционность столицы с ее интеллигентскими идеями, с гарнизоном, не желавшим идти на фронт... Но остальная Россия, Святая Русь, миллионы крестьян, которые еще вчера молились за царя – помазанника Божьего, – что скажут они?

И они сказали... «С какой легкостью деревня отказалась от царя... даже не верится, как пушинку сдули с рукава», – с изумлением писала в те дни газета «Русское слово».

Значит, правы были те, кто говорил о возможности переворота сверху? Значит, это верно: в стране рабов боятся силы и подчиняются силе... «Учимся понемногу, учимся».

Едва сошедши с поезда, туруханские ссыльные начали действовать. Ленин, Зиновьев и прочие лидеры большевиков были в эмиграции. Как и в 1905 году, они не готовили революцию, участия в ней не принимали. И теперь оказались отрезанными от России: как русские подданные, они не имели права проехать через сражавшуюся с Россией Германию и лихорадочно решали: что делать?

В Петрограде большевистскими организациями руководили молодые люди: уже знакомый нам Вячеслав Скрябин-Молотов и его сверстники, выходцы из рабочих – Шляпников и Залуцкий. Им удалось в начале марта наладить выпуск «Правды». Редакцию возглавил Молотов, с ним – «революционеры второго ранга». Еще недавно их заседания проходили по чердакам – теперь большевики реквизировали роскошный особняк балерины Кшесинской. Была в этом какая-то злая ирония: самая радикальная партия разместилась в скандальном «любовном гнездышке».

Коба и Каменев тотчас отправились в особняк. На заплеванной окурками, недавно роскошной лестнице – черные тужурки рабочих и серые солдатские шинели. В спальне стучали «ундервуды» – там работал секретариат партии...

Молодые петроградцы не проявили восторга по поводу появления туруханцев. Но те действовали жестко.

«В 17-м году Сталин и Каменев из редакции «Правды» вышибли меня умелой рукой. Без излишнего шума, деликатно», – вспомнит эти дни девяностолетний Молотов. Опять наступило время бушующей толпы, время улицы, время ораторов. Весь этот период бывший поэт проведет редактором в «Правде».

Глава 6 Партии великого шахматиста

Дебют: встреча с властью

Его статьи в «Правде» поразят историков странным забвением взглядов его учителя Ленина. Кобе явно нравится эта буржуазная революция, столь успешно перевернувшая его жизнь. Он славит Российскую социал-демократическую партию, совершенно забыв, что единой партии для последователя Ленина быть не может: есть два непримиримых врага – большевики и меньшевики. В то время как Шляпников и молодые петроградцы призывают к ленинским лозунгам – братанию на фронте, немедленному прекращению войны, – Коба пишет в «Правде»: «Лозунг «Долой войну!» совершенно не пригоден ныне как практический путь». Каменев идет дальше – призывает солдат «отвечать пулей на немецкую пулю».

Но Коба не только пишет. Вместе с Каменевым он поворачивает политику петроградских большевиков – начинает кампанию объединения большевиков с левым крылом меньшевиков. Кампанию, преступную для последователя Ленина!

Впоследствии Троцкий напишет о «растерянном Кобе, который в те дни следовал за Каменевым и повторял меньшевистские идеи». И Троцкий прав. Только он не понимает – почему.

Наряду с Временным правительством в Петрограде с начала революции установилась вторая власть – Совет рабочих и солдатских депутатов. Сам термин «Совет» очень удачно родился еще в революцию 1905 года. Слово уходило корнями в крестьянское сознание, в традицию русской соборности.

Пока Дума, захлестнутая революцией, пыталась предотвратить хаос, две революционные партии – эсеры и меньшевики – в казармах и на заводах быстро провели «летучие выборы» простым поднятием рук. Уже 27 февраля было объявлено о создании Петроградского Совета. В него вошли делегаты от рабочих и, что самое важное, от воинских частей. Руководили Советом, конечно, те, кто умело продирижировал выборами: революционная интеллигенция – эсеры и меньшевики. Теперь в Таврическом дворце, где заседала Дума, объявилась еще одна власть – Совет. Власть, опирающаяся на толпу.

При помощи солдатских депутатов Совет контролирует гарнизон. Он издает знаменитый «Приказ номер один»: в частях правят теперь солдатские комитеты, офицеры поставлены под контроль солдат. Это – конец дисциплины. Уже началась охота на офицеров...

Да, Совет – это сила. Он воистину делит власть со слабым Временным правительством – в его состав уже введен председатель Совета, эсер Александр Керенский.

Совет предложил новый обычай: полки приходят к Таврическому дворцу, где заседает Дума, формально – для выражения ей поддержки. Но уже 3 марта председателя Думы Михаила Родзянко едва не расстреляли пришедшие матросы. И Коба теперь каждый день мог наблюдать одну и ту же картину: перед дворцом яблоку негде упасть – толпа серой солдатни и черноватого рабочего люда. Грузовики, набитые солдатами и рабочими, режут толпу, торчат во все стороны штыки и красные флаги. Непрерывные крики, зажигательные речи... Из вестибюля дворца льется поток людей. Чтобы двинуться куда-то, надо в него включиться...

Растет, растет могущество Совета. Коба знает: это по решению Совета солдатики проводят обыски в квартирах бывших царских сановников – пока не без робости. И после обыска, смущаясь, просят на чай у обыскиваемого барина – Россия!

Но уже идут аресты. В Совет привозят «прислужников царского режима». Приволокли бывшего министра юстиции Щегловитова, – его спас от самосуда Керенский. Уже срывали со старика погоны, когда Керенский вырос перед толпой с криком: «Только через мой труп!» Накануне приезда Кобы Совет заставил Временное правительство арестовать отрекшегося царя и отправить его министров в камеры Петропавловской крепости.

Пока Совет не может сместить Временное правительство, ибо в глазах России и оно, и Дума – зачинатели революции... Но Совет уже открыто его контролирует. Появляется зловещая формула «постольку-поскольку»: правительство может управлять, постольку-поскольку его поддерживает Совет...

Могущественен Совет – и теперь Коба стал частью этого могущества. Во главе Совета стоят старые его знакомцы по Кавказу, грузинские революционеры. Председатель Совета – меньшевик Николай Чхеидзе, другой влиятельнейшей фигурой является Ираклий Церетели. Вечное братство маленького народа... Конечно же, они хотели, чтобы большевики делегировали в Совет знакомого им грузина Кобу. И вот вчерашний всеми забытый туруханский ссыльный – член Исполнительного комитета Совета, истинного властителя Петрограда. Так впервые он соединился с государственной властью.

Коба умеет служить могуществу. Так что не зря он вдруг забыл ленинские напутствия, не зря повторяет идеи меньшевиков и поддерживает еще одного большевистского члена Исполкома – интеллигента Каменева, опьяненного воздухом революционного Петрограда, проповедующего «единение демократических сил».

А дальше – больше: в одной из своих статей Коба славит идею сохранения русского унитарного государства.

«Он будто позабыл прежние идеи по национальному вопросу, написанные по указке Ленина», – язвит Троцкий.

И опять Троцкий прав, и опять не понимает – почему.

Эти идеи державности, сохранения Империи не могли не понравиться людям из Временного правительства. Они должны были заметить Кобу, влиятельного радикала, у которого тем не менее такие удобные взгляды... На многих направлениях начал играть новый Коба в первой и сразу ослепительной шахматной партии.

«Коба Сталин» – так подписывает он теперь свои статьи. Новый Коба. Прежний остался в Туруханске – преданный, жалкий глупец, которого использовали и легко забыли. Нет, он больше не таскает для других каштаны из огня. Теперь он служит себе. Себе и революции – «постольку-поскольку» она сможет служить ему.

Всего за две недели пребывания в Петрограде Коба захватил «Правду», стал одной из главных фигур среди петроградских большевиков и вошел в руководство Совета – Власти.

Но в Совете Коба держится странно незаметно.

«За время своей скромной деятельности в Совете он производил на меня (не на одного меня) впечатление серого пятна, всегда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать» – так писал о Кобе меньшевик Суханов. Он тоже – ничего не понял... Нет, совсем не серое пятно – Коба Сталин.

В середине марта в редакцию «Правды» явилась не совсем молодая, но еще весьма красивая дама. Это была знаменитая радикалка-большевичка, дочь царского генерала – Александра Коллонтай. Она и передала в редакцию для печати два письма Ленина. В этих «Письмах издалека» Вождь неистовствовал, клеймил меньшевистских лидеров Совета и

Временное правительство, требовал не оказывать ему никакой поддержки. Ленин провозглашал курс на новую революцию – социалистическую.

Каменеву все это показалось бредом эмигранта, много лет оторванного от России. Вопреки Марксу, Ленин не хотел ждать завершения демократических перемен в отсталой России, он требовал немедленно вести азиатскую крестьянскую страну без сильного пролетариата – к пролетарской революции. Когда-то в дни первой русской революции подобные идеи провозглашал Троцкий, и Ленин тогда издевался над ним. И вот теперь...

Но письма Вождя не печатать нельзя. И Каменев придумал: опубликовать первое письмо (вымарав самые резкие слова о правительстве и меньшевиках), а о втором письме как бы забыть. Коба согласился. Он понимал: в будущем ответственность за курс «Правды» ляжет на Каменева – ведущего журналиста партии, а он, Коба, всего лишь практик...

Коба все больше задумывался о будущем. Он уже оценил этих вольнолюбивых говорунов из Совета – вечно ссорящихся друг с другом демократов, напуганных все поднимающейся волной безумного русского бунта.

Чхеидзе, Церетели, эти евреи-идеалисты Дан, Нахамкис и прочие... Разве им по плечу эта стихия? Да, большевики пока только выходили из подполья, но Коба знал силу этой беспощадной законспирированной организации. Привыкшая к жесткой дисциплине, безоговорочному подчинению – она ничто без Вождя.

Но с Вождем...

Немецкое золото

Вождь должен был вскоре приехать. Коба не сомневался в согласии немцев пропустить Ленина с соратниками. Ибо за это время, конечно же, узнал о крепких связях, которые неожиданно соединили большевиков с кайзеровской Германией. Он знал: Ленин вернется в Россию с большими деньгами...

Эти деньги большевики получили после начала войны. И это было понятно: Ленин агитировал за поражение царской России, за превращение войны с Германией в междоусобную войну внутри России – когда крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели, повернут ружья против собственной буржуазии.

Размеры немецкой помощи Кобе нетрудно было понять по большим средствам, которые имела его газета «Правда», по щедрым субсидиям на вооружение, которые получила Военная организация, созданная внутри партии. На эти деньги она лихорадочно создавала Красную гвардию по всей России.

Коба не стал жить у гостеприимных Аллилуевых, хотя они сказали: «У нас Кобу всегда ждет комната».

Он поселился в большой квартире, где жили молодые руководители петроградских большевиков.

Молотов: «Мы жили тогда со Сталиным на одной квартире. Он был холостяк, я холостяк. Была большая квартира на Петроградской стороне. Я жил в одной комнате с Залуцким, рядом жил См ил га с женой, Сталин к нам присоединился. Вроде коммуны у нас было...» Там Коба многое смог услышать о немецком золоте, хотя бы из рассказов частого гостя на этой квартире – коллеги по руководству петербургскими большевиками Шляпникова. На

немецкие деньги Шляпников разъезжал во время войны по европейским столицам, печатал и засылал в Россию груды литературы, агитирующей за поражение.

Немецкое золото... одна из постыдных тайн. Сколько страниц будет написано, чтобы доказать: это клевета. Но после поражения гитлеровской Германии были опубликованы документы из секретных немецких архивов. Оказалось, что и после Октябрьского переворота, как мы увидим в дальнейшем, большевики продолжали получать немецкие деньги.

Итак, брали ли большевики деньги у немцев? Безусловно, брали. Были ли они немецкими агентами? Безусловно, нет.

Они лишь следовали «Катехизису»: «Использовать самого дьявола, если так нужно для революции». Так что у Ленина не могло быть сомнений – брать или не брать. И в который раз понял Коба: все дозволено.

«Учимся понемногу, учимся»...

Накануне резни

Русский бунт: только начнись – не усмирить... В первые дни революции, когда интеллигенция радостно приветствовала «утро свободы», художник Сомов записал в дневнике: «Толпа настроена пока благодушно, но думаю, будет большая резня». Разгулялась Русь...

И вот должен приехать тот, кто жаждет раздуть возгорающийся пожар. Коба верно оценил, что значит прибытие якобинского Вождя, снаряженного немецким золотом, которого ждет в России закаленная в подполье организация. При всеобщей разрухе и армии, не желавшей воевать, Коба чувствует, за кем будущее. Вот почему он так осторожен в Совете: со второй половины марта он уже ждет нового хозяина. За грехи «Правды» ответит Каменев, но за собственную позицию в Совете придется отвечать самому. И он делает свой любимый ход – непроницаемо молчит. Присутствуя в Совете – отсутствует. Серое пятно. Он понимает: время речей кончается, наступает время действий. Его время.

3 апреля русскую границу пересек поезд, в котором ехал Ленин и с ним три десятка русских эмигрантов-революционеров. Поезд беспрепятственно прошел через воюющую с Россией Германию. Как писал впоследствии генерал Гофман: «Пришла в голову мысль использовать этих русских, чтобы еще скорее уничтожить дух русской армии». «Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения», – отметил генерал Людендорф в своих воспоминаниях. Впрочем, то, что напишут впоследствии немецкие генералы, уже тогда нетрудно было понять обществу. Крупская рассказывала, как опасался Ленин «злого воя шовинистов» и даже предполагал, что дело может дойти до суда и «его повезут в Петропавловку».

И еще Крупская и Ленин волновались по бытовому поводу. Был пасхальный день, и они боялись, что приедут поздно и «будет трудно найти извозчика».

Но вместо этого...

Уже на финской границе Ленина встречала делегация большевиков. Кобы среди них не было. Он предпочел, чтобы ярость Ильича выплеснулась на Каменева. И все было именно так.

«Едва встречающие вошли и уселись на диван, Ленин сразу набросился на Каменева: «Что это у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...» – так описал эту сцену участник делегации Федор Раскольников.

Впоследствии Коба исправит историю. И на сотнях полотен будет изображена радостная встреча великих Вождей – Сталина и Ленина.

А тогда была ночь. И гигантская толпа на Финляндском вокзале. Вместо камеры Петропавловской крепости Ленина встречала делегация могущественного Совета во главе с председателем Чхеидзе, которого Ильич так клеймил в своих письмах... Почетный караул и броневик ждали маленького лысого человека, который никогда не выступал перед аудиторией большей, чем кучка эмигрантов. Но сейчас он увидел вожденные толпы и с броневика призвал к осуществлению безумной мечты утопистов – к победе социалистической революции.

Всего год назад это было бредом, фантазией. И вот – толпа, прожектора, броневик...

Удачные ходы

Кто организовал приход на вокзал председателя Совета, чье появление сделало легальным скандальный приезд Ленина и его соратников? Кто уговаривал Чхеидзе, доказывал, что слухи о немецких деньгах на руку правым силам, что его присутствие на вокзале положит конец «провокационным разговорам»?

Ленин не мог не оценить этой услуги Кобы и Каменева – двух старых членов его партии большевиков.

3 апреля Ленин выступил перед аудиторией с «Апрельскими тезисами». Выступление произвело впечатление взрыва: никакой поддержки Временному правительству, никаких «постольку-поскольку». Вся власть должна принадлежать Советам. Но главное, что должно было поразить Кобу, – легкость, с которой Ленин отказался от известнейших марксистских догм. Маркс писал о неизбежности прихода к власти буржуазии после демократической революции, а Ленин объявил приход буржуазии к власти в России – результатом... ошибки пролетариата! Он провозгласил переход к социалистической революции. Изумленная аудитория внимала тому, как человек, объявлявший марксизм Евангелием, преспокойно отбросил один из главных его постулатов. Коба еще раз понял: все дозволено Вождю. «Учимся понемногу, учимся»...

Он тотчас изменил свои взгляды. Теперь Коба Сталин печатает в «Правде» одну за другой статьи, где он – рабский толкователь мыслей Ленина. Хозяин вернулся.

29 апреля началась очередная конференция большевиков. В большой зале, столь любимой балериной Кшесинской, Ленин сделал доклад, повторив свои «Апрельские тезисы». Каменев решает бороться за свои убеждения. Он выступает против Ленина.

И тогда Ленин выпустил Кобу. Коба говорил в новом стиле – бездоказательно, грубо, беззастенчиво перевирая слова Каменева. Он попросту беспощадно сек своего недавнего друга. Выступал новый Коба, у которого нет теперь друзей.

Позиция имела успех. Конференция набросилась на Каменева, припомнив все его грехи. Потом состоялись выборы в ЦК, и Ленин лично рекомендовал Кобу: «Товарища Кобу мы знаем очень много лет. Хороший работник на всяких ответственных работах».

Зал понял своего Вождя: не должно быть вопросов по поводу прежних статей Кобы. И «хороший работник» набрал 97 голосов, уступив лишь Ленину и Зиновьеву. Это была победа. Коба окончательно вышел на первые роли. То, что он не мог завоевать преданностью, он

сразу завоевал предательством. Впрочем, пришлось Ленину поддержать и Каменева – слишком много знал Лев Борисович, да и сделал для Ленина немало. И непримиримый Ленин, к удивлению аудитории, без всяких объяснений закрыл историю поведения Каменева на суде. Сказал: «Инцидент исчерпан». И все!

Ленин рекомендовал Каменева в ЦК, и съезд покорно избрал его. Да, все дозволено Вождю. «Учимся понемногу, учимся»...

Коба не ошибся в Ленине. Уже тогда, на конференции, пошла работа по захвату власти. Было решено опутать всю страну сетью большевистских ячеек и отрядов Красной гвардии. Для этой цели Ленин выбрал гениального организатора – соседа Кобы по туруханской ссылке Якова Свердлова. И вскоре известные партийные функционеры отправились в провинцию – готовить новую революцию. С ними были немецкие деньги. Скоро загорится Россия...

Курс на новую революцию Ленин назвал «мирным», но готовил кровь. Теперь ему был нужен Коба – хитроумный террорист, проявивший себя в самых сомнительных делах. К тому же Ленин знал: он всегда будет высказывать его мысли. Мгновенная капитуляция Кобы его еще раз в этом убедила.

После конференции был избран некий узкий состав руководства партии, названный Бюро ЦК. Впоследствии оно получит название Политическое бюро и на десятилетия станет официальным руководством шестой части планеты. Тогда в первое Бюро вошли четверо – Ленин, его верный помощник Зиновьев, Каменев и Коба Сталин. Уже в мае 1917 года Коба вошел в четверку вождей партии.

Второй ферзь

Но вскоре Кобе пришлось потесниться, как, впрочем, и другим членам Бюро. В Россию вернулся Троцкий.

Он был меньшевиком и много порочил большевиков, потом ушел и от меньшевиков. Этот «вольный художник революции», блестящий журналист и великий оратор постоянно сражался с Лениным. «Диктатор», «будущий Робеспьер» – так именовал Ленина Троцкий. «Иудушка» – так называл Троцкого Ленин. И это были самые мягкие взаимные оскорбления... Но теперь, после Февраля, взгляды врагов удивительно сблизились. Теперь Ленин провозглашал давнюю мечту Троцкого – курс на «непрерывную революцию». И оба бунтарских лозунга – «Вся власть Советам!» и «Долой Временное правительство!» – совершенно совпали у бывших непримиримых врагов. Идя столько лет в разные стороны, враги встретились.

Первая же речь Троцкого на вокзале наэлектризовала толпу. Великий актер в драме революции вновь вышел на подмостки.

Как нужен Ленину такой союзник! Но он знал: избалованный славой Троцкий никогда не пойдет первым на примирение. И Ленин пошел сам – после стольких лет взаимных оскорблений. Уже через несколько дней после возвращения Троцкого состоялся этот путь в Каноссу. Ленин заставил участвовать Зиновьева и Каменева в переговорах, точнее, в уговорах. Бывшие враги Троцкого уговаривали его вступить вместе со своими сторонниками в партию большевиков. Троцкий упрямылся – требовал снять название «большевики». Ленин не соглашался, но продолжал уговаривать. Каменев и Зиновьев ревниво смотрели, как унижается Ленин. И как Троцкий держит себя вождем партии, еще не вступив в нее.

Троцкий начинает сотрудничать с Лениным. Но Коба спокоен. Впоследствии Троцкий утверждал, что Коба всегда питал к нему зависть и ненависть. Думаю, ошибался. Все диктовала шахматная партия, которую разыгрывал Коба. И для нее приезд Троцкого, как это ни странно, очень полезен.

Коба умел читать в душах низменные чувства. И понимал: прибытие Троцкого сплотит с ним и Каменева и Зиновьева, как спланирует верных старых слуг появление нового любимчика. Теперь они будут вместе. И еще: он знал Ленина. Никогда тот не забудет Троцкому многолетней борьбы, никогда не признает его «своим», всегда будет опасаться этого неуправляемого революционера, который чувствует себя равным Вождю.

Коба знал: выделиться особой преданностью Ленину – значит выделиться особой ненавистью к Троцкому.

Сложнейшая комбинация

3 июня открылся Первый Всероссийский съезд Советов, где произошел эпизод, который войдет во все произведения о революции. Меньшевик Церетели заявил: «В настоящее время в России нет политической партии, которая бы говорила: «Дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет». И тогда Ленин выкрикнул из зала: «Есть!»

Это показалось диким: большевиков на съезде – жалких девять процентов. Но 6 июня на совместном заседании Военной организации большевиков и ЦК партии Ленин предложил провести демонстрацию – показать силу своей малочисленной партии.

Демонстрация именовалась мирной, но... «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!» – таковы ее воинственные лозунги.

Член ЦК Смилга: «Если события приведут к столкновению, участники демонстрации должны захватить здания почты, телеграфа и арсенала».

Из выступления М. Лациса: «При поддержке пулеметного полка занять вокзал, банки, арсенал и здания почты и телеграфа...»

Да, нетерпеливый Ленин уже готовит первую попытку большевистского переворота. Мог ли он не использовать Кобу – организатора кровавых демонстраций в Грузии? Конечно же, Коба был в центре событий. Это им составлено воззвание «Ко всем трудящимся и ко всем рабочим и солдатам Петрограда». Но участие его максимально скрыто: ведь Коба – один из влиятельных членов Исполкома Совета, и в случае неудачи его надо там сохранить. Отсюда реплики Кобы во время заседания: «Нельзя форсировать, но нельзя и прозевать», «Наша обязанность – организовать демонстрацию»... Но «никаких захватов телеграфа».

Уже 9 июня на съезде распространяются слухи о демонстрации большевиков против правительства. Меньшевик Гегечкори зачитывает съезду листовку с возванием Кобы, случайно подобранную на улице.

В сочетании с заявлением Ленина готовящаяся демонстрация приобретает зловещий смысл. На трибуне Церетели: «То, что произошло, является заговором для... захвата власти большевиками...»

Буря негодования. Чхеидзе: «Завтрашний день может стать роковым...»

Каменев, Коба и члены большевистской фракции демонстрируют изумление и голосуют вместе со съездом против демонстрации.

Временное правительство предупредило: «Всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти». Ленин решает сдаться: ночью принимается решение отменить демонстрацию. Это решение вызывает забавный ход Кобы.

Он подает заявление о выходе из ЦК – считает отмену демонстрации ошибочной. Коба отлично знает: ход безопасный – ему будет предложено взять заявление назад.

Так оно и получилось. Но этим шагом он открыл партии тайное: свое участие в организации демонстрации.

Какой он смелый и решительный парень – Коба. Игрок Коба.

«Глубокий язык»

Этот разговор состоялся в Партархиве. Мой очередной анонимный собеседник сказал: «Большевистские документы – особые. Если там написано «мирная демонстрация», скорее всего, это – вооруженное восстание. Общее правило: «да» – почти всегда значит «нет». И наоборот. Кто-то назвал этот язык «глубоким» – бездонный язык с двойными-тройными смыслами. И еще: Сталин – великий мастер игры. И чтобы понять причину его ходов – ищите результат игры. Только тогда кое-что начинает проясняться...»

Я часто вспоминаю эти слова. Да, Коба хотел вооруженной демонстрации. И только много позже мы поймем почему.

Итак, съезд возмущен подготовкой демонстрации. Буря надвигается: кажется, большевиков растерзают. Предлагаются самые жесткие резолюции, но... все уходит в песок. Вместо этого съезд принимает решение: провести демонстрацию. Конечно, мирную и под лозунгом: «Доверие съезду и правительству».

Но какую закулисную интригу надо было провести, как столкнуть делегатов, чтобы вместо осуждения большевиков была принята идиотская резолюция, фактически разрешившая большевикам провести уже подготовленную демонстрацию! Кто спровоцировал съезд на это глупое решение? Да, тут действовал гений интриги.

Комбинация Кобы развивается, хотя понять ее смысл пока трудно.

18 июня была проведена грандиозная демонстрация под лозунгами большевиков. Триумф! В «Правде» появились две статьи о демонстрации: Ленина и Кобы, двух организаторов.

«Солнечный ясный день, – писал Коба. – Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен... От возгласов стоит гул, то и дело раздаются: «Вся власть Совету! Долой министров-капиталистов!»

Уже через два часа после успеха демонстрации на совещании членов ЦК Ленин заявляет: пора перейти к демонстрации силы пролетарских масс.

Слабеющее Временное правительство переживает очередной кризис. Вечно ссорящиеся русские демократы создали выгодную ситуацию. И Ленин решает попробовать – захватить власть.

В организации июльского выступления виден почерк будущих сталинских шедевров. В Первом пулеметном полку, где полным-полно большевистских агитаторов, распространяются слухи об отправке полка на фронт. Предпочитающие сражаться на митингах солдаты приходят в ярость и объявляют о вооруженном выступлении. Большевики, конечно же, уговаривают его отменить.

Как они это делали, изложил в своих воспоминаниях один из руководителей Военной организации, В. Невский: «Я уговаривал их так, что только дурак мог сделать вывод, что выступать не нужно». Солдаты, естественно, не захотели быть дураками. Полк освоил «глубокий язык» своих агитаторов: просят не выступать – значит, просят выступить.

2 июля полковой митинг призвал к восстанию. Полк отправил делегатов в другие воинские части, на заводы и в Кронштадт. Вооруженные солдаты выходят на улицы. Ленин объявлен больным и исчезает из активной жизни.

В Кронштадтской крепости шел непрерывный митинг. Матросская вольница отличилась здесь уже в первые дни революции. В эти «бескровные дни» на кораблях Балтийского флота были расстреляны матросами 120 офицеров. Матросы сорвали погоны с адмирала Вирена, избивая, приволокли его на Якорную площадь и убили. В тот же день были расстреляны адмирал Бутаков и еще 36 командиров. Военная крепость превратилась в логово пиратов. Именно тогда в Кронштадте был организован большевистский комитет, который и руководил этой вольницей. Кронштадт стал ленинской цитаделью. Когда появились представители пулеметного полка, была продолжена все та же комедия: большевики уговаривали матросов не отвечать на призыв пулеметчиков, но уговаривали так, чтобы те непременно

ответили. Большевик Раскольников, один из вождей Красного Кронштадта, писал: «У нас был очень хороший обычай, согласно которому я ежедневно звонил в Питер и, вызвав к телефону Ленина, Зиновьева или Каменева... получал инструкции».

Но инструкции кронштадтцы получали и еще от одного руководителя. Поэт Демьян Бедный описывал, как он был в редакции «Правды», когда на столе у Кобы зазвонил телефон. Из Кронштадта спрашивали: следует ли морякам явиться на демонстрацию в Петроград вооруженными или безоружными? Попыхивая трубкой, Коба ответил: «Вот мы, писаки, свое оружие – карандаш – всегда таскаем с собой... А как вы со своим оружием?»

Все как всегда – он в центре дела, но он и ни при чем. В тот же день, как рассказывает Церетели в своей книге «Воспоминания о Февральской революции», Коба явился на заседание Совета и сообщил: вооруженные солдаты и рабочие рвутся на улицу, большевики разослали своих агитаторов, чтобы удержать их.

Это заявление Коба попросил занести в протокол и удалился. Чхеидзе сказал Церетели с усмешкой: «Мирным людям незачем заносить в протокол заявления о своих мирных намерениях».

Конечно, Коба совсем не предполагал, что ему поверят. Просто, продолжая шахматную партию, он выбрал себе удобную роль миролюбивого посредника между Советом и большевиками. И возможно, убедил Ленина поручить ему эту роль. Ведь грузину легче будет договориться с грузинами, коли демонстрация провалится.

4 июля вооруженные кронштадтцы погрузились на суда и поплыли брать Петроград. Со «своим оружием» высаживаются они на Васильевском острове и направляются к особняку Кшесинской. Мирлюбца Кобы, естественно, в штабе большевиков нет, на балкон выходят Луначарский и Свердлов – «большевики второго ранга». Но матросы требуют Ленина. Им объявляют: Ленин болен. Матросы начинают волноваться.

Зная, что Ленин в особняке, изумленный Раскольников отыскивает прячущегося Вождя. И

приходится «больному» произнести весьма осторожную речь. После чего демонстрация направляется к Таврическому дворцу требовать, чтобы Совет взял власть. Здесь матросы арестовывают вышедшего к ним главу эсеров Чернова и уже готовятся увезти его на автомобиле – расстрелять. Но Троцкий, поняв, что за это придется расплачиваться, прыгает на капот автомобиля и начинает произносить речь, славить матросов – «красу и гордость русской революции». Завершает он свой панегирик неожиданной фразой: «Гражданин Чернов, вы свободны».

Весь день шли беспорядочные манифестации. Толпы рабочих и вооруженные матросы бродили по улицам, Ленин уже перешел в Таврический дворец. Но в этот момент в город вошли воинские части с фронта, верные правительству. Судьба выступления была решена. В особняке Кшесинской мичман Раскольников начал готовить здание к обороне.

Выигранный эндшпиль

Итак, Ленин проиграл, а что же Коба? В случае победы он приходил к власти вместе с партией. Но и в случае поражения он тоже приходил к власти... внутри партии. Такова была его головоломная комбинация.

Временное правительство вело тогда секретное расследование. Перешедший линию фронта прапорщик Ермоленко показал, что был завербован немцами с целью вести агитацию в пользу мира с Германией и всеми силами подрывать доверие к Временному правительству. Он также сообщил, что агитацию поручено вести Ленину и что деятельность эта финансируется немецким генштабом, и назвал каналы получения денег.

К делу подключились Ставка и руководство военной контрразведки. С этого момента началась слежка за Лениным. Были перехвачены телеграммы о получении большевиками крупных сумм из-за границы.

Вопрос об участии Ленина в этой деятельности, которая квалифицировалась как шпионская, был взят под контроль лично Керенским, и о нем знал только самый узкий круг лиц. Но эсер Керенский, конечно же, понимал: доказательства вины большевиков будут использованы армией, монархистами и реакционерами против левых. Мог ли он не оповестить об этом следствии руководство эсеров (братьев по партии) и меньшевиков (сотрудников по Совету)?

Вскоре слухи о секретном расследовании уже бродили в обществе. И конечно, они стали известны члену Исполкома Кобе. Он просчитал: каждая демонстрация большевиков будет толкать правительство использовать результаты расследования. Эти обвинения исключают из легальной деятельности и все большевистское руководство, и Троцкого, – ибо все они так или иначе связаны с немецкими деньгами. Не замазан в этой истории он один – Коба. И он не «засветился» в июльском восстании. Он один останется на свободе.

Все так и произошло.

К вечеру 4 июля министр юстиции П. Переверзев оповестил газеты о материалах незаконченного следствия – о связях Ленина и большевиков с немцами. Ночью большевики поспешно объявляют об окончании демонстрации. Но поздно – «дело о шпионах» началось, джинн выпущен из бутылки. Конечно, Ленин знал об этой бомбе замедленного действия. Не потому ли он так спешил – рисковал с июльским выступлением?

Ленин обращается к Кобе. Он – единственный незапятнанный. И грузин Коба отправился к грузину Чхеидзе просить «пресечь клевету» – запретить публиковать материалы, пока не

закончится следствие. Он добился своего: Чхеидзе обещал. Но опытному газетчику Кобе ясно: запретить всем публиковать такую сенсацию – невозможно. И непослушная газета тотчас нашлась: бойкий листок «Живое слово» напечатал письма двух революционеров – отсидевшего много лет в Шлиссельбургской крепости Панкратова и бывшего сподвижника Ленина Алексинского. Оба обвинили Ленина и его соратников в шпионаже. Так начался эндшпиль.

Прибывшие с фронта войска окружили особняк Кшесинской. Правительство приказывает сформировать отряд для штурма особняка. Матросы под командой Раскольникова готовятся к обороне, но это жест отчаяния. Небритые хмурые фронтовики ненавидят околачивающихся в тылу матросов и жаждут расправы.

И опять положение спасает Коба! Он вступает в переговоры с Исполкомом Совета, и кровь не пролилась – особняк сдан без боя.

Теперь Коба направляется в Петропавловскую крепость. Кронштадтцы, засевшие в ней, решили обороняться, окружившие крепость солдаты готовились перестрелять «немецких шпионов». Но неторопливой речью, грузинскими шуточками Коба уговорил матросов – они согласились сдать оружие и с миром возвратились в Кронштадт. «Дважды миротворцу» удалось остановить кровопролитие.

Временное правительство подписало указ об аресте большевистских лидеров. В списке – Ленин, Троцкий, Луначарский, Зиновьев, Каменев... Луначарский и Троцкий были взяты прямо из постели. Но Ленин и его верный помощник Зиновьев сумели исчезнуть в подполье. Помог это сделать все тот же Коба.

Сначала Ленин скрывается у большевика Каюрова. Но «сын Каюрова был анархист, и молодежь возилась с бомбами, что не очень подходило для конспиративной квартиры», – писала Крупская. Коба перевозит Ленина к своим друзьям Аллилуевым.

Орджоникидзе вспоминал: «Многие видные большевики рассуждали: «Вождю партии брошено тяжкое обвинение – он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию». И Ленин говорил Крупской: «Мы с Григорием (Зиновьевым).

– Э.Р.) решили явиться на суд... Давай попросимся – может, не увидимся уже».

Очень не хочется ему в тюрьму. Что ж, и здесь Коба пришел на помощь. Он придумывает очередную комедию с predetermined исходом – посылает Орджоникидзе в Совет узнать условия будущего содержания Ильича в тюрьме. Эти условия тотчас объявляются Кобой неприемлемыми. Он заявляет то, что так жаждет услышать Ильич: «Юнкера Ленина до тюрьмы не доведут – убьют по дороге».

Это означает: в тюрьму Ленину идти нельзя! Более того – принимается решение ЦК: «Ввиду опасности для жизни Ленина... запретить Ленину являться на суд».

Власть над партией

Но Ленин не хочет находиться в Петрограде, он смертельно напуган возможностью суда. И опять помог верный Коба. Он организует новое пристанище для Ленина и Зиновьева: дом рабочего Емельянова недалеко от Сестрорецка. И на вокзал Ленина провожает он же – верный Коба. Спаситель Коба.

Емельянов укрыл беглецов в местах сенокоса – на берегу озера, в шалаше. Ленин и

Зиновьев проживут там до осени. А руководителем партии остался... Коба Сталин!

Впоследствии Сталин сделает этот шалаш одним из храмов религии коммунизма. Правда, второй его обитатель, Зиновьев, уничтоженный Сталиным, бесследно исчезнет оттуда. И на тысячах картин одинокий Ильич будет работать в прославленном шалаше над бессмертными трудами или... встречаться там с другом Кобой.

Но исчезнет не только Зиновьев.

Если бы тогда, в 1917 году, знал бедный Емельянов, что принесет ему проклятый шалаш! Оба его сына погибли в сталинских лагерях, сам Емельянов будет исключен из партии, сослан. Правда, в 1947 году, к тридцатилетию шалаша, в эту постоянно подновляемую, вечно живую реликвию по распоряжению Сталина вернут и живой экспонат – Емельянова. И потерявший детей, полуслепой старик будет рассказывать посетителям о бессмертной дружбе Кобы и Ленина, об их встречах в 1917 году, «когда один из моих сыновей не раз привозил сюда Сталина в лодке».

Действительно, они несколько раз встречались там. Именно тогда Ленин сообщил Кобе новые страшные лозунги партии. Правительство Керенского именовалось отныне «органом контрреволюции», а Советы – «фиговым листком», прикрывающим правительство. Ленин отменял лозунг «Вся власть Советам!». Он объявил подготовку к вооруженному восстанию.

Из шалаша Ленин продолжает руководить партией – но через Кобу. Отсюда он посылает тезисы своего доклада на съезде, – но прочтет их Коба. Он сделает два основных доклада: о политическом положении и отчетный. И выступит с заключительным словом.

Длинная шахматная партия завершилась.

Глава Временного правительства Керенский боится «дела о шпионах», боится усиления правых сил. Ему довольно ареста Троцкого и исчезновения Ленина. Керенский не верит в их возвращение в политику после такого скандала.

Дело спускают на тормозах. Более того: Красная гвардия не разоружена, выходят большевистские газеты, и большевики преспокойно собрали очередной съезд. Он проходил полулегально – правительство Керенского старательно не замечало собрания трехсот большевистских делегатов.

После отъезда Ленина Коба покидает холостяцкую квартиру, переезжает к Аллилуевым – в комнату, где недавно скрывались Ленин с Зиновьевым. Как всегда, Коба старается не утруждать хозяев.

Из воспоминаний Федора Аллилуева: «Как и где он питался, кроме утреннего чая – не знаю. Я видел, как он пожирал хлеб, колбасу и копченую тарань прямо у лавочки перед домом – это, видно, было его ужином, а может, и обедом».

Переезд совпал с его звездным часом – работой VI съезда. Но у Кобы была только ситцевая рубашка и выдавший виды пиджак. Аллилуевы решили: он не может руководить съездом в таком виде. «И мы купили ему новый костюм. Он не любил галстуки. Мать сделала ему высокие вставки наподобие мундира, френча», – вспоминал Федор. Этот костюм войдет в историю – полувоенный костюм большевистского Вождя.

Новая любовь

Каждый день со съезда он возвращается в квартиру Аллилуевых. Ему нравится общество невинных девушек и атмосфера преклонения. Наверное, в этом и была причина переезда.

Надежда еще училась в гимназии. «Она была похожа на грузинку «со смуглой кожей и мягкими карими глазами... любила кутаться в шали – и ей это шло» – так описывала свою мать Светлана.

В маленькой квартирке разыгрывалась вечная история: немолодой Отелло повествовал о страданиях и подвигах маленькой Дездемоне. Его рассказ о страшной ночи в туруханской ссылке добросовестно записал Федя Аллилуев. И сестра Нади Анна вспоминала, как трогательно Коба рассказывал о собаке Тишке, с которой разговаривал в одинокие вечера. Девочки были весьма простодушны (это видно из воспоминаний Анны Аллилуевой), и незамысловатые шутки Кобы имели оглушительный успех. Однажды Коба привел Камо, о котором в доме рассказывали легенды, и девочки увидели, с какой рабской преданностью смотрел легендарный герой на их постояльца...

Так что нетрудно представить, какое впечатление произвел Коба на маленькую гимназистку. Когда-то спасенную им гимназистку. И конечно, прелесть невинной юности и восторженное преклонение перед ним увлекли одинокого, уже немолодого грузина.

Анна Аллилуева все запомнила и добросовестно описала Кобу в те дни. В 1947 году она напечатала книгу своих воспоминаний. Но ни она, ни ее издатели не поняли: Сталин не любил вспоминать о жизни Кобы. Бедная Анна отправится в тюремную камеру...

Возвращение в тень

Временное правительство слабело – русская демократия погибала в бесконечных речах и склоках.

Триста лет правления Романовых молчала Россия – и, казалось, теперь триста лет без умолку будет говорить. Страна будто сошла с ума: рабочие не работали, крестьяне не сеяли, солдаты не воевали. В стране шел бесконечный митинг – бесчисленные заседания бесчисленных партий, торжество демагогов. Армия не хотела воевать. Наступление, предпринятое Керенским в Галиции, окончилось катастрофой – гибелью ста тысяч солдат безнадежно усталой армии. Но вместо мира тупое правительство призывало к новому наступлению. По-прежнему не решалась земельная проблема. Ленин же обещает землю крестьянам и мир России. Большевистские газеты и агитаторы разлагают фронт. Генерал Краснов писал: «Почти всюду мы видели одну и ту же картину: где на путях, где в вагоне, где на седлах... сидели или стояли драгуны и среди них юркая личность в солдатской шинели...»

К осени правительство Керенского напоминало правительство свергнутого царя – его не поддерживал никто. Несмотря на «дело о шпионах», влияние большевиков резко возросло. Керенский понимал: его положение стремительно ухудшается. Нужна твердая власть, которая не допустит развала державы. В печать уже просачиваются новые идеи Ленина – о курсе на вооруженное восстание.

Верховный главнокомандующий генерал Корнилов требует всей полноты власти, чтобы навести порядок на фронте и предотвратить переворот в тылу. Он направляет в Петроград конный корпус генерала Крымова. Но Керенский, так желавший этого шага, в последний момент испугался – решил, что, наведя порядок, Корнилов захочет избавиться и от него самого. И он объявил наступление Корнилова мятежом.

Поэтесса Зинаида Гиппиус записала в эти дни: «Большевистский бунт ожидается ежедневно... Я почти уверена, что дивизии шли для Керенского с его полного ведома... по его неформальному распоряжению».

Керенский смещает Корнилова и обращается за помощью «ко всем демократическим силам». Ленин моментально принимает решение: выступить против Корнилова. Керенский принимает этот опасный дар, и большевики легально вооружают свою Красную гвардию.

История улыбалась – матросы с крейсера «Аврора» были призваны Керенским охранять Зимний дворец.

Контакт с правительством Ленин использовал великолепно – вооружил своих сторонников во всех крупнейших городах.

После подавления «корниловского мятежа» большевиков начинают выпускать из тюрем. Лидеры – Каменев, Троцкий – возвращаются.

Но Ленин в Петрограде не появляется. Он скрывается в Финляндии, куда с наступлением осенних дождей переправил его из шалаша заботливый Коба.

«Возвращение к работе временно оторванных от нее членов ЦК отбрасывает его (Кобу. – Э.Р.) от той выдающейся позиции, которую он занял в период съезда. Его работа разворачивается в закрытом сосуде, неведомая для масс, незаметная для врагов», – напишет Троцкий.

И опять он не понял Кобу. Тот действительно отходит в тень – но с удовольствием. Ибо наступило воистину тревожное время.

12 и 14 сентября привозят из Финляндии два опаснейших письма Ленина. Он объявляет: момент восстания наступил!

Сентябрь стал роковым для Временного правительства. Немцы захватывают острова на Балтике, ожидаются удары по Кронштадту и Петрограду. Правительство готовит эвакуацию столицы. В городе начинаются открытые грабежи. Разграблены дворцы великих князей Александра Михайловича и Андрея Владимировича – золото, серебро, бриллианты, коллекции монет и фарфора исчезли. Та же участь постигла любимый дом царской семьи – Александровский дворец. Идет открытый торг награбленным. Газеты пестрят объявлениями: «Куплю предметы искусства по наивысшей цене»... «Еще никогда Россия так не стояла на краю гибели», – писали «Биржевые ведомости».

Между тем большевики начинают захватывать власть в Советах по всей стране. В Петрограде открыто говорят о большевистском восстании. «Ужас охватил наше запуганное общество перед призраком большевизма... Гибнет все, во что мы верили, гибнет Петербург. Заговор против Петербурга близится к осуществлению», – писал Горькому художник Бенуа.

Именно тогда по просьбе Ленина было передано Кобе его первое письмо – «Большевики должны взять власть». И Коба зачитал его членам ЦК: «Взяв сразу власть в Москве и в Питере... мы победим безусловно и несомненно».

Во время обсуждения Коба предлагает разослать письма Ленина в наиболее важные низовые организации и там обсудить. Сам он уклоняется от решения, но большинство поддерживает идею восстания – и Коба голосует «за» вместе с ними.

Опасное время...

Возвращение Ленина

Большевики захватывают Петроградский Совет – Троцкий становится его председателем. 9 октября случилось то, чего так ждал Ленин: начался конфликт окончательно разложившегося гарнизона с правительством. Керенский попытался отправить ненадежные войска на фронт, но Совет тотчас выступил в их защиту.

Троцкий создает при Совете орган, который должен был обеспечить оборону Петрограда от немцев и «военных и штатских корниловцев». Этот Военно-революционный комитет он превращает в легальный штаб большевистского восстания.

10 октября состоялось знаменитое заседание – на нем были все большевистские лидеры. Здесь впервые появились бритые (для конспирации) Ленин и его недавний сошлалашник Зиновьев. Ленин делает доклад о текущем моменте: «Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело». И они не останутся одни. Обсуждая известия о волнениях в германском флоте, Ленин объявляет эти события доказательством «нарастания во всей Европе всемирной социальной революции». Он чувствует неуверенность сподвижников, но умеет заразить их своей верой. Главная черта Ленина – отсутствие сомнений в том, что он исповедует в данный момент (хотя в следующий он с тем же отсутствием сомнений может исповедовать прямо противоположное). И эту черту истинного Вождя усвоит Коба. «Учимся понемногу, учимся»...

Для руководства восстанием создается Политическое бюро, в которое Ленин включает Кобу.

Против восстания выступают Зиновьев и Каменев – они предрекают ему гибель. Оба не могут забыть страшных июльских дней. Потерпев поражение при голосовании, Каменев совершает решительный поступок. 18 октября он публикует в газете Горького «Новая жизнь» заявление, где излагает позицию – свою и Зиновьева: восстание обречено на поражение, и это повлечет за собой самые губительные последствия для партии, для судьбы революции.

Ленин в ярости. Он пишет письмо в ЦК – требует исключить из партии «штрейкбрехеров революции», выдавших тайну восстания.

Хотя тайны никакой не было. «По городу идут слухи, что 20 октября будет выступление большевиков», – писала в письме к своим знакомым крупным детским почерком гимназистка Надежда Аллилуева.

Опомнившись, Зиновьев посылает трусливое письмо в редакцию «Рабочего пути» (так в те дни именовалась запрещенная «Правда»). Он старательно доказывает, что «серьезных разногласий с Лениным у него нет и быть не может». Его просто не поняли...

И случилось странное: не страшась ленинского гнева, редактор Коба не только опубликовал письмо, но прибавил к нему примечание, где поддержал Зиновьева и даже осмелился покритиковать ленинскую непримиримость.

Для обсуждения поступка Зиновьева и Каменева собирается заседание Центрального комитета. Троцкий требует их исключения из ЦК. Коба предлагает совсем иное: «Обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить в ЦК».

Побеждает предложение Троцкого, и тогда Коба объявляет о своем уходе из «Рабочего пути». Еще одно его прошение об отставке. И так же, как в прошлом, он знает: будет безопасный финал. Действительно, ЦК не принял его отставки. Впоследствии таких прошений будет много...

Почему он поддерживает Зиновьева и Каменева?

Во-первых, уже сколачивает группу – объединяет вокруг себя двух влиятельнейших членов партии. Во-вторых, подстраховывается на случай, если восстание потерпит неудачу: он защищал тех, кто против.

Есть и в-третьих... Но об этом позже.

А пока он предоставляет Троцкому и прочим готовить опасное восстание. Сам же Коба готовит... повестку дня Второго Всероссийского съезда Советов!

Переворот

24 октября по инициативе Троцкого большевики начинают восстание. И опять – ирония истории: в Смольном дворце, в знаменитом Институте благородных девиц, где учились манерам дочери русских аристократов, разместился штаб восстания... У дверей дворца – пулеметы и орудия. Внутри какая-то лихорадочная жизнь: в комнатах совещаются, в главном зале – непрерывные митинги. Всюду – солдаты, рабочие, матросы.

И в этом эпицентре восстания... Кобы нет!

Коба сидит в редакции. 24 октября «Рабочий путь» печатает обращение к населению, к рабочим и солдатам, написанное им: «Если все вы будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому, тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы...»

«Мирно» – он продолжает ту же линию.

Правительство попыталось начать первым. Ранним утром отряд юнкеров ворвался в типографию «Рабочего пути», конфисковал отпечатанные экземпляры. Коба посылает рабочих за поддержкой. «Волынский полк сейчас же дал роту. И уже самый факт, что правительство закрыло, а наша рота пришла и встала на стражу типографии, придал всему району такую смелость», – писал участник событий. Но Коба знает: проигранные сражения часто начинаются с удачных выстрелов.

Уже утром он восстанавливает порядок в редакции. И что же дальше? Неужели он просидел там весь исторический день переворота?

«Человек, пропустивший революцию» – так назовут Кобу историки с легкой руки Троцкого.

Действительно, в это время все большевистские лидеры (кроме Кобы и Ленина) были в Смольном, на спешно организованном экстренном заседании ЦК. На нем принимается предложение Каменева: «Сегодня ни один из членов ЦК без особого постановления ЦК не может покинуть Смольный».

Распри забыты: вчерашние паникеры Каменев и Зиновьев – среди руководителей восстания. Раздаются последние приказы о захвате власти в столице. Всем дирижирует Троцкий. Разъезжаются партийные функционеры на боевые места: «Член ЦК Бубнов – на железные дороги, член ЦК Дзержинский – захватывать почту и телеграф, Подвойский – наблюдать за Временным правительством и т. д.».

Все руководство партии принимает участие в восстании. Кроме двоих – Ленина и Кобы!

Своего Вождя партия скрывает на нелегальной квартире, на случай неудачи. Но где же Коба?

Троцкий: «Когда между актерами распределялись роли в этой драме, никто не упомянул имени Сталина и не предложил для него никакого поручения. Он просто выпал из игры».

Забыли о человеке, еще вчера руководившем съездом? Об одном из лидеров партии? А как же Ленин? Мог ли он не использовать этого опытного организатора и удачливого террориста в решающий час восстания? Мог ли он разрешить ему просидеть Октябрьский переворот в редакции? Наивные вопросы! Значит, Коба сам уклонился, попросту исчез, заслонившись работой в редакции? Но если так, неужели Ленин не отметил эту осторожность, точнее, трусость? Тогда почему на следующий день после переворота он назначает этого труса членом первого правительства? Почему все последующие дни после переворота Коба проведет в кабинете Ленина? Значит... трусости не было?! Тогда что же было?

Игра Кобы

Коба, конечно же, не выпадал из игры. Просто у него в эти дни была другая игра, о которой Троцкий должен был знать.

Анна Аллилуева: «Перед самым Октябрьским переворотом пришел Ильич. Днем позвонили. «Кого вам?» На пороге стоял незнакомый человек. «Сталин дома?» По голосу я узнала Ленина. Мама предложила ему поесть. Ленин отказался. После короткой беседы они ушли вместе со Сталиным из дома».

Правда, эти воспоминания написаны во время культа Сталина. Отнесемся к ним осторожно. Но то же самое пишет... Троцкий!

«Связь с Лениным поддерживалась, главным образом, через Сталина». Да, в этом все дело! Основной задачей Кобы в те дни была отнюдь не редакция, но связь восставших с Лениным, спасавшимся на конспиративной квартире.

Троцкий, конечно же, уточняет: «Связь с Лениным поддерживалась, главным образом, через Сталина, как лицо, наименее интересовавшее полицию».

Уточним и мы: как лицо, уже спасшее Ленина в грозные июльские дни. Вождь был очень осторожен. Его боязливость, страх перед физической расправой шли, видимо, еще от юношеского потрясения – смерти брата на виселице. В рукописи С. Аллилуева забавно сказано, как накануне отъезда в шалаш Емельянова Ленин изучает по карте свой путь на вокзал. И хотя Аллилуев заверяет его, что знает путь досконально, что он безопасен, Ленин ночью дотошно проверяет все по карте.

Вождь понимал: в случае неудачи восстания расправа над ним будет беспощадной. И он поручил себя проверенному, уже доказавшему в июльские дни свое умение Кобе. Но для безопасности Ленина Коба должен как можно меньше интересоваться полицией, так что его отсутствие в Смольном было в интересах Ленина. Таково, видимо, было партийное поручение Кобы в дни переворота. Думаю, он сделал многое, чтобы получить это поручение, – оно давало ему возможность занять любимую позицию нового Кобы: пользоваться плодами в случае победы и быть в безопасности в случае поражения.

Итак, из игры он выпал ради Ленина. Вот почему с такой легкостью он вернется в игру сразу после переворота.

«Главный штаб восстания был в Смольном. В случае разгрома Смольного были еще запасные штабы: в Петропавловской крепости и «фронтовые» – в Павловском полку, другой в казармах Балтийского экипажа, третий на «Авроре», – писал один из руководителей восстания, Подвойский.

По такой же схеме, видимо, организовывалась безопасность Ленина: Коба создал запасные квартиры и, на случай неудачи восстания, наладил маршрут немедленной эвакуации Вождя из Петрограда, скорее всего, в Финляндию. Он, как лицо «наименее интересовавшее полицию», и должен был это осуществить. Такова была его важная, но негероическая миссия.

Впоследствии и он сам, и партийные вожди предпочтут о ней молчать. А официальная сталинская историография поместит Кобу в кипящий Смольный, где он будет руководить восстанием вместе с Лениным, окруженный безымянными фигурами, ибо почти всех действующих лиц переворота он отправит на смерть.

Весь день Коба продолжает играть в «мирные намерения». Как официально прикрепленный ко Второму съезду Советов, около полудня он вместе с Троцким появляется на совещании делегатов съезда, который должен открыться на следующий день. На вопрос одного из эсеров: «Какая цель у Военно-революционного комитета – восстание или охранение порядка?», Коба с готовностью ответил: «Порядок».

Мелькая на собраниях с мирными заявлениями, Коба, конечно же, продолжает держать связь со своим подопечным. В бывшем Партархиве хранятся мемуары В. Фофановой, хозяйки квартиры, на которой скрывался Ленин: «Когда наступило 24-е число... в Политехническом институте был митинг, на котором выступал Сталин, и ему нужно было передать записку от В.П.».

Имея постоянную информацию от Кобы, Ленин узнает о победоносном течении переворота. Явно повторялась история Февральской революции – восстание не встречает никакого сопротивления. Должно быть, поэтому поздно вечером Ленин нарушил уговор: скрываться в квартире до окончательной победы. Как напишет охранявший его финн Рахья: «Ильич попросил привести к нему Сталина». Но, поняв, что это «отнимет уйму времени», Ленин, заgrimировавшись, отправился в Смольный без Кобы.

Прибыв в Смольный, Ленин грима не снимает, несмотря на все победные реляции. Троцкий вспоминал: «Мы сидели с Владимиром Ильичем. Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками – вид довольно странный. Проходивший меньшевик Дан внимательно посмотрел на странного субъекта. Ленин толкнул меня локтем: узнали, подлецы».

Член правительства

Ночью Ленин собирает заседание ЦК – формировать правительство. Большевичка С. Равич вспоминала: «В маленькой комнатухе у плохо освещенного стола на пол сброшены пальто. В комнату все время стучат – сообщают об очередных успехах восстания. Среди присутствующих – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сталин». Да, Коба тотчас поспешил в Смольный вслед за своим подопечным – ведь обсуждается новая власть. По предложению Троцкого, все время помнившего о Французской революции, новые министры стали называться народными комиссарами. Ленину понравилось. Перешли к составу. Ленин, естественно, предложил назначить организатора переворота Троцкого председателем Совета народных комиссаров. Однако Троцкий об этом и слушать не хотел и в числе прочих

доводов назвал свое еврейство. Ленин был возмущен, но... все-таки сам занял этот пост, а Троцкому предложил «иностранные дела». Не забыл Ленин, конечно, и верного Кобу. Грузин стал главой комиссариата по национальностям.

Остаток ночи новый глава правительства провел в той же комнатке, устроившись на газетах. А новый народный комиссар не спал – подготавливал очередное обращение к народу по случаю свержения Временного правительства, хотя оно по-прежнему находилось в Зимнем дворце.

Днем в 14.35 открылось экстренное заседание Петроградского Совета в актовом зале Смольного. Очевидец писал: «Два ряда массивных белых колонн, освещенных хрустальными люстрами, стол президиума на помосте, на фоне пустой золотой рамы, откуда выдран портрет императора... Троцкий в черном костюме, как для бала, поверх наброшена солдатская шинель. От имени Совета он объявил несуществующим Временное правительство. Врезалась в память бессмертная речь Троцкого. Это был какой-то расплавленный металл. Слушали его с затаенным дыханием, с решимостью пойти за ним беспрекословно куда бы он ни позвал!»

Потом говорил Ленин, объявивший о победе рабоче-крестьянской революции.

Молотов вспоминал: «Я был позади трибуны, в президиуме. Ленин обращался к залу, и одна нога у него была приподнята. Он имел такую привычку, когда выступал. И видна была подошва. Я заметил, что она совсем протерта».

С протертой подошвы началась их великая власть... Впоследствии Коба «отредактирует» это заседание. Его историки оставят только выступление Ленина.

Но Коба не выходит из тени и в Смольном. Временное правительство еще в Зимнем дворце. Пока большевики всего лишь мятежники. Ленин гневается: «Надо добить Временное правительство во что бы то ни стало».

Между тем открывается Второй съезд Советов. Кобы нет среди многочисленных членов президиума. Ленин, видимо, по-прежнему боится, поэтому не снимает грим. И Коба по-прежнему должен таиться где-то в комнатах Смольного, чтобы в любой момент помочь исчезнуть Вождю революции.

Ситуация на самом деле не столь победная. Керенский бежал из окруженного Зимнего дворца и отправился на фронт за подкреплением. Дворец продолжает сопротивление, в нем все еще заседает Временное правительство.

Подвойский: «Зимний мы должны были взять уже к утру 25-го. Сроки переносились на полдень, потом на шесть часов, затем уже и сроков не назначали. Ленин метался по маленькой комнате. Он не вышел на открытие съезда Советов... В.И. ругался, кричал, он готов был нас расстрелять».

Новый мир

Все подходы к Зимнему дворцу были перекрыты восставшими войсками к шести часам вечера. Дворец начали покидать защитники. К полуночи остались лишь женский батальон и горстка юнкеров – можно было начинать. Из Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора» ударили холостые выстрелы. Их услышал весь город. Затем раздался боевой выстрел из орудия у арки Главного штаба. Карниз дворца был пробит.

Февральская революция заканчивалась. «Началась весной солнечной и кончилась этим страшным тусклым осенним днем... Безлюдие, серая кислая подушка, электричество погасло... Идет стрельба из тяжелого орудия, слышно здесь... Сражение длится... с нашего балкона видны на небе сверкающие вспышки, как молнии», – записала в ту ночь Зинаида Гиппиус.

После выстрелов начался штурм дворца. «Большевики той ночью победили женщин», – вспоминала старший унтер-офицер женского батальона Мария Бочарникова.

В 1.50 ночи (уже 26 октября) дворец был взят. И началось!

Растаскивают книги в дорогих переплетах из комнат последнего царя, хватают драгоценные вещи, обыскивают двор и попадают в винные подвалы дворца. Вина и окорока тащат на площадь и в казармы. Арестованных министров ведут по двору через баррикады в Петропавловскую крепость.

Бочарникова: «Женщин арестовали и только благодаря гренадерскому полку мы не были изнасилованы. У нас забрали оружие... Была только одна убитая». Но погибли многие из них, когда они, безоружные, разъезжались по домам. Их ловили перепившиеся солдаты и матросы, насиловали и выбрасывали на улицы с верхних этажей.

Бочарникова уцелела. Ее расстреляют в гражданскую войну.

В это время на съезде бледный, потерявший голос меньшевик Абрамович тщетно пытался перекричать зал. Он прохрипел, что «Аврора» бомбардирует дворец, призывал немедленно снять осаду. Его слова потонули в буре аплодисментов, приветствовавших матроса с «Авроры», который объявил, что Зимний взят... «И только тогда, – вспоминал Троцкий, – Ленин снял парик и смыл грим».

Заседание продолжалось до пяти утра. А потом наступил краткий сон усталых победителей... «Кто-то постелил на полу одеяла, положил подушки, и мы с Владимиром Ильичем отдыхали, лежа рядом, – писал Троцкий. – Позже утром Ленин сказал: «Слишком резкий переход от подполья к власти... кружится голова», – прибавил он почему-то по-немецки»...

Трогательную сцену наверняка наблюдал верный Коба.

Он хорошо знал цену дружбе двух вождей. Ибо двух вождей не бывает.

Какими несказанно счастливыми засыпали под утро в многочисленных комнатах Смольного участники переворота! И в одной из комнат заснул с потухшей трубкой маленький рябой грузин, который впоследствии истребит всех этих счастливицев.

Наступало холодное туманное утро, падал мокрый снег. Кучки любопытных толпились у Зимнего дворца, разглядывали опрокинутые фонари и разметанные кучи дров.

В это утро родился новый мир. Мир Кобы.

Глава 7 Великая утопия

Это общество, похожее на ребенка, вынутого из чрева.

Он весь в крови, но он родился! Р. Роллан

Мечтатели из института благородных девиц

«После победы революции Сталин переселяется в Смольный», – вспоминал Федор Аллилуев.

Молотов: «Первые три дня мы из Смольного не выходили, сидели рядом – я, Зиновьев, Троцкий, напротив Сталин, Каменев. Новую жизнь мы представляли отрывочно. Ленин, например, считал, что в первую очередь у нас будет уничтожен... гнет денег, гнет капитала, чтоб уже в 20-х годах с деньгами покончить».

В прокуренной комнате бывшего Института благородных девиц роились миражи. Случилось фантастическое: кабинетная утопия стала реальностью. Они не просто захватили власть – они решили построить новый мир согласно мечте и построить быстро. Бесклассовое общество, отмена денег, отмирание государства... Ленин считал: после переворота они на всех парах должны понестись к социализму. «Социализм уже смотрит на нас через все окна современного капитализма», – писал счастливый Вождь.

Как просто: все монополизировать в интересах победившего народа, создается единый Государственный банк, который, как Левиафан, охватывает страну... Все будут управлять по очереди всеми. К власти будет привлечено буквально все население: кухарка научится управлять государством. Потом люди постепенно придут к тому, чтобы никто никем не управлял, и оно отомрет – ненавистное государство, веками порабощавшее человека!

Так они мечтали, чтобы в результате прийти к созданию самого чудовищного государства всех времен.

Справедливый дележ всей земли, провозглашенный Лениным в ночь переворота, на самом деле был обманом. Они мечтали о создании грядущих коллективных хозяйств, где не будет «мое» – только общее. «Мое» должно умереть. «Мое» – это всегда путь к угнетению.

Петр Павленко: «Сталин рассказывал, как Святой Франциск учил жить без собственности. Один монах его спросил: «Можно ли мне иметь хотя бы мою Библию?» И он ответил: «Сегодня у тебя – «моя Библия». А завтра ты уже прикажешь: «Принеси-ка мне мою Библию».

Ненавистную торговлю, этот рассадник капитализма, было решено заменить общегосударственным распределением продуктов. И тогда свершится главное: закончится власть денег. Отсутствие денежной системы – основной признак их нового мира. Золотом они собирались мостить мостовые, делать из него унитазаы. Презрительно называя деньги «денежными знаками», они задумали печатать их бессчетно, чтобы обесценить проклятые!

Как апостолы ждали немедленного второго пришествия Христа, так они начинают ждать мировую революцию. И тогда будет окончательно создан новый мир! Научное предвидение уже свершило русскую революцию, и теперь оно обещало мировую революцию. Великий пример России должен увлечь все страны. Слишком устали на войне рабочие и крестьяне, одетые в солдатскую форму. Зачем им погибать за интересы хозяев? Конечно, вдохновленные примером, они повернут штыки против своих угнетателей. Даешь мировую революцию! Вот о чем говорили в те дни в Смольном.

Народный комиссар Коба издает декреты. Вчерашний ссыльный вместе с Лениным

подписывает «Декларацию прав народов России» – всем им гарантируется право на самоопределение.

Трещит, ползет по швам Империя: отделились Польша и Финляндия, в Прибалтике возникают независимые Эстония, Латвия и Литва, откололась Украина, а в Закавказье образуются три государства – Азербайджан, Армения и Грузия.

От всей Великой империи осталась Россия в границах XVII века. Но чем хуже – тем лучше. Таков лозунг истинных революционеров.

Осуществить Великую утопию Ленин мог только при безраздельном господстве одной партии. Обещание созвать Учредительное собрание, лозунг «Вся власть Советам!» – все это лишь тактика. Впереди было создание государства, управляемого одной – его партией. И это тоже было впервые... Подобная попытка якобинцев в дни Французской революции окончилась гильотиной для Робеспьера и его соратников.

Но у Ленина была малочисленная партия, состоящая из людей, не имевших никакого опыта в управлении гигантской страной. Так что им предстояло учиться – на жизнях миллионов. И временное сужение границ пролетарского государства, отъединение окраин им сейчас было даже выгодно. А то, что оно было временным, ни Ленин, ни его сподвижники, ни его верный ученик Коба не сомневались. Ведь впереди маячила великая мечта – мировая революция. Разваливая империю Романовых, большевики верили, что и это должно толкнуть народы других империй к мировой революции.

Со дня на день они ожидают услышать грозную поступь рабочих батальонов! Надо только удержаться в России – в этой крепости, завоеванной пролетариатом и окруженной врагами.

А пока нужно было (опять же согласно Марксу) разрушить старый мир, именовавшийся «миром насилия». И они открыто провозгласили это в своем партийном гимне «Интернационал»: «До основанья!..»

«Грабь награбленное!»

Большевики бросают в массы этот великий лозунг всех революций. Начался грандиозный передел собственности, который должен был дать им поддержку большинства. По всей стране согласно декретам нового правительства («земля – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим») делили добычу. Крестьянские общины захватывали помещичьи земли, фабрично-заводские комитеты забирали предприятия. Не успевших бежать хозяев «увозили в чисто поле», и больше их никто не видел. Солдаты на фронте делили содержимое армейских складов и, нагруженные амуницией, бежали с фронта домой, постреливая по дороге офицеров. Грабеж спланивал народ вокруг новых правителей.

Все это происходило на просторах России. А в Петрограде большевики боролись за жизнь. Первые две недели казалось, что они обречены. «Мы знали, что армия вот-вот вмешается, и большевикам конец», – говорил мне в Болгарии старик эмигрант. Интеллигенция сидела по квартирам без света, ждала освободителей. Никто не верил в долговечность большевиков.

И действительно, сразу после переворота на столицу наступает сам Керенский. Троцкий и Ленин организуют оборону. И Коба все эти дни – рядом с Лениным.

Гиппиус: «Казачи с Керенским были уже в Царском, где гарнизон сдавался им... но солдаты были распропагандированы... их окружила масса, началось братание».

Мятеж (так называют большевики наступление свергнутого ими премьера) был подавлен.

Из письма А. Нелидова: «Дед рассказывал: они выгнали из Царского Села казаков Керенского. В Царском жил тогда Плеханов...

Что запомнилось? Старика Плеханова обыскали несколько раз – и не по незнанию. Видно, не простил ему Ильич знаменитого изречения: «Русская история еще не смолола муки, из которой можно в России испечь пирог социализма»... В том же Царском на улице к деду подошли солдаты: «Купи, дядя, офицера». – «А зачем он мне?» – «Расстреляешь». И гогочут...»

Так что успел увидеть «отец русского марксизма» торжество своих идей. Плеханов покинул Россию и уже в следующем году умер.

Тень Ленина

Среди первых ленинских декретов – мир с немцами. Главнокомандующий, царский генерал Духонин, с возмущением отказался вести переговоры о перемирии. И Ленин сам отправляется на радиостанцию. Вместе с Лениным – Коба, тень, неотступно следующая за ним в те дни. Он сам описал дальнейшее: Ленин передает приказ о снятии Духонина, призывает солдат «окружить генералов и прекратить военные действия». Ленин назначает главнокомандующим большевика прапорщика Н. Крыленко.

Но Коба не описал, как новый главнокомандующий с отрядом прибыл в Ставку и произнес «зажигательную речь», после которой солдаты окружили Духонина и зверски убили.

Следуя идее однопартийного государства, на должности народных комиссаров Ленин назначил только членов своей партии. Но они застают в своих ведомствах одних уборщиц и курьеров.

В Петрограде начинаются забастовки служащих. «Служащие не служат, министерства не работают, банки не открываются, телефон не звонит», – записывает Гиппиус в дневнике.

В одной из комнат Смольного на диване проводит дни большевик Менжинский... Его брат – известный банкир, не потому ли Ленин назначил Менжинского комиссаром финансов? Этот эстет, сибарит, в роскошной шубе, в сопровождении отряда красногвардейцев, тщетно навещает Государственный банк, где бастующие служащие упорно не выдают ему десять миллионов рублей, которые требует Ленин. Лишь, как вор, взломав сейфы, большевистский руководитель финансов уносит пять миллионов.

И наркомат Кобы существует только на бумаге – в ленинском декрете. Но через несколько дней у него появляется первый сотрудник, очень энергичный. Некто Песковский, один из участников переворота, приходит в Смольный – участвовать в дележе власти. «Я решил пойти к Троцкому и выставить свою кандидатуру в наркомат иностранных дел... Но Троцкий объясняет: «Жаль использовать старого партийца в таком незначительном деле...» Тогда Песковский входит в комнату напротив кабинета Ильича. Здесь на диване полулежит с утомленным лицом Менжинский. Узнав, что Песковский учился в Лондонском университете, он тотчас предлагает ему стать управляющим Государственным банком. Но Песковский, знающий о забастовке банковских служащих, решает продолжить поиски. Он входит в следующий кабинет – напротив. Это «кабинет Ильича, где за неимением собственного кабинета пребывал Сталин».

И видимо, Песковский почувствовал: это Власть.

«– Товарищ Сталин, комиссариат у вас есть?»

– Нет.

– Так я сделаю вам комиссариат.

Я стал рыскать по Смольному, высматривая место для наркомнаца. Задача была сложная – везде было тесно».

Наконец в одной из комнат Песковский находит своего друга, представляющего какую-то комиссию, и переманивает его вместе со столом и частью комнаты. После чего, победно водрузив на его столе табличку «Комиссариат по делам национальностей», идет докладывать. «Невозмутимый Сталин, молча осмотрев «комиссариат», удовлетворенно вернулся в кабинет Ленина».

Да, в Смольном Коба сидит в кабинете Ленина. Видимо, Ленин предпочитает держать его рядом. Что сделает дальше Керенский? А генералы, армия? В любой момент, возможно, придется бежать. И он хочет, чтобы Коба был поблизости.

Все первые недели среди ближайших сподвижников Ленина царит паника. Дрогнул Каменев, возглавляющий Центральный исполнительный комитет, избранный Вторым съездом Советов, напуган Зиновьев. Они ясно видят: все происходит так, как они предрекали: власть не удержать, если не разделить ее с партиями, пользующимися поддержкой большинства населения. Иначе – гражданская война. Теряют присутствие духа назначенные Лениным наркомы и тоже требуют создать «многопартийное правительство из социалистических партий». Руководство профсоюза железнодорожников угрожает остановить движение на железных дорогах.

В преддверии голода и ледяной зимы ЦК обсуждает ситуацию в отсутствие Ленина и Троцкого, поглощенных защитой столицы от Керенского, и соглашается создать многопартийное правительство. Ленин приходит в ярость – не затем он брал власть, чтобы делить ее с эсерами и ненавистными ему меньшевиками. И Троцкий неколебимо стоит за однопартийное правительство. Каменев демонстративно покидает пост главы ЦИК, несколько большевиков выходят из правительства...

А что же Коба? В дни, когда ближайшее окружение колеблется, – Коба с Лениным. Но кому интересно его мнение?

Мой отец, приехав в Петроград, увидел на вокзале огромные портреты вождей – Ленин, Троцкий, Зиновьев... Портретов Кобы он не видел. Их не было. И в народе не знали его имени. В это время он – на вторых ролях. Таково стойкое убеждение многих историков.

И каково же было мое изумление, когда в бывшем Архиве Октябрьской революции я увидел документ. Это была «Инструкция караулу у кабинета Ленина», подписанная самим Ильичем 22 января 1918 года. Согласно этой инструкции лишь двое имели право входить в кабинет Ленина без всякого доклада и в любой час – Троцкий и Сталин. Троцкий – признанный второй вождем Октябрьского переворота.

Но почему Коба?

Потому что Коба – тень Ильича и самое доверенное лицо в партии.

Ленин – Власть. Коба – доверенное лицо Власти. Да, у остальных много славы. Но много славы не значит много власти.

И Коба это вскоре докажет.

«Карающий меч»

В те дни Ленин и Троцкий окончательно вырабатывают свою политику. Ее формулирует Троцкий: «Вся эта мещанская сволочь... когда узнает, что наша власть сильна, она будет с нами... Благодаря тому, что мы раздавили под Питером казаков Краснова, на другой же день появилась масса сочувствующих. Мелкобуржуазная масса ищет силу, которой она должна подчиняться. Кто не понимает этого – тот не понимает ничего».

Беспощадность, непреклонность власти – таков их путь. Большевики закрывают все оппозиционные газеты, рабочие отряды громят их типографии. И уже в декабре 1917 года создают ЧК– Чрезвычайную комиссию для борьбы с контрреволюцией и саботажем чиновников.

ЧК – «карающий меч революции». Риторика в стиле якобинцев любима новыми вождями.

Из дневника Гиппиус: «Газет осталось только две – «Правда» и «Новая жизнь» (газета Горького. –

Э.Р.). Рассказывают ужасы о застенке в Петропавловке...»

ЧК, возглавляемая профессиональным революционером поляком Дзержинским, наполняет камеры аристократами, офицерами, бастующими чиновниками. В женских камерах жены и дочери вчерашних вельмож встречаются с проститутками и воровками.

И вот уже возвращаются в новые наркоматы чиновники, испуганные слухами о застенках ЧК. Мятельный Каменев и строптивые комиссары подчиняются воле Вождя. Каменев в который раз повторяет: «Чем дальше, тем больше убеждаюсь: Ильич никогда не ошибается». Но Ленин на пост председателя ЦИК предпочел посадить послушного Свердлова – и могущественный орган Советов окончательно превращается в декорацию при правительстве. С Советами покончено. Править будет партия. И Вождь.

В который раз видит Коба: насилие отлично работает. «Учимся понемногу, учимся»...

Учредительное собрание

Ленинское правительство, тоже называвшееся Временным, обязалось «обеспечить немедленные выборы в Учредительное собрание». На победном Втором съезде Советов Ленин обещал подчиниться результатам грядущих выборов – «воле народных масс».

Коба получает великолепный урок ленинской тактики. Ленин не сомневается в неблагоприятном исходе выборов, но не собирается уступать власть. Впереди маячит разгон первого свободно избранного русского парламента. Но для этого весьма нереволуционного шага Ленин хочет найти революционного союзника. И он предлагает левым эсерам войти в правительство.

Те соглашаются, выставив ряд условий: возвращение свободы печати, запрещение ЧК. Газеты разрешили, но ЧК не запретили. Вместо этого туда ввели самих левых эсеров (на

вторые посты). Получили они посты и в правительстве, и тоже – второстепенные.

А потом состоялись выборы в Учредительное собрание. Как и ожидал Ленин, большевики и левые эсеры их проиграли. Но он спокоен: большевики победили в военных гарнизонах обеих столиц. Солдатам нравится власть, при которой можно не воевать, стрелять офицеров, врываться в богатые петербургские квартиры и пьяно митинговать! Пока все решают они – вооруженные собрания солдатских шинелей и матросских бушлатов. Так что все возможности для разгона Учредительного собрания у Ленина есть. Можно действовать.

Коба – за занавесом. Но в разгоне Учредительного собрания виден почерк опытного мастера массовых представлений. Латышские стрелки, солдаты и матросы окружают Таврический дворец. Все улицы заполнены войсками, верными большевикам. Демонстрацию в поддержку парламента обстреливают, как при царизме.

После разгона демонстрации начинается первое заседание. В зале солдатня и матросы изображают зрителей. Крики, свист с мест сопровождают все заседание... И вот уже Ленин с удовлетворением покидает зал. Забавная деталь: одеваясь, он не обнаружил браунинга в кармане пальто – его попросту украла. Таковы были зрители, приглашенные в зал.

В пятом часу утра, наиздевавшись вдоволь над ораторами, бородатый гигант, бывший царский матрос, а ныне глава морских сил Республики Павел Дыбенко отдал приказ караулу закрыть заседание. Начальник караула матрос Железняков тронул за плечо председательствующего и сказал «исторические слова»: «Караул устал. Пора расходиться».

Разгон Учредительного собрания прошел на редкость тихо. И Коба убедился: первые же репрессии сломили дух интеллигенции.

«Прислужники капиталистов и помещиков», «холопы американского доллара», «убийцы из-за угла» – такими словами «Правда» проводила в могилу первый свободно избранный русский парламент.

Через двадцать лет подобными словами в той же «Правде» Сталин проводит в могилу Дыбенко и других старых большевиков, которые так весело разогнали этот парламент.

Левые эсеры окончательно выполнили свою задачу: на очередном съезде Советов они помогли одобрить разгон парламента. Теперь ленинское правительство избавилось от приставки «Временное».

И наступила очередь левых эсеров. Столкновение должно было случиться (как мог предполагать Ленин) во время заключения мира с немцами. Мир необходим Ленину как передышка, чтобы покончить с властью митингующей улицы, демобилизовать вооруженную вольницу и создать свою армию. И конечно же, мира требовали немцы – надо было платить кредиторам по векселям.

Забавное представление

Уже в декабре немцы подписали перемирие с большевиками. В пограничный город Брест отправилась представительнейшая делегация во главе с Троцким. Коба в эту делегацию не вошел. Он уже выбрал себе амплуа – враг Троцкого, и это дало ему возможность остаться в стороне от этой сомнительной «немецкой истории».

Подъезжая к Бресту, член делегации Карл Радек, человек дьявольски умный и столь же циничный, демонстрировал странный идеализм – рьяно бросал из окна немецким солдатам

листовки с призывами остановить войну с русскими братьями-рабочими. В Бресте Троцкий продолжил идеологические забавы Радека и устроил вместо переговоров бесконечную лекцию, обличающую империализм. Немецкие генералы лекцию выслушали и предъявили тяжелейшие условия мира: Россия теряет Прибалтику, Украину, Кавказ и другие территории.

Прервав переговоры, Троцкий возвратился в столицу – «обсудить». Начались бесконечные партийные дискуссии. Ленин объяснял необходимость передышки: «Если мы не заключим мир, он будет заключен уже другим правительством». Но левая оппозиция во главе с талантливейшим теоретиком партии, молодым Николаем Бухариным, потребовала отвергнуть немецкие условия. «Ошибка Ленина, – заявил Бухарин, – в том, что он смотрит на это дело с точки зрения России, а не международной. Международная точка зрения требует вместо позорного мира революционной войны, жертвенной войны. Схватка первого в мире государства рабочих и крестьян... должна побудить европейский пролетариат немедленно выступить на его защиту». Бухарин надеялся на долгожданную мировую революцию!

Вождь объяснял, что мировая революция будет, и обязательно, но –

будет, а русская революция уже

есть. Надо думать о ней. К тому же воевать некому – армия разбежалась.

Ленин потребовал мира любой ценой. Коба поддержал Вождя, но отметил: «Революционного движения на Западе нет. Есть только потенциал, а с ним мы не можем считаться».

Ленин, конечно же, возразил против этого неверия. И Коба, конечно же, покорно промолчал. Но, выслушивая все эти яростные споры о мировой революции, он отлично понял новую ситуацию: все это уже не более чем заклинание. Весьма быстро, в несколько месяцев, догмы Маркса сделались «Ветхим Заветом». А Ленин уже служил «Новому Завету», идея которого одна – удержать захваченную власть в

этой стране. И Коба усвоил урок служителей Нового Завета: союз может быть хоть с чертом, если нужно во имя власти.

И еще он понял – как заряжен властью этот лобастый человек. Понять ему было несложно – он сам был такой же.

Ленин получил поддержку ЦК, но было решено избрать тактику на затягивание переговоров в ожидании мировой революции, и только в случае ультиматума заключать унижительный мир. Опять Троцкий отправляется в Брест. Опять немецкие генералы слушают его патетические разглагольствования. Наконец немцы предъявляют ультиматум, но вместо заключения мира Троцкий провозгласил парадоксальное: «Ни мира, ни войны». И отбыл восвояси.

Немцы, естественно, начинают наступление. Как их ждали в Петрограде! «Ну вот немец придет – наведет порядок», – часто слышалось в эти дни на улицах.

Но большевики отлично знали: немцы не придут!

Ленин просит мира. Наступающие немцы предъявляют новые, тягчайшие условия. Опять Ленин собирает ЦК, уговаривает заключить мир любой ценой. Коба – вместе с Лениным. После бесконечных дискуссий Ленин побеждает: позорный мир будет заключен.

Сколько раз впоследствии сталинские историки будут проклинать Троцкого, припоминая ему его необъяснимый ход. Но Ленин быстро простил ему это безумие. Почему?

Предоставим слово Троцкому: «Я считал, что до подписания мира необходимо во что бы то ни стало дать рабочим Европы наглядное доказательство враждебности между нами и правящей Германией».

Вот для чего он толкнул немцев начать военные действия! Все делалось, чтобы рабочие Европы увидели: «Мы подписываем мир под штыками». Да, это было всего лишь представление, как и прокламации, которые бросал Радек. Перед заключением мира необходимо было смыть клеймо «немецких агентов».

Немцев очень устроила эта игра. Они получили право наступать, отхватывая куски «русского пирога». Но при этом знали: должен быть предел наступления. Если слишком перегнуть палку, вовремя не остановиться, большевики попросту падут и оскорбленное национальное чувство русских может возродить силу сопротивления. Вместо лояльных большевиков они получают правительство войны.

И Ленин, конечно же, знал: немцы остановятся.

Итак, обе стороны знали, что мир будет заключен. Просто лидеры большевиков на глазах непонимающей партии сыграли брестское представление. Наступление немцев по всему фронту было нужно и тем и другим: большевики смогли объяснить европейскому пролетариату причины Бреста, а немцы получали плату за свое золото – территорию. Платил Ленин не только за прошлую, но и за нынешнюю поддержку, которую немцы продолжали щедро оказывать.

После заключения Брестского мира посланником в Москве стал граф Мирбах. В своих секретных посланиях кайзеру он пишет об этой поддержке, хотя и не верит в долговечность большевиков: «Я был бы благодарен, если бы получил инструкции по следующим вопросам: оправдано ли использование больших сумм в наших интересах? Какое течение поддерживать, если большевики не удержатся?» И вот ответ министра иностранных дел Кюльмана: «В наших лучших интересах, чтобы большевики остались у власти. Если нужно больше денег, телеграфируйте сколько».

Брестский мир обсуждался на VII съезде партии.

И опять продолжалась изнурительная схватка Ленина с левыми. Бухарин, Коллонтай, любовь Ленина Инесса Арманд и прочие молодые интеллектуалы – против Бреста. Это модно, Брест отбрасывает слишком сомнительную тень. А что же Коба? Он выбирает любимую позицию между спорящими: «Переговоры затягивать и мира не подписывать»... Но после первого же упрека Ленина – тотчас голосует за мир вместе с Вождем. Но главное уже сделано – он отделил себя от позорного мира.

После долгой борьбы Ленин все-таки получил поддержку. Брестский мирный договор был подписан.

Позорный мир упрочил положение новой власти.

«Не представляю себе подписи императора Гогенцоллерна рядом с подписью Бронштейна-Троцкого», – говорил известный журналист Яблоновский.

Но представить пришлось.

VII съезд партии, на котором был утвержден Брестский мир, назвал партию Коммунистической. В этом изменении названия – опять улыбка истории. На съезде происходило прощание с коммунистическим идеализмом.

«Опомнитесь, батенька...»

Теперь при помощи Бреста предстояло избавиться от левых эсеров. Но это действие Ленин предпочел провести в более удобной декорации. Он решил перевести столицу в Москву.

Переезд должен был еще раз доказать, что никакого сговора с немцами нет: большевики настолько не верят им и боятся их наступления, что переносят столицу в глубь России. На самом деле Петроград с царской бюрократией, враждебной интеллигенцией, эсеровскими боевиками решили поменять на сравнительно тихую, патриархальную Москву.

Ленин и другие главные вожди поселились в Кремле. Троцкий указывал на странность: «Со средневековой стеной и золочеными куполами Кремль в качестве цитадели революции?» Но если вдуматься, это было символично. Переезд в столицу московских царей обозначил начало нового царства: революция и утопия начали умирать.

В Кавалерском корпусе напротив Потешного дворца поселились вожди, выселив прежних обитателей или отправив их в ЧК. Перестроили часы на Спасской башне – вместо «Коль славен...» они заиграли «Интернационал». Но автомобили новых владык въезжали в Кремль через Спасскую башню под иконой с разбитым стеклом и потухшей лампадой.

Троцкий: «В моей комнате мебель из карельской березы, над камином часы с Амуром и Психеей... Мы иронически говорили Амурам и Психеям: «Не ждали нас?» Насмешливо рассказывает Троцкий, как некий Стуишин, старый кремлевский служащий, за обедом подавая им гречневую кашу в тарелках с орлами, аккуратно поворачивает тарелки, чтобы орлы смотрели в глаза едокам. Зря улыбался Троцкий. Старый лакей Ступишин, Амуры и Психеи сразу почувствовали: дождались – пришли хозяева. В эти дни родилась любимая ленинская укоризна соратникам: «Опомнитесь, батенька, мы уже не в Смольном...»

И конечно, Ленин позаботился, чтобы в Кремле рядом с ним появился еще один обитатель – верный Коба. Ему также дали кремлевскую квартиру с Амурами, Психеями и зеркалами. Но Коба знал: партийная масса мрачно следит за быстрыми вхождениями в барскую жизнь своих вождей. И, войдя в квартиру в Кремле, сказал: «К чему эта господская роскошь?» – и пнул ногой старинное зеркало.

Полетели на помойку буржуазные Амуры и Психеи.

Устроившись в Москве, Ленин занялся левыми эсерами. Четвертый съезд Советов – первый в Москве – происходил в Колонном зале. Съезд должен был ратифицировать Брестский договор, и Ленин не сомневался: здесь разгорится бой, который и вернет всю власть в руки его партии. Съезд начался с чтения послания президента США Вудро Вильсона, который выражал сочувствие русскому народу. В ответной резолюции съезд пообещал президенту скорое освобождение от ига капитала и социализм во всем мире. Поиздевавшись над Вильсоном, начали бой.

Идеолог левых эсеров Б. Камков с вечно болтающимся на боку револьвером объявил: его партия не желает разделять ответственность за постыдный Брестский мир. Он заклеил большевиков – «приказчиков германского империализма». Ленин не отстал: он назвал левых эсеров «мыльным пузырем» и «приспешниками буржуазии». Послушный съезд (почти 800 большевиков против 284 левых эсеров), конечно же, принял резолюцию, одобряющую мир. Левым эсерам пришлось выйти из правительства.

Заканчивалась многоступенчатая расправа, когда одним врагом уничтожали другого. Все запомнит, все выучит Коба в ленинских университетах. «Учимся понемногу, учимся»...

И опять веселились большевистские лидеры, вышибив на этот раз из игры глупых левых эсеров.

Через двадцать лет большинство веселившихся будут опять сидеть в том же Колонном зале

– уже подсудимыми. Здесь проведет Сталин свои процессы над старыми большевиками. Отсюда увезут их с расстрельными приговорами.

Но сейчас они веселились.

Ленин понимал – эсеровские боевики так дело не оставят. Надо было спешить, пока не разъярилась деревня. Он знал, что деревня скоро станет его врагом, ибо на Питер и Москву надвигались голод и война.

В огненной клетке

Предвидение тех, кто уговаривал Ленина не брать власть, сбылось. Передышка оказалась кратковременной. На просторах России началась война, точнее, множество войн.

Все державы, сражавшиеся друг с другом в мировой войне, начали растаскивать куски погибавшей Романовской империи.

Весной 1918 года немцы оккупировали ставшую независимой Украину, устремились на юг страны, в Закавказье, где установили контроль над частью территорий Грузии, Армении и Азербайджана.

В Закавказье высадились и турки. Они захватили ряд черноморских портов, в том числе Батум – город, где Коба когда-то начинал свою революционную деятельность.

400 000 квадратных километров и 60 миллионов подданных растерзанной Великой империи оказались в руках немцев и их союзников.

Естественно, не остались наблюдателями сражавшиеся с немцами страны Антанты. В марте 1918 года английские и французские войска высадились на севере России, в Мурманске.

Ленин и Коба по прямому проводу связались с главой Мурманского Совета Алексеевым (Юрьевым). Тот объяснил, что Совет заключил соглашение с англичанами и рассказал об их обязательствах защищать Север от вторжения немцев и снабжать голодный город продовольствием.

«Англичане никогда не помогают даром, как и французы... нам кажется, что вы немножечко попались», – ответил Алексееву Коба и предложил ликвидировать соглашение. Но голодные жители стояли на своем. (Коба не забыл этого разговора – по окончании гражданской войны Алексеева расстреляют.)

1 июля уже 4000 английских, французских, американских, итальянских и сербских солдат высадились в Мурманске и начали расползаться по Северу. В августе был оккупирован Архангельск.

«Американцы, – как справедливо писал Луис Фишер, – участвовали в интервенции крайне неохотно». «Русский вопрос» мучил президента Вильсона почти год, прежде чем он согласился на американское участие. «Меня доводит до кровавого пота вопрос, что делать в России и что было бы справедливо...» – писал Вильсон 8 июля 1918 года полковнику Хаузу.

Но согласиться пришлось. И дело не только в том, что большевики узурпировали власть и заключили союз с врагами Антанты – немцами. Тревожил призрак мировой революции, к которой не уставал призывать Ленин, эта постоянная большевистская угроза ввергнуть в хаос разрушенный войной мир.

Союзникам повезло – в то время в Сибири оказалось полсотни тысяч хорошо вооруженных и обученных иностранных солдат. Это были захваченные в плен еще при Николае II чехи и словаки, подданные Австро-Венгрии, воевавшей с Россией на стороне Германии. Но чехи и словаки, чтобы не воевать с братьями-славянами, тысячами сдавались в плен русским. После Февральской революции они тотчас были освобождены. Франция, испытывавшая недостаток в солдатах, перевооружила их и готовилась переправить Чехословацкий легион на фронт, когда разразился Октябрьский переворот.

Теперь союзники могли использовать его по-другому.

В это время легион двигался по Транссибирской магистрали, направляясь к границам России. Большевики потребовали от легионеров сложить оружие. 14 мая 1918 года начался мятеж. Отказавшись разоружиться, легион двинулся по Сибири к Уралу, сметая по пути советскую власть. С легионом соединились восставшие против большевиков казаки и бежавшие в Сибирь русские офицеры.

25 июля пала столица Красного Урала Екатеринбург (где большевиками накануне сдачи города была расстреляна царская семья). Легион стремительно перевалил через Урал, захватил Самару, Симбирск (город, где родился Ленин) и овладел Казанью.

В июле страшного для большевиков 1918 года с английских и японских судов сошел десант и высадился во Владивостоке. 3 августа в город вошли части японской армии. По соглашению между Японией и США в дальневосточной операции должны были участвовать по 7000 солдат от каждой стороны. Но к августу в России было целых 70 000 японских солдат.

На фоне иностранной интервенции разворачивалась в России и другая война – самая страшная, самая беспощадная, самая зверская: эту войну русские вели друг с другом.

Пути Каина

Еще накануне Октябрьского переворота русская армия и Россия погрузились в хаос анархии.

«На всех железных дорогах, на всех водных путях идут разбои и грабежи», – писал в книге воспоминаний будущий вождь Белого движения генерал Деникин. Донесения с фронта говорили: «Теперь нет сил больше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни чести. Проходящие воинские части сметаю все, уничтожают посева, скот, птицу, разбивают казенные склады, напиваются, поджигают дома».

На эту озверевшую от пьяной свободы вооруженную армейскую массу, на стихию русского крестьянского бунта опирались захватившие власть большевики.

Нет ничего страшнее русского бунта. «Бессмысленный и беспощадный» – это пушкинское определение стало расхожим, много раз его повторили авторы, описывавшие гражданскую войну. Подавленная веками рабства и насилия, темная энергия несправедливого народа обернулась чудовищными зверствами.

В 20-х годах в Берлине, находясь в эмиграции, Алексей Толстой любил показывать фотографию, сделанную в дни гражданской войны. На ней был снят огромный детина, увешанный оружием, – картинно развалившись, он сидел в кресле, а рядом с ним на тумбочке стояла отрубленная человеческая голова. Так попросил себя сфотографировать атаман Ангел – один из бесчисленных главарей бесчисленных банд, насилующих и грабивших несчастных мирных жителей в гражданскую войну.

С момента взятия большевиками власти начинаются восстания на юге России. Заволновалось казачество. В ноябре 1917 года восстал генерал Каледин – атаман Донского казачьего войска, но уже в январе 1918 года был разбит революционными войсками.

29 января Каледин, докладывая Донскому правительству о поражении, сказал: «Положение наше безнадежно. Население нас не поддерживает». Ему пытались возражать, но он прервал: «Господа, говорите короче. Ведь от болтовни и Россия погибла».

В тот же день генерал застрелился.

Между тем выступление казачества было только началом.

На Дон и Кубань со всей России бегут офицеры. Одновременно с калединским восстанием 2 ноября 1917 года бывший начальник царского штаба генерал Алексеев приступил к созданию на юге антибольшевистских сил – Добровольческой армии. Этот день считается началом Белого движения.

Ядро Добровольческой армии составил ударный корпус генерала Корнилова. На фуражках и рукавах корниловцев были черепа: победа или гибель.

В Белой армии – лучшие силы офицерского и генеральского корпуса царской армии, прошедшие школу Первой мировой войны.

Впрочем, выдающиеся царские офицеры и генералы служили и в Красной армии. Причем порой (страшный символ!) это были родные братья.

Генерал Плющик-Плющевский служил у белых, его брат – у красных, генерал Махров был в Добровольческой армии, его брат – у большевиков. Михаил Беренс – адмирал у Врангеля, а его брат Евгений Беренс был главой всех военно-морских сил большевиков. Брат пошел войной на брата... Пленение и расстрел сыном отца, братом брата – будни гражданской войны.

Потеряв три четверти страны, огрызаясь террором, Ленин и большевики погибали в огненной клетке фронтов: они сохраняли лишь жалкую территорию вокруг Москвы и Петрограда. Но обе столицы по-прежнему в их руках, и оттуда они гордо выступали как законная власть, борющаяся с мятежниками и иноземными захватчиками.

С марта 1918 года Троцкий возглавляет военные силы Республики. Его бронепоезд мечется по фронтам.

До прихода к власти большевики поддерживали все анархические элементы, превратившие армию в мародерствующую орду. Теперь это обернулось против них. Троцкий лихорадочно начинает строить ту самую регулярную армию, которую так ненавидели революционеры, уничтожение которой было частью Великой утопии. Он понимает – без военных специалистов такую армию не создать. К изумлению и ярости революционных солдат, в Красной армии вновь появляются царские офицеры, согласившиеся сотрудничать с большевиками, и вновь требуют дисциплины, столь ненавистной солдатне.

Но Троцкий не верит до конца «военспецам» – так называют красные бывших царских офицеров. Их семьи становятся фактически заложниками. Но главное – Троцкий создает в Красной армии институт политических комиссаров. Их задача – неустанно контролировать все решения «военспецов» и помогать вернуть в армию дисциплину, которая отныне именуется «революционной».

Воодушевляя армию, Троцкий безостановочно произносит речи перед солдатами. Мой отец слушал его несколько раз. У Троцкого было обычное лицо еврейского интеллигента с

полными чувственными губами, маленькой бородкой и близорукими глазами за стеклами пенсне. Но оно становилось почти мефистофельским, когда он начинал говорить. В Троцком был магнетизм, возбуждавший толпу. Но никакой магнетизм не смог бы сделать его риторику столь действенной, если бы речи не сопровождалось эхом расстрелов. Дезертирство – расстрел, нарушение дисциплины – расстрел, трусость – расстрел... «Одним из важнейших принципов воспитания нашей армии является неоставление без наказания ни одного проступка. Репрессии должны следовать немедленно» (Троцкий).

Коба мог наблюдать поразительные результаты. За кратчайший срок Троцкий создал большевистскую армию из усталой митингующей орды.

Но Коба помнил: когда свершился Октябрьский переворот, Каменев, заискивая перед солдатами, первым декретом предложил отменить закон о смертной казни для солдат. И Троцкий согласился. Ленин, прибывший в Смольный, узнал об этом декрете и возмутился: «Вздор! Как же можно совершить революцию без расстрелов?»

Декрет похоронили. Уроки Учителя...

Глава 8 «Специалист по катастрофам»

Ночи в раскаленном вагоне

Деревня отказалась задаром отдавать хлеб большевикам. Кулаки, то есть самые умелые земледельцы, начали прятать добытый трудом и потом хлеб. Ленин организует комитеты бедноты. Самые ленивые, озлобленные крестьяне получают власть. Из города в деревню посылаются вооруженные отряды рабочих. Вместе с беднотой они должны отобрать хлеб у кулаков.

Но продовольственные отряды хлеба доставали мало – зато быстро превращались в пьяные банды грабителей. Петроград и Москва погибали от голода. И, отправив на фронт Троцкого, Ленин отправляет за хлебом вторую свою надежду – Кобу.

29 мая Коба назначен руководителем продовольственной комиссии на юге России. Он отправляется в Царицын – важнейший форпост большевиков на юге, откуда слабым ручейком продолжает течь хлеб с Северного Кавказа. Коба должен превратить этот ручеек в поток.

Из воспоминаний Федора Аллилуева: «В 1918 году товарищ Сталин сказал мне: «Иди ко мне работать секретарем в наркомат». Весь аппарат товарища Сталина в то время составляли: секретарь – я, и машинистка – моя сестра».

И вот в самом конце мая наркомат опустел: вся троица начала готовиться к путешествию...

Аллилуев: «Иосиф Виссарионович предупредил меня об отъезде в Царицын всего за пару дней. Я привык ему повиноваться, не рассуждая».

4 июня на Казанском вокзале, забитом мешочниками и полуголодными беспризорными детьми, появились трое: девушка, высокий молодой человек и маленький грузин средних лет. Троицу сопровождал отряд красноармейцев. Только после длительной перепалки Кобы с

начальником вокзала и дежурным (несмотря на предписания Совнаркома и грозный мандат) им был предоставлен поезд. Что делать – мало кому был известен тогда Коба...
Нерешительно, останавливаясь у каждого семафора, состав взял курс на Кисловодск.

Все трое собрались в салон-вагоне. Он принадлежал прежде звезде цыганского романса Вяльцевой и был весьма игриво обит небесно-голубым шелком.

В мае 1918 года весь юг страны был охвачен безумием хаоса, так что вряд ли путешественники могли быть уверены, что непременно увидят Царицын. Немцы продолжали медленное наступление, на подступах к городу действовали восставшие казаки генерала Краснова, и отряды анархистов с черными знаменами появлялись у стен Царицына – они то дрались с немцами, то поворачивались против Советов. Среди горских племен царило постоянное возбуждение, и никто не знал, чем оно закончится.

Поезд мог быть захвачен и немцами, и казаками, и анархистами... Кем он только не мог быть захвачен!..

Коба ночевал в салон-вагоне, брат и сестра – в отдельных купе.

На юг шла единственная дорога, забитая воинскими эшелонами. «Поезд двигался еле-еле, на каждой станции начальники жаловались: «Вчера путь казаки разобрали», – вспоминал Федор Аллилуев.

Коба понимал – надо торопиться. Времени в обрез, и, кроме того, с каждой задержкой увеличивается вероятность нападения. По ночам затемненный поезд проскакивал станции или прятался на запасных путях. Станции темные, грязные, на платформах пьяные крики солдат, звуки гармоник, а чаще выстрелов. Разгулялась Русь... Но поезд сможет за себя постоять. В вагонах – отряд Кобы в 400 человек, среди них гвардейцы революции – латышские стрелки. Ленин отправил Кобу на юг с самыми широкими полномочиями...

Федор Аллилуев: «В пути получили телеграмму Орджоникидзе: «В Царицыне восстал анархист Петренко».

Власти попытались эвакуировать из города золотой запас и ценности, изъятые из сейфов буржуазии. Этот эшелон с золотом и поджидал отряд Петренко, пустив навстречу ему порожние вагоны. Поезда столкнулись. Убитые, раненые, кровь, стоны... Залегшая у полотна банда ворвалась в эшелон. Забрав деньги, они, как положено в те времена, устроили митинг с пламенными речами о революции среди трупов и горящих вагонов. Митинг постановил: деньги – народные и принадлежат народу. Начали делить золотые монеты, прятать их под грязные портянки. Попутно стаскивали сапоги с убитых и достреливали оставшихся в живых. За этим занятием они и были застигнуты бронепоездом Орджоникидзе, окружены и тотчас сдались.

Но в ту же ночь остатки бандитов во главе с Петренко и знаменитой атаманшей Марусей ворвались в город. Маруся (Мария Никифорова) была воспитанницей Смольного института. Теперь вместо томных подруг эту кокаинистку в белой черкеске и лохматой папахе, безумную в похоти и жестокости, окружала пьяная голытьба. Но и на этот раз бандитов постигла неудача. Атаманшу Марусю расстреляли прямо на улице...

«Вскоре получили вторую телеграмму от Серго: «Петренко пойман и расстрелян», – писал Федор Аллилуев.

Такова была обстановка в городе накануне приезда Кобы.

Федор Аллилуев: «К утру 6 июня начались бесконечные пути вокруг Царицына, забитые составами... Возникает грязно-белое здание царицынского вокзала... За обедом в гостинице

я мог убедиться в продовольственном благополучии города. Еще три дня назад Сталин угощал нас своим наркомовским обедом: суп из воблы с кусочком черного хлеба. Здесь за полтора рубля – первоклассный обед».

Край задыхался от изобилия хлеба. Но как привезти его из глубинки в Царицын? И как переправить в Москву?

Коба начинает решать проблемы революционно – с расстрелов. Так он внушает уважение к своим решениям – расстреливает всех, кто замешан в спекуляции и контрреволюции. Или может быть замешан.

«Ни дня не проходит без расстрелов в местной ЧК», – писал Анри Барбюс, французский литератор, восторженный почитатель Сталина. Город представлял собой безумную смесь всех течений, порожденных революцией. Здесь собрались и эсеры, и анархисты, и монархисты. Так что расстреливать было кого.

По ночам заводили грузовики, чтобы заглушать выстрелы и крики. Трупы расстрелянных сваливали в мешки и хоронили при лунном свете. Под утро родственники уже копошились у могил, разрывали свежие ямы, искали близких.

В эти дни Коба приказал расстрелять по подозрению в заговоре инженера Алексеева. Его мать была известной революционеркой-народницей. Ленину сообщили об аресте, и он телеграфировал: «Привезти Алексеева в Москву». Но Коба не меняет своих решений. Его слово должно быть законом... Вместе с Алексеевым были расстреляны двое сыновей – мальчишки 16 и 14 лет. Валентинов писал: «Сталин объявил солдатам, не хотевшим в них стрелять, что это дети белогвардейского генерала Алексеева!»

Этого было достаточно – расстреляли.

Вскоре Коба телеграфирует Ленину: «Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же можно навести порядок. Через неделю отправим в Москву около миллиона пудов...»

Все это время Коба живет и работает в вагоне.

«Вагон в течение двух с половиной месяцев был боевым штабом... 40 градусов жары, и вагон накаляется, как жаровня. Крыша и ночью хранит свое тепло. В вагоне неизвестно, что такое прохлада», – писал Федор Аллилуев.

После расстрельных ночей, в пылающем жарой вагоне все и случилось... Юная секретарша Надя Аллилуева после Царицына стала женой Кобы.

Это было время революции. Они не нуждались в официальных церемониях. Они попросту объявили себя мужем и женой.

Загадка безумия

В том же 1918 году наступает странное помешательство Федора Аллилуева – автора цитируемых записок. Он пережил какой-то шок, после которого всю жизнь помрачения рассудка чередовались у него с редкими просветлениями, когда Федор мог работать и писать.

Светлана Аллилуева в своей книге приводит объяснение этого помешательства: однажды

отряд Камо решил разыграть Федю. Все притворились убитыми, вымазавшись для достоверности бычьей кровью. Федор увидел эту картину – и сошел с ума.

Видимо, такое объяснение дали Светлане родственники, когда она подросла. Но оно чрезвычайно странно для того времени, когда убийства случались на каждом шагу, когда трупы валялись в том же Царицыне прямо на улицах, а смерть и кровь были бытом.

И я вспомнил один рассказ, который порой приводится даже в серьезной научной литературе: будто во время путешествия в Царицын Надя была попросту изнасилована Кобой. На ее крик ворвался в купе отец, и Кобу под пистолетом заставили жениться.

В этом пошлом вымысле с перепутанными действующими лицами, возможно, сохранились отголоски подлинной трагической истории. Конечно, Надя была влюблена в революционного героя, к тому же в ней текла страстная цыганская кровь. Так что все действительно должно было произойти в том раскаленном вагоне, куда после безумия расстрелов возвращался ее мрачный возлюбленный. И был крик страсти в ночи, на который поспешил несчастный Федя, и, вбежав в незакрытое купе, увидел обожаемую сестру и старого грузина (он должен был казаться ему стариком – этот сорокалетний грузин, которого он боготворил)... Страшно крушение чистоты в молодые годы, и не всегда могут пережить его юноши-идеалисты.

Но все это не более чем догадки. Достоверна лишь ночь, вагон и трое – в сумасшедшей жаре под звездами 1918 года.

Власть во фронтовом городе – это прежде всего военная власть. И Коба тотчас пытается ею овладеть.

Во главе Северо-Кавказского военного округа стоит царский генерал Снесарев, перешедший на сторону советской власти. Вместе с ним работают бывшие царские офицеры. Все они назначены в Царицын Троцким. И Коба начинает игру, которая должна понравиться Ленину: пишет бесконечные жалобы на Троцкого. Но бороться с ним в одиночку опасно, нужен сподвижник, который будет действовать вместо Кобы, когда потребуются рисковать.

В это время в Царицын вошли войска, пробившиеся с боями из Донбасса. Их привел в город Клим Ворошилов – бывший слесарь, потом профессиональный революционер, а ныне военачальник. Коба умеет подчинять. Недалекий Ворошилов становится его преданным соратником.

Для борьбы требуется идеологическое знамя. Если Троцкий – за использование царских военных специалистов, то Ворошилов и Коба, естественно, против. Вдвоем они нападают на людей Троцкого, обвиняют их в измене.

Продолжение ленинских университетов

4 июля в Москве открывается Пятый съезд Советов. С большим любопытством должен был следить Коба за удивительными событиями, произошедшими на съезде.

Сначала все было понятно: прибывший с фронта Троцкий в пламенной речи угрожает расстрелом всем, кто нарушает Брестский мир. Это вызывает ожидаемую реакцию левых эсеров. Все тот же Камков с тем же револьвером на боку, размахивая кулаками, обрушивается на германского посла Мирбаха и на его «лакеев-большевикув»... Деревня – любимое дитя эсеров. И оскорбления по поводу «пресмыкательства большевиков перед немецкими империалистами» Камков перемежает с обещаниями: «Ваши продотряды и ваши

комбеды мы выбросим из деревни за шиворот».

Делегаты обеих партий вскакивают с мест, угрожают друг другу кулаками. Но Ленин спокоен. И насмешлив.

Уже 6 июля левые эсеры начали действовать. Один из руководителей отдела ЧК по борьбе со шпионажем, Блюмкин, и эсер Андреев приехали в немецкое посольство...

Блюмкин – типичная фигура того беспощадного времени. Надежда Мандельштам описывает, как однажды пьяный Блюмкин сидел в кафе и, матерясь, наобум проставлял фамилии людей в расстрельные списки ЧК. Поэт Осип Мандельштам вырвал у него списки и разорвал. История стала известной Дзержинскому, который обещал расстрелять Блюмкина, но... уже на другой день тот преспокойно разгуливал на свободе. Большевики явно питали слабость к этому эсеру.

В посольстве Блюмкин попросил свидания с Мирбахом. Когда его и Андреева провели в кабинет, он выхватил пистолет и выстрелил в посла. Мирбах бросился в другую комнату, но Блюмкин швырнул ему вдогонку бомбу. Посол был убит, а покушавшиеся выпрыгнули в окно к ожидавшему их автомобилю. Блюмкин прыгнул неудачно – сломал ногу и полз до автомобиля. И все-таки оба убийцы благополучно укатили – при странной растерянности охранявших посольство латышских стрелков.

Убийством немецкого посла ЦК эсеров решило сорвать Брестский мир. Но далее происходит нечто непонятное: члены ЦК собираются в штабе хорошо вооруженного отряда под командой эсера Попова. Туда же прибывает Блюмкин. Восставший отряд стоит недалеко от Кремля, но никаких попыток захватить его не делает.

В отряде появляется Дзержинский с требованием арестовать Блюмкина. Эсеры арестовывают самого Дзержинского, но отряд по-прежнему не двигается. Чего-то выжидают.

К вечеру эсеры занимают телеграф, но... только для того, чтобы сообщить России и миру: убийство Мирбаха не есть восстание против большевиков. Оно совершено лишь с целью разорвать предательский мир. Оказывается, восставший отряд и не собирался наступать – он должен лишь продемонстрировать несогласие с большевиками! Больше глупости придумать было нельзя. Ленин получил то, о чем мечтал: право быть беспощадным. Штаб так странно восставшего отряда был разгромлен латышскими стрелками, а фракция левых эсеров на съезде арестована.

Мечта Ленина сбылась. Левые эсеры как политическая сила перестали существовать. Как и много знавший посол Мирбах.

Какой бессмысленный путь политического самоубийства избрали эсеры! Чудеса, да и только!

Но Коба не верит в чудеса. Великий игрок не мог не ощутить присутствие некой задумки: кто-то толкнул эсеров на эту бессмысленность...

Слишком долго боролись большевики с царской охранкой, слишком поднаторели в постоянной засылке провокаторов друг к другу...

Нет, не случайно тайная полиция большевиков – ЧК с первого дня существования берет на вооружение проверенный и любимый метод царской тайной полиции – провокацию. Большинство самых блестящих операций ЧК в те годы – арест знаменитого террориста эсера Савинкова, арест английского дипломата Локкарта – построены на провокации, на внедрении своего агента в стан врага.

И Коба должен был почувствовать явный след провокатора в истории с восстанием эсеров.

Действительно, с убийцей Мирбаха Блюмкиным произошло потом нечто непонятное. После занятия большевиками штаба эсеров он со сломанной ногой оставался в штабе. И его, одного из руководителей ЧК, которого приехал арестовывать сам Дзержинский... никто не узнал! Неузнанного, его отвозят в городскую больницу, откуда он бежит, чтобы вскоре добровольно явиться в ЧК с раскаянием. Осужденный на три года, он будет вскоре амнистирован и... тотчас вступит в ряды большевиков! Блюмкин будет работать в секретариате Троцкого, а потом в органах ЧК – ГПУ.

Так что Коба мог оценить силу и возможности недавно сформированной, но уже могучей ЧК. Не забудет он и про Блюмкина.

После падения и высылки за границу Троцкого ГПУ отправит Блюмкина под видом паломника в Тибет, Дамаск, Константинополь. Но по пути он заедет к своему бывшему шефу – Троцкому.

Бесспорно, это и было главным его заданием – выведать планы изгнанника, а заодно прощупать его возможных сторонников. И вернувшись, Блюмкин передаст Карлу Радеку, бывшему ближайшему сподвижнику Троцкого, письмо от Льва Давидовича. Но умнейший циник Радек хорошо знает систему и тотчас сообщит о письме Кобе.

Блюмкина придется расстрелять.

После провокации с «мятежом левых эсеров» Коба в который раз мог повторить для себя ленинское правило: «Если важна цель – не важны средства для ее достижения». Банальный афоризм, столь пугающий мещан и столь ясный для истинного революционера.

Ленин писал: «Положим, Каляев (убийца великого князя Сергея Александровича. –

Э.Р.), чтобы убить тирана... достает револьвер у крайнего мерзавца, обещая ему за услугу... деньги, водку. Можно осуждать Каляева за сделку с разбойником? Всякий здоровый человек скажет – нельзя...»

«Учимся понемногу, учимся»...

Начинается легальная охота на левых эсеров. 7 июля Ленин дает телеграмму Кобе в Царицын: «Повсюду необходимо беспощадно подавить этих жалких и истеричных авантюристов. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте нас чаще».

Ответ Кобы: «Будьте уверены: у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески. Линия южнее Царицына пока не восстановлена. Гоню и ругаю всех... Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим».

Он и не щадит. К 18 июля уже пять вагонов с хлебом пошли в Москву. Хлеб он дает. И не только хлеб... «В Баку отправил нарочного с письмом», – глухо сообщает он Ленину.

Новые исторические лица

Прибыв в Царицын, Коба немедленно устанавливает связи с городом своей юности и с удивительным человеком, который будет его сподвижником – до самой его смерти.

Советская власть быстро победила в Баку. Бакинская коммуна установила контроль и над частью территории Азербайджана. Во главе коммуны встал старый враг Кобы – Шаумян. Но так же быстро, как она была установлена, советская власть пала под натиском турецких и

английских войск. Руководители Бакинской коммуны во главе с Шаумяном были расстреляны. Из всех бакинских комиссаров уцелел всего один – армянин Анастас Микоян.

В 1915 году двадцатилетний Микоян вступил в партию, был одним из активных деятелей Бакинской коммуны, после ее гибели остался в Баку и ушел в глубокое подполье.

Хитер Микоян. Много прозвищ у него на Кавказе. В Армении его называли «грузинский кинто» за связь с тифлисскими большевиками, в Грузии – «армянский факир», а в Азербайджане его – единственного уцелевшего из комиссаров – несправедливо называют «Иуда». С ним и устанавливает связь Коба.

В Баку – нефть, без нефти нельзя воевать. Вскоре большевик Микоян, руководимый Кобой из Царицына, вступает в контакт с бакинскими капиталистами. Микоян щедро платит золотом, и они закрывают глаза на то, что их нефть идет Ленину.

Скоро, скоро войска Ленина придут в Баку и нефть погубит своих хозяев...

А пока Коба укрепляет флотилию Микояна своими судами и продолжает забрасывать Ленина телеграммами о борьбе с Троцким: «Вдолбите ему в голову... хлеба на юге много, но чтобы его взять, мне нужны военные полномочия... Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело... и отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Ленин журит его за эту постоянную борьбу, но... Коба чувствует одобрение Вождя и продолжает. По приказу Кобы Ворошилов захватывает командование 3-й и 5-й армиями. Вместе они организуют наступление. Коба сам участвует в атаке – на бронепоезде...

Наступление захлебнулось, но результат поражения неожиданный: ставленник Троцкого Снесарев отозван в Москву. Создается Военный совет Северного Кавказа во главе... с Кобой!

Любит Ленин Кобу. И ценит его борьбу с Троцким.

У Кобы развязаны руки. Ленин получает телеграмму: «Воен-совет получил расстроенное наследство. Пришлось все начинать сызнова...» «Расстроенное наследство», естественно, объясняется «заговором военных специалистов» – сторонников Троцкого.

В ночь на 22 августа на середину Волги выплыла баржа. На ней находились военспецы, привлеченные Троцким и Снесаревым и арестованные Кобой. Все они были расстреляны.

И хотя наступление провалилось, но оборону Коба держит. Царицын не сдан. Хлеб и нефть идут в Москву.

Выстрелы в Москве

В самом конце августа 1918 года Ленин был ранен после выступления перед рабочими на заводе Михельсона.

Закончив свое выступление призывом «Свобода или смерть!», Ленин спустился по лестнице и пошел по двору к ожидавшему его автомобилю. И тут раздались три револьверных выстрела. Ленин упал у автомобиля, пораженный двумя пулями.

Эти выстрелы впоследствии обрастут множеством легенд.

В «Деле о покушении на Ленина» находятся показания шофера Гиля, ожидавшего Ленина в автомобиле. На его глазах все и произошло.

«Ленин вышел из помещения, где проходил митинг, окруженный женщинами и мужчинами, – показывает Гиль. – Он был уже в трех шагах от автомобиля... когда с левой стороны от него на расстоянии не более трех шагов я увидел протянутую из-за нескольких человек женскую руку с браунингом. И были произведены три выстрела».

Несколько фотографий разъясняют моменты покушения: стрелявшая находилась у переднего левого колеса автомобиля. Ленин был у заднего – прямо напротив нее на расстоянии трех шагов.

«Я бросился в ту сторону, откуда стреляли, – продолжает Гиль. – Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе... Оказавшаяся в толпе фельдшерница вместе с двумя лицами помогли мне положить Ленина в автомобиль. И мы четверо поехали в Кремль».

На бешеной скорости Гиль привез Вождя домой. Ленин сам сумел подняться в свою кремлевскую квартиру. Как было сказано в официальном сообщении: «Одна пуля, войдя под левой лопаткой, застряла в правой стороне шеи, другая проникла в левое плечо. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие хирурги...»

«Пуля не затронула больших сосудов шеи», – вспоминал лечивший Ленина доктор Розанов. Большой опасности для жизни не было. Но ранение Вождя вскоре породит реки крови...

Уже за несколько кварталов от места покушения была задержана женщина в черном платье. Это была Фаня Каплан – революционерка, сидевшая еще при царе за подготовку террористического акта. На царской каторге она потеряла слух и частично зрение – вот почему, стоя напротив Ленина, с расстояния трех шагов не смогла нанести ему смертельную рану.

Из показаний Каплан: «Я стреляла в Ленина, потому что считаю... он удаляет идею социализма на десятки лет... Решилась я на этот шаг еще в феврале... Большевики – заговорщики, захватили власть без согласия народа».

На вопросы о сообщниках и партийной принадлежности Каплан отвечала: «Я совершила покушение лично от себя».

Следствие было быстрым. Уже 3 сентября комендант Мальков вывел Каплан во двор Кремля и в присутствии большевистского поэта Демьяна Бедного, с интересом наблюдавшего за зрелищем, выстрелил ей в затылок.

Тело Каплан сожгли в бочке. Впоследствии ЧК был пущен слух, что Ленин лично помиловал революционерку Каплан.

Слух этот продержался десятилетия.

Троцкий с армией стоит в это время у Казани, сражаясь с наступавшими чехами. Узнав о покушении на Ленина, он бросает фронт и мчится в Москву. Троцкий чувствует себя наследником.

Коба продолжает сидеть в Царицыне. Да и что ему делать в Москве без Ленина? Ведь он существовал в руководстве только при его поддержке.

В те же дни бывший юнкер студент Л. Канегиссер убил в Петрограде приятеля Троцкого – председателя Петроградской ЧК Урицкого. Канегиссер объяснил: убил за расстрелы офицеров и гибель своего друга.

Троцкий произносит пламенную речь о возмездии. 2 сентября после бурного обсуждения в ЦК большевики объявляют Красный террор.

Коба узнает об этом в Царицыне.

Россия, кровью умытая

Впрочем, террор и без объявления шел весь 1918 год.

Когда в Екатеринбурге расстреляли в грязном подвале всю царскую семью... Когда Коба расстреливал офицеров в Царицыне... Когда со вспоротыми животами валялись евреи на улицах украинских городов... Да и сам Ленин, незадолго до покушения, узнав о восстании крестьян в Пензе, телеграфировал:

«Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города...»

Весь год в стране мучили и убивали людей. Убивали обе стороны – и кровавые подвалы большевистских ЧК походили на залитые кровью подвалы белогвардейских контрразведок. И там и тут обматывали людей колючей проволокой, выкалывали глаза, делали перчатки из человеческой кожи, сажали на кол... Но правительство Деникина с ужасом смотрело на озверение своих воинов. А большевистское правительство объявляло наказание без преступления – государственной политикой.

Итак, 5 сентября было опубликовано официальное постановление о Красном терроре. Когда-то после убийства Александра II министры обсуждали вопрос об объявлении всех революционных партий «ответственными поголовно и стоящими вне закона за мельчайшее новое преступление». Но не решились. Большевики – решились.

Был создан институт заложников. 500 «представителей свергнутых классов» были расстреляны после убийства Урицкого только по официальным данным. В Кронштадте четыре сотни бывших офицеров поставили перед тремя глубокими ямами и расстреляли.

Конечно, дело тут не в мести. Было бы странно за выстрел социал-революционерки Каплан мстить бывшим царским министрам, убивать сенаторов и священнослужителей. Существовал высший смысл террора. Его приоткрыл Троцкий, рассуждая о причинах убийства царской семьи: «Надо было встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет. Впереди – полная победа или полная гибель».

И еще, как писал Троцкий, нужно было «ужаснуть, запугать врага». Но не только врага – запугать нужно было население. Красный террор – это постоянный кафкианский ужас обывателя, его ощущение бесправия перед властью. В этом был его глубочайший смысл. И Коба этот урок усвоил. «Учимся понемногу, учимся»...

Именно тогда «отлетел последний живой дух от революции», – написала в тюрьме эсерка М. Спиридонова.

Генеральная репетиция

Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен;

кто мечом убивает, тому самому

надлежит быть убиту мечом. Откр. 13, 10.

Красный террор разворачивался. Нарком внутренних дел Г. Петровский подписал «Приказ о заложниках»: «Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления применять массовый расстрел».

Кампания официальных убийств шла по всей стране.

В «Еженедельнике ЧК» рапортуют о расстрелах губернские ЧК: «Новгородская – 38 человек, Псковская – 31, Ярославская – 38, Пошехонская – 31...»

Террор превращается в соревнование. По всей стране висят списки людей, ждущих смерти. Типовое объявление: «При малейшем контрреволюционном выступлении эти лица будут немедленно расстреляны». После чего следует список заложников в десятки фамилий. Стало практикой брать в заложники мужа и ждать, пока несчастная жена придет расплатиться телом за его жизнь. Чекисты приглашают участвовать в своих пьянках жен арестованных офицеров.

Так формируются новые кадры ЧК. И все они будут служить Кобе, чтобы потом погибнуть в его лагерях.

Каменев, Зиновьев, Троцкий публично славят террор. И даже гуманнейший Бухарин высказался: «Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная с расстрела... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

Коба не любил рассуждать на эту тему. Он действовал.

И ужас охватил Царицын.

Между тем вошедшие во вкус чекисты требовали углубления террора. «Еженедельник ЧК» писал: «Во многих городах уже прошли массовые расстрелы заложников. И это хорошо. В таком деле половинчатость хуже всего. Она озлобляет врага, не ослабив его». Далее авторы статьи заявляли: «Довольно миндальничать!» и призывали идти дальше – официально разрешить пытки. Надо «отделаться от мещанской идеологии...»

Но кровавое всесилие ЧК уже вызывало ропот в самой партии. В письме в «Правду» рядовой коммунист писал: «Лозунг «Вся власть Советам» мы превращаем в лозунг «Вся власть ЧК».

Была создана комиссия по ознакомлению с деятельностью ВЧК. И Коба – в ее составе.

На комиссии Коба – царицынский палач – выступает как сдерживающая сила, противник крайностей. Вообще центр, позиция между спорящими, все более становится его любимой позицией. Исключение – Троцкий, тут Коба всегда страстен, готов к бою. Он знает: Ленин оценит эту горячность.

Комиссия признала ошибкой призыв к пыткам. Пылким молодым чекистам объяснили, о чем можно говорить и о чем говорить не нужно, даже если решишь это делать.

Все идеи пыток Сталин осуществит через 20 лет. И жестокие глупцы, которые требовали их в 1918 году, на своей шкуре узнают, что это такое.

«Ха-ха»

После смерти Сталина в его квартире в Кремле и на Кунцевской даче остались тысячи книг. Здесь была эмигрантская белогвардейская литература и сочинения его прежних знакомцев (тех, кого он убил) – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. Их книги, конфискованные по всей стране, продолжали жить на его книжных полках. Но в период правления Хрущева библиотеку расформировали, и остались лишь книги, на которых были сталинские пометки.

Да, немногословный Коба оставил множество пометок на книгах. И эти пометки – странный путь в истинные размышления величайшего конспиратора.

Я сижу в Партархиве и листаю две любопытнейшие книги из его библиотеки – это две книги о терроре.

Одна – Троцкого «Терроризм и коммунизм». Всюду, где автор славит террор и революционное насилие, Коба не устает восторженно отмечать: «Так! Метко! Так!» Наедине с собой он не боится высказывать истинное отношение к своему заклятому врагу. Как мы пойдем дальше, Троцкий всегда был... его учителем! Вторым учителем после Ленина.

Другая книга – социалиста К. Каутского «Терроризм и коммунизм». «Вожди пролетариата, – пишет Каутский, – стали прибегать к крайнему средству, кровавому средству – террору».

Эти слова отчеркнуты Кобой, и рядом его надпись: «Ха-ха».

Ему, вождю гражданской войны, после ежедневных убийств, моря крови, смешон этот «буржуазный страх перед кровью».

«Нота Бене» – так выделены им слова Маркса: «Есть только одно средство укоротить, упростить корчи старого общества: кровавые родовые муки нового – революционный террор».

Коба усвоил: «Террор – скорейший путь к новому обществу».

Он с пониманием и интересом присматривался к ЧК – власти, рожденной террором.

«Нам все разрешено, ибо мы первые подняли в мире меч во имя раскрепощения и освобождения от рабства всех! Может ли кто-либо упрекнуть нас, вооруженных этим святым мечом, упрекнуть в том, как мы боремся?» – писал «Красный меч» – орган Особого корпуса ВЧК.

Эту мысль Сталин тоже полностью осуществит через два десятилетия.

В начале сентября свершилось чудо: мощные удары Красной армии под водительством Троцкого остановили продвижение легиона: 10 сентября красные выбили чехов из Казани. В следующие три дня ими были взяты Самара и Симбирск.

Едва оправившись после ранения, Ленин шлет приветственную телеграмму Троцкому.

Потрепанный легион начинает отходить обратно в Сибирь.

Во второй половине сентября Коба приехал в Москву навестить выздоровевшего Ленина. И конечно, по просьбе Кобы Ленин отправил приветственную телеграмму командующему Южным фронтом Ворошилову.

Троцкий понимает: это щелчок ему и очередное потворство своеволию Кобы. Он действует решительно: назначает в Царицын командующим фронтом бывшего царского генерала Сытина. Коба и Ворошилов отказываются подчиниться. Они привычно шлют шифрограмму Ленину: «Сытин – человек... не заслуживающий доверия... Необходимо обсудить в ЦК вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов».

Троцкий тотчас отвечает: «Категорически настаиваю на отзыве Сталина. На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил... Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тысяч».

Ленин не может сейчас противоречить Троцкому. В октябре Кобу отзывают в Москву.

В Москве он сразу понял: придется капитулировать – слишком силен Троцкий. И сообщает Ворошилову: «Только что ездил к Ильичу. Взбешен и требует перерешения».

Тотчас всякая капризность Кобы исчезла. «По-моему, можно решить вопрос без шума», – миролюбиво сообщает он Ленину и резко идет на попятную. Он печатает статью в «Правде» к первой годовщине большевистской власти, где восхваляет... Троцкого!

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством... товарища Троцкого... Быстрым переходом гарнизона на сторону Советов и умелой постановкой работы ВРК партия обязана прежде всего и главным образом товарищу Троцкому».

Чтобы сохранить Кобу на фронте, Ленин сам начинает мирить его с Троцким, сообщает ему: «Приехавший Сталин убедил Ворошилова полностью подчиниться приказам Центра».

Коба умеет и отступать.

Жизнь в утопии

В Москве готовились встретить первую годовщину Октября.

Они имели право праздновать – уже год они правили страной. Кто мог бы в это поверить – целый год! Знаменитый художник Анненков вспоминал, как он декорировал тогда столицу. В Москве совершенно не было ткани. Но несмотря на это, тысячи красных флагов повисли над нею. Голодный, но красный город – Москва... Правда, к ночи обнаружилось, что забыли соорудить самое главное – трибуну, с которой в девять утра должен был произнести речь оправившийся от ран Ленин. Анненков набросал контуры, зажгли костры и всю ночь строили. Работала, как пишет Анненков, «бригада профессоров-интеллигентов», их пригнали «для принудительного трудового воспитания».

В восемь утра трибуна выросла, и Ленин говорил с нее речь. Под трибуной стоял приехавший Троцкий. Как наследник...

На том месте, где выступал Ленин, Коба воздвигнет Мавзолей. Он станет новой трибуной, где Коба будет строить по рангу своих соратников. Место на этой трибуне будет означать принадлежность к Власти.

Но народ в покрытой кумачом столице жил совсем другим. Где достать хлеба? Его везли в мешках из провинции и продавали прибывавшие в Москву «мешочники». Милиция арестовывала их, отнимала хлеб, но они все равно прорывались в голодный город. Их было

много вокруг вокзалов – в домах, подворотнях. Люди передавали их адреса друг другу: «В первом доме от вокзала, во дворе забор, вторая доска на заборе отодвигается, далее – еще двор, в нем помойка, за помойкой будут ждать с хлебом».

И голодная интеллигенция кралась по адресам – менять на хлеб семейные драгоценности.

Парадные, подвалы домов были заполнены беспризорниками. Девочек там продавали за хлеб.

«Пещера» – так назывался рассказ писателя Замятина об интеллигенте, умирающем от холода и голода в большой неотапливаемой квартире, ставшей первобытной пещерой. Интеллигент, как первобытный человек, выходит на охоту – красть дрова у соседа. Случай, кстати, не типичный: большинство барских квартир было уже «уплотнено» – к прежним хозяевам подселили пролетариат.

Колоссальный скачок зверств, убийств, постоянный голод изменили людей. Вчерашний гуманист стал грабителем и насильником, а добродушный обыватель – жестоким зверем. Три с половиной года войны и две революции содрали пленку цивилизации, оголили человека. И умиравший от отвращения к этой жизни поэт Блок сказал: «Я задыхаюсь... Мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу».

Мировая революция?

Все это время голода и крови Ленин заклинает партию: «Рабочие всех стран смотрят на нас с надеждой. Вы слышите их голос: «Продержитесь еще немного... мы придем к вам на помощь и общими усилиями сбросим в пропасть империалистических хищников».

Коба в своей статье предлагает копить зерновые запасы для будущих голодных советских республик.

Но он уже понял: если революция и не придет – большевики заставят страну держаться. Террор окончательно научил его – как.

Но свершилось! Сопrotивляясь, казалось, уже из последних сил, они дождались!

В ночь на 10 ноября Кремль не спал: началась германская революция. После разгрома чехов – еще одно чудо!

Власть Гогенцоллернов рухнула. Социалист Карл Либкнехт с балкона королевского дворца провозгласил создание новой республики Советов. Вторая великая империя исчезла с европейской карты.

Теперь большевистский посол Адольф Иоффе тайно покупал оружие германским революционерам. Еще недавно немцы помогали революции в России – теперь Ленин ответил тем же. И так же тайно. Большевистское посольство стало штабом немецкой революции.

12 ноября – новая революция, в Австрии! Еще одна монархия была сменена республикой. Сомнений не было: ровно через год после Октября пришла мировая революция! Коба с изумлением увидел: еще одно пророчество Ленина стало явью!

Весь день перед зданием Московского Совета шли толпы счастливых революционеров. Но... и в Германии, и в Австрии все закончилось победой умеренных социалистов и образованием ненавистных Ленину буржуазно-демократических республик. Правда, в самом начале 1919

года забрезжила надежда – организация левых социал-демократов «Союз Спартака», куда входили Карл Либкнехт и Роза Люксембург, подняла восстание, солдаты и матросы в Берлине захватили имперскую канцелярию. Но восстание было подавлено, Роза и Карл убиты экстремистами, тела их нашли в канаве.

В ответ на убийство немецких революционеров (согласно доктрине Красного террора) последовала казнь четырех великих князей – дяди и двоюродных братьев последнего царя. Один из них, великий князь Николай Михайлович, был известным либеральным историком. Горький просил за него, и Ленин обещал рассмотреть ходатайство знаменитого писателя. И одновременно отдал приказ Зиновьеву: не выпускать великого князя и поторопиться. Образ интеллигентного Ленина сохранился, а великие князья были расстреляны.

Коба оценил шаг: он переймет у Вождя и это.

Теперь немецкие войска спешно покидали Украину и Закавказье. Но ситуация от этого не стала легче.

На Украине вместо немцев стал править враг большевиков националист Симон Петлюра, в Закавказье появились англичане, донское казачество, которое подкармливали немцы, подчинилось Деникину и безропотно выполняло теперь его приказы.

Но самое тяжелое испытание ожидало большевиков на востоке.

В ноябре 1918 года, когда большевики торжествовали по поводу германской революции, в Сибири произошло страшное для них: на необъятной территории от Тихого океана до Поволжья власть перешла в руки одного из способнейших русских военных – царского вице-адмирала Александра Колчака.

Сын скромного артиллерийского офицера, Колчак сделал блестящую карьеру – накануне революции он был командующим Черноморским флотом. После Февраля, пытаясь остановить анархию, он приказал расформировать команды наиболее революционно настроенных кораблей. Начался бунт, и заигрывавшее с матросами Временное правительство пожертвовало адмиралом: его убрали с должности и отправили в США во главе военно-морской миссии.

В октябре 1918 года Колчак прибывает в Омск, где находилось посаженное Чехословацким легионом демократическое эсеровское правительство. В ноябре адмирал совершает переворот. Вместе с ним к власти приходят правые – кадеты и монархически настроенные офицеры. Неисчислимы людские резервы Сибири оказались в руках Колчака. У него оказался и золотой запас Российской империи, захваченный в Казани Чехословацким легионом.

И армия Колчака начинает победоносное движение по Сибири.

«Я думаю послать туда Сталина...»

Положение вновь становится критическим.

Ленин решает вернуть на фронт Кобу, но для этого надо помирить его с Троцким. Коба поехал в Архангельское на дачу Троцкого, но примирения не получилось.

Ленин начал действовать сам. В конце ноября он телеграфирует Троцкому: «Согласны ли вы объясниться со Сталиным, для чего он согласен приехать? Считаете ли вы возможным на

известных условиях устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин? Что касается меня лично, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным».

Ворошилов уже изгнан из Царицына – он получил портфель наркома внутренних дел в украинском правительстве с указанием: «Не допускать к военной работе». Троцкий мог считать себя удовлетворенным. Так Вождь возвратил Кобу к военным делам.

И уже вскоре Ленин писал: «Есть ряд сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии. Я думаю послать туда Сталина... боюсь, что Смилга будет мягок...»

На Урале разразилась катастрофа. После поражений от Колчака Красная армия находилась в агонии, в ней процветали пьянство и мародерство. Коба отправился в Пермь – вместе с Дзержинским. Они оправдали надежды Ленина: беспощадными расстрелами боеспособность деморализованной армии в кратчайший срок была восстановлена.

Но Колчак, казалось, был неуправляем. К весне 1919 года его четырехсоттысячная армия перевалила Урал и двинулась к Самаре. Далее путь лежал на Москву...

В это время – опять мираж мировой революции: в марте 1919 года в Венгрии коммунисты во главе с Белой Куном захватывают власть.

Кун – военнопленный, вступивший в России в ряды большевиков, создает Венгерскую республику. Троцкий в ЦК предлагает немедленно идти ей на помощь. Коба не участвует в этих пустых разглагольствованиях. Сейчас не до Венгрии – наступает Колчак, и генерал Юденич стоит у Петрограда.

И действительно, все окончилось страстными разговорами. В Киеве сформировали было Интернациональную дивизию, но деньги для нее почему-то никак не приходили. Венгерская республика вскоре пала.

Большевизму на некоторое время придется стать внутренней историей России. Великая мечта о мировой революции осталась мечтой. Пока осталась.

Весной 1919 года состоялся VIII съезд партии.

Коба возобновил любимую игру – организовал очередное нападение на Троцкого. Оппозиция, получившая название «военной», объединила многих партийцев, жаждущих быть военачальниками. Они выступили против военной политики Троцкого, опиравшегося в армии на профессионалов – царских военных специалистов, перешедших к большевикам. Оппозиция объявила их тайными врагами и предателями. Ленин с удовольствием дал ей возможность напасть на Троцкого, а потом, естественно, выступил в его поддержку, ибо было совершенно ясно: без царских офицеров армия превратится в партизанскую орду.

Ленин беспощадно громил «партизанщину». И к нему примкнул... Коба! Истинный закулисный организатор оппозиции выступает против нее. Ленин благодарен Кобе за очередной щелчок по носу Троцкому и за мудрость поступка. Он назначает Кобу в специальную комиссию – мирить Троцкого с оппозицией.

Не забывает Ильич и защищать царицынские расстрелы Кобы: «Когда товарищ Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, телеграфировал: «Будьте осторожны»... Я сам ошибался. На то мы все люди».

Коба должен быть чист во всем. Ибо Ленин готовит верного грузина к новой должности.

В начале 1919 года умер Свердлов. Маленький человечек с черной бородкой, в черной кожаной куртке, с воспаленными от постоянной бессонницы глазами был одновременно председателем ВЦИК и секретарем ЦК партии, как бы символизируя слияние партии с государством. Свердлов сосредоточил в своих руках всю бюрократическую работу и владел главными партийными тайнами. Именно от него Троцкий услышал о расстреле царской семьи. После выхода моей книги о Николае II я получил письмо от читателя, где, в частности, говорилось: «Знаете ли Вы, что Крестинский (в 1918 году нарком финансов. –

Э.Р.) вывез в Москву драгоценности, снятые с мертвых Романовых, и Свердлов присоединил их к так называемому «неприкосновенному запасу партии»? Этот запас, состоящий из драгоценностей, был составлен большевиками на случай потери партией власти и хранился в секретном сейфе Свердлова».

И я вспомнил стенограмму выступления Юровского, руководившего расстрелом царской семьи. В этом выступлении перед старыми большевиками упоминалось о драгоценностях, снятых с расстрелянных, «которые Крестинский увез в Москву».

А в книге бежавшего на Запад секретаря Сталина Бажанова рассказано, как на квартире Свердлова в Кремле, уже после его смерти, вдова с благословения Сталина продолжала хранить драгоценности «на случай утраты власти».

«Железный» – любимое определение большевиков. «Железный Феликс» – так называли главу ЧК Дзержинского. «Железным» называли и Свердлова. Лишившись «железного Свердлова», фанатично проводившего в жизнь все решения Ленина, Ильич начинает подыскивать нового кандидата на его роль.

Кто может быть лучше Кобы? Блестящий организатор. Умеет «дожимать любое дело». Стальная воля. Не боится замараться в крови. И ненавидит Троцкого.

Человека из железа Ленин поменяет на человека из стали.

25 марта 1919 года из состава ЦК партии было избрано Политбюро. Его прообразы, которые Ленин создавал до революции, были совсем иными. Они действовали внутри партии и благополучно умирали. Но теперь партия захватила власть в стране и отныне, по замыслу Ленина, история страны должна стать историей партии. Навсегда.

Только решения партии воплощает в жизнь страна, и Политбюро – мозговой центр партии, – естественно, должно стать руководителем всей ее жизни, и политической, и экономической. В этом идея Ленина.

Теперь каждую неделю в «ленинский четверг» в обстановке величайшей секретности (никаких стенограмм, записывались только решения) собираются члены Политбюро – управлять страной. Недоучившиеся революционеры решают все вопросы, ибо они – посвященные, вооруженные даром предвидения, великой теорией марксизма. Из главных партийных вождей Ленин вводит в Политбюро Каменева, Троцкого и Кобу. Таков мозговой центр. Зиновьева и Бухарина он делает только кандидатами...

Образует Ленин и Организационное бюро (для руководства текущей работой партии) и туда тоже вводит Кобу. И это еще не все. Он назначит Кобу главой сразу двух наркоматов: национальностей и рабоче-крестьянской инспекции. Но и этого мало – постоянно создается множество комиссий, руководящих повседневной жизнью страны. И Ленин назначает Кобу во все важнейшие комиссии, как правило, отправляя туда и Троцкого. Коба воюет там с великим

Львом, давая Ленину возможность быть беспристрастным арбитром. В свое отсутствие Ленин часто поручает Кобе вести заседание правительства. Таков теперь Коба – член Политбюро и Оргбюро, дважды нарком, представитель ЦК и Реввоенсовета на Петроградском, Западном и Южном фронтах. И если добавить сюда еще все комиссии...

Впоследствии на XI съезде партии видный большевик Е. Преображенский с изумлением отметил необъятную власть, которую сосредоточил Ленин в руках Кобы: «Возьмем, например, Сталина, члена Политбюро и Оргбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы один человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, работать в Политбюро, в Оргбюро и десятке комиссий?»

Но Ленин не отдал любимца: «Нам нужен человек, к которому любой из представителей нации мог бы подойти и подробно все рассказать. Где его разыскать? Я думаю, Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. То же относительно Рабкриня... Нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе потонем в мелких интригах».

В мае 1919 года, уже подходя к Самаре, Колчак потерпел сокрушительное поражение. И это была не временная неудача. Ленин дает телеграмму в Реввоенсовет 5-й армии, сражавшейся с Колчаком: «Ручаетесь ли вы, что слухи о разложении колчаковцев и массовом переходе к нам не преувеличены?»

Слухи подтверждались. Опять (в который раз!) большевики выстояли. Ирония судьбы: именно в то время, когда начало таять могущество Колчака, произошло долгожданное объединение: Юденич и Деникин признали Колчака Верховным правителем России.

Воспользовавшись тем, что главные силы большевиков были оттянуты на восток, Юденич внезапным ударом прорвал фронт на северо-западе и начал наступление на Петроград. Силы его были крайне малочисленны (всего один корпус), но его агенты проникли в окружавшие Петроград гарнизоны и готовили восстание, которое должно было поддержать дерзкий прорыв.

Юденич стремительно приближался к городу. Глава Петрограда Зиновьев впал в совершеннейшую панику. «Средних настроений Зиновьев не знал. Либо «седьмое небо», либо диван: он ложился на диван и вздыхал», – писал Троцкий.

Рассчитывать на Зиновьева Ленин не может. В Петроград он посылает Кобу с грозным мандатом – «для принятия всех необходимых и экстренных мер».

Петроград ждал прихода Юденича. 19 мая Коба прибыл в город. Он действовал привычно. Электричество отключено – при свечах обыскивали квартиры «бывших». Расстреливали заложников: аристократов, офицеров, царских бюрократов, священнослужителей. Петроград погрузился в безумие – кровь, кровь. Внутри города сопротивление было сломлено, но 12 июня восстали гарнизоны двух фортов под Петроградом – Красная Горка и Серая Лошадь.

Коба понимает: если немедленно не принять меры, вспыхнет пламя. Корабли Балтийского флота были подтянуты к мятежным фортам, и уже 15 июня одновременным ударом с моря и суши мятеж подавлен.

«Быстрое взятие Красной Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей... в оперативные дела, доходившим до отмены приказов и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом», – гордо телеграфирует Коба Ленину.

Натиск белых захлебнулся. Но в октябре Юденич начнет новое грозное наступление на Петроград. Ленин уже решит сдать бывшую столицу, но Троцкий отстоит город. Коба в это

время будет на Южном фронте, но впоследствии сталинские историки исправят ситуацию – в своих сочинениях объединят оба наступления Юденича, и Коба станет единственным спасителем революционного Петрограда.

Все это время Коба не забывал периодически колотить Троцкого и требовать отстранения его от армии. И Ленин мог заметить, как Лев, огрызаясь, все чаще становился смешным и мелочным. Например, он пожаловался Ленину: Коба пьет «вино из кремлевских подвалов... и на фронт может дойти слух – в Кремле идет пьянство...»

Но Коба с усмешкой объяснил: «Что делать, мы, грузины, без вина не можем».

«Вот видите, грузины не могут без вина», – с улыбкой передал Троцкому Ленин.

Во второй половине 1919 года последовал удар с юга. Деникин повел свои войска на Москву, рассчитывая соединиться с армией Колчака. В начале сентября Кобу как признанного «специалиста по катастрофам» Ленин отправляет на Южный фронт – сражаться с Деникиным.

В конце сентября Деникин взял Курск, в октябре – Орел.

Белые приблизились к столице. Москва была оклеена призывами «Все на борьбу с Деникиным!» Но вскоре странно повторилась история Колчака: подходя к Москве, Деникин был остановлен. Октябрь стал роковым для генерала.

В конце октября Деникин потерял Орел. Началось отступление Белой армии.

Коба выполнил свою роль. На его Южном фронте был создан знаменитый конный корпус под водительством бывшего царского вахмистра Буденного. Его конники разгромили отборные казачьи части генералов Мамонтова и Шкуро. «Захвачена масса трофеев, все бронепоезда противника... Орел непобедимости, созданный вокруг имен Мамонтова и Шкуро, развеян», – телеграфировал Коба Ленину.

Корпус Буденного беспощадно терзал деникинскую армию, откатывающуюся к Черному морю.

К началу 1920 года гражданская война была выиграна большевиками. Закончилась история Колчака: он отступил в Сибирь, его разбитая армия растаяла. Милостью Чехословацкого легиона бывший Верховный правитель России получил железнодорожный вагон, в котором доехал до Иркутска. Но в городе уже были большевики. И в обмен на право беспрепятственно покинуть Россию чехословаки выдали им несчастного адмирала.

Спокойно выслушав приговор о расстреле, Колчак попросил дать ему выкурить последнюю трубку.

На рассвете взвод красноармейцев расстрелял адмирала. Его тело спустили в прорубь Ангары.

Между тем отступивший в Крым Деникин снял с себя обязанности главнокомандующего Добровольческой армией. Его пост занял барон Врангель, продолжавший удерживать полуостров. Крым стал последним очагом исчезающей России.

Большевики заняли Украину.

Невероятное свершилось: полуголодные, в нищем обмундировании, часто попросту без сапог, красные победили лучших царских генералов, регулярную, великолепно экипированную Белую армию, отборные казачьи части. Как произошло это чудо? Почему на победоносном пути к Москве и Колчак, и Деникин внезапно останавливались и были разбиты?

В своей книге «Ледяной поход» белогвардейский офицер Роман Гуль писал: «К белым народ не хотел идти – ведь мы были господа... Мужик нам не верил... В этом была беда мужика и всей России...» Большевикам помогла все та же сословная ненависть. Как только возвращались господа, мужики забывали обо всех притеснениях большевиков. Да и господа старались – восстанавливали царские законы, отбирали у крестьян землю. Мощь армий Деникина и Колчака была уничтожена беспощадной крестьянской войной, полыхавшей у них в тылу.

К тому же белых подвела древняя российская беда: воровство. Деникин в своих воспоминаниях жаловался, что «после славных побед под Курском и Харьковом... тылы Белой армии были забиты составами поездов, которые полки нагрузили всяким скарбом». Следует добавить: скарбом, отобранном у населения.

«Насилие и грабежи, – печально напишет Деникин, – пронеслись по всему театру гражданской войны, не раз стирая черту, отделяющую спасителя от врага».

Монархист Шульгин, один из инициаторов Белого движения, насмешливо предлагал переиначить знаменитую воинскую песню царской армии «Взвейтесь, соколы, орлами» на «Взвейтесь, соколы, ворами».

Другая вечная беда – ревнивая нелюбовь соратников друг к другу. Врангель весьма не любил Деникина, и тот платил ему тем же; бесконечно грызлись генералы и в стане Колчака, и в армии Юденича...

И еще одно, губительное для белых, обстоятельство. У них было чувство, которое они не могли в себе подавить: они убивают соотечественников, братьев, «своих». У большевиков, у Кобы, у Ленина этого чувства не существовало: их народом был мировой пролетариат, воевали они не с соотечественниками, а с «эксплуататорами» и убивали их ради счастья всех обездоленных людей на земле. Так учили красных солдат политкомиссары.

«Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», – пелось в популярнейшей советской песне.

Страна, обескровленная братоубийственной войной, лежала в развалинах. Но «чем хуже, тем лучше». Ибо сбылась мечта, о которой пели большевики в «Интернационале»: в беспощадной войне до основания был разрушен мир прежней России. Погибла царская семья, были истреблены или бежали за границу самые знаменитые фамилии... И был совершенно уничтожен старый уклад жизни. Остались полунищие люди, остался «голый человек на голой земле».

Теперь можно было начинать строить новый большевистский мир.

Победа в войне заставила Ленина думать об отношениях с другими странами. Прежде всего надо было выводить страну из всемирного бойкота. Красный террор уже компрометировал режим, не вызывал он радости и у западных социалистов.

В начале 1920 года была отменена смертная казнь по приговорам ВЧК. Но это была акция для Запада. Ночь, когда вошло в силу это постановление, стала самой ужасной. Власть не собиралась выпускать своих врагов – в тюрьмах было расстреляно множество «бывших». Милость обернулась кровью.

Коба выучит и это: врага можно простить, но предварительно его надо уничтожить.

Просьба об отставке

Уже с осени 1919 года Коба начинает писать язвительные заявления в ЦК и Ленину. Он просит об отзыве с фронта: «Во-первых, я немного переутомился... да будет мне позволено на известный период оторваться от бурной, не знающей отдыха, фронтовой работы в опаснейших пунктах и немного сосредоточиться на спокойной работе в тылу (я немного прошу, я не хочу отдыха где-нибудь на даче, я добиваюсь только перемены работы – это будет отдых)».

Телеграмма Ленину: «Еще раз напоминаю о моем требовании отозвать меня и прислать другого, заслуживающего доверия ЦК. В случае упорства с вашей стороны вынужден буду уйти сам...»

Он непреклонен, ворчит, показывает, как обижен отказами ЦК отправить в отставку его врага Троцкого, и потому не желает быть более «специалистом по чистке конюшен военного ведомства». На самом деле он уже понял: война выиграна. Все эти красные конники с их наградами завтра ничего не будут стоить, как и сам Троцкий с его высшим военным постом. Теперь надо спешить в тыл. Власть теперь там, в тылу!

Коба ошибся: война не кончилась. В конце апреля 1920 года напала Польша. Она не сделала этого раньше, когда большевики были на краю пропасти, когда подобный удар был бы смертелен – тогда поляки боялись победы царских генералов, возврата Российской империи, лишившей независимости их родину.

Война началась снова. И тотчас была восстановлена смертная казнь. «Всякий негодяй, который будет уговаривать к отступлению, будет расстрелян. Всякий солдат, покинувший боевой пост, будет расстрелян» (Троцкий).

Поляки дошли до Киева и были отброшены.

Весной 1920 года в Берлине произошел путч военных. Он был разгромлен, и Ленин решил, что события повторяются: в Германии повержен «немецкий генерал Корнилов», и, следовательно, на повестке дня немецкий Октябрьский переворот. Ленин объявляет IX съезду партии: «Недалеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким советским правительством...» Вот почему после того, как Красная армия прогнала поляков с Украины, Ленин выступил за поход против Польши, чтобы через нее идти на помощь будущей Германской революции.

Коба, жаждущий вернуться в Москву, выступает против «некоторых товарищей, которые, не довольствуясь обороной нашей республики... горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на красной советской Варшаве». Против войны и Троцкий, знающий, как устала армия. Но Ленин неумолим.

В начале июля пятидесятитысячная армия под командованием двадцатисемилетнего Тухачевского двинулась со Смоленщины. «Даешь Варшаву!» – любимый лозунг тех дней. Покрывая по двадцать километров в день, солдаты шли в поход за мировой революцией.

В грязных обмотках, в драных сапогах и лаптях, часто без обмундирования, они дошли до Вислы. С ближайшего холма уже виднелись дома Варшавы. Но крестьяне, у которых отбирали хлеб, почему-то не были в восторге от их присутствия. Не подняли ожидаемое восстание и немцы.

Между тем поляки пришли в себя и начали отчаянно обороняться.

Коба сражался на юге. Он был комиссаром – возглавлял южную группировку вместе с командармом Егоровым. Первая Конная армия Буденного была их главной силой. Троцкий,

пытаясь усилить атаки Тухачевского, приказал передать ему конницу Буденного. Коба отказался – он уже разучился таскать для других каштаны из огня. У него свои грандиозные планы. Он решает захватить Львов, оттуда ударить на Варшаву, которую безуспешно пытается взять Тухачевский, и далее через Австрию стремительно ворваться в Германию – поддерживать революцию. В результате и армия Тухачевского, и армия Кобы с Егоровым отброшены в Россию. Но Ленин простил Кобе и это.

Пока воевали с Польшей, Врангель вышел из Крыма и оккупировал прилегающие районы. В августе 1920 года было решено объединить армии, действующие против Польши, в составе Западного фронта, под командованием Тухачевского и одновременно создать Южный фронт для борьбы с Врангелем. Ленин предложил Кобе срочно сформировать командование Южного фронта: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем. Опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление заключить мир с буржуазной Польшей. Я вас прошу внимательно обсудить положение с Врангелем, дать ваше заключение».

Но Коба рвется в Москву. И отвечает почти грубо: «Вашу записку о разделении фронтов получил. Не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать для фронта максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя...» Знакомый тон храброго служаки, обиженного постоянными кознями врагов. И Ленин его жалеет. Отзвуки этой жалости – в письме к Иоффе: «Например, Сталин... судьба не дала ему ни разу за три с половиной года быть ни наркомом РКИ, ни наркомом национальностей».

Ленин исправляет судьбу. В сентябре он отзывает верного Кобу в Москву.

Но Коба спешил в тыл не только к власти. Ему за сорок, пора устроить очаг. Его юная жена ждала ребенка. И давно пора забрать из Грузии другого ребенка – полузабытого сына, рожденного в той, навсегда исчезнувшей, жизни...

Уже в Москве он узнает, как пал Крым. Его защищали линия неприступных окопов и топь «гнилого озера» Сиваш. Ударом в лоб лавина красных солдат, используя горы трупов как прикрытие, ворвалась на полуостров.

И опять постигал Коба главные уроки: Троцкий умеет не щадить людей – и оттого добивается побед...

Когда-нибудь я напишу подробно об исходе из Крыма: столпотворение в порту, посадка на корабли, уходившие в Константинополь, отчаяние остающихся... и мой отец – здесь, на пристани, решивший не уезжать из России. И как удалось ему уцелеть потом... ибо потом в Крыму началась резня. Бела Кун, вождь Венгерской революции, спасавшийся в России, писал: «Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит. Крым отстал в революционном развитии на три года, но мы быстро подвинем его».

И Коба увидел: подвинули. Месяцами стрекотали пулеметы, люди гибли тысячами. Расстрелянных бросали в старые гонуэзские колодцы. Заставляли будущие жертвы самих рыть себе могилы. Трупный смрад стоял над полуостровом... Но Крым от белых очистили.

«Учимся понемногу, учимся»...

В конце года Кобе пришлось пережить еще один триумф Троцкого – празднование трехлетия Октября. Праздновали шумно, ибо годовщина совпала с победой в гражданской войне, с окончательным завоеванием страны. Устроили грандиозное зрелище: «Ночь взятия Зимнего дворца» с участием балета, цирка, солдат. Начали с выстрела «Авроры». Но вместо того чтобы повторить свой единственный исторический выстрел, «Аврора» начала палить непрерывно – не было сигнала прекратить, отказал телефон. Только гонец на велосипеде прекратил безобразие.

А пока под грохот «Авроры» красногвардейцы рванулись на штурм через баррикаду, за которой прятались балерины, исполнявшие роли бойцов женского батальона, и циркачи, игравшие юнкеров. Дворец осветился. За белыми занавесками в окнах возникли тени, воспроизводившие бой. Бой силуэтов! В финале все прожекторы устремились на красное знамя, взвившееся над Зимним.

На это представление были приглашены главные участники переворота. Кобу не позвали. А потом была череда заседаний, газеты печатали воспоминания героев Октября. И нигде – имени Кобы.

Но Коба был спокоен. Он знал: прошлое умерло вместе с Великой утопией. Осталось только балетно-цирковое представление с обезумевшей пушкой «Авроры». И тени.

Любовь вождя

Ленин знал, как все это несправедливо. Он любил Кобу. Он знал, что и Троцкий, и все эти партинтеллигентники только стараются быть жестокими, но жестокость у них – ненатуральная, истерическая. Как и любовь к революции. Недаром Зиновьев сказал: «Революция? Интернационал? Это великие события, но я разревусь, если они коснутся Парижа». Коба жесток истинно, как сама революция, груб, кровав, коварен, как революция... И простодушен, примитивен, как революция. Ради нее он сожжет не только Париж – весь мир. Таков образ Кобы, созданный для Ленина... самим Кобой. Образ, который так нравился Ленину. И еще была важная причина: истинный революционер, Коба никогда не забывал выказывать презрение к картинному революционеру Троцкому – вечному брату-врагу Ленина.

Едва вернувшись с фронта, любимец Ленина опасно заболел. В майские дни 1921 года Коба умирал, его свалил острый приступ гнойного аппендицита, истощенный организм мог не выдержать. Что он знал в жизни – ссылки, побеги и метания, сначала по тюрьмам, потом по фронтам... И работа, работа, работа.

Из воспоминаний врача В. Розанова: «Операция была очень тяжелой, помимо удаления аппендикса пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки, и за исход ручаться было трудно».

Федор Аллилуев: «Решились оперировать под местным наркозом из-за слабости больного. Но боль заставила прекратить операцию, дали хлороформу... Потом он лежал худой и бледный как смерть, прозрачный, с отпечатком страшной слабости».

Розанов: «Владимир Ильич ежедневно два раза утром и вечером звонил ко мне в больницу. И не только спрашивался о здоровье Сталина, но требовал самого тщательного доклада».

После операции, когда опасность миновала, Ленин лично обсудил с Розановым отдых Кобы – потребовал отправить его в родные горы, на Кавказ, «и подальше, чтобы никто не приставал».

К 1921 году его родной Кавказ был вновь завоеван большевиками. Сначала пали Армения и Азербайджан, потом пришел конец независимой Грузии. Старые знакомцы Кобы Чхеидзе и Церетели отправились в эмиграцию.

В последние дни мая едва вставший с одра болезни Коба выехал на лечение в Налчик. Почти месяц приходил в себя – дышал горным воздухом. Только в начале июля по просьбе Орджоникидзе он отправился в Тифлис, где шел бурный пленум Кавказского бюро

большевистской партии. Там Коба поддержал преданного ему Серго.

В Тифлисе через много лет он увидел мать. И сына.

Заботливый Ленин 4 июля высылает сердитую телеграмму Орджоникидзе, спрашивает: по какому праву Кобу оторвали от отдыха, просит прислать заключение врачей о его здоровье.

8 августа окончательно выздоровевший Коба выехал в Москву.

Весь 1921 год Ленин не устает заботиться о Кобе. Когда у него родился сын, Коба, не объясняя ситуации, просит более спокойную квартиру, и Ленин сам подыскивает ему жилище: «Товарищу Беленькому (начальнику охраны.

—Э.Р.). У Сталина такая квартира в Кремле, что не дают спать... Говорят, вы взялись перевести его в спокойную квартиру. Прошу вас сделать это поскорее...»

Но Кремль перенаселен новыми владыками, и тогда Ленин решает переселить Кобу в Большой Кремлевский дворец – в исторические парадные комнаты! Все для Кобы!

Тут не выдержал Троцкий – его жена, заведовавшая музеями, тотчас запротестовала. Ленин умоляет ее в письмах, предлагает вынести из комнат ценную мебель... Наконец Кобу пускает в свою квартиру член ЦК Серебряков – сговорчивый друг Ленина.

В порыве трогательной заботы Ленин принимает специальное постановление Политбюро: «Товарища Сталина обязать проводить три дня в неделю на даче». Именно в это время нежной любви к Кобе он полушутя-полусерьезно предлагает ему жениться на своей сестре Марии и очень удивляется, узнав, что Коба женат.

Ленин не был сентиментален, и причиной его любви и заботы было, конечно, дело. Ибо тогда он задумал очередной величайший переворот, и Кобе была отведена в нем особая роль.

Финал утопии

Окончание гражданской войны не принесло покоя в Россию.

Во время войны Ленин укрепил ненавистное революционерам государство, хороня Великую утопию, но в экономике все обстояло наоборот. Он осуществил целый ряд мечтаний Маркса, назвав их «военным коммунизмом»... Промышленность была национализирована, запрещена частная торговля. На крестьянина была наложена продовольственная разверстка. Это значило: весь хлеб, кроме необходимого для питания, изымался. Мужик не имел права торговать хлебом.

Теперь война кончилась. Крестьяне ждали перемен, а рядовые партийцы верили: войну выиграли, чтобы идти дальше, от военного – к мирному коммунизму. Вперед по пути Великой утопии! Но мужик не хотел больше отдавать хлеб.

Радетели крестьян, левые эсеры, после «мятежа» 1918 года сидели в Бутырке – в «социалистическом корпусе», как насмешливо называли эту часть тюрьмы. Но и туда дошли известия: по стране запылали крестьянские бунты. И их вчерашний союзник Ленин подавлял эти восстания так жестоко, как и не снилось свергнутому царю.

«Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению... Образец надо дать: 1. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) по меньшей мере 100

заведомых кулаков. 2. Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников, сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...» (Ленин).

Старик Молотов с удовлетворением вспоминал: «Тамбовское восстание Ленин приказал подавить: сжигать все».

В мае 1921 года командующим Тамбовской армией по борьбе с бандитизмом назначен Тухачевский. Вот его приказ от 12 июня: «Остатки разбитых банд... собираются в лесах. Для немедленной очистки этих лесов приказываю: леса... очистить ядовитыми газами, чтобы облако газов распространилось, уничтожив все, что прячется».

Полководцу было выслано 250 баков с боевым хлором. К тому времени тысячи восставших крестьян уже содержались в концентрационных лагерях, спешно построенных в области. Армия Тухачевского насчитывала 45 000 бойцов, 706 пулеметов, 5 бронепоездов, 18 самолетов. Он уничтожил отравляющими газами и огнем большую часть Тамбовщины...

Это было «вечно контрреволюционное крестьянство» – привычное для революционного уха слово «Вандея» все объясняло. Но вскоре восстали матросы – «краса и гордость русской революции». В последний день февраля 1921 года, ровно через четыре года после Февральской революции, опять восстал Кронштадт.

Подавлял мятеж сам Троцкий при участии знаменитого Тухачевского. Коба не проявил активности. Он понимал: партия со смутным чувством следит, как бывший царский офицер Тухачевский и большевистский вождь расправляются с моряками.

Газета восставших моряков писала: «Стоя по колена в крови, маршал Троцкий открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против самодержавия коммунистов, чтобы восстановить настоящую власть Советов».

Ленин заставил партию участвовать в пролитии крови неверных. В марте открылся X партийный съезд. Прямо на съезде провели мобилизацию – и 300 депутатов направились по льду залива на штурм Кронштадта. Восстание было подавлено, но часть кронштадтцев по льду бежала в Финляндию.

Коба никогда ничего не забывал. После поражения Гитлера НКВД вывезет из Финляндии несчастных кронштадтцев – уже стариков – в сталинские лагеря.

«Кукушка прокуковала» – так расценил Троцкий мятеж моряков. Страна устала от лишений. Взбунтовалась опора власти. И Ленин делает фантастическое сальто-мортале: он хоронит Утопию и объявляет потрясенному X съезду о переходе к новой экономической политике (нэпу).

Тайна нэпа

Октябрьский переворот породил великое разделение русской интеллигенции. Ее блестящие представители эмигрировали или были высланы на Запад, а из тех, кто оставался в России, очень многие ненавидели большевиков. Мой отец был журналистом и писал под псевдонимом Уэйтинг («ожидание» по-английски). Он ждал, когда падет эта власть. Но он, как и многие интеллигенты, поверил в нэп. Они решили: большевики одумались.

Валентинов писал о том, как в то время несколько блестящих экономистов составили тайный отчет под названием «Судьба основных идей Октябрьского переворота». Они пришли к выводу, что в результате объявленного Лениным нэпа не осталось ни одной идеи из тех, с

которыми четыре года назад пришли к власти большевики. Вместо отмирания государства – строится новая могучая держава. Вместо исчезновения денег – нэп провозгласил укрепление рубля. Ленин отменяет насильственное изъятие хлеба, заменяет его обычным продовольственным налогом и позволяет крестьянину (страшно сказать!) продавать излишки хлеба. Появляется рынок – этот ненавистный прежде оплот капитализма. Вместо коллективных хозяйств, куда собирались загнать крестьянина, ему предоставлена относительная свобода. Правда, остается мечта о мировой революции, но она уже всего лишь обязательная присказка. Большевики торгуют с капиталистическими странами и думают не о мировом пожаре, но о процветании своей страны.

На Западе эмигрант профессор Устрялов приветствовал эту «новую волну здравого смысла, гонимую дыханием необъятной крестьянской страны», и счастливо восклицал: «Ленин, наш Ленин – подлинный сын России, национальный герой».

Множество людей поверили словам Ленина: «Нэп – всерьез и надолго». Но если моему отцу и прочим беспартийным интеллигентам это было простительно, то как мог Валентинов забыть традиции партии, у истоков которой он сам когда-то стоял, забыть главное правило: высказывания вождей – всего лишь тактика. Истинные же долгосрочные планы – стратегия – должны быть скрыты, чтобы обнаружиться лишь в дальнейшем. Пример: некто заверял в 1924 году, что классовая борьба затухает, издевался над теми, кто преувеличивает кулацкую опасность, требовал величайшей терпимости партии к заблуждавшимся. Этот некто был Сталин, который всего через несколько лет загонит крестьян в колхозы, поголовно истребит кулаков и лозунг обострения классовой борьбы сделает смыслом жизни страны.

Вот – стратегия! А та ложь была тактикой!

Когда Ленин объявил нэп «всерьез и надолго», это лишь означало: он хочет, чтобы так думали. В это же время Ленин писал наркому внешней торговли, экс-террористу Красину: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору.

Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому. Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников... Милые мои, придет момент,

и я вас буду за это вешать...»

В секретной записке он предлагал наркому юстиции Курскому набросок дополнительных статей Уголовного кодекса, где было бы изложено «положение, мотивирующее суть и оправдание террора». Ибо, вводя нэп, Ленин уже думал о будущей расправе, когда они откажутся от нэпа и возвратятся к Великой утопии. Вот почему во время нэпа земля, крупная промышленность, внешняя торговля, банки и транспорт оставались в руках большевистского государства. И «Символ веры» Ленина остается прежний: диктатура пролетариата, что означает «ничем не ограниченную, никакими законами не стесненную, на насилие опирающуюся власть». Могли ли сосуществовать такая власть и нэп «всерьез и надолго»?

Нэп для Ленина лишь передышка, как Брестский мир... И когда Троцкий называл нэп «маневром» – это была правда. Но такую правду нельзя объявить партии, ибо Ленин захотел получить средства от Запада. Капитализм должен был помочь большевикам, чтобы они потом его же уничтожили. Для этого необходимо, чтобы Запад поверил: с якобинством в России надолго и всерьез покончено – ведь пришел нэп!

Наступала трагедия: Ленину предстояло сразиться с негодованием партии, не знавшей этой правды, поверившей в смерть Великой утопии. Он понимал, что на этой ситуации будет играть оппозиция: «Политика нэпа вызвала в партии панику, жалобы, уныние и негодование».

Нэп... На улицах появились извозчики и авто, в которых сидели новые «недорезанные

буржуи», как называла их партия. Появились красавицы в норковых шубах и рулетка. Города погружались в лихорадочное веселье. Оживилась торговля, открылись рестораны... «Волны духов, бриллианты, блудливые глаза в темных кругах, играющие женские бедра, серая замша в черном лаке туфель и валютно-биржевая речь».

Все это напоминало ненавистный большевикам Термидор, когда умерла Французская революция.

И еще – будущую Москву 1992 года.

Роптали рядовые члены партии. Роптали, почувствовав возможность фронды, вожди. «Мы вызвали на свет рыночного дьявола», – писал Троцкий.

Глава 9 Рождение Сталина

Новая роль для Кобы

Но Ленин подготовился и к нэпу, и к будущему взрыву негодования в партии. По его инициативе X съезд принимает грозную резолюцию, запрещающую внутри партии всякие фракции и группы. Фракционная деятельность каралась исключением. Ленин душит даже возможность оппозиции. Резолюция, немислимая для демократической партии, резала ухо и оттого была секретной.

Весной следующего, 1922 года Ленин вводит новый пост – Генерального секретаря партии. В апреле на этот пост по его предложению избирается Коба.

Считается, что это был чисто административный пост и лишь злой гений Кобы сделал его столь влиятельным в партии. Думать так – значит не понимать ни ситуацию, ни Ленина. Пост Генсека был продолжением все тех же мер против фронды в партии. Ильич понимал: с развитием нэпа будет расти ропот и, конечно же, выступит вечно мятежный Троцкий... Опытный Ленин не мог не опасаться старой гвардии, ее открытого мятежа, несмотря на запрещение фракций.

К 1922 году Ленин очень устал – от постоянной борьбы на съездах с «рабочими», «военными» и прочими оппозициями. К тому же его мучают все усиливающиеся необъяснимые головные боли. И он решает создать аппарат, который сможет сделать съезды более деловыми, мирными. Ленин организует секретариат во главе с верным Кобой, который должен это обеспечить, научиться контролировать партию, а точнее – усмирить ее. В этом был смысл нового поста. Недаром функции секретариата определены Лениным хитро, расплывчато. Политбюро создано для решения самых важных политических вопросов, Оргбюро – организационных. Подразумевалось, что секретариат решает менее важные вопросы. Но было опасное разъяснение: всякое решение секретариата, не опротестованное членами Оргбюро, становится решением Оргбюро. Не опротестованное членами Политбюро – решением Политбюро. С самого начала у секретариата появляется возможность принимать важнейшие решения.

Вторым секретарем по предложению Кобы становится его старый знакомец – Молотов. За усидчивость и умение работать по 24 часа в сутки Ленин ласково прозвал его «каменной жопой». Секретариат и захваченное Кобой Оргбюро (где правит верный Молотов) начинают

контролировать все назначения внутри партии.

Скрытый переворот в руководстве

В том же 1922 году на заседании Политбюро Ленин сказал: «Мы – товарищи 50-летние (он имеет в виду себя и Троцкого. –

Э.Р.), вы – товарищи 40-летние (все остальные. –

Э.Р.), нам надо готовить смену 30-летних и 20-летних: выбирать и готовить их к руководящей работе».

Так что не Коба, а Ленин задумал смену руководящих кадров. Вождь устал от старой гвардии, от этих вечно критикующих «блестящих сподвижников», и поручает Генсеку Кобе готовить смену – вместо людей блестящих находить людей исполнительных.

Коба оценил перспективу и с энтузиазмом провел работу. Так в его окружении появился 30-летний Лазарь Каганович, родившийся в еврейском местечке, сапожник по профессии, как и отец Кобы. Он был малограмотен, но чрезвычайно работоспособен. Коба назначает его заведующим орготделом ЦК. В руках у Кагановича – аппарат инструкторов ЦК. Направленные в провинцию, они должны проверять работу низовых организаций, от их отчетов зависит будущее местных руководителей. Вскоре отдел Кагановича получает право назначать партийных руководителей на местах.

Итак, партийная провинция – целиком в руках Кобы. Каганович начинает гигантскую работу – вводит нужных людей, проверяет их лояльность, перетряхивает аппарат. Меньше чем за год проверены и утверждены сорок три секретаря губернских организаций – полномочных правителей в провинции. Партийные бонзы наделены властью, которая и не снилась царским генерал-губернаторам.

Я листаю книжки из библиотеки Генсека. В много раз читанной им книге Троцкого «Терроризм и коммунизм» рядом с фразой автора о руководстве партии в государственном аппарате комментарий Генсека – «безраздельное».

Контроль и «назначенство» провинциальных партийных лидеров – вот простой рычаг, при помощи которого Коба в короткий срок подчинил партию. Троцкий все понял, возмущается, но... поздно. Всюду сидят угодные Кобе местные вожди, зависимые от Секретариата.

Они готовы составить новое управляемое большинство на съездах, и, если кто-то из «кремлевских бояр» посмеет не подчиниться этому большинству, он будет изгоняться из партии на основании ленинского запрета фракций.

Коба задание выполнил: послушная партия создана в кратчайший срок. Но Ленину не придется ею воспользоваться.

«Краса и гордость партии»

Задумав пост Генсека, в феврале того же 1922 года Ленин реформировал ЧК. Она стала именоваться Государственным политическим управлением при наркомате внутренних дел

(ГПУ), но уже в 1923 году переименовано в ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление. (В просторечии оно по-прежнему именуется ГПУ, а его работники гэпушниками. Так оно и будет именоваться в нашем повествовании.) ГПУ выведено из НКВД и официально подчинено Совнаркому, но на самом деле – Ленину и Политбюро... Все это рекламировалось как конец «кровавой ЧК». Объявлено: на ГПУ возлагается теперь лишь борьба с особо опасными государственными преступлениями и разведка.

На самом деле все безграничные функции ЧК остались неприкосновенными. Коллегия ГПУ сохраняет право бесконтрольного расстрела всех без исключения граждан России. Такое же право расстрела без суда имеет и «тройка», состоящая из председателя ГПУ, его помощника и следователя, ведущего данное дело. Решение «тройки» принимается без участия подсудимого и его защитника, о нем осужденный узнает прямо перед расстрелом.

ГПУ тут же включается Кобой в наступление на оппозицию, ибо на самом деле реорганизация ЧК – часть того же ленинского плана усмирения партии. Сначала ГПУ используют для борьбы с конкурентами – другими революционными партиями. Туда разрешают брать на работу бывших сотрудников царской охраны как имеющих большой опыт охоты за революционерами. Принялись и за собственных инакомыслящих: новое постановление ЦК предписывает партиям информировать ГПУ о всех «непартийных» разговорах, о всех партийных оппозициях. Так, Ленин и Коба включают ГПУ во внутривнутрипартийную борьбу. Партийцев обязывают доносить на своих товарищей по партии.

Члены коллегии ГПУ включены в номенклатуру ЦК. Таким образом, Коба контролирует и их назначение. И вскоре полуграмотные матросы с бомбами и партийные фанатики исчезают из ГПУ...

Все больше вовлекает Коба ГПУ в жизнь партии. Высшие партийные функционеры после лишений дореволюционного времени жадно наслаждаются жизнью. ГПУ регулярно докладывает Генсеку о «шалостях» владык. Похождения высоких партийных функционеров Калинина и Енукидзе с балеринами; приезды в актерский клуб наркома просвещения Луначарского: под утро после многократных тушений света, сопровождаемых женскими визгами, главу культуры выносят на руках в автомобиль; скандальные похождения юного сына Каменева Лютика... да и то, что сам Каменев завел любовницу, – всё знают ГПУ и Коба. На партийных деятелей заводятся досье.

В это время в бывшем особняке князя Балашова с зимним садом и позолоченной мебелью появилась американка Айседора Дункан.

«Весной 1921 года я получила телеграмму: «Одно только русское правительство сможет вас понять. Приезжайте к нам, мы создадим школу»... Я думала, что навсегда расстанусь с европейским укладом жизни... я не взяла с собой туалетов, так как в своем воображении я должна была провести остаток жизни одетая в красную фланелевую блузу, среди товарищей, преисполненных братской любовью... я верила, что идеальное государство, каким оно представлялось Платону, Марксу и Ленину, чудом осуществилось на земле. Вот он – мир равенства... мечта Будды... мечта Христа».

«Я была прикреплена к ней ГПУ, – рассказывала мне в 70-х годах старуха в доме отдыха «Актер» в Сочи. – Дунканшу звали в Москве Дунька-коммунистка. Мы отходили тогда от всех ужасов военного коммунизма, а она была по тем временам сильно старомодна: танцевала «идею красного знамени» или «гимн Третьего интернационала»... Потом она встретила поэта. Есенин был как видение – златокудрый ангел. А она уже в возрасте. Он не знал ни слова по-английски... зачем знать, они легко объяснились на языке любви. После любви началась наша русская пьяная жизнь – он скандалил, бросал в нее сапогами, материл, называл старухой... Даже бил ее, но ей это, видно, нравилось. Она взяла его с собой в Америку. Потом он бросил ее, вернулся и повесился. Все я регулярно писала в отчетах...»

Так что и о Дункан знает Коба. Все знает.

«Очистим Россию надолго»

В это время проводится акция, потрясшая интеллигентскую Россию. Она была задумана Лениным.

На исходе лета 1922 года к пристани Штеттина причалил пароход из России. Приехавших никто не встречал. Они нашли несколько фур с лошадьми, погрузили багаж. И за фурами по мостовой, взявши под руки своих жен, пошли в город. Шел цвет и гордость русской философии и общественной мысли, все, кто определял в начале XX века общественное сознание России: Лосский, Бердяев, Франк, Кизеветтер, князь Трубецкой, Ильин... Сто шестьдесят человек – знаменитые профессора, философы, поэты и писатели, весь духовный потенциал России, – одним махом были выкинуты из страны.

В «Правде» по этому поводу была напечатана статья «Первое предупреждение». Это действительно было – первое предупреждение. Весь 1922 год Ленин старательно очищает страну от инакомыслящих. И рядом верный помощник – Генсек Коба.

Ленин – Кобе: «К вопросу высылки из России меньшевиков, кадетов и т. п. Надо бы несколько сот подобных господ выслать безжалостно. Очистим Россию надолго».

Неустанно работает Особая комиссия, созданная при Политбюро: готовятся новые и новые списки высылаемых. В последовательном, неуклонном проведении в жизнь задуманной Лениным акции виден жесткий почерк Кобы.

Для всех этих людей расставание с Родиной было чудовищным горем. «Мы думали, что через год мы вернемся... Мы жили этим», – писала дочь профессора Угримова.

В 70-х годах я встретил в Праге глубокую старуху – дочь знаменитого профессора Кизеветтера. Она жила с нераспакованными чемоданами с того самого 1922 года. Ждала.

Болезнь Ленина прервала развернувшуюся гигантскую чистку. Но Генсек выучил лозунг: «Очистим Россию надолго».

Новая Вавилонская башня

Направляет Ленин Кобу и в тесно связанный с ГПУ Третий Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Он был создан в 1919 году, когда еще жива была мечта о мировой революции. В него вошли послушные Москве коммунистические партии. Создавая Коминтерн, Ленин и Троцкий открыто записали в его Манифесте: «Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока мы не создадим Федерацию советских республик всего мира... Коминтерн есть партия революционного восстания международного пролетариата».

В бюро Коминтерна на Манежной площади (со множеством секций на каждом этаже) был представлен весь мир. Три Коммунистических университета готовили кадры будущих руководителей мирового пожара. Здесь выступали Радек, Зиновьев, Бухарин, Каменев. Теперь частенько выступает здесь и Коба. Здесь западных коммунистов учили подпольной борьбе, организации уличных беспорядков...

Руководители ГПУ тоже приходили на эти заседания. ГПУ действовало заодно с Коминтерном. В 1920 году, когда большевики готовились помогать германской революции, ГПУ взорвало арсенал в Польше – на случай, если придется идти через Польшу на помощь восставшему немецкому пролетариату. Дашь мировую революцию!

С назначением Кобы Генсеком все самые секретные дела Коминтерна идут через него. Гигантские ресурсы страны, захваченные большевиками, этими ненавистниками денег, щедро тратятся на подготовку мировой революции...

В марте 1922 года даны 4 миллиона лир для итальянской компартии, 47 миллионов марок – немцам, 640 000 франков – французской компартии... Можно продолжать список бесконечно. Голодная Москва кормит компартии всего мира. Да, пухнут с голода люди, но зато приближается мировая революция! Тратят, не считая, безалаберно – деньги часто исчезают вместе с агентами.

Став Генсеком, Коба начал свое внедрение в Коминтерн с контроля за потраченными средствами. И уже Сафаров доносит Кобе о 200 000 золотых рублей, исчезнувших в Корею. Занялся Коба и германскими миллионами – заставляет Зиновьева отчитываться. Только в 1921 году в Германию на организацию революции было передано 62 миллиона марок в валюте и в драгоценностях (среди них и те, что сняли с расстрелянной царской семьи, в том числе жемчужное ожерелье царицы). Все эти миллионы хранились у агента Коминтерна на квартире – были рассованы в папки, шкафы, чемоданы, коробки... Комиссия, созданная Кобой, обнаружила полный хаос и бесконтрольность. Но вместе с деньгами Коба начинает контролировать и всю жизнь Коминтерна.

Я просматриваю в Партархиве документы с неизменным грифом «Совершенно секретно» – документы коминтерновской Комиссии по нелегальной работе. Комиссия организовывала подрывную подпольную работу в Германии, Италии, Венгрии, Чехословакии, США, Литве, Латвии. И за всем этим теперь тень Кобы. Конспиративные квартиры, нелегальные типографии, диверсии – все это хорошо знает бывший террорист, и все теснее сращивает он Коминтерн с тайной полицией – ГПУ. Террористы будут заброшены во все страны мира.

Самые тайные дела Коминтерна поступают теперь к Генсеку. И когда в Москве появился американский миллионер Арман Хаммер, секретная информация о нем пошла в два адреса – Ленину и Кобе.

Кто давал деньги большевикам?

На документе – надпись ленинским почерком: «Строго секретно от Ленина т. Сталину».

«Докладная записка Бориса Рейнштейна о товарище докторе Юлии Гаммере и руководимой им и его сыном доктором Армандом Гаммером объединенной американской компании, получившей концессии на асбестовые рудники и пр. (Борис Рейнштейн эмигрировал в США в конце прошлого века. В 1917 году вернулся в Россию, чтобы принять участие в революции, стал влиятельным сотрудником Коминтерна, потом, конечно же, исчез в сталинских лагерях.

—Э.Р.) Дорогой Владимир Ильич... сообщаю вам данные о товарище Юлии Гаммере и его компании, но прошу вас принять меры, чтобы эта докладная записка не могла попасть в руки не вполне надежных людей, так как если копия ее попадет в руки американского правительства, то это может очень пагубно отразиться на и так уж очень тяжелом положении Ю. Гаммера.

Товарища Юлия Гаммера я интимно знаю по работе в американской социалистической рабочей партии в течение 25 лет (с 1892 до 1917 г.) как искреннего, самоотверженного марксиста... Он, развив доходную медицинскую практику, всегда очень щедро поддерживал социалистическое движение в деньгах... После вступления Америки в войну, он, не имея возможности вырваться в Россию, решил бить буржуазию ее же картами, то есть нажить большие деньги и поддерживать ими революцию. Это ему блестяще удалось... Как говорят, он и его семья нажили большие деньги. В начале 1919 г. наркоминдел послал средства тов. Мартенсу (житель Нью-Йорка, был назначен первым послом Советской России в США в 1919 году, несмотря на то что США отказывались в это время ее признать. –

Э.Р.).

Когда фонд Мартенса иссяк, тов. Гаммер спас бюро Мартенса от ликвидации, авансируя взаимнообразно свои средства, в общем, он выложил до 50 000 долларов. После... когда России было необходимо приобрести машины для нефтяных промыслов, он одолжил на это 11 000 долларов. После основания Коминтерна он порвал с социалистической рабочей партией за ее двусмысленное отношение к Коминтерну... В 1919 году вместе с Ридом и др. положил начало коммунистическому движению в Америке. Помимо активного участия на съезде коммунистов, он щедро поддерживал партию деньгами, отдав ей на это дело более 250 000 долларов.

Американское правительство подозревало, что тов. Гаммер субсидирует советское бюро Мартенса и коммунистическое движение и искало предлог убрать его. Изгнать же его, американского гражданина с видным общественным положением, было невозможно... наконец, предлог представился. У него умерла пациентка, у которой он обязан был по техническим причинам произвести операцию аборта. За это уцепилось правительство – оно подговорило мужа умершей привлечь его к суду и заставило присяжных во что бы то ни стало вынести обвинительный приговор. В результате его приговорили к каторжной тюрьме на неопределенный срок от 3,5 до 15 лет. Это значит, что его могут освободить через год с лишним (он уже в тюрьме Синг-Синг около Нью-Йорка третий год, но и после этого правительство, придравшись к его вредному политическому поведению, может снова бросить его в тюрьму и держать там до конца 15 лет)... Будучи с сыновьями главным пайщиком большой фирмы... он стал из-за решетки направлять свою компанию на поддержку Советской России. Летом 1921 года он прислал в Москву своего сына Арманда, недавно кончившего врачом. Он секретарь их компании. Арманд Гаммер привез в подарок от отца сундук с полным комплектом хирургических инструментов для целого госпиталя, комплект представлял громадную денежную ценность. Идя по стопам отца, этот молодой человек, узнав, что в Москве затевают основать образцовый американский госпиталь на средства американских друзей Советской России, обязался поддержать это, дав 25 000 долларов. Объезжая в прошлом году уральские заводы, он видел, что хорошо оборудованные заводы стоят на мертвой точке за отсутствием хлеба для рабочих, и предложил, снесясь с отцом, доставить 1 млн. пудов хлеба в обмен на русские товары. Контракт был заключен через Внешторг, и одна партия хлеба прибыла (около 150 000 пудов), но произошла задержка, отчасти потому, что наша икра, которую они стали быстро продавать по 10 долларов за фунт, содержала, как показал анализ, недопустимое по американским законам количество предохранительных химикалиев... Ввиду грозившей конфискации русских товаров пришлось направить пароход сначала в канадский порт. Теперь найден путь безопасной доставки прямо на Соединенноштатский, более выгодный рынок...

Специально для разработки русских предприятий по почину молодого доктора Гаммера образована большая объединенная американская компания, в которую входят теперь большие финансовые тузы. Из всего указанного ясно, что в лице тт. Гаммеров и их компании мы имеем очень ценную для нас связь и что... в наших интересах устранить с их пути всякие препятствия».

В секретном донесении (оригинал написан на английском языке) ГПУ сообщает: «На обратном пути Гаммер по просьбе Коминтерна перевез и доставил коммунистической партии США 34 тыс. долларов наличными. В этот период правительство США ввело эмбарго на все экспортные поставки в Россию, и то, что Гаммеру удавалось ввозить хлеб и машины, было беспрецедентным».

Болезнь вождя

Весь 1921 год Ленина мучают жестокие головные боли и неврастения. Коба советует ему поехать на солнечный Кавказ. Но Ленину, как всякомудвигающемуся к смерти, тосклива сама мысль об усилиях путешествия: «Боюсь я дальней поездки, не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки вместо лечения нервов».

Ленин все реже бывает в Кремле, все чаще под Москвой, в Горках – имени загадочно погибшего Саввы Морозова. Решено обратиться к врачам. Ленин не очень верит врачам-большевикам. Как-то он писал Горькому: «Врачи-товарищи в 99 случаях из ста – ослы». Лучшими врачами в прежней, уничтоженной им России считались немцы. И вот из капиталистической Германии зовут докторов поставить диагноз странному состоянию Вождя. Профессор Ф. Клемперер и его коллеги ничего особенно угрожающего не находят – лишь небольшую неврастению, а головные боли объясняют «наличием оставшихся после покушения пуль». Их вынимают, но облегчения нет...

Поместье Морозова не принесло Ленину счастья.

26 мая в Горках у него случился парез – неполный паралич правых конечностей и расстройство речи. Впоследствии он делился с Троцким: «Понимаете, ведь ни говорить, ни писать не мог, пришлось учиться заново».

Так начинается трагический период в жизни Ленина, его тщетная борьба с болезнью, которая продлится в общей сложности два с половиной года – до самой смерти.

В «Сообщении о болезни и смерти В.И. Ульянова-Ленина», опубликованном в «Правде», приводится длинейший, в четыре десятка фамилий, список знаменитых русских и немецких врачей и младшего медицинского персонала, лечивших и консультировавших в этот период Ленина. Среди них – Ф. Клемперер, О. Ферстер, В. Осипов, Ф. Гетье, С. Доброгаев, опубликовавшие впоследствии свои воспоминания, и доктор В. Крамер, неизданные записки которого о болезни Ленина находятся в Архиве президента.

Есть известный рассказ, будто Коба, узнав об ударе, тотчас сказал: «Ленину капут». Это ложь, не мог он так сказать – верный Коба, осторожный Коба. Он никогда не спешил, не был опрометчив, но он, конечно же, понимал: смерть рядом с Вождем, и это может случиться в любую минуту. Всего пару лет назад смерть Ленина означала бы конец Кобы. Но теперь... Теперь он останется – с грозной силой, им созданной. Да, он сделал то, чего ни Свердлов, ни сам Ленин сделать не сумели, – управляемую партию. И если к этому прибавить послушное ГПУ...

Пока Ленин учится говорить, врачи бьются над точным диагнозом. Заговорили даже о наследственном сифилисе, поехали проверять в Астрахань, где жили предки Ленина, но ничего определенного не нашли. Между тем Ленин начал поправляться. Ему запрещено читать газеты, у него еще приступы, ему нельзя принимать посетителей... Но он уже требует к себе верного Кобу.

Весь июль, август и сентябрь Коба регулярно посещает Ленина в Горках. Больной чувствует себя все лучше и лучше, решает вырваться из-под опеки врачей и обращается к Кобе, потому что контроль за лечением Вождя осуществляет, как и положено, Генсек – верный Коба. В июле 1922 года Ленин пишет ему: «Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного приступа в пятницу и сделали сугубую глупость: попытались запретить политические разговоры... Я чрезвычайно рассердился и отшил их. Я требую вас экстренно, чтобы успеть сказать на случай обострения болезни. Успею все сказать в 15 минут... Только дураки могут валить на «политические разговоры». Если я когда и волнуюсь, то из-за отсутствия компетентных разговоров. Надеюсь, вы поймете это и дурака немецкого профессора... отошьете».

13 июля Коба – в Горках у Вождя.

Он сам шутливо опишет в «Правде» это идиллическое свидание. «Мне нельзя читать газеты, – иронически замечает Ленин, – мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой...» Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность товарища Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике...» Эта статья была частью идеологической акции, которую придумал находчивый Коба. Был выпущен специальный номер «Правды», который должен был поведать миру о том, что Вождь выздоровел. Там были его многочисленные фото, и в том числе фотография сидящих на лавочке Ленина и Кобы.

Генсек описал и их разговоры на этой солнечной лавочке: «Ленин жалуется, что отстал от событий. Его все интересует: виды на урожай и процесс эсеров...»

В то время происходил процесс правых эсеров. 34 эсера – и среди них 11 знаменитых членов ЦК, прославившихся борьбой с последним царем, – предстали перед судом. Процесс был блестяще подготовлен, в нем отчетливо проглядывал почерк будущих сталинских процессов – почерк Кобы.

«Звездой» процесса стал глава боевого отряда эсеров некто Семенов. Арестованного ЧК еще в 1919 году, его должны были расстрелять, но, как следует из дела, он «чистосердечно раскаялся, искренне порвал со своим прошлым» и прямо в тюрьме вступил в ряды большевиков. После чего Семенов был внедрен в эсеровскую партию уже в качестве осведомителя. Ему поручали и более серьезные задания – в деле имеется письмо Троцкого, свидетельствующее «о революционной преданности Семенова» и о его шпионской работе на территории Польши в 1920 году.

И вот теперь, в 1922 году, он явно выполнял новое задание: был подсудимым на процессе. Он выступил с заявлением о террористических и диверсионных актах, будто бы тайно разработанных ЦК правых эсеров, об их связях с иностранными разведками, Семенов объявил, что стрелявшая в Ленина Каплан действовала по поручению ЦК правых эсеров и состояла в его террористической группе...

Так организаторы процесса ввели в дело расстрелянную Каплан – она должна была помочь погубить несчастных эсеров.

Впрочем, заявление Семенова о том, что он считал Каплан «лучшим исполнителем для покушения на Ленина», свидетельствовало, что он даже не видел эту полуглухую и полуслепую женщину.

Николай Крыленко, сменивший пост Главнокомандующего на титул прокурора Республики, потребовал смертной казни для эсеровских руководителей. Но все испортили Бухарин и Радек. На конференции Третьего Интернационала, желая выглядеть «цивилизованными социалистами», они обещали не расстреливать эсеров.

Такое непонимание ситуации возмутило Ленина. Шло усмирение партии и страны – поэтому из России были высланы мятежные интеллигенты. Поэтому Ленин призвал в Генсеки Кобу. Поэтому эсеры должны быть казнены.

Вот, видимо, то, о чем беседовали на лавочке Ленин и Коба. Во всяком случае, вскоре едва вставший с одра болезни Ленин публикует статью в «Правде», где требует крови эсеров.

12 эсеров были приговорены к смертной казни. Но все-таки пришлось учесть и обещания Бухарина. Казнь должна была состояться только после первого террористического акта против большевиков.

Оставшиеся жить эсеры погибнут вместе с осудившим их Крыленко и провокатором Семеновым в дни сталинского террора.

А пока Ленин, полный сил, – прежний Ленин – возвращается к работе. «Но в его речи чувствовалась какая-то всех беспокоящая затрудненность, – пишет Луначарский. – Особенно страшно было, когда во время одной из речей он попросту остановился, побледнел и лишь страшным усилием продолжил речь».

Официально наблюдающий за лечением Ленина Генсек имеет достоверную информацию от врачей: странная болезнь должна возобновиться – удар может последовать в любое время. Великий шахматист Коба, умеющий играть на много ходов вперед, сделал выводы.

Ленин тоже понимает свое состояние. Именно в этот момент он и обращается к верному Кобе.

Коба, Ленин и яд

Троцкий: «Во время уже второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк)... сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду, он... предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях... и невыносимо мучился... Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер, но на лице его застыла полуулыбка, точно на маске.

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин. – Но он только отмахивается. Мучается старик, хочет, говорит, иметь яд при себе. Прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения. Мучается старик, – повторил Сталин... У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей».

И далее Троцкий спрашивает: «Почему тогда Ленин обратился именно к Сталину?» И отвечает: «Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного (читай – жестокого.

– Э.Р.) человека, способного выполнить эту трагическую просьбу».

Мария Ульянова также вспомнила об этой просьбе достать яду, но описала ее совсем в иных обстоятельствах. Запись была обнаружена среди личных бумаг сестры Ленина после ее смерти и тотчас попала в секретный фонд Партархива. Лишь через полсотни лет она стала доступной для историков. Эта предсмертная запись – результат раскаяния, Мария считает своим долгом «рассказать хотя бы кратко... о действительном отношении Ильича к Сталину в

последнее время его жизни», ибо в предыдущих заявлениях она «не говорила всей правды».

«Зимой 1921 года В.И. чувствовал себя плохо, – пишет Мария. – Не знаю точно когда, но в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст цианистого калия. Сталин обещал. Почему он обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такой просьбой. С той же просьбой В.И. обратился к Сталину в мае 1922 года, после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут пять, не более, и когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил ему доставить яд, так как время исполнить данное обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И. Сталин вернулся снова к В.И. и сказал, что, поговорив с врачами, он убедился, что еще не все потеряно и время исполнять просьбу еще не пришло. В.И. заметно повеселел, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» – «Когда же вы видели, чтобы я лукавил?» Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. не стал поправляться. В это время Сталин бывал у него чаще других...»

Так что Троцкий прав: просьба Ленина о яде была. Только Троцкий относит эту просьбу к 1923 году, когда Ленин и Коба стали врагами, а Мария Ульянова – к 1922 году, к периоду их нежной дружбы. Просьба Ленина была выражением величайшего доверия к Кобе, когда, по словам Марии Ульяновой, «Сталин бывал у него чаще других...»

Я думал прежде, что Троцкий тут ошибся, может быть даже сознательно, чтобы читатели поверили, будто уже ставший врагом Ленина Сталин исполнил его просьбу.

Каково же было мое изумление, когда, работая в Архиве президента, я узнал, что и в 1923 году Сталина вновь попросили достать яд для Ленина. Но просьба эта исходила уже не от самого Ленина, ибо он тогда не только не мог «вызывать Сталина и требовать», как пишет Троцкий, но и говорить уже не мог.

Однако все по порядку.

Мы вновь возвращаемся в 1922 год. О чем же беседовал Ленин с Кобой, когда тот его навещал?

Мария Ульянова: «В этот и дальнейший приезды они говорили о Троцком, говорили при мне, и видно было тут, что Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатический. Такой же характер носило предложение, сделанное Троцкому, быть заместителем Ленина по Совнаркому. Вернувшись к работе осенью 1922 года, В.И. нередко по вечерам виделся с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в своем кабинете. Я старалась их разводить, напоминая запрещение врачей».

Так что это не Коба, а Ленин собирал «тройку»: Зиновьев, Каменев и Сталин против Троцкого!

Бедный, самоуверенный Троцкий, убежденный до конца жизни, что Ленин считал его своим наследником! Он не понимал, что «у В. И. было много выдержки. И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношение к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным... На одном заседании Политбюро Троцкий не сдержался и назвал В.И. хулиганом... В.И. побледнел как мел, но сдержался и сказал что-то вроде «у кого-то нервы пошаливают» на эту грубость Троцкого. Симпатий к Троцкому он и помимо того не чувствовал» (Ульянова).

Впрочем, симпатий не чувствовал он и к Зиновьеву. «По ряду причин отношение В.И. к Зиновьеву было не из хороших», – пишет Ульянова.

Так что, пожалуй, тогда он любил одного Кобу.

Но все совершенно изменилось осенью 1922 года. «Осенью были... поводы для недовольства Кобой со стороны Ленина». И Ульянова добавляет глухо: «Было видно, что под В. И., так сказать, подкапываются... Кто и как, остается тайной».

Нет, для Ленина это уже не было тайной. Вернувшись в Москву после болезни, он многое понял. И если во время недуга подозрительность заставляла его на случай своего конца создавать союз против Троцкого, то теперь он знал: опасен стал совсем другой. Видимо, от Каменева, Зиновьева и даже Троцкого Ленин получил одни и те же тревожные известия: партия целиком управляется Кобой. Что ж, ведь это он призвал в Генсеки Кобу, поручил ему создать аппарат, управляющий партией, и Коба выполнил все, как он хотел. Но не вовремя выполнил... Теперь Ленин болел, обострение может наступить в любой миг, и тогда... кто знает, как поведет себя повелевающий аппаратом Коба?

Коба явно подкопался под ленинскую власть. И Ленин испугался. Он решил убрать Кобу с поста Генсека, но для этого был нужен повод.

И Ленин его нашел. В 1922 году он решает урегулировать положение с республиками. Бывшие части Российской империи – Украина, Белоруссия, Закавказская Федерация, – управляемые ставленниками Москвы, формально были независимы от России. И Ленин задумал объединение республик.

Коба в отсутствие Ленина предложил тайное сделать явным: все независимые республики должны войти в Российскую Федерацию на правах автономий. Но это вызвало ропот в республиках, особенно в Грузии, совсем недавно потерявшей независимость. Грузинский руководитель Буду Мдивани понимал, как тяжело объявить народу о прямом возвращении в царские времена. Он попросил «фиговый листок»: независимость хотя бы на бумаге. Ленин поддержал его и выдвинул идею Союза республик, которые наделялись бумажным равноправием и даже имели право выйти из будущего Союза. Это весьма удовлетворяло «независимцев» в Грузии и одновременно позволило Ленину начать кампанию против Кобы.

Коба и поддерживающий идею Федерации другой «национал» Орджоникидзе, руководитель большевиков Закавказья, знали, как глубок национализм в республиках, какой опасной может стать завтра даже формальная независимость. В пылу споров темпераментный Орджоникидзе ударил «независимца» Кабахидзе. Это послужило прекрасным поводом для Ленина – он объявил позицию Кобы и Орджоникидзе великорусским шовинизмом, а удар возвел в ранг преступления.

Каменев, понимающий, что Ленин долго не протянет, и смертельно боящийся возвышения Троцкого, решает поддержать союз с Кобой и тотчас доносит ему запиской: «Ильич собрался на войну в защиту независимости».

Коба знает – изменился к нему Ленин, и, конечно, понимает почему. Ленин теперь его враг. И Коба предлагает Каменеву общий бунт: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича».

Да, он уже не боится. Врачи отчитываются перед Генсеком, у Кобы есть информация: новый удар неминуем.

Но Ленин действует эффективно – направляет в Грузию специальную комиссию и подключает к борьбе против Кобы его врага Троцкого. Союз Ленина с Троцким делает исход борьбы предрешенным.

Ленин решил раздавить Кобу на ближайшем же съезде. «Он готовил бомбу к XII съезду», – вспоминал Троцкий. Бомба – это политическое уничтожение Кобы, обвинение в великорусском шовинизме, то есть в одном из самых страшных грехов для большевика. За этим неминуемо должно было последовать отстранение с поста Генсека.

Каменев трусит. Он пишет Кобе: «Думаю, раз В.И. настаивает, хуже будет сопротивляться». Коба отвечает меланхолично: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

Коба решает ждать. Он умеет ждать...

Он начинает составлять Декларацию об образовании Союза Республик – все, как хочет Ильич. Но Ленин не принимает капитуляцию. В начале октября он шлет записку Каменеву: «Великорусскому шовинизму объявляю бой».

Каменев понимает: Ильича не остановить. Дни Кобы сочтены.

В это время Ленин поддерживает постоянную связь с Троцким через секретаршу Фотиеву.

– Значит, он не хочет компромисса со Сталиным даже на правильной линии? – спрашивает Троцкий.

– Да, он не верит Сталину и хочет открыто выступить против него перед всей партией, он готовит бомбу, – подтверждает Фотиева. И объясняет: – Состояние Ильича ухудшается с часу на час. Не надо верить успокоительным отзывам врачей. Ильич уже с трудом говорит, он боится, что свалится, не успев ничего предпринять. Передавая записку, он сказал мне: «Чтобы не опоздать, приходится раньше времени выступить открыто».

Впрочем, Фотиева сказала об этом не одному Троцкому. Как мы узнаем далее, все, что происходит в кабинете Ленина, она докладывает Кобе. Она поняла: состояние Ильича ухудшается, с часу на час грядет новый Хозяин.

Лидия Фотиева – одна из считанных соратников Ленина, которую не тронет Коба. В 1938 году он отправит ее работать в Музей Ленина. Увенчанная наградами, она отметит свой девяностолетний юбилей и умрет в 1975 году, пережив и Кобу, и почти всю эпоху.

Каменев появляется в кабинете Троцкого. «Он был достаточно опытным политиком, чтобы понять, что дело шло не о Грузии, но обо всей вообще роли Сталина в партии» (Троцкий).

Трусливый Каменев покидает Кобу.

Близится крушение бывшего любимца Ильича. Но... информация Кобы была точной: Ленин не выдержал напряжения борьбы и ненависти. 13 декабря два приступа отправляют его в постель. Второй звонок прозвенел.

Врачи потребовали отдыха Вождя. В середине декабря на Пленуме ЦК Коба провел резолюцию: «Возложить персональную ответственность за изоляцию Ленина, как в отношении личных сношений с работниками, так и в отношении переписки, на Генсека». Свидания с Лениным запрещаются. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Ильичу ничего из политической жизни, чтобы не давать поводов для волнений...

Вождю о партийном решении не докладывалось. Он так и не узнал, что поступил под надзор врага. Впрочем, Вождь исчез – остался больной человек.

Исчез и Коба. Он уже не был тенью, ибо не было Вождя.

Верный Коба умер. Появился Иосиф Сталин, с отличием закончивший ленинские университеты.

Часть третья Сталин: Жизнь и смерть

Тиран возникает... из корня,
называемого народным представительством.
В первое время он улыбается, обнимает всех,
с кем встречается... обещает много...
Но, став тираном и поняв, что граждане,
Способствовавшие его возвышению, осуждают его,
тиран вынужден будет исподволь
уничтожать своих осудителей,
пока не останется у него ни друзей, ни врагов. Платон

Глава 10 Бывшая тень

Встреча со Сталиным

Пленум ЦК принял рекомендованное Лениным еще до болезни решение: монополия внешней торговли должна оставаться в руках государства. Троцкий выступал главным агитатором за это решение. Он явно исполнял теперь при Ленине роль Кобы. Крупская сообщила мужу о победе его решения, и едва оправившийся после припадков Ленин диктует письмо Троцкому: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела (резолуция о внешней торговле. –

Э.Р.). Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление».

Наступление – все та же атака на Кобу. Ленин умеет бороться.

На следующий же день Каменев, испугавшийся явного сближения Троцкого с Лениным, пишет записку Сталину о контакте вождей:

«Иосиф, сегодня ночью мне звонил Троцкий, сказал, что получил записку, в которой Старик выражает удовольствие принятой резолюцией...»

Сталин отвечает: «Тов. Каменев... Как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении доктора Ферстера?» Новый тон: он уже не Иосиф, он – Генсек, никому не позволяющий нарушать партийное решение.

И тогда Сталин вызывает Крупскую по телефону и орет на нее. Попросту грубо орет.

Крупская в шоке. Вернувшись с работы домой, «она была совершенно непохожа на себя: рыдала, каталась по полу», – вспоминала Мария Ульянова.

Видимо, тогда же, в нервном срыве, Крупская не выдержала и рассказала Ленину об оскорблении. Взбешенный Ленин написал Сталину письмо о разрыве отношений.

Одновременно Крупская отправила яростное письмо Каменеву: «Лев Борисович... Сталин позволил себе по отношению ко мне грубейшую выходку. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем т. Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить, я знаю лучше всякого врача. Во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию (Зиновьеву).

– Э.Р.) как наиболее близким товарищам В.И., прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Она не сразу поняла, что произошло. Впервые в жизни жена Ленина увидела Сталина. До того она знала только верного Кобу. Но, постепенно придя в себя, Крупская сумела оценить новую ситуацию и понять свою беспомощность. И видимо, тогда же она упростила секретаря подождать отсылать Сталину ленинское письмо.

Между тем Каменев, получив письмо Крупской, понял: война Вождя со Сталиным возобновилась. Каменев отправился к Троцкому. Они обсудили ситуацию и решили... оставить Сталина!

Впоследствии Троцкий вспоминал эту сцену. «Я стою за сохранение «статус кво», – заявил он Каменеву. – Если Ленин до съезда встанет на ноги, что мало вероятно, мы обсудим этот вопрос заново. Я против ликвидации Сталина, но я согласен с Лениным по существу. Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится... Кроме того, нужно, чтоб Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями...»

Глубокой ночью Каменев сообщил Троцкому, что Сталин принял все условия и Крупская получит от него письмо с извинениями. И тогда Крупская уговорила Ленина не посылать свое письмо. «В.И. она сказала, что они со Сталиным уже помирились», – вспоминала Мария Ульянова.

Ленин согласился – он умел обуздывать порывы. Он решил сначала подготовить новое наступление и лишь тогда отослать письмо.

Но Сталин в курсе всего, что делается в ленинском доме.

Мария Ульянова: «Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет, он имел расстроенный и огорченный вид. «Я сегодня всю ночь не спал, – сказал он мне, – за кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится, как к изменнику какому-то, я же всей душой его люблю. Скажите ему это как-нибудь».

Да, он решил в последний раз притвориться Кобой.

Но важнейший урок из происшедшего он усвоил: Троцкий и Каменев так ненавидят друг друга и так боятся возвышения друг друга, что оба оставят его Генсеком. Даже вопреки воле Ленина.

Неутомимый В.И

Ленин жил в Кремле – он должен был уехать в Горки, но обильный снегопад завалил дорогу. Однако он не терял времени. Едва оправившись от приступов, Вождь продолжил сражение.

С конца декабря он тайно диктует «Письмо к съезду», которое войдет в историю как завещание Ленина. Ильич поставил условие: письмо должно быть прочтено только тому съезду, который состоится после его смерти.

В этом письме Ленин дал характеристики всем ближайшим соратникам – и у каждого отметил весьма существенные недостатки.

Наконец он перешел к Сталину. Его характеристику Вождь связал с... Троцким: «Отношения между Сталиным и Троцким составляют большую половину опасности того раскола, который был бы избегнут... увеличением числа членов ЦК... Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, Троцкий... он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и... хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Так он ударил по двум нелюбимым людям.

Документ переписывается секретарем. Черновики сжигаются. Копии укладываются в конверты с надписью «Строго секретно» и отправляются Крупской. Она должна их вскрыть только после смерти Ленина.

Но одна копия, за сургучными печатями, остается в секретариате.

Почему помешанный на секретности Вождь вдруг стал таким наивным? Как он мог поверить, что переданная в его секретариат копия останется неизвестной его соратникам? Неужели он не знал, что слуги не выполняют приказов бывших господ?

И Фотиева тотчас позаботилась: в Партархиве осталось ее письмо Каменеву: «Товарищу Сталину в субботу 23 декабря было передано письмо В.И. к съезду... Между тем уже после передачи выяснилось, что воля В.И. была в том, чтобы письмо хранилось строго секретно в архиве и могло быть распечатано только В.И. или Крупской... Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо... смотреть на него как на запись мнения В.И., которое никто не должен знать».

На письме Фотиевой пометы: «Читал Сталин. Только Троцкому». Троцкий: «О письме В.И., естественно, никому не рассказывал».

Итак, «случайно» не поняв Ленина, Фотиева тут же передает письмо Сталину, а тот... Троцкому.

Потом (как мы узнаем) Фотиева ознакомит с письмом Каменева и Зиновьева. И скорее всего – с согласия Сталина.

Почему? Там содержатся их весьма нелестные характеристики, что делает всех крайне заинтересованными в том, чтобы о письме никто не узнал. Так Сталин обеспечил себе союзников в сокрытии письма.

Но в начале января 1923 года неутомимый Ленин добавил новый текст: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который... отличался бы от Сталина только одним перевесом: был бы более терпим, более лоялен, более вежлив, более

внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

На этом Ленин не останавливается. Он начинает писать серию статей, одна из которых – резкая критика Рабкина, бывшего наркомата Сталина. Ленин умеет бороться...

Но Сталин, видимо, тотчас обо всем узнал, и в феврале доктор объявил Ленину, что ему «категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация»... «В этом запрете Ленин увидел уже не медицинскую рекомендацию, – вспоминала после смерти Сталина сразу осмелевшая Фотиева. – И Владимиру Ильичу стало хуже. Его расстроили до такой степени, что у него дрожали губы... по-видимому, у В. И. создалось впечатление, что не врачи дают указание ЦК, а ЦК дает инструкции врачам».

Но Ленин придумал, как избавиться от опеки Сталина. 5 марта он вдруг отправляет ему то самое яростное письмо по поводу уже исчерпанного инцидента с Крупской: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам выразила согласие забыть сказанное... я же не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. Копии – тт. Каменеву и Зиновьеву».

Ленин полагает, что взорвал ситуацию. Разве может надзирать за ним человек, с которым он порывает отношения? Даже если Сталин извинится, Ленин найдет, как продолжить ссору. Так что ЦК придется что-то предпринять.

Но он не знает, что Сталин просчитал и этот ход. Еще 1 февраля он попросил Политбюро освободить его от опеки над больным Лениным. Он знал, что Зиновьев и Каменев, напуганные попытками умирающего Вождя блокироваться с их врагом Троцким, не позволят Ленину уйти из-под его надзора. Так и случилось. Политбюро постановило: «Отклонить». И теперь волею партии он остался ленинским тюремщиком – до конца.

Утром Сталин получает ленинское письмо, но он спокоен. Он знает ночную новость. Ярость дорого стоила Ленину – ночью он потерял дар речи и долго шептал отрывочные слова и звуки, записанные врачами: «Помогите, ах черт... черт... ет... помог...»

«Ет» – это, видимо, тот же «черт». И хотя под утро речь к Ленину вернулась, Сталин не сомневается: черт более не поможет. Скоро!

И он тут же пишет ответ. Много десятилетий будет храниться это письмо в секретном архиве – последнее письмо бывшего Кобы бывшему Вождю: «Т. Ленин! Недель пять тому назад я имел беседу с т. Надеждой Константиновной... сказал по телефону ей приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию... между тем вы, оказывается, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича» и прочее. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое... предпринятое «против вас». Впрочем, если вы считаете, что для сохранения отношений я должен взять назад сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего, собственно, от меня хотят?»

Письмо жесткое. Пора этому полутрупцу понять: Коба умер, а Сталин не церемонится.

Но этого ответа Ленин не прочел.

10 марта Сталин узнал: удар лишил Вождя и чтения, и письма, и речи. Последний звонок прозвучал...

И тогда последовала просьба, о которой Сталин тут же сообщает письмом членам Политбюро: 17 марта Крупская «в порядке архикон-спиративном... сообщила мне просьбу Вл.

Ильича достать и передать порцию цианистого калия... Н.К. говорила... Вл. Ильич переживает невероятные страдания... Должен заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу и вынужден отказаться от этой миссии... о чем довожу до сведения Политбюро...»

Вряд ли несчастный Вождь уже мог что-то соображать. Это сама Крупская пытается исполнить его прежнюю волю – избавить мужа от мучений. И действительно, Сталин сообщает друзьям по «тройке» Зиновьеву и Каменеву, цитируя в кавычках ее слова: «Надежда Константиновна сообщила... она пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Он знает нравы своих товарищей: потом они же его обвинят. Нет, пусть Ильич потрудится – умрет сам. И члены Политбюро, естественно, одобрили это решение. Теперь Сталин был чист.

На старте

В Кремле напрямую началась битва за власть. И не только за власть – за жизнь. Каждый из претендентов умел кроваво расправляться с политическими врагами. Гражданская война и Красный террор сформировали этих руководителей. И те же ленинские университеты. В условиях «осажденной крепости», какой представлялась им страна, беспощадность была объявлена высшей добродетелью. Сколько кровавых высказываний у Зиновьева, Каменева, Бухарина... Троцкий точно сформулировал их общее кредо: «Поповско-квакерская болтовня о священной ценности человеческой жизни». Так что каждый из них знал, какой может стать цена поражения...

Только Сталин был крайне осторожен в призывах к крови. По сравнению с ними он казался самым умеренным. За ним не было кровавых слов. Только дела. Как правило – тайные дела.

Как расположились претенденты? Первым, бесспорно, стоял Сталин. У него не было той славы, которая была у Троцкого. Да, мало славы – зато много власти. Ленин сосредоточил в его руках власть над партией, а в руках партии – власть в стране. В его распоряжении находятся центральный аппарат и местные комитеты, 15 тысяч партийных функционеров, диктующих политическую и хозяйственную жизнь, – его ставленники.

Далее следовал тандем Каменев – Зиновьев. Первый – глава Московского Совета, заместитель Ленина в Совнаркоме – «лошадка исключительно способная и ретивая, которая два воза везет», как говорил о нем Ленин. Второй – глава Петрограда, он же возглавляет Коминтерн.

Далее – Троцкий. Он руководит военными силами Республики. Но армия демобилизована и сокращена. Ленин позаботился: «брат-враг» теперь – самый невлиятельный, наиболее удаленный от ключевых постов. И все-таки за Троцким ореол второго вождя революции...

И наконец – Бухарин, редактор «Правды», ведущий теоретик партии. Он не конкурент, но очень важно, к кому он примкнет.

Троцкий рванул со старта раньше всех. 13 марта публикуется в газетах первый осторожный бюллетень «об ухудшении здоровья Ленина», и уже на следующий день в «Правде» появляется статья ближайшего сподвижника Троцкого Карла Радека «Лев Троцкий – организатор побед». Для обывателей и рядовых членов партии это должно было выглядеть сигналом: Троцкий – преемник Вождя.

Троцкий поспешил к будущему съезду.

В апреле состоялся XII съезд партии, последний съезд, не до конца сформированный Сталиным. На нем сторонники Троцкого старательно распространяют слухи о некоем завещании Ленина, где Лев Давидович назначен его преемником...

Троцкий выступает с блестящим докладом о промышленности – гром оваций. «Неприлично, так Ленина не встречали», – замечает Ворошилов. Успех Троцкого вызывает ярость завистливого Зиновьева и испуг Каменева. Доклад сделал свое дело – страх перед Львом заставляет Каменева, Зиновьева и Бухарина окончательно соединиться с Генсеком, ибо Сталин – сила, которая может противостоять опаснейшему Льву.

Так Троцкий сам сформировал антитроцкистскую группу.

В мае прекращается печатание бюллетеней о здоровье Ленина. Стране сообщают: угроза смерти миновала. Люди начинают верить, что Вождь вернулся к работе. Это выдумка Сталина. Специальным решением ЦК он вводит «контроль за всякой информацией о здоровье Ильича». Даже Троцкий вынужден черпать сведения от доктора Гетье, лечившего Ленина и его самого. Однако Сталин удаляет врача от Ленина.

В мае Ленина перевезли в Горки. Его вынесли на носилках из автомобиля. Несчастный Вождь улыбался непонимающей улыбкой идиота. «Он крепко жал мне руку, я инстинктивно поцеловал его в голову, но лицо!!! Мне стоило огромных усилий, чтобы... не заплакать», – вспоминал Преображенский.

По поручению Генсека сделаны фотографии Ленина в тот период и приглашен художник Анненков рисовать последний портрет. «Полулежащий в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его болезни», – записал Анненков. Сталин хочет иметь свидетельства: в последний период жизни Ленин был слабоумным. Тогда и последние ленинские записи можно объявить плодом слабоумия...

«Но Крупская запретила рисовать», – пишет Анненков.

В Партархиве я прочел трагические письма Крупской. 6 мая 1923 года она писала дочери умершей возлюбленной Ленина, Инессы Арманд: «Ты упрекаешь меня, что я тебе не пишу, но ты совершенно не представляешь, что у нас делается... тому, что происходит сейчас, нет названия... И люди все ушли – выражают сочувствие, но заходить боятся. Живу только тем, что по утрам Володя бывает мне рад, берет мою руку, да иногда мы говорим с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия».

Но в июне Сталин с изумлением узнает: Ленин не только выжил – он начинает поправляться!

Сам Генсек в Горки более не приезжает и никого туда не пускает, мотивируя это нежеланием больного. Ленин по-прежнему не говорит, однако усердно занимается. В Партархиве хранятся тетради со странными текстами: «Это наша собака. Ее зовут Джек. Она играет...» Это тексты, по которым Крупская учила Вождя говорить. Наиболее успешно Ленин воспроизводил слова: «пролетарий, народ, революция, буржуй, съезд».

«Усвоенный речевой материал» исчезал из памяти, зато «понимание речи окружающих восстановилось», и анализ действительности уже не вызывал затруднений... Например, для Ленина, любившего собирать грибы, «заранее набрали их и рассадили по дорожке, по которой его обычно провозили на коляске». Но гриб, тронутый его палкой, тотчас повалился. Эта недооценка его интеллектуальных способностей вызвала у Вождя «резкое раздражение».

Все эти наблюдения врачей внимательно читал Генсек. Сообщали ему и о грозных припадках гнева, которые повергали в трепет окружающих. Ленин уже торопился выздороветь. Крупская вспоминала: «Я ему говорила: «Вот речь восстанавливается, только медленно. Смотри на это как на временное пребывание в тюрьме».

Ленин знал, что он в тюрьме, и, видимо, яростно думал, как из нее выбраться.

В это время уже всю работу сталинский секретарь Товстуха – собирает документы Ленина. В Партактиве я нашел мандат, выданный Товстухе для изъятия документов Ленина из архивов его соратников. Сталин готовил новую шахматную партию, и в его игре эти бумаги будут бесценны.

А пока по Москве начинают гулять анонимные брошюры типа «Маленькой биографии большого человека». В них на основании ленинских цитат доказывается: Троцкий всегда был против Ленина.

Эта «клозетная литература», как презрительно назвал ее Троцкий, распространяется и в провинции. Действует Товстуха...

«С жиру беситесь, друзья мои»

Летом 1923 года вожди отбыли отдыхать. Зиновьев и Бухарин отправились в Кисловодск, оставив в Москве Каменева.

Генсек, конечно же, сидит в изнывающей от жары Москве. Не до отдыха – работа, бесконечная работа. К тому же его тревожит странное улучшение здоровья Вождя.

В летнем перерыве борьбы с Троцким Зиновьев и Бухарин решают нажать на Сталина – заставить его поделить власть. Отдыхающие пишут ему шуточно: «29.07.23... Два обывателя предлагают ввести в секретариат для консолидации Зиновьева, Троцкого, Сталина».

Но содержание письма нешуточное: они задумали уравнивать шансы. В этом случае, чтобы побеждать ненавидящего его Троцкого, Сталин будет вынужден постоянно блокироваться с Зиновьевым, то есть выполнять решения «тройки». Он мог только усмехнуться: нашли глупца!

Тогда же Зиновьев пишет Каменеву: «И ты позволяешь Сталину так прямо издеваться (далее он сообщает бесконечные факты самоуправства Сталина, пока они отдыхают. –

Э.Р.)... Мы этого терпеть больше не будем...»

Конечно, Генсек в курсе их переписки. Верное ГПУ уже следит за каждым из них. Но он знает средство заставить их успокоиться. Он пишет Бухарину и Зиновьеву: «Не пойму, что я должен сделать, чтобы вы не ругались. Было бы лучше, если бы вы прислали записочку – ясную и точную. Все это, конечно, в том случае, если вы в дальнейшем за дружную работу (я... стал понимать, что вы не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное)... Действуйте, как хотите. Дней через 8—10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего.

Постскриптум. Счастливые вы, однако, люди. Имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы... а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая. Причем я же оказываюсь виноватым. Этак можно известить хоть кого. С жиру беситесь, друзья мои. И. Ст.».

Средство действует безотказно. Упоминание об отставке смертельно пугает. Если уйдет Сталин – может прийти Троцкий. То же он сможет проделать и с Троцким, который также знает: уйдет Сталин – придут Зиновьев и компания. Да, они боятся его – «грубого, примитивного грузина», но куда больше боятся друг друга. Он легко просчитал: их страх и взаимная ненависть обеспечат нужный ему финал шахматной партии.

И Зиновьев с Бухариным тотчас пишут ему: «Разговоры о разрыве – это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи. Куда Вы думаете ехать отдохнуть? Привет».

Он хорошо изучил этих господ. Дело не в одном их страхе перед Троцким, есть и другой страх – перед работой. Они не любят тянуть лямку, предпочитают представлять. А работать должен он.

Что ж, он будет работать. Тогда же он пишет им письмо – о слухах насчет ленинского «Письма к съезду». Он все знает о письме, но хочет понять, что знают они.

10 августа 1923 года Зиновьев и Бухарин пишут Сталину: «Да, существует письмо В.И., в котором он советует съезду не выбирать вас секретарем. Мы, Бухарин, Каменев и я, решили пока вам о нем не говорить по понятной причине... мы не хотели вас нервировать. Но это все частности. Суть:

Ильича нет. Секретариат ЦК поэтому (без злых желаний ваших)... на деле

решает все. Равноправное сотрудничество при нынешнем режиме невозможно. Отсюда поиски лучшей формы сотрудничества. Ни минуты не сомневаемся, что сговоримся».

Они все еще надеялись, что он добровольно отдаст созданный им аппарат! Представляю, как он усмехался...

Но одна вещь его беспокоила. Они думали, что Ильича больше нет, а он с ужасом видел: Ленин начинает выздоравливать!

«С июля пошло выздоровление, появилась возможность не только сидеть, но и ходить, опираясь на палку... речь начала возвращаться именно в октябре», – писала Крупская.

И тогда же, в октябре, произошел удивительный эпизод, который должен был поразить Сталина: Ленин появился в Москве.

Но сразу после возвращения в Горки вновь настали ужасные дни: выздоровление прекратилось, и Ленин начал умирать.

Будто что-то случилось во время этой поездки...

Кремлевская тайна

Крупская: «В один прекрасный день он сам отправился в гараж, сел в машину и настоял ехать в Москву... Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком.

Разобрал свои тетради, отобрал три тома Гегеля... потом захотел поехать по городу. На другой день стал торопить обратно в Горки. Больше о Москве разговора не было».

Но в автомобиле с Лениным была не только верная жена. Крупская не упоминает, что вместе

с ними ехала Мария Ульянова. И это не простая забывчивость.

Все тот же Валентинов опубликовал переданный ему рассказ Марии Ильиничны: «Всю дорогу из Горок Ленин подгонял шофера, чего прежде никогда не делал... Выйдя из своего кабинета в Совнарком, Ленин потом прошел в свою квартиру,

долго искал там какую-то вещь и не нашел. Ленин пришел от этого в сильнейшее раздражение, у него начались конвульсии». По приезде Ульянова рассказала об этом доктору, его вызвала Крупская: «В.И. болен и может в несколько искаженном виде представлять явления. Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то письма и документы у него украдены. Такой слух может принести только большие неприятности. Я прошу вас забыть все, что говорила Мария Ильинична...

Об этом она вас тоже просит».

Но что же было в ленинском кабинете? Что искал Ленин?

Ленинское «Письмо к съезду» оставляет странное впечатление какой-то явной недоговоренности.

К примеру, он пишет о необъятной власти, оказавшейся у Сталина, выражает опасения, что тот не всегда сумеет «достаточно осторожно ею пользоваться». И что же – снять с поста? Нет, Ленин этого не предлагает. Более того, будто для доказательства, что Сталина нечем заменить, он дает нелестные характеристики остальным партийным вождям... Значит, не снимать? Но что делать? Оказывается, надо лишь «увеличить число членов ЦК за счет рабочих». Выходит, рабочие и должны обуздать властолюбие Сталина и партийных боссов? Неужели Ленин мог быть так наивен?

Впрочем, после сталинской грубости с Крупской Ленин дописывает новый абзац, где уже требует «перемещения Сталина с поста Генсека». И все? Никакой рекомендации – кем заменить? Никакого имени? Но это же означает хаос! Не может Вождь оставлять партию без точных указаний! Они должны были быть! Но где они? Почему их нет?!

И еще: не мог же Ленин в этом своем последнем письме, уделив внимание национальному вопросу, не написать подробно об экономике? В результате пришлось выискивать его идеи на эту тему в последних статьях, которые будут торопливо объявлены Крупской его истинным завещанием, что, кстати, совершенно неправомерно, ибо согласно традициям партии все, что годится для печати, как правило, является лишь тактикой, то есть обманом. Истинные цели – стратегия – обычно скрыты, они известны лишь посвященным. Они – в сверхсекретных инструкциях, распоряжениях.

Опытный политик, Ленин не мог не понимать также, что его письмо в подобном виде может попросту не дойти до партии. Уничжительные характеристики, которые он щедро роздал всем наследникам, объединят их в желании скрыть его. Что, кстати, и случилось. И когда американский коммунист Истмен рассказал о «Письме к съезду», Троцкий тотчас объявил: никакого письма не существует.

И еще странность: лучше всех в этом письме выглядит... Сталин! Он единственный, кого Ленин обвиняет лишь в грубости, нетерпимости. Но грубость никогда не считалась недостатком в пролетарской партии, а приписка Ленина о перемещении Сталина могла быть расценена всего лишь как эмоциональный всплеск – результат конфликта с Крупской. Неужели блестящий журналист Ленин, жаждущий снять Сталина, всего этого не понимал? Понимал, не мог не понимать. Тогда что же?

Скорее всего, дошедший до нас текст – лишь часть письма... Опытный конспиратор, Ленин специально оставил этот вариант в секретариате, догадываясь о ненадежности сотрудников.

Это был текст для Сталина.

Существовал, видимо, иной, более полный текст.

Ленин мог хранить его в потайном месте – в своем кабинете в Кремле. В этом тексте, возможно, и были предложения съезду, такие, как, например, популярная идея о замене Генсека тройкой секретарей – Троцкий, Зиновьев и Сталин. Подобное предложение начисто уничтожало влияние Сталина.

Возможно, именно об этом полном тексте рассказывал художник Анненков. После смерти Вождя он работал в Институте Ленина. (Кстати, он там видел банку с ленинским мозгом и был поражен: одно полушарие было здоровым и полновесным, другое – сморщенное, не больше грецкого ореха.) Там он и прочел черновики последних записей Ленина, совершенно его изумившие. Это были рекомендации, как обмануть «глухонемых» – так Ленин называл европейских капиталистов. Анненков передает текст своими словами: «В погоне за прибылью капиталисты всего мира захотят завоевать советский рынок, ослепленные жаждой наживы, они будут готовы закрыть глаза на нашу действительность, превратиться в глухонемых. Таким путем мы получим от них продукты и деньги, чтобы создать армию, их капиталы доведут ее до совершенства для будущей победоносной атаки против наших же кредиторов. Заставим глухонемых трудиться для их собственного уничтожения, но для этого надо сначала окончательно превратить их в глухонемых». И там же набросан план: нэп, фиктивное отделение правительства от партии, восстановление отношений со всеми странами – «сделать все, чтобы глухонемые поверили» – и прочее, и прочее...

Этот полный текст «Письма к съезду» Ленин, видимо, и приехал проверить в Кремль.

Но и Генсек был опытным конспиратором. Он уже «проверил» кабинет Вождя... Из-за этого, судя по всему, и случились конвульсии у несчастного Ленина. Вот последние строки предсмертной записки Марии Ульяновой: «В.И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-то сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых он считал, что Сталин должен быть убран с поста Генсека. Об этом он определенно сказал в своем политическом завещании, которое так и не дошло до партии, но об этом в другой раз...»

Но «другого раза» не было – Мария вскоре умерла. Или... все же был? И был ею записан рассказ об исчезнувшем завещании? Не заплатила ли жизнью Мария Ульянова за этот «другой раз»?

Глава 11 Конец вождей Октября

Троцкий нападает

Троцкий понял ужас наследства, оставляемого умирающим Вождем. Секретная резолюция о недопустимости фракций дает его врагам возможность всегда заткнуть ему глотку при помощи простого большинства. А оно обеспечено – Генсек уже организовал его. И Троцкий пишет письмо в ЦК. Вчерашний поборник самых жестоких методов требует партийной демократии. Одновременно в ЦК направляется «Письмо сорока шести» от известных членов партии, повторяющее письмо Троцкого. Уши Льва явно торчат.

Среди этих новых сторонников демократии – Александр Белобородов (один из руководителей Красного Урала и организатор расстрела царской семьи в Екатеринбурге, а ныне заместитель Дзержинского) и другие беспощадные большевики. Генсек насмешливо им отвечает: «В рядах оппозиции имеются такие товарищи, как тов. Белобородов, демократизм которого до сих пор остается в памяти у российских рабочих, Розенгольц, от демократизма которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам, Пятаков, от демократизма которого не кричал – выл Донбасс...»

И он перечисляет многих подписавшихся, вспоминая их совсем недавние кровавые дела.

Но союзники по «тройке» испуганы, не уверены в себе. Сталин чувствует их страх перед Троцким и, идя навстречу их желаниям, гасит выступление Троцкого обещаниями следовать выборным традициям в партии и прочими хорошими словами. Но он достаточно изучил своего врага: уступки его только раззадорят. И точно: «вечно воспаленный Лев Давидович», как насмешливо называют его противники, присылает в «Правду» свою статью «Новый курс». Троцкий вновь обличает: «Руководство вырождается в простое командование. С этим старым курсом надо покончить и взять новый курс. Перерождение нашей старой гвардии не исключено (имеются в виду Сталин, Зиновьев, Каменев и прочие. –

Э.Р.). Надо взять курс на молодежь».

Так Троцкий заставил пойти в бой трусливых соратников Сталина. Последовали резкие ответы Каменева и Зиновьева. Высказался и Бухарин: «Большевизм высоко ценил и ценит аппарат». Началась открытая дискуссия. «Партию лихорадило. Дискуссии продолжались целыми ночами», – писал Зиновьев. Страна с изумлением читала газеты: партия, постоянно твердившая о своем единстве, исходила в спорах. Спорили о необходимости демократии в партии – на глазах страны, задавленной террором этой партии. Мой отец рассказывал: он и его друзья были уверены, что все эти дискуссии – какой-то ловкий фарс, за которым последуют новые беды для интеллигенции.

К восторгу своих союзников, Сталин впервые демонстрирует силу созданного аппарата. В январе 1923 года была проведена партийная конференция, впервые собранная самим Сталиным, которая беспощадно осудила Троцкого и оппозицию. Было решено опубликовать дотеле секретную ленинскую резолюцию об исключении из партии за фракционность.

Генсек доказал силу организации. Троцкий всегда действовал один – в 1917 году воспользовался организацией, созданной Лениным. И сейчас рассчитывал победить наскоком. Но XX век – не век одиночек...

Смерть и вознесение Ленина

С октября Ленин начал стремительно приближаться к смерти. И бывший блестящий ученик Духовной семинарии придумывает невиданную пропагандистскую акцию под названием «Уход мессии». Он давно понял эту страну, вечно ждущую Бога и Царя – и при Романовых, и в революцию, и в прошлом, и в будущем. (Мы еще услышим от него самого эти мысли.) И он решил дать ей взамен ниспровергнутого большевиками Бога – нового. Атеистического мессию – Боголенина.

Уже с осени он подготавливает «вознесение на небо», направляет в Горки делегации. Церемония прощания с большевистским мессией началась: трудящиеся дают слово уходящему богу продолжить его бессмертное дело. Прощаются бойцы героической Красной армии – умирающего Ленина навеки зачисляются в почетные красноармейцы и дарят ему

сверток с обмундированием. 2 ноября полумертвому Ленину приходится принять пролетариат – представителей Глуховской мануфактуры. Старый рабочий произнес приветствие-эпитафию: «Я кузнец... мы скуем все намеченное тобою».

Ленину еще предстояло жить несколько месяцев, когда Генсек заговорил на Политбюро о его похоронах: «Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции». И сообщил об удивительной просьбе этих «товарищей из провинции»: «Не хороните Владимира Ильича, необходимо, чтоб Ильич физически оставался с нами».

Присутствовавший при этом Троцкий с ужасом понимает: атеиста Ульянова Сталин собирается превратить в мощи для поклонения. Молотов вспоминал: «Крупская была против, решением ЦК мы это сделали. Сталин настаивал».

Он настоял. И породил нетленного марксистского бога.

Он все предусмотрел. Когда смерть бога приблизилась, врачи порекомендовали болевшему тогда Троцкому уехать лечиться.

Удалив Льва, Сталин следил, чтобы никто из оставшихся вождей не ездил в Горки – вдруг кто-то окажется у постели мессии в миг, когда тот начнет уходить в вечность. И сможет придумать мычащему умирающему какие угодно последние слова!

Но все случилось именно так, как он боялся.

Около постели Ленина оказался Бухарин, который лечился здесь же, в Горках: «Когда я вбежал в комнату Ильича... он делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побледнело, раздался хрип, руки повисли».

Сталин исправил ошибку Бухарина: он попросту вычеркнул его из сцены смерти... И уже вскоре Зиновьев в своей статье писал: «Ильич умер... через час мы едем в Горки уже к мертвому Ильичу: Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я».

Так Бухарин был «переселен» в Москву.

Троцкий впоследствии будет говорить о сталинском яде. Нет, яд был ни при чем. Профессор В. Шкловский в архивах своего отца М. Шкловского нашел свидетельства врачей В. Осипова, лечившего Ленина, и С. Доброгаева, логопеда, занимавшегося восстановлением его речи. Там было, в частности, написано: «Окончательный диагноз отмечает версии о сифилитическом характере болезни Ленина или об отравлении его мышьяком. Это был атеросклероз с преимущественным поражением сосудов мозга. Они настолько обизвестились, что при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по каменным. От этой болезни умерли и родители Ленина».

Но версия об отравлении Ленина никогда не умрет. Слишком многих убил Сталин, чтобы можно было поверить, будто не он отправил в могилу своего грозного врага.

Готовятся похороны Ленина. И Троцкий получает телеграмму: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что вам по состоянию здоровья необходимо ехать в Сухум. Сталин».

На самом деле похороны назначены на воскресенье. Но это была не просто ложь. Есть бог, и есть его верные и неверные ученики. Неверные, оскорблявшие бога при жизни, не смеют присутствовать при таинстве похорон.

Сталин разработал величественный план похорон бога. Торжественно прибыло Тело. Паровоз и вагон, в котором прибыли священные останки, будут поставлены на вечную стоянку в здании, одетом в гранит и мрамор... И вот уже верные ученики бога преданно несут драгоценное Тело от вокзала через всю Москву к Дому союзов. Мало кто уцелеет из несущих этот «гроб господень». Почти всех уничтожит Сталин...

В семь часов вечера открыт доступ в Колонный зал. Боголенин лежит в защитном френче. И Сталин во френче стоит над ним в почетном карауле. Всю ночь идут люди. Невероятная стужа, жгут костры. Морозная мгла и пар от дыхания обволакивают людей.

Утром 22 января было произведено бальзамирование. Его сделали на короткое время, чтобы дать возможность народу несколько дней прощаться с мессией в Колонном зале.

Но Сталин задумал фантастическое предприятие: большевики могут победить даже смерть. Организуются тысячи телеграмм трудящихся с просьбой отложить похороны. И тогда, учтя пожелание миллионов, «было принято решение сохранить гроб с телом Ленина в специальном Мавзолее на Красной площади у Кремлевской стены». Одновременно «по просьбе рабочих Петрограда» столица империи Романовых стала называться Ленинградом.

К концу января над гробом возведен деревянный Мавзолей по проекту А. Щусева. Сталин разрабатывает детали нового культа.

По всей стране должны появиться ленинские «красные уголки». Когда-то в «красном углу» в русских избах вешали иконы. Теперь будут висеть портреты Боголенина.

За закрытыми дверями Мавзолея начинается осуществление невиданной сталинской идеи. Ученые заявляют: современная наука не обладает средствами сохранения тела на сколько-нибудь продолжительное время. Но анатом Владимир Воробьев и молодой биохимик Борис Збарский берутся совершить такое бальзамирование.

Тайна бальзамирования... Египетские мумии, тела Александра Македонского и иудейского царя Аристобула, которые долго сохранялись в меду... Теперь – Ленин.

Круглые сутки работали ученые. И Сталин несколько раз сам спускался в Мавзолей. К XIII съезду партии он получил результат. Председательствующий Каменев на второй день объявил, что после утреннего заседания делегаты вновь увидят бессмертный облик.

Процессия направляется в Мавзолей. Делегаты потрясены. На вопрос Збарского: «Сохранилось ли сходство?» – брат Ленина ответил: «Ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я видел его после смерти».

Вот так Сталин подарил Ленина первому съезду без Ленина.

Создав Империю, он перестроит жалкий деревянный Мавзолей. Мрамор, порфир, лабрадор, колонны из разных пород гранита – таково будет жилище нетленного бога, главный храм атеистической Империи. Крупская, жившая на территории Кремля, часто заходит в Мавзолей. Збарский рассказывал: «За полгода до смерти она пришла, долго всматривалась, потом сказала: «Он все такой же, а я так старею».

На Западе в «вечно живого» поверили не все, заявляли, что в Мавзолее лежит восковая кукла. И в 30-е годы Сталин поручил своим ученым доказать группе западных журналистов мощь партии, победившей смерть.

Биограф Ленина Луис Фишер, находившийся в числе журналистов, описывал: «Збарский открыл витрину, содержащую мощи, ущипнул Ленина за нос, повернул его голову направо и налево. Это был не воск. Это был Ленин».

Иконоборец, превращенный в мощи. Ирония истории...

Итак, он дал народу нетленного бога. Предстояло дать царя.

Они сами этого хотели...

На XIII съезде партии должно было быть зачитано ленинское «Письмо к съезду». Накануне Крупская торжественно передает в ЦК запечатанные сургучом пакеты.

Когда членам ЦК зачитали эти листочки, реакцией были «непонимание, испуг», как писал Емельян Ярославский. И это была правда: члены ЦК не могли понять, чего хотел Ленин, почему он ругает всех вождей, никого не предлагая взамен, почему надо гнать Сталина из Генсеков, если его не в чем упрекнуть, кроме грубости? Все знали, что не «Сталин сосредоточил власть», а Ленин сосредоточил власть в его руках. К тому же было неловко: выходило, что за этими нападками – простая обида жены Ильича. Так что это легенда – об ужасе Сталина перед письмом, о том, как спасал его Каменев. Напротив, Сталин мог быть спокоен: в письме он выглядел куда лучше остальных вождей.

Каменев сказал то, что думали все: болезненное состояние «дорогого Ильича» не позволило ему быть во всем справедливым, а так как Сталин уже признал недостатки своего характера, отмеченные Лениным, и, конечно, их исправит, следует исходить из возможности оставить его на посту Генсека.

Итак, «заботясь об авторитете Ленина», было решено: эти «болезненные документы» широкой огласке не подлежат. Их чтение будет производиться только по делегациям.

Подобранный Сталиным съезд при поддержке Каменева и Зиновьева легко «скушал» письмо. Троцкий хранил молчание.

После съезда был пленум ЦК, избравший Генсека. И тогда Сталин сделал свой любимый ход: попросил об отставке – ведь так хотел мессия, а воля Боголенина для него священна. Дальше все случилось, как он и ожидал: все – и Троцкий, и Каменев, и Зиновьев – в ненависти друг к другу единодушно голосуют, чтобы он остался. Вот так он стал Генсеком – по их желанию. Теперь он сможет им всем сказать: вы этого сами хотели!

31 января 1924 года, сразу же после смерти Ленина, он объявил массовый «ленинский призыв» в партию. Боголенин как бы из гроба воззвал к народу.

240 тысяч новых членов получила партия. В результате к 1930 году почти 70 процентов в ней составят «призывники» Генсека. Так он готовит партию для своей игры.

В конце 1924 года Троцкий затевает новое сражение. «Уроки Октября» – так называлась его большая лукавая статья. Она славилась ушедшего Боголенина за то, что он воскресил теорию перманентной революции Троцкого, сумел взнудать инертную партию и привести ее (вместе с Троцким) к победе, несмотря на трусливое поведение Зиновьева и Каменева. Так Троцкий еще раз напомнил всем: он – Вождь Октября, Зиновьев и Каменев – трусы, а Сталин – вообще ни при чем. И партия всегда была инертна. Отсюда вывод: разве можно подчиняться ее большинству?

Это было самоубийство. Зиновьев и Каменев бросились на слабого Льва. Сталин включился в яростный хор. Забыв прежние свои высказывания, он преспокойно заявил: «Никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьской революции не играл и не мог играть тов. Троцкий». Что ж, уроки Ленина: все дозволено Вождю...

Началась кампания отлучения Льва от мессии: бесконечно вспоминаются разногласия Троцкого с Боголениным. Троцкий возражает: «Да, я шел к Ленину с боями, но пришел к нему полностью и целиком...» Он – как бывший грешник, ставший апостолом Павлом.

Теперь Сталину нужно доказать: не пришел! Генсек вводит в бой главного идеолога – Бухарина, и тот находит новые убийственные для Троцкого аргументы в последних статьях Ленина.

Прежде Ленин часто говорил о невозможности построения социализма в одной стране, и Троцкий вслед за ним повторял эту «азбучную истину марксизма». Но Бухарин с торжеством цитирует последнюю ленинскую статью «О кооперации», где тот писал: «Все условия для построения социализма в России есть». И еще много чего нашел Бухарин в последних статьях Ленина: например, Ильич писал о союзе с крестьянством – Троцкий же повторял старые ленинские идеи о враждебных столкновениях. Троцкий не смел объяснить, что все последние статьи Ленина – лишь тактический ход, что они написаны для временного нэпа, для обмана «глухонемых»! Ведь бог не может лукавить...

Так «вечно живой Ильич» уже из Мавзолея помог добить своего вечного друга-врага.

На пленуме ЦК Зиновьев и Каменев предложили исключить Троцкого из партии. Но против выступил... Сталин! К изумлению жаждущих крови союзников, он уговаривает пленум не только не исключать Троцкого, но даже оставить его членом Политбюро.

Не понимают союзники: шахматная партия только разворачивается. Еще не пришла пора убрать когда-то мощную фигуру. Напротив – теперь наступила их очередь уйти с доски. И Троцкий, их ненавидящий, может пригодиться Генсеку в борьбе против победителей. А они тогда считали себя победителями – эти глупцы.

Но, оставив Льва в Политбюро, он обломал ему когти: Троцкий теряет пост председателя Реввоенсовета. Основатель Красной армии – удален из армии.

Из письма А. Колоскова: «Бежавший на Запад сталинский секретарь Бажанов правдиво описывает финал Троцкого. Мой отец рассказывал буквально то же... Троцкий произнес громовую речь и бросился к выходу. Он решил уйти, хлопнув дверью. Но заседание происходило в Тронном зале дворца, дверь оказалась слишком тяжелой. Получилось смешно – жалкий человек сражался с дверной ручкой...

Но не все было так весело. Накануне сторонники Троцкого предложили ему, тогда еще руководителю армии, арестовать Сталина, Зиновьева и других как изменников делу революции. Разговор произошел вечером. Наступила ночь, но Троцкий не давал ответа. В это время в другом лагере уже все знали. Это была жуткая ночь. Сталин в углу сосал свою трубку и вдруг – исчез. Зиновьев в истерике требовал Сталина, его искали, но безуспешно... На рассвете Троцкий объявил сподвижникам: он отказывается. Он не может допустить, чтобы партия обвинила его в самом страшном для революционера грехе, в бонапартизме: ведь главный закон партийцев – политическая деятельность вне партии контрреволюционна. Обращение к народу или к армии приведет к возникновению нового Наполеона и погубит партию. Троцкий был величайшим догматиком – он повел себя как волк, не смеющий уйти за красные флажки и предпочитающий вместо этого пулю».

Сталин появился утром – так же внезапно, как и исчез.

Дальше он делал ходы быстро. Во главе армии им был поставлен Михаил Фрунзе. Он не был человеком Сталина, поэтому Зиновьев и Каменев поддержали назначение. Сталин поручил Фрунзе реформировать армию. От прежней вольницы остались только командирские кадры, новая армия была создана из призванной осенью крестьянской молодежи. Ну а дальше... Фрунзе страдал язвой. После обострения решением Политбюро ему сделали сомнительную операцию. Фрунзе умер на операционном столе. Жена, убежденная, что его зарезали, покончила с собой.

Руководить Красной армией стал верный слуга Генсека – Клим Ворошилов. Комбинация успешно завершилась. Розовый, похожий на приказчика Ворошилов ненавидит блестящего Тухачевского, которого опасно называют Наполеоном, стало быть, война между ними неизбежна. Ворошилов ненавидит и Троцкого – он не забыл царицынских унижений. Так что впереди беспощадная чистка армии от троцкистов. Назначение удачное...

Правые – правы... пока

Пришла очередь Зиновьева и Каменева.

В союзники Сталин взял последнего оставшегося вождя – Бухарина, главу направления, которое в партии именовалось правым. Он и его сподвижники – руководитель профсоюзов Томский и председатель Совнаркома Рыков – за мирное неторопливое развитие, продолжение нэпа, союз со средним крестьянством, против коллективизации, сверхиндустриализации, борьбы с кулаком. Бухарин щедро цитирует последние статьи Ленина – теперь все должно быть подкреплено ссылками на бога. Впрочем, у его врагов достаточно прямо противоположных по смыслу цитат – и тоже из бога.

14 апреля 1925 года в «Правде» была напечатана статья Бухарина с лозунгом, обращенным к крестьянству: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут». Страна вздохнула с облегчением: с падением Троцкого явно наступали хорошие перемены. Но лозунг ошарашил старых партийцев: богатый крестьянин – это нокаут Великой утопии! Каменев потребовал объяснений у Сталина, тот молчал, загадочно курил свою трубку. Зиновьев и Каменев решили: пора попытаться одернуть Бухарина. Уничтожая его, они припугнут и Сталина.

Так он заставил этих глупцов выступить открыто. Теперь Зиновьев и Каменев все время обстреливают Бухарина. А Сталин помалкивает. Ждет.

Окончательное сражение развернулось на XIV съезде. Зиновьев объявил: «В партии существует опаснейший правый уклон. Это недооценка опасности кулака, деревенского капиталиста. Кулак, соединившись с городскими капиталистами-нэпманами и буржуазной интеллигенцией, сожрет партию и революцию».

Все эти мысли Зиновьева Сталин почти дословно выскажет через несколько лет, когда уже сам будет уничтожать Бухарина и правых... Но сейчас – очередь Зиновьева и Каменева. И он страстно защищает Бухарина: «Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови!» (Аплодисменты.)

Через тринадцать лет идущий на расстрел Бухарин вспомнит эти слова...

Но уже тогда прозвучала грозная для правых реплика Сталина: «Если спросить коммунистов, к чему готова партия... я думаю, из 100 коммунистов 99 скажут, что партия более всего подготовлена к лозунгу «бей кулака».

Да, защищая Бухарина, он отлично знал: партия жаждет продолжения революции и расправ с ненавистными капиталистами, с ненавистным нэпом – изменой Великой утопии... Так что уже тогда, думая о будущих ходах, он не сомневался: с правыми он расправится при овациях партии.

А пока все забавно повторялось: беспощадных репрессий, которых вчера Зиновьев и Каменев требовали против Троцкого, нынче потребовал против них самих интеллигентнейший Бухарин.

Весь XIV съезд прошел под удивительный аккомпанемент. Когда-то, при разгоне Учредительного собрания, Ленин использовал оружий зал. Теперь Сталин успешно применяет его опыт.

Вот Каменев тщетно пытается перекричать беснующийся зал: «Вы меня не заставите замолчать, как бы громко ни кричала группка товарищей... Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба. Мы против теории единоначалия, против того, чтобы создавать вождя».

Зал в ответ орет: «Неверно! Чепуха! Сталина! Сталина!» Вся стенограмма – это постоянный голос зала, как бы олицетворяющего народ, низы партии.

Съезд, набранный Генсеком, не просто послушен. Делегаты уже не верят в убеждения спорящих на трибуне. Еще вчера Зиновьев и Каменев со Сталиным выступали против Троцкого, сегодня Зиновьев и Каменев с Троцким выступили против Сталина. Диктатор Ленинграда кровавый Зиновьев, требующий сейчас демократии, так же странен, как требовавший демократии диктатор Троцкий. Хитрый Микоян все это сформулировал так: «Когда есть большинство у Зиновьева, он за железную дисциплину, когда нет – он против».

Делегаты уже поняли: это просто борьба за власть.

С идеями покончено. Зал с готовностью демонстрирует свое единство со Сталиным – оно хотя бы выгоду приносит.

Крупская попыталась быть независимой – она выступила в поддержку Зиновьева и Каменева, говорила о том, что большинство не всегда право, вспоминала поражение Ленина на стокгольмском съезде... Сталин вежливо возразил ей с трибуны и куда менее вежливо выразился в кулуарах: «Если она ходила в один нужник с Лениным, то это еще не значит, что она понимает ленинизм».

Но на трибуне он – воплощение миролюбия, умеренности. «Метод отсечения, метод пускания крови заразителен. Сегодня одного отсежем, завтра другого... А что же у нас останется от партии?» – так говорил он, добрый и терпимый, на XIV съезде партии.

Вот он цитирует написанную Лениным резолюцию XI съезда, где говорится о мерах против функционеров вплоть до исключения их из партии. «Надо осуществить! Сейчас же!» – неистовствует зал. Но он: «Подождите, товарищи, не торопитесь»... Это его нынешняя роль – умиротворителя, мудрого, спокойного, отнюдь не жаждущего крови руководителя. Собственноручно написанная роль в поставленном им же зрелище.

Каменев и Зиновьев осуждены 559 голосами против 65. Полным их поражением при новом сопровождении – криках одобрения – заканчивался послушный Сталину съезд. Созданная им система отбора депутатов сработала великолепно.

Счастливым Бухарин и его единомышленники, победившие своих врагов, славили эту систему, как еще совсем недавно славили ее Каменев и Зиновьев, победившие на предыдущем съезде своего врага Троцкого.

Все они ничего не поняли... Только потом станут ясны правила игры Сталина: он делился властью, но не более чем на один съезд. На один ход.

Троцкий в полемике не участвовал, насмешливо наблюдал, как Сталин «ловко напялил колпак оппозиционеров на своих вчерашних союзников». Во время партийных заседаний он теперь демонстративно читал французские романы.

Примерка шапки Мономаха

На съезде Сталин впервые выделен среди других членов Политбюро – он уже вне алфавита. Каменев убран им с поста председателя Совета труда и обороны. В Политбюро у него стойкое большинство – новыми членами стали покорные слуги Ворошилов, Молотов, Калинин. Сталин милостиво оставил пока в Политбюро Зиновьева, он перестал быть главой опасного Ленинграда, его сторонники беспощадно изгоняются из ленинградского руководства. Чисткой руководит новый глава города – Сергей Киров, до революции – рабочий, в партии при Ленине – на вторых ролях. Он не искушен в интригах, крепкий организатор, скромный исполнительный провинциал. Настало время людей исполнительных...

В гражданскую войну Киров отвоевывал для большевиков Кавказ и в Грузии отыскал сына Кобы от первого брака – тринадцатилетнего Якова... Сталин дружил с Кировым. Единственная нежная надпись, которую я прочел у Сталина, была на книге, подаренной им Кирову: «Другу моему и брату любимому от автора».

Никому он так не писал.

Оставил он в Политбюро и Троцкого: нужно было еще приучить партию к новому положению вчерашних вождей. Для этого страшное слово «фракционер» должно вскоре стать их постоянным эпитетом... А пока он назначает Троцкого на рядовую должность в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), но по Москве распространяются слухи о том, что это лишь ступенька, что Сталин задумал вскоре назначить Льва главой ВСНХ.

Поддавшись этим слухам, Троцкий ждет. Но ничего не происходит, и он понимает: над ним попросту издевались... Весь 1926 год он болеет – нервы. Друг Троцкого Иоффе, используя свои немецкие связи, устраивает ему лечение в Германии. Троцкий покидает Москву.

Сталин тоже уехал отдыхать в Сочи, оставив Москву на Молотова. Именно в этот период Молотов становится его верной тенью, как когда-то Коба при Ленине. Теперь «каменная жопа» почти ежедневно шлет ему письма в Сочи...

Сталин ходил в Сочи в белом чесучовом костюме, заправив брюки в черные сапоги. Насчет сапог он однажды сказал отдохавшим с ним верным соратникам: «Это очень удобно. Можно так пнуть в морду некоторым товарищам, что зубы вылетят».

Это не было тупой шуткой. Каждый шаг поверженных вождей контролировался ГПУ и тотчас сообщался ему Молотовым в письмах. Вот от него пришла поразительная новость... И Сталин приготовился окончательно вышибить зубы врагам.

«Зубы вылетели»

Троцкий, вернувшийся после лечения весьма поздоровевшим, жаждал «разогнать политические сумерки». К нему тотчас пришли проведавшие об этом Зиновьев и Каменев – предложили союз. Ему, столько раз преданному, столько раз оболганному ими! Как многие родившиеся в России, они были больны чисто русской болезнью: наивным романтизмом. И верили: как только они появятся вместе, партия немедля вспомнит героическое прошлое и пойдет за прежними вождями.

Они не желали видеть, что партийная масса давно прикормлена новым властителем, бюрократия, управляющая ныне партией, в подавляющем большинстве насаждена им же и страна совсем не хочет воскрешения кровавых революционных идей. Реально оппозиционеры могли опираться лишь на кучку молодых партийных фанатиков-идеалистов. Их выступление должно стать их самоубийством. Но Сталин уверен: они выступят, уязвленное самолюбие бывших вождей победит.

А пока в письмах он разрабатывает стратегию «вышибания зубов».

25 июня 1926 года. «Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям... Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего... Такая роль выпала на долю группы, потому что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа (еще бы – совсем недавно они вместе уничтожали Троцкого. –

Э.Р.); б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках Коминтерн, представляющий серьезную силу... И удар должен быть нанесен именно по этой группе... объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь преждевременно и стратегически нерационально сейчас».

Да, лучше бить их по частям.

30 августа. «Здравствуй, Молотов. Дело идет к тому, что нам не миновать... снятия Григория (Зиновьева. –

Э.Р.) с Коминтерна... Работает ли Наркомат иностранных дел в духе устройства Каменева (послом)...»

Каменева делают послом. Судьба оппозиционеров решена. В сытый буржуазный мир отправляет Сталин знаменитых большевиков, прежних ленинских соратников, а ныне его противников, практически высылая их из страны. В Берлине окажется бывший секретарь ЦК и член Политбюро Крестинский, в Праге – когда-то объявивший низложенным Временное правительство троцкист Антонов-Овсеенко, в Париже – бывший глава правительства Украины Раковский и с ним бывшие влиятельные члены ленинского ЦК – троцкисты Пятаков и Преображенский. В Австрию, Аргентину, Швецию, Персию... по всему миру разбросает он своих врагов. Пусть отдохнут, понаслаждаются жизнью. Пока.

В это время Крупская вновь попыталась поддержать старых соратников Ильича.

«Переговоры с Крупской не только не уместны теперь, но и политически вредны. Крупская раскольница...» – пишет Сталин Молотову из Сочи. Вернувшись, он «шутливо» предупредил Крупскую: «Если будете раскольничать, мы дадим Ленину другую вдову».

Он, который даст партии новую историю, где все основатели большевистской власти предстанут ее злейшими врагами, – он смог бы! И Крупская испугалась до конца жизни... Сталин отправит ее заседать в Центральную контрольную комиссию, где она будет утверждать самые дикие вымыслы против бывших сподвижников мужа.

Осенью на Кавказе он узнает: желанное свершилось – оппозиция решила приступить к отчаянным действиям.

23 сентября 1926 года, Молотову: «Если Троцкий в бешенстве и он думает открыто ставить ва-банк, тем хуже для него...»

В октябре оппозиционеры выступили в заводских ячейках, требуя дискуссии. Правда, тут же испугались и признали свое выступление «нарушением партийной дисциплины». Но поздно – Сталин изгоняет из Политбюро всех вождей Октября. Зиновьев перестает руководить Коминтерном. С этого момента оппозиции терять нечего – и начинается яростная война. Война обреченных.

Накануне XV съезда партии и десятой годовщины организованного им Октябрьского переворота Троцкому в созданном им государстве приходится организовывать... подпольную типографию, чтобы напечатать свою программу! Он знает: на съезде ему не удастся ее огласить – зал, послушный Сталину, заглушит его криками. Но ГПУ, конечно же, было в курсе, и Сталин ждал этого шага. За подпольную типографию сторонников Троцкого тотчас выгоняют из партии и арестовывают.

На очередном пленуме ЦК Троцкий произносит свою речь. Она еле слышна, ее прерывают проклятия и ругательства, неумолчные крики «Долой!», «Вон!» Под те же крики покидает трибуну Зиновьев. Сталин может гордиться: день ото дня все четче работает созданная им система.

Утром 7 ноября оппозиционеры устраивают демонстрации в Москве и Ленинграде – две последние демонстрации против власти Сталина. Более такого никогда не случится.

Конечно, ГПУ доложило ему о подготовке демонстраций, но он дал им состояться. Вынос партийных разногласий на суд беспартийной толпы считался величайшим преступлением в ленинской партии. Оппозиционеры сами подписывали себе приговор. И конечно, Сталин – сам блестящий организатор демонстраций – хорошо подготовился...

7 ноября небольшая толпа (в основном студенты) двинулась к Красной площади. Они несли транспаранты с лозунгами оппозиции: «Повернем огонь направо – против кулака и нэпмана!», «Да здравствуют вожди мировой революции – Троцкий и Зиновьев!»

Вскоре к колонне примкнул подобранный ГПУ «народ». Колонна доходит до Охотного ряда. Здесь, недалеко от Кремля, с балкона бывшей гостиницы «Париж» оппозиционеры должны были обратиться к беспартийным. И Сталин дает им это сделать. Члены ленинского ЦК троцкисты Смилга и Преображенский вывешивают лозунг «Назад к Ленину!» Находящиеся в колонне представители оппозиции кричат: «Ура!»

И тотчас последовали «протестующие действия трудящихся» – начали свистеть в заготовленные свистки, бросать принесенные помидоры. Подъехавшая на автомобилях группа во главе с секретарем райкома партии Рютиным врывается в запертое парадное. Одновременно красноармеец лезет по отвесной стене на балкон и срывает лозунг на глазах веселящейся толпы. Рютин и его компания проникают в дом и начинают избивать оппозиционеров...

Они все погибли – и избиваемые Смилга и Преображенский, и избивавший их Рютин.

А пока в толпе начинают громко кричать: «Бей оппозиционеров!» И еще громче: «Долой жидов-оппозиционеров!» Демонстранты избиты и арестованы.

В это время готовилось торжественное заседание в Большом театре, посвященное юбилею Октября.

После заседания Эйзенштейн должен был показать свой фильм «Октябрь». Он не успевал и все ночи напролет монтировал картину. Г. Александров, бывший тогда вторым режиссером у

Эйзенштейна, вспоминал:

«В 4 часа в монтажную вошел Сталин. Поздоровавшись, спросил:

– У вас есть в картине Троцкий?

– Да, – ответил Эйзенштейн.

– Покажите эти части».

После просмотра Сталин был категоричен: картину с Троцким показывать нельзя. И Эйзенштейн начинает вырезать из картины «Октябрь» того, кто был отцом Октября.

14 ноября Троцкий и Зиновьев исключены из партии. Вскоре сто кинотеатров одновременно демонстрируют революционный боевик «Октябрь» – без Троцкого. Фильм горячо одобрила Крупская, написав в «Правде»: «Чувствуется, что зародилось у нас и уже оформляется новое искусство. У этого искусства колоссальное будущее».

Она была права – зарождалось новое искусство. Ему Сталин заставит служить и Эйзенштейна, и прочих своих гениев.

На состоявшемся в декабре XV съезде под привычное сопровождение зала, одобряющего (его) и негодующего (по поводу оппозиции), он сказал: «Условие у нас одно: оппозиция... должна отказаться от своих взглядов, открыто и честно и перед всем миром. (Возгласы «Правильно!», продолжительные аплодисменты.) Она должна заклеить ошибки, ею совершенные... Она должна передать нам свои ячейки, чтобы партия имела возможность распустить их без остатка. Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут – вышибем. (Возгласы «Правильно!», продолжительные аплодисменты.)».

Он, конечно, знал, что все эти бывшие вожди еще не готовы бичевать себя «перед всем миром» и «открыто и честно» передать своих сторонников в руки ГПУ. В результате он получил право «вышибить». Съезд подтвердил исключение из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и еще семи десятков известных деятелей оппозиции, в том числе Пятакова, Радека, Смилги и прочих.

В юбилей Октября Сталин преспокойно выгнал из партии почти всех сподвижников Боголенина. И не только выгнал... В речах его союзников, вчерашних оппозиционеров, зазвучали новые призывы.

Рыков: «По обстановке, которую оппозиция пыталась создать... думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить. (Возгласы «Правильно!», аплодисменты.)».

Так они кричали, аплодировали, подготавливая свое будущее. После подобных речей Сталин смог попробовать пойти дальше и сделал то, чего никак не ожидали бывшие «кремлевские бояре». Всех этих вчерашних членов ЦК: Радека, Смилгу, Белобородова, Муралова, Преображенского, Смирнова – он отправил в ссылку, как при царизме. И как несколько лет назад упомянутые большевики отправили в ссылку своих сподвижников по революции – эсеров.

Отправился в ссылку и символ мировой революции – Лев Троцкий. После ноябрьской демонстрации он был выгнан из квартиры в Кремле и жил у своего друга – убийцы царской семьи Белобородова.

Высылку Троцкого Сталин провел в лучших традициях. Сначала по телефону Бухарин объявил Троцкому решение, и тот, естественно, задумал организовать демонстрацию в день высылки. Затем по совету Сталина Бухарчик сообщил Льву, что его отъезд перенесен на два

дня...

Но уже на следующий день пришли – отправлять Троцкого на вокзал. Он заперся в комнате, однако...

«Троцкого выносили из квартиры на руках. Двое выносили, в том числе начальник моей охраны Погудил. Питух крепкий был», – вспоминал Молотов.

Тщетно кричал сын Льва: «Несут Троцкого!» – тщетно звонил в двери квартир. Никто из живших в доме партруководителей не открыл дверей, Сталин их уже выучил. Троцкого спокойно снесли по лестнице в автомобиль... На вокзале сын продолжал кричать, обращаясь к железнодорожникам: «Смотрите, как несут Троцкого!» Но вокзал был пуст, и железнодорожники спокойны. Время Троцкого прошло.

Темные, полуграмотные рабочие, партийцы ленинского призыва, счастливо вздохнули: главное обвинение против их партии – «евреи правят» – исчезло. И они были благодарны Сталину. Радек мрачно острил: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Зиновьев и Каменев вскоре испуганно раскаялись – публично осудили свои взгляды как антиленинские.

В дни прощания с Боголениным Сталин произнес речь.

Бывший семинарист не забыл церковную риторику. Он говорил о заповедях, завещанных Боголениным, и клялся их исполнить.

Что ж, он исполнил – и в самый короткий срок. Ленин задумал укротить мятежную старую гвардию – он сумел довести это до абсолюта. Ленин принял грозную резолюцию о единстве партии – он сделал ее железным законом.

Он имел право сказать: «Я утверждаю, что нынешний режим в партии есть точное выражение того самого режима, который был установлен в партии при Ленине во время X и XI съездов».

Теперь впереди было расставание с нэпом, окончательное усмирение страны – и ее встреча с новым царем.

«Тихий Кремль»

В то же время Сталин уже думает о будущем своего государства – и начинает заманивать обратно уехавших великих.

Идут переговоры с Максимом Горьким. Знаменитый «Буревестник революции» не принял Октябрьский переворот и клеймил своего вчерашнего друга Ленина «авантюристом, готовым на самое постыдное предательство интересов пролетариата».

Весь 1918 год его газета «Новая жизнь» нападала на большевистский террор. «Русская революция ниспровергла немало авторитетов, мы боимся, что лавры этих столпов не дадут спать Горькому, мы боимся, что Горького смертельно потянуло в архив, что ж, вольному воля! Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов», – заявил тогда Коба. Но Горького это не остановило – он написал пьесу о мерзостях новой власти. Хозяин Петрограда Зиновьев распорядился повторить то, что уже делал с писателем «проклятый царизм»: пьеса была запрещена, на квартире Горького провели обыск. Зиновьев грозил пойти дальше – арестовать окружение Горького, но тот продолжал свои разоблачения: «Ничего другого не ждем от власти, боящейся света гласности, трусливой и антидемократической, попирающей элементарные гражданские права... посылающей карательные экспедиции к крестьянам».

«Новая жизнь» была закрыта Зиновьевым. Ленину пришлось посоветовать «отцу пролетарской литературы» отбыть из первого пролетарского государства. В 1922 году

Горький покидает Россию под предлогом лечения...

Теперь, когда Зиновьев, главный враг Горького, изгнан из Ленинграда, Сталин дает задание вернуть «Буревестника революции». Это должно освятить приход нового Вождя.

Переговоры с Горьким он поручил руководителю своей тайной полиции Генриху Ягоде.

Одновременно он велел начать переговоры с другой знаменитостью (уже беспартийной) – композитором Сергеем Прокофьевым. Операцию по его заманиванию также проводит ГПУ.

В январе 1927 года после многих приглашений и долгих колебаний Прокофьев вместе с женой решил посетить «Большевизию». Свои впечатления он изложил в дневнике.

По прибытии в страну к нему тотчас прикрепили сопровождающего – некоего Цукера. Этот «работник ВЦИКа» (так он представился Прокофьеву) был, естественно, работник ГПУ. Прокофьева поселяют в лучшем отеле – «Метрополе».

«Огромный номер, вид на Большой театр восхитительный, но нет ванны, а вода для умывания в кувшинах... Толпа на улицах добродушная, это ли те звери, которые ужаснули весь мир? Лакеи, как и всюду, берут на чай и вежливые, – описывает Прокофьев. – Всю дорогу Цукер с увлечением объяснял благотворную работу своей партии. Выходило очень интересно и в планетарных размерах».

Обработка продолжается. Прокофьева привозят в особый ресторан, где «обед необычайно вкусен и сервирован: тут и рябчики, тут и изумительно взбитые сливки, и вообще масса забытых русских вещей». Когда он входит в консерваторию, оркестр играет приветственный марш. В гостинице он получает «письмо эротического и даже демонического характера... с приложением телефона».

Наконец, Прокофьеву оказывают высшее доверие – приглашают «в гости в Кремль». Для сопровождения выделена наиболее интеллигентная кремлевская дама – товарищ Ольга Каменева, сестра Троцкого и жена Каменева, уже отосланного в Рим послом (но его семья по-прежнему живет в Кремле).

«Солдаты с ружьями и сверкающими на солнце штыками охраняют Кремль, – записывает Прокофьев. – Цукер, захлебываясь, объясняет: вот прошел такой-то министр, а вот здесь Ленин сделал то-то, а вот тут живет революционный поэт Демьян Бедный... Но жить здесь неудобно, поясняет Цукер, если хочешь позвать к себе кого-то просто в гости – большая возня с пропусками... Нас ввели в огромную комфортабельную комнату с великолепными креслами и шкафами с книгами, ввели с легкой торжественностью, почтение носилось в воздухе, сама Ольга Давыдовна показалась мне живой и приятной... Затем явился Литвинов (заместитель наркома иностранных дел) с женой. Оба объявили, что любят музыку. Цукер осторожно дал понять, что хорошо бы я немного поиграл... Черпали отдых новые революционные силы под звуки моих сочинений...»

Встреча затянулась за полночь, и вот они идут в ночи к автомобилю. «Жена Литвинова несет в руках по бесконечным коридорам Кремля свои грязные ботинки, чтобы не пачкать коридоры... «Как я люблю этот тихий Кремль!» – восклицает она... Забавно было это слышать, зная, какую бурную деятельность проявляет в мире этот Кремль», – пишет Прокофьев.

Ему тогда понравилось. И хотя он занес в дневник слова своего старого друга: «Здесь жить совершенно невозможно: все время контролируют и шпионят, чистое мучение... здесь каждый шестой человек – шпион», Прокофьев неоднократно посещает СССР.

Ягода преуспел.

Кто ж он, народный смиритель, черен, и зол, и свиреп? А. Блок

Обед с хлебом

В то время многие по дореволюционной привычке вели дневники. Большая часть их исчезнет вместе с авторами в дни террора. Некоторые предусмотрительные, как мой отец, ожидая ареста, сами сожгли свои дневники. И оттого так ценно то немногое, что просочилось сквозь сито времени...

Из дневника учителя истории И. Шитца: «Провинция прямо говорит о голоде. Мужички инстинктивно выработали определенную тактику, распространившуюся всюду. Это тактика упрятывания хлеба, причем скрывают артистически, так, что не найти ни за что... Отсюда новости поразительные: в Одессе захлебом дежурят, на Кавказе, житнице страны, в ресторанах едят, как о чуде: «Обед с хлебом».

Да, начав осуществлять бухаринскую политику союза с крестьянством, Сталин получил отсутствие хлеба. Почувствовав свободу, крестьяне попросту отказываются продавать государству хлеб по низким ценам. Нечем кормить город и растущую армию (отметим: армия растет в мирное время).

Он часто запирается в кабинете один, долго ходит, посасывая трубку... Власть в его руках. Соперники повержены. Бухарин – «бухкашка», как его насмешливо зовут в партии, – естественно, не конкурент. Нет, что делать дальше – этого вопроса для него не существовало.

Впоследствии, обдумывая свои разногласия со Сталиным, Бухарин вспомнит, как еще в 1925 году у них состоялся «экономический» разговор, во время которого Сталин сказал, что долгая ставка на нэп возродит капитализм. Конечно, эта ставка – всего лишь маневр в борьбе с Троцким и Зиновьевым и передышка, чтобы подкопить силы. Но вопрос: когда прекращать передышку? Не опоздать бы. Сталин был совершенно согласен с поверженными левыми: нэп надолго – это конец советской власти.

Через 70 лет история Горбачева это подтвердит.

Тогда, бродя по кабинету и решаясь начать, Сталин уже видел мираж небывалой страны – соединения марксовой Утопии с мощным государством. Единый банк, единый план, организованное в колхозы крестьянство, пирамида всевластных руководителей – маленьких вождей... И на вершине – Вождь, чья команда моментально воплощается малыми вождями. Беспощадная дисциплина, беспощадные наказания... Гигантские средства сосредоточиваются в руках Вождя. Он сможет создать величайшую промышленность и, следовательно, величайшую армию... а дальше – великая ленинская мечта о мировой революции. «Кружится голова!..»

Силы для поворота уже были. Сталин объявил на XV съезде партии: «Губкомы и обкомы овладели делом хозяйственного руководства». За скучной формулой стоит уже выстроенная

им пирамида вождей. «Орден Меченосцев» контролирует всю жизнь страны. Можно было поворачивать.

Он знал, как хотела этого поворота партия. Она презирала бухаринские комплименты мелкой буржуазии. Любимое слово гражданской войны, по которому так соскучились солдаты партии, – бей! Бей кулака! Бей недорезанных буржуев!

Литератор А. Виноградов писал Горькому: «Когда двое детей слесаря-ударника свалили под трамвай своего школьного товарища, потому что он сын врача и классовый враг, значит, разбушевались далеко не человеческие стихии».

Это и были стихии русской революции. Сталин вновь разбудит их, возвратит романтизм Октября, лозунги революционного порыва: никаких компромиссов, классовая борьба не на жизнь, а на смерть. Он хочет строить невиданное общество, в котором не будет ни крестьянина, ни лавочника, ни мещанина.

В революционных одеждах он начинает строительство своей Империи.

Крестьяне, не дававшие хлеба, его теперь только радовали. Призрак голода развязал ему руки. И он бросил клич, которого ждала партия: буржуи забыли силу великой революции. Что ж, мы напомним: революция продолжается!

Возвращение в революцию

Начинают выработываться знакомые директивы о принудительной конфискации хлеба. Отряды рабочих и чекистов вновь идут по деревням. Он выгоняет соратников из кабинетов – «выкачивать» хлеб.

Молотов: «Выкачивали хлеб у всех, у кого был... 1 января 1928 года я был на Украине – выкачивал хлеб. «Ну, я бы тебя расцеловал, как ты там действовал», – сказал Сталин. Ему самому тоже захотелось поехать».

15 января Сталин выехал в Сибирь, посетил Барнаул, Омск и Новосибирск. Из поездки он вернулся в крайнем озлоблении.

Из письма Н. Кротова: «Из Омска Сталин поехал в какую-то деревню. Рассказывали, он там все агитировал сдавать хлеб. Тут кто-то из крестьян и крикни ему: «А ты, кацо, спляши нам лезгинку – может, мы тебе хлебца-то и дадим».

Молотов: «Из Сибири он привез постановление: если кулак не сдает хлеб в размерах, какие для него положены, – применять репрессивные меры. Он довольно крепко нажал. И выкачал хлеб».

Они посмели смеяться над ним... Больше не посмеют – не до смеха будет. Здесь народ понимает только силу.

Я держу в руках книгу из его библиотеки – «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Забавную надпись он оставил прямо на форзаце: «1) слабость, 2) лень, 3) глупость – единственное, что может быть названо пороками. Все остальное, при отсутствии вышесказанных, добродетель».

Бухарин и его команда в ужасе понимают: Сталин попросту вернулся к военному коммунизму... Но он уже шел дальше: заговорил о коллективизации крестьянства. Это

вызвало ярость Бухарина, которой Сталин не ожидал. Мягкий Бухарин, по его расчетам, должен был подчиниться. Ничего подобного! К изумлению Генсека, начинаются стычки. Весной 1928 года Бухарин мобилизует своих сторонников – Рыкова и Томского. Они пишут записки в Политбюро – об угрозе союзу пролетариата с крестьянством, естественно, ссылаются на Ленина...

Сталин не собирался тогда уничтожить Бухарина. Он делал поворот, и ему нужен был Бухарин, который все это объяснит с точки зрения марксизма. Он собрал пленум ЦК, и впервые в его докладе прозвучала формула: «Продвижение к социализму... не может не вести к сопротивлению эксплуататорских классов... не может не вести к обострению классовой борьбы».

Население страны, не читавшее скучных докладов, так и не узнало: приговор произнесен. За этой тусклой фразой было море крови.

«Если идет классовая борьба, значит, нужен террор. Если она должна усиливаться, должен усиливаться и террор» – так объяснил суть сталинских слов моему отцу старый партиец, сосед по дому. Но отец не поверил – весело рассмеялся...

Идут изнурительные пленумы. Бухарин не сдается. С ним выступают Рыков и Томский.

Запершись с Бухариным в кабинете, Сталин уговаривает его: «Мы с тобой – Гималаи, Бухарчик, остальные ничтожества. Договоримся!» Но Бухарин стоит на своем... Этот знаток Ленина так и не смог постичь Ленина. Европейски образованный Бухарчик не понял главного урока, который хорошо усвоил темный Коба в ленинских университетах: нэп, свободное крестьянство – гибель их власти. День без террора опасен, два дня без террора – смерть.

И тогда на Политбюро Сталин начал орать на Бухарина. Тот цитирует фразу Генсека про «ничтожества» остальным членам Политбюро, надеясь вызвать их гнев. Глупец... Они действительно были ничтожествами, испытывавшими только страх, и ненавидели Бухарина за эту унижившую их откровенность. Сталин пришел в ярость. Он кричал: «Врешь, ты это все выдумал!» – так рассказывал потом Бухарин Каменеву.

В истериках, скандалах идут заседания.

«Мягкий как воск» Бухарин продолжает бороться, даже пытается «завербовать» двух членов Политбюро – Калинина и Ворошилова, сулит им смести Сталина на очередном Политбюро. Калинин задумывается – он, бывший крестьянин, конечно же, против коллективизации... и Сталину пришлось принять меры – образумить старичка.

В дело введен Демьян Бедный. Любимый поэт партии проживал в Кремле, и его огромная квартира, мебель красного дерева, гувернантка, повар и экономка были легендой в голодной писательской среде. Демьян умеет отрабатывать блага – в «Известиях» появляется фельетон, где он обрушивается на неких «старичков, власть имущих, путающихся с молоденькими артисточками из оперетки». Калинин, у которого был роман с молоденькой певицей Татьяной Бах (тотчас ставшей примадонной московской оперетты), все понял: удары будут беспощадными и позорными, ибо в распоряжении Сталина новое оружие – досье ГПУ. Калинин капитулирует. И Клим Ворошилов, весельчак и жуир, быстро все осознал на его примере.

Но активность Бухарина становится все серьезнее. Сталин узнает: он ведет переговоры с руководителями ГПУ Ягодой и Трилиссером... А потом, в июле 1928 года, Бухарин отправился к его поверженному врагу – Каменеву.

Когда-то к Троцкому пришли его лютые враги Каменев и Зиновьев. Теперь к ним пришел их лютый враг Бухарин.

«Бухарин, – напишет Каменев Зиновьеву, – потрясен до чрезвычайности, губы прыгают от волнения».

Бухарин объявляет прежние разногласия несущественными и призывает бывших врагов заключить союз против Сталина. Каменев законспектировал весь разговор.

Бухарин: «Это Чингисхан... беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти, меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать... Мы с ним разругались до «лжешь», «врешь» и прочее... Разногласия между нами (правыми. –

Э.Р.) и Сталиным серьезней во много раз всех бывших разногласий с вами... Было бы гораздо лучше, если бы мы имели в Политбюро вместо Сталина Зиновьева и Каменева».

После чего он изложил новую концепцию Сталина – причину разногласий. «Его линия такая: капитализм растет за счет колоний. Колоний у нас нет, займов нам не дают. Поэтому наша основа – дань с собственного крестьянства... Сталин понимает, что будет сопротивление. Отсюда теория: чем больше будет расти социализм, тем больше будет сопротивление...»

– Каковы ваши силы? – спрашивает Каменев.

Бухарин: «Я, Рыков, Томский и Угланов (глава московских большевиков. –

Э.Р.). Питерцы вообще с нами, но испугались... Ворошилов, Калинин изменили нам в последний момент».

«Выясняется, – пишет Каменев Зиновьеву, – и середняк-цекист будет за Сталина. Из лиц, обладающих властью, Бухарин почему-то именуется в своих сторонниках Ягоду и Трилиссера...»

Не благодаря ли «стороннику Ягоде» известие о встрече Бухарина с Каменевым тотчас дошло до Сталина, вместе с записью этой встречи?

После ухода Бухарина Каменев пишет свой комментарий: «Тон абсолютной ненависти к Сталину и абсолютного разрыва...»

Но он понимает: правые бессильны и наивны, как и он сам был когда-то...

Во время встречи Каменев спросил Бухарина:

– Что будет с нами?

– Сталин попытается купить вас высокими должностями. Чтобы вы помогли ему душировать нас.

Здесь наивный Бухарин допустил ошибку. Каменев давно ждет, когда к нему обратится Сталин – ведь теперь он принял их программу. Все, чего они требовали, – он осуществляет. Рассказанное только подливает масла в огонь. Бухарин обречен, союз с ним бесперспективен! За что Каменеву щадить его – человека, который недавно требовал их крови?

Так что после ухода Бухарина ему был прямой смысл донести Сталину о его посещении...

Но Каменев тоже оказался наивен: Сталину не нужна была помощь бывших вождей. Он задушит правых без их помощи. Легко. Один.

Поэтому никакого зова к Зиновьеву и Каменеву от Сталина не последовало. И когда Каменев, устав ждать, в декабре сам пошел к Ворошилову и «два часа распинался перед ним, расхваливая политику ЦК», Ворошилов не ответил ему ни единым словом.

Подводя черту под судьбой бывших вождей, в январе 1929 года Сталин выслал Троцкого из России. И Зиновьев справедливо отметил: протестовать уже не перед кем.

Высылая Троцкого, Сталин сохранил юмор. Льва Давидовича, считавшего себя истинным ленинцем, вывозил из России пароход «Ильич».

Почему Сталин не убил его? Троцкий тогда нужен был ему живым – для будущих игр. Он должен был стать тем «контрреволюционным центром», в связях с которым Сталин сможет обвинять своих врагов, червячком, на которого будут ловиться будущие жертвы. Все рассчитано на очень много ходов вперед. И сейчас, когда нужно рассчитаться с Бухариным, он начинает действовать... через Троцкого.

Накануне расстрела в предсмертном письме к Сталину Бухарин писал: «Летом 1928 года, когда я был у тебя, ты мне говорил: знаешь, почему я с тобой дружу? Ты ведь не способен на интригу? Я говорю – да. А в это время я бегал к Каменеву».

Ничего не понял Бухарчик... Запись его встречи с Каменевым Сталин получил тотчас – и из нескольких источников. И чтобы помучить несчастного интеллигента, он спрашивал: «Ты ведь не способен на интригу?» Играл в Отелло... И когда Бухарин, безумно мучаясь, врал, Сталин получил право смертно ненавидеть лжеца и предателя.

ГПУ сделало так, чтобы запись беседы Бухарина с Каменевым попала к Троцкому. Как всегда, все просчитано: Троцкий Бухарина ненавидит и не пожалеет – немедленно опубликует запись. И точно: оказавшись за границей, он публикует разговор, дав Сталину бомбу – возможность говорить о сговоре правых с прежней оппозицией.

В это время Сталин получает новых сторонников – Радеку и прочим троцкистам дана возможность почетно капитулировать. Ведь Сталин «повернул огонь направо... Нужно поддержать Сталина и занять левый фронт партии, пока он не занят другими» – так писали они друг другу из ссылок. Но чтобы вернуться, надо пожертвовать Троцким.

Вскоре Радек обращается к ссыльным троцкистам: «Мы сами себя привели в изгнание и в тюрьму. Я порвал с Троцким, теперь мы политические враги».

«Во имя партии можно и должно...»

Почему они так легко изменяют взгляды, предавая друг друга? Один из главных троцкистов Пятаков, ставший одним из преданных сталинцев, так объяснял это изумленному Валентинову: «Во имя партии можно и должно в 24 часа изменить все свои убеждения и заставить себя считать белое черным».

Во имя партии! Когда ученик Духовной семинарии Сталин называл партию «Орденом Меченосцев», он имел в виду именно ее священную природу. И Троцкий, сформулировав тезис: «Партия всегда права», думал о том же.

Их партия, как и церковь, остается чиста, даже если ее служители ошибаются, ибо в основе партии, как и церкви, лежат сакральные тексты марксизма, которые не дают ей в целом ошибиться, а грешным членам – изменить ее священную природу.

И отсюда – принцип: «Все для партии», позволяющий ее членам предавать друг друга, делающий их покорными ему – Сталину, главе священной партии.

Идет поток заявлений о раскаянии, и Сталин возвращает из ссылки раскаявшихся левых.

Пятаков, Смилга, Раковский, Белобородов и прочие большевистские знаменитости заклеили Троцкого и вернулись в партию. Их авторитет, их энергия очень пригодились Сталину в год, который его историки назовут годом Великого перелома.

Черный человек

Еще в 1925 году, когда Сталин в союзе с правыми бил Каменева и Зиновьева, в ленинградском отеле «Англетер» покончил с собой Сергей Есенин. Поэты в России – пророки. В пьяном бреду Есенину постоянно мерещился некий ужасный Черный человек. Великий крестьянский поэт уже тогда чувствовал его приближение. Теперь час пробил: Черный человек изготовился уничтожить древнюю русскую есенинскую деревню.

С апреля 1929 года Сталин открыто повернул. Начинался величайший эксперимент XX века, чреватый большой кровью. Но что значит кровь, когда впереди великое будущее! И он задумал достичь его революционно – в кратчайший срок. Сломить сопротивление деревни, а для этого физически уничтожить все зажиточное и большую часть среднего крестьянства, остальных объединить в коллективные хозяйства. Даровой труд собранных в колхозы хлебопашцев даст гигантские средства, и он построит величайшую индустрию – и опять в кратчайший срок. Он заставит рабочих забыть о зарплате, об отдыхе. Революционный энтузиазм! Страну ждали невиданные лишения, катастрофы на заводах – результат невиданного темпа, которого не выдержат изношенные станки...

Но он милосерден к согражданам. Люди вдвойне несчастны, когда они не понимают причин своих несчастий. И он заранее решил дать стране виновников ее будущих страданий. Виновны враги – таково вечное российское объяснение всех народных бед. Сталин помнил: в Первую мировую войну царское правительство быстро нашло понятное объяснение неудач своих бездарных генералов – шпионы. И народ с радостью верил. Сейчас он придумал найти новое объяснение – вредители. Ими должны стать инженеры. Специалисты, получившие образование еще при царе, естественно, ненавидят диктатуру пролетариата и вредят! Он точно рассчитал: темная ненависть полуграмотной массы к образованным, к интеллигенции вернет любимый клич –

бей!

И еще: начиная поворот, он должен был погрузить страну в атмосферу постоянного страха. Только страх мог предупредить возможное недовольство и родить покорность народа, необходимую для Великого перелома.

Так родилось это невиданное шоу: открытые процессы конца 20-х годов.

ГЛАДИАТОРСКИЕ БОИ

В то время города захватили выходцы из деревни, люди привыкли жить, есть и спать в одной комнате – все вместе, и взрослые и дети. Огромные барские квартиры стали коммунальными. Утром чужие, полураздетые люди беседуют друг с другом в очереди у туалета, у умывальника (это давно перестало смущать), и беседы эти, как правило, о процессах вредителей, которых постоянно разоблачает доблестное ГПУ.

Процессы с детективными сюжетами, страшными приговорами разнообразят тусклую жизнь

обывателей. Это своего рода гладиаторские бои. И властительницей дум народа все больше становится тайная полиция.

Во главе ГПУ стоял Вячеслав Менжинский – сибарит из богатой семьи, с юности вступивший в революционное движение. В 1909 году он написал о Ленине в эсеровской газете: «Ленин – политический иезуит». Впрочем, после Февраля, когда Менжинский сблизился с большевиками, Ленин высказался о нем и ему подобных столь же тепло: «Наше хозяйство будет достаточно обширным, чтобы каждому талантливому мерзавцу нашлась в нем работа».

После Октября, получив пост наркома финансов, он привел дело в такой хаос, что был вскоре снят. Но в 1919 году, вспомнив, что Менжинский – юрист, Ленин подыскивает «талантливому мерзавцу» место в руководстве ЧК. Он угадал: мерзавец оказался незаменим в разработке головоломных провокаций. Менжинский принимает участие во всех страшных делах Красного террора, но брезгливо отсутствует при пытках и расстрелах.

Назначенный Генсеком Сталин тут же устанавливает тесную связь с этим странным человеком. Руководитель ЧК Дзержинский в то время совмещает множество должностей, и Менжинский фактически руководит большевистской спецслужбой. После смерти Дзержинского Сталин назначает его главой этого ведомства.

При этом снобе и сибарите лакействует его верный помощник, бывший фармацевт Генрих Ягода. Он развивает стиль мэтра: провокация становится постоянным приемом ЧК – ГПУ. Именно при Менжинском прокручивают операцию «Трест»: при помощи созданной ЧК «антибольшевистской организации «Трест» Менжинский заманивает в Россию своего бывшего знакомца, легендарного террориста эсера Бориса Савинкова, убийцу царских министров, неукротимого врага большевиков.

После долгих бесед в тюрьме с Менжинским Савинков вдруг объявляет: «Я признаю теперь советскую власть и никакой другой». За это сенсационное заявление Менжинский заменяет ему смертную казнь тюремным заключением. И видимо, обещает в будущем помилование. Но в 1925 году было объявлено о самоубийстве Савинкова. Правда, незадолго он предупредил своего сына: «Услышишь, что я наложил на себя руки, – не верь». Что ж, Менжинский знал это правило: врага можно простить, но предварительно его следует уничтожить.

При Менжинском в ведомство приходит много щеголеватых, образованных молодых людей – делать карьеру. У них отнюдь не пролетарское прошлое, но, выслуживаясь, они беспощадны. Вместе с ними, ненавидя их, продолжают работать истинные фанатики, бредящие мировой революцией.

В 1927 году Сталин устраивает грандиозное празднество – вся страна и партия отмечают десятилетие ГПУ – «карающего меча революции». Большинство из тех, с кем Менжинский был в Октябре и кто основывал его учреждение, потеряли власть. Теперь они сами – объект слежки ГПУ. Но Менжинский – на месте... Произносятся бесконечные речи, возносятся восхваления ГПУ. Особенно хороши слова интеллигентнейшего Николая Бухарина: «ГПУ свершило величайшее чудо всех времен. Оно сумело изменить саму природу русского человека». И он прав. Впервые в России доносительство объявлено доблестью, а тайная полиция – героической организацией. Менжинский вместо речи, которой от него ждали, произнес всего шесть слов: «Главная заслуга чекиста – уметь хранить молчание». И, усмехнувшись, отбыл с трибуны.

Теперь Менжинский уловил новый ветер. Еще недавно объявляли, что все главные враги искоренены, но вот Сталин официально провозглашает: враги не только не истреблены – их миллионы. И Менжинский понимает: предстоит большая работа. Вождь явно решил

воскресить Красный террор.

Будущая гигантская работа не прельщает – после смерти жены Менжинский все чаще ощущает болезненную скуку. Сталин чувствует его усталость и теряет к нему интерес. В начале процессов он еще сотрудничает с Менжинским, но с конца 1930 года все больше работает с его заместителем Ягодой.

В 1930 году выгнан Сталиным еще один старый соратник Ленина и друг Менжинского – нарком иностранных дел Чичерин, большевик и потомок рода Нарышкиных, бывших в родстве с царями. Одинокий и странный, он затворяется в своей квартире и играет целыми днями любимого Моцарта. Вместо Чичерина Сталин назначает его врага – энергичного Литвинова. Еврей на посту главы внешнеполитического ведомства помогает ему избежать за границей обвинений в антисемитизме. Кроме того, Сталин уже думает, как наладить отношения с Америкой...

Менжинский часто навещает Чичерина. Чичерин играет Моцарта, а Менжинский молчит, знает: уши его ведомства – повсюду. Он все реже приходит на работу, сидит дома, изучает древнеперсидский язык, чтобы читать в подлиннике Омара Хайяма.

Сталин перестает звать его в Кремль, но не может отпустить в отставку – слишком много знает Менжинский. Он номинально возглавляет ГПУ до мая 1934 года, когда Ягода, видимо, дает яд этому странному обломку ленинской эпохи.

Отныне Сталин напряженно работает вместе с Ягодой.

Генрих Ягода обязан своим возвышением семейству Свердловых. Старик Свердлов верил в революцию. Этот богатый купец из Нижнего Новгорода изготавливал фальшивые печати для подложных революционных документов. Его сын Яков, естественно, пошел в революцию и стал первым номинальным главой большевистской России.

Мальчиком Ягода работал на побегушках у старика Свердлова, который помог ему получить профессию фармацевта. Этим Ягода активно воспользуется, но позднее.

После Октября он оказывается в органах ЧК и по-прежнему держится могущественной семьи: его жена – родственница самого Якова. Ягода использует эти связи – уже в 20-х годах он в руководстве всесильного ГПУ. Именно он в первые годы советской власти опутывает страну сетью осведомителей, при нем формула Ленина «каждый партиец должен быть чекистом» сильно расширяется – теперь чекистом обязан стать каждый гражданин. Приглашение стать осведомителем становится доказательством доверия партии и предметом гордости.

В год славного юбилея ЧК – ГПУ в Донбассе были арестованы несколько десятков инженеров, обвиненных во вредительстве. Больше года шло следствие, точнее, репетиция невероятного спектакля. Следователи Ягоды были предельно откровенны перед изумленными подследственными – изумленными потому, что вначале они, естественно, старались оправдаться, но им объяснили, что в вину их никто не верит. И оправдываться не требуется – требуется сотрудничать. Несчастливым разъясняли высокие идейные соображения их ложного обвинения: идет беспримерная стройка социализма, признание подсудимых во вредительстве должно поднять в народе гнев против капитализма, повысить бдительность против действительных врагов, а заодно и производительность труда, и прочее, и прочее...

За это им обещали жизнь.

20 мая 1928 года в Москве состоялась премьера: открытый процесс «шахтинцев» – вредителей на шахтах Донбасса. 53 инженера предстали перед судом. Ложа дипломатического корпуса была заполнена до отказа; присутствовали корреспонденты газет со всего мира. Спектакль прошел с успехом – все обвиняемые усердно занимались

самобичеванием, даже попросили отвести защитников, которые «слишком их защищали». Они будто соревновались в обвинениях с прокурором Крыленко... Опытная интеллигенция сразу назвала шахтинский процесс «баснями прокурора Крыленко».

Прокурор потребовал двадцать два смертных приговора, но в благодарность за сотрудничество было велено казнить всего лишь пятерых. Всего пять невинных смертей – что они значили при планетарных задачах!

На пленуме ЦК Сталин смог подвести нужный итог: «Налицо зримое нарастание классовой борьбы... Нечего говорить, что подобные дела будут повторяться». Это была команда: на всех предприятиях начинают искать вредителей – «своих шахтинцев».

Конец правых

Весь 1929 год продолжаются сражения с Бухариным и правыми. Впоследствии один из них, член ЦК Рютин, дал характеристику вождя правых: «Бухарин... как политический вождь ниже всякой критики... умный, но недальновидный. Честный, но слабыхарактерный, быстро впадающий в прострацию, неспособный на длительную борьбу с серьезным врагом... Легко впадающий в панику, не умеющий руководить массами и сам нуждающийся в руководстве...»

Но, преодолевая себя, Бухарин борется, и Сталин догадывается о главной причине его упорства. ГПУ доносит: молодые марксисты из Института Красной профессуры постоянно встречаются с Бухарчиком на квартире секретаря ЦК Постышева (пока тот в отъезде, его жена, работавшая в институте Маркса-Энгельса, предоставляет им квартиру). Молодые называют себя «школой Бухарина». Сразу после Политбюро Бухарин шел на эту квартиру рассказывать о своих подвигах и речах. Обожание молодых марксистов (и молодых марксисток) так нравится нежному Бухарину...

Впрочем, пусть Бухарчик борется. Сталину сейчас помогает эта борьба. Громя правых, он созидает Страх. И потому все грубее обрушивается на Бухарина. Бить, бить, бить! На каждом пленуме Генсек изничтожает его... И свершилось: Бухарин испугался. Начинаются попытки примирения: Бухарин и Томский напоминают о дружбе с «товарищем Сталиным». А ведь совсем недавно величали его Чингисханом...

На очередном пленуме он им припоминает и приход Бухарина к Каменеву, и то, как этот «безупречный и лояльный член партии» тайно предлагал Каменеву изменить состав Политбюро.

В ноябре 1929 года произошла публичная капитуляция правых. Рыков огласил общее заявление: теперь они – за генеральную линию партии, за уничтожение кулака, за политику, которую еще вчера Бухарин называл «военно-феодальной эксплуатацией крестьянства». Но это заявление Сталин признал «неудовлетворительным». Теперь им предстояло долго публично ползать на коленях, а пока он вышвырнул Бухарина из Политбюро.

Правых клеймят по всей стране. На заводах, в институтах, в детских садах и даже на кладбищах проходят собрания сотрудников. Проклятия в адрес правых перемежаются с проклятиями в адрес вредителей. Процессы идут не переставая. В Троице-Сергиевой лавре – главном монастыре России – арестовывают представителей старой аристократии. Выброшенные из квартир, нигде не принимаемые на работу, они приютились в лавре, работали в музее, преподавали в семинарии. Теперь они объявлены вредителями и арестованы. Занялись и лаврой...

С самого начала власти большевиков религия – объект удара.

Из письма заведующего секретным отделом ВЧК Самсонова Дзержинскому от 4 декабря 1920 года: «Коммунизм и религия взаимно исключаются... Разрушить религию не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК... За последнее время в своих планах по разложению церкви ЧК сосредотачивает все свое внимание на поповскую массу. Только через нее, путем долгой напряженной кропотливой работы, мы сможем разрушить и разложить церковь до конца...»

Строя новое общество с новой религией, бывший семинарист следует заветам Ильича – внимательно следит за церковными кадрами.

ГПУ все время рядом с церковью. Активно, как завещал Ленин, продолжается уничтожение храмов...

Грохот стоит в Москве. И каменная пыль. Рушат знаменитую церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду, построенную в XVII веке. Толпы любопытных глазят, как сбрасывают колокол в полтысячи пудов. В начале 1930 года 5000 человек с энтузиазмом разрушают древний Симонов монастырь. Апофеозом становится коллективное уничтожение многотысячной толпой храма Христа Спасителя. И как символ: на месте храма Сталин решил построить величайший храм новой власти – Дворец Советов, увенчанный гигантской статуей Боголенина.

Оставшиеся церкви превращают в склады, и смрад стоит от гнилой картошки, сваленной в алтарях. Детям в школах велят приносить иконы для публичного сожжения. И вот уже несчастная бабушка, вернувшись из церкви, видит, как на месте дедовской иконы весело щурит глаза Ильич с плаката, подаренного внуку в школе. В газетах печатают письма в редакцию: «Я, бывший священник, навсегда порвал с религией». И всюду лозунги: «Религия – опиум для народа».

Наряду с проклятиями гремят беспримерные славословия.

Весь 1929 год страна готовится к декабрю – дню его 50-летия (точнее, к выдуманному им дню своего 50-летия). Тысячи тысяч статей о любимом Вожде. Заводы и фабрики в честь Великого юбилея рапортуют о невиданных успехах. Разрывается приветствиями радио.

В московской психиатрической больнице сошедший с ума профессор математики безостановочно орал восхваления Вождю, перемежая их изощренными ругательствами в адрес вредителей.

В этот день Сталин мог подвести некоторые итоги. Его власть становится осязаемо абсолютной. Последний ленинский соратник изгнан из руководства. На предстоящем съезде должно произойти коронование. «Все ждут сенсации на съезде... Вождь покроет собой все», – записал в дневнике И. Шитц.

На все славословия он написал скромный ответ: «Всем организациям и товарищам, поздравившим меня... Ваши приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по своему образу и подобию».

Не зря он употребляет церковное «по образу и подобию». И не зря он уже рожден не женщиной, но партией. Становясь царем, он решил стать заодно и богом. Так создается большевистская едино-сущая троица: Маркс, Ленин и он. Боги Земли.

Разбитые вожди правых все еще пытались помириться. В новогоднюю ночь на 1 января 1930 года Бухарин и Томский явились на квартиру Сталина с бутылками вина. Примирение состоялось. Бухарчик ему еще нужен. У него нет подобного теоретика. Все-таки оба они –

Гималаи.

В год юбилея он и начинает Великий перелом.

Конец деревни

Пока Сталин праздновал с семьей, униженными врагами и холопами-соратниками Новый год, на бескрайних, застывших от холода просторах России – готовились. На железных дорогах уже стояли особые товарные вагоны. Прежде в них перевозили скот, теперь готовились перевозить людей.

В конце 1929 года, незадолго до своего юбилея, он опубликовал статью «Год Великого перелома» и определил в ней задачу – «ликвидация кулачества как класса».

В XX веке государство готовилось организованно истребить своих граждан, трудившихся на земле. Вместе с истреблением кулака должно было произойти уничтожение прежней русской деревни. Революция наделила крестьян землей. Теперь им предстояло вернуть землю, скот в коллективное пользование и вместо любезного крестьянскому сердцу «мое» учиться говорить «наше». Естественно, богатые крестьяне – кулаки – этого не захотят, будут препятствовать. Поэтому для экономии времени Сталин решил поступить по-революционному: попросту их уничтожить. Верного Молотова он назначил главой комиссии, которая должна была окончательно решить проблему.

Молотов много и кроваво потрудился. В кратчайший срок его комиссия разработала план тотального уничтожения кулаков. Их выселяли в северные и восточные районы – Урал, Казахстан и Сибирь. Знаменитые экономисты Кондратьев, Юровский, Чаянов предложили использовать этих самых способных, самых трудолюбивых крестьян для хлебопашества на целинных землях, сдать им в долгосрочную аренду неосвоенные просторы, брошенные казахскими кочевниками. Наивные ученые не могли понять – Сталин не занимался сейчас экономикой. Он выполнял политическую задачу: уничтожал класс. Формула революционера Ткачева «Надо думать о том, сколько людей оставить» торжествовала.

В феврале 1930 года Молотов и его комиссия разделили кулаков на три категории. Первая – «контрреволюционный кулацкий актив». Их – в лагеря или под расстрел, членов семей выселять в отдаленные районы. Вторая категория – богатые кулаки. Их выселять в отдаленные бесплодные районы. Третья категория – владельцы менее мощных хозяйств. Их выселять за пределы колхозов.

Никто точно не знал, кого к какой категории причислять?

Как определить, кто кулак? Как отличить от них середняков? Несчастные зажиточные крестьяне оказались в полной зависимости от ГПУ, партийных властей и главное – от злобной деревенской бедноты. Состоятельные крестьяне сами отдавали имущество в колхоз, умоляли не объявлять их кулаками. Но ленивая, пьяная крестьянская голытьба мстила: новые повелители были неумолимы.

«Раскулачивание идет при активном участии бедноты... Беднота большими группами ходит вместе с комиссиями и отбирает скот и имущество. По ночам по своей инициативе сторожит на дорогах при выезде из селений с целью задержания убегающих кулаков», – с удовлетворением писал в «Правде» И. Варейкис, член ЦК и молотовской комиссии.

По всей стране под вопли и слезы женщин сажали на подводы несчастных, и под надзором

ГПУ двигались подводы прочь из деревни. Люди оглядывались на пустые дома, где жили из века в век их семьи. В пустых дворах выли собаки...

В секретных фондах хранились бесчисленные жестокие телеграммы. В северный край комиссия Молотова выселила 50 000 кулацких семейств. Крайком партии заявил, что он готов принять только 20 000: бараки (без тепла и света) были еще не готовы. Сталин отвечал: «ЦК не может согласиться с таким решением, опрокидывающим уже принятый партией план переселения».

«Новосибирск. Секретарю Сибкрайкома Эйхе. Провести все необходимые подготовительные меры для приема в середине апреля не менее 15 000 кулацких семейств. Сталин».

Во все крайкомы, обкомы Сибири летели телеграммы. И выполнялись его планы. Прямо в степь – в голодную пустоту, огражденную проволокой, разгружались вагоны с людьми. Уничтожался класс.

Успешно поработала комиссия. В нее входили новые «кремлевские бояре», поставленные уже Сталиным, – всеильные партийные вожди из провинций, секретари обкомов. И конечно, Ягода, представлявший ГПУ. Бывший глава комиссии Молотов удовлетворенно вспоминал: «Коллективизацию мы неплохо провели... Я сам лично разметил районы выселения кулаков. Выслали тысяч четыреста».

«Нанести действительно уничтожающий удар кулакам», – писал член комиссии, новый член Политбюро С. Косиор.

«Тракторные колонны роют могилу кулакам», – образно выразился Киров. Опасные слова. Если бы знал он – кому еще рылись могилы...

И Киров, и Косиор, и Варейкис – все погибнут. 19 из 21 члена комиссии скоро лягут в безвестные ямы – будут уничтожены в сталинских чистках. Но сейчас они напряженно трудились над уничтожением людей.

Шли бесконечные поезда: в теплушках для скота везли крестьян. На крышах вагонов – прожектора, внутри – охрана с собаками.

Бедняки и уцелевшие середняки объединялись в колхозы. Ухоженный кулацкий скот, крепкие дома кулаков, накопленное веками крестьянское добро, деньги в сберегательных кассах – все подлежало передаче. С кровавого присвоения чужого имущества начались колхозы.

Все парторганизации лихорадочно брали повышенные обязательства – завершить поголовную коллективизацию в сжатые сроки. Естественно, провозглашался добровольный принцип поступления крестьяне колхозы (или, как шутили, добровольно-принудительный). С музыкой и песнями ГПУ загоняло туда крестьян. Местные партийные вожди знали: или стопроцентная коллективизация, или отдай партбилет. Старик Молотов вспоминал популярный тогда в народе анекдот: «Спрашивают крестьянина: «Как лечиться от вшей?» Отвечает: «Напиши на голове «колхоз» – и все сразу разбегутся».

И начались восстания. Кровавый бунт с убитыми председателями колхозов и уполномоченными ГПУ полыхал на Рязанщине. Восстание было жестоко подавлено. Именно тогда в городе появилась сестра моей няни – красавица Паша. И, засыпая в своей детской кровати, я слышал: Паша в соседней комнате рассказывала моей матери, как сожгла свою избу, «чтоб не досталась проклятым».

Подавлять восстания должны были красноармейцы. Но Сталин понимал, как все это может влиять на армию, состоящую в основном из детей крестьян. Он еще не умирил страну, он еще должен об этом думать... И тогда он публикует статью «Головокружение от успехов» о

том, как «отдельные товарищи», испытав головокружение от массового и добровольного стремления людей в колхозы, переусердствовали. Эти «отдельные товарищи» подчас коллективизировали насильно. И главное – путали середняка с кулаком.

Все эти «товарищи», конечно, будут объявлены вскоре «скрытыми троцкистами, которые обдуманно вредили коллективизации». От них и пошли «перегибы в правильной линии...»

И покатила волна судов – на этот раз над «злостными перегибщиками». Он умело поддерживал напряжение страха.

В это время Римский папа призвал к молитве за гонимых в России христиан. Но он опоздал. За день до объявленного папой всеобщего молебна, 15 марта 1930 года, Сталин публикует постановление «Об искривлении партийной линии в колхозном движении». Оказывается, это все те же «злостные перегибщики» насильственно закрыли целый ряд церквей...

И хотя священников и монахов из ссылки не возвращали, хотя к концу года оказались закрытыми 80 процентов сельских храмов – все с восторгом говорили о нескольких церквях, которые Сталин повелел вновь открыть. Он умел строить любимый российский образ: хороший царь и дурные министры.

И после его статьи по всей стране продолжали идти этапы с детьми и стариками. Поезда, набитые погибавшими от холода и жажды людьми. Дети умирали в дороге, иногда матери убивали их сами, чтоб те не мучились. До 1932 года (по заниженным данным) переселили еще 240 тысяч семей. Гигантский революционный эксперимент удался. Класс, столь ненавидимый Лениным, – зажиточное русское крестьянство, – более не существовал.

И все это сопровождалось шумными процессами. Летом 1930 года по Москве и Подмосковию ездили машины – в городе и на дачах арестовывали интеллигенцию. Ягода создавал новое дело с большим размахом. Были арестованы академики, виднейшие специалисты в области науки и техники, экономисты. Одним из главных обвиняемых стал М. Рамзин – знаменитый теплотехник, директор Московского технологического института. ГПУ объявило: раскрыта мощная организация террористов чуть ли не в 200 тысяч подпольных членов. Оказалось, в стране действовала тайная «Промышленная партия», планировавшая захват власти.

Арестованные во всем признались. Как добивались от них нужных показаний, как мучили на круглосуточных допросах, не разрешая спать, – об этом написаны тома.

Но для меня оставался главный вопрос – о степени собственного участия Сталина в процессах. Только теперь, прочитав документы, я могу утверждать: он сам руководил процессами. И как руководил! Как обстоятельно создавал этот театр ужаса! И даже диктовал роли...

Автора!

«2 июля 1930 года. Сталин – Менжинскому. Только лично. Показания Рамзина интересны. Мои предложения: сделать одним из самых важных, узловых пунктов [будущих] показаний Рамзина вопрос об интервенции. И о сроках интервенции. Почему отложили интервенцию в 30-м году? Не потому ли, что Польша еще не готова? Может быть, Румыния еще не готова? Почему отложили интервенцию на 31-й год? Почему могут отложить на 32-й?»

Это была его выдумка. Обвиняемым сообщили: империалисты тайно готовят интервенцию против Республики Советов. Признав свое участие в готовящейся интервенции, обвиняемые

тем самым сорвут ее, спасут страну. Им предлагалось оболгать себя из чувства истинного патриотизма. За это, естественно, обещали смягчение приговора.

Рамзин согласился признать на суде, что его партия приветствовала готовящуюся интервенцию капиталистических стран против СССР. Но Сталину приходится внести в его «интересные показания» уточняющие детали. Дело в том, что интервенции-то нет! И он отлично знает: не будет! Вот Сталин и предлагает несколько вариантов, объясняющих, почему ее до сих пор нет и почему ее не будет.

Но не все были так сознательны, как Рамзин. И Сталин раздраженно требует от Менжинского:

«Провести сквозь строй господ Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от тенденции к интервенции. Мы сделаем этот материал достоянием Коминтерна. Тогда мы проведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что подорвем, парализуем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно. Понятно? Привет. Сталин».

Так что вся эта его выдумка служит «немаловажным целям». А то, что «увиливающие» невинны, – это не так уж и важно.

Можно только догадываться, как «провели сквозь строй господ интеллигентов». Но все его задания были выполнены.

Сталин – Молотову: «Ты, должно быть, уже получил

новые показания Кондратьева. Ягода привез показать их мне. Я думаю, что эти показания... следует разослать всем членам ЦК».

Готовящаяся интервенция, атмосфера осажденной крепости необходимы для страха, для непрерывного чрезвычайного положения, в котором он придумал держать страну.

В самом конце 1930 года состоялся новый грандиозный спектакль – открытый процесс «Промышленной партии». Государственный обвинитель – все тот же неутомимый Крыленко. Процесс прошел как по маслу. По всей стране собрания трудящихся требовали расстрела «гносных вредителей». В зале суда – наоборот: судья вел процесс, поражая непривычной вежливостью с обвиняемыми. Им даже было разрешено курить.

Полно корреспондентов, идет съемка. Обвиняемые соревнуются в готовности признать себя виновными, охотно делятся разнообразнейшими сведениями о своей вредительской деятельности – о связях с враждебной эмиграцией, иностранными посольствами и даже президентом Франции Пуанкаре.

Правда, не все абсолютно гладко. Например, «подлый вредитель» Рамзин заявил, что, планируя интервенцию иностранных государств, он сформировал будущее правительство и предполагал на пост министра промышленности и торговли капиталиста-эмигранта Рябушинского, с которым он, Рамзин, вел успешные переговоры. Но выяснилось, что Рябушинский успел умереть до того, как с ним «велись успешные переговоры».

Сталин сумел быть благодарным. Главному обвиняемому Рамзину расстрел был заменен тюремным заключением, и вскоре он, имя которого проклинала вся страна, был освобожден. В конце концов Рамзин... снова стал директором института и даже лауреатом Сталинской премии.

Но Вождь заботился, чтобы кровь лилась – какой же страх без крови? И процессы интеллигентов, вредящих во всех областях народного хозяйства, шли безостановочно.

Процесс ученых-бактериологов, обвиненных в падеже скота, – подсудимые расстреляны. Процесс работников пищевой промышленности, обвиненных в организации голода – 48 человек расстреляно. В Бутырках на цементном полу сидело в то время по 60–80 человек в камере, преимущественно профессора и инженеры. Тюремь уже давно назывались в народе «дома отдыха инженера и техника»...

И он неутомимо дирижирует.

Сталин – Молотову. 13 сентября 1930 года: «Надо бы все показания вредителей по рыбе, мясу, консервам и овощам опубликовать немедленно. И через неделю дать сообщение, что все эти мерзавцы расстреляны. Надо всех их расстрелять».

Фантастика: он сам организует процессы, сам объявляет невинных преступниками и при этом искренне негодует по поводу их преступлений. Великий актер – он умел вписаться в роль.

Волна арестов нарастала, и его наркомы забили тревогу – совершенно исчезли квалифицированные кадры. Но Сталин и тут находит оригинальное решение: на прорывы, на обезлюдившие производства начали возить инженеров... из тюрем, а вечером – возвращать их в тюрьмы. Истосковавшиеся по работе люди почитали это за счастье.

В июле 1930 года на XVI съезде Сталин поистине короновался.

Он был искренен и в своем докладе сказал прямо: «нэп был маневром». Все это время копились силы, чтобы в подходящий момент уничтожить старую деревню, провести индустриализацию.

«Партия правильно выбрала момент, чтобы перейти в наступление по всему фронту. Что было бы, если бы мы послушались правых оппортунистов из группы Бухарина, если бы отказались от наступления, свернули бы темпы развития индустрии, задержали бы развитие колхозов и совхозов и базировались бы на индивидуальном крестьянском хозяйстве? Мы наверняка сорвали бы нашу индустрию, остались бы без хлеба... мы сидели бы у разбитого корыта... Что было бы, если бы мы послушались левых оппортунистов из группы Троцкого и Зиновьева и открыли бы наступление в 26—27-м годах, когда мы не имели никакой возможности заменить кулацкое производство хлеба производством колхозов и совхозов? Мы наверняка сорвались бы на этом деле... Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления. Об этом говорит опыт гражданской войны... Основная установка в партии в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту».

Итак, с самого начала был тайный замысел наступления. Но

чей замысел?

Завещание

Я вспоминаю: 70-е годы. Москва. Раннее утро в библиотеке, носившей тогда имя Ленина. Как только она открывалась, появлялся маленький тонкошей старичок, пораженный своим пенсне, которое когда-то носили в царской России. Впрочем, пенсне и лицо этого человека тогда еще знали все посетители библиотеки. Это был Вячеслав Молотов.

Однажды мне удалось с ним познакомиться. Случилось это на какой-то премьере в театре имени Ермоловой. После спектакля я направился за своим пальто в администраторскую и у дверей увидел разгуливающего старого человека в пенсне – Молотова.

Администратор спросил меня: «Молотова видели? У меня разделся. Пришлось попросить обождать старичка. У нас сегодня важный гость – секретарь нашего райкома партии. Пусть он сначала оденется и уйдет, чтобы не вышла неловкость».

Неловкость заключалась в том, что Молотов был исключен из партии после столкновения с Хрущевым. И вот теперь старый вершитель судеб послевоенной Европы ждал, пока оденется какой-то секретарь райкома. Так проходит мирская слава.

Я взял пальто Молотова, его калоши, одежду его спутницы и вынес ему. Он был с какой-то старой женщиной (его жена умерла – видимо, это была экономка). Так мы познакомились.

Он жил рядом с театром, на улице Грановского, и оттого дорожил этим театром, боялся поставить администратора в неловкое положение. Я напросился его провожать. Был тихий зимний вечер. Я был глуп, нетерпелив – сразу заговорил о Сталине и почувствовал: он тотчас стал напряжен. Я начал с безобидных вопросов:

– Почему Сталин даже летом носил сапоги? Есть много странных объяснений...

– Пожалуйста, назовите хотя бы одно, – попросил он очень вежливо.

– Полувоенный френч, военные сапоги – намек на войну за мировую революцию. Ленин носил такой же френч.

– Поэтично, – усмехнулся он. – Впрочем, Сталин писал стихи только в ранней юности. Что же касается мировой революции, действительно, мы не забывали о долге перед пролетариатом других стран... Но, в отличие от кричавших о мировой революции троцкистов, мы ее делали. И сделали – создали мировую систему социализма. Мы не кричали об индустриализации, как троцкисты, но сделали ее. Они говорили о коллективизации, а привел крестьян в колхозы Сталин... Хотя вначале вроде бы даже кулака защищал. Кстати, ведь и Ленин вроде бы верил в нэп...

Я помню до сих пор его тусклый голос и это насмешливое «вроде бы». И тут я, глупец, перебил его:

– «Вроде бы верил в нэп», чтобы успокоить «глухонемых»?

Я помню: он помолчал. И сказал сухо:

– Я не понял вас.

– Я говорю о завещании Ленина. Дело в том, что был слух, будто существовало большое завещание...

– Никакого большого завещания Ленина не существовало, – произнес он все тем же тусклым, ровным голосом.

Впоследствии я читал книжку поэта Чуева о его долгих беседах с Молотовым и нашел там один эпизод. Чуев спрашивает Молотова: «Существовали ли секретные протоколы о Прибалтике?» И Молотов, составивший эти протоколы, отвечает: «Никаких протоколов не существовало».

Думаю, он ответил таким же ледяным тоном. Вся дальнейшую дорогу он молчал. Потом я ему звонил, но так и не смог договориться о новой встрече. Возможно, я нарушил какое-то табу.

И все-таки «поэтично» предположим: большое завещание

было. Тогда обнаруживший его в ленинском кабинете Сталин чувствовал себя нашедшим карту сокровищ. Недаром Каменев сказал: «Сколько я ни спорил с ним – Ленин всегда оказывался прав». Все они верили в путеводный компас в руках Боголенина. Думаю, если бы Ильич повелел в этом завещании идти к нэпу «всерьез и надолго», Коба с той же энергией повел бы страну до конца этим путем. Но Ильич, конечно же, завещал иное. Нэп для радикала Ленина был не более чем ракетой, которая поднимает ввысь космический корабль и потом должна исчезнуть.

И может быть, на XVI съезде партии Сталин своими словами излагал экономический план из этого завещания: за десять лет революционным путем пройти столетие. Для этого потребуются индустриализация, колхозы и создание мобильной партии, не тратящей время на оппозицию, но строго выполняющей предписания Вождя. Только такая партия окончательно умиротворит страну, разбуженную революцией, и создаст единое общество. После чего можно перейти к осуществлению Великой мечты.

Хозяин

Сталин оставил вождей правых в ЦК, но выкинул из Политбюро Томского. Политбюро окончательно становится безропотным органом при Вожде. Правда, там остается жалкий, признавший свои ошибки Рыков. В назидание Вождь заставляет его бесконечно каяться.

После съезда, осенью, Сталин, как всегда, отправляется на юг и оставляет «на хозяйстве» Молотова.

Хозяйство – так именуется теперь в разговорах партийной верхушки партия и страна. И Сталин все чаще именуется в народе и партии почтительно – Хозяин.

Вторым человеком в стране становится Молотов – тень при Хозяине. Он в свое время первым оценил малоизвестного рябого грузина, который объявился в Петрограде, и без звука уступил ему «Правду». Когда Кобу назначили в Секретариат ЦК, Молотов занимал там пост ответственного секретаря. У него в руках был аппарат ЦК, который он, опять-таки без звука, подчинил Сталину.

Блестящий Троцкий считал его тупицей. И Бухарин жаловался Каменеву на «тупицу Молотова, который учит меня марксизму».

– Правда ли, что Ленин называл вас «каменной жопой»? – спрашивает Молотова Чуев.

– Знали бы вы, как Ленин других называл, – усмехаясь отвечает Молотов.

Нет, он не тупица. «Это очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно способный бюрократ... он любезен, доброжелателен» – так писал о нем бывший секретарь Сталина Бажанов. Да, Молотов просто хороший бюрократ, работоспособнейшая машина, тотчас выполняющая повеления Хозяина.

Что делать, революция давно уже не зеленоглазая желанная любовница, но постаревшая жена. Время блестящих людей ушло – наступило время Хозяйства. И вежливый Молотов в его дореволюционном пенсне на фоне сапожника Кагановича, слесаря Ворошилова и прочих пролетариев, которых Сталин собрал в своем Политбюро, кажется подлинным интеллигентом.

Пришло время «непросвещенного абсолютизма».

Отдыхая на юге, Хозяин ежедневно дает поручения Молотову:

22 октября 1930 года. Сочи. «Мне кажется, что нужно к осени окончательно решить вопрос о советской верхушке... Первое. Нужно освободить Рыкова... и разогнать весь их аппарат. Второе. Тебе придется заменить Рыкова на посту председателя Совнаркома и СТО... все это между нами, подробно поговорим осенью, а пока обдумай это дело в тесном кругу близких друзей. Ну, пока, жму руку, Сталин».

Он быстро двигает фигурки. Идет формирование Хозяйства. И на исходе 1930 года, убрав Рыкова из Политбюро, Хозяин делает Молотова главой правительства.

Хозяин – это теперь его официальное имя.

Из письма Кагановича Орджоникидзе от 12 июня 1932 года: «От Хозяина по-прежнему получаем регулярные и частые директивы... Правда, фактически ему приходится работать на отдыхе. Но невозможно иначе».

Да, иначе теперь будет невозможно до его смерти. Хозяин во все вмешивается, всем руководит. И народ, в чьей официальной истории тогда писалось: «Народ сверг всех хозяев в 1917 году», ласково зовет его... Хозяин!

Великий перелом состоялся. Большевистский бог лежит в Мавзолее, большевистский царь по имени Хозяин явился.

Итог революции, итог демократии, о котором писал Платон.

На XVI съезде, уничтожая правых, Хозяин веселил послушную аудиторию, восторженно внимавшую его незатейливому остроумию: «Появились у нас где какие трудности, загвоздки, а они уже в тревоге, как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели советской власти (общий хохот)».

Делегаты хохотали. А он знал – впереди был голод, о котором и предупреждали правые.

Желанный голод

Коллективизация, уничтожение кулаков должны были привести к этому невиданному голоду. Сталин и его ГПУ готовились к нему. Бесконечные процессы над вредителями и постоянный страх, непосильный труд, недоедание и скотские условия жизни уже переломили страну. И, глядя на безропотную, покорную очередь на бирже труда, западный корреспондент восклицал: «Неужели вот эти люди сделали революцию?!»

Зимой 1931 года бывший мичман Федор Раскольников, герой революционного Кронштадта, ставший благополучным дипломатом, приехал на отдых в родную страну. Его жена описала свои впечатления: «Все продуктовые магазины пусты. Стоят только бочонки с капустой. Введены карточки на хлеб с 1929 года». Население кормилось в столовых при фабриках и заводах. Но самое страшное ее поджидало прямо на улице: «Однажды... у Никитских ворот я увидела появившегося как из-под земли крестьянина с женщиной, держащей на руках младенца. Двое постарше цеплялись за юбку матери. Было в этих людях поразившее меня выражение последнего отчаяния. Крестьянин снял шапку и задыхающимся, умоляющим голосом произнес: «Христа ради, дайте что-нибудь, только побыстрее, а то увидят и нас заберут»... Ошеломленная жена знаменитого революционера спросила: «Чего вы боитесь, кто вас заберет?» – и высыпала все содержимое кошелька. Уходя, крестьянин сказал: «Вы

тут ничего не знаете. Деревня помирает от голода».

Украину, Поволжье, Кавказ и Казахстан охватил жесточайший голод. Миллионы голодающих пытались бежать в город, но там хлеб продавали по карточкам только горожанам. Высохшие, шатающиеся, крестьяне приходили на окраины городов и умоляли дать им хлеба. «Непохожие на живых людей тени с прозрачными от голода детьми»... Их увозила милиция или ГПУ.

И мальчишки кидали им вслед камни – в школе учили ненавидеть «проклятое кулачье» и их детей – «кулацкое отродье». Учителя рассказывали об извергах-кулаках, убивших пионера Павлика Морозова, который выдал своего отца-кулака органам ГПУ. По распоряжению Хозяина сын, предавший своего отца, занял важное место в большевистской пропаганде.

Сталин помнил уроки в семинарии: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня». Памятники Павлику Морозову были воздвигнуты по всей стране...

Хозяин сделал невозможное – запретил говорить о голоде. Слова «голод в деревне» он объявил «контрреволюционной агитацией». Миллионы умирали, а страна пела, славилась коллективизацию, на Красной площади устраивались парады. И ни строчки о голоде – ни в газетах, ни в книгах сталинских писателей. Деревня вымирала молча.

В разгар голода ГПУ и Ягода весьма удачно провезли по стране приехавшего в Россию Бернарда Шоу. Он приехал вместе с леди Астор, слывшей влиятельным политиком. Она твердо решила задать вопрос Сталину о репрессиях, но... так и не посмела. Шоу писал: «Сталин... принял нас как старых друзей и дал нам выговориться вволю, прежде чем скромно позволил высказаться себе».

Хозяин, видимо, понял Шоу: писатель обожал говорить, и он ему не мешал. И благодарный Шоу написал о «чистосердечном, справедливом, честном человеке», который «своим потрясающим восхождением обязан именно этим качествам, а не чему-то темному и зловещему».

СССР был объявлен Шоу «государством будущего». Правда, на вопрос, почему он не остается в этом государстве, «милый лжец» (так нежно называла Шоу актриса Патрик Кемпбелл) с усмешкой ответил: «В Англии действительно ад, но я старый грешник и моя обязанность находиться в аду».

Милые западные радикалы – они так мечтали, чтобы Утопия стала реальностью... И Шоу уверенно написал: «Слухи о голоде являются выдумкой».

Неизвестно, сколько жертв унес голод. Цифры колеблются от пяти до восьми миллионов.

С голодом Сталин боролся своим обычным методом – террором. В августе 1932 года он лично написал знаменитый закон: «Лица, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа».

Он установил жесточайшие наказания за любые хищения государственной собственности. Его закон прозвали в народе «законом о пяти колосках», ибо за кражу нескольких колхозных колосков голодным людям грозил расстрел или в лучшем случае – 10 лет тюрьмы. Все тот же Крыленко на пленуме ЦК в январе 1933 года негодовал: «Приходится сталкиваться с прямым нежеланием жестоко применять этот закон. Один народный судья мне прямо сказал: «У меня рука не поднимается, чтобы на 10 лет закатать человека за кражу четырех колосков». Мы сталкиваемся тут с глубоким, впитанным с молоком матери предрассудком... будто судить должно исходя не из политических указаний партии, а из соображений «высшей справедливости».

Судить нужно только «исходя из политических указаний партии»...

Скоро Крыленко проверит на себе этот тезис.

На 1 января 1933 года согласно новому закону было осуждено 55 тысяч человек и 2 тысячи – расстреляно. Люди умирали от голода, но колхозный хлеб тронуть не смели.

Несмотря на голод, экспорт хлеба в Европу не прекращался. Нужны были средства для новых, непрерывно строившихся заводов. В 1930 году было вывезено 48 миллионов пудов зерна, в 1931-м – 51, в 1932-м – 18, и в самом голодном 1933 году он все-таки продал 10 миллионов пудов.

Страхом, кровью и голодом он вел, точнее, волочил страну с переломанным хребтом по пути индустриализации.

Самое страшное: этот голод, им предвиденный, был

полезен. Окончательно обессилевшая, издыхающая деревня покорно приняла насилие коллективизации. Старая формула революционеров «чем хуже, тем лучше» – сработала.

А он все продолжал усмирение страны. И опять помог голод: по сводкам ГПУ, в города бежало более полутора миллионов крестьян. И, как бы защищая город от голодных толп, он

прикрепил крестьян к земле. В стране вводятся паспорта, но в сельской местности они на руки не выдаются. Беспаспортных крестьян в городе арестовывала милиция. Паспорта лишили людей права на свободное передвижение и дали ГПУ новую возможность жестко контролировать всех граждан. Ирония истории: в царской России существовали паспорта, их отмена – один из главных лозунгов революции.

Октябрьские мечтания о разрушении государства закончились: государство-монстр уже существовало.

Игры «Ягодки»

Создавая Империю, Сталин неустанно заботится об идеологии. И здесь его главным помощником становится ГПУ.

Ягода умел не только выколачивать признания из интеллигентов – он прекрасно работал с ними и вне тюрем. В его близких друзьях – самые знаменитые писатели, и Ягода придумал для них поразительный знак доверия: следователи часто зовут писателей в ГПУ – слушать допросы. Стоя в другой комнате, они слушают, как запугивают несчастного, как сломленный интеллигент соглашается оболгать друга.

Приходили в ГПУ и блистательный Исаак Бабель, и Петр Павленко. Надежда Мандельштам пишет: «В 1934 году до нас с Ахматовой дошли рассказы Павленко, как он из любопытства принял приглашение следователя и присутствовал, спрятавшись, на ночном допросе. Он рассказывал, что Осип Эмильевич (Мандельштам. –

Э.Р.) во время допроса имел жалкий и растерянный вид, брюки падали, он все время за них хватался и отвечал невпопад, порол чушь, вертелся, как карась на сковороде».

И самое страшное: Павленко не понимал чудовищности ситуации! Время уже вставило большинству особые сердца.

Жена самого страшного палача Николая Ежова, который сменит Ягоду, простодушно спрашивала Надежду Мандельштам: «К нам ходит писатель Пильняк. А к кому ходите вы?»

«Ходить» – это значит быть под покровительством великого ГПУ.

Воспитывает Ягода писателей, приручает.

Именно Ягода сумел выполнить задание Хозяина – вернуть в СССР Горького. С 1928 года в Сорренто организуется поток телеграмм и писем с родины, в которых рабочие рассказывают, как они ждут своего певца.

В том же 1928 году Хозяин организует небывалое по размаху 60-летие Горького. Он умеет славить... Портреты писателя, статьи о нем заполняют все газеты. Через посланцев Ягоды Хозяин предлагает Горькому пост духовного вождя страны, второго человека в государстве. Уже знакомое: «Мы с тобой – Гималаи».

Отвыкший за границей от прежней беспримерной славы, Горький соглашается посетить СССР. Коллективизация ему интересна: он всегда ненавидел «полудиких, глупых, тяжелых людей русских сел», и то, что теперь они должны превратиться в любимый им сельский пролетариат, в тружеников совхозов и колхозов – его обнадеживает.

Рядом с вернувшимся Горьким неотлучно находится Ягода, «Ягодка» – так ласково зовет писатель шефа тайной полиции. Ягода везет его в путешествие... по лагерям ГПУ. Горькому показывают бывших проституток и воров, ставших ударниками труда. И все время – постоянная, непрерывная лесть. Хозяин знает слабости людей...

В лагерях Горький умиляется увиденному, растроганно плачет и славит чекистов. Окончательно он возвращается в СССР в дни процессов интеллигенции, в год «шахтинского дела». И писатель-гуманист в статье в «Правде» дает формулу, которая станет лозунгом сталинского времени: «Если враг не сдается – его уничтожают».

Хозяин в нем не ошибся. Вернув Горького, он предназначит ему особую роль в усмирении интеллигенции.

С 1929 года, параллельно с процессами вредителей, идет кампания против «идеологических искривлений». Интеллигенцию учат быть осторожной с печатным словом. Малейшая неточность по сравнению с официальными взглядами грозит обвинением в извращении марксизма-ленинизма и в лучшем случае изгнанием с работы.

Громят биологов, философов, педагогов, экономистов. Все области знаний рапортуют о найденных «искривлениях». «Горе-ученые» – так их теперь называют – послушно каются на собраниях.

Постепенно стыд изгоняется из употребления. Страх сильнее стыда.

Теперь жестокие прежние годы кажутся царством свободы.

Совсем недавно, в 1926 году, Московскому Художественному театру разрешили выпустить «Дни Турбиных» Булгакова. Это был фантастический успех. Зрители с изумлением увидели пьесу, где белые офицеры изображались не привычными монстрами, но добрыми, милыми людьми. Постановка вызвала ярость партийных писателей, но у нее нашелся преданный зритель и защитник. Бессчетное количество раз Хозяин смотрел спектакль.

Загадка? Нет. Это была пьеса об обломках прежней Империи. А он, расправляясь с вождями Октября, уже видел Империю будущую.

Но любимцев у него быть не могло. В 1929 году, когда он усмирять интеллигенцию,

Художественный театр принимает новую пьесу Булгакова «Бег». Те же герои, те же идеи, что и в «Днях Турбиных». Но время – другое. И Хозяин обсуждает «Бег» на Политбюро. Орган, управляющий государством, разбирает... непоставленную пьесу!

В его Империи это будет нормой. Он знает: нет ничего важнее идеологии. Он выучил завет Ленина: с минимальной свободы в идеологии начнется потеря власти партией.

И через семь десятилетий жизнь подтвердит его правоту.

Выписка из протокола заседания Политбюро от 17 января 1929 года: «О пьесе Булгакова «Бег»: Принять предложение комиссии Политбюро о нецелесообразности постановки пьесы в театре». К протоколу добавлено заключение П. Керженцева – заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК: «Тенденция автора вполне ясна. Он оправдывает тех, кто является нашими врагами».

И, как по команде, во всех газетах дружно начали уничтожать Булгакова. Отдел ЦК действует – со сцены снимают «Дни Турбиных». Опытный Керженцев явно решил найти правый уклон в искусстве.

Но у Хозяина были другие планы насчет Булгакова.

Мой отец дружил с Юрием Карловичем Олешей – они оба учились в одесской Ришельевской гимназии. В 20—30-х годах Олеша – один из самых модных писателей. Но потом... нет, его не посадят – просто перестанут печатать. Он будет писать на бумажках ежедневные афоризмы, спиваться и спяну выбрасывать написанное.

В 50-х он ходил по улицам – нечесаная грива седых волос, шея обмотана грязным шарфом, орлиный нос – и все оборачивались. Так должен был выглядеть старый Пер Гюнт.

Он часто приходил к отцу – просил денег. Они подолгу беседовали. Именно тогда он рассказал, как затравленный Булгаков решил написать письмо Сталину. Эту идею ему подсказал некий подозрительный человек, которого многие считали стукачом. И Булгаков, сидевший без денег и тщетно пытавшийся устроиться на работу в Художественный театр, пишет отчаянное письмо Сталину – просит выслать его на Запад. Тогда, в дни процессов интеллигенции, это казалось самоубийством.

«Все случилось в апреле, – рассказывал Олеша. – По старому стилю было 1 апреля, и мы все разыгрывали друг друга. Я знал о его письме, позвонил ему и сказал с акцентом: «С вами хочет говорить товарищ Сталин». Он узнал меня, послал к черту и лег спать – он всегда спал после обеда. И тут опять раздался телефонный звонок. В трубке сказали: «Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин». Он выматерился и бросил трубку, подумав, что я не унимаюсь. Но тут же звонок последовал вновь, и раздался строгий голос секретаря Сталина: «Не бросайте трубку, надеюсь, вам понятно?» И другой голос, с грузинским акцентом, начал сразу: «Что, мы вам очень надоели?» После смущения Булгакова и взаимных приветствий Сталин спросил: «Вы проситесь за границу?» Булгаков, конечно, ответил, как должно, что-то вроде: «Русский писатель работать вне Родины не может» и так далее... «Вы правы, я тоже так думаю, – сказал Сталин. – Вы хотите работать в Художественном театре?» – «Да, хотел бы, но... мне отказали». – «Мне кажется, они согласятся». И он повесил трубку. Тут же позвонили из театра: просили Булгакова поступить на службу...»

Вся Москва рассказывала о благородном звонке Вождя. Рождалась легенда о всемогущем покровителе искусства и злобных бюрократах, его окружающих.

И Булгаков пишет пьесу «Мольер» – о короле, который один защищает драматурга против злобной дворцовой камарильи. Тот же Керженцев моментально сочиняет донос в ЦК: «В чем политический замысел автора? Булгаков... хотел в своей пьесе показать судьбу писателя,

идеология которого идет вразрез с политическим строем, пьесы которого запрещают... И только король заступает за Мольера и защищает его от преследований... Мольер произносит такие реплики: «Всю жизнь я ему (королю) лизал шпоры и думал только одно: не раздави. Я, быть может, мало вам льстил? Я, быть может, мало ползал?» Сцена завершается возгласом: «Ненавижу бессудную тиранию» (мы исправили на «королевскую»)...

Политический смысл, который вкладывает в свое произведение Булгаков, достаточно ясен...»

Хозяин согласился с предложением Керженцева снять пьесу, но запомнил: только король помогал Мольеру. И отметил готовность Мольера, несмотря на ненависть к тирании, служить этому единственному защитнику.

Старый партиец Керженцев будет расстрелян. А Булгаков уцелеет.

Все время Сталин приучает страну к мысли: за всем следит Хозяин, обо всем мало-мальски серьезном ему докладывают.

В 1931 году обсуждался вопрос о разрушении Даниловского монастыря, переставал существовать и Некрополь, где покоился прах Гоголя. И Хозяин принял решение: перенести прах писателя с кладбища Даниловского монастыря на Новодевичье. Но после перенесения праха возникли странные, точнее, страшные слухи: при вскрытии могилы оказалось, что Гоголь был похоронен... живым.

Литературоведы заволновались, вспомнили завещание Гоголя: «Тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться».

Доложили Хозяину. Ягоде пришлось дать подробный отчет обо всем, что произошло на кладбище.

31 мая 1931 года (мистическое число!) приготовились к перезахоронению Гоголя. Директор Новодевичьего кладбища пригласил писателей – Олешу, Лидина, Светлова... Пришли и друзья директора. Многих он приглашал, как на представление, – естественно, кроме священнослужителей. Были и «товарищи» из некоего ведомства, которое, как известно, в приглашении не нуждается.

Гроб вскрыли – и поразились: в гробу лежал скелет с повернутым набок черепом...

Во время перенесения прах был несколько разграблен. Кусочек жилета Гоголя взял Лидин – он его вставил в переплет прижизненного издания «Мертвых душ». Кто-то из друзей директора забрал сапог, кто-то даже кость...

Происшествие Хозяину не понравилось. Ягода получил указание, и уже через несколько дней все похищенное было возвращено в могилу. А в газетах было напечатано официальное объяснение: «В повороте головы покойника нет ничего загадочного. Раньше всего подгнивают боковые доски гроба, крышка под тяжестью грунта начинает опускаться, давит на голову мертвеца, и та поворачивается набок. Явление довольно частое...»

Хозяину не хотелось ассоциаций, ибо в это время он хоронил заживо искусство революции, Авангард – часть Великой утопии.

Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом – Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого искусства, друг Маяковского. Он абсолютно лыс. На пицундском солнце

блестит продолговатая голова. Впрочем, и в двадцать лет он был такой же – совершенно лысый... Все мое детство прошло под знаком Виктора Борисовича, с которым отец сочинял сценарии. Только потом я узнал, что Шкловский был главным создателем теорий великого Авангарда 20-х годов. Сверкающий купол его головы маячил на всех знаменитых диспутах. Теперь ему девяносто лет. Он остался один – все участники тех диспутов давно лежат в могилах, чаще в безвестных, расстрелянные в дни сталинского террора...

Шкловский рассказывает, и его мысль движется, как атомный распад: «Горький был старого закала папаша – ничего не понимал в Авангарде, он казался ему надувательством. Сталин не зря вспомнил о Горьком, когда решил покончить с искусством революции. Горький совершенно не понимал живопись. Все главные действующие лица Авангарда сформировались до революции... Малевич, Татлин, Мейерхольд, Маяковский, Хлебников. Мы ненавидели «кладовые» – так мы называли дворцы и галереи, где прозябало искусство, – и после Октября вывели его на улицу. Наступил мир левого искусства: Татлин и Малевич... Татлин как-то приходил к вашему отцу, вы не помните? Ах да, вы были крошкой. Тогда Татлин был жалок, сломлен. А в 20-х это был мессия. Он ненавидел Малевича и обожал его. В мастерской он поставил пресловутую палатку, чтобы Малевич, придя, не похитил его идеи. Он был серьезен и без юмора. После Октября он создал башню Третьего Интернационала – символ нового времени. Он задумал ее как новую Вавилонскую башню. Отвергнувший Бога пролетариат по ее спирали взбирался на новые небеса – небеса мировой революции. В башне должен был разместиться Коминтерн. Это был синтез всего нового – живописи, архитектуры, скульптуры. И конечно же, ее никто не мог построить. Это была мечта. Потом он создал проект костюма для пролетариата, который никто не мог носить. Потом он поставил спектакль по поэме Хлебникова, который никто не мог понять. Потом он создал модель летательного аппарата, который, конечно же, не мог летать. Он считал: искусство должно только ставить задачи перед техникой. Все делалось для будущего».

Татлин увидел это будущее. Гений Великой утопии умер в 1953 году в Москве – в безвестности и постоянном страхе.

В крохотных комнатках коммунальных квартир они спорили о новом искусстве. В азиатской России рождались урбанистические миражи и бесчисленные литературные течения. Мебели в квартирах не было – сожгли в холодную зиму 1918 года, а потом объявили ее мещанством. Их женщины презирали работу по дому – окурки и объедки они просто покрывали слоем газет, так что пол поднимался после каждой вечеринки. На этом газетном ложе они любили своих женщин, веривших в новое искусство. Возлюбленные возлежали среди партийных дискуссий и призывов к мировой революции.

Я спрашиваю Шкловского:

– Почему левая интеллигенция пошла со Сталиным, когда он сражался с Бухариным?

– Правые – это был сытый мир: нэпманы, лавочники, зажиточные тупые крестьяне. Когда Сталин провозгласил индустриализацию, мы радовались – наступало время урбанизма и нового искусства. Недаром в 1931 году Татлину присудили самое почетное тогда звание – «заслуженный художник».

И уже в 1932 году его объявили «буржуазным формалистом».

Я слушал Шкловского и думал: они верили? Или предпочли поверить? Ведь страной уже правил тотальный страх, который заставил Эйзенштейна бесстыдно переделать «Октябрь», который дал Хозяину возможность преспокойно, без всяких эксцессов удушить искусство Великой утопии.

Один из вождей Авангарда, Владимир Маяковский, последовал обязанности русского поэта быть пророком. Как и Есенин, он чувствовал будущее и на пороге страшных 30-х годов, в

преддверии конца левого искусства, выстрелом из револьвера закончил жизнь. Его главные агитационные строчки – «И жизнь хороша, и жить хорошо!» – стали насмешкой над несчастным человеком, лежавшим на полу с пулей в груди...

Рядом издыхал Авангард.

Они хотели революции в искусстве, а новая власть хотела искусства для революции. Первое наступление на левое искусство было задумано Лениным. Сразу после учреждения поста Генсека он образовал РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей. РАПП с командой партийных критиков становится организацией, открыто управляющей искусством. Но там сидело много троцкистов и зиновьевцев, и Хозяин поступил тонко: в 1932 году он уничтожает РАПП, что, естественно, вызвало восторг большинства писателей и воспринималось как помягчение. Но тем же постановлением он распустил все литературные группировки. Авангард был попросту прикрыт административным решением.

Однако перед опубликованием постановления он захотел, чтобы роспуск РАППа и конец Авангарда произошли по инициативе самих писателей...

Рассказ об этой знаменитой встрече я слышал в разные годы – от Петра Павленко и Евгения Габриловича.

Накануне роспуска РАППа в квартирах многих известных писателей звонил телефон: их звали прибыть в особняк Горького. Зачем – не объясняли.

Писатели съехались. Горький таинственно встретил гостей на лестнице, пригласил в гостиную. Там писатели долго сидели – кого-то ждали. Наконец в комнату вошли дорогие гости: Сталин в окружении главных соратников. Габрилович рассказывал, как он впился глазами в диктатора: «Это был маленький человек в темно-зеленом френче тонкого сукна, от него пахло потом, нечистым телом. Запомнились густые черные волосы, наехавшие на маленький лоб, и рябое лицо, бледное от постоянной работы в кабинете. Он был очень подвижен, как все маленькие люди, и часто смеялся – прыскал смехом под усами, и в лице появлялось что-то хитроватое, грузинское. Но когда он молчал, кустистые брови, идущие косо вверх, придавали его лицу жесткое и непреклонное выражение».

Он вежливо слушал выступления писателей, но по его репликам все с изумлением поняли: он поддерживал беспартийных писателей против могущественного РАППа. Потом он произнес речь, в которой уничтожал прежних рапповских начальников и славил собравшихся писателей: «Вы производите нужный нам товар. Нужнее машин, танков, самолетов – души людей...» Он назвал писателей «инженерами человеческих душ». Души его очень интересовали, и оттого определение ему нравилось. В перерыве, беседуя с писателями, он его повторил, при этом его палец уперся в грудь одного из гостей.

От страха тот бессмысленно бормотал:

– Я? Я что? Я не возражаю...

– То есть как это «не возражаю»? Исполнять надо, – последовала реплика простодушного Ворошилова.

Писатель закивал. Он не знал точно, что исполнять. Но был готов.

Среди присутствовавших был Шолохов – автор знаменитого «Тихого Дона». В то время уже появились слухи, что он украл роман у репрессированного казачьего офицера – не верили, что этот молодой и столь неинтеллектуальный человек мог написать великую книгу.

Шолохов был его писатель. Сталин запретил разговоры под угрозой ареста, но слухи

продолжались, ибо никто не понимал, почему так жалко и странно ведет себя сам Шолохов, почему он не борется за свою репутацию. Авторство «Тихого Дона» стало одной из литературных загадок века.

На самом деле все объяснимо. Бедный Шолохов не смел ничего доказывать, ибо незадолго до выхода книги был арестован человек, жизнь которого послужила основой для романа.

Из рассекреченного дела: «6 июня 1927 года на коллегии ГПУ заслушали дело номер 45529 по обвинению гражданина Ермакова... Постановили: Ермакова Харлампия Васильевича – расстрелять».

В деле – фотография молодого усатого казака и биография Ермакова. Это биография Григория Мелехова, героя «Тихого Дона». Так же, как и Мелехов, Ермаков был призван на военную службу в 1913 году, воевал, был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, произведен в хорунжи. Так же дрался с бандами полковника Чернецова на стороне красных, так же вел себя во время восстания в станице Вешенской и так далее.

Любопытнейший документ находится в деле – письмо к Ермакову молодого Шолохова, тогда еще малоизвестного писателя: «Москва. 06.04.26. Уважаемый товарищ Ермаков! Мне требуется получить от вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года, надеюсь, что вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения... полагаю быть у вас в мае – июне сего года. С приветом Шолохов».

Да, Шолохов не мог привести самое простое доказательство своего авторства – имя героя и информатора. Это значило зарубить книгу: ведь Харлампий Ермаков, герой лучшего советского романа, был врагом народа, расстрелянным ГПУ.

Ермаков был реабилитирован только в 1989 году, уже после смерти Шолохова. Так что писателю до конца жизни пришлось молчать. И пить.

Великая армия искусств

Теперь все писатели, партийные и беспартийные, должны были объединиться в Союз писателей – организацию, созданную по точному образцу партии: те же секретари, те же пленумы и съезды. Во главе этой литературной партии Сталин поставил вождя – Горького, с его неприятием левого искусства. Все было продумано: имя Горького должно заслонить от европейских радикалов придушенный Авангард.

Организацию Союза писателей Сталин поручил Бухарину – эта работа отодвигала его от жизни партии. Надзирателем к Бухарину он приставил исполнительного Ивана Гронского – главного редактора газеты «Известия», журналов «Новый мир» и «Красная Нива».

Этот трижды главный редактор, естественно, будет арестован в 1937 году. Но что неестественно – он избежит расстрела и вернется из лагерей после смерти Сталина.

У Гронского была репутация не очень умного, но очень доброго человека. Но вот что рассказал этот добряк в 1963 году на встрече с сотрудниками архива Горького: «Как-то приезжаю к Горькому. Стоит мужчина среднего роста. Горький его представляет: «Светлейший князь Святополк-Мирский» – одна из знатнейших фамилий царской России». Они сели за стол, и тут Гронского поразило: «чем больше князь пил, тем делался осторожней». Осторожность князя ему не понравилась, и, вернувшись, Гронский попросил ГПУ «подобрать материалы на князя» и выяснил, что тот окончил Пажеский корпус, был

знаком с Деникиным и Врангелем, жил в Англии, прежде чем вернуться в Россию. Бдительный Гронский немедленно «узнал работу «Интеллидженс сервис» – британской разведки – и обратился к Ягоде и лично к Сталину, после чего несчастный князь, которого уговорили переехать в СССР, исчез в лагерях. И вот Гронский, уже сам отсидев ни за что полтора десятка лет в лагерном аду, с гордостью рассказывает про свою бдительность.

Так что добряк Гронский был «своим» в этом безумном времени...

Он, пожалуй, первый очевидец, рассказавший правду об отношении Хозяина к Горькому: «Не раз мне приходилось слышать такие рассуждения: «Что такое Алексей Максимович?» И Сталин начинал перечислять длинный список выступлений Горького против большевиков. Но он понимал: Горький – это политический капитал».

Накануне создания Союза писателей Сталин присвоил имя Горького городу, где тот родился, главной улице в Москве, знаменитому Художественному театру...

– Товарищ Сталин, – робко возражает Гронский, – это скорее театр Чехова.

– Не имеет значения, – отвечает Сталин, – Горький – честолюбивый человек, и мы должны привязать его к партии канатами.

Гронский не знал: Хозяин смотрел далеко вперед. В том кровавом будущем, о котором он уже тогда думал, Горькому придется со многим смириться. Сталин заранее задабривал его, связывал канатами тщеславия, чтобы ему было что терять. Хозяин знал силу честолюбия – этой жалкой слабости жалких интеллигентов, этой приманки, на которую все они с удивительным однообразием клевали.

На юбилее Горького присутствовал приехавший в Москву знаменитый французский писатель Анри Барбюс. Он писал протроцкистские статьи, за что на него обрушились французская компартия и Коминтерн.

«Дураки, – сказал Сталин Гронскому. – Барбюс – это политический капитал, а они его растранижают». И он забрал себе этот капитал, поймав француза на ту же удочку.

Барбюс скромно сидел на юбилейном заседании в Большом театре. В середине торжественного доклада Хозяин велел извлечь Барбюса из недр зала. И вот Гронский выводит ничего не понимающего писателя на сцену. Сам Сталин торжественно встает и, прервав доклад, начинает аплодировать. Президиум, естественно, тотчас вскакивает вслед за Хозяином, встает ничего не понимающий, но покорный зал. Под гром аплодисментов Сталин сажает потрясенного Барбюса на свое место, а сам скромно отсаживается в третий ряд.

И Барбюс напишет о нем вдохновенно: «Кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе... находится в руках этого человека с головой ученого, лицом рабочего, в одежде простого солдата».

«Он был великий артист, – пишет Гронский. – Вот он беседует с человеком: ласков, нежен, все искренне. Провожает до дверей и тут же: «Какая сволочь».

Организация идеологии продолжается. Вслед за писателями вводится единообразие во всю культуру: Авангард уничтожается и в музыке, и в живописи. Создаются Союзы композиторов, художников – опять же с секретарями, пленумами, съездами... все те же зеркальные отражения партии. Никаких неофициальных групп в искусстве более не будет. Гронский собирает художников в Москве и под улюлюканье зала заявляет: «Социалистический реализм – это Рембрандт и Репин, поставленные на службу рабочему классу».

Свистят новаторы, отменившие вчера буржуазное искусство, но Гронский продолжает: «Напрасно беснуетесь, господа. Формалистический хлам нам более не нужен».

Хозяин возвращал прежних художников – художников Империи. Ненавистный реалист Репин, написавший гигантское полотно «Заседание Государственного совета», объявлен образцом. Восстановлена Академия художеств, сменена экспозиция в Третьяковской галерее: Авангард загнали в крохотную комнатку.

Отныне все деятели культуры получили единый творческий метод – по образцу партии. Только признающие его имеют право быть членами Союзов. Всякое отступление от метода должно караться, как и фракционность в партии. Метод, разработанный Бухариным и Горьким, именуется методом социалистического реализма. Главный его смысл – в «партийности». Только произведения, служащие партии, имеют право на существование. Другие составные части метода – «реализм» и «народность» – запретили навсегда прекрасные безумства Авангарда.

Отняв свободу, Хозяин с восточной щедростью наградил членов новых Союзов. Великолепные бесплатные мастерские и продовольственные пайки в то голодное время получили художники. Но особенно щедр он к писателям – отдельные квартиры, загородные дома и сытые пайки подчеркивали особую важность в идеологии «инженеров человеческих душ». В обмен на свободу деятели культуры станут одной из самых престижных, самых высокооплачиваемых групп в его Империи.

На встрече с Хозяином в особняке Горького писатели, еще не зная о грядущих льготах, кланчили блага. На унылый намек писателя Леонова о том, что у него нет подходящей дачи, последовала неожиданная мрачная реплика Хозяина: «Дачи Каменева и Зиновьева освободились, можете занять».

Дачи в это время действительно освободились...

Глава 13 Гибель Надежды

Единственный заговор

Весь 1932 год Сталин продолжает беспрестанно бороться. Он беспощадно разгромил «школу Бухарина», чтобы не перед кем было форсить гениальному Николаю Ивановичу. Анна Ларина – жена Бухарина – рассказывает: выйдя с заседания Политбюро, Бухарин обнаружил, что потерял свой любимый карандаш. Вернувшись в комнату заседаний и нагнувшись за упавшим карандашом, он увидел на полу бумажку, на которой рукой Сталина было написано: «Надо уничтожить бухаринских учеников». Это случилось еще в 1929 году.

Да, конечно, он уже тогда все придумал. Но сначала он заставил Бухарина не только отречься от убеждений, но и предать верных учеников. И тот исполнил! Ученики были высланы из Москвы, но Сталин знал: молодежь не покорится.

Вскоре ГПУ сообщило: они по-прежнему собираются, ведут свою пропаганду. И Хозяин смог завершить задуманное: в октябре 1932 года было арестовано четыре десятка бухаринских учеников.

Молотов вспоминал: «Все было, голод и волнения. Но уж тут руки не дрожат, поджилки не должны трястись, а у кого задрожат – берегись, зашибем!»

В этом разбойном кличе – атмосфера борьбы и ярости. Пусть голод, трупы – но Сталин волочил страну по задуманному пути. «Исполинская, несгибаемая сила воли», – сказал о нем Черчилль.

Летом 1932 года Сталин узнал, что в партии составлен заговор. Первый достоверный заговор. И Хозяин постарался, чтобы он стал последним.

Солнечным августовским утром 1932 года в деревне Головино под Москвой появилось несколько явно городских жителей. В деревню съехались: Владимир Каюров – у него когда-то скрывался Ленин в июле 1917 года; Михаил Иванов – тоже из старой гвардии, член партии с 1906 года; сын Каюрова Василий, член партии с 1914 года, и еще несколько старых большевиков.

Всех их собрал в деревне Мартемьян Рютин. Еще недавно он избивал сподвижников Троцкого во время демонстрации 1927 года. Но был Рютин из крестьян, учительствовал в селе, и это все определило: он не примирился с разгромом правых, с уничтожением деревни.

Хозяину пришлось «вышибить» его из райкома. В 1929 году Рютина послали в Сибирь уполномоченным по коллективизации. Но он пользовался авторитетом в партии, и Хозяин решил сохранить его. Рютина вызывают в Москву и в феврале 1930 года назначают членом президиума ВСНХ и главой Управления кинофотопромышленности.

В августе 1930 года Хозяин отдыхал в Сочи. Рютин тогда тоже отдыхал на Кавказе, и Сталин позвал его к себе. Он предложил Рютину публично покаяться и осудить правых, но из разговора ничего не вышло: Рютин «увильнул».

В сентябре последовал ответ Хозяина. Отдыхавший вместе с Рютиным работник наркомата оборонной промышленности А. Немов написал донос и на очной ставке заявил, что Рютин называл Сталина «шулером, политиканом, который доведет страну до гибели». И вот уже Сталин пишет Молотову: «Мне кажется, нельзя в отношении Рютина ограничиться исключением (из партии). –

Э.Р.). Его придется выслать куда-нибудь подальше. Эту контрреволюционную нечисть надо разоружить до конца».

Его исключили из партии, арестовали, но вскоре освободили. Конечно, это Хозяин велел его освободить. Он понял его характер: Рютин не сдастся. И скоро можно будет поймать рыбку покрупнее.

Так и случилось: освобожденный Рютин тотчас начал подпольную деятельность, как в добрые царские времена, – создал «Союз истинных марксистов-ленинцев» для борьбы с неистинным – Сталиным. И конечно, все это время за ним следит бдительное ГПУ.

Для оформления Союза они и прибыли в деревню Головино. Рютин сделал доклад «Кризис партии и пролетарской диктатуры». Утвердили платформу нового Союза и воззвание, избрали руководство – комитет. Рютин в него не вошел «по причинам конспиративного характера».

Разъехавшись, начали распространять документы Союза. Хозяин им пока не мешал. Большинство документов оказалось в архиве ГПУ, ибо почти все, кому их передавали, немедленно пересылали их туда. Так что в членах своей партии Сталин не ошибся.

Не ошибся он и в бывших вождях. Он уже знал: Бухарин с документами ознакомился,

Зиновьев и Каменев – тоже. Но никакого заявления – ни в ГПУ, ни в ЦК – не последовало. Так они нарушили обязанность членов партии немедленно информировать партию и ГПУ об оппозиции. Так они попались.

Представляю, как он читал рютинские документы, все эти грозные обвинения: «авантюристические темпы индустриализации и коллективизации», «изменений ждать невозможно, пока во главе ЦК – Сталин, великий агент-provokator, разрушитель партии, могильщик революции в России», «на всю страну надет намордник», «бесправие, произвол и насилие», «дальнейшее обнищание, одичание деревни», «труд держится на голом принуждении и репрессиях», «литература и искусство низведены до уровня служанок и подпорок сталинского руководства». И вывод: «или дальше безропотно ожидать гибели пролетарской диктатуры... или силой устранить эту клику».

Ну что ж, они до конца высказались. Теперь он мог ответить.

15 сентября 1932 года вся группа была арестована ГПУ. На Комиссию партконтроля были вызваны Зиновьев и Каменев. Им предъявлено обвинение: знали о контрреволюционной группе, но не сообщили. Припомнили Каменеву и разговор с Бухариным, и союз с троцкистами... Вожди Октября были исключены из партии и отправлены в ссылку – Каменев в Минусинск, Зиновьев в Кустанай.

Бухарина он не тронул. Бухарин должен был еще поработать на Хозяйство. Но материал копился...

После чего Сталин расправился с рютинцами. 11 октября коллегия ГПУ приговорила всех к разным срокам тюрьмы. Десять лет получил сам Рютин. Его отправили отбывать срок в Верхне-Уральский политический изолятор. В бывшей царской тюрьме бывший народный учитель и бывший партийный функционер Рютин встретил праздник Октябрьской революции в 1932 году.

Все это время он писал письма жене: «Вот уж сутки, как я доехал... Нервы успокоились более-менее... Я живу теперь одной надеждой: партия и ЦК простят в конце концов своего блудного сына».

Таков этот

единственный партийный борец – сразу заговорил о прощении. Очередной волк не может выйти за флажки, ибо все они панически боятся оказаться вне священной партии. И Рютин, так смело обличавший ужасы диктатуры Сталина, уже называет себя «блудным сыном» и жаждет пощады.

«Обращение, – пишет Рютин, – предупредительное, тактичное, вежливое»... Еще действует ленинское табу о неприкосновенности членов партии. Расстрелы – это удел беспартийных.

Голод, аварии на производстве, восстания крестьян – все это оживило оппозицию. Все сильнее ненависть. Но зорко следит Ягода – партия опутана стукачами, и мятеж пресекается на корню.

Донесли Сталину и о преступных разговорах, которые велись в праздничную ночь 7 ноября на квартире видного партийного функционера и старого большевика А. Эйсмонта: «Если говорить в отдельности с членами ЦК, то большинство против Сталина, но когда голосуют, то голосуют единогласно «за». Вот мы завтра поедем к Александру Петровичу Смирнову (тоже старому большевику. –

Э.Р.), и я знаю – первая фраза будет: «Как во всей стране не найдется человек, который мог бы его убрать?» – рассуждал Эйсмонт.

Эйсмонта и Смирнова потом арестуют, но Сталину будет уже не до них. В следующую ночь – с 8 на 9 ноября, – когда Рютин писал письмо жене из тюрьмы, а доверчивый Эйсмонт продолжал веселиться и болтать с провокатором, в сталинском доме произошла катастрофа.

Ночной выстрел

Праздничные дни принесли Сталину обычные хлопоты. 7 ноября вместе с соратниками он принимал военный парад на Красной площади. 8 ноября тоже был праздничный день. Все партийцы веселились. Праздновал и Хозяин. Вместе с женой он пришел в гости к Ворошилову. В ту ночь в Кремле на его квартире собралось высшее общество.

Сталин много пил, старался расслабиться – он очень устал. Страшный год. Он понимал: еще один год голода – и народ не выдержит, голодное брюхо победит страх. И покорные соратники начнут бунт. Эйсмонт, Рютин – это сигналы... Но виду он не показывал – праздновал. Веселился грубо, много матерился. Образ грубого солдата партии уже стал его существом.

Утром после этой веселой ночи его жену нашли с пулей в сердце. Рядом валялся пистолет – маленький «вальтер», столь удобный для дамской сумочки. Этот пистолет подарил ей родной брат, Павлуша Аллилуев.

Через шестьдесят с лишком лет после этого события я беседую с Аллилуевой-Политковской, дочерью того самого Павлуши.

Кира Павловна Аллилуева-Политковская закончила театральное училище. Она собиралась поступить в Малый театр, готовилась сниматься в фильме, но арест ее матери в декабре 1948 года (мы еще к нему вернемся), а затем и уже ее собственный арест навсегда прервали многообещающую карьеру.

После освобождения она играла в провинциальных театрах, потом работала на телевидении... Я встретился с нею в 1992 году в ее маленькой квартирке – в одном из типовых московских домов, затерянных в районе Речного вокзала. Несмотря на бесконечные удары судьбы, она добра и разговаривать с нею было радостно и легко...

Она начала свой рассказ с истории семьи: «Прабабушка у Аллилуевых была цыганка – и мы все черные и порой бешеные, вспыльчивые... Говорят, Надя была очень веселая девушка, хохотушка... Но я этого уже не застала. Когда все поняли, что он за ней ухаживает, ей стали говорить, что у него очень тяжелый характер. Но она была в него влюблена, считала, что он романтик. Какой-то у него был мефистофелевский вид, шевелюра такая черная, глаза огненные... В Петербурге она не была еще его женой, ждали, когда ей исполнится шестнадцать. После переезда правительства в Москву Надя поехала с ним в Царицын – секретаршей, потом стала его женой»...

Потом она работала в секретариате у Ленина (так что, полагаю, Кобе было нетрудно многое узнавать через наивную маленькую Надю). Однако вскоре ей пришлось уйти – она была «в положении». Но постеснялась сказать, что беременна, объяснила уход желанием мужа. Ленин пожал плечами и сказал: «Азиат», впрочем, наверняка с нежностью – он тогда любил Кобу.

В 1921 году, во время очередной чистки партии, Надю исключили «как балласт, не интересующийся партией». Она объясняла свою неактивность рождением ребенка, но тщетно. Однако Ленин, выдвигавший тогда Кобу, не позволил ударить по его протекже. Он

написал в декабре 1921 года письмо о заслугах Аллилуевых, ее оставили в партии, но перевели в кандидаты.

«Она была порой красива, а порой очень дурна – это зависело от настроения», – вспоминал очевидец. «Она не была красива, но у нее было милое, симпатичное лицо, – писал Бажанов. – Дома Сталин был тиран, не раз Надя говорила мне, вздыхая: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются, чрезвычайно тяжелый человек».

Видимо, сначала, как когда-то его мать, она – целиком в подчинении мужа. Но также, как его мать, скоро стала проявлять свой вспыльчивый, независимый нрав.

Невозвращенец генерал Орлов, работавший в верхушке ГПУ, писал в своей книге воспоминаний: «Это Надя кроткая? – насмешливо спросил меня начальник охраны Сталина Паукер. – Она очень вспыльчива!»

Это – семейная черта. Аллилуева-Политковская рассказала мне эпизод: ее отец, добрейший Павел, рассердился – и во внезапном припадке необузданного гнева разломал бильярдный кий. Она пояснила, прелестно вздохнув: «Цыганская кровь!»

Но в первые годы они, видимо, счастливы. Его бесприютная жизнь закончилась: теперь у него есть дом. Она устраивает этот дом в бывшем подмосковном имении нефтяных королей Зубаловых. На их заводах в Баку он в молодости организовывал стачки и революционные кружки. Был особый смысл в том, что он и другой бакинский революционер, Микоян, поселились в зубаловских владениях. Эмигрировавшие нефтяные короли все оставили новым хозяевам – гобелены, мраморные статуи, парк, теннисный корт, оранжереи... Ему все тогда удавалось, он стремительно шел к власти. Рядом жили сподвижники. Им всем было что вспомнить – столько лет скитаний, тюрем, подполья, террора и крови...

Она родила ему сына. Сын – счастье для грузина... Нет, жизнь решительно ему улыбалась! И отзвуки того счастья – в его письме к Демьяну Бедному: «Очень хорошо, что у вас радостное настроение. Нашу философию метко передал американец Уитмен: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил».

Но в его доме жил еще один мальчик, как напоминание о другой, исчезнувшей жизни. «Брат» Киров доставил ему забытого сына Якова...

Бажанов: «На квартире Сталина жил его старший сын, которого называли не иначе как Яшка. Это был скрытный юноша, вид у него был забитый... Он был всегда погружен в какие-то внутренние переживания. Можно было обращаться к нему, но он вас не слышал, вид у него был отсутствующий».

Есть много рассказов о том, как Надя жалела Яшу, что чуть ли не роман у нее был с мальчиком и... прочая нелепая чушь.

На самом деле она не любила пасынка – диковатого мальчика. Но жалела Иосифа и сама написала об этом его тетке Марии Сванидзе: «Я уже потеряла всякую надежду, что он (Яков.

–
Э.Р.) когда-либо сможет взяться за ум. Полное отсутствие всякого интереса и всякой цели... Очень жаль и очень неприятно за Иосифа, его это (при общих разговорах с товарищами) иногда очень задевает».

Бедный Яша – нелюдимый, закомплексованный. В Архиве президента есть несколько воспоминаний его сверстников. В. Буточников учился в Кремле в военной школе и дружил с этим неразговорчивым юношей: «Яша почти никогда не принимал участия в оживленном разговоре, исключительно спокоен и одновременно – вспыльчив».

Тоже вспыльчив! Трое вспыльчивых людей оказались под одним кровом. Первым не выдержал самый слабый. Яша не перенес постоянного презрения отца. Чувственный, как все южане, он рано решил жениться. Но отец не только запретил – посмеялся над ним. И Яша пытался застрелиться, но, видимо, испугался и только ранил себя. После этого не захотел остаться в доме – решил уехать, бежать в Ленинград, к Аллилуевым.

9 апреля 1928 года. Сталин – Надежде: «Передай Яше от меня, что он ведет себя как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть ничего общего. Пусть живет где хочет и с кем хочет».

Родив сына, она не работала, жила замкнуто. А он всегда был на работе. Вечно окруженный соратниками, Сталин жил в мужском братстве, всех женщин называл «бабами». Эта пренебрежительность ранила ее. Орджоникидзе взял Надю в свой секретариат, но эта скучная работа была ей противна. Она никак не могла найти себя и опять сидела дома.

Но теперь этому было хоть какое-то объяснение – она вновь носила ребенка. В то время нередкими гостями в ее доме были Сванидзе – Алеша, брат первой жены Иосифа, и его жена, немолодая певица из Тифлиса. Она была близка Наде своим одиночеством. Обе жаловались друг другу на беспросветную жизнь в кругу стареющих революционерок – жен кремлевских вождей.

В архиве среди бумаг Марии Сванидзе я увидел Надино письмо к ней: «Я в Москве решительно ни с кем не имею дела. Иногда даже странно: за столько лет не иметь приятелей, близких. Но это, очевидно, зависит от характера. Причем странно: ближе чувствую себя с людьми беспартийными, женщинами, конечно. Это объясняется тем, что эта публика проще, конечно... Страшно много новых предрассудков. Если ты не работаешь – то уже «баба». Хотя, может быть, не делаешь этого, потому что считаешь работу без квалификации просто не оправдывающей себя... Вы даже не представляете, как тяжело работать для заработка, выполняя любую работу. Нужно иметь обязательно специальность, которая дает возможность не быть ни у кого на побегушках, как это обыкновенно бывает в секретарской работе... Иосиф просит передать вам поклон, он к вам очень хорошо относится (говорит – «толковая баба»). Не сердитесь – это его обычное выражение («баба») по отношению к нашему брату».

«Я очень одинока без Нади, – напишет Мария после ее смерти. – Она была умна, благородна, сердечна, пряма, справедлива. Никогда ни о ком не говорила дурно, не сплетничала».

Мужские грубоватые отношения – таков семейный быт настоящих большевиков. Никакой буржуазной сентиментальности! «Твердый», «железный», «стальной» – вот новые комплименты нового строя. Неработающая женщина, которая не может быть товарищем по партии, – кто она? Конечно, «баба». И только «баба».

Взрослея, она все чаще не уступала ему – как когда-то его мать не уступала его отцу. Она уже не прощала ему грубости. Возникали скандалы. Обидевшись, они могли молчать по несколько дней.

Она говорила ему «вы», он ей – «ты». Однажды он перестал с ней разговаривать, и только через несколько дней она выяснила: он обижен, что она зовет его на «вы». Они умели обижаться оба – надолго обижаться, но все-таки это была любовь – любовь двух странных, точнее, страшных для семейной жизни людей.

Когда они надолго оставались вдвоем, они сводили друг друга с ума обидами. Но, расставшись, не могли друг без друга. Впрочем, подолгу вдвоем они, к счастью, бывали только на отдыхе – на юге. В московской жизни домой он являлся поздно, успевал выпить чаю – и спать!

Она родила ему второго ребенка. Дочка была светленькая, и он с удовольствием назвал ее Светланой. Вождь России должен иметь светловолосую русскую дочку...

Дочку он любил, но жестокие ссоры двух трудных характеров продолжались. И как-то, после очередной ссоры, она уехала с детьми «навсегда» в Ленинград к Аллилуевым. История странно повторялась: так же когда-то спасалась от его отца мать, убегая с детьми из дома.

И опять они мирились... Она задумала изменить жизнь, получить профессию, перестать быть «бабой», чтобы ему не краснеть за ее безделье – знала, как он болезненно самолюбив во всем. Она решила поступить в Промышленную академию – так ей советовал Бухарин, бывший до партийных сражений одним из самых близких друзей дома. Впрочем, и теперь, после своей капитуляции, он часто заходит в дом. Дети его обожают. Он наполнил их дачу забавными животными – по комнатам бегали ежи, а на балконе жила ручная лиса.

Когда Николая Ивановича расстреляют, «по обезлюдевшему Кремлю долго бегала лиса Бухарина», – вспоминала в своей книге Светлана Аллилуева.

Письма Иосифа и Надежды

Но сейчас 1929 год. Они еще живы – и Надежда, и Бухарин.

В этом году, пока она сдает экзамены, Сталин, как всегда осенью, отдыхает на Кавказе. Раньше они отдыхали вдвоем, но теперь она возвращается в Москву раньше – из-за Академии.

Они переписываются. Сталин сохранил в своем личном архиве эту переписку – то небольшое, что осталось от погибшей жены. Маленькие конвертики, которые доставлял ей фельдъегерь, с надписью: «Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина» и ее ответы. Письма от нее он сохранил не все – только по 1931 год. За следующий год – год ее таинственной гибели – письма отсутствуют.

Его письма очень кратки. Однажды он сказал Демьяну Бедному, как ненавидит писать письма. Продолжение того же партийного менталитета: письма, дневники – это все личное, это все из мира, который они разрушили.

В Архиве президента – в бывшей квартире Хозяина – я читал эти невыразительные письма. И все-таки... слышатся, слышатся в них (тайна писем!) их голоса.

«01.09.29. Здравствуй, Татка! (Так он ее звал – ласково, детским ее прозвищем. –

Э.Р.) Оказывается, в Нальчике я был близок к воспалению легких... у меня хрип в обоих легких, и не покидает кашель. Дела, черт побери».

«02.09.29. Здравствуй, Иосиф! (По-партийному, без сентиментальных эпитетов. Иногда появляется «Дорогой Иосиф» – но это максимум нежности. –

Э.Р.) Очень рада за тебя, что в Сочи ты чувствуешь себя лучше. Как мои дела с Промакадемией? Сегодня утром нужно было в Промакадемию к 9 часам, я, конечно, вышла в 8.30. И что же – испортился трамвай. Стала ждать автобуса – нет его! Тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси... Отъехав саженой сто, машина остановилась. У нее тоже что-то испортилось. Все это ужасно меня рассмешило. В конце концов в Академии я ждала два часа начала экзамена...»

Еще сохранялись остатки «партийных норм» первых лет революции: жены вождей ездили на трамваях.

«16.09.29. Татка! Как твои дела? Как приехала? Оказывается, мое первое письмо (утерянное) получила в Кремле твоя мать. До чего же надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма! Я выздоравливаю помаленьку, целую, твой Иосиф».

Поступая в Академию, она уже пытается вмешиваться в партийные дела, чтобы он чувствовал: она перестала быть «бабой». В то время он чистил от правых руководство и, конечно, «Правду», куда прежний редактор Бухарин пригласил своих сторонников.

«16.09.29. Дорогой Иосиф! Молотов заявил, что партийный отдел «Правды» не проводит линию ЦК... (далее она заступает за заведующего отделом, некоего Ковалева. –

Э.Р.). Серго не дал ему договорить до конца, стукнул традиционно кулаком по столу и стал кричать: «До каких пор в «Правде» будет продолжаться «ковалевщина»!.. Я знаю, ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно вмешаться в это заведомо несправедливое дело... И мамашу ты обвинил незаслуженно – оказалось, что письмо все-таки не поступало...»

Он сразу понимает: через нее действуют правые, которых много в Академии, недаром Бухарин склонял ее поступать именно туда. И он реагирует:

«23.09.29. Татка! Думаю, ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то бюро редколлегии «Правды» виновно втрое... видимо, в лице Ковалева хотят иметь козла отпущения. Целую мою Татку кепко, очень много кепко...» («Кепко» – так смешно произносила не выговаривавшая «р» дочка Светлана.)

Она была довольна – помогла ему разобраться. Только потом она поймет: в результате пострадал не только Ковалев, но была беспощадно разгромлена

вся редколлегия.

Но мы запомним: она заступилась за правых.

И он это отметил.

Правые действительно имели большое влияние в Промакадемии. Вот отрывок из покаянного письма одного из их вождей, Н. Угланова: «Весь 1929 год мы пытаемся организовать кадры своих сторонников. Особенно мы напирали на закрепление правой оппозиции в Промакадемии». И сама Надежда в шуточной форме пишет мужу об этом влиянии: «27.09.29. В отношении успеваемости у нас определяют следующим образом: кулак, середняк, бедняк. Смеху и споров ежедневно масса. Словом, меня уже зачислили в правые...»

Но вряд ли он одобрял эту шутку. Когда он боролся – он ненавидел.

«Зашибем» – как писал его друг Молотов.

В 1930 году он отправил ее в Карлсбад – лечить желудок. Видимо, было что-то достаточно серьезное, иначе к немцам он ее не послал бы. И как всегда, в разлуке он полон любви и заботы. Ее болезнь тревожит его: «21.06.30. Татка! Как доехала, что видела, была ли у врачей, каково мнение врачей о твоём здоровье, напиши... Съезд откроем 26-го... Дела идут неплохо. Очень скучаю без тебя, Таточка, сижу дома один, как сыч... Ну, до свидания... приезжай скорее. Це-лу-ю».

«02.07.30. Татка! Получил все три письма. Не мог ответить, был очень занят. Теперь я наконец свободен. Съезд кончился. Буду ждать тебя. Не опаздывай с приездом. Но, если

интересы здоровья требуют, оставайся подольше... Це-лу-ю».

Интересы здоровья, видимо, требовали. Только в конце августа она вновь вернулась в Москву.

В Германии она встречалась со своим братом Павлушей.

Кира Аллилуева-Политковская: «Она к нам в Германию приезжала. Помню, как мы жили тогда в Германии: папа что-то покупал, мама работала в торгпредстве».

(Ворошилов включил Павла в состав торговой миссии – он наблюдал за качеством поставляемого в СССР немецкого авиационного оборудования. Видимо, выполнял и другие задания, как все большевики за границей. Генерал Орлов глухо напишет: «Мы проработали с ним вместе 2,5 года».)

«Папа и подарил ей тот маленький пистолет «вальтер». Может быть, она ему говорила, что живет плохо. Не знаю, и мама тоже никогда не рассказывала... Но, во всяком случае, пистолет ей папа подарил. Может быть, она ему пожаловалась... Сталин, когда это случилось, все повторял: «Ну, нашел, что подарить». Конечно, папа чувствовал себя потом виноватым. Для него это было потрясением. Он очень ее любил».

Ревность

Но это все случилось потом. А тогда, в 1930 году, она приехала из Германии. Он отдыхал на юге. Она поехала к нему, но пробыла недолго – вскоре вернулась в Москву.

«19.09.30. По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как я могла оставить тебя одного... Я объяснила свой отъезд занятиями, по существу же это, конечно, не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего пребывания, а наоборот. Прошлом лето очень чувствовала, а это – нет. Оставаться же с таким настроением, конечно же, не было смысла. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да. Насчет твоего приезда в конце октября – неужели ты будешь сидеть там так долго? Ответь, если не будешь недоволен моим письмом, а впрочем – как хочешь. Всего хорошего, целую, Надя».

Да, это – ревность. Обычная ревность.

«24.09.30. Скажи Молотовым от меня, что они ошиблись. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки насчет меня также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татьяна. В видах конспирации я пустил слух... что могу приехать лишь в октябре... о сроке моего приезда знают только Татьяна, Молотов и, кажется, Серго. Твой Иосиф».

Но она продолжает тему. В шутовском тоне, за которым – ярость.

«06.10.30. Что-то от тебя никаких вестей последнее время... О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно. Она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселым и насмешил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада».

Она ревновала. Он стал Вождем, и она никак не могла привыкнуть: женщины теперь разговаривают с ним кокетливо, явно и пошло заигрывая. И ей казалось, что он хочет остаться с этими женщинами, что она ему попросту мешает. Вот причина, по которой она уехала, вернее – сбежала с юга.

И была новая серия бешеных ссор в тот год. Цыганская кровь...

В 1931 году они поехали отдыхать осенью вместе. Как обычно, она уехала раньше – занятия в Промакадемии. Письма ее – деловые, спокойные. Она окончательно решила быть его информатором – «оком государевым» – в его отсутствие.

«Здравствуй, Иосиф. Доехала хорошо... По пути меня огорчили те же кучи, которые попадались на протяжении десяти верст... Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда краска стекает полосами. В Кремле чисто, но двор, где гараж, безобразен. Храм (Христа Спасителя. –

Э.Р.) разбирают медленно... Цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого...»

Так она «запудривала» свои обиды – деловым тоном.

«14.09.31. Хорошо, что ты научилась писать обстоятельные письма... В Сочи ничего нового, Молотовы уехали... продолжай информировать».

«26.09.31. В Москве льет дождь без конца. Сыро и неуютно. Ребята, конечно, уже болели гриппом, я спасаюсь, очевидно, тем, что кутаюсь во все теплое. Со следующей почтой... пошлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (этого невозвращенца)... Я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно? Поэтому я попросила... достать ее».

Это было время, когда разговоры о голоде, о результатах раскулачивания, о неминуемом падении Сталина звучали в стенах Промакадемии. Она понимала его состояние и с удовольствием нашла ему книжку, в которой Дмитриевский, советский дипломат, ставший невозвращенцем, славил его, уничтожая Троцкого: «Сталин – представитель национал-социалистического империализма, мечтающего уничтожить Запад в его твердынях... Сталин – представитель новой безымянной волны в партии, сделавшей жестокую и черную работу революции». (Об «этом невозвращенце» он с презрением говорил на минувшем съезде, но приказ ликвидировать его не отдал. И в отличие от многих невозвращенцев хитрый Дмитриевский остался жить...)

В последний раз он отвечал на ее письмо:

«29.09.31. Был здесь небывалый шторм. Два дня дула буря с бешенством разъяренного зверя. На нашей даче вырвало с корнями 18 больших дубов. Целую кепку, Иосиф».

«Бешенство разъяренного зверя» – они оба понимали, что это такое.

В 1932 году они уехали вместе с детьми в Сочи. Она вернулась раньше. Ее письма того периода исчезли.

Но одно письмо, написанное в последнем году ее жизни, осталось – письмо к его матери.

«12.03.32. Вы на меня сильно сердитесь за то, что я ничего не писала. Не писала, потому что не люблю писать писем. Мои родные никогда не получают от меня писем и так же, как Вы, очень сердятся... Вы, я знаю, женщина очень добрая и долго сердиться не будете. Живем как будто хорошо, все здоровы. Дети большие стали, Васе уже 10 лет, Светлане 5 исполнилось... С ней в большой дружбе отец. Вообще же говоря, страшно мало свободного времени, как у Иосифа, так же и у меня. Вы, наверное, слышали, что я поступила учиться на старости лет. Само по себе учение мне не трудно. Но трудно довольно-таки увязывать с ним свои обязанности по дому в течение дня. Но я не жалею и пока что справляюсь со всеми делами весьма успешно. Иосиф обещал написать Вам сам. В отношении здоровья его могу сказать,

что я удивляюсь его силам и энергии. Только действительно здоровый человек может выдержать работу, которую несет он... Всего хорошего Вам желаю, много, много раз Вас целую, живите еще долго-долго. Ваша Надя».

Самой ей жить оставалось совсем недолго.

После его возвращения в Москву напряжение в доме достигло страшной точки...

«Маме все чаще приходило в голову уйти от отца», – писала Светлана Аллилуева.

Да, ему нравилась новая роль покорителя женщин. Видимо, в отместку она приносила домой мнения о нем из Промакадемии. Именно в то время там гуляли в аудиториях рютинские документы. У него же был один критерий оценки человека – преданность ему. Оттого он начинал ее ненавидеть – и все чаще возникали его романы. И она сходила с ума, кричала ему в глаза те самые оскорбления, которые приводит в своей книге Орлов: «Мучитель ты, вот ты кто! Ты мучаешь собственного сына, мучаешь жену, весь народ замучил...»

Это был заколдованный круг.

Та ночь

8 ноября 1932 года случилась трагедия. Таинственная трагедия...

Надежда-внучка – дочь сына Сталина Василия и Галины Бурдонской. (Предок ее матери, француз Бурдоннэ, появился в России вместе с армией Наполеона, попал в плен и навсегда остался на новой родине.)

Надежда родилась много позже той страшной ночи – в 1943 году. Но семейные предания она знает...

Наш разговор Надежда разрешила мне записывать на магнитофон. Потом я соединил его с моей беседой с Аллилуевой-Политковской, воспоминаниями Молотова, записанными Чуевым, воспоминаниями жены Бухарина Анны Лариной и книгами Светланы Аллилуевой и, главное, – с документами, которые прочел в Архиве президента.

И из всего этого постепенно начала возникать –

та ночь.

К праздничному вечеру у Ворошиловых Надя особенно тщательно готовилась.

Надежда-внучка: «Анна Сергеевна Аллилуева, бабушкина сестра, рассказывала об этом вечере. Надя обычно строго ходила – с пучком, а тут она сделала новую прическу, модную... Кто-то из Германии привез ей черное платье, и на нем были аппликации розами. Был ноябрь, но она заказала к этому платью чайную розу, она была у нее в волосах. И она закружилась в этом платье перед Анной Сергеевной и спросила: «Ну как?»

Она собиралась, как на бал.

«Кто-то за ней сильно ухаживал на этом вечере. И дед сказал ей что-то грубое», – продолжает Надя Сталина.

«Причина смерти Аллилуевой – ревность, конечно... Была большая компания на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену

Егорова. Я это видел, и будто бы это сыграло роль», – вспоминает Молотов.

Эти несовместимые версии можно совместить. Она шла на этот вечер, чтобы доказать ему свою привлекательность. И видимо, когда жена Егорова, весьма известная своими романами, начала с ним заигрывать, она тоже начала с кем-то кокетничать. И в ответ получила грубость.

Светлана: «Он обратился к ней: «Эй ты!» Она ответила: «Я тебе не «эй». И ушла из-за стола».

Молотов: «Она была в то время немного психопаткой. С того вечера она ушла с моей женой. Они гуляли по Кремлю, и она жаловалась моей жене: «То не нравится, это не нравится... и почему он так заигрывал?» А было все просто: немного выпил, шутил, но на нее подействовало».

А вот еще одно описание – Анны Лариной: «8 ноября Николай Иванович видел ее в Кремле на банкете... Как рассказывал Николай Иванович, полупьяный Сталин бросал в лицо Надежды Сергеевны окурки и апельсиновые корки. Она не выдержала такой грубости, поднялась и ушла. Они сидели в тот вечер друг против друга – Сталин и Надежда. А Николай Иванович рядом с ней. Утром Надежда была обнаружена мертвой».

Кира Аллилуева-Политковская: «Рассказывала мне потом мама: Надя пришла домой, видно, все заранее продумала... Никто не слышал выстрела. Револьверчик-то был маленький, дамский... Говорят, она оставила письмо, но никто его не читал. Она оставила письмо ему – Сталину... Наверное, она в нем все вылила».

Надя Сталина: «Утром, когда пошли к ней стучать в комнату и нашли ее мертвой... роза, которая была в волосах, лежала на полу перед дверью. Она уронила ее, вбежав в комнату. Именно поэтому на надгробной плите скульптор поместил мраморную розу».

Выстрел из пистолета нередко завершал жизнь партийца. Если партиец был не согласен с партией или партия отказывалась от него – только выстрел мог достойно разрешить ситуацию.

Похороны

Сталин понимал, как будут объяснять причины гибели Надежды его враги: отказалась быть его женой, предпочла смерть. Он потерял не только жену, дом – он был опозорен перед соратниками и врагами.

Ее самоубийство он тотчас сделал государственной тайной. «Правда» вышла с некрологом: «Не стало дорогого нам товарища, человека прекрасной души. От нас ушла молодая, еще полная сил и бесконечно преданная партии и революции большевичка...»

Официальное сообщение: «ЦК ВКП(б) с прискорбием доводит до сведения товарищей, что в ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии...»

И нигде, естественно, ни слова – о причинах смерти. Хоронили торопливо. Уже вечером 9 ноября гроб с телом был перенесен из квартиры в Кремле в Большой зал в здании ЦИК на Красной площади (нынешнее здание ГУМа).

Есть известная легенда: когда Сталин подошел к ней проститься – он в ярости оттолкнул гроб.

Молотов: «Я никогда не видел Сталина плачущим, а тут, у гроба, слезы покатались. Она очень любила Сталина – это факт... Гроб он не отталкивал, подошел и сказал: «Не уберег».

Он умел держать себя в руках.

Кира Аллилуева-Политковская: «Она лежала очень красивая... Потом, помню, мы шли пешком на Новодевичье; бабушку – у нее после всего отнялись ноги – везли на машине».

И были похороны. Лошади медленно везли великолепный катафалк под бордовым балдахином от Кремля к Новодевичьему кладбищу – через весь город. На следующий день Москва рассказывала про тысячные толпы вдоль улиц и как Сталин шел рядом с катафалком – с непокрытой головой, в распахнутой шинели. В его биографической хронике напечатано: «Сталин провожает гроб с телом Аллилуевой на Новодевичье кладбище».

Его дочь утверждает – он не поехал ее провожать. И тем не менее множество людей видели его.

Он не был трусом. Но у него был необычайный страх перед покушением – страх старого террориста, который знает, как легко убивать. Неужели он мог идти через всю Москву?

Он опять всех перехитрил. Он действительно шел за гробом – но только первые десять минут, по Манежной площади, где не было жилых домов и можно было не опасаться выстрела из окна. Потом он сел в машину. Но брат его первой жены Алеша Сванидзе – невысокий, с черными усами, в такой же шинели – шел за гробом до кладбища и толпа приняла его за Сталина.

Ее хоронили в гробу, в земле. Обычай кремации – атеистических похорон большевиков – был нарушен. Что это? Он отлучил ее за самоубийство от партии? Или это начало новой эры – эры Империи? Она была женой нового царя, и он предпочел похоронить ее на кладбище древнего монастыря.

Анна Ларина: «Сталин на похоронах попросил... не закрывать крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны... и стал целовать».

Стране неофициально объявили: она умерла от приступа аппендицита. Распространяло эти слухи ГПУ.

Кира Аллилуева-Политковская: «На ноябрьские праздники мама с папой приходят убитые, говорят: «Надежде Сергеевне сделали операцию аппендицита, она умерла во время операции, от сердца».

Но сразу же появились и другие слухи. Слишком много было на нем крови – так что тотчас заговорили: он убил свою жену.

До сих пор эта история остается таинственной.

Станный рассказ няни

Светлана Аллилуева пишет в своей книге, как ее няня незадолго до смерти все ей рассказала – «хотела исповедаться».

«Отец обычно ложился у себя в кабинете или в маленькой комнате с телефоном возле столовой. Он в ту ночь спал там, поздно вернувшись с того самого праздничного банкета, с

которого мама вернулась раньше. Комнаты эти были далеко от служебных помещений – надо было туда идти коридорчиком мимо наших спален. Комната отца была влево, комната матери – вправо... Ее обнаружила утром мертвой экономка Каролина Тиль. Она принесла ей завтрак и вдруг, вся трясаясь, прибежала в детскую и позвала няню... Мать лежала вся в крови у кровати – в руках у нее был маленький «вальтер», подаренный Павлушей. Побежали звонить начальнику охраны, Авелю Енукидзе, жене Молотова Полине, близкой маминой подруге... Пришли Молотов и Ворошилов...»

(Насчет «близкой подруги Полины» – усомнимся. Достаточно вспомнить письмо Нади о том, как ей невероятно одиноко с партийными дамами. Полина была именно такой надменной партийной дамой.)

И Молотов подтверждает рассказ няни: «Сталин был в доме во время выстрела – он спал и не услышал выстрела... Сталин все спал в своей комнате. Наконец и он вышел в столовую. «Иосиф, Нади с нами больше нет», – сказали ему».

Но...

Надя Сталина (со слов Анны Сергеевны Аллилуевой): «Она пришла и закрылась... а дед поехал на дачу».

Значит, Сталина в доме не было?

То же пишет Ларина: «В момент похорон Сталин счел уместным подойти к Николаю Ивановичу и сказать ему, что после банкета он уехал на дачу, а утром ему позвонили и сказали о случившемся».

Итак, очевидцы – няня и Молотов – сообщают: он был дома. Два других свидетеля с чужих слов утверждают: он был на даче.

Но вот свидетельство еще одного человека, который увидел сталинскую квартиру утром после гибели Надежды. Это Анна Корчагина, работавшая там уборщицей.

«Причиной смерти... был тов. Сталин»

Я листаю в архиве дело, состоящее из нескольких листков. Это прошение «главе государства» товарищу Калинину от Корчагиной Анны Гавриловны – о помиловании. Пишет она из Беломорско-Балтийского лагеря: «Обвинили меня в том, что в 1933 году я отдыхала в доме отдыха ЦИК СССР, там же отдыхали сотрудницы библиотеки ЦИК Синелобова и Буркова. Синелобова узнала, что я работаю у тов. Сталина, спросила у меня о смерти Надежды Сергеевны. Я ей сказала, что она умерла от сердца одновременно с приступом аппендицита. Больше у меня никакого об этом разговора не было».

В 1935 году, когда начались репрессии, брат Синелобовой, работавший в комендатуре Кремля, был расстрелян. Арестовали и Синелобову.

«Синелобов был в квартире тов. Сталина, когда умерла Надежда Сергеевна, – пишет Корчагина. – Он был уполномоченным коменданта Кремля... Когда их арестовали, как я узнала во время следствия, Синелобова на меня показала, что я ей сказала, что причиной смерти Надежды Сергеевны был тов. Сталин и что он-де ее застрелил... Я никак не могла, да и невозможно придумать такой гнусной лжи на дорогого мне и всем, кому он открыл путь к светлой жизни, человека! Я

хорошо знаю, что даже вы, тов. Калинин, знаете, что тов. Сталин был в этот вечер с тов. Молотовым за городом на даче. Я в квартире тов. Сталина в это время не была. Наша квартирная работа была в другом корпусе, но нам звонили с дачи товарищи и спрашивали: «Что у вас там случилось? Позвонили из Кремля и вызвали тов. Сталина домой, и он очень спешил, быстро уехал и... совсем рано...» Когда я пришла в 9 утра на работу, то вижу: все расстроены, но нам, работницам, ничего не говорили, пока не привезли гроб и цветы, тогда нам сказали, что умерла Надежда Сергеевна. Они не говорили нам, чтобы мы не подняли рев и не действовали на других. Вот мое верное доказательство в ее естественной смерти... 29 марта 1935 года пришли ко мне два товарища в куртках. Думала: на работу, а привезли меня на Лубянку. На допросе я все рассказала, как и вам, на меня кричали: «Брешет, у нее глаза, как у воровки». И много сказали оскорбительных слов... Я прочла протокол, но подписывать не могла, потому что в нем было не то, что я говорила, а когда я стала возражать, то на меня так закричали, а один из товарищей подошел и молча положил руку на мое плечо и закричал: «Хуже будет!» Я настолько перепугалась, что все подписала».

Изложив дело, Корчагина просит о помиловании. Надпись на прошении: «Доложено лично М.И.» (Калинину). –

Э.Р.). И резолюция: «Отклонить, Калинин».

Так и сгинула злополучная уборщица в лагерях.

Но мы запомним: «Даже вы, тов. Калинин, знаете, что тов. Сталин был в этот вечер с тов. Молотовым за городом на даче»... Другими словами, такова была официальная версия, которую Корчагина должна была повторять и которую сам Сталин счел возможным даже у гроба сообщить Бухарину.

А на самом деле? Конечно, правы и Молотов, и няня, которые находились в доме и все наблюдали сами: Хозяин был дома в ночь выстрела... Но почему-то не захотел, чтобы об этом знали.

Почему? Чтобы понять, вернемся в последний ее вечер.

Итак, в черном платье с розами она приходит к Ворошиловым. Потом ее оскорбляет Сталин, и она убегает. Почему она так нервна? Только ли из-за ревности? И только ли на этом вечере?

«Она была в то время немного психопаткой», – характеризует ее Молотов.

Почему? Ответ оказался простым. И ужасным.

В Архиве президента я наткнулся на «Историю болезни Аллилуевой Н.С.», составленную в Кремлевской поликлинике. Хозяин сохранил ее в личном архиве... И вот в конце я наткнулся на поразившую меня запись, сделанную в августе 1932 года: «Сильные боли в области живота. Консилиум – на повторную консультацию через 2–3 недели».

И, наконец, последняя тревожная запись: «31.08.32. Консультация по вопросу операции – через 3–4 недели»... Больше записей нет.

Итак, она покончила с собой в то время, когда ей предстояла операция. Об этом я нигде никогда не читал!

Видимо, не зря она ездила в Карлсбад. Все это время она испытывала «сильные боли в области живота». Ее консультируют, готовят к операции.

Но о причинах болей ничего конкретного не сказано. Вероятно, речь шла о чем-то очень серьезном, и на лечении в Карлсбаде она уже начала что-то подозревать. Не в этом ли была

причина ее обостренной нервозности? И не потому ли появился у нее пистолет – странный подарок брата Павлуши? Не она ли сама попросила его подарить? Пистолет считался верным помощником партийца, когда жизнь становится неумолимою...

Так что оскорбление на том праздничном вечере пало на подготовленную почву. Она уже, видимо, знала: жить ей осталось недолго.

Итак, она убегает с вечера. Ее догоняет Полина – жена Молотова. Происходит разговор. Впоследствии сама Полина расскажет ее дочери, Светлане Аллилуевой, как они гуляли по Кремлю и как она успокоила Надежду. Но странно: Полина возвращается на вечер, а Надежда не возвращается – уходит домой. Так что возникает вопрос: успокоила ли? И хотела ли успокоить?

О чем они могли говорить?

Это было страшное время. И Полина – типичная революционерка из того страшного времени.

В 1949 году, арестованная по приказу Хозяина, она на допросе рассказывает свою биографию:

– Моя фамилия Кариовская Перл Семеновна. А Жемчужина – это моя партийная кличка.

– Вы работали в подполье?

– Да, на Украине, в период пребывания там армии Деникина... Принимая участие в работе Международного женского конгресса, я познакомилась с Молотовым... в конце 1921 года я стала его женой.

Впоследствии Полина – заместитель наркома пищевой промышленности, нарком рыбной промышленности... Жертва Сталина, эта стойкая революционерка и после освобождения будет продолжать его боготворить. Могла ли она любить Надю, эту «бабу», симпатизирующую Бухарину, который презирал и ненавидел ее мужа, в дни, когда шла острая борьба за власть? И присутствие этой «бабы» рядом с Хозяином – не опасно ли?

А Бухарину Надя действительно симпатизировала.

Ларина: «Тайно она разделяла его взгляды, связанные с коллективизацией, и... улучив момент, сказала ему об этом».

И Молотов это знал: «Чтобы она пошла за Бухариным, это маловероятно. Но она, конечно, поддавалась влияниям Бухарина».

Так что выбежала за ней Полина больше по обязанности: вторая дама должна утешать первую. Но если и утешала, то, думается, делала это своеобразно.

В то время Полина могла знать некую тайну, намек на которую был бы смертелен для Надежды... След этой тайны – в дневнике Марии Сванидзе.

«Я их наблюдала»

Мария – жена Алеши Сванидзе, та самая, которой исповедовалась в своем одиночестве Надежда. Алеша и Мария были арестованы в 1937 году, и бумаги Марии были тотчас переданы Сталину. Он хранил их на квартире, в своем личном архиве. И не случайно. Мария Сванидзе посмела сделать запись, которую недопустимо было читать посторонним.

«04.11.34. Вчера, после трехмесячного перерыва, вновь увидела И. (Иосифа. –

Э.Р.). Он вернулся из Сочи. Выглядит хорошо, но сильно похудел. Часов в 7 мы: я, Нюра (Анна, сестра покойной Надежды. –

Э.Р.) и Женя (жена Павлуши Аллилуева. –

Э.Р.) пошли к нему. Его не было дома... Мы были с детьми, сидели в Васиной комнате, и вдруг по коридору прошел он, в летнем пальто, несмотря на холодную погоду (он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому, очевидно, привыкает, и та же история весной с костюмами, когда они снашиваются и надо надевать новый...). Он пригласил нас к столу. Встретил он меня ласково, спросил про Алешу и шутил с Женей, что она опять пополнела, и был с нею очень нежен... Теперь, когда я все знаю, я их наблюдала... Открыли шампанское, и мы пили тосты...»

Женя – мечта восточного мужчины: русая коса, румянец во всю щеку. Высокая русская красавица.

Аллилуева-Политковская: «Маму прозвали «роза новгородских полей», у мамы рост – 1 м 75, перед родами она наколола дров и пошла меня рожать».

Запись в дневнике Марии относится к 1934 году – уже после смерти Нади. Но если это увлечение и не началось раньше, то безошибочным чутьем любящей женщины Надя могла предвидеть эту страшную для нее возможность...

Я беседую с Аллилуевой-Политковской:

– Много раз я читал, что после гибели жены Сталин разогнал всех Аллилуевых...

– Напротив – он нас всех взял к себе на дачу в Зубалово. И мы с 1932 года жили там – и бабушка с дедушкой, и Сережа, и папа с мамой, которые приезжали на субботу-воскресенье и жили у него... Нрав у Сталина был суровый, но он замечал, когда женщины хорошо одеваются. Он говорил маме: «Женя, вам надо одевать советских женщин».

Да, он восхищался ею и до 1934 года. И если знать, как он устал от скандалов с женой, от этой вечной борьбы с нею...

Так что достаточно было Жемчужиной чуть-чуть намекнуть... И цыганская кровь разыграла – Надя побежала, помчалась домой. Скорее всего она ждала его, чтобы яростно с ним объясниться. И видимо, дождалась его – выпившего. Было объяснение в ее комнате, и, конечно, обругав ее, он пошел спать. Вдогонку она швырнула ему розу. И от бешенства и бессилия – схватила пистолет...

Когда он услышал выстрел, он уже все понял. И увидел ее – лежащую у кровати, залитую кровью... Помогать было поздно, и он решил притвориться спящим. А далее – все, как описывает няня. Экономка вошла в ее комнату, и тогда уже разбудили его.

Но все это версии, фантазии... Одно точно: он был в доме. И он понимал: враги скажут, что он убил ее. Трудно будет объяснить, как он не услышал выстрела в ночной тишине. И вот тогда он выдумывает версию, которую все должны повторять, как повторяет бедная Корчагина: «Даже вы, тов. Калинин, знаете, что тов. Сталин был в этот вечер с тов. Молотовым за городом на даче».

Но прислуга знает: он был в квартире. И это странное несоответствие с официальной версией рождает страшные слухи.

После похорон он занят привычным делом – ищет виноватых и легко их находит. Враги – это они отравляли ее разум, нашептывали ей против него. Недаром он всегда это чувствовал...

Вспомним уже процитированные слова Молотова: «Она, конечно, поддавалась влияниям Бухарина». В них отзвук слов самого Хозяина.

Начальник личной охраны Сталина генерал Власик в беседе с историком Н. Антипенко рассказал: «Надежда принесла домой из Промакадемии и показала Сталину подброшенное ей на занятиях рютинское обращение к партии, где Сталина именовали агентом, провокатором и прочее».

Ларина: «Николай Иванович вспоминал, как однажды он приехал на дачу в Зубалово и гулял с Надеждой Сергеевной возле дачи. Приехавший Сталин тихо подкрался к ним и, глядя в лицо Николаю Ивановичу, произнес страшное слово: «Убью». Николай Иванович принял это за шутку, а Надежда Сергеевна содрогнулась и побледнела».

Нет, это не ревность – он был слишком уверен в себе и в ней. Речь идет все о том же: о влиянии Бухарина на Надежду.

Он боялся их разговоров – о голоде в деревне, о рютинских обращениях. Он был по горло сыт ее обвинениями и мог предполагать, что во многом они шли от Бухарина. Так что его «убью» – это серьезно...

«Дело великое, беспощадное»

Можно выстроить его мрачную логику: правые довели ее до гибели, сознательно разрушили его дом, семью. Недаром заговор Рютина совпал с ее гибелью. И все чаще он вспоминает судьбу Ивана Грозного, борясь с которым бояре отравили его любимую жену. Те – ядом, эти – ядовитыми речами... Впрочем, Иван страшно отомстил боярам. Ужасен будет и его гнев. Но пока он не выдает себя, он умеет ждать!

Иван Грозный, как мы увидим, станет его любимым персонажем. По его заданию великий Эйзенштейн снимет фильм о грозном царе.

В фильме бояре извели любимую жену Ивана, и царь задумывает «дело великое, беспощадное» – истребление мятежных царедворцев.

До конца страшного 1932 года Хозяин не появляется в общественных местах. Затворяется в комнатах – переживает смерть жены, сосет трубку, думает. Все это время рядом с ним верная тень – Молотов.

В конце года торжественно праздновали 15-летие ГПУ, но он даже там не появился – ограничился приветствием.

Только после Нового года Сталин собирает пленум ЦК и подводит итоги Великого перелома. Он объявляет о победе индустриализации: «У нас не было черной металлургии – у нас она есть, у нас не было автомобильной промышленности – у нас она есть, у нас не было тракторной промышленности – у нас она есть, – монотонно перечисляет он под нескончаемые аплодисменты зала. – Мы выдвинулись на одно из первых мест по производству электроэнергии, нефтепродуктов и угля... создали новую металлургическую

базу на востоке. Из аграрной страны мы стали индустриальной страной... СССР превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, способную производить все современные средства обороны...»

Гремели овации. И он прошелся по поводу капитулировавших оппонентов: «Нельзя было не подгонять страну, которая отстала на сто лет... Правильно поступила партия, проводя политику ускоренных темпов».

Миллионы погибли в этой страшной гонке. Но он знал: царь-реформатор Петр Великий тоже уложил в землю тьму сограждан.

Недаром английский премьер Ллойд-Джордж сравнил тогда Сталина с великим царем... Да, погибли миллионы. Но они своими телами проложили дорогу в завтра, приблизили Великую мечту.

Теперь он должен получить урожай. Он посылает в деревню 17 тысяч партийных работников – взять зерно у колхозов. И он получил зерно. Призрак голода отступил. Он выиграл.

После гибели жены он остался один. Наступает мужское царство. Раньше на спектаклях в его любимом Большом театре в правительственной ложе сидели вожди со своими женами. После смерти Надежды жен в ложу уже не брали. Хозяин без жены – и слуги без жен. На встречах Нового года в Кремле теперь все Политбюро сидело вместе за мужским столом, а жены – поодаль, за отдельными столиками.

Его матери сообщили официальную версию: Надя умерла от аппендицита. Мать верила в Бога и, конечно же, задумалась о вторичном его вдовстве и о Божьем гневе.

Она по-прежнему посылала ему варенье и фрукты с его маленькой родины. А он по-прежнему, бывая в Сочи, с нею не встречался, но короткие письма посылал исправно:

«Здравствуй, мама моя. Письмо твое получил. Получил также варенье, инжир, чурчелу. Дети очень обрадовались и шлют благодарность тебе. Я здоров, не беспокойся обо мне – я свою долю выдержу. Не знаю, нужны деньги или нет. Во всяком случае, шлю 500 рублей. Высылаю также фотокарточку свою и детей...

Будь здорова, дорогая мама, не теряй бодрости духа. Целую. Твой сын Сосо».

«24.3.34. Дети кланяются тебе. После кончины Нади тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен всегда оставаться мужественным».

Потепление

Заточение закончилось. 12 июня 1933 года он появляется на новом грандиозном шоу – физкультурном параде. Обнаженные, совершенные тела должны свидетельствовать о мощи пролетарского государства.

Он знает, что во время парада обуржуазившиеся соратники выбирают хорошеньких девушек. Что ж, пусть пока порезвятся – ведь потепление.

В 1933 году процессы прекращаются. Появляется даже слух: смерть жены его изменила – он стал куда мягче.

Лето и осень этого года он сумел сделать переломными.

Был получен прекрасный урожай. В этом была его заслуга – жесткими карами он заставил людей работать до изнеможения. Колхозы засыпали зерно в закрома государства. И тотчас в настроениях партийных функционеров начинается перелом: значит, он был прав, значит, вот так, по-революционному, через кровь и голод нужно вести народ в светлое будущее.

«Сталин победил», – все чаще говорят теперь те, кто еще вчера читал друг другу платформу Рютина.

Его власть становится абсолютной, непререкаемой. Именно в это время появился анекдот: «В дни праздника Октября Политбюро обсуждает: какой подарок сделать советскому народу? Все по очереди предлагают различные льготы. Сталин выступает последним: «Я предлагаю день годовщины Октября объявить днем коллективной порки». Соратники в ужасе, но возражать не смеют. В праздник Октября они в страхе собираются в Кремле и вскоре слышат гул толпы. Гул приближается, соратники уже клянут Сталина, прячутся под стол. А он невозмутим. И вот вбегает возбужденный охранник: «Товарищ Сталин, прорвалась делегация работников культуры. Требуют, чтобы их высекли досрочно».

Потепление... Мягко (высылкой) закончился процесс молодых партийцев – последователей Рютина. И сам Рютин пишет жене из заключения в ноябре 1933 года: «Лишь в СССР под руководством гениальнейшего, любимого Сталина добились невиданных успехов в социалистическом строительстве».

Рютин уже слышал, что Зиновьев и Каменев покаялись и отпущены на свободу. Он тоже хочет...

Да, Зиновьев и Каменев получили свободу, отделавшись очередным покаянием и публичным восхвалением Хозяина. В мае 1933 года в письме в «Правду» Зиновьев признал: он наказан правильно и готов загладить вину перед партией на любой работе.

Хозяин лично обратился в Центральную Контрольную комиссию, смиренно просил за своих врагов. Что ж, в будущем можно будет напомнить о доброте Отелло, не ведавшего о коварстве своих Яго.

Сталин, как всегда, готовился к будущему. А они сделали еще один шаг к своей гибели. Теперь вчерашние сторонники их презирали.

Он возвратил их в Москву. Недалекий фанфарон Зиновьев стал работать в журнале «Большевик», прославляя Вождя и дожидаясь высоких партийных назначений. Умный Каменев, начавший понимать длинные шахматные партии Хозяина, видно, подозревал, что это только первый ход. Он удаляется от политики, о чем заявляет всем и вся. И когда Бухарин, поверивший, что Каменев прощен, предлагает ему возглавить отдел в «Правде», тот отвечает: «Я хочу вести тихую, спокойную жизнь... Я хочу, чтоб обо мне позабыли и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени».

Теперь бывший глава правительства тихо работает в Институте мировой литературы.

Но Рютин Хозяин простить не смог – оставил в тюрьме. Зато получает должности бывший бард Троцкого Радек. Хозяин уважает его перо, так что пусть поработает, благо есть еще время – ведь потепление.

И циник Радек всю работу: обличает Троцкого и славит Вождя. Теперь он его бард. В 1933 году он выпускает книгу «Зодчий социалистического общества» – гимн Сталину: «Сын нужды, взбунтовавшийся против рабства духовной семинарии», «к спокойной, как утес, фигуре нашего Вождя идут волны любви и народного доверия...» и прочее, и прочее.

Ягода, когда-то лично арестовавший оппозиционера Радека, теперь почтительно цитирует

эти славословия. Впрочем, некоторым кажется, что Радек попросту издевается...

Радек становится одним из редакторов «Известий» под началом Бухарина. «Убийцу жены» Сталин назначает главным редактором второй газеты страны и вскоре поручает ему, блистательному журналисту, писать новую Конституцию.

Потепление... В него поверили не только сдавшиеся враги, но даже соратники из Политбюро.

Осенью 1933 года Сталин поехал отдыхать на Кавказ. Хозяйство, как всегда, было на Молотове. Во время заседания Политбюро новый Генеральный прокурор Вышинский пошел в привычное наступление на специалистов в промышленности. В ответ друг Хозяина Орджоникидзе (нарком тяжелой промышленности) и Яковлев (нарком земледелия) добились от Политбюро осуждения Вышинского. Хозяин тотчас написал Молотову: «Выходку Серго насчет Вышинского считаю хулиганской, как ты мог ему уступить? В чем дело?»

И верный слуга понял: не надо торопиться с потеплением.

Хозяин организует праздники. Заканчивается строительство Беломорско-Балтийского канала, созданного трудом заключенных и воспетого его писателями. Страна ликует. Вместе с «братом Кировым» на корабле он проходит по каналу...

Его ледоколы осваивают Северный морской путь, но во льдах застревает старенький «Челюскин». Спасение команды он превращает в великолепный спектакль. Вся страна следит за событиями. Он устраивает грандиозную встречу в Москве спасенным челюскинцам.

Разрываются от оглушительных маршей репродукторы, дикторы славят новые победы Вождя. Под грохот музыки и славословия он словно старается забыть о своей трагедии...

Он утверждает проект Дворца Советов – небывалого сооружения высотой 400 метров, увенчанного стометровой скульптурой Ленина. Грандиозный зал на 21 000 мест будет слушать речи Вождя. Величайший храм большевизма должен вознестись на месте уничтоженного храма Христа Спасителя.

Но храм этот, несмотря на все приказы, никогда не будет построен...

Сталин в домашних туфлях

Все эти годы Хозяин формирует новый быт большевистских руководителей. Демократические нравы первых лет Октября – езда членов семей кремлевских владык в общественном транспорте, стояние в очередях вместе с согражданами, нехватка денег («Иосиф, пришли мне, если можешь, рублей 50, мне выдадут деньги только 15 октября в Промакадемии, сейчас я сижу без копейки», – так писала ему Надя 17 сентября далекого 1929 года) – все это ушло в невозвратное прошлое. Теперь детей Хозяина возят в школу на машинах с охраной.

«Под Москвой на огромных участках земли возводятся роскошные правительственные дачи со штатом охраны. На них трудятся садовники, повара, горничные, специальные врачи, медсестры – всего до полусотни человек прислуги – и все это за счет государства. Персональные спецпоезда, персональные самолеты, персональные яхты, множество автомобилей, обслуживающих руководителей и членов их семей. Они практически бесплатно получают все продукты питания и все предметы потребления. Для обеспечения такого уровня жизни в Америке нужно быть мультимиллионером», – печально писал деятель Коминтерна академик Е. Варга. Старый коминтерновец не мог забыть ленинские обещания создать

общество, где «руководители будут получать зарплату среднего рабочего».

Бывшие царские резиденции и дворцы аристократии, которые Ленин особым декретом щедро подарил трудящимся, вскоре перейдут к новому царю и его аристократии. Сталин получит знаменитый Ливадийский дворец – любимый дворец царской семьи (правда, воспользуется им лишь однажды – он предпочитает отдыхать на многочисленных госдачах на родном Кавказе).

Но был некий нюанс, о котором позаботился Сталин: вся эта роскошь, которой он окончательно разложил и развратил партию, принадлежала... государству. И стоило ему убрать человека с государственного Олимпа, как бывшие владыки и их семьи превращались в ничто. (Дочь могущественного Кагановича – третьего человека в сталинском окружении – рассказала: «Когда отца после смерти Сталина отстранили от власти, мы должны были тотчас освободить квартиру и госдачу и с изумлением обнаружили, что у нас нет даже своей мебели – все оказалось государственное».) Так что его приближенные должны были усердно служить Хозяину.

Сменилась и главная резиденция Вождя. Ею становится построенная в пригороде Москвы Ближняя дача. На старой даче в Зубалове, где он прежде жил с Надей, он оставляет детей – Васю и Светлану. Здесь живут теперь Надины родители Аллилуевы, сюда приезжают и многочисленные их родственники: ее брат Павел с женой Женей, другой брат – полусумасшедший Федор, ее сестра Анна (Нюра) с мужем Станиславом Реденсом – одним из столпов ГПУ. Приезжают и родственники первой жены Хозяина – Мария и Алеша Сванидзе, и сын Сталина от первого брака – Яков.

После работы Хозяин возвращается в кремлевскую квартиру, но, как напишет Светлана в своих воспоминаниях, ночевать он всегда уезжает на Ближнюю дачу. Видимо, квартира слишком напоминает ему Надежду и ту роковую ночь...

Его личная жизнь в то время, казалось, навсегда останется тайной, поводом для мифов. Однако был летописец – свидетельница, позволившая нам увидеть этого скрытнейшего из людей в домашней обстановке.

Марии Сванидзе было в те дни уже за сорок. Судя по дневнику, она была почти влюблена в Иосифа – в «И.», как она называет его в дневнике.

Мария – красавица еврейка, оперная певица. Ей было за тридцать, когда она развелась с первым мужем и вышла замуж за Алешу. У них родился сын, весьма революционно названный Джонрид – в честь знаменитого американского коммуниста. Алеша работал в Грузии главой финансового ведомства в правительстве Буду Мдивани. Хозяин перевел брата своей первой жены в Москву и послал за границу – налаживать внешнеторговые связи, потом вернул его в Москву, где Алеша стал одним из руководителей Госбанка СССР.

Светлана Аллилуева: «Дядя Алеша – красивый грузин сванского типа, невысокий блондин с голубыми глазами и носом с горбинкой, на средства партии получил европейское образование в немецких университетах».

В Москве Мария часто встречается с Надей. Даже письма жене Алеша Сванидзе шлет на квартиру Сталина.

Мария любила Надю. Через год после ее смерти она записывает в дневнике: «Теперь ее нет, но ее семья и дом дороги и близки мне... Вчера вечером была у Реденс Нюры. Были Павлуша, Женя... Все не то. Я очень одинока без Нади».

После смерти Нади она часто приходит в опустевший дом. Там она «наблюдает» Иосифа и Женю... и все это время ведет свой дневник. В нем много вырванных страниц. Уничтожила ли

их сама Мария в страшном 1937 году? Или это потрудился герой дневника Иосиф, получив его после ареста Марии?

Но все это будет потом, а пока чета Сванидзе входит в ближайший круг друзей Сталина... Алеша, Маша и Иосиф – так они зовут друг друга. Светлана Аллилуева описывает Сванидзе идеальной парой...

Однако достаточно прочесть дневник, чтобы понять: оба грузинских революционера были очень похожи. Под европейским обликом Алеши скрывался яростный темперамент. И читая о переживаниях Марии, я представлял и жизнь несчастной Нади...

Дневник М. Сванидзе (1923 год – они только что поженились): «Я рыдала после дикой сцены ревности, а он сел подле меня на краю кровати и сказал: «Ведь это все от любви, от нашей любви... Теперь конец всем неприятностям», – и стал такой ласковый... Когда он мне устраивает сцены ревности, то суть не в том, что ему больно, что он страдает, а в том, будто я не умею себя вести и у меня скверная манера держаться с мужчинами».

Через 11 лет – 30 марта 1934 года: «Почему я должна жить с человеком, который меня ненавидит и презирает, почему он должен жить с женщиной, которая временами от горя, отчаяния и обид желает ему гибели? Но потом как-то ненадолго жизнь налаживается, и опять начинаешь за нее цепляться. Конечно, действуют больше мои годы... страх бедности (он у меня совершенно гиперболический), а потом опять мне хочется послать все к черту, не хочу продаваться... заколдованный круг... Я изранена, сердце мое сочится кровью... Надо как-то наладить... или все окончится трагично... Встречаюсь я последнее время только с Аллилуевыми».

Таковы их отношения. Она чувствовала, как неприятно Алеше ее обожание Иосифа. Но видимо, так она мстила ему – культивируя это обожание.

«30.07.34. 28 июля уехал И. в Сочи. Из-за Алеши не увидела его перед отъездом. Мне было досадно. Алеша последние 2 месяца упорно лишает меня его общения, которое мне так интересно...»

Мария описывает странную семью, которую создал Иосиф после смерти Нади. Вместо погибшей жены он сделал хозяйкой... крохотную Светлану. И наконец-то получил то, что хотел, – безропотное обожание. За это он очень любил ее.

Любовь выражалась забавно. Она писала ему... приказы! Ему, которому никто не смел приказывать! Игра, полная для него смысла...

Дневник М. Сванидзе: «Светлана все время терлась около отца. Он ее ласкал, целовал, любовался ею, кормил со своей тарелки, любовно выбирая кусочки получше. Она написала ему приказ номер 4, чтобы он разрешил ей провести праздники в Липках – там одна из его дач... После обеда у него было благодушное настроение, он подошел к междугородной вертушке, вызвал Кирова, стал шутить... Советовал немедленно приехать в Москву, чтобы защитить интересы Ленинграда... И. любит Кирова, и ему, очевидно, после приезда из Сочи... хотелось повидаться с ним, попариться в русской баньке и побалагурить. Часам к 10 собрался за город с детьми, жаловался, что не выспался, и, очевидно, собирался по приезде на дачу лечь отсыпаться... Мы остались с Каролиной Васильевной (домоправительница, живет у них 8 лет), говорили о детях, о Васе (его сыне), который плохо учится, использует свое имя и положение отца, грубит всем взрослым, учителям. Для И. было бы ударом узнать все во всех подробностях. Он устает, ему хочется дома уюта, покоя... Надя много старалась растить детей в аскетизме, но после ее смерти все пошло прахом. Мы расстались с И. на неопределенное время... Он добр и сердечен...»

«14.11.34. Часов в 6 приехал И., Вася, Киров. Девочки устроили кукольное представление. И.

сказал: «Такой красоты я никогда не видел», – курил трубку... Пригласил нас поехать с ним на Ближнюю дачу, но так как раньше он сказал, что едет работать, мы с Женей обошли приглашение молчаливо. Иногда он приглашает из галантности. Светлана написала приказ: «Приказываю разрешить мне пойти с тобой в театр или кино». И подписала: «Хозяйка Светлана». Передала. И. сказал: «Что ж, подчиняюсь». У них идет уже год эта игра. Светлана – Хозяйка, и у нее секретари. Первым – папа, потом Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Киров и некоторые другие. С Кировым у нее большая дружба (потому что И. с ним очень хорош и близок). Светлана пишет приказы, и их кнопками вешают на стену».

Он дружил с Кировым, он воистину дружил с Кировым – и обдумывал в те дни его убийство...

«22.11. Он пригласил нас (Алешу и меня) за город на Ближнюю дачу... За ужином немного нервничал на обслуживание... Мы уехали в 2.30, оставив его одного в колоссальном доме. Всегда болит душа при мысли о его одиночестве».

Без Кирова он будет совсем одинок, но... «Но выхода нет» – так, наверное, он должен был сказать себе еще в начале 1934 года, после XVII съезда партии, который должен был стать апофеозом его торжества над раздавленными врагами.

Глава 14 Съезд победителя

Апофеоз

Поначалу его торжество было несомненным. В отчетном докладе, сопровождаемом уже привычными бесконечными овациями зала, он гордо заявил: «Если на XV съезде еще приходилось доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными анти-ленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде... и бить-то некого, все видят, что линия партии победила... Победила политика индустриализации... Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной... стране вполне возможна».

После съезда началось невиданное соревнование в покаянных славословиях вчерашних оппозиционеров.

Бухарин: «Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксистско-ленинскую диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, сформулированных прежде всего мною. После признания бывшими лидерами правых своих ошибок... сопротивление со стороны врагов партии нашло свое выражение в разных группировках, которые все быстрее и все последовательнее скатывались к контрреволюции... каковыми были и охвостья антипартийных течений – в том числе и ряд бывших моих учеников, получивших заслуженное наказание».

Так Бухарчик публично предал своих учеников.

Томский: «Товарищ Сталин был самым последовательным, самым ярким из учеников Ленина... наиболее далеко видел, наиболее неуклонно вел партию по правильному ленинскому пути...»

Какое это было соревнование! Ни один из римских цезарей, ни один из русских царей не

слышал таких восхвалений. И все – устами бывших врагов! Что писали, что говорили в эти дни когда-то ироничный Радек, умнейший Каменев, Пятаков, Сокольников...

Кто придумал сочетание: «Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин»? Нет, не Молотов, не Каганович. Открыл эту формулу Зиновьев.

Вся страна услышала, как один за другим признавали свое ничтожество вожди Октября – и славили его мудрость.

Естественно, не отстали и верные соратники: два десятка раз упомянул Сталина в своей речи «брат Киров», проявив завидную изобретательность в эпитетах: «кормчий великой социалистической стройки», «величайший стратег освобождения трудящихся»... От Кирова поступило небывалое в истории съездов предложение: «Принять к исполнению как партийный закон все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина». И тотчас: «бурные, продолжительные аплодисменты, все встают».

Всего через год после ужасающего голода съезд объявил построенным «фундамент социалистического общества». Оказалось, страна уже живет в долгожданном социализме. Ради которого свершилась революция, о котором столько мечтали все революционеры.

Сталин назвал съезд – съездом Победителей. Это была, конечно, скромность. Ибо это был – съезд

Победителя.

За кулисами

Но славословие было только на трибуне. Ему готовили бомбу. Ведомство Ягоды постаралось: он узнал то, что происходило в кулуарах. Об этом ему сообщил и Киров.

Никита Хрущев – участник XVII съезда, тогда верный сталинец и молодой выдвиженец Кагановича, впоследствии рассказывал: «В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого парткома Шеболдаев. Этот Шеболдаев – старый большевик... во время XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Старики поговаривают о том, чтоб возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относится к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря»... Что ответил на это Киров, я не знаю, но стало известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду».

Сохранились воспоминания делегата съезда В. Верховых, написанные в 1960 году: «С. Косиор, кандидат в члены Политбюро... мне сказал, что некоторые... говорили с Кировым, чтобы он согласился быть Генеральным. Киров отказался».

Делегат З. Немцова сообщила, как в гостинице Киров дал взбучку ленинградской делегации за разговоры о его выдвижении Генсеком.

Вот такие беседы велись в кулуарах, когда с трибуны славили Сталина, а в зале неистово аплодировали. И он еще раз понял: «Как волка ни корми...» Никогда до конца не признают его Вождем старые члены партии, никогда до конца они не смиряются с ним.

Это окончательно доказало голосование славившего его съезда.

Завершая работу, съезд должен был избрать тайным голосованием высший орган партии – Центральный комитет. В список для голосования было внесено ровно столько кандидатов, сколько их следовало избрать. Каждый кандидат, получивший более 50 процентов голосов, считался избранным, так что никаких случайностей быть не могло. Это были разработанные Хозяином выборы – без выбора.

Делегатам были розданы бюллетени со списками кандидатов – и голосование началось. «Сталин, – как рассказал в своих воспоминаниях Хрущев, – демонстративно подошел к урне и опустил туда списки не глядя».

Это был призыв последовать его примеру. Но случилось непредвиденное.

По распространенной версии, тотчас после подсчета голосов председатель счетной комиссии Затонский взволнованно сообщил Кагановичу, ведавшему организацией съезда, что против Сталина подано 270 голосов.

В тех же воспоминаниях Верховых: «Будучи делегатом XVII съезда, я был избран в счетную комиссию. В итоге голосования... наибольшее число голосов «против» имели Сталин, Молотов, Каганович».

Член счетной комиссии XVII съезда О. Шатуновская во времена Хрущева в своем письме в ЦК назвала цифру: против Сталина было подано 292 голоса.

Самое удивительное: опечатанные документы счетной комиссии сохранились в Партархиве. Во времена хрущевской оттепели пакеты, в которых хранились бюллетени голосования, были вскрыты. Оказалось: в голосовании должно было принять участие 1225 делегатов, но участвовало 1059, на 166 меньше. Видимо, 166 бюллетеней голосовавших «против» действительно изъяли. Но и при 166 «против» (и даже при 292) Сталин оказывался избранным в ЦК, хотя такое скандальное количество голосов «против», естественно, было бы тяжелейшим ударом по его авторитету в партии.

Каганович тотчас принял меры. В результате в официальном сообщении счетной комиссии Сталин получил всего три голоса «против», Киров – четыре... и так далее.

Таким образом, десятки аплодировавших ему делегатов при тайном голосовании проголосовали против него. «Трусливые двурушники» – так он их называл. Не нашлось ни одного среди прославленной ленинской гвардии, который заявил бы вслух о своих убеждениях.

Вдумаемся:

ни одного ! Да, террор. Да, страх. Да, верная гибель! Но даже в цезарианском Риме, в дни самых страшных казней Нерона, все-таки находились единицы, открыто выступавшие в Сенате против цезаря. Они знали: это – смерть, но выступали. Вслух!

Так что голосование свидетельствовало не только о двурушничестве – оно доказало эффективность системы Страх, которую он создал, и дало возможность немедленно приступить к действиям...

В тот день они проголосовали за собственную гибель.

Но пока шло потепление, и Сталин дал им еще некоторое время потешиться жизнью при социализме – он обдумывал, когда начинать и скольких из них нужно убрать.

А точнее (слова Ткачева) – «скольких нужно оставить».

Из 139 руководителей партии, присутствовавших на съезде, только 31 человек умрет своей

смертью.

Тест

В том же 1934 году арестовали знаменитого поэта Осипа Мандельштама. Это вызвало шок в Москве: ведь потепление...

«Дело номер 4108 по обвинению гр. Мандельштам О.Э. начато 17.05.34 года. Протокол обыска в квартире: «изъяты письма, записки с телефонами, адресами и рукописи на отдельных листах в количестве 48». Несчастливого поэта отвозят в тюрьму на Лубянку.

Протокол первого допроса 18 мая:

– Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного характера?

– Да, я являюсь автором следующего стихотворения:

Мы живем, под собою не чуя страны,

Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца —

Там припомнят кремлевского горца...

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,

Он играет услугами полулюдей...

До конца приведен в протоколе текст одного из знаменитейших стихотворений XX века.

Из протокола:

– Кому вы читали или давали в списках?

– В списках я не давал, но читал следующим лицам: своей жене, своему брату, Хазину – литератору, Анне Ахматовой – писательнице, ее сыну, Льву Гумилеву...

– Как они реагировали? – спрашивает следователь.

Мандельштам подробно рассказывает. Так что никаких пыток, о которых тогда рассказывали легенды, не понадобилось: поэт заговорил сам, ибо подавлен, растерян, уничтожен. Обычная история – капитуляция Галилея перед инквизицией... Во время свидания с женой несчастный поэт, находившийся от своих признаний на грани помешательства, передает ей имена всех упомянутых, умоляет, чтобы она их предупредила.

Его сослали. В ссылке он психически заболел, будил среди ночи жену, шептал, будто видел: Ахматова арестована из-за него. И искал труп Ахматовой в оврагах...

Поднялась большая волна. Начинают действовать два знаменитых поэта: Анна Ахматова добилась приема у секретаря ЦИКа Енукидзе, а Борис Пастернак просит защиты у Бухарина. Тот обращается к Хозяину.

В Архиве президента я прочел письмо Бухарина Сталину: «Я решил написать тебе о нескольких вопросах. О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и выслан. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены Мандельштама, что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка Мандельштама: он первоклассный поэт, но абсолютно не современен, он безусловно не совсем нормален. Так как все апеллируют ко мне, а я не знаю, что и в чем он наблудил, то решил тебе написать и об этом... Постскриптом: Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама, и никто ничего не знает».

Вождь, ставший мишенью стихов Мандельштама, размашисто пишет на письме Бухарина: «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие». Именно так должен был написать бывший поэт об аресте другого поэта, пусть даже его оскорбившего. А далее случилось обычное «чудо»: приговор Мандельштаму был тотчас пересмотрен.

И новый ход: он сам звонит Пастернаку. Поэт растерян: разговаривать со Сталиным – совсем не то, что просить Бухарина.

– Дело Мандельштама пересматривается, все будет хорошо, – говорит Сталин. – Почему вы не обратились в писательскую организацию или ко мне? (Он друг поэтов, а не какой-то Бухарин. –

Э.Р.) Если бы я был поэтом и мой друг попал в беду, я бы на стену лез, чтобы помочь.

– Писательские организации не занимаются этим с двадцать седьмого года, а если бы я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего не узнали, – отвечает Пастернак и далее говорит по поводу смысла слова «друг», желая уточнить свои отношения с Мандельштамом, которые, как он считает, не вполне подходят под дружеские.

– Но ведь он же мастер? Мастер? – спрашивает Сталин.

– Да дело не в этом, – уклоняется Пастернак, стараясь понять, куда ведет беседу этот ужасный человек.

– А в чем же?

– Хотелось бы с вами встретиться, поговорить.

– О чем?

– О жизни и смерти.

Хозяин бросил трубку.

Молотов: «О Пастернаке. Сталин позвонил мне и сказал: «Не сумел защитить своего друга».

Добавим: сказал с удовольствием.

И опять говорили: как благороден Хозяин! Никто не смел подумать: неужели он и вправду мог не знать об аресте знаменитого поэта – он, который контролировал все! Конечно, и арест, и первый приговор – все по его приказанию. Но история эта стала для него своеобразным

тестом... Он понял: осмелели! Поверили в потепление!

Он еще не сумел до конца усмирить интеллигенцию. Но страх Пастернака – самого смелого из них – доказывал: сумеет!

Усмирить до конца – это значит научить их не замечать арестов друзей?

Нет, это значит научить их

славить аресты друзей.

Он мог подвести итоги. Система, им созданная, сработала. Пирамида партийных хозяев во главе с Богохозяином провела индустриализацию и коллективизацию в кратчайшие сроки. Охранительные механизмы системы – административно-карательный и пропагандистско-идеологический – действовали эффективно. Первый уже в страшном 1932 году полностью контролировал ситуацию. Второй механизм еще формировался: великий идеологический фронт, куда должны влиться созданные им армии – творческие Союзы... Но и на этом фронте все неплохо.

Да и простые люди в стране уже многому научились за эти годы. К примеру, видя голодающих – не видеть их. Получая нищенскую зарплату, ютась в квартирах-сотах, выстаивая очереди за продуктами – знать, что они живут в самом прекрасном в мире государстве. В стране всемогущего ГПУ – ощущать себя самыми свободными.

Но главная часть системы – партийная пирамида – Сталина уже явно не устраивала. Среди руководителей было много ворчащих феодалов, развращенных всевластием в дни революции, с тоской вспоминающих поверженных кумиров. И фронда, которая поднималась в 1932 году, доказывала, как все зыбко... XVII съезд окончательно доказал: чтобы усмирить страну до конца, необходимо преобразить партию.

Механизм преобразования уже был создан. Успешные процессы над интеллигенцией – прекрасная генеральная репетиция, которую провели они сами, те, с кем он решил расстаться...

А пока, весь 1934 год, шла передышка перед решительным наступлением. Потепление продолжалось. Пусть порадуются, обнаглеют враги...

Третий учитель

В 1933 году Гитлер стал рейхсканцлером Германии.

С первых дней существования большевистской России из-за ее международной изоляции все мысли лидеров были устремлены на внутреннюю политику. Но Германия была особой страной для большевиков.

Придя к власти при помощи немецких денег, они мечтали осуществить парадоксальный план: сбросить давших им деньги «немецких империалистов» и присоединить Германию к Союзу пролетарских республик. На карте мировой революции Германии отводилось первое место. Ее разгром в Первой мировой войне сделал эту мечту реальной. На Версальской конференции, где немцы приняли унижительные условия мира, Ллойд-Джордж распространил меморандум: «Величайшая из опасностей, которую я вижу в нынешней ситуации, состоит в том, что Германия может соединить свою судьбу с большевизмом и поставить свои ресурсы, мозг, огромные организаторские способности на службу революционным фанатикам,

мечтающим силой оружия завоевать мир для большевизма». И действительно, революция несколько раз реально грозила Германии...

Потом, когда надежда на революцию исчезла, обоих европейских изгоев – большевистскую Россию и потерпевшую поражение Германию – начали связывать экономические и военные интересы. По Версальскому договору немцы не имели права создавать в своей стране танковые и летные военные училища – теперь они создавали их в России. Здесь появились тайные филиалы немецких военных заводов, здесь идут секретнейшие опыты – создается немецкое химическое оружие.

Обе стороны преследовали свои цели: немцы – сохранить свою армию (рейхсвер), большевики – при помощи рейхсвера создать армию, которая в дальнейшем должна будет уничтожить... германский и прочий империализм. В кругу военачальников Тухачевский не раз славил рейхсвер – учителя Красной армии, который дал ей первые навыки в передовой технологии вооружений. Славил с подтекстом, как когда-то Петр Великий называл учителями разгромленных им шведов...

Сотрудничество продолжалось вплоть до прихода к власти Гитлера, объявившего себя жесточайшим противником большевизма. Его программа казалась воплощением давнего страха большевиков – неизбежности военной интервенции. Гитлер писал: «Если Германия желает иметь больше жизненного пространства в Европе, его можно найти только в России».

Приход к власти Гитлера воспринимается как жесточайший просчет Хозяина. Он, управляющий Коминтерном как своей вотчиной, не дал немецким коммунистам объединиться с социал-демократами. И расколота левая коалиция проиграла Гитлеру.

На самом деле приход Гитлера был ему необходим – для новой шахматной партии. Если бы Гитлера не было, его пришлось бы выдумать. Угроза интервенции наделила Сталина огромными правами, оправдывала любые чрезвычайные шаги, заставляла европейских радикалов поддерживать его, несмотря ни на что. Ведь СССР – очаг сопротивления фашизму, предмет его ненависти. Гитлер покончил с международной изоляцией Советской России – страны Антанты должны были искать в ней союзника, договор с Америкой в 1933 году это подтвердил.

И еще: большое количество избирателей в Германии, голосовавших против Гитлера, сулило будущие потрясения. Снова вставал призрак мировой революции. «Гитлер продержится несколько месяцев, за которыми – крах и революция», – писали в газетах старые большевики.

Ирония истории: почти мистические совпадения в судьбах этих проклинавших друг друга Вождей. Гитлер, как и Сталин, – третий сын в семье, и все дети, родившиеся до него, умерли. Гитлер также рожден в бедности, и также ходили легенды, что он незаконный сын, и даже отец Гитлера какое-то время зарабатывал сапожным ремеслом. Единственная любовь Гитлера также покончила с собой, и многие считают, что он убил ее...

И их режимы, объяснявшиеся ежедневно в ненависти, зеркально похожи. Оба дали друг другу много полезных уроков. После Ленина и Троцкого Гитлер был третьим учителем Сталина.

В 1934 году, раздумывая, что делать, он не мог не учесть уроков Гитлера.

Гитлер поучительно распорядился судьбой партийцев, приведших его к власти. Это была ворчливая вольница, так похожая на ленинскую партию. И Гитлер, также создававший могучее государство, повинующееся Вождю, решил вопрос радикально: объявил вчерашних соратников предателями и лично возглавил их истребление.

Все это мог наблюдать Сталин в июне 1934 года, пока переваривал итоги XVII съезда.

В газетах он наращивал «антигерманскую истерию», как именовали ее немцы. И «антибольшевистская истерия», как называли ее русские, активно поддерживалась Гитлером. К взаимной выгоде обоих Вождей.

«Красная Россия становится розовой»

Обдумывая кровавый поворот внутри страны, Сталин по-прежнему проводит потепление.

«Еще недавно музыкальный критик, увидев во сне саксофон или Утесова, просыпался в холодном поту. А сейчас куда ни пойдешь, джаз Утесова, джаз Ренского... Березовского, английский джаз, чехословацкий, женский, даже джаз лилипутов» («Комсомольская правда», 27 октября 1934 года).

На сцену Художественного театра вернулись «Дни Турбиных» – и он снова посещал любимый спектакль.

«Красная Россия становится розовой» – таков был заголовок в американской газете «Балтимор Сан».

В 1934 году, в разгар потепления, в СССР приехал английский писатель-фантаст Герберт Уэллс. В Германии уже правил Гитлер, и ненавидевший фашизм Уэллс очень хотел, чтобы Сталин ему понравился. И для Сталина этот визит был важен: в 1920 году Уэллс встречался с Лениным и восторженно рассказал в своей книге о «кремлевском мечтателе»...

Тогда, в голодный год, устраивались бесконечные банкеты в честь Уэллса. Уже при Ленине большевики учились обольщать знаменитых «западных друзей». Правда, художник Анненков приводит весьма неожиданный спич, который услышал Уэллс на таком банкете: «Один из приглашенных обратился к Уэллсу, указывая на обильный стол: «Мы ели котлеты, пирожные, которые являлись для нас более привлекательными, чем встреча с вами, поверьте. Вы видите нас пристойно одетыми, но ни один из присутствующих здесь достойных людей не решится расстегнуть свой жилет, ибо под ним ничего нет, кроме грязного рванья, которое когда-то, если не ошибаюсь, называлось рубашками».

Теперь подобное выступление Уэллс услышать не мог – Хозяин уже навел порядок среди интеллигенции.

Уэллс пришел в восхищение от увиденного, точнее, от показанного ему. «В СССР делается нечто очень значительное, – писал великий фантаст, – контраст по сравнению с 1920 годом разительный. Капиталисты должны учиться у СССР. Финансовая олигархия изжила себя... Рузвельт уже стремится к глубокой реорганизации общества, к созданию планового хозяйства».

Хозяин встретился с Уэллсом и сумел очаровать его, ни в чем ему не уступив. Он отверг возможность планового хозяйства в условиях капитализма и даже защитил революционное насилие: «Капитализм сгнил, старый строй не рухнет сам собой, наивно надеяться на уступки власти имущих».

Уэллс пытался хоть что-то отстоять. Будучи главой Пен-клуба, он заявил о желании поговорить со своим старым другом Горьким – о вступлении советских писателей в Пен-клуб.

«Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционные. Однако я не знаю, может ли здесь быть предоставлена такая широкая свобода?» – спросил Уэллс.

Хозяин насмешливо ответил: «Это называется у нас, большевиков, самокритикой. Она широко применяется в СССР».

Всего через два года Уэллс поймет, что такое свобода высказываний в СССР. Трагедия 1937 года ошеломит его, и он напишет роман «Божье наказание» – о человеке, который предал революцию.

Но это будет потом.

А тогда Уэллс выполнил задачу. Он подтвердил: Сталин – это Ленин сегодня.

«Брат Киров»

2 июня 1934 года Прокуратура СССР приняла «Постановление о пресечении нарушений законности в отношении специалистов и хозяйственников». Страшные процессы как будто отходили в небытие...

После XVII съезда в партии пошли слухи о переводе Кирова в Москву. Говорили, что Киров, ближайший друг Хозяина, партийный вождь Ленинграда, член Политбюро и секретарь ЦК, вскоре займет второе место в партийной иерархии.

Это обнадеживало и партию, и интеллигенцию, ибо Киров все больше становился вождем потепления. Выступая в Ленинграде, он сказал: «Старые группы врагов расплавлены в период борьбы за пятилетку, и с ними уже можно не считаться...»

Хозяин любил Кирова и знал: Киров верен ему.

Однако Киров скоро стал опасен. После крови и трупов на строительстве Беломорско-Балтийского канала – детища Кирова, после его беспощадной борьбы с кулаками в мягкотелости его не обвинишь. Но Киров и вправду уверовал в потепление. Недаром, когда слезливый Калинин прервал поэта, славившего ЧК, и заявил: «Славить ЧК не надо, а надо мечтать о времени, когда карающая рука ЧК могла бы остановиться», – Киров аплодировал...

И все чаще Кирова используют враги. Хозяин знает: в Ленинград полюбил ездить Бухарин. В одном из его предсмертных писем, хранящихся в Архиве президента, я прочел: «Когда я был в опале... и в то же время заболел в Ленинграде, Киров приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал свой вагон, отправил в Москву с такой нежной заботой».

Хозяин, конечно, знал об этой «нежной заботе» к врагу.

И вот уже от Кирова поступает очередное доброе предложение: вернуть к активной деятельности одного из вождей правых – Угланова. Но Сталин хорошо помнит покаяние Угланова, которое тот написал еще в марте 1933 года. Длинный список бесконечных предательств: «На ноябрьском пленуме ЦК в 1929 году мы признали свои ошибки. Прошло несколько месяцев... коллективизация и ликвидация кулачества, и возник целый ряд трудностей... И вновь... настроения борьбы против партии... XVI съезд партии... мы признали свои ошибки и заверили партию, что будем работать не за страх, а за совесть. К осени 1932 года среди моих сторонников возобновляется борьба... и, обсуждая с ними положение в стране, прихожу к выводу, что руководство во главе со Сталиным не в состоянии преодолеть огромные затруднения... и необходимо к руководству партией и страной вновь привлечь... Рыкова, Бухарина, Томского, Зиновьева, Каменева...»

И его Киров просит простить!

Решение, видимо, созрело. Враги делают Кирова своим знаменем? Что ж, придется ему отдать верного друга. Они заставляют его с ним расстаться – «как Авраам отдал в жертву сына Исаака»...

Исходя из любимой им логики он мог сказать: «Объективно это они убивают «брата Кирова». Как и Надю убили... Убийцам двух самых дорогих ему людей – месть и ненависть!

Пока страна радовалась потеплению, подготовка к наступлению шла вовсю.

10 июля 1934 года ГПУ становится подразделением наркомата внутренних дел (НКВД). Тайная полиция отдаляется от партии, от Политбюро, исчезает в недрах наркомата. Еще бы – впереди гибель и партии, и членов Политбюро. Наркомом назначен верный Ягода, он и будет главой наступления. К тому времени Ягода собрал досье на всю верхушку ленинской гвардии. Прислуга высших бюрократов утверждается ведомством Ягоды – домработницы, шоферы и прочие доносят по многу раз в месяц.

Все любовные похождения «кремлевских бояр» – также в распухших папках. К примеру, кандидат в члены Политбюро Рудзутак, согласно досье, изнасиловал пятнадцатилетнюю дочь московского парторботника и в Париже раздавал государственные деньги проституткам... Детально описываются похождения Енукидзе (секретаря ВЦИК) и Карахана (одного из руководителей наркомата иностранных дел) с балеринами, и это эротическое чтение регулярно отправляется Хозяину.

Но видимо, особенно ценил Хозяин сведения о провокаторстве. Именно этим следует объяснить, что в досье многих старых большевиков угодливый Ягода часто вставляет эту ложь: сотрудничал с царской охранкой.

Опасный дом

В начале 30-х годов архитектор Б. Иофан построил для высших партийцев новый дом. Дом глядел на Кремль и на Москву-реку и получил прозвание «Дома на набережной». Самыми фешенебельными в нем были подъезды, где жили член Политбюро Постышев, маршал Тухачевский, глава военной разведки Берзин и прочие функционеры...

Из кухонь огромных квартир был выход на черную лестницу, так что люди Ягоды с черного хода могли появиться прямо в комнатах высокопоставленных квартирантов.

Знаменитый разведчик Ян Берзин, прославившийся в Испании в боях с Франко под именем генерала Гришина, мирно почивал со своей женой, красавицей испанкой Авророй, когда с черной лестницы в его спальню вошли посланцы Хозяина...

Но это произойдет в конце 1937 года. А сейчас 1934-й – и все они преспокойно живут в отведенном им доме. Вооруженная охрана дежурит не только при входе в подъезд, но и на всех лестничных пролетах. Пока она их охраняет. Но уже каждый шаг контролируется, каждый разговор прослушивается.

Все готово к наступлению. Можно было начинать.

В конце 1934 года, отпраздновав свой день рождения, он – начал...

«Революционеров в 50 лет следует отправлять к праотцам»

События 1935–1938 годов, приведшие к тотальному уничтожению всей ленинской партии, оставались величайшей загадкой правления Сталина, в том числе для самих жертв. Почему он с такой непостижимой жестокостью истребил подчинившуюся ему партию?

Самое частое объяснение – ненормальность: Сталин был шизофреником. В доказательство обычно приводили таинственную историю: в 1927 году профессор Бехтерев был приглашен по поводу сухорукости Сталина, осмотрел Вождя, будто бы установил тяжелую паранойю и рекомендовал немедленную отставку. И вскоре... Москва уже хоронила знаменитого ученого.

В августе 1989 года в помещении «Литературной газеты» состоялся забавный консилиум психиатров. Ученые пытались ответить на вопрос: «Был ли Сталин душевнобольным?» Приглашена была и академик Бехтерева, дочь великого врача. Она, в частности, сказала: «О том, что Владимир Михайлович Бехтерев действительно оценил Сталина как параноика, сама я не знаю, а семья наша ничего не слышала».

Так было покончено с очень популярной легендой. Кстати, на этом консилиуме было высказано несколько интересных мыслей.

Корнетов, врач: «Вряд ли совместимы с болезнью его умение манипулировать кадрами, вербовать сторонников, вовремя атаковать противников».

Левин, врач: «В чем идеи Сталина были неадекватными, неправомерно доминирующими в его сознании, как это бывает с параноиками? Сталин человек жестокий, без чувства жалости... прагматик».

Обдумывая истребление старой гвардии, Сталин наверняка посоветовался с двумя людьми, которые оказали на него наибольшее влияние: с Лениным и Троцким. В сочинениях Троцкого он смог получить исчерпывающий ответ от имени обоих учителей: «Ленин не раз издевался над так называемыми старыми большевиками и даже говаривал, что революционеров в 50 лет следует отправлять к праотцам. В этой невеселой шутке была серьезная мысль: каждое революционное поколение становится на известном рубеже препятствием к дальнейшему развитию той идеи, которую они вынесли на своих плечах».

XVII съезд окончательно убедил: они не дадут создать страну его мечты – военный лагерь единомыслящих, подчиненный Вождю. Но только с такой страной можно было осуществить Великую мечту. Великую тайную мечту.

Перед ним стояла грандиозная задача – единая послушная партия. Задача, поставленная еще Ильичом. Практика показала: Ленин не выполнил ее до конца. Теперь Сталин приготовился ее выполнить.

Кровавая чистка должна была разрешить еще одну проблему. Созданная им система базировалась на абсолютной власти партийных начальников, но все это были профессиональные революционеры, мало понимавшие в технике и экономике. Ход индустриализации доказал их катастрофическую некомпетентность.

В середине февраля 1937 года его выдвиженец – молодой инженер Георгий Маленков, ставший секретарем ЦК, написал докладную. Из нее следовало: среди секретарей обкомов низшее образование имеют 70 процентов, среди секретарей райкомов и того больше – 80 процентов.

Так что, говоря языком Хозяина, «кадровый вопрос стоял очень остро».

Кроме того, за двадцать лет у власти они сильно постарели, обросли семьями, родственниками, любовницами... Помню две характеристики партийных функционеров, поразившие меня у Молотова, – «подразложились» и «проявили желание отдохнуть». В них явно звучал насмешливый голос самого Хозяина...

Полуграмотная, «подразложившаяся» верхушка, проявлявшая «желание отдохнуть», должна была освободить места для нового, образованного, энергичного, выросшего при нем поколения.

Но как избавиться от прежних соратников, не тратя много времени и безболезненно? В отставку? Это значит создать оппозицию...

Расправа с кулаками дала ответ: тем же революционным путем. Уничтожить. Ответ, достойный якобинца-прагматика. Жестоко? Но разве будущие жертвы поступали менее жестоко? Разве не они провозглашали кровавый ленинский лозунг – «революцию не делают в белых перчатках»?

Триллер начинается

В Архиве президента я нашел интереснейший документ – Журнал регистрации лиц, принятых Сталиным.

Дежурный офицер пунктуально отмечает входы и выходы посетивших Хозяина: «28 ноября 34 г. – Киров (15 часов, выход – 17.25)».

Два с лишним часа пробыл «брат» в его кабинете. Хозяин предложил Кирову перебираться в Москву – здесь он должен стать вторым человеком в партии.

29 ноября Киров еще в Москве. Но Сталин в этот день его не принимает.

Все эти дни к нему ходит Ягода.

Вечером 29-го Е.С. Булгакова видит Сталина и Кирова на спектакле в Художественном театре. Хозяин провожает Кирова на вокзал, целует его на прощание: трудно отдавать «брата».

В следующий раз он поцелует Кирова уже в гробу.

1 декабря 1934 года Киров шел по коридору Смольного. В бывшем штабе Октябрьского переворота по традиции размещалось руководство ленинградских большевиков. Когда он свернул в узкий коридор и направился к своему кабинету, от стены отделился молодой человек. Как ни странно, рядом не оказалось никого из охраны. Молодой человек достал револьвер из портфеля и выстрелил в Кирова... Выбежавший из кабинета секретарь горкома Чудов бросился к Кирову, но тот был уже мертв.

С этого убийства начинается величайшая катастрофа и гибель миллионов.

Следствие по делу убийцы Кирова было закончено уже через 27 дней. Заключение подписали заместитель Прокурора СССР Вышинский и следователь по особо важным делам Шейнин...

70-е годы. Я беседую с Львом Романовичем Шейниным. Толстый следователь, отправивший в годы террора на смерть множество людей, выглядит как добродушнейший Пиквик. Удалившись от дел, он пишет пьесы – стал моим коллегой. Он кокетничает своим знанием тайн. Его даже радует мой вопрос:

– Сталин приказал убить Кирова?

Он улыбается. И отвечает ласково:

– Сталин был Вождь, а не бандит, голубчик...

Во время хрущевской оттепели была назначена целая комиссия, которая должна была ответить на этот вопрос: действительно ли он приказал Ягоде убить Кирова? Надеялись найти документы, но, конечно, не нашли, и не потому, что они были уничтожены. Уверен: их не существовало.

Шейнин не лгал: Сталин не давал никакого прямого поручения Ягоде.

Не мог давать. Да, он лично требовал выбивать заведомо ложные показания из несчастных инженеров и ученых, но здесь – не тот случай. С «беспартийной сволочью», как часто назывались интеллигенты, можно было делать что угодно для пользы партии. Беспартийные не считались людьми – они удобрение, на котором должно взрасти общество будущего. Но партийцы, и не какие-нибудь преступные оппозиционеры, а верные партийцы – это совсем другое дело. Не мог наследник Ленина призвать главу НКВД и попросить убить верного ленинца. Скорее, все было наоборот, он не раз вызывал Ягоду и требовал как можно бдительней

охранять Кирова.

Задача Ягоды была крайне проста: понять «глубокий язык», понять, что

хочет Вождь. И исполнить.

Убийцей Кирова стал молодой партиец Леонид Николаев. У него оказалась боевая биография: в шестнадцать лет, в дни наступления Юденича, пошел на фронт, там стал комсомольцем, работал в ГПУ, потом уехал в Мурманск, где занимал какой-то второстепенный пост. С этого времени и начинаются его настроения разочарованного неудачника. Он придумывает для себя некий прошлый романтический период в партии, в своем дневнике пишет об измене прежним партийным традициям и о том, что кто-то должен пожертвовать собою, чтобы обратить внимание на пагубность такого положения.

Общественные мотивы сопровождаются личными: некие друзья открывают Николаеву, будто Киров находится в связи с его бывшей женой. Для него это еще одно свидетельство перерождения партии!

Но самое удивительное: обо всем этом Николаев говорит вслух, и всеслышащие уши учреждения Ягоды должны быть осведомлены и о разговорах, и о таинственных друзьях Николаева, которые распяляли нервного молодого человека. Так что естественна мысль: кто-то вел этого истерика к его безумному решению и кто-то позволил ему беспрепятственно его осуществить.

На следствии выяснилось, что Николаев уже задерживался охраной Смольного – и с оружием! Тем не менее в день убийства его опять пропустили в Смольный.

В Музее революции есть рукописные воспоминания Алексея Рыбина. Он был одним из охранников Сталина в 30-е годы. Вот что он пишет: «Мне, как знающему все тонкости охраны и безопасности членов Политбюро... не просто в этом разобраться: кто мог позволить Николаеву продолжительное время сидеть в коридоре на подоконнике? Почему не было рядом с Кировым личного сотрудника для поручений? Почему Николаев задерживался и отпускался, будучи с оружием?»

И народ тоже задавал подобные вопросы. Оттого и появилась озорная частушка, кончавшаяся словами: «Сталин Кирова убил в коридорчике». Веселая частушка, которая стоила жизни многим...

Но Хозяин не торопился ответить на все вопросы народа.

Он придумал длинный кровавый детектив, в котором должны были принять участие миллионы – и погибнуть. Ответы на все вопросы, как и положено в детективе, он предполагал дать только в самом конце.

«У всех горе... а для И. – особенно»

А пока было только начало, и участники драмы, назначенные им в смертники, волновались и жалели его, потерявшего «брата».

Из дневника М. Сванидзе: «Приезжаю вчера с дачи в 9 вечера и узнаю потрясающую новость: у всех огромное горе... а для И. – особенно. Убит злодеем Киров... Этот удар потряс меня. И. – сильный человек, он героически перенес всю боль утраты Надюши. Но это такие большие испытания за такое короткое время... Теракт сам по себе страшен... Этот белый фашистский террор страшен своей ненавистью».

Бесспорно, он испытывал боль – два потрясения, две такие утраты. Ни жены, ни друга – все отняли враги! Но теперь он сможет избавиться от них! Верный «брат» послужит ему после смерти...

Но, подготовив убийство Кирова, Ягода не понял до конца грандиозный замысел Вождя. Он полагал, что дело должно ограничиться устранением опасной фигуры, вокруг которой начали группироваться враждебные силы (что еще раз доказывает: Вождь не посвятил его в свой космический план). В результате Ягода бросается высылать и арестовывать священников, дворян, решив привычно свалить убийство Кирова на классовых врагов. Даже умнейший Радек не понял и начал писать о «руке гестапо», убившей верного сталинца...

Хозяину приходится прямо указать Ягоде дальнейшее направление главного удара.

Впоследствии преемник Ягоды Николай Ежов на пленуме ЦК в 1937 году рассказал об этих днях: «Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева (руководителя комсомола. –

Э.Р.) и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев»... Я должен сказать, что в это не верили чекисты».

Ягода не понял – и следует раздраженный окрик. Как поведал все тот же Ежов, Хозяин позвонил Ягоде и предупредил непонимающего слугу: «Смотрите, морду набьем».

Ягода оказался старомоден. Хозяин сознает: он не сможет преодолеть пиетет перед ленинской гвардией, поэтому и подключает к нему Ежова.

Молотов: «Ежов – дореволюционный большевик, рабочий, ни в каких оппозициях не был, несколько лет секретарь ЦК, хорошая репутация».

В секретном деле 510, хранящемся в бывшем Архиве КГБ, есть биография этого «человека с хорошей репутацией»: «Из анкеты Ежова Николая Ивановича. Родился 1 мая 1895 года. Местожительство – Москва, Кремль. Социальное происхождение – рабочий. Образование – незаконченное низшее. В 1919 году был судим военным трибуналом и осужден к 1 году тюремного заключения».

Хозяин увидел его в Сибири во время своей поездки за хлебом, после чего в 1928 году забрал Ежова в ЦК.

В начале 30-х годов он уже заведует отделом кадров ЦК. На XVII съезде Хозяин передвигает его в верхи партии. Ежова избирают в ЦК, он становится заместителем председателя Центральной Контрольной комиссии, а в 1935 году ее председателем и секретарем ЦК.

Ежов – типичный выдвигенец этого периода, полуграмотный, послушный и работоспособный. Темное прошлое заставляет его быть особенно ретивым. И главное – он сделал карьеру уже после того, как вожди Октября повержены. Ягода еще недавно служил партии, а теперь Сталину. Ежов служит только Сталину. Он сможет провести в жизнь вторую половину замысла Хозяина. Для него нет табу.

Впоследствии в разгар террора на тысячах плакатов Ежова будут изображать в виде исполина, в руках которого корчатся и издыхают враги народа. «Батыр Ежов» – так назовут его в своих стихах поэты восточных советских республик.

На самом деле «богатырь» был крохотным человечком, почти карликом, с тихим голосом. И в этом был некий символ.

Как и Жданов, Маленков и все последующие, кого Хозяин будет теперь призывать к вершинам власти, Ежов – всего лишь миф, псевдоним Хозяина, жалкая кукла, выполняющая его приказы и исчезающая со сцены по мановению его руки.

Все придумывает, решает только он – Хозяин.

Продолжение революции

Пока Ежов учится, входит в курс дела, надзирая за Ягодой, толкая его вперед, Хозяин вбивает сюжет своего триллера в головы ближайшего окружения: «На второй день после убийства Сталин вызвал всех и объявил: убийца Николаев является зинovieвцем», – вспоминал потом Бухарин. Молотову объяснить не пришлось – он тотчас понял грандиозность замысла.

Молотов: «До 1937 года мы все время жили с оппозицией. После... уже никаких оппозиционных групп! Сталин взял на себя все это трудное дело, но мы помогали. Сталин хотел, чтобы 1937 год стал продолжением революции... в сложной международной обстановке».

Да, продолжение революции: вожди разложились, обуржуазились, переродились, надо вернуться к идеалам, открыв огонь по обанкротившимся штабам. Особенно это важно теперь, из-за угроз Гитлера... Итак, для партии – продолжение революции, а для беспартийных? Окончание революции, уничтожение ленинской партии, с которой связаны у народа Октябрь и Красный террор.

Уже в день убийства Кирова он диктует постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской власти». Сроки следствия по подобным делам – не более десяти дней, дело рассматривается без прокурора и адвоката, кассационная жалоба, ходатайство о помиловании не допускаются. Приговор к высшей мере исполняется немедленно.

Той же ночью он двинулся в вечно мятежный Ленинград, вместе с верным Молотовым и руководителями расправы – Ежовым и Ягодой... На вокзале в Ленинграде он молча ударил по лицу руководителя местных чекистов Медведя: «Не уберegli Кирова».

В Смольном ему был отведен целый этаж, в здании НКВД выделен десяток комнат. Он сам проводит расследование. И тут начали выясняться некоторые подробности. Из показаний Николаева следовало: его

вели к убийству. На вопрос: «Где вы взяли револьвер?» – Николаев показал на заместителя начальника ленинградского управления НКВД Запорожца и ответил: «Почему вы спрашиваете у меня? Спросите у него».

«Заберите его», – сказал Сталин и, как только дверь закрылась, зло бросил Ягоде: «Мудак».

Так описывает эту сцену Орлов.

На самом же деле такой ответ Николаева Хозяину очень пригодится в будущем, когда он подойдет к финалу триллера. А пока он ссылает руководителей ленинградского управления НКВД Медведя и Запорожца на Дальний Восток – за халатность. Там они будут благоденствовать, пока не настанет их очередь принять участие в его триллере.

Газеты нагнетают истерию и страх – ждут новых террористических актов врагов. Он возвращается в Москву – на похороны «брата Кирова». Похороны происходят в Колонном зале бывшего Дворянского собрания.

Из дневника М. Сванидзе: «05.12.34... Начиная с угла Тверская закрыта, стояли поперек грузовики и группами красноармейцы... Реденс распорядился провести нас к группе близких. Зал сиял огнями, обильно украшен плюшевыми знаменами, посреди зала... стоял гроб. Простой, красный, кумачовый. Лицо было зеленовато-желтое, с заострившимся носом... у виска к скуле синее пятно от падения... С правой стороны – несчастные жена и сестры. Они – сельские учительницы и, живя в глуши, даже не знали, что их брат стал таким большим человеком. Увидев в газетах его портреты, списались с ним, а так как не выбрались приехать раньше, увидели его уже... Доступ публики закрыт. В зале ограниченный круг лиц. Мы все напряжены, с опаской оглядываемся вокруг – все ли свои? Все ли проверенные? Только бы все обошлось... Со стороны головы покойного появляется И., окруженный соратниками... Гаснут прожектора, смолкает музыка. Уже стоит с винтами для крышки гроба охрана. На ступеньки гроба поднимается И. – лицо его скорбно. Он наклоняется и целует в лоб мертвого... картина раздирает душу, зная, как они были близки. Весь зал рыдает. Я слышу сквозь собственное всхлипывание всхлипывания мужчин... И. очень страдает. Павлуша был у него за городом в первые дни после смерти Кирова, они сидели с И. в столовой. И. подпер голову рукой (никогда не видела такой позы у него) и сказал: «Осиротел я совсем». Павлуша говорит, что это было так трогательно, что он кинулся его целовать. И. говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним, как за ребенком. Конечно, после Надюшиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающее тепло и уют. Мы все как-то стесняемся лишней раз зайти к нему, поговорить, посмотреть. Я лично не стесняюсь... но Алеша относится к этому подозрительно и вносит в это элемент как будто ревности и боязни быть навязчивым. Он говорит, что И. не любит, когда к нему ходят женщины».

Алеша Сванидзе, достаточно знающий своего родственника, начинает, видимо, о чем-то

догадываться и старается быть подальше.

С 3 декабря, после возвращения Сталина в Москву, возобновляются записи в Журнале посещений. И во всех записях, в течение всего месяца, ежедневно в его кабинет входят, и выходят, и снова входят руководители НКВД. Последним из кабинета, обычно ночью, выходит Ежов – «око государево».

Вскоре Николаев признал, что «убил Кирова по заданию троцкистско-зиновьевской группы», после чего его торопливо расстреляли.

Идут бесконечные митинги, где клеймят «подлых убийц Кирова». В Москве Зиновьев на собрании правления Центросоюза старательно поносит их. Но 8 декабря уже идут аресты его сторонников в Ленинграде.

16 декабря Зиновьев и Каменев арестованы в Москве.

В дни перестройки была образована комиссия Политбюро ЦК КПСС «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов». Она извлекла из недр секретных архивов письма несчастного Зиновьева.

В минуты ареста он пишет истерическую записку Сталину: «Сейчас 16 декабря. В 7.30 вечера тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и проводят обыск. Я говорю Вам, тов. Сталин, честно: с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Куста-ная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которой я должен был бы скрывать от партии, от ЦК и от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу... Клянусь Вам всем, что может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина... Умоляю поверить моему честному слову. Потрясен до глубины души».

Ягода отправил это письмо Сталину. Он не ответил, но, думаю, с усмешкой прочел. «Потрясен до глубины души...» Зиновьеву еще только предстояло быть потрясенным, когда он узнает, какая роль уготовлена ему в триллере.

Это было беспроницаемо – начать с Каменева и Зиновьева. Он не сомневался – эти не выдержат. Зиновьев, прозванный «паника», и Каменев, слабый в несчастье интеллигент, – лучшие кандидатуры для задуманного. Но подводит Ягода – никак не может избавиться от уважения к бывшим вождям. Он и его следователи явно «деликатничают», и Зиновьев и Каменев не соглашаются взять на себя ответственность за убийство.

Год заканчивался. Не прошло и двух десятилетий после Октябрьского переворота – и вот вожди Октября встречают Новый год в тюрьме.

Из дневника М. Сванидзе: «21.12.34. Отпраздновали день рождения И. Собрались на Ближней даче к 9 часам. Были все близкие (Молотовы – двое, Ворошилов – один, Орджоникидзе – один, Чубари – двое, Енукидзе, Берия, Лакоба, Калинин – один и родня Сванидзе – трое, Реденсы, Аллилуевы). Ужинали до часу ночи, потом шумели. И. вытасил граммофон, пластинки, стал сам заводить... Мы танцевали. Он заставил мужчин брать дам и кружиться. Потом кавказцы пели унылые песни. И. запевал тенорком... сказал: «Разрешите выпить за Надю». Я пишу, а у меня опять полные слез глаза, как в тот момент. Все встали и молча подходили с бокалами к И., у него было лицо, полное страдания. После двух тяжелых потерь И. очень изменился. Стал мягче, добрее, человечнее. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой... Аллилуевы и Реденсы... Из всей этой четверки можно говорить только с Женей. Она умна, горит энергией, интересуется живо всем... Нюра болезненно добра и умственно убога. Ее супруг (Реденс) напыщенно глуп, самомнителен и погряз в делишках... Алеша получил повышение по службе – назначен заместителем

председателя Госбанка СССР».

Печальный «мраморный герой» стал мягче, добрее, он поет, танцует, веселится с ними. И уже знает их будущее.

Первое покаяние

Прошел Новый год, а Ягода все не мог связать Каменева и Зиновьева с убийством Кирова. В Архиве президента находится первый вариант обвинительного заключения. Он составлен 13 января. В нем указывается: Зиновьев и Каменев виновными себя не признали.

И вдруг в тот же день Зиновьев пишет «Заявление следствию»: «Сроки следствия приближаются к концу... и я хочу разоружиться полностью. Я много раз после XV и особенно после XVI съезда говорил себе: довольно! Доказано, что во всем прав ЦК и тов. Сталин... но при новых поворотных трудностях начинались новые колебания. Яркий пример этого – 1932 год, события которого я подробно описал в своих показаниях...

Субъективно я не хотел вредить партии и рабочему классу. По сути же дела становился рупором тех сил, которые хотели сорвать социализм в СССР».

Объективно он признает себя врагом.

«Я был искренен в своей речи на XVII съезде... Но на деле во мне продолжали жить две души... Мы не сумели по-настоящему подчиниться партии, слиться с нею до конца... мы продолжали смотреть назад и жить своей особой душевной жизнью, все наше положение обрекало нас на двурушничество. Я утверждал на следствии, что с 1929 года у нас в Москве центра бывших зиновьевцев не было. И мне самому так думалось: какой же это центр – это просто Зиновьев плюс Каменев... плюс еще два-три человека...

На самом деле это был центр, так как на этих нескольких человек смотрели остатки кадров бывших зиновьевцев, не захотевших по-настоящему раствориться в партии. Бывшие мои единомышленники... голосовали всегда за линию партии... а промеж себя преступно продолжали говорить... враждебно к партии и государству... И хотели мы этого или нет, мы оставались фактически одним из центров борьбы против партии и ее великой работы... С первого допроса я страстно возмущался, как я могу быть смешиваем с негодями, дошедшими до убийства Кирова... Но факты упрямая вещь. И, узнав из обвинительного акта против ленинградского центра все факты... я должен был признать

морально-политическую ответственность бывшей ленинградской оппозиции и мою лично за совершившееся преступление... Вернувшись в 1933 году из ссылки, я с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех попыток антипартийных сговоров... Я полон раскаяния, самого горячего раскаяния. Я готов сделать все, чтобы помочь следствию... Я называю и назову всех лиц, о которых помню как о бывших участниках антипартийной борьбы... и буду это делать до конца, памятуя, что это мой долг. Могу сказать только одно: если бы я имел возможность всенародно покаяться, это было бы для меня великим облегчением... Пусть на моем тяжелом примере другие видят, что такое сбиться с партийной дороги и куда это может привести...»

И Каменев, который тоже все отрицал, на следующий день (14 января) вдруг признался: «Руководящий центр зиновьевцев существовал и действовал по 1932 год включительно».

Произошло нечто кардинальное, что заставило бывших вождей одновременно

капитулировать. Кто-то сумел сделать то, что не удалось Ягоде и следователям.

В Журнале регистрации посетителей Сталина с 11 по 17 января – ничего нет. Полагаю, что в эти дни у него были особые посетители: к нему привозили Каменева и Зиновьева, шел торг. Конечно же он смог представить им доказательства их тайных встреч с его противниками и сделал то, чего не сумел Ягода. Они признали: морально и политически они ответственны за убийство Кирова – и выдали сторонников. За это, видимо, он обещал вскоре простить их, но потребовал публичного покаяния. Отсюда фраза Зиновьева: «Если бы я имел возможность всенародно покаяться...»

Но Зиновьев не понимал тогда, в чем придется «всенародно каяться»... Сюжет только начинался, и вряд ли кто сумел бы угадать фантастический замысел автора...

Зиновьев получил десять, Каменев – пять лет тюрьмы. Теперь прежние вожди Октября именовались «московским центром» заговора.

В эти же дни перед судом предстала ленинградская группа зиновьевцев. В нее входил и Георгий Сафаров – один из организаторов бессудного расстрела царской семьи. На процессах он дал все показания, угодные следователям, – против бывших друзей. (В январе 1935 года осужден на пять лет, а в 1942 году – расстрелян уже без всякого суда.)

Всю зиму и весну 1935 года шла волна массовых арестов зиновьевцев. Беспартийные не без юмора назвали эту волну «кировским потоком».

Были арестованы старые знакомые Кобы по 1917 году, бывшие молодые вожди петроградских большевиков Залуцкий и Шляпников. Им предъявили показания Сафарова о том, что они вели нелегальную работу против партии. Шляпников получил пять лет, но Хозяин заменил ему тюрьму ссылкой в Астрахань. Пока.

Шляпникову еще предстоит участвовать в триллере. Ему придумана достойная роль в кровавом сюжете.

Заканчивалась весна. Каменев и Зиновьев ждали привычного поворота судьбы. Для Каменева поворот действительно вскоре наступил, но самый неожиданный...

Веселый ловелас, любитель балерин Большого театра Авель Енукидзе начал ворчать по поводу ареста Каменева и Зиновьева. Авель – старый большевик, секретарь Президиума ЦИК СССР, близкий друг Хозяина. Но он целиком связан со старой партией, которая должна исчезнуть – и тотчас включен в сюжет триллера. Более того (юмор Хозяина!) – Авель соединен в нем с Каменевым, которого он защищал.

В июне 1935 года на пленуме ЦК Ежов делает доклад «О служебном аппарате секретариата ЦИК и товарище А. Енукидзе». Оказывается, из-за преступной халатности Авеля на территории Кремля действовал целый ряд террористических групп. В ужасе читали люди в газетах ошеломляющую историю о том, как собирались убить их Вождя. Так появилось «кремлевское дело».

Непосредственным организатором готовившегося убийства был объявлен Каменев. Заговор объединял Троцкого, Зиновьева и монархистов, пробравшихся в Кремль благодаря попустительству Енукидзе... Заодно к заговору были причислены болтливые свидетели гибели жены Вождя: Алексей Синелобов, секретарь для поручений коменданта Кремля, был расстрелян, а его сестра получила четыре года. Тогда же получила свой срок уборщица Корчагина «за распространение слухов, порочащих руководителей правительства».

Ягода включил в террористическую группу брата Каменева Николая Розенфельда и его жену, работавшую в кремлевской библиотеке. И сына Троцкого Сергея Седова... По «кремлевскому

делу» Каменев получил еще пять лет и сравнялся с Зиновьевым. Николай Розенфельд и его жена получили по десять, а Сергей Седов – пять лет.

Была зачислена в террористки жившая прежде в Кремле жена Каменева и сестра Троцкого Ольга Давидовна – такое сочетание родственников идеально подходило для заговора. 110 человек были осуждены на разные сроки. Енукидзе «за политическое и бытовое разложение» (как говорилось в резолюции пленума ЦК от 7 июля 1935 года) был исключен из партии.

В деле уже чувствовался будущий размах.

Из дневника М. Сванидзе: «Я твердо верю, что мы идем к великому лучезарному будущему... Дстойную кару... понес Авель... Это гнездо измен и грязи меня страшило. Теперь все стало светлее, все дурное сметено, и... все пойдет в гору».

Сталин обстоятельно готовит «лучезарное будущее», в котором найдет свой конец и Мария. В апреле 1935 года опубликован новый закон: о равной со взрослыми ответственности за совершенные преступления для детей от 12 лет и старше – вплоть до смертной казни. Так что во время будущих процессов его жертвы должны будут думать не только о себе, но и о своем потомстве.

Между тем активность арестов начала спадать, новые открытые процессы не состоялись. Ожидавшие размаха Красного террора после столь мощных раскатов газетного грома были несколько разочарованы. Все входило в привычную скучную колею. И Горький уже надоедал Сталину просьбами выпустить Каменева.

Хозяин опять всех перехитрил. Они решили: представление закончено, а занавес только поднялся. Все главные события в задуманном им триллере были впереди.

«Народу нужен царь»

Весна прошла под знаком нового развлечения, совершенно заслонившего расправу с бывшими вождями: в Москве пустили первую линию метро.

Из дневника М. Сванидзе: «29.04.35. Заговорили о метро. Светлана выразила желание прокатиться, и мы тут же условились – я, Женя, няня, она. Вдруг поднялась суматоха. И. тоже решил внезапно прокатиться. Вызвали Молотова. Все страшно волновались, шептались об опасности такой поездки без подготовки. Каганович волновался больше всех... Предлагал поехать в 12 часов, когда прекратится катание публики... Но И. настаивал – сейчас же. В Охотном ряду публики... кинулась приветствовать Вождя. Кричала «Ура!», бежала следом. Нас всех разъединили, и меня чуть не удушили у одной из колонн. Восторг и овации переходили человеческие меры. И. был весел... Толпа в восторге опрокинула чугунную лампу».

Можно легко представить, сколько было агентов НКВД в этой ликующей толпе. Но если бы даже их не было – энтузиазм был бы не меньший!

М. Сванидзе: «Думаю, при всей его трезвости, его все-таки трогала любовь народа к своему Вождю. Тут не было ничего подготовленного, казенного. Он как-то сказал об овациях, устраиваемых ему:

«Народу нужен царь, тот, кому они смогут поклоняться, во имя кого жить и работать».

О царе он говорит неоднократно. Есть записка старого большевика Чагина, который

вспоминает об эпизоде на ужине у Кирова. Тогда Сталин сказал: «Учтите, веками народ в России был под царем, русский народ царист, русский народ привык, чтобы во главе был кто-то один». Готовя уничтожение строптивой ленинской гвардии, он думал о будущем царстве. Недаром один из эмигрантов скажет после его кровавых чисток: «Много крови надо пролить, чтобы родить российского самодержца».

В конце года он встретился с матерью. Весь год он по-прежнему аккуратно переписывается с ней:

«11.6.35. Знаю, что тебе нездоровится. Не следует бояться болезни, крепись, все проходит. Направляю к тебе своих детей, приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду повидаться».

Да, пришла пора ехать к матери. Мать много болеет – кто знает, увидятся ли они в следующем году. Тем более что в следующем году нелегко будет приехать в Грузию после того, что он задумал... И опасно. Вот почему он решает поехать сейчас – пусть мать увидит своего Сосо в блеске славы. До будущих проклятий...

Мать давно перевезли в Тифлис и поселили там, где и должна жить мать царя, – в бывшем дворце наместника Грузии (там когда-то жили великие князья). Из всего дворца Кэкэ выбрала жалкую комнатку во флигеле, похожую на их бывшую лачугу.

К ней приходят две приживалки в черных шапочках – обслуживать Кэкэ. На полном пансионе живет его старая мать, все он ей обеспечил, специальный доктор смотрит за ее здоровьем. И партийный вождь Закавказья Берия лично следит, чтобы она ни в чем не знала отказа.

Лаврентий Берия – член партии с мая 1917 года.

Молотов: «Еще в кабинете Ленина я встречал молодого Берия». Но по-настоящему он выдвинулся при Хозяине. Сталин сделал молодого чекиста Берия руководителем и все больше ценит его. На прошлом дне рождения Вождя он уже среди приглашенных.

Встречу с матерью Берия умело превратил в идеологическое шоу. Газеты выходят с трогательными рассказами о лучезарной любви Великой Матери и Великого Вождя. «Дева Мария» – явственно маячит с газетных страниц. Берия учел вкус бывшего семинариста.

«75-летняя Кэкэ приветлива, бодра. Она будто светится, рассказывая о незабываемых минутах встречи... «Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна была испытывать я – мать?» – так пишет «Правда».

«Меня она искалечила на всю жизнь»

Все это время он продолжает думать об ушедшей Надежде. Он и после ее смерти страстно ссорится с нею.

Из дневника М. Сванидзе: «Заговорили о Яше. Тут он опять вспомнил его отвратительное отношение к нашей Надюше, его женитьбу, все его ошибки, его покушение на жизнь. И. сказал:

– Как же это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться? Она очень плохо сделала, она искалечила меня...

– Как она могла оставить двоих детей?

– Что дети? Они ее забыли через несколько дней. А меня она искалечила на всю жизнь».

Будто мстя мертвой жене, он совершенно изменил налаженный ею быт в доме. Всем начинают заправлять сотрудики тайной полиции.

Надзирать за воспитанием своих детей он поручает Николаю Власику, начальнику своей охраны. Уроженец глухой русской деревни, Власик служил в ВЧК, откуда Менжинским был рекомендован в охрану Сталина.

Помощником Власика, контролирующим жизнь детей, стал сотрудник НКВД С. Ефимов – комендант дачи в Зубалове, где летом живут Вася и Светлана. Результаты этого воспитания скоро сказались на Васе.

В Архиве президента находятся сообщения Ефимова Власику, которые тот аккуратно передавал Хозяину:

«22.09.35. Здравствуйтесь, тов. Власик. Сообщаю вам о наших делах. Во-первых, Светлана и Вася здоровы и чувствуют себя хорошо. Светлана учится хорошо, Вася занимается плохо... В школу не пошел совсем, говоря, что у него болит горло, но горло врачу показать отказался».

Из дневника М. Сванидзе: «17.11.35. За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. И. дал ему два месяца на исправление, пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание троих способных парней вместо него...»

Отца Вася боялся, но знал, как себя защитить.

Ефимов – Власику: «19.10.35. На листе бумаги писал свое имя и фамилию и в конце написал: «Вася Сталин родился в 1921 году, умер в 1935-м». Надпись производит нехорошее впечатление, уж не задумал ли он что?»

Видимо, что-то Вася знал (подслушал?) о матери и взял это на вооружение, чтобы пугать отца.

Из дневника М. Сванидзе: «И. знает обоих (Светлану и Васю) до мелочей. Какой это аналитический ум, какой он исключительный психолог».

Пожалуй, тут восторженная Мария оказалась права – он знал сына. Вот как Хозяин описал Василия в письме к учителю сына Мартышину: «Василий – избалованный юноша, средних способностей, дикаренок (тип скифа), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких руководителей, нередко нахал со слабой или, вернее, неорганизованной волей, его избаловали всякие «кумы и кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина». Я рад, что в вашем лице нашелся хотя бы один уважающий себя преподаватель, который требует от нахала подчинения общему режиму в школе. И если наглец Василий не успеет погубить себя, то потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку. Мой совет требовать поосторожнее от Василия и не бояться шантажистских угроз капризника насчет самоубийства».

Так беспощадно он написал о собственном сыне, которого любил.

Преподнес ему сюрприз и другой сын – нелюбимый.

Из дневника М. Сванидзе: «17.11.35. Яша вторично вступил в брак. С Юлией Исааковной Бессараб. Она хорошенькая, 30–32 года, кокетливая, говорит с апломбом глупости, поставила себе цель – уйти от мужа и сделать карьеру... Что и выполнила... Ее вещи пока у прежнего мужа. Не знаю, как к этому отнесется И.!»

«04.12.35. И. уже знает о женитьбе Яши. Относится к этому лояльно-иронически. В конце

концов Яше 27 или 28 лет».

И опять наступил его день рождения.

«26.12.35.21-го послали И. письмецо. («Поздравляем дорогого Иосифа с днем рождения. Не хватает слов выразить то прекрасное, что мы желаем».) И. был в прекрасном настроении. Все за столом были шумны и веселы... И. обратился к Алеше: «Если бы не ты, всего этого не было бы. Я забыл совсем об этом дне...»

Так он веселился с будущими мертвецами.

Глава 16 Истребление «народа гнева моего»

О, Ассур, жезл гнева Моего!

и бич в руке его – Мое негодование!»

Я пошлю его против народа нечестивого

и против народа гнева Моего... Ис. 10: 5-6

...убивал мечом юношей ваших...

и при всем том вы не обратились

ко Мне, говорит Господь. Амос. 4:10

Все было за то, чтобы начинать

Наступил 1936 год. Готовя кровавые процессы внутри страны, Хозяин весьма прогрессивен в политике внешней. Он умел идти одновременно в противоположных направлениях. Строя страну как закрытую неприступную крепость, он устанавливает дипломатические отношения с США, вступив в Лигу Наций, становится главным поборником коллективной безопасности.

И подготовленная Конституция с провозглашением демократических свобод также хорошо прикрывала будущую кровавую чистку. На фоне процессов старых революционеров, Конституция создавала иллюзию: в России строится демократическое государство, без страшных ленинцев. Он знал: Западу придется поддерживать эту иллюзию. Надежды на Гитлера оправдались – Германия перевооружилась, а Запад отстал. Теперь они поняли: без этого ужасного Сталина Гитлера не победить... Ему везло! В дни процессов Гитлер будет разбойничать в Европе, а Франко начнет мятеж в Испании.

В 1936 году в Испании на выборах победу одержали левые партии. Генерал Франко, поддержанный Гитлером, поднял мятеж против правительства Народного фронта. Началась жестокая гражданская война со всеми ее ужасами, и антифашисты со всего мира помогали республиканской армии.

Хозяин моментально (и опять же прогрессивно) отреагировал: в помощь демократии в Испанию были переброшены танки и самолеты, военные советники и... множество агентов НКВД.

Все это происходило на фоне хорошего урожая, когда народ наконец-то хоть немного передохнул после ужасов революции. Так что 1936 год был выбран им удачно.

И он начинает задуманное наступление. На повестке дня – гибель партии.

Поворот сюжета

В НКВД собирают специальное совещание верхушки, зачитывают сообщение о раскрытии гигантского заговора, во главе которого стоят Троцкий, Каменев, Зиновьев и прочие руководители оппозиции. Оказывается, ими созданы террористические группы во всех крупных городах. Все участники совещания поступают в распоряжение секретного политического управления НКВД – для проведения следствия. Сам Вождь будет наблюдать за следствием, а помогать ему будет Ежов.

Все собравшиеся конечно же знают, что никакого заговора нет. Но они понимают «глубокий язык»: партия требует, чтобы заговор был. Так нужно для успеха борьбы с мировым империализмом и раскольником Троцким.

В заключение прочитан секретный циркуляр Ягоды: нарком предупреждает о недопустимости применения к обвиняемым незаконных методов следствия, как-то: угрозы, пытки. На «глубоком языке» это означает: применять необходимо, ибо придется беспощадно «ломать» подсудимых.

В Москву из ссылки и тюрем доставлено несколько сотен участников оппозиций. Они должны признаться в террористической деятельности и стать подсудимыми на открытых процессах. Впереди – кровавое театральное действие, хорошо знакомое стране после недавних процессов интеллигенции, только теперь роли шпионов и убийц Сталин предоставит сыграть... самой ленинской гвардии, вчерашним вождям партии. С них все начнется. Как и положено вождям, они поведут за собой на смерть всю старую партию.

День и ночь обрабатывают следователи будущих участников действия, и те не выдерживают «конвейера» – бесправных допросов без отдыха. Но, признавшись в том, чего требует следователь, и получив за это сон, пищу и папиросы, узники приходят в себя и порой отказываются от показаний. Генерал Орлов рассказывает: «Однажды вечером мы с Борисом Берманом (одним из руководителей НКВД. –

Э.Р.) шли по коридору. Нас остановили душераздирающие вопли, доносившиеся из кабинета следователя Кедрова. Мы открыли дверь и увидели сидящего на стуле Нелидова, преподавателя химии Горьковского пединститута и внука царского посла во Франции. Кедров был в состоянии истерического бешенства. Он стал объяснять: Нелидов сознался, что хотел убить Сталина, а теперь вдруг отказался. «Вот, вот! – истерически выкрикивал Кедров. – Вот, смотрите, он написал...» Кедров вел себя так, словно он был жертвой Нелидова, а не наоборот. В его глазах было фосфорическое свечение, искры безумия».

Все это время предполагаемый герой готовящегося представления Зиновьев пишет бесконечные письма бывшему союзнику, а теперь Хозяину.

Существует известная версия, что Зиновьева и Каменева привезли в Москву, где Сталин

обманул их – лично уговорил участвовать в процессе, обещая им жизнь; что Зиновьева пытали, мучили отсутствием воздуха... Но достаточно прочесть эти страшные, ставшие столь недавно доступными письма Зиновьева:

«14 апреля. В моей душе горит одно желание – доказать вам, что я больше не враг... Нет такого требования, которое я не исполнил бы, чтобы доказать вам это... Я дохожу до того, что подолгу гляжу на ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные мои, загляните в мою душу, неужели вы не видите, что я не враг ваш больше, что я ваш душой и телом, что я... готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение».

«6 мая... В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т. д. Но я стар и потрясен... За эти месяцы я состарился лет на двадцать... Помогите. Поверьте. Не дайте умереть в тюрьме. Не дайте сойти с ума в одиночном заключении».

«Состояние мое очень плохое... Горячая просьба издать мою книгу, написанную в Верхнеуральске. Писал ее кровью сердца. И еще, если смею просить о семье своей, особенно о сыне. Вы знали его мальчиком. Он талантливый марксист с жилкой ученого. Помогите им. Всей душой теперь ваш. Г. Зиновьев. 12 июля 1936 года».

Потеряв власть, встретившись с заключением, ощутив угрозу смерти, испытав лишь отчасти муки, на которые он так легко обрекал других, Зиновьев сломлен, превращен в ничтожество. Никаких пыток, напротив: «В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т. д.».

Так что новых встреч с бывшим союзником Хозяину не понадобилось. Грозный Зиновьев более не существует – есть несчастный больной, который сам хочет служить, жаждет служить, готов оболгать себя и других: «Нет такого требования, которое я не исполнил бы». И нет такого унижения... Зиновьев «готов сделать все».

Хозяину ясно: постановка триллера пройдет успешно.

В одной из радиопередач я говорил о пытках, применявшихся к Зиновьеву и Каменеву. Вскоре я получил анонимное письмо: «Вы ошиблись: никаких пыток к Зиновьеву не применяли... Не думаю, что Сталин во время подготовки открытого процесса встречался с Каменевым и Зиновьевым. Я знаю, что с ними беседовали порученцы. Я слышал, что с Зиновьевым говорил Молотов».

Что ж, Молотов мог разговаривать логично: «Сколько раз вы лгали партии? Сколько раз ваша ложь вредила партии? Теперь во имя интересов партии вам предлагается оболгать себя. Сейчас, когда Троцкий раскалывает рабочее движение, когда немцы готовы на нас напасть, ваша ложь, бесспорно, поможет партии. Отрицать это невозможно. О чем же дискуссия? Если требуют интересы партии... Хотя объективно никакой лжи от вас не требуют. Объективно все, что вы делали, было предательством интересов партии...»

Все это время с Зиновьевым обращались достаточно уважительно. Полагаю, что в этой уважительности он видел будущее прощение. Зиновьев ходил уговаривать Каменева, тот некоторое время упирался, и с ним «разговаривали серьезно». Но пыток тоже не было. Установка, думаю, была другая – создать атмосферу возможного помилования.

Они хотели одного – жить. И все высокие фразы о партии помогали им сохранить уважение к себе. Им дали возможность пойти на процесс как на очередное тайное партийное задание.

Но Молотов совершил ошибку. Полагаю, он действительно решил, что их следует помиловать, и посмел высказаться, после чего сам чуть не попал в процесс, тем более что все его друзья по Петроградскому комитету уже были в тюрьме. Недаром в перечислении руководителей, которых собирались уничтожить «зиновьевские убийцы», не было имени Молотова. Было все Политбюро, кроме Молотова. Конечно, все поняли, и когда перед

процессом Молотова отправили на юг отдыхать, начали ждать. Обычно брали в дороге... Но Молотов через месяц вернулся и даже поспел к началу процесса. Он усвоил урок. Он и дальше имел собственное мнение. Но только тогда, когда этого хотел Хозяин. Или, может быть, оставшись без «каменной жопы», Сталин понял, как много делал этот неутомимый работник, и решил его оставить?

В последующих процессах имя Молотова уже будет фигурировать в списках готовившихся жертв «троцкистских палачей».

С Каменевым пришлось повозиться – «разговаривать серьезно». Орлов рассказывает: «Следователь Черток орал на него: «Вы трус... сам Ленин это сказал... в дни Октября вы были штрейкбрехером!»

Вы метались от одной оппозиции к другой... настоящие большевики боролись в подполье, а вы шлялись по заграничным кафе. Воображаете, что вы для нас по-прежнему икона? Если мы вас выпустим – первый встречный комсомолец ухлопает вас на месте. Спросите любого пионера: «Кто такие Зиновьев и Каменев?» Он ответит: «Враги народа».

Действительно, достаточно было включить радио, чтобы Каменев услышал ежедневное яростное негодование толпы. Была и еще угроза: «Если откажетесь явиться на суд с повинной – вам найдут замену в лице сына. Есть показания, что он выслеживал автомобили Ворошилова и Сталина на шоссе».

Узнав о согласии Зиновьева дать любые показания, Каменев понял, что обречен. И согласился на ту же роль.

Итак, главные актеры были готовы сыграть пьесу. К ним присоединили еще нескольких знаменитых партийцев. Иван Смирнов – в партии с 1905 года, громил Колчака, бывший нарком связи; Сергей Мрачковский – рабочий, старый большевик, тоже герой войны с Колчаком... Готовят к процессу их точно так же, заклиная священным именем партии. В 1956 году А. Сафонова, разведенная жена Смирнова, показала: когда от нее требовали оговорить бывшего мужа, объясняли, что «так нужно для партии».

Конец «старого медведя»

В жаркие летние дни 1936 года пришлось решить вопрос и с Горьким. «Старый медведь с кольцом в ноздре», – печально называл его Ромен Роллан... Но Горький явно перестал быть ручным – он требовал простить его старого друга Каменева (в издательстве «Академия», где Горький был руководителем, Каменев был его заместителем).

Но Хозяин не реагирует. Горький объявляет, что решил уехать лечиться в Сорренто. Хозяин велит: не выпускать. Так его потянули за кольцо. Теперь секретарь Горького Крючков становится его фактическим тюремщиком – контролирует всех, кто появляется в доме.

«Ягодка» открыто, нагло начинает роман с женой его сына. И как странное преддверие катастрофы, в мае 1935 года «Максим Горький» – самый большой самолет в мире, пропагандист успехов страны – бесславно разбился.

Ягода доставил Хозяину письмо Горького к Луи Арагону, где Горький просил знаменитого поэта немедленно приехать для свидания. Хозяину стало ясно: и вторая пропагандистская машина по имени Максим Горький также потерпела катастрофу.

Надо было делать выводы. Учитывая широкий план будущих процессов, он не мог не

понимать опасности бунта Горького. А тот все продолжал настойчиво звать Арагона. «Медведь» более не слушался. Видимо, тогда Сталин и поручил Ягоде

тщательно оберегать Горького и сделать все возможное, чтобы враги не использовали писателя.

Ягода сделал... Помог ему умереть.

«Вот уже два месяца, как нас вызывал Горький, каждый вызов звучал все более неотложным», – напишет впоследствии Арагон.

С коммунистом Арагоном и его русской женой, писательницей Эльзой Триоле, Ягода управился. По приезде в СССР им, видимо, рекомендовали не торопиться встречаться с Горьким и погостить в Ленинграде у родственников Эльзы. «Мы должны были бы устремиться в Москву», – справедливо заметит Арагон.

Но в Москву они не устремились. Арагон появился в Москве только 15 июня – когда Горький уже умирал.

И еще один посетитель прибыл к той же печальной дате – Андре Жид, известный французский писатель, друг СССР. Он был приглашен воспеть Страну Советов. Но прежде всего он предполагал встретиться с Горьким.

18 июня Андре Жид приехал в Москву. Его первый вопрос был о здоровье Горького. Но тот умер именно 18 июня, как будто к приезду именитого посетителя, которому (увы!) нельзя было приказать не встречаться с Горьким.

Так «Ягодка» оставил Жида с носом и сохранил доброе имя классика пролетарской литературы.

«Самый свободный узник сталинских лагерей» заслужил великолепные похороны – сам Хозяин нес останки великого певца пролетариата. На панихиде выступил и Андре Жид: «До сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был мятежником и бунтарем... В Советском Союзе впервые... будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот... Советский Союз зажег в новом небе новые звезды».

Жид проведет в СССР пару месяцев и – единственный из европейских радикалов – напишет правду о страшной стране «нового неба».

В 1936 году умрет еще один брюзга, тоже весьма знаменитый прежде партиец – бывший нарком иностранных дел Чичерин. Вообще наряду с расстрелами в годы террора случится много мирных, но очень полезных смертей старых большевиков...

В НКВД существовала великолепная лаборатория ядов – детище несостоявшегося фармацевта Ягоды...

Первый процесс сподвижников Ленина

Итак, свершилось! Для суда над «убийцами Кирова» он выбрал Дом Союзов, где не так давно стоял гроб «брата». Но опять улыбка истории: суд над вождями страны Октября проходил в небольшом зале, называвшемся... Октябрьским! Да и дата открытия придуманного им представления – 19 августа – совпала с открытием театрального сезона в Москве.

Сценография Октябрьского зала – суд революции. Красные тона, стол покрыт ярко-красной скатертью, монументальные кресла с гербами Советского Союза... У правой стены за деревянной перегородкой – подсудимые. За ними – красноармейцы с винтовками, штыки примкнуты. За спиной подсудимых – дверь, а за ней начинались «кулисы его театра»: там был буфет, комнаты, где подсудимые отдыхали... и где Ягода и обвинитель Вышинский дружески обсуждали с ними течение процесса, корректировали и давали указания, как и положено дежурным режиссерам, ведущим спектакль. В зале – еще актеры, агенты НКВД в штатском, изображающие народ. Они должны криками негодования заглушать обвиняемых, если те нарушат отрепетированный ход спектакля.

Подсудимые обвинялись в том, что в соответствии с директивой Троцкого они организовали подпольный центр для покушений на руководителей партии и государства, осуществили убийство Кирова, создали ряд террористических групп для убийства Сталина и его верных соратников. Вышинский потребовал, чтобы «эти бешеные псы» (16 обвиняемых) были расстреляны. И обвиняемые – знаменитые большевики – усердно признавались и кались.

Зиновьев: «Мой извращенный большевизм превратился в антибольшевизм, и через троцкизм я пришел к фашизму. Троцкизм – разновидность фашизма».

Каменев: «В третий раз я предстал перед пролетарским судом. Дважды мне сохранили жизнь, но есть предел великодушию пролетариата».

Обвиняемые единодушно требовали для себя расстрела! Процесс шел как по маслу...

Каменев: «Я хотел бы сказать несколько слов моим детям. У меня двое детей: один военный летчик, другой пионер. Каков бы ни был мой приговор, я считаю его справедливым. Не оглядывайтесь назад, идите вперед. Вместе с народом следуйте за Сталиным».

Он попытался спасти хотя бы детей. Но у Хозяина – широкий замысел...

Жена сына Каменева сохранит официальную бумагу, поступившую из НКВД в ответ на ее запрос:

«Каменев Лев Борисович умер 25.08.36 года в возрасте 53 лет. Причина смерти – прочерк. Место смерти – Москва. Каменева Ольга Давидовна умерла 11.09.41 года в возрасте 58 лет. Причина смерти – прочерк. Место смерти – прочерк. Каменев Александр Львович умер 15.07.39 года в возрасте 33 лет. Причина смерти – прочерк. Место смерти – прочерк».

Таков был конец «сына – военного летчика», Александра, Лютика, как называли его родители. В возрасте 17 лет будет расстрелян и младший сын Каменева – тот самый пионер.

Газеты грохотали проклятиями. И остававшиеся (пока) на свободе старые большевики бросали камни в своих бывших соратников. Легендарный Антонов-Овсеенко в «Известиях» в статье с выразительным названием «Добить до конца» написал об «особом отряде фашистских диверсантов, с которыми может быть только один разговор – расстрел!». И естественно, славил «товарища Сталина, который орлиным взором видит перспективу, обеспечивает единство, превратил СССР в могучий гранитный утес».

Скоро, скоро придет очередь и Антонова-Овсеенко...

Вождей приговорили к расстрелу. В бывшем ЦГАОРе в секретном фонде хранились их последние строчки. Это ходатайства Зиновьева, Каменева, Смирнова и прочих обвиняемых по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» о помиловании.

Каменев спокойно, твердо написал несколько обязательных строчек... Но Зиновьев! Он пишет каким-то детским, ломающимся, искаженным безумным страхом почерком. Бедный

Зиновьев – «паника»!

В ночь на 25 августа в их камеры вошли...

Эстафетная палочка

Первое действие триллера было сыграно, но театр продолжался. При расстреле лидеров ленинской партии торжественно присутствовали руководители НКВД Ягода и Ежов.

Присутствовал и начальник охраны Сталина – Паукер, бывший парикмахер в будапештском театре оперетты, попавший в русский плен во время мировой войны. Далее – Октябрь, ГПУ и блистательная карьера. Но Паукер по-прежнему любил театр и сам был неподражаем в искусстве шутовства. Орлов описывает, как Паукер показывал Хозяину свой любимый номер – изображал несчастного Зиновьева, которого ведут расстреливать:

«Паукер – «Зиновьев» беспомощно висит на плечах охранников, волочит ноги, жалобно скулит, потом падает на колени и вопит: «Пожалуйста, ради Бога, товарищ... вызовите Иосифа Виссарионовича!»... Сталин неистово смеялся».

Но смеялся он еще и потому, что уже знал конец удалого рассказчика. Паукер тоже относился к старой гвардии. Так что вскоре весельчаку-актеру предстояло исполнить сходную роль в его триллере – и так же молить убийц, и так же звать Хозяина, и так же получить пулю.

Ягода, ценивший исторические сувениры, забрал себе пули, которыми были расстреляны знаменитые революционеры. Когда его расстреляют, исторические пули заберет себе расстрелявший Ягodu Ежов.

Потом расстреляют и Ежова, и пули навсегда останутся в его деле. В описи, приложенной к делу, так и сказано: «Пули револьверные, сплюснутые, завернутые в бумажки с надписью «Каменев», «Зиновьев»... Некая эстафетная палочка смерти, которую они усердно передавали друг другу...

Уничтожая левых, он начинает подготовку к расправе над правыми, готовит новое зрелище и новых актеров. По требованию следователя Каменев показывает: Бухарин также принимал участие в террористических планах. Эти показания взяты для второго действия триллера...

Не забыл Хозяин и о Рютине. Его перевозят в Москву, во внутреннюю тюрьму НКВД. Рютин,

единственный, кто по правде посмел бунтовать, должен стать бесценным действующим лицом в будущем зрелище – в процессе над правыми. Но он и здесь остался единственным – единственным, кто отказался. И хотя с ним, как он сам писал, «обращались как с животным» – он устоял. Из всей когорты партийных знаменитостей он один сохранил честь – скромный Рютин. В его деле осталось последнее письмо в Президиум ЦИК, ставшее известным через пол столетия.

«Я не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что даже не буду просить о помиловании, ибо не могу каяться... в том, что не делал и в чем абсолютно невинен. Но я не могу терпеть творимых надо мной беззаконий, прошу защитить меня от них. В случае неполучения мной защиты я еще раз буду пытаться защитить себя теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у незащитного, несправедливого, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного... 1 ноября 1936 года».

Письмо Ежов переслал Сталину. Еще два месяца безуспешно мучили Рютина, но опять ничего не добились. В январе 1937 года его расстреляли.

Хозяин еще раз понял: Ягода не на высоте – по-прежнему «нянькается» с партийцами.

Решив покончить с Ягодой, он, как обычно, осыпал его милостями, даже поселил в Кремле. Ему было сказано: «Вы заслужили место в Политбюро». Впоследствии будут писать о садизме Хозяина – об этом обязательном возвышении жертвы перед ее ликвидацией. На самом деле прагматичный Сталин хотел, чтобы жертва усердней работала и не была готова к финалу. И главное: он любил роль Отелло. Он возвышал их перед концом, чтобы народ видел, как он их любил и как они обманули доверчивого Иосифа...

Хитрый Ягода поглупел от счастья. В ожидании дальнейших наград он распорядился ускорить сооружение канала Москва – Волга. Тысячами гибли голодные заключенные, надрываясь на строительстве. Ягода надеялся, что канал назовут его именем.

Как он старается угодить! Хозяину нравится все царское, и Ягода вводит суперформу для высших чинов НКВД: белый китель с золотым шитьем, нежно-голубые брюки и позолоченный кортик, который носили лишь морские офицеры при царе. Смена караулов у здания НКВД теперь происходит на публике, как в царской лейб-гвардии. Роскошное помещение клуба НКВД превращено в подобие старорежимного офицерского собрания. Начальники управлений устраивают балы. Советские дамы – жены новой аристократии – устремились к портникам...

В сентябре 1936 года начальник иностранного управления Слуцкий дает бал-маскарад. Большой вращающийся зеркальный шар, подвешенный к потолку, разбрасывает по погруженному во мрак залу блики света, создавая иллюзию падающего снега. Мужчины в смокингах и мундирах, дамы в длинных вечерних платьях... На многих маски и маскарадные костюмы, взятые из Большого театра.

Но это пир во время чумы. Недолго им расстреливать других, недолго их женам носить новые туалеты... Слуцкий будет отравлен, а 90 процентов тех, кто танцевал в этом зале, – расстреляны.

25 сентября Хозяин и его новый выдвиженец Жданов направили телеграмму из Сочи, где они отдыхали, верному Молотову и Политбюро: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркома внутренних дел. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ГПУ опоздал в этом деле на 4 года».

Сталин делает Ягodu наркомом связи. Но Ягода знает Хозяина. Он уже все понял: мука ожидания развязки началась.

Великая армия

Ежов увеличивает вчетверо оклады в НКВД, теперь они значительно превышают оклады партийных и государственных учреждений. НКВД переданы лучшие квартиры, дома отдыха и больницы. Этими благами люди Ежова будут пользоваться полтора года. Целых полтора года...

К 1937 году операция по окончательному уничтожению ленинской партии подготовлена. НКВД превращен в огромную армию с дивизиями, сотнями тысяч работников охраны. Управления

НКВД в провинции становятся абсолютной властью. Специальные отделы работают на всех крупных предприятиях, во всех учебных заведениях. Гигантская сеть осведомителей охватывает всю страну. Они работают как бы на общественных началах, но получают ощутимые блага, постоянно продвигаются по службе и главное – имеют возможность кроваво сводить счеты со всеми, кто им не понравится. Перед ними дрожат их начальники на работе. За право быть осведомителем борются. Кроме того, в годы репрессий это является как бы надежной защитой. Впрочем, потом, когда их хозяева падут, часть осведомителей разделит их участь...

Кроме постоянных осведомителей, все прочие граждане обязаны с энтузиазмом участвовать в той же работе и даже... осведомлять о самих себе. Так, член партии, узнав об аресте своего знакомого, обязан немедленно сообщить о своих отношениях с арестованным.

Орлов приводит случай: уже упомянутый следователь Кедров, сын друга Ленина, как-то останавливает Орлова «по деликатному делу». Оказывается, арестован некто Ильин, старый большевик, с которым родители Кедрова дружили в ссылке.

– Как вы думаете, должен ли мой отец направить в ЦК письменное заявление, что Ильины время от времени заглядывали к нам, пили с нами чай? – мучается Кедров.

Особый отдел НКВД теперь надзирает за всеми органами партии вплоть до ЦК. Все партийные руководители утверждаются на свои посты только после согласования с НКВД. В самом НКВД создаются особые секретные отделы, наблюдающие... за самими работниками органов. И секретный специальный отдел, наблюдавший... за этими особыми отделами. Там тоже досье – бесконечные досье.

Когда Ежова арестовывали, в его сейфе нашли досье на... Сталина! Там были воспоминания какого-то грузина (естественно, исчезнувшего в лагерях), доказывавшего, что Сталин был провокатор. Об этом рассказал сыну один из ближайших соратников Сталина – Маленков.

Наступил 1937 год – и перевооруженный НКВД во главе с Ежовым начал тотальное уничтожение старой партии.

23—30 января состоялся еще один процесс ленинских соратников – дело «параллельного троцкистского центра». В нем участвовали виднейшие «кремлевские бояре» – прежние сторонники Троцкого, давно предавшие своего кумира (но и это не помогло).

«Звездой» процесса стал Юрий Пятаков – член ЦК. Его высоко ценил Ленин, назвавший его человеком «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей». В партии Пятаков был с 1905 года, участвовал в подпольной борьбе, в гражданскую войну командовал армиями, состоял в оппозициях, естественно, калялся, был прощен. Руководитель промышленности Орджоникидзе взял его в замы, и Пятаков был одним из главных организаторов жестокой первой пятилетки.

Сначала Пятакову предложили стать главным обвинителем на процессе Зиновьева – Каменева, и он согласился оболгать своих старых товарищей, рассматривая эту задачу «как акт величайшего доверия партии». Он шел на это «от души».

Поняв, что Пятаков готов к любому сотрудничеству, Хозяин задачу усложнил. Пятакову самому дали роль обвиняемого! Роль тех, кого он собирался клеймить.

Его арестовали. Некоторое время он конечно же упирался. И тогда к Пятакову приехал Орджоникидзе – уговаривать в обмен на жизнь исполнить назначенную роль, ибо Пятаков, как никто другой, мог уничтожить в глазах страны и мира своего вчерашнего бога – Троцкого. Наконец Пятаков согласился с «высшей целесообразностью» и начал готовить роль вместе со следователями.

К сожалению, его подвели. Как было предусмотрено, на процессе он сообщил о своей тайной встрече с Троцким в Норвегии. История была придумана занимательно: оказывается, Пятаков на немецком самолете прилетел в Осло установить связь с Троцким. Тот сообщил ему, что договорился с немцами об интервенции (любимая тема Хозяина), и так далее... Но персонал аэродрома, на который Пятаков будто бы прилетел, сообщил, что никакие иностранные самолеты в это время там не приземлялись.

Еще одной «звездой» процесса стал бывший бард Троцкого – Радек. Перед арестом Радека рачительный Хозяин позаботился использовать его до конца. Когда Ежов попросил соизволения на арест Карла Бернгардовича, Хозяин телеграфировал из Сочи: «Я предлагаю снять пока вопрос об аресте Радека и дать ему напечатать в «Известиях» статью за своей подписью против Троцкого...»

Это было время суда над Каменевым – и он предоставил Радеку возможность всласть потоптать и Троцкого, и своих прежних знакомцев.

После чего Автор и Режиссер объявил: «Выход на сцену!»

«Ко мне прибежала жена Радека и сообщила, что он арестован. Мои впечатления от Радека только положительные. Может, я ошибаюсь, но все внутренние голоса говорят, что я обязан тебе написать. Какое страшное дело!» – в ужасе пишет Хозяину Бухарин – шеф Радека.

Умнейший Радек сразу понял: назначенную роль сыграть придется, но решил он при этом выиграть жизнь. Он взял написанные следователем бездарные показания, которые должен был подписать, и, усмехнувшись, сказал: «Это не то, что нужно. Я напишу сам».

И Радек написал «признания» – хитрейшую ложь, уничтожавшую Троцкого. Он знал: его творчество отправят Хозяину, и тот оценит услугу.

И на суде Радек был блистателен: беспощадно разоблачал себя и своих соратников, исполнял роль с вдохновением. Во многом благодаря ему процесс прошел так успешно.

Присутствовавший на этом процессе немецкий писатель Лион Фейхтвангер впоследствии написал: «Людей, стоявших перед судом, ни в коем случае нельзя было считать замученными, отчаявшимися существами. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты... По общему виду это походило больше на дискуссию... которую ведут в тоне беседы образованные люди. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной степенью точности все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет, немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности...»

Что ж, у спектакля был великий Режиссер. И у него были отличные актеры.

Режиссер оценил Радека. Процесс закончился приговором к расстрелу знаменитых соратников Ленина – Пятакова, Серебрякова, Муралова и прочих. А Радек получил десять лет.

«Лицо его просияло, и, точно стесняясь своей удачи, он послал осужденным виноватую усмешку», – писал Фейхтвангер.

Но Хозяин, поблагодарив Радека за процесс, все-таки предпочел соблюсти задуманный принцип: вся старая гвардия должна была исчезнуть. Ему не нужны ни умные Фуше, ни гениальные Талейраны. Ему нужны только верные. Нужны псы.

Радека убьют – уже в лагерях.

Из дневника М. Сванидзе: «20.11.36... [Арестовали] Радека и других людей, которых я знала, с которыми говорила и которым всегда доверяла... Но то, что развернулось, превзошло все мои ожидания о людской подлости. Все, включая террор, интервенцию, гестапо, воровство, вредительство, разложение... И все из карьеризма, алчности и желания жить, иметь любовниц, заграничные поездки, туманных перспектив захвата власти дворцовым переворотом. Где элементарное чувство патриотизма, любви к родине? Эти моральные уроды заслужили свои участи. Бедный Киров явился ключом, раскрывшим двери в этот вертеп. Как мы могли все проворонить, так слепо доверять этой шайке подлецов? Непостижимо!.. Душа пылает гневом и ненавистью. Их казнь не удовлетворит меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими»...

Она во все это верит?! Она, которая знает этих людей? Или...

Из письма Н. Котова: «Верхушка была охвачена страхом. Все соревновались в проклятиях бывшим друзьям и врали друг другу, отцу, и матери, и детям, только бы продемонстрировать лояльность «усатому». Люди ждали ареста со дня на день и врали даже самим себе, даже в дневниках, надеясь, что их прочтут на следствии».

Благодарные зрители

Но процессы, естественно, вызывали недоверие Европы – и Троцкий за границей активно этому помог.

Хозяин знал: представление делают не только актеры, но и зрители. Он захотел авторитетных зрителей, которые одобрили бы спектакль и главное – написали бы об этом.

Он верил в себя. Все, кого он приглашал прежде – Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Эмиль Людвиг, Анри Барбюс, Ромен Роллан, – все они уехали друзьями страны, прославляя Вождя. Действительно ли они ничего не увидели? Или попросту не устояли перед созданной им системой безостановочной лести, восхитительных приемов, бесконечных подарков и славословящих речей? Или дело не только в этом?

Через много лет после смерти Ромена Роллана был напечатан его дневник. Оказывается, «большой друг СССР» все понимал и все видел: «Я чувствую, как во мне поднимается боль и возмущение. Я подавляю в себе потребность говорить и писать об этом».

Но почему? А потому, что «бешеные враги во Франции и во всем мире воспользуются моими словами как оружием».

И Роллан не велит публиковать свои дневники ранее, чем через полсотни лет.

Нельзя было порочить идею коммунизма, ибо дело Сталина – выше Сталина и его приспешников. Продолжение Высшей целесообразности, опираясь на которую Вождь и создал свои чудовищные процессы.

На этот раз дело было серьезнее.

Прошли процессы, и ему нужна была европейская знаменитость, которая бы подтвердила: триллер – это правда; все бывшие вожди партии действительно стали бандой убийц и изменников.

Остановились на кандидатуре Фейхтвангера – антифашиста, автора известных романов, вынужденного покинуть гитлеровскую Германию.

Фейхтвангера пригласили в СССР, и Хозяин лично вступил в игру обольщения. «Правда» писала: «Товарищ Сталин принял германского писателя Л. Фехт Вангера. Беседа длилась свыше 3-х часов».

В архиве Общества культурных связей с границей хранилось 12 отчетов под грифом «Не подлежит оглашению», которые написала сотрудница Д. Каравкина, сопровождавшая Фейхтвангера.

«19.12.36 года. Рассказывал о своем визите к Димитрову (возглавлявшему тогда Коминтерн.

Э.Р.). Ездил специально, чтобы поговорить о процессе троцкистов. Сказал, что Димитров очень волновался, говоря на эту тему, объяснял полтора часа, но его не убедил. Фехт Вангер сообщил мне, что за границей на этот процесс смотрят очень враждебно и что никто не поверит, что 15 идейных революционеров, которые столько раз ставили свою жизнь на карту, участвуя в заговорах, вдруг все вместе признались и добровольно раскаялись».

«22.12.36 года. Он сообщил мне, что подготовил для «Правды» статью об Андре Жиде. Завтра придет машинистка, которая ее напечатает».

«27.12. Сегодня был трудный день, так как Фехт Вангер поспешил излить на меня все свое негодование по статье о Жиде. Вот, мол, и оправдываются слова Жида о том, что у вас нет свободы мнений, что нельзя высказать своих мыслей и т. д. В редакции предложили ему переделать некоторые места, в частности, о культе Сталина. Я ему объяснила, в чем суть отношений советских людей к товарищу Сталину, откуда это идет и что совершенно ложно называть это «культом». Он долго кипятился, говорил, что ничего не будет менять, но... остыл, смиреннько сел в кабинете и исправил... то, что просили...»

«С утра Фехт Вангер вел бесконечные разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице и т. д. «Хотел бы я посмотреть, как напечатает в СССР вещь, в которой я бы изобразил вашу жизнь такой неудобной»... и что «как ни прекрасно в Советском Союзе, он все же предпочитает жить в Европе».

Что же он написал в конце концов?

«Объяснять процессы Зиновьева и Радека стремлением Сталина к господству и жадной мести было бы просто нелепо. Когда я присутствовал в Москве на процессе, когда я увидел и услышал... я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде».

А вот что написал Фейхтвангер о столь раздражавшем его культе личности Сталина: «Не подлежит никакому сомнению, что это чрезмерное поклонение... искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это благополучие... К тому же Сталин действительно является плотью от плоти народа... На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами и извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не смогли в себе развить хороший вкус».

Все объяснил Фейхтвангер, все оправдал в своей книге «Москва, 37-й год». Да и как не защитить СССР – борца с фашизмом, страну, отстаивавшую свободу в Испании... Все та же Высшая целесообразность!

Знаменитый драматург Бертольт Брехт аплодировал книге Фейхтвангера: «Это лучшее, что

написано в западной литературе».

А книгу Андре Жида сурово осудили. «Меня бранили многие, – писал Жид. – Выступление Роллана меня огорчило. Червь прячется в глубине плода, но когда я сказал: «Это яблоко червивое», вы обвинили меня в том... что я не люблю яблоко».

Бесенок страха

Аресты шли непрерывно. Каждую ночь черные машины разъезжали по городу – забирали партийцев и их близких. Тихо забирали и быстро добывали нужные показания. Новые следователи Ежова пиетета к партийцам не питали. К тому же НКВД получил от Хозяина новое оружие – пытки.

Множество сочинений о ГУЛАГе описывали пытки. Но вот что поразительно: пытки не были самодеятельностью жестоких работников НКВД, применять их было разрешено совершенно официально. В XX веке пытки были разрешены документом.

В Архиве президента я читаю стенограмму пленума ЦК 1957 года.

Молотов: «Применять физические меры было общее решение Политбюро, все подписывали».

Голос: «Не было такого решения».

Молотов: «Было такое решение. Оно было секретное, у меня его нет».

Хрущев: «Накануне XX съезда Каганович сказал, что есть документ, где все расписались за то, чтобы бить арестованных. Документ мы не нашли, он уже был уничтожен».

Но все уничтожить нельзя. Во многих провинциальных обкомах в секретных сейфах нашлась следующая телеграмма за подписью Сталина: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практику НКВД допущено с 1937 года с разрешения ЦК... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей пролетариата. Спрашивается: почему социалистическая разведка должна быть гуманнее в отношении заклятых врагов рабочего класса?»

В телеграмме – яростный голос Хозяина.

Как и во всем, он торопился. Он решил ускорить процесс уничтожения партии, а для этого требовалось ускорить процесс признания. И новое поколение ежовских следователей быстро освоило пытки.

Впрочем, они начинались еще до кабинета следователя – сразу после ареста. Сначала шла пытка камерой. «В камере – 60 человек. Июнь. Жара на дворе. Мы приникли к щелям полов, чтобы высасывать оттуда свежесть воздуха, и теснились по очереди у двери, через щели которой ощущался ветерок. Старики не выдерживали почти сразу», – писал очевидец.

Потом начиналась пытка следствием. Первый допрос в Сухановской тюрьме часто начинали с жестокой порки – чтобы сразу унижить и сломить. Жenu брата Орджоникидзе Папулия здесь засекали плетью до смерти. В пыточных камерах ленинградского НКВД заключенных сажали на цементный пол и накрывали ящиком, с четырех сторон которого торчали гвозди. Таким ящиком размером с кубометр накрыли гиганта командарма Дыбенко.

Теперь быстро подписывались любые показания.

И как при римском изувере императоре Нероне, женщины оказывались порой более стойкими. Вдове Нестора Лакобы, умершего диктатора Абхазии, ежевечерне уводили на допрос, а утром без сознания, в крови, втаскивали в камеру. В ответ на требования подписать показания против покойного мужа она отвечала: «Не стану клеветать на память своего мужа». Она устояла, когда ее сына, шестнадцатилетнего школьника, били при ней и сказали, что убьют, если она не подпишет протокол. Вдова Лакобы умерла в камере после очередной пытки, так ничего и не подписав.

Избиение, порка были только началом – вступлением в ад. Потом устраивался знаменитый «конвейер»: меняются следователи, а заключенный бодрствует день и ночь. При этом его все так же пинают, бьют, оскорбляют... Разум мутится от бессонницы – и он уже готов подписать что угодно. Вот тогда ему подсовывают версию, сочиненную следователем.

Второй этап – «закрепление». Подследственного кормят, дают курить, объясняют: он сам теперь должен думать над тем, что еще он сможет прибавить следствию. Ему дают бумагу, подсказывают направление мыслей и контролируют работу.

Если он должен предстать перед судом (хотя большинство осуждалось заочно), с ним проводится репетиция: «Имей в виду, если ошибешься на суде – не просто расстреляем, будем мучить, раздирать по частям». Внушают мысль, что никакого расстрела не будет, это только для печати, в действительности все остаются живыми. Во время суда следователи сидят в зале перед носом заключенного.

При этом палачи все время говорят о высоких мотивах самооговора, о пользе для партии и родины. И часто обвиняемые, чтобы не перестать уважать себя, подхватывают игру. Но «за всеми высокими рассуждениями идейно-политического характера приплясывал в моем сознании маленький бесенок обыкновенного страха со своей подлой рожей», – написала одна из жертв.

Да, страной в это время правила уже не партия, и даже не Сталин. Правил Страх. Как когда-то написал римский историк в дни Нерона: «В этом городе страха перевелись люди, осталось только мясо и кости людей».

Наступила очередь и старого друга Троцкого – организатора расстрела царской семьи Александра Белобородова. Смертельно больной (у него был рак горла), придерживая брюки, из которых выдернули ремень, стоял перед следователем бывший глава Красного Урала, покорно показывал на бывших друзей-троцкистов. Но сам в терроре признаться отказался.

Сталин – Ежову, 26 мая 1937 года: «Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или в гостинице?»

И нажали, и пытали. И расстреляли. Вспоминал ли он в те страшные дни подвал в Ипатьевском доме, где ползал по полу раненый цесаревич и добивали штыками царских дочерей?

Наконец арестовали и Ягоду. Хозяин не забыл, как в 1928 году Бухарин назвал его имя Каменеву в числе своих сторонников. Тогда Ягода славно провел Бухарина. Но сейчас его уловка натолкнула Хозяина на блестящий сюжетный ход – объединить Бухарина и Ягоду в одном заговоре.

В триллере Ягоде была зарезервирована роль неожиданная и полезная, которая должна была объяснить стране и убийство Кирова, и будущие чистки органов. Оказывается, Кирова действительно убил НКВД! Точнее, вредители, проникшие в НКВД. Еще точнее – сам могущественный нарком Ягода. Из такого поворота сюжета следовал нужный вывод: до какой

же степени всем нужно быть бдительными, если сам нарком внутренних дел завербован агентами проклятого Троцкого?! И сколько же еще вокруг вредителей и шпионов?!

Арест Ягоды давал возможность Хозяину избавиться от ленинской когорты чекистов, втайне конечно же переживавших расстрелы старых партийцев. Они покорно выполняли, но не могли одобрять.

Он понимал: нужны молодые кадры, презирующие все это партийное старье, – нерассуждающие исполнители. Вот почему вместе со старой партией должно было погибнуть ее детище – старая ЧК.

Ежов лихорадочно проводит генеральную чистку НКВД. Юмор Хозяина: множество чекистов ленинской поры должно было теперь в точности повторить судьбу старых партийцев, с которыми они недавно расправились. Часть из них увидится в лагерях со своими недавними жертвами, но большинство до лагерей не дойдет – найдет смерть у родной лубянской стенки, к которой они отправили столько людей. Обычный их путь: расстрел, крематорий и бездонная «могила номер 1» на Донском кладбище, куда свозили прах. И опять юмор Хозяина: Ягоде пришлось каяться в бесчисленных отравлениях, которые он преданно совершал для него, – в убийстве Менжинского, Горького...

В тюрьме, по преданию, Ягода сказал: «Бог все-таки есть... От Хозяина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу, от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание. Теперь поглядите, где я нахожусь, и судите сами, есть ли Бог».

Он подписал все, что ему предъявляли, и впал в странное равнодушие. Иногда плакал.

В конце 1936 года была принята Конституция. Будучи за границей, Бухарин вынет ручку и торжественно скажет: «Ею была написана Конституция». Он также заявит, что «помогал мне в этом Карлуша» (Радек).

Да, Конституцию Сталин поручил написать двум самым одаренным своим публицистам. Но когда они закончили свою работу, пришла их очередь принять участие в триллере.

Конституция, провозглашавшая свободу слова, всеобщее избирательное право и прочие свободы, могла действовать в обществе только тогда, когда никто не мог даже помыслить воспользоваться этими свободами. Задача террора и была в создании такого общества. И конечно, обоим авторам Основного закона – старым оппозиционерам и демагогам – не было места в этом обществе.

Оба должны были уйти. Радек ушел первым. Теперь настала очередь Бухарчика – «любимца ленинской партии», исчезавшей ленинской партии.

Глава 17 «Любимец партии»

Эта масса пролитой крови у себя дома
утомляет душу и сдавливает сердце тоскою.

Одной милости прошу у читателя:
да будет мне позволено не чувствовать
отвращения к этим людям,

которые так низко дают себя губить. Тацит о терроре Нерона

Опасное путешествие в свободу

10 февраля 1936 года прозвенел первый звонок: «Правда» выступила с жесткой критикой взглядов Бухарина. Но уже через две недели Хозяин выпускает его с женой в Париж. Бухарин в составе делегации едет для приобретения архивов социал-демократической партии Германии, разгромленной Гитлером. Они хранились у меньшевика Б. Николаевского.

Это был беспроигрышный ход Хозяина. Выпуская Бухарчика с женой после грозной статьи, он явно давал ему возможность остаться за границей. В этом случае лидер правых становился невозвращенцем, открытым врагом и как бы оправдывал необходимость всех процессов старых ленинцев.

В случае же его возвращения... Тут тоже открывались большие перспективы. Зная павлиний характер Бухарина, Хозяин мог быть уверен: Бухарин за границей не сумеет держать язык за зубами – наговорит достаточно лишнего. Встречаясь по работе с Николаевским, он не сможет и не захочет избежать встреч с другими меньшевиками – их связывало слишком многое.

Все произошло именно так. Всякий, кто жил в СССР, помнит это опасное ощущение свободы, когда человек попадал за границу. И Бухарин почувствовал себя свободным. Была непредусмотренная встреча с лидером меньшевиков Ф. Даном, где Бухарин высказался о Сталине:

- Это маленький злобный человек, не человек, а дьявол.
- Как же вы ему доверили свою судьбу, судьбу партии, судьбу страны? – спросил Дан.
- Не ему доверено, а человеку, которому доверяет партия... он вроде как символ партии... вот почему мы все лезем к нему в хайло, зная наверняка, что он пожрет нас.
- Зачем же вы возвращаетесь?
- Жить, как вы, эмигрантами, я бы не мог... нет, будь что будет... а может, ничего не будет.

Дан записал беседу и не мог не рассказать о ней друзьям. Бесконечно болтал Бухарчик и с Николаевским, и тот тоже все записывал – для истории. И хотя после ареста Бухарина, боясь навредить ему, Николаевский записи уничтожил, но было поздно – к тому времени наверняка о них знал не только он.

Бухарин сумел тайно встретиться в Париже и с послом США в СССР Буллитом, сообщил ему о новых, странных прогитлеровских настроениях, все больше овладевавших Сталиным.

Париж был наводнен сталинскими агентами: шпионы НКВД, французы-коммунисты из Коминтерна, бывшие царские офицеры, поверившие большевикам. Сталинская спецслужба умудрялась похищать из Парижа белых генералов среди бела дня. И смешно представить, чтобы Сталин отпустил Бухарина без агента – бесспорно, за ним следили. Так что за границей Бухарин подбавил много материала для будущего процесса.

Бухарин вернулся... Осенью Сталин отправляет его отдохнуть на целых полтора месяца на Памир. Пока тот наслаждался видами горных вершин, на процессе Каменева и Зиновьева

уже зазвучали имена Бухарина и правых как пособников в терроре и убийстве Кирова.

Прокурор Вышинский сделал официальное заявление о начале расследования. Глава профсоюзов Томский понял повеление нового цезаря и 22 августа покончил с собой, тем самым дав новый поворот сюжета триллера.

«Правда» сообщила: «Томский, запутавшись в своих контрреволюционных связях с троцкистско-зиновьевскими террористами, на своей даче покончил жизнь самоубийством».

Бухарин, немедленно прервав отпуск, вылетает в Москву.

«Боги жаждут»

Я сижу в Архиве президента и читаю предсмертные письма Бухарина. Четыре десятка писем – эпистолярный роман, сочиненный сразу и Кафкой, и Достоевским. Читайте, читайте письма Бухарина, ибо все, что писалось в литературе о сталинских процессах, о самых таинственных процессах века, где жертвы соглашались публично оболгать себя и восславить палача, – не более чем версии, догадки. А в этих письмах загадка века раскроется до конца.

Вернувшись, Бухарин тут же бросается писать заявления в Политбюро и Вышинскому: «Я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы со всей страстностью и убежденностью линию партии и руководства Сталина... В связи с этим должен сказать, что с 1933 года оборвал всякие личные отношения со своими бывшими единомышленниками М. Томским и А. Рыковым. Это можно установить... опросом шоферов, анализом их путевок, опросом часовых, агентуры НКВД, прислуги и т. д.»

Да, страх не позволял ему встречаться с бывшими товарищами. Были лишь единичные встречи – и он подробно их описывает:

«Только однажды с Каменевым... Я спросил Каменева, не вернется ли он вести литературный отдел «Правды», и что я тогда, мол, поговорю об этом с товарищем Сталиным... Но Каменев объявил: «Я хочу, чтоб обо мне позабыли и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени». После этой декларации обывательщины я свое предложение снял».

Пишет он и о «школе Бухарина»: «Сталин самолично показывал мне ряд документов, из коих видно, что эти люди «вырвались у меня из рук». Уже давно они мне не доверяли, а некоторые называли меня предателем...»

Так что никаких связей и с преданными учениками... После чего он переходит к восхвалению процесса: «Процесс будет иметь огромное международное значение. Что мерзавцев расстреляли – отлично: воздух сразу очистился».

Это он о бывших сподвижниках, друзьях! Но мозг лихорадочно работает: не забыл ли он еще что-нибудь? Вспоминается пара «преступных свиданий»: одно – с бывшим главой петроградских большевиков. «Некоторые добавочные факты. Как ни старался я избежать посещения А. Шляпникова, он меня все-таки поймал. (Это было в этом году, незадолго до его ареста.) В «Известиях» он просил передать письмо Сталину. Я сказал своим работникам, чтобы больше его не пускали, потому что от него

политически воняет».

Вот так! Вспомнил Бухарин и другую встречу – с бывшим вторым человеком в партии: «На квартире у Радека я однажды встретил Зиновьева... он пришел к Радеку за книгой. Мы заставили его выпить за Сталина. (Он жаловался на сердце.) Зиновьев пел тогда дифирамбы Сталину (вот подлец!). Добавлю: людям такого склада, как я и Радек, иногда трудно вытолкать публику, которая приходит...»

Итак, Бухарин чист – он предал всех, как того и требовал Хозяин. Одновременно пишет истерическое письмо Ворошилову: «Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности, что это: сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинация?.. Бедняга Томский, может, и запутался – не знаю. (Готов, готов и мертвого друга считать предателем!

– Э.Р.) Что расстреляли собак, страшно рад. Троцкий процессом убит политически – и это скоро станет ясно. (И процесс одобрять не устает, и Троцкого клеймить.

– Э.Р.)... Советую прочесть драмы Французской революции Ромена Роллана. Обнимаю, ибо чист».

В конце письма не удержался, намекнул на Французскую революцию: дескать, когда якобинцы истребили друг друга... Пока брали Зиновьева и Каменева, расправлялись со Смирновым, Шляпниковым и прочими бывшими коллегами – он о драмах не думал. Сейчас подумал... Поздно! Он уже сам стал участником банальной драмы революции с ее вечным эпиграфом: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей. Берегитесь, боги жаждут!»

Полуграмотный бывший слесарь, а ныне член Политбюро Ворошилов драм Роллана не читал, но нрав Хозяина знал. И как Бухарин боялся «политически замоченного» Шляпникова и своих учеников, так и Ворошилов теперь боится Бухарина, тоже стремится – «вытолкать». Оттого и отвечает чудовищно грубо. Как Бухарин клеймил бывших друзей – так и он клеймит Бухарина. В лучших традициях времени он обещает бывшему другу «впредь держаться от него подальше, независимо от результатов следствия по его делу» и даже «считать негодяем».

Но страх так ужасен, что Бухарин... опять ему пишет (после «негодяя»): «Получил твое ужасное письмо. Мое письмо кончалось «обнимаю», твое кончается «негодяем». У каждого человека есть или, вернее, должна быть своя личная гордость. Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение. Я писал письмо личного характера (о чем теперь сожалею), в тяжком душевном состоянии, затравленный... Я сходил с ума от одной только мысли, что может случиться, что кто-то искренне поверит в мою виновность... Я в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое, уверен, покажет мою полную непричастность к бандитам».

Охотники знают этот особый заячий визг – предсмертный, когда настигают собаки...

Но Хозяин решил: рано. В те дни готовится только второй акт – грандиозный процесс Пятакова, Радека и прочих. Выход Бухарина задуман в третьем действии триллера. Хозяину, конечно, ясно, почему так истерически боится Бухарин: вернувшись в СССР, в реальность, он уже понял, что натворил за границей. И теперь его мучил вопрос: знает ли «друг Коба» о его разговорах?

Сталин, конечно, знает. Но делает вид, что не знает. Вернувшись из Сочи, благородный Хозяин своей волей прекращает следствие, обрекая Бухарчика на самое страшное – ожидание неотвратимой тюрьмы, день за днем. Хозяин понимает: во время ожидания этот женственный интеллигент будет раздавлен.

10 сентября 1936 года в «Правде» было напечатано: «Следствием установлено, что нет данных для привлечения Бухарина и Рыкова к ответственности». Пусть все видят: Отелло до конца верил Яго.

А тем временем будто бы прекращенное следствие собирает все новые протоколы допросов, уличающие Бухарина и правых.

Бухарин – Сталину, 24 сентября 1936 года: «Я не просил о приеме до конца следствия, так как считал это политически неудобным. Но теперь всем существом прошу: не откажи... Допроси! Выверни всю шкуру! Но поставь такую точку над «и», чтобы никто не смел меня лягать и отравлять жизнь, отправляя на Канатчикову дачу».

Бедный Бухарин в одну из бессонных ночей сочиняет даже «Поэму о Сталине» и шлет ее на суд самому герою... Но скромный герой попросил ее не печатать.

Уже в декабре на пленуме ЦК Ежов прямо обвиняет Бухарина в контрреволюционной деятельности. Но Хозяин до конца играет роль доверчивого мавра и заявляет: «Не следует торопиться с решениями. Следствие продолжать».

Жизнь Бухарина становится адом. На пленумах, в перерывах между заседаниями, устраиваются очные ставки Бухарина и Рыкова с привезенными из тюрем ленинскими соратниками, а ныне заключенными – Пятаковым, Радеком и прочими. В присутствии членов Политбюро его ближайший друг Радек и все остальные покорно обвиняют Бухарина в причастности к заговору. Он истерически опровергает их показания.

Но за ними следуют новые...

«Видеть его... было счастьем»

Перед самым Новым годом Сталин устроил для народа великий праздник: дал ему Конституцию, написанную бедным Бухариным.

«Под гром восторженных оваций в честь творца Конституции великого Сталина Чрезвычайный Восьмой съезд Советов единогласно постановил: «Принять за основу... проект Конституции».

Из письма рабочего А. Сукова: «Трудно описать, что делалось в Кремлевском зале. Все поднялись с мест и долго приветствовали Вождя. Товарищ Сталин, стоя на трибуне, поднял руку, требуя тишины.

Он несколько раз приглашал нас садиться. Ничего не помогало. Мы запели «Интернационал», потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к президиуму, наверное требуя установить порядок, вынул часы и показал их нам, но мы не признавали времени».

Газеты завели новую рубрику – «Письма делегатов съезда».

Несколько забыв о Конституции, делегаты писали: «Незабываемые минуты пережил я, когда увидел светлое лицо любимейшего Вождя» (рабочий П. Калинин).

«Спешу поделиться с вами величайшей радостью: в Кремлевском дворце я увидела самого дорогого нам человека на Земле. Сидела как очарованная и не могла оторвать взгляда от лица товарища Сталина» (ткачиха Н. Ложечникова).

«Мне и Дусе сказали: завтра с вами будет беседовать товарищ Сталин. Не знаю, какое у меня было лицо, но Дуся вся вспыхнула, засветилась, глаза у нее буквально засияли» (ткачиха А. Карева).

И это не было тупой пропагандой. Увидеть его – земного бога – стало величайшим событием.

Писатель Корней Чуковский описывает его появление на съезде комсомола 22 апреля 1936 года: «Что сделалось с залом!.. Я оглянулся – у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные лица... Видеть его, просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый жест его воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне все время восторженные слова... Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью» – так пишет (причем в дневнике!!!) один из умнейших, образованнейших людей России...

Сталин уже создал свой образ: царь и бог – Хозяин... Так что в 1937 году ему предстояло уничтожение отнюдь не ленинской партии, но святотатцев, жалких выродков, замысливших покуситься на бога.

Живя в оглушающем радиогазетном реве славословий Вождю и проклятий предателям, нервный Бухарчик сходил с ума... Накануне Нового года он получает новые удары и тотчас пишет «другу Кобе»: «15.12.36. Сегодня в «Правде» появилась статья, что правые... «шли об руку с троцкистами, диверсантами, гестапо».

Добрый Отелло реагирует: сердится и выговаривает редактору «Правды»: «Тов. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего пленума. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (Рыкова). Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину».

Но Мехлис ум имеет и знает «глубокий язык»: то, что пишет Вождь, и то, что хочет Вождь, – отнюдь не одно и то же.

Травля в «Правде» продолжалась.

Траурное платье

Заканчивался 1936 год.

Из дневника М. Сванидзе: «Крупное, что было: праздновали день рождения И. (21 декабря. – Э.Р.) Масса гостей, нарядно, шумно, танцевали под радио, разъехались к 7 утра».

«Встречали Новый год у И. Члены Политбюро с женами и мы – родня. Вяло, скучно. Я оделась слишком нарядно (черное длинное платье) и чувствовала себя не совсем хорошо... все было более скромно, чем 21-го, думала, будет наоборот».

Это было прощание. Они веселились или старались веселиться, а он знал их будущее. Новый год для большинства его гостей должен был стать последним.

Нет, не зря Мария Сванидзе встретила его в траурном платье.

К Новому году получил подарок и Бухарчик.

Бухарин – Сталину. «1 января 1937 года. Поздним вечером 30.12. я получил целую серию показаний троцкистско-зиновьевских бандитов (2 допроса Пятакова, Сокольников, Радека, Муралова и т. д.). Причина игры моим именем...» (И далее Бухарин безнадежно, долго оправдывается: злодеи хотят его замарать за преданность Кобе и прочее, и прочее.)

Но от Сталина уже нет ответа. А Бухарин все ему пишет: «12.01. Я становлюсь мучеником и для себя, и для всех родных. Никто не спит, все замучились до того, что жизнь стала тошной... Скажи, что делать, вызови!»

Но он его не вызывает.

16 января Бухарин снят из «Известий», но продолжает посылать бесконечные письма своему учителю.

«24.01.37. На весь мир я уже ославлен как преступник. Что же делать, как быть?»

Вовсю разворачивается газетная травля. Ставший вдруг беспомощным «друг Коба» никак не может остановить Мехлиса. Уже идут ежедневные аресты правых, и выбитые из них показания против Бухарина Хозяин велит направлять ему же на квартиру. Бухарина буквально забрасывают показаниями – 16 февраля он получает 20 протоколов. И пишет, пишет бесконечные ответы – в Политбюро и «другу Кобе».

Впрочем, «друг» иногда о нем заботится – не забывает роли Отелло. Когда Бухарина начали выселять из квартиры, он позвонил Сталину:

– Вот, пришли из Кремля выселять...

– А ты пошли их к чертовой матери, – сказал «друг» и оставил Бухарина в Кремле. Пока.

Уже готовится пленум ЦК – последний для Бухарчика. Близится расставание друзей. Потеряв голову, Бухарин объявил, что не явится на пленум, пока с него не снимут обвинение в шпионаже и вредительстве. В знак протеста он объявил голодовку. И вскоре...

«07.02.37...Вчера получил повестку пленума ЦК, в коей первоначально было: «Дело товарищей Рыкова и Бухарина». Теперь «товарищей» выпало. Что же это значит?»

Очередное «Жертвоприношение Авраама»

Но пленум был отложен: погиб Орджоникидзе.

Все время сжималась петля вокруг Серго. Ежов уже арестовал и его заместителя Пятакова, и все ближайшее его окружение... Наконец арестовали старшего брата Серго – Папулию.

Орджоникидзе в бешенстве позвонил Сталину, гневался, кричал. Но Хозяин только вздохнул и сказал: «Это такая организация, что и у меня может сделать обыск». И опять Серго ничего не понял, и опять кричал и гневался: почему расстреляли Пятакова, ведь он обещал ему жизнь за признание...

Наступило 17 февраля – последний день жизни Орджоникидзе. Благодаря справке, составленной его секретарем, можно узнать все, что происходило в этот загадочный день.

Утром у Серго был разговор с Хозяином, причем несколько часов – и с глазу на глаз. Встреча эта закончилась, скорее всего, мирно: не в принципах Хозяина накануне пленума доводить дело до разрыва с одним из главных докладчиков. И далее рабочий день Орджоникидзе проходил спокойно, без нервозности: встречался с Молотовым, обедал дома... Из наркомата уехал около полуночи, подписав очередную телеграмму – в ней очень тревожился по поводу отгрузки труб. Вряд ли замышляющий самоубийство так волнуется о трубах... Приехав, ушел в спальню – отдохнуть. Вскоре раздался выстрел. Вбежала жена, увидела его – мертвого, в

белье, залитом кровью.

Покончил ли он с собой? Или... выстрел был результатом встречи с Хозяином? Возможно, он понял: доведенный до отчаяния буйный Серго может что-то выкинуть на пленуме... И Ежов позаботился: когда Орджоникидзе лег в постель, в его квартиру с черного хода вошел его же охранник...

Точного ответа мы никогда не узнаем.

«Я присутствовал на траурном митинге вблизи Мавзолея... я наблюдал за Сталиным. Какая великая скорбь, какое тяжкое горе... были обозначены на его лице. Великим артистом был товарищ Сталин», – писал Абдурахман Авторханов.

Мне кажется, Авторханов не понял характера нашего героя. Думаю, Хозяин скорбел о Серго, как скорбел и о Кирове.

Да и как не скорбеть Хозяину о верном Серго! Сколько воспоминаний было связано с ним – лучших воспоминаний. Но к сожалению, Серго был частью той партии, которая должна была исчезнуть. Недаром он просил за Пятакова... На пленуме Хозяин расскажет, как Серго из соображений чести не показал ему письма «от злобного оппозиционера Ломинадзе»...

Мог ли он позволить себе роскошь иметь рядом благородного рыцаря, хранившего секреты врагов? Он, решивший создать единое общество, подчиненное единой воле, ибо только такое общество могло выполнить великие задачи, которые поставил Хозяин.

Во имя этого великого дела пришлось отдать друга.

Опять все то же: «Как Авраам отдал сына Исаака».

Из дневника М. Сванидзе: «Я навещаю Зину, она героически перенесла смерть мужа... Она сама руководила похоронами, была неотлучно у гроба...»

Бедная Зина «выдержанна»: она страшится показать свои подозрения. Но родственники Серго не были столь выдержанны.

В результате арестовали почти всех Орджоникидзе...

28 февраля 1937 года родственники Хозяина в последний раз собрались в Кремле все вместе – на день рождения Светланы.

М. Сванидзе: «Впервые был Яша с женою. Она хорошенькая, старше Яши. Он у нее пятый муж, не считая прочих... И. не пришел. По-моему, умышленно. Жаль И. Подумать:...идиот Федор, слабоумный Павел, Анна, недалекий Стас (Реденс), ленивый Вася, слабхарактерный Яша. Нормальные люди: Алеша, Женя, я. И все искупающая Светочка».

Иосиф не пришел, потому что был занят на пленуме, где простился еще с одним другом – Бухарчиком.

Последняя любовь Бухарина

Перед пленумом Бухарин продолжал писать ему истерические письма, полные... любви.

«20.02.37. Смерть Серго меня потрясла до глубины души. Я ревел часы навзрыд. Я очень любил этого человека... Я хотел пойти к Зине... а что, если она мне скажет: «Нет, теперь вы

наш враг...» Я тебя сейчас действительно люблю – горячо, запоздалой любовью. Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь мудр в своей подозрительности, я знаю, что события показали, что мера подозрительности должна быть повышена во много раз...»

Хозяин не просто пытал его ожиданием конца. Он оказывал ему великую милость: давал время покончить с собой. Но Бухарчик хотел жить – у него была красавица жена, родился ребенок... Что ж, он выбрал.

Начался пленум. Сообщение о преступной деятельности правых сделал Ежов. Была легенда, будто кто-то из выступавших защищал Рыкова и Бухарина – конечно же нет. Все дружно, яростно требовали их покарать. Верный Молотов – в первых рядах: «Не будете признаваться, этим и докажете, что вы фашистский наймит... Они же пишут, что наши процессы провокационны. Арестуем – сознаетесь».

Микоян тоже предложил Бухарину и Рыкову сразу признаться в антигосударственной деятельности, на что Бухарин прокричал: «Я не Зиновьев и не Каменев и лгать на себя не буду!» Значит, знал, что «бандиты», которых он так клеймил, – невинны...

Самым терпимым, умерявшим пыл обвинителей был, конечно, наш Отелло.

Для подготовки решения была создана комиссия в 30 человек. Туда вошли и те, кого Хозяин оставлял жить (Хрущев, Микоян, Молотов, Каганович, Ворошилов), и те, кому он назначил вскоре погибнуть (Ежов, Постышев, Косиор, Гамарник, Петерс, Эйхе, Чубарь, Косарев). Будущие жертвы были особенно жестоки, особенно яростно требовали расстрелять Бухарина и Рыкова.

И опять добрый Отелло предложил самое умеренное: «Исключить из членов ЦК и ВКП(б), суду не предавать, а направить дело в НКВД на расследование». Эта умеренность означала неминуемую, но долгую гибель. Крупская и Мария Ульянова, которых Хозяин также ввел в комиссию, поддержали это предложение и отправили на Голгофу любимца Ильича...

На пленуме разыгралась дикая сцена (цитирую по стенограмме):

Ежов: «Бухарин пишет в заявлении в ЦК, что Ильич у него на руках умер. Чепуха! Врешь! Ложь сплошная!»

Бухарин: «Вот же они были при смерти Ильича: Мария Ильинична, Надежда Константиновна, доктор и я. Ведь верно, Надежда Константиновна?»

Но молчит Надежда Константиновна.

Бухарин: «Я его поднял на руки, мертвого Ильича, и поцеловал ему ноги!»

По-прежнему она молчит, а пленум гогочет над «лжецом».

Зря бедный Бухарчик обращается к вдове Ленина. Она теперь безгласна, как был безгласен прежде сам Бухарин. Все хотят заработать право на жизнь.

Во исполнение решения комиссии, Бухарин и Рыков были арестованы. Перед очередным заседанием они сдавали пальто гардеробщику, когда их окружили молодые люди...

Пленум постановил, что Бухарин и Рыков «как минимум знали о террористической деятельности троцкистов-зиновьевцев». Все их письма и объяснения в ЦК были названы «клеветническими». В это время они уже были на Лубянке – на первом допросе.

Напутствие инквизиции

На пленуме Хозяин сделал свой знаменитый страшный доклад. Он назывался привычно-скучно: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». На самом деле это было напутствие инквизиции.

«Надо помнить: никакие успехи не могут аннулировать факта капиталистического окружения... Пока есть капиталистическое окружение, будут и вредительства, террор, диверсии, шпионы, засылаемые в тылы Советского Союза... Надо разбить и отбросить гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас будет затухать... Нам не хватает... готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие... Неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли высоко знамя мирового коммунизма...»

Весь пленум ретиво соревновались его участники: кто больше выявил вредителей. Страх уже обернулся безумием.

Делегат Т. Богушевский выявил вредителей на радио: «В траурный день, в день смерти Ленина, они якобы в виде технической пробы играли цыганские романсы. А 23 января, в день трансляции обвинительного заключения по делу о троцкистах, играли похоронный марш Шопена».

И выступают, выступают... Об успехах в охоте на людей рассказывает сам Ежов, перечисляет арестованных по наркоматам: «За последние месяцы осуждены... Наркомат легкой промышленности – 141, наркомпрос – 228...»

Но делегаты в зале негодуют – маловато по легкой промышленности!

Молотов в роли главного нападающего, саркастически: «Тут товарищ Любимов (нарком легкой промышленности. –

Э.Р.) сидит и чего-то молчит».

Ежов (успокаивая): «По наркомлегпрому мы, по существу, только разворачиваемся. Хотя уже и сейчас у нас осужден 141 активный вредитель и диверсант. Из них довольно значительная группа расстреляна».

Радостное оживление зала. Не от кровожадности – от страха.

Страх заставляет демонстрировать рвение. И они – «мясо и кости людей» – показывают это рвение, вживаясь в роли обличителей, пьянея от кровавого безумия.

Эйхе: «Мы в Западной Сибири вскрыли много вредителей. Мы вскрыли вредительство раньше, чем в других краях».

Да, первым понял указания Хозяина верный Эйхе... но не понял цели. Он, член партии с 1905 года, столь ретиво истреблявший своих товарищей-оппозиционеров, тоже приговорен погибнуть вместе со всей старой партией, но чуть попозже – в 1940 году...

Выступают будущие мертвецы – члены Политбюро Косиор и Постышев, выступает Мария Ульянова... Один общий хор: распни их!

Хозяин мог быть доволен, наблюдая это соревнование. И когда на трибуне очередной выступающий готовился гневно (надо не просто выступить, но с «безудержным гневом»)

сообщать о достижениях по ликвидации врагов, добрый Отелло прервал его шуткой: «Ну как у вас дела? Всех врагов разогнали? Или остались еще?» (Смех зала.)

Они весело смеются. За этим смехом прячутся облегчение и вера – он благодушествует, значит, кончилось? Пронесло?

Смеются... И Хозяин, должно быть, тоже смеется. Потому что он знает их судьбу.

Все главы народного хозяйства отчитались, рассказали о достижениях в ликвидации врагов, покаяться в недостаточной бдительности (это именуется самокритикой) и прославили доклад Вождя. Наступила очередь наркома обороны Ворошилова:

«В армии сейчас, к счастью, вскрыто не очень много врагов. Говорю «к счастью», надеюсь, что в Красной армии врагов вообще не очень много. Так оно должно и быть, ибо партия посылает в армию лучшие свои кадры...»

Нет, не понял ситуации глуповатый Ворошилов. И главный нападающий – «посвященный» Молотов – выступает резко:

«Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы представить, что только в военном ведомстве нет вредителей? Это было бы нелепо...»

И Молотов произносит зловещую фразу: «Военное ведомство – очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко».

Крепкая проверка

После партии армия была второй заботой Хозяина. Сколько лет армией правил Троцкий... Сменив его на Ворошилова, Сталин беспощадно изгнал прежних командиров.

В начале 30-х годов он продолжил: из армии были выгнаны 47 000 человек. Но многих нельзя было тронуть. Это были прославленные герои гражданской войны: Уборевич, Корк, Якир, Блюхер, Шмидт... О них писали книги, их имена были в учебнике истории.

Якир – самый молодой из когорты героев, сын еврейского провизора, знаменитый своей храбростью и матерной речью.

Уборевич – вместе с Фрунзе захвативший неприступный Крым, командующий Белорусским военным округом.

Шмидт – сын сапожника, с 15 лет участвовавший в кровавой гражданской резне; урод, прославившийся своими любовными победами.

Маршал Блюхер – кавалер первых орденов Красного Знамени и Красной Звезды, громивший белых на юге и на востоке, командующий Дальневосточной армией.

Корк, с его знаменитой лысой как шар головой, защитивший с Троцким Петроград и добивавший в Крыму Врангеля; возглавлял Военную академию...

Они презирали его, помнили, как оконфузился Коба во время польской кампании. Ему доносили, что они о нем говорят. Разве при таких военачальниках мог он до конца положиться на армию?

И главное: видя уничтожение партии, они могли объединиться. Даже просто из страха.

Хотя есть версия, что заговор военных действительно существовал. Генерал Орлов писал в воспоминаниях, как он встретился в Париже со своим родственником, заместителем наркома внутренних дел Украины Кацнельсоном, который сообщил ему о близком падении Сталина и о том, что в заговор против него входят военные. Сразу же после возвращения Кацнельсон был арестован, и в то же время начались аресты военных.

Была ли это столь любимая Сталиным провокация или плод фантазии Орлова (он порой выдумывает в своей книге)? Или заговор военных все же существовал? Мы об этом можем только гадать. Одно несомненно – Хозяин выступил первым.

В своем триллере он придумал объединить военных с правыми. Они должны были создать «военно-политический заговор». Сюда же для масштаба Хозяин присоединит Ягуду и старого друга Енукидзе. Руководит всей этой бандой, естественно, Троцкий, а за их спиной, само собой, – Гитлер. Армия, Кремль, партия, НКВД – пособники Гитлера и Троцкого... Достойное развитие сюжета. Доказательства шпионажа военных найти нетрудно: у Красной армии были старые связи с рейхсвером, а арестовать несколько высших командиров и заставить их дать нужные показания – дело техники.

Так что пока Бухарчик сидел в тюрьме, в триллере у него уже объявились соратники – военачальники. Немецкие шпионы и клеветы Троцкого.

Истребление командиров Хозяин, естественно, начал с самого знаменитого и самого опасного – Тухачевского.

Тухачевский – сорокачетырехлетний военный гений, закончил военное училище при царе. В этом холемом, спокойном, типичном царском офицере – таинственная сила харизмы, он рожден, чтобы повелевать. В Гражданскую войну одним своим появлением он усмирлял восставшие части. Его громовое «Смирно!» мгновенно заставляло опомниться бунтующих солдат. Он был жесток, как требовало то кровавое время.

Ворошилов ненавидел Тухачевского, а тот отвечал ему высокомерным презрением. Одной из его любимых тем были издевательские рассказы о Ворошилове, которые он начинал с язвительного: «Наш луганский слесарь Клим, как справедливо любит называть себя Климент Ефремович Ворошилов...»

В Первую мировую войну Тухачевский находился в немецком плену. После войны, в период военного сотрудничества с Германией (до прихода к власти Гитлера), он часто славил рейхсвер... Так что у будущего следствия не могло быть проблем с компроматом. Пасьянс раскладывался легко.

В это же время разведка Гитлера, пытаясь использовать атмосферу репрессий и ослабить советскую армию, фабрикует письмо, где Тухачевский «сообщал о намерении совершить наполеоновский переворот».

Но письмо опоздало. Хозяин получил его от немцев в январе 1937 года, а еще осенью 1936-го арестованные В. Примаков (заместитель командующего Ленинградским военным округом) и В. Путна (военный атташе в Великобритании) дали нужные показания о «немецком шпионе Тухачевском».

В мае 1937 года – началось. Арестован Корк, затем (27 мая) сам Тухачевский. Уже 29 мая, как явствует из его дела, он признал все ложные обвинения. В деле на отдельных страницах видны бурые пятна, как установила экспертиза – следы крови. Вводя пытки, Хозяин, конечно, думал о будущем – военные покрепче штатских, так что пытки должны были пригодиться. И пригодились...

29 мая на вокзале арестован Уборевич, за ним – Якир.

Из письма К. Чуранкова: «Героя Гражданской войны Шмидта вызвали в наркомат и отправили на командную должность в провинцию. Он созвал своих бывших сотоварищей со всей Эсесесерии ехать с ним. Собрался целый эшелон. С веселыми пьяными песнями эшелон двинулся от Казанского вокзала. На первой же станции вагоны отцепили от паровоза, и в него вошли люди в форме НКВД».

И Шмидт, бесстрашный герой, великолепный конник, обожавший всякие эксцентрические выходки (на лошади поднимался к себе в квартиру), все признал и согласился оболгать себя...

Суд над военными должен был быть скорым.

Блюхер пригласил принять участие в суде начальника Политуправления армии Гамарника. Но тот на суд не успел... Уже на следующий день к нему приехали чекисты – опечатывать сейф. Гамарнику велели сидеть дома – на «глубоком языке» это было приглашение к действию. Он ушел в соседнюю комнату и застрелился.

Хозяин оставлял иногда своим жертвам эту возможность.

В мае 1937 года знаменитый журналист, героически сражавшийся в Испании, Михаил Кольцов провел три часа у Хозяина. Вернувшись, он рассказал своему брату: «Сталин остановился возле меня, прижал руку к сердцу и поклонился: «Как вас надо величать по-испански, Мигуэль, что ли?» – «Мигель, товарищ Сталин». – «Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим за ваш интересный доклад. До свиданья, дон Мигель».

Но у двери он меня окликнул, и произошел какой-то странный разговор: «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» – «Есть, товарищ Сталин». – «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» – «Конечно нет», – еще более удивляясь, ответил я. «Ну вот и отлично, – ответил Сталин, – отлично. Еще раз спасибо, товарищ Кольцов, до свиданья, дон Мигель...»

17 декабря 1938 года Кольцов был арестован и затем расстрелян.

С 1 по 4 июня в наркомате обороны состоялось заседание Военного Совета. Приехал Сталин вместе с Политбюро. Были вызваны более сотни военачальников с мест, ибо сам Совет к моменту заседания катастрофически поредел – уже четверть членов были арестованы.

Перед началом участникам были розданы папки с документами. В них вчерашние товарищи, кумиры армии – Тухачевский, Кокорев, Уборевич, Якир и прочие герои – признавались в том, что работали на гитлеровскую разведку, были германскими шпионами. Ворошилов сделал доклад о раскрытии НКВД широкого контрреволюционного заговора.

«Моя вина огромна, – говорил маршал, – я не замечал подлых предателей... Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала с вашей стороны», – обратился он к залу. Присутствующие поняли: это было обвинение в пособничестве. И они усердно кляли своих бывших друзей и начальников.

«Завербовала на базе бабской части...»

2 июня на Совете выступил сам Хозяин.

В Архиве президента находится стенограмма его страшной, какой-то напряженной речи. Он

говорил о шпионах. О том, как немецкая разведка умело завербовала недовольных, как они становились «невольниками в руках рейхсвера». В этой речи он сильно расцвел свой триллер. Возникла «баба» – коварная красавица по имени Жозефина Гензи. «Она красивая женщина. Разведчица. Завербовала на базе бабской части... Карахана. Она же завербовала Енукидзе. Она держала в руках Рудзутака».

Он называл партийцев, известных своими любовными похождениями. Досье Ягоды шли в дело!

Он именовал обличаемых военачальников шпионами, презрительно отказывая им в звании «контрреволюционер». И объяснял: «Если бы, к примеру, покончивший с собой Гамарник был последовательным контрреволюционером, я бы на его месте попросил бы свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя».

Удивительное замечание! Бывший террорист никак не может забыть о легкости смелого убийства. Что ж, он был прав в одном. Смелость исчезла – остались трусливые и покорные рабы.

11 июня был скорый суд. Хозяин устроил знакомое представление: друзья посылают на смерть друзей. Тухачевского, Уборевича, Якира, Примакова и прочих судили их же товарищи военные: Дыбенко, Блюхер, Белов, Алкснис... И приговорили конечно же к смерти. Он знал: приговорившие их судьи – тоже погибнут! Только во вторую очередь. Ибо все эти старые командиры – часть старой партии – должны были исчезнуть...

1937–1938 годы стали годами уничтожения прежнего командного состава. Массовое избиение ослабило армию – это главный общеизвестный довод. Но вот мнение одного из героев будущей войны маршала Конева:

«Из уничтоженных командиров: Тухачевский, Егоров, Якир, Корк, Уборевич, Блюхер, Дыбенко... современными военачальниками можно считать только Тухачевского и Уборевича. Большинство из них были под стать Ворошилову и Буденному. Это герои гражданской войны, конармейцы, жившие прошлым. Блюхер провалил Хасанскую операцию, Ворошилов провалил финскую войну. Если бы они все находились во главе армии, война сложилась бы по-другому».

Да, Хозяин просчитал: репрессии ослабят армию сейчас... чтобы усилить потом! Кровавый метод быстрой смены кадров.

В результате массового убийства командиров всех уровней к руководству пришли накануне войны новые люди – пусть пока неопытные, но куда более современно мыслящие и образованные, для которых гражданская война была всего лишь героическим мифом.

«Такое же чувство, как к Ильичу»

Итак, находясь в тюрьме, Бухарин уже стал одним из руководителей «военно-политического заговора». Оставалось получить его согласие быть им. В отличие от закрытого суда над военными Бухарин должен был подарить миру грандиозный открытый процесс.

Есть много легенд о пытках, которые привели его к участию в постыдном процессе. Жаль развенчивать легенды. Но пусть говорят письма.

Эпистолярный роман в стиле Кафки – Достоевского продолжается. Из тюрьмы он заваливает Хозяина письмами – письмами любви.

«Ночь 15 апреля 37 года. Коба!.. Вот уж несколько ночей я собираюсь тебе написать. Просто потому, что хочу тебе написать, не могу не писать, ибо и теперь ощущаю тебя как какого-то близкого (пусть сколько угодно хихикают в кулак, кому нравится)... Все самое святое превращено для меня, по словам выступавших (на пленуме. –

Э.Р.), в игру с моей стороны... Я в отчаянии клялся смертным часом Ильича. А мне заявили, что я спекулирую его именем и что даже нагнал, будто присутствовал при его смерти... Я едва ходил, а меня обвинили в шутовстве и театральщине...»

Мысли скачут. Видимо, вспоминая посещения дома Кобы и его «убью», ему кажется, что Коба ревновал его к Надежде, считал его «бабником»...

«Хочу сказать тебе прямо и открыто о личной жизни: я вообще в своей жизни знал близко только четырех женщин».

И далее – подробнейший рассказ о его мучительных разбирательствах с этими женщинами...

«Ты напрасно считал, что у меня «10 жен», – я никогда одновременно не жил...»

«И здесь врет, – мог сказать себе Сталин. – Это сейчас он остепенился – с молодой красавицей женой. А прежде...» Ибо каждый шаг, каждая «баба» Бухарина – на счету у НКВД.

«Все мои мечты последнего времени шли только к тому, чтобы прилепиться к руководству, к тебе в частности... Чтобы можно было работать в полную силу, целиком подчиняясь твоему совету, указаниям, требованиям. Я видел, как дух Ильича почиет на тебе. Кто решился бы на новую тактику Коминтерна? На железное проведение второй пятилетки, на вооружение Дальнего Востока... на организацию реформы, на новую Конституцию? Никто... Мне было необыкновенно, когда удавалось быть с тобой... Даже тронуть тебя удавалось. Я стал к тебе питать такое же чувство, как к Ильичу, – чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного, как к человеку, которому можно сказать все, все написать, на все пожаловаться... И что же удивительного в том, что я за последние годы даже забыл о тех временах, когда вел против тебя борьбу, был озлоблен...»

Я представляю, как читал это Сталин, знавший все, что Бухарин наговорил о нем совсем недавно за границей! Не понимал прагматик Хозяин, что тот его сейчас действительно любит – истерической любовью интеллигента, любовью жертвы к палачу, женственной любовью слабости к силе. Наша любимая достоевщина!

«Книгу я задумал написать. Хотел ее тебе посвятить и просить тебя написать маленькое предисловие, чтобы все знали, что я целиком признаю себя твоим. До чего же ужасно противоречиво мое здесь положение: ведь я любого тюремного надзирателя-чекиста считаю «своим», а он... смотрит как на преступника, хотя корректен. Я тюрьму «своей» считаю... Иногда во мне мелькнет мечта: а почему меня не могут поселить где-нибудь под Москвой, в избушке, дать другой паспорт, дать двух чекистов, позволить жить с семьей, работать на общую пользу над книгами, переводами (под псевдонимом, без имени), позволить копать в земле, чтоб физически не разрушиться (не выходя за пределы двора). А потом, в один прекрасный день, X или Y осознается, что меня оболгал...»

Бедный романтик!

«И вот гибну здесь. Режим здесь очень строгий, нельзя даже в камере громко разговаривать, играть даже в шашки или шахматы, нельзя, выходя в коридор, говорить вообще, нельзя кормить голубей в окошке – ничего нельзя. Но зато полная вежливость, выдержка, корректность всех, даже младших надзирателей. Кормят хорошо. Но камеры – темные. И

круглые сутки горит свет. Натираю полы, чищу «парашу» – все это знакомо. Но сердце разрывается, что это – в советской тюрьме. И горе и тоска моя безграничны».

На письме надпись: «Прошу никого до И.В. Сталина данного письма не читать». Но «друг Коба» написал: «Вкруговую» – и с фельдъегерем отослал письмо всем членам Политбюро. Тем самым добрый Отелло как бы спрашивал: может, все-таки помилуем Яго?

Но соратникам нельзя ошибаться: головы летят ежедневно. И они стараются – соревнуются в беспощадности. «Читал. По-моему, писал жулик. Молотов». «Все жульничество: я не я и лошадь не моя. Каганович, Калинин». «Безусловно жульническое письмо. Чубарь».

Теперь добрый Отелло вынужден подчиниться коллективу.

А Бухарчик все пишет. 43 письма – 43 безответных объяснения в любви.

«Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! (Уже нет фамильярного «Коба». –

Э.Р.) В галлюцинаторном состоянии (у меня были такие периоды) я говорил с вами часами. (Ты сидел на койке – рукой подать.) К сожалению, это был только мой бред... Я хотел вам сказать, что был бы готов выполнить любое ваше требование без всяких резервных мыслей и без всяких колебаний. (Почти дословно повторяет слова Зиновьева.

– Э.Р.) Я написал уже (кроме научной книги) большой том стихов. В целом – это апофеоз СССР... Байрон говорил: «Чтобы сделаться поэтом, надо или влюбиться или жить в бедности». (У меня есть и то и другое.) Первые вещи кажутся мне теперь детскими (но я их переделываю, за исключением «Поэмы о Сталине»)... Я 7 месяцев не видел ни жены, ни ребенка. Несколько раз просил – безрезультатно. 2 раза на нервной почве лишился зрения и 2–3 подвергался припадкам галлюцинарного бреда... И.В.! Разрешите свидание! Дайте повидать Анюту и мальчика! Мало ли что будет. Так дайте повидать мне своих милых... Ну уж если это никак нельзя, разрешите, чтоб Аннушка хоть свою с ребенком карточку принесла... Пусть вам покажутся чудовищными мои слова... что я вас люблю всей душой! Как хотите, так судите!»

Итак, режим строгий, но полная вежливость и кормят хорошо. И никаких пыток – вряд ли между пытками написал бы нежный Бухарчик свои труды. Пытал себя он сам – отчаянием, страхом перед расстрелом, ужасом положения близких.

У него слишком тонкая душевная организация для тюрьмы. Он поэт, а не политик. От нервов – галлюцинации, потеря зрения... Он уже понимает: не выдержит, согласится, как Каменев, «лгать на себя» без всяких пыток...

Все обвинения против него Бухарин признал и подписал в начале июня. Его жена была убеждена, что за это ему была обещана Хозяином жизнь и что тот обманул его.

Она не знала, что существует письмо, где несчастный Бухарин сам все рассказал.

Неправдоподобная правда

Последнее, сорок третье письмо Бухарина Сталину было с пометкой: «Весьма секретно, лично, прошу без разрешения И.В. Сталина не читать».

«10.12.37. Пишу это письмо, возможно, последнее, предсмертное свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его... без всякой официальнойщины, тем более что пишу его

только тебе... сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни».

«Возможно» – он еще надеется, ибо помнит: в предыдущем процессе не расстреляли ни Сокольников, ни Радека.

«Я весь дрожу от волнения и тысячи эмоций, едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу

проститься с тобой заранее, пока еще не поздно... чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я: 1) ничего не собираюсь брать обратно из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле не намерен у тебя просить, ни о чем не хочу тебя умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать. Я даю тебе честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые подтвердил на следствии».

Но

почему подтвердил? И Бухарин

первым из всех оболгавших себя подробно объясняет – почему!

«Мне не было никакого выхода, кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: ибо иначе выходило бы, что я не разоружаюсь. Я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию: есть

какая-то большая и смелая политическая идея Генеральной чистки :

а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии эта чистка захватывает: а) виновных, б) подозрительных, с) потенциально подозрительных... Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других по-другому, третьих по-третьему... Ради бога не думай, что здесь скрыто тебя упрекаю. Даже в размышлениях с самим собой я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что

большие планы,

большие идеи и

большие интересы перекрывают все. И было бы мелочным ставить вопрос о собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах».

Опять – Высшая целесообразность, всемирно-историческая задача. Когда-то во имя этого они убивали других, теперь – друг друга.

Обретши

большую идею, Бухарин успокаивается, ибо уже не жалкий человеческий страх за себя и за семью заставил его предать, но – Большая идея. В мире идей он «свой»! Уже не трус, почти герой: во имя

большого жертвует честью! Идет на гибель!

От восторга он становится возвышен и жаждет каяться.

«Я не христианин. Но у меня есть свои странности – я считаю, что несу расплату за те годы,

когда я действительно вел борьбу... больше всего меня угнетает такой факт. Летом 1928 года, когда я был у тебя, ты мне говорил: знаешь, почему я с тобой дружу? Ты ведь не способен на интригу? Я говорю – да. А в это время я бегал к Каменеву. Этот факт у меня в голове, как первородный грех иудея. Боже мой, какой я был мальчишка и дурак, а теперь плачу за это своей честью и всей жизнью.

За это прости меня, Коба. Я пишу и плачу, мне уже ничего не нужно... Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с вами, Николай Иванович? Я Иосифу скажу, чтобы он вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтобы ты... взял меня на поруки. Я знаю, что Н.С. не поверила бы, что я что-то против тебя замышляю, и недаром «подсознательное» моего «Я» вызвало этот бред».

Он надеется: Коба простит. Если бы он знал, с какой яростью должен читать Хозяин рассуждения о жене в письме того, кто был для него «убийцей»...

«А с тобой я часами разговариваю. Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если бы ты видел, как я к тебе

привязан... Ну, да все это психология, прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Авраамов, и роковые судьбы осуществляются. Позволь мне, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз

умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю с собой... я бы, забыв стыд и гордость, на коленях умолял бы тебя, чтоб этого не было, но это, вероятно, уже невозможно... я бы просил тебя дать возможность

умереть до суда, хотя знаю, как ты сурово смотришь на эти вопросы;

б) если (далее зачеркнуто). –

Э.Р.)... вы предрешили смертный приговор, то я заранее прошу тебя, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью яд в своей камере (дать мне морфий, чтобы я заснул и не проснулся). Дайте мне провести последние минуты, как я хочу, сжальтесь. Ты, зная меня хорошо, поймешь: я иногда смотрю в лицо смерти ясными глазами... я способен на храбрые поступки, а иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается... так что если мне суждена смерть, прошу тебя о морфийной чаше (Сократ);

с) дать мне проститься с женой и сыном до суда. Аргументы такие: если мои домашние увидят, в чем я сознался, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить их к этому. Мне кажется, это в интересах дела и его официальной интерпретации.

Если мне будет сохранена жизнь, то я бы просил: либо выслать меня в Америку на X лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически анти-Троцким и вел бы это дело с большим размахом и энтузиазмом. Можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и в качестве добавочной гарантии оставить здесь мою жену на полгода, пока я не докажу, как я бью морду Троцкому.

Но если есть хоть какое-то в этом сомнение, то послать меня хоть на 25 лет на Печору и Колыму, в лагерь, где я поставил бы университет, институты, картинную галерею, зоо- и фотомузеи. Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь.

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению к вам, и к партии, и ко всему делу ничего, кроме великой и безграничной любви. Мысленно тебя обнимаю, прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного Н. Бухарина».

Это письмо и есть последний ключ к процессам – здесь все написано. Нет, никакого помилования Хозяин ему не обещал. Это Бухарин все надеялся, а он молчал. Это Бухарчик на все согласился, бесконечно объясняясь в любви к палачу, а он... молчал!

Это Бухарин, величайший теоретик партии,

сам за Сталина придумывает обоснование процессов – «большую и смелую политическую идею Генеральной чистки», даже не зная, существует ли она в действительности, чтобы прикрыть ею «подленького бесенка страха». Так без всякого обещания со стороны «друга Кобы» он всю сотрудничал со следствием.

Постараемся понять нашего интеллигента – правдивого лжеца, слабого силача, благородного подлеца, смелого труса и при том талантливого безмерно, даже в унижении своем. Он никогда не скажет: «Я попросту боюсь гнева этих ужасных жестоких людей», но обязательно выдумает великую идею, обоснование. Как я понимаю его и... люблю! Ибо я тоже – дитя страха. Вся моя сознательная жизнь прошла в стране Страха.

«Сжальтесь. Ты, зная меня хорошо, поймешь...»

Да, Сталин их хорошо знал. И потому придумал процессы.

Конец загадки века

Никакие просьбы сдавшегося врага Хозяин не выполнил, разрешив лишь написать письмо жене перед самым процессом.

«Милая, дорогая моя Аннушка, ненаглядная моя. Я пишу тебе уже накануне процесса и пишу тебе с определенной целью, которую подчеркиваю тремя чертами: что бы ты ни прочитала, что бы ты ни услышала, сколь бы ужасны ни были соответствующие вещи, что бы обо мне ни говорили, что бы я ни говорил – переживи все мужественно и спокойно. Подготовь домашних, помоги им, я боюсь и за тебя и за других, но прежде всего за тебя. Ни на что не злобься, помни о том, что великое дело СССР живет и

это главное, а личные судьбы преходящи и мизерабельны по сравнению с этим. Тебя ждет огромное испытание, умоляю тебя, родная моя, прими все меры, натяни все струны души, но не дай им лопнуть, ни с кем не болтай ни о чем. Ты самый близкий, самый родной мне человек. И я прошу тебя всем хорошим, что было между нами: чтоб ты сделала величайшее усилие, величайшим напряжением души помогла себе и домашним пережить страшный этап. Мне кажется, что отцу и Наде не следовало бы читать газет за соответствующие дни: пусть на время как бы заснут... Если я об этом прошу, то поверь, что я выстрадал все, в том числе и эту просьбу, и что все будет, как этого требуют

большие и великие интересы. Я в огромной тревоге за тебя, и если бы тебе разрешили написать мне, передать мне несколько успокоительных слов по поводу высказанного, то эта тяжесть свалилась хоть несколько бы с моей души. Об этом прошу тебя, друг мой милый. Распространяться сейчас о своих чувствах неуместно, но ты и за этими строками увидишь,

как безмерно, глубоко я тебя люблю».

Передавать письмо его жене никто не собирался, ибо безмерно любимая Бухариным Аннушка уже была арестована.

Только через 54 года старой женщине вручат письмо, которое когда-то писал ее муж молодой красавице Анне Лариной.

Почти полстолетия имя ее мужа будет ругательством в стране, которую он основал. Этого требовали «большие и великие интересы», перед которыми «личные судьбы преходящи и мизерабельны».

А потом был последний процесс знаменитых большевистских вождей. Дело истребления соратников Ильича подходило к концу. Процесс стал завершением созданного Хозяином триллера.

Как положено в конце повествования, все было разъяснено, все сюжетные линии сведены воедино. Бухарин и Рыков, оказалось, сотрудничали сразу с троцкистами-зиновьевцами, с немецкими шпионами, с Тухачевским и прочими военачальниками, с националистическим подпольем и с вредителями в НКВД в лице Ягоды и его людей. Так что одной из «звезд» процесса стал главный организатор предыдущих процессов – Ягода. Ему придали «врачей-убийц, осуществлявших его коварные замыслы». В этой роли выступили известнейшие врачи, имевшие несчастье лечить «кремлевских бояр», – Плетнев, Левин, Казаков и прочие.

На все народные вопросы постарался ответить Хозяин. Например, обвинялся нарком земледелия Чернов, прославившийся во время коллективизации террором в деревне. Теперь ироничный Автор предложил врагу бухаринских идей участвовать в процессе вместе с Бухариным. Откуда ужасы коллективизации? И Чернов каялся: рассказывал, как сознательно искажал верную политику коллективизации по заданию Бухарина и Рыкова.

Отсутствие масла, постоянные перебои с хлебом – почему все это в стране социализма? И вот уже глава Центросоюза Зеленский кается: все случилось в результате вредительских заданий, которые он получил от правых.

Есть известная версия: Хозяин наблюдал за процессами. «Над сценой зала было несколько небольших окошек, завешенных темной тонкой тканью. Скрываясь за этими занавесками, можно смотреть сверху в зал, а из зала было видно, как за тканью вьется дымок – дымок его трубки», – писал очевидец.

Что ж, вполне возможно и даже естественно. Главный режиссер должен наблюдать за спектаклем.

Видимо, учтя слабое место предыдущих зрелищ – подозрительную готовность обвиняемых во всем соглашаться с обвинением, – в этот процесс были введены «неожиданности».

Н. Крестинский, член ленинского ЦК, вдруг заявляет: «Я не признаю себя виновным... я не совершил ни одного из тех преступлений, которые мне вменяются».

Зал ошарашен. Но Режиссер не позволяет слишком долгих эффектов. Уже на следующий день Крестинский заявил: «Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным... Вчера под минутным чувством ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых... я не в состоянии был сказать правду...»

Трудился на процессе и Бухарин – всю историю изменял. Любимец Ленина рассказывал, как, желая воспрепятствовать Брестскому миру, собирался вместе с левыми эсерами

арестовать любимого Ленина. Бухарин не только называл себя «презренным фашистом», но и выполнял то, что обещал в письме, – защищал истинность процессов от критики Запада. Но до конца роль не выдержал. Чем дальше шел процесс, тем больше Хозяин понимал: Бухарин затеял двойную игру. Признавая все, он попытался... не признавать ничего конкретно. Оценил Сталин и ловкий ход «самого талантливого из его генералов» – Бухарин вдруг рассказал о некоем своем договоре с Николаевским: в случае процесса над Бухариным тот должен организовать кампанию протеста.

Так напомнил хитрый Бухарчик европейским социалистам о когда-то организованной им самим кампании в защиту левых эсеров и попросил вернуть должок, помочь, устроить кампанию в его защиту. Хозяин еще раз понял: ничто их не выучит. Только могила.

Кампания, конечно, была организована, но... времена изменились. Одних западных социалистов успел подкупить НКВД, другие верили, что Сталин является последним оплотом против угрозы Гитлера и не смели «играть на руку фашистам». Николаевский писал: «Ряд влиятельнейших органов западной печати неожиданно выступил апологетами террористической политики Сталина».

Правда, Ромен Роллан все-таки отправил Сталину послание: «Разум типа Бухарина – это богатство для его страны... Мы все повинны в смерти гениального химика Лавуазье, мы, самые отважные революционеры, преданные памяти Робеспьера... мы глубоко скорбим и сожалеем. Я Вас прошу о милосердии...»

Но Хозяин не удостоил его ответом.

После вынесения смертного приговора осужденные написали просьбы о помиловании. Я читаю в архиве их последние строки.

Рыков пишет несколько официальных фраз. Бухарин, естественно, – куда подробнее. Его прошение заканчивается так:

«Я стою на коленях перед Родиной, партией, народом и его правительством и прошу... о помиловании».

Но видимо, следователи сказали: прошения недостаточны, надо еще потрудиться. И на следующий день, 14 марта, Бухарин пишет новое длиннейшее прошение. Там есть удивительные строки:

«Я внутренне разоружился и перевооружился на новый социалистический лад... Дайте возможность расти новому, второму Бухарину –

пусть будет он хоть Петровым. Этот новый человек будет полной противоположностью умершему, он уже родился, дайте ему возможность хоть какой-нибудь работы».

Здесь он опять повторяет свою любимую романтическую мысль: расстреляйте Бухарина, которого надо расстрелять во имя «больших интересов», а мне сохраните жизнь под именем Петрова.

Пишет прошение и Ягода: «Перед всем народом и партией

стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранить мне жизнь».

Интересно: полицейский Ягода и эстет Бухарин пишут одни слова – «стою на коленях». В этом церковном стиле видна рука Главного редактора прошений.

А потом за ним пришли... Только тогда Бухарин понял: история с прошениями была лишь последней пыткой – пыткой надеждой.

Всех приговоренных расстреляли. Так что бухаринскую просьбу о «морфийной чаше» Хозяин тоже не выполнил. Вместо смерти Сократа Бухарин получил смерть от рук «наших».

Бухарина расстреливали последним. «Друг Коба» не простил ему суда. И границы. И жены. Он дал ему испытать до конца всю муку ожидания смерти.

Хозяин лично принял участие в издании стенографического отчета этого процесса, сам редактировал речи, вычеркивал и дописывал слова уже расстрелянных. До самого конца взыскательный Автор создавал свой триллер.

Кэкэ уходит

Все это время он продолжал писать письма матери:

«Передают, что ты здорова и бодра, правда ли это? Наш род, видимо, крепкий род. Желаю здоровья, живи долгие годы, мама моя».

Он знал, что это неправда. Мать была больна. Тбилиси – маленький город, так что она уже слышала и об Орджоникидзе, и о его братьях. Все ночи шли аресты. Старые националисты и боровшиеся с ними старые большевики – все должны были погибнуть. Ужас правил городом. И мать в тот страшный год начала умирать.

«Маме моей привет. Посылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их. Потому что дозировку лекарства должен определить врач...»

В середине раскаленного лета 1937 года последовало сообщение: «4 июня в 23 часа 5 минут у себя на квартире после тяжелой и продолжительной болезни скончалась Екатерина Георгиевна Джугашвили».

Был пик репрессий, а он знал: на Кавказе умеют мстить. И он не посмел приехать в Грузию, проводить ее в могилу. Этого он тоже не забудет: враги не дали ему проститься с матерью!

Так ушла из жизни упрямая Кэкэ, не простившая Сталину милого Сосо, убитого революционером Кобой...

Я нашел в его архиве присланный ему из Тбилиси жалкий список вещей, оставшихся после ухода матери владыки полумира. Она прожила жизнь нищей и одинокой. Такой и умерла. После ее смерти вернулись обратно и его письма, которые она сохранила...

Теперь он был совсем свободен от прошлого.

Глава 18 Создание новой страны

Счастливая дневная жизнь

Бесконечные нудные описания арестов и процессов, казалось бы, заставляют представить

угнетенное состояние духа, в котором жила страна в страшном 1937 году. Отнюдь! Подавляющее большинство населения весело просыпалось под неумолчные громкоговорители, с рвением мчалось на работу, с энтузиазмом участвовало в ежедневных митингах, где проклинались враги, и внимательно читало тощие газеты с отчетами о процессах, доказавших надежность чекистов. Люди знали о тяжелой доле трудящихся на Западе, очень жалели угнетенных негров и всех, кому не выпала доля жить в СССР.

Наш сосед по коммунальной квартире жил в одной комнате с женой, матерью и дочерью. Он всегда радостно напевал, просматривая газету в очереди в общую уборную. Во время Октябрьских праздников они всей семьей участвовали в демонстрации: шли на Красную площадь, а потом рассказывали парализованной матери, как они видели Сталина. Мать была глуха, и они ей орали на всю квартиру... Боялись ли они НКВД? Вопрос бы их возмутил. Они знали, что НКВД боятся только враги... Знали ли они об арестах? Еще бы! Многие их знакомые были арестованы. Но лишь потому, что оказались врагами. И вообще аресты происходили после полуночи – в некоей Ночной жизни. Она их не касалась. Ночью они спали сном праведников, чтобы поутру вновь счастливо проснуться и напевать в очереди в клозет... Это было так похоже на то, о чем писал Уильям Ширер в своей книге о гитлеровской Германии: «Стороннего наблюдателя... несколько удивило бы, что немцы не сознавали себя жертвами запугивания и притеснения со стороны бессовестной и жестокой диктатуры. Наоборот, они с неподдельным энтузиазмом поддерживали эту диктатуру».

Открытые процессы с их величественной торжественностью возмездия – принадлежали к развлечениям Дневной жизни... Как и положено истинному цезарю, Хозяин устраивал много развлечений в Дневной жизни для счастливых сограждан. Например, появились рубиновые звезды на башнях Кремля, и люди семьями ходили на Красную площадь смотреть, как они загорались ночью... Гремела маршами Дневная жизнь – ибо это была страна Победителей. Монархистов, меньшевиков, эсеров, кадетов, белую гвардию – всех они победили в Гражданской войне.

Теперь побеждали в мирной жизни – за две-три пятилетки догнали и скоро перегонят весь мир. Каждый день газеты сообщали о победе какого-нибудь передовика труда – и страна ликовала. Победили религию – от Святой Руси остались лишь обезглавленные храмы. На каждом процессе чекисты побеждали врагов и шпионов. Победили саму смерть – нетленный Ильич ждал сограждан в Мавзолее. Каждый день Сталин дарил жителям первого в мире социалистического государства какую-нибудь новую победу. Вот в открытых автомобилях по улицам столицы провезли летчика Чкалова и экипаж его самолета. Впервые в мире совершили они беспосадочный перелет по маршруту Москва – США... А ежегодные парады на Красной площади – военный, физкультурный и воздушный! И наконец, чествования главных победителей – героев труда.

В 1935 году, начиная процессы против вредителей, Сталин распорядился найти шахтера, который должен был дать гигантскую выработку угля. Причем на той же шахте следовало обнаружить вредителей-интеллигентов, естественно, мешавших трудовому подвигу шахтера. Таков был сочиненный Хозяином сюжет, тотчас воплощенный в жизнь. Шахтер Стаханов – паренек из деревни, с обаятельным лицом – был найден, невиданный рекорд организован, вредители на шахте обнаружены. По всей стране началось движение «стахановцев». На непригодном оборудовании добывались высочайших выработок. Катастрофы на производстве тут же списывались на вредителей. Рекорды «стахановцев» должны были подстегивать остальных. Теперь Сталин периодически устраивал праздничные шоу: съезды «стахановцев».

И всюду – масса, коллектив. Он создал страну коллективов. Все – коллективно. Коллектив на работе и дома, ведь подавляющее большинство квартир было коммунальными. Коллектив на отдыхе – воскресные выезды на природу. Коллективные праздники – День шахтера, День строителя, День металлурга... Все профессии имели свой праздник, чтобы коллективы в этот

день могли вдоволь (и главное – вместе) пьяно повеселиться.

По всей стране он открывает парки культуры и отдыха. Здесь под руководством специально обученных массовиков люди веселились (опять же коллективно). Все – коллективно...

В разгар террора, в 1938 году, в Москве в Центральном парке культуры и отдыха происходили карнавалы трудовых коллективов. Миллионы человек счастливо, беззаботно веселились.

Он был прав, когда сказал слова, которые цитировались на миллионах плакатов: «Жить стало лучше, жить стало веселей».

Сделав парки центрами коллективного веселья, он лично следил, чтобы там непременно была «наглядная пропаганда». Это означало: во всех аллеях висели цитаты – его и Боголенина, призывы партии и лозунги. Среди деревьев белели обязательные статуи его новых святых великомучеников: убиенного кулаками пионера Павлика Морозова и убиенного троцкистами-зиновьевцами Сергея Кирова. На главных площадях парков – статуи Боголенина и Богосталина. В дальних аллеях – грудастые, с толстыми гипсовыми ляжками и круглыми задами физкультурники и физкультурницы.

В парках он велел открыть тиры и парашютные вышки – коллективно стреляли в тирах и прыгали с парашютом. Как и Гитлер в Германии, он следил, чтобы поколение росло крепким – готовил его к осуществлению Великой мечты...

Эта постоянная массовость от съездов до отдыха, это растворение личности в коллективе породило самое ценное – коллективную совесть. Личная ответственность умерла – есть коллективная: «так велела партия», «так велела страна»... Коллективная совесть помогала людям спокойно радоваться жизни в дни жесточайшего террора. И горе тому, у кого пробуждалась личная совесть.

Знаменитый писатель Аркадий Гайдар в 1938 году даже попал в психушку, откуда писал своему другу писателю Рувиму Фраерману: «Тревожит меня мысль – я очень изоврался... иногда я хожу близко около правды... иногда вот-вот... она готова сорваться с языка, но будто какой-то голос резко предостерегает меня: берегись! Не говори! А то пропадешь!»

Но главным народным праздником Дневной жизни был футбол (кстати, он был и любимым развлечением интеллигенции). На футболе подавленные страхом чувства выплескивались в криках и эмоциях. На стадионе можно было забыть о загнанном в подсознание ужасе.

Главное соперничество в футбольной жизни страны шло между двумя клубами: «Динамо» (клубом НКВД) и «Спартаком» (командой профсоюзов). Вся интеллигенция болела за «Спартак». Это была дозволенная фронда...

В дни встреч этих команд на стадионе в правительственной ложе появлялся руководитель НКВД. Сначала это был Ягода. Но расстреляли Ягоду, и в ложе стал появляться маленький Ежов. Расстреляют Ежова, и в ложе появится Берия. Все они свирепо болели за команду «Динамо» и ненавидели Николая Старостина – основателя и главу «Спартака».

Старостина знала вся страна.

Наверное, после Сталина и Ленина это была самая знаменитая фамилия. Четыре самых известных футболиста страны – братья Старостины.

Николай Старостин и начал великое противостояние «Спартак» – «Динамо». Он был неистощим на спортивные выдумки.

В 1936 году на Красной площади должен был проходить очередной парад физкультурников.

Глава комсомола и организатор этого празднества Александр Косарев задумал во время парада показать футбол – прямо на площади. Осуществить это было поручено «Спартаку», к невероятной ревности поклонников «Динамо». Во время парада по сигналу Косарева по всей Красной площади был раскинут гигантский ковер – изумрудное поле. На поле выскочили спортсмены «Спартака» и начали демонстрировать игру.

Косарев, стоя рядом со Сталиным, сжимал в руке белый платок. Было условлено: если игра придется не по вкусу Хозяину, по отмахке платком следовало немедленно прекратить.

Хозяин не любил футбол. В тот день он с непроницаемым лицом следил за игрой. Но его соратники на Мавзолее сошли с ума от восторга: Ворошилов подпрыгивал и кричал.

А внизу под ними лежал непогребенный Боголенин...

Косарев так и не махнул платком, и счастливые футболисты поняли – понравилось... Они ошиблись. Он просто дал им повеселиться напоследок – этим жалким слабым людям, стоявшим рядом с ним на Мавзолее. И Косарев, и Чубарь, и Постышев, и Рудзутак – все, кто по-детски радовался игре, должны были вскоре исчезнуть вместе со старой партией...

Он пользовался этой глупой слабостью сограждан. В 1936 году ошеломляющим событием для СССР были не процессы – страна жила приездом футболистов-басков. Сталин дал народу очередной праздник – выписал этих знаменитых футболистов, тогда лучших в мире. Страна ликовала. Ягода и Ежов позаботились: «Спартак» не был заявлен на участие в матчах, баски играли с «Динамо». И дважды разгромили команду НКВД!

Страна погрузилась в траур. И тогда Сталин велел выиграть. Ежов предложил выпустить на поле «Спартак». Он понимал – поражение от басков станет концом команды.

«Спартак» тренировался под Москвой. На матч команду везли торжественно – в открытых «линкольнах». Но у автомобилей по пути вдруг стали лопаться шины (НКВД не дремал?). Опоздай «Спартак» – и ему конец! Но они успели – приехали, когда на поле уже выходил судья. Переодевшись прямо в машинах – на глазах восхищенных болельщиков, – «Спартак» выбежал на поле. Они сражались насмерть. Для басков это был футбол, для «Спартака» – борьба за жизнь. В конце игры на табло были невероятные цифры: «Спартак» разгромил басков со счетом 6:2.

Страна ликовала, незнакомые люди целовались на улицах. Старостин стал кумиром страны. Руководство НКВД скрежетало зубами.

В 1938–1939 годах «Спартак» делал невозможное – выигрывал и чемпионат, и кубок страны. Это было уже слишком.

Берия, расстрелявший Ежова, начинает вплотную заниматься футболом. В юности он сам был футболистом и даже играл за одну из грузинских команд. Он был, как сейчас говорят, фанатом «Динамо».

С этого момента Старостин был обречен. Но он и его братья были слишком популярны, и Хозяин не позволил...

Это случится уже в дни войны, когда всем будет не до футбола.

20 мая 1942 года Старостин проснулся от яркого света. Пистолет в лицо – и крик: «Встать!» Его вывели, втолкнули в машину, отвезли на Лубянку и предъявили показания уже расстрелянного Косарева. Оказывается, глава комсомола на следующем параде физкультурников «готовился ликвидировать руководителей партии и правительства, для чего организовал боевую группу из спортсменов во главе с Николаем Старостиным».

В ту же ночь арестовали и трех его братьев. Все они получают по десять лет лагерей – мягчайший приговор по тем временам.

Так Старостин вступил в Ночную жизнь, о которой старались не говорить и даже не думать.

Ночная жизнь

После полуночи на улицы Москвы выезжали черные машины... Все, что происходило в Ночной жизни, принадлежало только ей и являлось тайной. Если арестовывали в коммунальной квартире, то соседи, несмотря на шум, ни за что не выходили из комнат, а утром, стоя в очереди в туалет или в ванную, прятали глаза от близких исчезнувшего ночью. И те тоже прятали заплаканные глаза. Теперь они были как бы зачумленные... И квартира ждала, как правило, недолго. Вскоре исчезала и семья...

В правительственном «Доме на набережной» не было коммунальных квартир. Здесь проживала новая элита – члены правительства, старые большевики, высшие военачальники, вожди Коминтерна и, наконец, родственники Хозяина – Аллилуевы и Сванидзе.

На высоких дверях великолепных квартир появлялись все новые сургучные печати.

Весь 1937 год шла напряженная Ночная жизнь. Прокуроры подписывали чистые бланки, в которые следователи НКВД могли заносить любые фамилии. Тюремь были переполнены, камер не хватало, но Хозяин решил и эту проблему. Во всех крупных управлениях НКВД с июля начинают работать «тройки». В них входили: местный руководитель НКВД, местный партийный руководитель, местный глава советской власти или прокурор.

«Тройки» имели право выносить смертный приговор, не считаясь с нормами судопроизводства. Подсудимый при решении своей судьбы не присутствовал. И конвейер смерти заработал: суды «троек» занимали 10 минут – и расстрел. Суд над Енукидзе был из самых длинных – 15 минут – и высшая мера. А Хозяин все подстегивал телеграммами: «По установленной практике «тройки» выносят приговоры, являющиеся окончательными. Сталин». Торопил, торопил... По закону еще от 1 декабря 1934 года приговор исполнялся немедленно.

Усердствовали «тройки», чтобы в 1938–1939 годах в полном составе разделить судьбу своих жертв.

Хрущев: «Все, кто входил в эти «тройки», – расстреляны».

Каганович: «Не все».

Хрущев: «Абсолютное большинство». (Из стенограммы пленума ЦК 1957 года.)

Торопясь к монолитному обществу, Хозяин перевел свои жертвы на самообслуживание. Убивал Ягода со своими палачами под одобрение Рудзутака, Эйхе, Чубаря, Постышева и прочих. А потом пришла для них пора исчезнуть под пулями команды Ежова... Но скоро и Ежова он попросит к стенке.

Тысячи высших партийных работников входили в «тройки» и «особые совещания», вершившие приговоры. Но Хозяин хотел, чтобы в истреблении участвовало как можно больше народа. И на тысячах собраний миллионы граждан приветствовали сообщения о расстрелах врагов, ежедневно газеты печатали обращения трудящихся, где они призывали покарать смертью «троцкистско-зиновьевско-бухаринских убийц». В 1937 году он пристегнул к

Ночной жизни новые сотни тысяч: теперь аресты ответственных работников должны были подписываться руководителями их ведомств.

Ирония истории: в 1937 году прошло празднование 20-летия ВЧК – основателя Ночной жизни. Хозяин превратил его в национальное торжество. Поэты воспевали народную любовь к тайной полиции. Славословие шло весь год параллельно... с жесточайшим истреблением самих героев торжества – старых чекистов, сотрудников Ягоды!

Все ночи шли массовые аресты в роскошных домах НКВД. Ночной звонок – разбужен хозяин, и вот уже выводят вчерашнего владыку человеческих судеб из квартиры. Зная возможности своего учреждения, многие чекисты двери не открывали, и в ответ на ночной звонок следовал выстрел в квартире. Застрелился друг Горького – начальник горьковского управления НКВД Погребинский, основатель трудовых коммун для уголовников; за ним последовал знаменитый украинский чекист Козельский... Список можно продолжать без конца.

Были и новаторы в бегстве из Ночной жизни. Московский чекист Ф. Гуров выбросился из окна кабинета. Вскоре выбрасываться из окон стало модным: тот самый Черток (каменевский инквизитор), когда пришли за ним, тотчас прыгнул с балкона 12-го этажа.

Они падали на ночную улицу на глазах у изумленных редких прохожих. Смерть тараканов, мор...

И сколько их повторило вслед за своим шефом: «Бог все-таки есть!»

«Звезды» ночной жизни

Но трогать лучших палачей Ягоды Хозяин Ежову запретил. Пока. Прежде чем исчезнуть, эти выдающиеся инквизиторы были направлены потрудиться в республики. Чекист М. Берман (его брат был начальником ГУЛАГа) долгое время работал в Германии по заданию Коминтерна – готовил революцию. Этот чекист-романтик, ненавидевший Сталина, тем не менее привез из Европы компромат на любимого им Бухарина. Берман входил в группу следователей, готовивших процесс Зиновьева-Каменева, принимал участие в деле Рютина (и в его избиении). В начале 1937 года Хозяин отсылает его в Белоруссию на повышение – наркомом внутренних дел республики. Сознывая надвигавшуюся опасность, он старался: репрессировал 85 000 оппозиционеров и их близких. Но «мавр сделал свое дело», и всемогущий Берман, обладатель тайн кремлевских процессов, отправился на родную Лубянку – уже арестантом. Он особенно усердствовал, уничтожая правых, и Хозяин, как обычно, сохранил юмор: Бермана расстреляли как участника «заговорщической организации правых в НКВД». И этот тоже понял: Бог есть!

Пришла очередь еще одной ночной «звезды»: начальника сталинской охраны Паукера. Он много сделал для укрепления охраны – теперь она напоминала армию. Дорогу до Ближней дачи охраняли более 3000 агентов и автомобильные патрули. Когда машина Хозяина выезжала из Кремля, весь 30-километровый маршрут был как бы на военном положении. В машине рядом с ним, готовясь защитить его грудью, сидел Паукер. По его предложению решением Политбюро Хозяину было запрещено ходить без охраны даже по Кремлю. Что ж, он всегда безропотно подчинялся партийным решениям...

Но шут и лакей Паукер, к сожалению, принадлежал к старой гвардии чекистов. Кроме того, этот хитрец служил всем членам Политбюро, в том числе тем, которые должны были исчезнуть. Он поставлял им автомобили, собак, платья для жен, игрушки для детей – и стал их другом, к несчастью для себя... Затянутый в корсет Паукер с орденом Ленина на груди

еще ездил в подаренном Хозяином «линкольне», а его судьба была уже решена. Он исчез в Ночной жизни тихо и бесследно вслед за своими друзьями – могущественными чекистами времен Дзержинского.

Никого не забыли. Даже ушедшие из органов легендарные деятели Красного террора Петерс и Лацис, а также знаменитые латышские стрелки, верно охранявшие Ленина, – все будут расстреляны.

Отправился в ночь Николай Крыленко, первый большевистский главнокомандующий, а потом грозный прокурор, сам отправлявший на расстрел и дворян, и эсеров, и большевиков. Он сначала потерял пост наркома юстиции, но все должны были знать: Хозяин борется за жизнь верного прокурора, бестрепетно предавшего стольких старых друзей. Посему «добрый Иосиф» с добрыми словами позвонил на дачу, где в страхе жил Крыленко.

Счастливый прокурор начал спать спокойно. В спокойную ночь его и арестовали. Так что и он мог теперь сказать: Бог есть!

Вместо Крыленко Генеральным прокурором стал Вышинский. Опять юмор истории: вчерашний враг большевиков, требовавший в 1917 году ареста Ленина как изменника и немецкого шпиона, ныне обвинял в измене Ленину (и опять-таки в шпионаже) победивших вождей большевистской партии. На этот раз обвинял удачно – все они были казнены.

С каким-то садистским упоением Вышинский осыпал оскорблениями на процессах бывших вождей большевиков: «зловонная кучка человеческих отбросов», «звери в человеческом облике», «выродки рода человеческого», «бешеные псы» и так далее... Карьера

Вышинского в чем-то объясняет этот кровавый пафос и всю его зловещую фигуру.

Меньшевик Вышинский в 1920 году стал большевиком, ибо только вступив в ряды большевиков, мог сделать карьеру молодой честолюбец. Орлов рассказывал, как работал с ним в прокуратуре еще в 20-е годы. Ненавидевший Вышинского, он с удовольствием описал ту атмосферу презрения, которой окружили бывшего меньшевика его тогдашние коллеги – старые большевики. Они презирали в нем все – даже его «вежливые манеры, напоминавшие царского офицера». Между тем, как признает Орлов, Вышинский был «одним из способнейших и блестяще подготовленных прокуроров»...

Все те годы бывшему меньшевику пришлось жить под дамокловым мечом исключения из партии. Орлов вспоминал, как Вышинский рыдал в кабинете, когда над ним нависла очередная угроза потерять партбилет: исключение из партии означало конец карьеры, а порой и жизни. Так что можно представить его ненависть к старым большевикам и весь тот ад, что созрел в душе этого честолюбца. Хозяин сумел найти нужного человека на нужное место.

Забавно: в своих воспоминаниях Орлов противопоставляет «честного старого большевика, ленинского прокурора» Крыленко беспринципному карьеристу, прокурору сталинского времени Вышинскому. Забыл бывший генерал НКВД, что все открытые процессы 20-х годов – «шахтинское дело», «процесс Промпартии», – закончившиеся расстрелами и тюрьмой для невинных, провели рука об руку председатель суда Вышинский и главный обвинитель прокурор Крыленко. У тех же старых большевиков учился Вышинский презрению к человеческой жизни.

При этом грозный прокурор продолжал жить в мучительном страхе. Он знал: не сумеет угодить Хозяину – и тот сразу вспомнит о его прошлом.

Все вокруг напоминало о возможной гибели. Даже дача, на которой жил Вышинский, раньше принадлежала одному из отправленных Хозяином на смерть – соратнику Ленина

Серебрякову. И потому Вышинский служил Хозяину рабски, как пес.

Хозяин поручил ему сформулировать новые принципы большевистского судопроизводства. Еще Дзержинский в 1918 году говорил: «Какой аргумент может быть лучше признания подсудимого!» Для полуграмотной России, не имевшей привычки к главенству законов, принцип «ведь он же сам сознался» был абсолютно убедительным. Хозяин отлично это понимал – на этом «народном принципе» строились все его открытые процессы.

Идеи Хозяина Вышинский научно изложил в своих многочисленных сочинениях. «Признание обвиняемого и есть царица доказательств» – так сформулировал он основной принцип судопроизводства страны социализма.

Весь 1937 год уничтожали старых революционеров, тех, кто сотворил обе революции, – левых и правых эсеров, стариков-народовольцев, анархистов. Камеры объединили непримиримых врагов: меньшевиков, большевиков, эсеров и уцелевших аристократов. Столько лет они боролись друг с другом – чтобы встретиться в одной тюрьме. Рассказывали про полубезумного кадета, который катался от хохота по полу камеры, глядя на этот Ноев ковчег революции... Всех их успокоила ночная пуля.

Было ликвидировано знаменитое «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», вокруг которого группировались старые большевики, и журнал «Каторга и ссылка». Членам «Общества» и сотрудникам журнала предоставилась возможность познать ссылку и каторгу в основанном ими государстве. И сравнить с царскими...

Бьет ключом Ночная жизнь. Всю ночь беспрерывно трудится лифт в «Доме на набережной». Арестованы наркомы: тяжелой промышленности, финансов, земледелия (двое), торговли, связи, военной промышленности, юстиции, просвещения, все правление Госбанка... Молотов потерял всех своих заместителей в правительстве, Каганович – всех руководителей железных дорог... Пустые кабинеты в наркоматах: обрывки бумаги на полу, выданные таблички... На ответственные должности назначаются молодые люди.

Был арестован Ян Рудзутак, исполнявший многие высшие партийные должности. Несмотря на пытки, он не оболгал себя и требовал свидания с членами Политбюро. Что ж, Хозяин это требование удовлетворил – отправил к избитому Рудзутаку членов Политбюро во главе с Молотовым.

– Рудзутак ни в чем себя не признал виновным, – вспоминал Молотов. – Показал характер... жаловался на чекистов... говорил, что его очень били, здорово мучили.

– Неужели вы не могли за него заступиться, ведь вы его хорошо знали? – спросил его поэт Чуев.

– Нельзя было по личным только впечатлениям. У них материалы... Он был моим замом, по работе со мной встречался, хороший, умный... но вместе с тем... с кем-то там путается, черт его знает, с женщинами... я за него не мог поручиться вполне. Дружил он с Антиповым и Чубарем. Чубаря мы допрашивали, он был тоже моим замом... С Рыковым был связан личными отношениями. На него показал Антипов, другой мой заместитель и член ЦК.

(Все они погибли – и донесший Антипов, и Чубарь, на которого донесли.)

– А Сталину доложили?

– Доложили...

И наверняка как нужно доложили. Борясь за свою жизнь, из кожи лезли вон, осуждая бывшего товарища. За этим их и послал Хозяин.

«Черт с ними – откажись!»

Погибнет и еще один партийный начальник – кандидат в члены Политбюро Павел Постышев, который бывал столь «очаровательно весел» и так удачно «плясал с Молотовым» на дне рождения «бесконечно доброго Иосифа», как писала в своем дневнике Мария Сванидзе.

О последних днях Постышева стало известно недавно из воспоминаний его сына. Они дают возможность представить то, что переживали накануне гибели бывшие кремлевские владыки.

50-летний Постышев, руководитель компартии Украины, поддерживал Сталина в борьбе со всеми оппозициями. Но к сожалению, он – в партии с 1904 года, связан со всеми уходящими старыми большевиками, и оттого сам должен был уйти в Ночную жизнь.

В 1937 году были организованы письма украинских партийцев в ЦК, где сообщалось о «нездоровой обстановке в партии», «зазнайстве Постышева». Его убирают с Украины и отправляют руководить Куйбышевской областью. Здесь он старается, усердно служит, но...

Не понимал старый большевик Постышев: никакое кровавое усердие его уже не спасет. И когда Хозяин решил: пора – именно это усердие было поставлено Постышеву в вину.

В январе 1938 года во время пленума ЦК на трибуну выпустили подчиненного Постышева – второго секретаря Куйбышевского обкома Игнатова. Его речь, обличающая Постышева, дает представление о кровавом безумии тех дней:

«У товарища Постышева появился стиль... он везде и всюду начал кричать, что нигде нет порядочных людей, что много врагов... Часто Постышев вызывал к себе представителей райкомов, брал лупу и начинал рассматривать ученические тетради. У всех тетрадней оборвали обложки, потому что на обложке в орнаменте Постышев разглядел фашистскую свастику! Все секретари горкомов и райкомов вооружились лупами. Постышев распустил 30 райкомов, члены которых были объявлены врагами народа».

Постышев каялся, но был обвинен «в политически вредных и явно провокационных действиях». Сам Хозяин подытожил на пленуме: «Надо какие-либо меры принять в отношении товарища Постышева. И мнение у нас сложилось такое, что следует вывести его из состава кандидатов в члены Политбюро».

На место Постышева (и в Политбюро, и на Украину) Хозяин поставил нового выдвиженца – Никиту Хрущева.

Наступили дни полного одиночества. И ожидания. В эти дни Постышев понял, что испытывали недавние его жертвы – все эти безымянные секретари райкомов, Каменев, Бухарин, Зиновьев...

Видимо, в это время его вызывают в Комиссию партконтроля и представляют сведения о деятельности жены, которая когда-то была «инициатором сборищ сторонников Бухарина на квартире Постышева»... Итак, он должен предать жену. Но он сохранил в себе человеческое и защищает ее. Постышева исключают из партии, и опять – ожидание... За былые заслуги Хозяин дает ему право избежать будущих страданий. «Они хотят, чтобы я сам покончил с собой – застрелился. Но я им в этом не помощник», – сказал Постышев сыну.

21 февраля 1938 года его сын, летчик-испытатель, приехал к родителям.

«Видишь ли, эта наша встреча, скорее всего, последняя. Больше мы никогда не увидимся. Нас с матерью арестуют, а оттуда возврата не будет... Мои доброжелатели считают, что я сделал ошибку, что мне... не надо было противиться аресту твоей матери да и некоторым другим арестам. Но человек, который ради своего спасения отдает на гибель другого, ни в чем не повинного честного большевика, не может оставаться... в рядах партии».

Так говорил Постышев, которому пришлось «отдать» многих. Несчастный хотел, чтобы сын запомнил его таким! Но тогда мать...

«Моя мать, молча слушавшая этот длинный монолог, тихонько сказала: «Если тебя будут заставлять отказаться от нас, то черт с ними – откажись! Мы за это в обиде на тебя не будем...» Только тут глянул я в ее полные слез глаза... «Да как ты можешь такое говорить», – только и смог я сказать».

Их арестовали следующей ночью.

Постышев сказал: «Я готов». И пошел как был, в тапочках вместо ботинок. Он, жена, старший сын были расстреляны. Автор воспоминаний (младший сын) получил десять лет.

Пришла очередь и легендарного Дыбенко. Участник первого советского правительства, а ныне командарм все делал, как велел Хозяин: безропотно участвовал в суде над друзьями-военачальниками, преданно выявлял вредителей, но... его обвинили в том, что он – американский шпион. Полуграмотный командарм оправдывался, как умел: «Я американским языком не владею... Товарищ Сталин, умоляю вас дорасследовать...» Но все было кончено. Не понимал ситуации герой революции, превратившийся в трусливого, сильно выпивающего немолодого «боярина». Уходил не он – Хозяин отправлял в небытие весь его мир. Отправились в Ночную жизнь маршалы Егоров и Блюхер, имевшие несчастье принадлежать к тому же миру...

Пощадил он двоих – Ворошилова и Буденного. Впрочем, у Буденного возникли большие проблемы: в июле 1937 года Ежов сообщил маршалу, что его жена, певица Большого театра, должна быть арестована. Обвинения против нее были в духе того безумного времени: жену маршала обвиняли в том, что она ходила в иностранные посольства и оттого «есть подозрения, что она стала шпионкой».

Буденный знал, как себя вести. Право на жизнь можно было попытаться заслужить лишь одним... И бесстрашный конник, полный Георгиевский кавалер, участник всех войн с начала века сам отвез жену на Лубянку, откуда ее более не выпустили. И Буденный молчал – «черт с ними», – как молчал до этого, отдавая на расстрел армейских товарищей... Только после смерти Сталина он напишет письмо в прокуратуру с просьбой о реабилитации жены, где изложит всю вздорность дела. Она вернется и расскажет, как ее насиловали в лагере. Буденный объявит ее рассказы безумием.

Кипит Ночная жизнь – до рассвета выявляют врагов.

Щаденко, член «Особой комиссии по ликвидации последствий вредительства в войсках Киевского военного округа», написал письмо жене: «18 июля 1937. Милая, родная Марусенька. Пишу тебе из древней русской столицы Киева. Работы так много, что раньше 2–3 часов ночи не выбираюсь из штаба. Вредительская сволочь целыми годами гадила, а нам надо в недели, максимум в месяц, не только ликвидировать все последствия, но и быстро двигаться вперед...»

В тот месяц Щаденко лично отправил на смерть десятки тысяч.

Хозяин неутомимо трудится – просматривает бесконечные списки с предполагаемыми приговорами бывшим руководителям страны и знаменитым людям искусства. Они аккуратно

посылаются Ежовым в ЦК партии на утверждение. Все партийные законы Хозяин старательно соблюдает – списки рассматривает коллегиально, подписывает вместе с соратниками, чаще всего с Молотовым.

Он не устает читать тысячи имен, иногда даже комментирует. У него особая память: «Тов. Ежов. Обратите внимание на стр. 9—11. О Варданьяне. Он сейчас секретарь Таганрогского райкома. Он несомненно скрытый троцкист».

«Обратили внимание» – Варданьян исчез... Хозяин помнил своих врагов – всех помнил.

Но, жестко подгоняя репрессии, он старается оставаться обманутым Отелло. Ежов должен все время передавать ему доказательства предательства старых партийцев, а его роль – упираться, удивляться подлости людей, требовать проверки. Но попробуй Ежов проверить... В одной из записок он, сообщив об аресте очередной группы руководителей, написал: «Сведения о другой группе подозреваемых проверяются». И тотчас – резолюция-окрик Хозяина: «Не проверять, арестовывать нужно».

В законность может играть только он – Хозяин. Слуга Ежов должен выполнять: быстро и споро уничтожать старую партию. И Ежов трудится... 12 ноября 1938 года он на клочках грязной бумаги (нет времени – расстрелы идут днем и ночью) торопливо пишет: «Товарищу Сталину. Посылаю списки арестованных, подлежащих суду по первой категории» (расстрел). И резолюция: «За расстрел всех 3167 человек. Сталин, Молотов».

Подпись Хозяина на 366 списках – это 44 тысячи человек.

Редко, но он вычеркивал людей из страшных списков. Так он вычеркнул Пастернака, Шолохова – еще пригодятся в Хозяйстве. Он работал без усталости, разгоняя маховик репрессий.

На июньском пленуме 1937 года были арестованы 18 членов ЦК. Они покорно пошли на плаху – и перед смертью дружно славили Вождя. Столь усердствовавший в репрессиях Рудольф Эйхе, признав все ложные обвинения, умер с криком: «Да здравствует Сталин!»... Объявленный немецким шпионом Якир написал в последнем письме: «Родной, близкий товарищ Сталин! Я умираю со словами любви к вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма».

На этом объяснении в любви Хозяин, играя в ярость Отелло, переживающего измену очередного Яго, написал: «Подлец и проститутка. Сталин». После чего отправил письмо соратникам... «Совершенно точное определение. Молотов». «Мерзавцу, сволочи и бляди – одна кара: смертная казнь. Каганович».

Кагановичу пришлось особенно усердствовать – Якир был его другом.

В крови рождалось безумие

В начале 1938 года в Большом театре готовили правительственный концерт. Шла ночная репетиция.

А. Рыбин, переведенный из охраны Сталина в Большой театр охранять правительственную ложу, рассказывает: «Накануне концерта была арестована половина начальников правительственной охраны в театре...» Во время ночной репетиции Рыбин прилег немного подремать, и... «Проснулся – и вторая половина моего начальства уже за решеткой. Так за одну ночь я стал военным комендантом Большого театра», – не без гордости вспоминал он.

Безумие стало бытом. Рядовые работники НКВД, видящие гибель товарищей, поверили: чтобы уцелеть – нужно усердствовать. И они старались: шпионов находили даже среди детей и в самых неожиданных для шпионажа профессиях. Например, в Ленинграде арестовали всех знаменитых астрономов – почти всю Пулковскую обсерваторию.

Был взят и блестящий молодой астроном Николай Козырев. Но и в страшной Дмитровской тюрьме, и в вагоне для скота, который вез его в лагерь, Козырев продолжал работать – размышлял... о вулканах на Луне!

Козырев был отправлен в ад – в лагеря Туруханского края, где когда-то отбывал ссылку сам Коба. Но и в этом аду он продолжал думать. Как-то в ночной беседе с другим зеком-интеллектуалом он объявил, что никак не согласен с Энгельсом, утверждавшим, что «Ньютон – индуктивный осел». К сожалению, интеллектуал оказался стукачом. Козырев был вызван к начальству и после короткого идеологического диспута приговорен к расстрелу за недоверие к классику марксизма. Но у расстрельной команды было тогда слишком много работы. Козырева

поставили в очередь на смерть. Пока он ждал, Москва отменила приказ, ограничившись новым сроком. И Козырев продолжил размышлять о вулканах на Луне.

Он выжил, и после освобождения именно эта работа принесла ему славу.

А на воле с астрономами произошел анекдотический и страшный случай.

В это время Хозяин окончательно поменял день на ночь. Теперь он работал ночью – и вместе с ним не спали начальники всех учреждений. И вот глубокой ночью в Московский планетарий позвонили с Ближней дачи. Там шло полуночное застолье у Хозяина, во время которого товарищи Молотов и Каганович поспорили. Молотов утверждал, что звезда над дачей – это Орион, Каганович назвал ее Кассиопеей. Хозяин велел позвонить в планетарий. К сожалению, бодрствовавший директор планетария был не астрономом, но офицером НКВД (директора-астронома давно арестовали). Он попросил немного времени, чтобы узнать о звезде у оставшихся астрономов.

Чтобы не обсуждать по телефону столь ответственный вопрос, директор велел немедленно привезти в планетарий известного астронома А. Но с ним получился конфуз. Он был другом недавно арестованного ленинградского астронома Нумерова и поэтому по ночам теперь не спал – ждал. И когда за окном услышал звук подъехавшей машины, понял – конец.

Потом в дверь позвонили – страшно, требовательно позвонили... Он пошел открывать и умер на пороге от разрыва сердца. Пришлось отправлять машину ко второй оставшейся знаменитости.

Астроном Б. был ближайшим другом того же Нумерова. Звук подъехавшей машины он услышал в половине третьего – это был тот час. В окно он увидел черную машину – ту самую. И когда в его дверь позвонили, он уже принял решение и, открыв окно, полетел к любимым звездам. Правда, не вверх, а вниз...

Только в пять утра, потеряв к тому времени еще одного астронома, директор узнал название звезды и позвонил на дачу:

– Передайте товарищам Молотову и Кагановичу...

– Некому передавать – все спать давно ушли, – ответил дежурный.

Эту историю, весело смеясь, мне рассказал писатель Каплер, отсидевший несколько лет в лагерях за любовь к сталинской дочери.

Множество людей пишут доносы друг на друга подчас просто из страха – чтобы зафиксировать лояльность, не попасть в Ночную жизнь. Доносительство объявляется синонимом гражданственности. Выступая в Большом театре на торжественном заседании, посвященном 20-летию ВЧК, Микоян сформулировал: «У нас каждый трудящийся – работник НКВД».

Именно в это время обсуждается идея – установить на Красной площади памятник Павлику Морозову, донесшему на отца-кулака. Но бывший семинарист помнил историю о Хаме – видимо, оттого ограничился установкой памятника во всех парках. Скульптур Павлика потребовалось великое множество, и все кончилось очередным трагифарсом: скульптора Викторию Соломонович, которая на них специализировалась, подвел каркас, и один из гипсовых Морозовых обрушился на бедную женщину и убил ее гипсовым горном.

Ночное безумие...

«Нам известны факты, когда вражья рука в обыкновенный снимок тонко врисовывала портреты врагов народа, которые отчетливо видны, если газету или снимок попытаться внимательно просматривать со всех сторон», – писал журнал «Большевик» в августе 1937 года.

По всем областям секретари партийных организаций вооружились лупами – и было много достижений. К примеру, на Ивановском текстильном комбинате секретарь парткома забраковал годами выпускаемую ткань, потому что «через лупу обнаружил в рисунке свастику и японскую каску».

Так что повсюду Хозяин мог видеть одно похвальное рвение.

Приносящие свои головы

Одновременно он чистил границу. Там было главное осиное гнездо – туда он прежде направлял оппозиционеров, выключая их из политической борьбы. Теперь он захотел вернуть их обратно.

И конечно, он не мог не разгромить разведку, так тесно связанную с дипломатами и Коминтерном. Разведка формировалась в период владычества Зиновьева – Бухарина в Коминтерне и Ягоды в НКВД. Как на них полагаться? Как доверять? Так что они должны были исчезнуть.

Действуют одинаково: вызывают людей в Москву на повышение. Те не верят. Но надеются. И едут.

Антонов-Овсеенко вызван из Испании для назначения наркомом юстиции (и назначают, чтобы успокоить коллег за границей). Лев Карахан вызван из Турции, ему предлагается должность посла в Вашингтоне. Оба были арестованы и расстреляны в Москве.

Сокамерник Антонова вспоминал: «Когда его вызвали на расстрел, Антонов стал прощаться с нами, снял пиджак, ботинки, отдал нам и полураздетый ушел на расстрел».

21 год назад, в шляпе набекрень, с волосами до плеч, он объявил низложенным Временное правительство. Теперь его босого вели к расстрельной камере.

Карахана расстреливали в славной компании «немецких шпионов». Вместе с ним, бывшим послом, бывшим заместителем наркома, пошел на расстрел и бывший секретарь ВЦИК Авель

Енукидзе. Оба пожилых красавца были весьма равнодушны к балету, а точнее – к балеринам. Имена Карахана и Енукидзе часто объединялись в эротических рассказах о жизни придворного Большого театра. Так что, объединив их в смерти, «добрый Иосиф» был настроен шутливо.

Их расстреляли в декабрьскую ночь накануне дня рождения Хозяина, на котором так часто веселился его друг Енукидзе.

Весь 1937 год продолжалось истребление дипломатов и разведчиков. Отравили главу разведки Слуцкого и устроили ему пышные похороны, чтобы не пугать сотрудников. И отзывали, отзывали резидентов... По возвращении они тотчас получали назначение в новую страну, о чем и успевали сообщить коллегам за рубежом. Перед новым назначением им давали заслуженный отпуск. Они уезжали отдохнуть в роскошный санаторий, вернувшись, получали документы для новой работы. Их провожали друзья на вокзале. Поцелуи, прощание. На первой же станции в их купе входили...

Слухи об уничтожении коллег докатывались до резидентов, и все-таки они продолжали покорно возвращаться. Отказались вернуться считанные единицы.

В 1937 году два кадровых советских разведчика – Рейсс и Кривицкий – стали невозвращенцами. Вскоре к ним прибавился уже неоднократно упоминавшийся нами генерал Александр Орлов (настоящее имя – Лев Фельдбин).

Во второй половине 20-х годов он руководил резидентурой в Париже, в 1933–1935 годах действовал в Германии, Австрии, Швейцарии. В 1936 году – в период открытых процессов – был отправлен в Испанию, где шла кровавая Гражданская война. Хозяин не только посылал в Испанию советское вооружение, он наводнил республиканскую армию своими военными советниками, подлинными и мнимыми – агентами НКВД. Из Испании сталинские шпионы расползались по Европе, вербовали новых агентов.

Орлова назначили заместителем Главного военного советника республиканской армии. Его официальной задачей было организовать разведку, контрразведку и партизанскую войну в тылу Франко.

Но была и неофициальная. Как рассказал в своей книге воспоминаний генерал НКВД Судоплатов, Сталин в Испании осуществлял еще одну тайную цель – расправиться со сторонниками Троцкого, съехавшимися со всего мира сражаться за испанскую революцию. Хозяин устроил там кровавую охоту: агенты НКВД и верные коминтерновцы обвиняли троцкистов в шпионаже и беспощадно расстреливали. Так что пришлось Орлову участвовать и в этой «войне между коммунистами», как назвал ее Судоплатов.

Но главной заслугой Орлова стала другая, сверхсекретная миссия. Когда силы Франко приблизились к Мадриду, Орлов получил зашифрованную телеграмму от «Ивана Васильевича» (так иногда подписывался Сталин в секретных телеграммах – именем своего любимого героя, царя Ивана Грозного). Орлову было приказано уговорить правительство Испанской республики вывезти в СССР золотой запас, и ему это удалось. Золото хранилось в приморском городке Картахена, в пещере. До конца своих дней Орлов помнил, как, войдя в пещеру, увидел гору ящиков – 600 тонн золота...

Хозяин потребовал, чтобы при вывозе золота не осталось никаких «русских следов», так что Орлову стало понятно: Сталин не собирался когда-либо его возвращать. Видимо, бережливый Хозяин считал это золото справедливой платой за помощь в войне.

Орлов вывез испанское золото под именем Блэкстона – представителя Национального банка США.

Все это время он внимательно читал в «Правде» отчеты о московских процессах и понял: шло уничтожение ленинской партии. Так что ему – старому большевику, работавшему в ГПУ с 1924 года, нетрудно было предвидеть собственную судьбу. И когда в 1938 году Орлов получил срочный вызов на некое секретное совещание на советском теплоходе, он не сомневался: его час наступил. И вслед за Рейссом и Кривицким остался на Западе. Зная, как беспощадно карал Хозяин перебежчиков, Орлов написал письмо, где предложил ему сделку: если Сталин не предпримет попыток расправиться с ним или его близкими, он обязуется молчать обо всем, что знает. Хозяин не ответил, но Орлов остался жить. И только после смерти Сталина опубликовал свою книгу о тайнах НКВД, которую мы так часто цитируем.

Отказался вернуться и посол в Болгарии – знаменитый Федор Раскольников. Впоследствии он опишет, как, посетив в 1936 году кремлевскую столовую, был поражен необычайной молчаливостью высокопоставленных посетителей: партийные функционеры буквально боялись раскрыть рот, боялись друг друга, страх парализовал всех...

Впрочем, весьма молчалив был в то время и сам Раскольников. В своих воспоминаниях его жена М. Каневез описывает, как, проснувшись среди ночи, часто находила Раскольникова сидевшим, сгорбившись, у радиоприемника – он слушал сообщения о процессах.

Он отлично понимал, что все происходящее там – чудовищная ложь. Например, он знал, что Пятаков, который рассказывал на процессе о своей встрече с Троцким в Норвегии, на самом деле был в это время в Германии и, как пишет жена Раскольникова, обедал в одной компании с ее мужем. Но Раскольников молчал и мучился, пока не нашел свою книгу «Кронштадт и Питер в 1917 году» в списке запрещенных, и понял: пришел его час.

Только тогда он заговорил и написал «Открытое письмо Сталину», в котором были такие строки: «Над порталом собора Парижской Богоматери есть статуя святого Дениса, который смиренно несет собственную голову». Раскольников отказался следовать примеру святого Дениса – остался на Западе.

«Вы культивируете власть без честности, социализм без любви к человеку... Вы сковали страну жутким страхом... С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие своей вздорностью обвинения, знакомые вам по семинарским учебникам, – средневековые процессы ведьм...» – обличал Раскольников Сталина.

Хозяин мог только усмехаться, читая это письмо, ибо где была «любовь к человеку», когда в Кронштадте матросы под водительством молодого мичмана Раскольникова убивали своих офицеров? И не только «средневековые процессы ведьм» напоминали сталинские судилища, но и, например, процесс правых эсеров в 1922 году, где по требованию Ленина приговорили к смерти 11 невиновных. Его проводил прокурор Крыленко – добрый знакомый Раскольникова...

Как и прочие невозвращенцы, Раскольников был объявлен вне закона. Для исполнения приговоров в НКВД создали «подвижные группы».

Уже в сентябре 1937 года невозвращенец Рейсс был зверски убит в Швейцарии.

В 1939 году умер в Ницце Раскольников, официально – от болезни, хотя тотчас возникла версия убийства. Не мог же Хозяин оставить без ответа дерзкое письмо!

В феврале 1941 года еще одного невозвращенца – Кривицкого – нашли в номере вашингтонского отеля в луже крови, рядом валялся пистолет. Полиция объявила случившееся самоубийством, но адвокат Кривицкого Ральф Вальдман остался уверен: это было убийство.

Чистка «Вавилонской башни»

В 1937 году Хозяин должен был уничтожить и старый Коминтерн, неразрывно связанный со всеми его расстрелянными врагами. Как всегда, он играл длинные шахматные партии. Уже тогда он думал о резком изменении внешней политики, о союзе с Гитлером. Мог ли он быть уверен, что такой поворот будет покорно встречен Коминтерном, яростно боровшимся с фашизмом? Начиная чистку, Хозяин задумал создать международную организацию, где сама мысль о дискуссии по поводу его решений должна будет казаться кощунственной. Только с таким Коминтерном он мог осуществить Великую мечту.

Все необходимые церемонии были соблюдены: истребление Коминтерна Хозяин начинает по сигналу... его главы. Георгий Димитров пишет письмо в ЦК: «Руководством Коминтерна была проведена проверка всего аппарата, и в итоге около 100 человек уволены как лица, не имеющие достаточного политического доверия... Ряд секций Коминтерна оказались целиком в руках врага».

С врагом тотчас начинают бороться – Коминтерн становится ареной действий НКВД. Уже в первой половине 1937 года следуют бесконечные аресты членов германской, испанской, югославской, венгерской, польской, австрийской, эстонской, латвийской, литовской и прочих компартий.

Знаменитый Бела Кун, лидер погибшей Венгерской республики, близкий к Зиновьеву и Троцкому, весной 1937 года вызван на заседание Исполкома Коминтерна. За столом сидели главы западных компартий: Тольятти, Пик, Торез. Секретарь Исполкома Мануильский объявил, что по представленным НКВД сведениям Бела Кун с 1923 года завербован румынской разведкой. И никто из них – давних знакомцев Куна – не объявил это безумием, не выразил протеста, не потребовал доказательств... Так они выдержали экзамен на право остаться в живых и работать в новом Коминтерне.

Куна уже ждала у подъезда машина НКВД... За расстрелянным лидером последовали 12 бывших комиссаров Венгерской республики.

Теперь каждый день Димитрову приходилось доказывать свое право на жизнь – и доказывал, санкционировал аресты своих сподвижников по болгарской компартии, а в ответ на протесты только беспомощно пожимал плечами, объяснял: «Это не в моей власти, все в руках НКВД». После чего Ежов, по его собственным словам, «ликвидировал болгар, как кроликов»...

Фриц Платтен – основатель компартии Швейцарии, организовавший прибытие Ленина и его сподвижников в Россию, – умер в лагерях. Из 11 лидеров компартии Монголии остался один Чойбалсан. Уничтожены руководители компартий Индии, Кореи, Мексики, Турции, Ирана. Из руководства германской компартии уцелели лишь Пик и Ульбрихт. Ежов заявил: «Не будет преувеличением сказать, что каждый немецкий гражданин, живущий за границей, – агент гестапо».

Большая группа немецких коммунистов была выдана Гитлеру. Ирония истории: многие из них выжили в фашистских лагерях, а за колючей проволокой в стране социализма погибли все. Отбыли в Ночную жизнь итальянские коммунисты, арестован был зять Тольятти, чтобы старался итальянский генсек... И он старался.

Леопольд Треппер, еврейский коммунист, впоследствии знаменитый советский разведчик, описывал коминтерновский быт в те дни: «В нашем общежитии, где были партийные активисты из всех стран, не спали до трех ночи. С замиранием сердца ждали. Ровно в три свет автомобильных фар пронзал тьму и скользил по фасадам домов... живот сводило от безумного страха, мы стояли у окна и ждали, где остановится машина НКВД... и поняв, что

едут к другому концу здания, обретали успокоение до следующего вечера».

Беспощадно расправились и с друзьями Треппера – еврейскими коммунистами. Один за другим ликвидированы все руководители палестинской компартии. Эфраим Лещинский, член ее ЦК, которого зверски избивали, чтобы он сознался и назвал соучастников по шпионажу, сошел с ума, бился головой об стенку и выкрикивал: «Какое имя я еще забыл? Какое имя я еще забыл?»

Даниэль Авербах, один из организаторов палестинской компартии, в 1937 году был в СССР, в Коминтерне. «Уже погибли его сын, брат, – пишет Треппер, – а за ним все не приезжали. Он сходил с ума от жуткого ожидания. Брат его жены бегал по квартире и кричал: «Боже мой! Узнаем ли мы когда-нибудь, за что нас хотят арестовать?»

Много лет спустя, уже в хрущевское время, Треппер встретил жену Авербаха. Старуха прижимала к груди поношенную сумку. В ней были сокровища, пронесенные ею через все беды, – семейные фотографии.

Она сказала: «Мой муж, мои сыновья, брат и деверь – все были арестованы и убиты. Одна я уцелела. Но я, знаете ли, несмотря ни на что, верю в коммунизм».

Несмотря ни на что, продолжал служить СССР и сам Треппер. Он возмущался молчанием западных коммунистических лидеров, но объяснял свое собственное молчание так: «Что мы могли сделать? Отказаться от борьбы за социализм? Но мы этому посвятили всю свою жизнь. Протестовать, вмешиваться? Но мы помнили ответ Димитрова несчастным болгарам».

Хозяин знал эти рассуждения. Он правильно оценил их. Всех. И играючи разрушил старую «Вавилонскую башню».

Один за другим исчезали коминтерновцы. Хозяин оставил лишь тех, кто сумел сдать экзамен на послушного раба. Исчез глава югославской компартии Горкич, его предал Иосип Тито, будущий президент Югославии. В письме Димитрову Тито писал: «Его в стране никто не знает, кроме нескольких интеллигентов. Его случай (так стыдливо он называет арест Горкича.

– Э.Р.) не будет иметь каких-либо серьезных последствий для партии».

В 1938 году Тито приехал в Москву – тогда же были арестованы 800 видных югославских коммунистов. В долгих беседах Димитров проверял лояльность Тито. В тот приезд ему пришлось предать не только друзей, но и бывшую жену – ее арестовали как агента гестапо. Тито пишет объяснительную записку Хозяину, хранившуюся в бывшем Партархиве: «Я думал, что она проверенная, потому что она была дочерью бедного рабочего и потом женой видного деятеля германского комсомола, приговоренного к 15 годам каторги... Считаю, что я был здесь недостаточно бдителен... – и это является в моей жизни большим пятном. Я думаю, что разные вредители нашей партии могут это использовать против меня, и с этим надо считаться».

Тито зря беспокоился: отдав без колебаний близкого человека, он выдержал экзамен – как и Куусинен, Тольятти, Калинин, Молотов, Буденный и другие, которые безропотно отдавали своих близких. Тито был открыт путь в генсеки. И когда осенью 1939 года после многолетнего заключения приехал в Москву легендарный югославский коммунист Милетич, Хозяин предпочел проверенного Тито. Герой и мученик Милетич исчез в подвалах НКВД.

Родился новый Коминтерн, вымуштрованный, абсолютно послушный. В 1939 году он одобрит пакт Сталина с Гитлером и покорно самоуничтожится, когда это потребуется Хозяину.

Рабы XX века

Безумие террора, когда после ареста очередного «врага народа» арестовывали всех его знакомых и родственников, когда брали за неудачно сказанное слово или опечатку в газете, когда рассматривали в лупу рисунок тканей, имело, конечно же, прагматический смысл. Все это создавало величественный костер Страх, и каждый арест подбрасывал свою жалкую щепочку в таинственный ночной огонь, который должен был гореть постоянно. Только постоянный Страх давал стабильность стране и строю. И будущий крах коммунистической Империи это подтвердил.

Хозяин должен был неотрывно следить за динамикой Священного огня – чтобы костер разгорался, но все-таки не сжег страну дотла.

Террор, направленный против партии, мгновенно стал массовым. Семьи «врагов народа», их знакомые, знакомые их знакомых – бесконечные цепочки людей, превращавшихся в заключенных.

Переброшенный в армию, массовый террор отправил в лагеря тысячи физически крепких людей. Гигантская масса даровой рабочей силы, о которой когда-то мечтал Троцкий, оказалась в распоряжении Хозяина. Террор уже решал не только политические, но и экономические задачи – стало возможно дешево осуществлять самые невозможные проекты. Сталинские заключенные построили великие каналы, проложили дороги в непроходимых местах, воздвигли заводы за Полярным кругом... В конце 30-х годов они добывают значительную часть медной руды, золота, угля, древесины. Артерии советской индустрии все больше наполняются этой тайной кровью – даровой рабочей силой. И теперь перед началом крупных строек органы НКВД получают открытые указания – сколько надобно арестовать человек.

Хозяин устанавливает беспощадный порядок, лично следит, чтобы те, кому он повелел быть в Ночной жизни, неумолимо двигали страну к Великой мечте...

Быт его лагерей... На Колыме, в этом забытом Богом краю болот и вечной мерзлоты, зверствовал некто Гаранин. Он строил больных «отказчиков» от работы и, обходя строй, расстреливал их в упор. Сзади шли охранники, меняя ему пистолеты. Трупы складывали у ворот лагеря – срубом. Отправляющимся на работу бригадам говорили: «То же будет и с вами за отказ...»

Я не буду описывать лагерный ад – об ужасах ГУЛАГа написаны тома. Берега наших каналов усеяны могилами безымянных заключенных-строителей. Сколько лет прошло, но во время паводков вода размывает очередные братские могилы, и кости являются и являются к нам из земли...

Хозяин высоко ценил труд рабов страны социализма. 25 августа 1938 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на работах в лагерях. Но Хозяин заявил: «Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы? С точки зрения государственного хозяйства

это плохо. Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие».

И в 1939 году был утвержден указ: «Осужденные, отбывающие наказание в лагерях НКВД, должны отбыть свой срок полностью».

Лучшие остались – погибать.

Аресты научной и технической интеллигенции были частью той же проблемы – даровой рабочей силы. И здесь был выработан особый план. Частично о нем рассказывает Молотов. На вопрос: «Почему были арестованы блистательные инженеры Туполев, Стечкин, Королев?» – он ответил так: «Много болтали лишнего... Туполев из той части интеллигенции, которая очень нужна советской власти. Но в душе они против, они дышали этим, и вот найден способ, как этим делом овладеть. Туполевых посадили за решетку, чекистам приказали: обеспечивайте их самыми лучшими условиями. Кормите пирожными, но не выпускайте. Пускай работают, конструируют нужные стране вещи – военные».

В рассказе Молотова прослеживаются черты этого фантастического плана. Его логика: интеллигенты в душе всегда против советской власти и поэтому могут легко быть втянуты в антисоветскую деятельность, за что подвергнутся уничтожению. Отсюда вывод: лучших нужно изолировать... ради их же блага. В изоляции им следует предоставить все условия для работы: еду, книги и даже свидания с женщинами. Соединение интеллектуалов в коллектив создаст благоприятную почву для их работы и облегчит контроль за ними. Но главное – изоляция даст необходимую секретность, что очень важно для военных целей.

Хозяин готовился к осуществлению Великой мечты и оттого хотел, чтобы над военными целями день и ночь, ни на что не отвлекаясь, под жестким контролем трудились лучшие умы. Так были придуманы «шарашки» – институты, где работали арестованные ученые. В них постепенно должно было оказаться большинство выдающихся технических умов. Интеллигенция уже переселялась в тюремные институты, но первая реабилитация (когда, демонстрируя борьбу с беззаконием, Хозяин решит выпустить ряд ученых), а потом война – разрушили глобальность замысла. Впрочем, после войны он будет активно к нему возвращаться.

«Счастливым 1937 год»

Начиная террор, Хозяин много думал и о творческой интеллигенции. Все тем же Священным огнем террор должен был преобразить ее тайную враждебность.

1936 год он начал с резкого наступления на культуру. Провозглашается «перестройка фронта искусства», начинается кампания за «искусство, понятное для миллионов тружеников». Под этими лозунгами добивают остатки Авангарда.

Разгромлен Шостакович, 28 января в «Правде», под заглавием «Сумбур вместо музыки», появляется статья, уничтожившая его оперу «Леди Макбет Мценского уезда». Все понимают, кто стоит за этой статьей без подписи... Вся страна, все партийные организации должны изучать статью. Имя Шостаковича становится необычайно популярным в народе – в очередях, в метро обсуждают зловредного композитора. На многочисленных собраниях трудящиеся после осуждения «врагов народа» единодушно осуждают неведомую им оперу.

Канонада звучит непрерывно, весь год идут бесконечные проработки. Партийные критики печатают грозные статьи против беспартийных писателей.

«Литературная газета» предлагает Пастернаку «задуматься, куда ведет его путь цехового высокомерия, претенциозного зазнайства». И тут же слухи по Москве: поэт доживает на свободе последние дни.

В «Правде» появляется редакционная статья «Внешний блеск и фальшивое содержание» – уничтожают пьесу Булгакова «Мольер». И его жена печально записывает в дневнике: «Участь Миши мне ясна. Он будет одинок и затравлен до конца своих дней».

В идеологическом терроре прошел год, но ни Шостаковича, ни Пастернака, ни Булгакова не посадили.

«Новый год... встретили дома... с треском разбили чашки с надписью 36-й. Дай Бог, чтобы новый, 37-й был счастливее прошлого!» – записала жена Булгакова.

В 1937 году Хозяин сказал: пора. Партийные руководители искусства, партийные критики выполнили свою задачу: идеологическая пальба запугала интеллигенцию. Теперь грозные обличители сами подлежали уничтожению в рамках плана уничтожения старой партии.

В страшных 1937–1938 годах безостановочно гибнут один за другим преследователи Пастернака и Булгакова – все прежние руководители РАППа. Расстрелян и руководитель культуры в ЦК – старый большевик Керженцев. Из партии исключены давние враги Булгакова – поэт Безыменский и драматург Афиногенов.

Один за другим исчезают в Ночной жизни партийные критики, и жена Булгакова упоенно день за днем пишет в дневнике: «В «Правде» одна статья за другой, в которых вверх тормашками летят один за другим (она перечисляет с восторгом, кто именно. –

Э.Р.). Отрадно думать, что есть все-таки Немезида».

«Пришло возмездие: в газетах очень дурно о Киршоне» (один из вождей партийной драматургии. –

Э.Р.).

«Шли по переулку. Олеша обгоняет. Уговаривает Мишу идти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня, где будут расправляться с Киршоном».

Но Булгаков отказался преследовать своих преследователей.

«У всех читающих газеты мнение, что теперь... положение Миши должно измениться к лучшему» – так она воспринимает 1937 год! И многие в Москве радостно считают террор концом ненавистной революции.

Роман о хозяине

«15 мая Миша читал роман о Воланде»...

Нет, недаром Булгаков пишет этот роман – «Мастер и Маргарита». Главным героем этого романа, как известно, является дьявол, действующий под именем Воланд. Но это дьявол особый. Роман открывает эпиграф из Гете: «...так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Появившись в Москве, Воланд обрушивает всю свою дьявольскую силу на власть имущих,

творящих беззаконие. Воланд расправляется и с гонителями великого писателя – Мастера.

Под палящим летним солнцем 1937 года, в дни московских процессов, когда другой дьявол уничтожал дьявольскую партию, когда один за другим гибли литературные враги Булгакова, писал Мастер свой роман... Так что нетрудно понять, кто стоял за образом Боланда.

Булгаков, как и все знаменитые писатели, был все время «под колпаком» НКВД и окружен стукачами. Всеведущий Хозяин не мог не знать о странном романе, который часто читался вслух гостям на булгаковской квартире, но восхищение Булгакова деяниями странного дьявола, видимо, понравилось Хозяину.

Может быть, поэтому и возникла у Сталина идея заказать пьесу о Вожде Михаилу Булгакову?

Между тем жена Булгакова продолжает описывать ужасы 1937 года.

«6 июня. Прочла «Правду»... бросилась будить Мишу... Арестовали директора МХТ Аркадьева... Художник Дмитриев (которому он обещал новую квартиру) дико хохотал, рассказывая, как Книппер-Чехова... не в силах говорить, сунула ему газету с сообщением об Аркадьеве. Миша все показывал, как Книппер в белом пеньюаре заламывала руки».

Они уже смеются! Ужас расстрела потрясает только женщину XIX века – старомодную вдову Чехова... Новое поколение интеллигенции выбирает смех. И в этом смехе – уже что-то дьявольское...

«12 июня. Сообщение в «Правде» о том, что Тухачевский и все остальные приговорены к расстрелу».

В это нероново время бесконечной крови и исчезновения людей она также описывает бесконечные «вечеринки до утра... с розыгрышами, гостями», как они ездят на Москву-реку, катаются на байдарках – в эту «жару невыносимую» кровавого лета...

Но как они ни заглушают ужас перед бесконечной расправой, вершившейся Воландом, как ни уговаривают себя, что «гибнут гадкие люди», именно тогда к веселящемуся Булгакову, как записала жена в дневнике, «опять вернулась боязнь ходить одному по улицам».

Это было время, когда газеты печатали бесконечные приветственные отклики советских писателей на процессы. Пастернак, пожалуй, был единственным, кто посмел отказаться поставить свою подпись под требованием о расстреле «гадин, предателей и шпионов». Беременная жена умоляла, бросалась в ноги, но поэт был неумолим... И все-таки Хозяин разрешил ему жить. Пока.

Но Мандельштаму он не простил, хотя тот пытался защититься, даже написал стихи, прославляющие Вождя... Однако бывший поэт этих плохих стихов не принял – но не забыл про хорошие. Он чистил страну и не мог оставить в ней человека, открыто оскорбившего Богосталина. Мандельштама арестовали в майские праздники – в разгар народного пьяного гулянья 1 мая 1938 года.

Есть много страшных легенд о его смерти.

В лагере безумный вечным безумием поэта Мандельштам, этот большой ребенок, быстро превратился в живого мертвеца. Тифа он не выдержал. Его солагерник Юрий Моисеенко рассказывал: «Дня четыре тифом болел, лежал без движения, у него, извините, из носа текло, и он уже не вытирал, лежал с открытыми глазами, молчал, левый глаз дергался, он молчал, а глаз подмигивал. Может быть, от мыслей, не мог же он доживать, ни о чем не думая».

Молча, в лагерной грязи и боли, уходил великий поэт XX века.

Булгакова отметила арест Мандельштама в дневнике – без комментариев. В то время она была счастлива: именно тогда ее мужу заказали пьесу о Сталине...

Браво террору!

Как конец большевизма восприняли террор и многие в эмиграции. Вспоминали предсказание В. Шульгина в книге «1920 год»: «Ленин и Троцкий не могут отказаться от социализма. Они должны нести этот мешок до конца. Тогда придет некто. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждению».

Г. Федотов в журнале «Современные записки» писал: «Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху... Марксистская символика еще не упразднена и мешает видеть факты: Сталин и есть красный царь».

Именно в эти годы террора возвращается из эмиграции писатель Куприн. И Прокофьев решает окончательно вернуться в «Большевизию». Приехав, он сочиняет балет «Ромео и Джульетта», музыкальную сказку «Петя и Волк». Но террор воспитывает. И уже в 1937 году он пишет «Кантату к 20-летию Октября» – на тексты Маркса, Ленина, Сталина... В следующем году Прокофьев знакомится с молоденькой Миррой Мендельсон. Начинается бурный роман, композитор женится. Теперь Хозяин спокоен: Прокофьев вернулся навсегда.

Кроме идейных мотивов одобрения террора, был еще один, страшный и простой: бытовой. Воланд в романе Булгакова, глядя на московскую толпу, говорит с печальной усмешкой: «Обыкновенные люди, только квартирный вопрос их испортил».

Население Москвы ютилось в перенаселенных комнатах. Каждый арест означал «освободившуюся жилплощадь». И люди, счастливо ею овладевшие, уговаривали себя: прежние жильцы пострадали заслуженно.

Актриса Вера Юренева рассказывала мне: когда она въехала в квартиру, на плите стоял еще теплый чайник... Семьи арестованных часто покидали жилище, не успев забрать скарба. Там, куда их отправляли, было все казенное.

Родственники «врагов народа»

Хозяин строил единое общество «довольных». И оттого должен был решить: что делать с семьями «врагов»? В идиллическое время первых процессов проблему решали отречением: жена и дети публично клеймили отца семейства. Но воспитанный на Кавказе, где родовая месть – быт, он боялся воспитать своих будущих убийц. И как всегда, решил проблему по-революционному.

По инициативе Ежова (конечно же, не Хозяина!) было принято секретное постановление Политбюро от 5 июля 1937 года. Теперь жены осужденных «врагов народа» заключались в лагеря сроком до 8 лет. Их дети в возрасте до 15 лет передавались на государственное обеспечение (то есть в ужасающие детские дома). О детях после 15 лет – «вопрос решался индивидуально» (то есть их отправляли в те же лагеря).

Так началось второе после Октября уничтожение аристократии – на этот раз советской. В

июне 1937 года жена и дочь Гамарника были сосланы в Астрахань, вместе с ними семьи Тухачевского, Уборевича и других. Там все жены вскоре были арестованы, детей отправили в астраханский детский дом. Совсем маленькие Мирра Уборевич, Вета Гамарник и Света Тухачевская попали туда – после домашней жизни с экономками и няньками.

Секретарь Курского обкома ВЛКСМ П. Стукалов, призывая гнать из комсомола детей «врагов народа», требовал, «чтоб ненависть к ним кипела, чтоб рука не дрогнула»... Так что отношение к этим несчастным в детском доме можно себе представить.

Арестованы были и подросшие дети ленинских сподвижников – те, кого когда-то ласкали Ильич и Коба, – дети Зиновьева, Каменева и других. И сгинули в лагерях.

В беседе с Молотовым Чуев спрашивает:

– Хрущев рассказывал о вас: «Принесли список женщин, осужденных на 10 лет. Молотов зачеркнул и написал около одной: «Высшая мера наказания».

– Такой случай был, – говорит Молотов.

– А что же это за женщина такая?

– Не имеет значения, – отвечает Молотов и поясняет: – Они должны были быть в какой-то мере изолированы, а так они были бы распространителями жалоб всяких, суеты и разложения...

Да, «рука не дрожала»...

Пришла и очередь Хозяина отдать семью.

Мария Сванидзе продолжает свой дневник, но с большими перерывами. Уже посажены все коллеги мужа из руководства Госбанка. Отправились в Ночную жизнь и к стенке их прежние знакомцы-грузины – Буду Мдивани, Орахелашвили, Элиава... А она все славит бдительность «добротного Иосифа»...

«27.08.37... Бесперывное изъятие людей с именами... Я часто иду по улице, всматриваюсь в лица людей и думаю: «Куда делись? Как замаскировались те миллионы людей, которые по своему социальному положению, воспитанию и психике не могли принять советского строя?»... И вот эти хамелеоны на 20-м году революции обнаружались во всем своем лживом обликии...»

Конец дневника вырван. То ли «добрый Иосиф» после ее ареста поработал, то ли сама, поняв неотвратимость ухода, процензуровала...

Следы конца трагедии я нашел в ее маленьком блокноте, хранящемся вместе с дневником. Там она записала очень кратко свой финал:

«21 ноября. Алеша в Кремле не дождался».

Видимо, «добрый Иосиф» его не принял.

«22 ноября. Алеша в Кремле виделся. Неприятно».

Видимо, Иосиф «неприятно» объяснил Алеше, что слишком много его близких знакомых арестовано.

«7 декабря вечером. Кремль, разговор о работе».

Видимо, бедный Алеша попросил другую работу, ибо все его прежние коллеги и

руководители уже арестованы.

«12 декабря. За город с Женей (Аллилуевой)».

Она верила: Женя, которую она «наблюдала», имеет влияние на Иосифа. И конечно, попросила «замолвить словечко»...

«21 декабря. Парикмахерская. Рождение Иосифа».

Но впервые их не зовут.

После этого – чистые страницы.

Аллилуева-Политковская: «В 1937 году мы переехали на другую квартиру в «Доме на набережной» (там было столько прекрасных освободившихся квартир. –

Э.Р.) и устроили новоселье. К нам пришел Алеша Сванидзе со своей женой Марией Анисимовной. У нас подъезды были рядом. Отпраздновали новоселье, она накинула пальто на свое бархатное платье... они пошли к себе. Прошло часа два-три, и вдруг прибегает их сын Толик с совершенно белым лицом и говорит: «Евгения Александровна, вы знаете, что маму арестовали? Пришли и взяли маму, взяли папу... Обыск был... квартиру опечатали, никого нет, их всех увезли в тюрьму». Мы были убиты, папа совершенно потрясен».

По документам из Архива президента, А. Сванидзе был приговорен к расстрелу 4 декабря 1940 года, но высшая мера была заменена 15 годами в январе 1941 года, так решил «добрый Иосиф». Однако вскоре после нападения Гитлера Алеша Сванидзе был расстрелян (20 августа 1941 года). Была расстреляна и Мария Сванидзе (3 марта 1942 года).

Почему? Мы еще вернемся к этой истории.

Пришла очередь и Павлуши.

Аллилуева-Политковская: «Когда начались аресты... папа приходил очень расстроенный, потому что стали сажать его друзей, с которыми он работал. Он говорил Сталину, и их освобождали. Видно, Сталину это надоело. У нас есть подозрение, что

папу все-таки у брали... Как-то я прихожу из школы и вижу... мама, бабушка, все со слезами на глазах. Бабушка меня обнял и говорит: «Кира, у нас большое горе – папа умер». Я просто окаменела от ужаса. Папе было 44. Он так неожиданно умер: приехал вечером из Сочи с отдыха, утром попил кофе, съел яйцо вкрутую, а в два часа позвонили с работы: «Чем вы своего мужа накормили, его тошнит». Мама хотела приехать, но ей сказали: «Нет, мы сейчас его отвозим в больницу – в «кремлевку», и когда ей позвонили, чтобы приезжала, папа был уже мертвый. Врач сказал: «Он все спрашивал: «Что же Женя не идет?» Видно, они нарочно ее не пустили, боялись, что он ей что-то скажет. Мама почувствовала в этом нехорошее».

В своем личном архиве Хозяин сохранил любопытнейшее заключение о смерти Павлуши: «02.11.38. Смерть П. Аллилуева последовала от паралича болезненно измененного сердца. Товарищ Аллилуев, вернувшись из Сочи 01.11.38, по словам окружающих, чувствовал себя хорошо, был оживлен и весел. Утром 2 ноября явился на работу также в хорошем настроении. В 11 часов почувствовал себя плохо, была обильная рвота, полуобморочное состояние. В 13 часов был вызван врач Лечебно-санитарного управления Кремля, которая... и доставила больного в Кремлевскую больницу. При поступлении обнаружено агонизирующее состояние, без сознания, с синюшностью лица. Больной в сознание не приходил, и через 20 минут наступила смерть».

Та же «синюшность» и рвота будут перед смертью у Крупской – всего через пару месяцев.

«Папу хоронили очень торжественно, гроб стоял там же, где гроб Надежды Сергеевны... Он был такой красивый, он ведь только что приехал из Сочи. Загорел, ресницы были такие большие».

Несчастливая Женя все поняла и, видимо, поэтому очень скоро вышла замуж, точнее, убежала замуж от страшного поклонника. Как она казнила себя, мы можем только догадываться.

Потом пришла очередь мужа Анны Аллилуевой – Реденса. Он работал с Ягодой, был одним из заместителей Ежова. Когда их обоих расстреляли, Реденс был откомандирован в Казахстан. В Алма-Ате он старался повсюду – свирепствовал, выявляя врагов, но судьба его была решена. Хозяин решил постепенно убрать семью, связанную с жизнью навсегда исчезнувшего Кобы.

Василий Сталин рассказывал в письме к Хрущеву: «Когда Берия заговорил об аресте Реденса, тов. Сталин резко возразил... Но... Берия был поддержан Маленковым. И тов. Сталин говорит: «Разберись тщательно... я не верю, что Реденс враг».

Ничего не понял Вася... Задача Берии, как и всех, кто окружал его отца, была одна: понять, чего хочет Хозяин. И только поняв, они смели предложить арестовать Реденса. Но не может же добрый Отелло вот так сразу согласиться. Значит, они должны его уговорить. И они уговаривают, играют в этом театре абсурда, уверяют Вождя, что его близкий родственник – шпион!

Вскоре Реденса вызвали в Москву и арестовали. Анна Аллилуева через Васю просит «добротого Иосифа» о встрече, но он заявляет сыну: «Я ошибался в Реденсе. Принимать Анну Сергеевну больше не буду. Не проси». И Реденса расстреляли.

Новый поворот

Заканчивался 1937 год... Теперь Хозяин мог оглянуться. Прошло 20 лет после революции – только 20 лет. Когда они начинали, новая страна, Земля Обетованная социализма, казалась столь близкой. Через несколько лет она показалась недостижимой. Но вот он достиг этой земли, осуществил все мечтания Боголенина: в экономике уничтожен частный сектор, навсегда покончено с капитализмом, коллективизирована деревня. Он швырнул жалкую аграрную страну в индустриализацию, выстроил современные заводы и фабрики. Он сосредоточил в руках нового государства беспрецедентные производительные силы. Он создал мощную армию, молодую, единую – кто в этой армии посмеет даже подумать о мятеже? Во главе государства стоит партия. Кто в этой новой цементированной партии посмеет подумать об оппозиции? Кто в усмирённой стране посмеет усомниться в господстве этой партии? И при этом он дал своему народу, живущему в величайшей покорности, ощущение Победителя. Небывалое единство общества было создано.

Теперь можно сосредоточиться на осуществлении Великой мечты.

Впоследствии, беседуя с создателями фильма «Иван Грозный», он сказал Эйзенштейну: «Одна из ошибок царя Ивана состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств». Он не повторил ошибок своего любимого героя – дорезал врагов до конца... Но настал момент, когда Служитель Священного огня понял: нужна пауза. Страна более не выдержит – сгорит.

Все это время НКВД внедрял миф: Сталин ничего не знает о Ночной жизни. От него скрывают террор бесчисленные Яго, шпионы, пробравшиеся в НКВД. Интеллигенция старалась верить

в этот миф, чтобы хоть как-то примириться с совестью. Раболепствуя и славя Хозяина, они хотели еще и себя уважать. Вот почему Пастернак говорит Эренбургу: «Если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину...» И Мейерхольд часто повторяет: «От Сталина скрывают...»

В бывшем Партархиве есть записи подобных разговоров. Комиссар Ф. Стебнев: «Похоже, что партийные кадры уничтожают сознательно. Я голову даю на отсечение, что Иосиф Виссарионович не знает об этом».

Пришла пора сделать этот миф реальностью. Так наступила очередь Ежова. В конце 1938 года всплывает заявление в ЦК от начальника одного из управлений НКВД А. Журавлева. Он сообщает, что не раз докладывал Ежову о подозрительном поведении некоторых работников НКВД, преследующих невинных людей. Но Ежов его доклады игнорировал.

Заявление Журавлева немедленно обсуждается на Политбюро. Хозяин, конечно же, возмущен – тотчас сформирована комиссия. В ее отчете Ежов подвергнут резкой критике.

В кабинете Хозяина его бывший любимец пишет покаянное письмо: «Даю большевистское слово учесть свои ошибки...» Но уже вовсю идет проверка деятельности НКВД. Как когда-то Ежов проверял деятельность смертника Ягоды, теперь проверкой его самого руководит призванный из Грузии Берия. Хозяин хочет, чтобы все было понятно: Берию назначают заместителем Ежова.

В декабре 1938 года Хозяин делает Берию главой НКВД, но не спешит объявлять конец террора. Ежов сходит в могилу постепенно. Некоторое время кровавый карлик остается секретарем ЦК и председателем грозной Комиссии партийного контроля. Но уже идут аресты его помощников. Имя самого популярного соратника Сталина исчезает со страниц газет.

Теперь грозный Ежов тихо приходит в свой кабинет и целыми днями сидит там один в прострации. Его портреты еще висят во всех учреждениях, даже в здании ЦК, но к нему никто уже не заходит, его обходят, как зачумленного. Живой мертвец... Наступило и его время понять: Бог есть.

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии.

Сталин, вероятно, вспомнил те мартовские дни 1917 года, когда он, безвестный, промерзший в поезде ссыльный, сошел на перрон в Петрограде... И вот он создал новую партию и новую страну.

На съезде Хозяин уже прямо сказал о «серьезных ошибках» НКВД, сообщил: «Ошибок оказалось больше, чем можно было предположить». И страна возликовала, славя очередное потепление.

Его новый функционер Жданов веселил съезд примерами безумия террора: «От врача требовали справку: «Товарищ имярек по состоянию своего здоровья не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей»... «Я выбился из сил в борьбе с врагами народа, прошу путевку на курорт»... Делегаты весело смеялись: безумные смеялись над безумием.

Хозяин подвел итоги террора: на руководящие посты в государстве и партии выдвинуто полмиллиона новых работников. Среди партийного генералитета сменились 293 из 333 секретарей обкомов и крайкомов. 90 процентов новых руководителей – моложе 40 лет.

Так он сменил ленинскую гвардию.

На съезде вместо истребленных соратников Ильича выдвигаются новые соратники Вождя. Членами Политбюро становятся два низкорослых толстячка – 43-летний Андрей Жданов, сын

царского инспектора народных училищ, преемник Кирова в Ленинграде, и 45-летний Никита Хрущев, сменивший Постышева на Украине. По-прежнему самым доверенным лицом остается Молотов.

Новая партия продемонстрировала и новые успехи в почитании земного бога. «Гений новой эры», «мудрейший человек эпохи» – так славил его на съезде. Отныне его встречали и провожали только стоя. Ритуал появления Хозяина: «Все делегаты стоя приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию. Возгласы: «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому Сталину – ура!», «Нашему любимому Сталину – ура!» (из стенограммы съезда).

Теперь он все чаще открыто возвращает атрибуты уничтоженной Империи. На праздновании очередной годовщины ОГПУ в Большом театре поражало присутствие в ложе группы казачьих старшин.

Изумление зала вызвала их форма царского образца с золотыми и серебряными аксельбантами. Это была акция: явление казачества – главного символа поверженной Империи. Кто-то из старых, чудом уцелевших партийцев сказал своему соседу: «Их работа» – и склонил голову, чтобы тот мог увидеть шрам от казацкой шашки.

Появились и новые учебники истории. В них вместо прежних проклятий «царской России – тюрьме народов» провозглашались идеи, от которых должны были перевернуться в гробу старые революционеры: все завоевания русских царей объявлялись прогрессивными и отвечающими... интересам завоеванных народов! Впервые после Октября в учебниках был длинный список царей, князей и полководцев...

На могиле исчезнувшей старой партии возникала Империя. Атеистическая Империя – без Бога, но с Богочеловеком.

Гибель вдовы

И как символ – незадолго до XVIII съезда, первого съезда новой партии, умерла вдова Ленина. Впрочем, скорее, ей помогли умереть...

В «Истории болезни тов. Крупской Н.К.» я прочел: «13.01.39. Крупская была обследована профессором Гетье Ф.А. Найдена неправильность пульса и одышка. Назначен дигален, который Крупская отказалась принимать, сославшись на чувствительность кишечника».

Скорее всего, она уже боялась принимать лекарства. И, видимо, не зря. Прошло чуть больше месяца, и Крупскую доставили в Кремлевскую больницу с внезапным приступом аппендицита. 27 февраля 1939 года она умерла. Заключение врачей крайне любопытно: «Заболевание началось с сильных болей во всем животе, к которым присоединилась многократная рвота, резко учащенный пульс, посинение носа и конечностей. При явлениях паралича сердечной деятельности тов. Крупская скончалась».

Как и в случае с Павлушей, врачи отчитались перед Хозяином, и он сохранил их заключение в своем архиве... «Смерть наступила от упадка деятельности сердца на почве интоксикации, вызванной омертвением части слепой кишки с последующим воспалением брюшины»... Так что во время XVIII съезда Хозяин мог видеть только приятные лица.

Прах несли члены Политбюро во главе с «добрым Иосифом». За гробом шли старые большевики Коллонтай, Подвойский, Бонч-Бруевич, Кржижановский – те несколько человек из

ленинской партии, которых он оставил жить. Для представительства.

Впрочем, иногда он позволял себе слабости. В толпе провожавших ленинскую вдову был Арон Сольц, тот самый, который когда-то в Петрограде делил с Кобой одну постель. Сольца называли «совестью партии». Этот маленький, задыхающийся еврей заведовал распределением продовольствия в дни голода. Когда рабочие, доведенные до отчаяния ничтожными пайками, пришли проверить его припасы, они нашли в доме две мороженые картофелины... В разгар 1937 года Сольц посмел выступить против самого Вышинского. Его стащили с трибуны, но Хозяин велел: не трогать. Когда родственницу Сольца посадили, тот написал резкое письмо Хозяину. И опять он велел: не трогать (просто отправили на месяц в психушку). Однажды в годовщину Октября Сольца позвали сделать доклад в Музее революции. На трибуне он заявил: «Это было время, когда про Сталина мы ничего не знали». И опять его не тронули (правда, жестоко пострадали пригласившие).

Сольцу его старый знакомый Коба позволил умереть своей смертью. Больной и безумный Сольц писал бесконечные колонки цифр. Писатель Трифонов считал, что «тот писал подпольным шифром нечто важное».

Листки исчезли после его смерти. Сталин о нем помнил...

Вместе с новой партией страна получила и новую историю партии. В 1938 году миллионными тиражами печатается «Краткий курс истории ВКБ(б)» – его «Новый Завет», история прихода Богосталина и одновременно триллер, где проклинались вожди исчезнувшей партии, предатели и шпионы. «Эти... козявки забыли, что хозяином страны является советский народ, а господа Рыковы, Бухарины, Зиновьевы, Каменевы являются лишь временно состоящими на службе у государства... Ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит советской власти шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа».

В этой книге – его яростная речь и страшная энергия его ненависти.

В апреле 1939 года исчезает Ежов. В это время уже идет реабилитация невинно осужденных – Хозяин освобождает 327 000 человек. Среди них много военных (их он продолжит освобождать в первые дни войны). Будущий маршал Рокоссовский, покидавший тюрьму с выбитыми зубами, будущий генерал армии Горбатов и другие полководцы грядущей войны были счастливыми этого «первого Реабилитанса», как впоследствии прозвали это время в народе.

Получили свободу авиаконструкторы Туполев и Поликарпов, микробиолог Зильбер и прочие научные знаменитости. Всех их помиловал во всем разобравшийся справедливый царь. Ему нравилась эта роль. Иногда.

«Я могилу милой искал»

В те опасные дни, когда Коба был террористом, его друг Сергей Кавтарадзе, рискуя собой, помог ему скрыться от охраны.

В 20-е годы Кавтарадзе был главой правительства Грузии, потом – известным оппозиционером. После убийства Кирова его выслали в Казань. Оттуда Кавтарадзе написал покаянное письмо Кобе, и тот вернул его. В 1936 году Кавтарадзе и его жена были арестованы по обвинению... в подготовке убийства когда-то спасенного им Сталина! Его приговорили к расстрелу.

Все это время его маленькая дочь пионерка Майя писала письма «отцу всех советских детей» Сталину о невиновности своего отца. Прошло больше года – Кавтарадзе все держали в камере смертников. И вдруг его привели в кабинет Берии. Там его ждала весьма изменившаяся после лагеря жена. По приказу «друга Кобы» их обоих освободили.

Сталин сделал его заместителем наркома иностранных дел. В этом качестве Кавтарадзе участвовал в Ялтинской и Потсдамской конференциях.

Уже после смерти Хозяина Кавтарадзе рассказывал удивительный случай.

Однажды после какого-то заседания Хозяин взял его с собой на дачу. Был душный июльский вечер. Перед обедом они гуляли по саду, Хозяин шел чуть впереди, напевая тенорочком свою любимую грузинскую песню «Сулико»: «Я могилу милой искал, но ее найти нелегко...» Кавтарадзе уже готовился тихонечко подпевать (Хозяин это очень любил), как вдруг тот прервал куплет, и Кавтарадзе явственно услышал его бормотанье:

– Бедный... бедный Серго...

И опять Хозяин запел:

– «Я могилу милой искал...»

И опять раздалось его бормотанье:

– Бедный... бедный Ладос...

Кавтарадзе облился потом, а Хозяин пел и вновь бормотал:

– Бедный... бедный Алеша...

Кавтарадзе шел за ним, онемев от ужаса: это все были имена их друзей-грузин, которых он погубил. Долго пел Хозяин «Сулико»... По многу раз пришлось ему повторять куплеты, перечисляя их всех... И вдруг он обернулся и зашептал:

– Нету... нету их... никого нету...

В глазах его стояли слезы, и Кавтарадзе не выдержал – тоже заплакал и бросился ему на грудь.

В мгновение лицо Сталина вспыхнуло яростью – толстый нос, пылающие желтые глаза приблизились вплотную к Кавтарадзе, и он зашептал, оттолкнув его:

– Нету их! Никого нету! Все вы хотели убить Кобу! Не вышло – Коба сам всех убил, блядь дети!

И он ринулся по аллее, ударив сапогом не успевшего отскочить охранника.

Больше Хозяин не звал на дачу друга, но и не тронул его.

Кавтарадзе умер в 1971 году в возрасте 86 лет.

Портрет «нового человека»

Могущественнейший Ежов, символ террора, сошел в могилу тихо. Никакого объявления об

аресте в газетах не последовало: просто был любимец народа – и не стало. И все. Возникла даже легенда, будто Хозяин сохранил жизнь верному палачу и «карающий меч партии» умер своей смертью...

Ответ на все вопросы находится в следственном деле номер 510, хранящемся в бывшем архиве КГБ...

В деле Ежова есть письма к нему сталинских соратников – он сохранял эти доказательства горячей любви к нему. Вся страна славилась тогда «замечательного коммуниста». В деле – гимны казахского поэта Джамбула в честь «батыра Ежова». «Ежовые рукавицы» – этот каламбур повторяли песни и газеты...

Из речи Микояна: «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина». Множество партийных титулов и регалий носил этот «батыр» – крохотного росточка человечек с тихим голосом: Генеральный комиссар госбезопасности, он же секретарь ЦК, он же глава Комиссии партконтроля, он же человек с незаконченным низшим образованием.

Из дела: «Ежов Н.И. арестован 10 апреля 1939 года и содержится под стражей в Сухановской особой тюрьме НКВД» (самой страшной тюрьме, где Ежов пытал свои жертвы).

Из обвинительного заключения от 1 февраля 1940 года: «Ежов изобличается в изменнических шпионских связях с польской, германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии, возглавил заговор в НКВД».

Так Хозяин с юмором суммировал все разведки, связь с которыми Ежов приписывал своим жертвам, – и щедро «наградил» ими самого Ежова.

Не забыл он и о «заговоре против Вождя», которым любил пользоваться опальный палач: «Ежов и его сообщники практически подготавливали на 7 ноября 1938 года путч».

Пришлось Ежову все это признавать. Но на суде он сказал: «По своей натуре я никогда не мог выносить над собой насилия. Поэтому писал всякую ерунду... Ко мне применили самое сильнейшее избиение».

Так что получил палач то, что с другими делал...

Но есть пункты обвинения, от которых он не отказался: «Имел половые сношения с мужчинами и женщинами, используя служебное положение. В октябре или ноябре 1938 года у меня на квартире я имел интимную связь с женой подчиненного и с ее мужем, с которым имел педерастическую связь...» – признавался главный охранитель пуританского режима.

Постоянная кровавая охота в конце концов помутила слабый рассудок Ежова – он уже подозревал всех, изводил подозрениями собственную жену, готовясь ее арестовать. В деле ее письмо: «Колюшенька, я тебя очень прошу проверить всю мою жизнь, всю меня, я не могу примириться с мыслями, что меня подозревают в двурушничестве»... В конце концов он отравил ее люминалом.

Таков был этот «крепкий, скромный работник», как отозвался о нем Молотов.

И вот финал – «Протокол закрытого судебного заседания военной коллегии Верховного суда 3.2.40 г.». В нем осталась убогая, косноязычная речь Ежова: «Я почистил 14 ООО чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил. У меня было такое положение, я давал задания тому или иному начальнику отдела произвести допросы арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашивал его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа... враги везде... В отношении Слуцкого (начальник

иностранный отдел НКВД. – Э.Р.) я имел от директивных органов указание: Слуцкого не арестовывать, а устранить другим путем... Так как иначе бы наша вся зарубежная разведка разбежалась. И Слуцкий был отравлен».

Нетрудно понять, кто этот «директивный орган», который приказывал всемогущему Ежову. Так что версии об отравлении негодных не были выдумкой. Всем руководил Хозяин.

Николай Ежов – портрет сталинского руководителя... Читая разговоры Молотова, записанные Чуевым, и вспоминая свою встречу с ним, я никак не мог отделаться от ощущения: какой серый человек – ни одной острой фразы, ни одного глубокого наблюдения... И Молотов, и Ежов, и прочие – все они жалкие куклы в руках Кукловода. Он дергал их за веревочки, а когда они отыгрывали свои роли – убирал со сцены, заменяя такими же куклами. Недаром тогда существовал популярный анекдот: «Сталин – великий химик. Он из любого выдающегося государственного деятеля может сделать дерьмо и из любого дерьма – выдающегося государственного деятеля».

В последнем слове Ежов попросил: «Передайте Сталину, что умирать буду с его именем на устах».

Но это не помогло. В деле справка: «Приговор о расстреле Ежова Николая Ивановича приведен в исполнение в городе Москве 4 февраля 1940 года».

Теперь Хозяин раскачивает кровавые качели в обратную сторону. Если раньше НКВД уничтожал партию – теперь новая, созданная им партия уничтожает ежовские кадры. Принимаются решения ЦК о контроле партии над НКВД. Партийные комиссии начинают пропалывать органы, летят головы вчерашних палачей. Откат террора идет через кровь. Через страх. Хозяин неумолимо поддерживает костер...

Кабинет начальника московского управления НКВД: лепной потолок, стены с барельефами, венецианские окна. В середине 30-х годов в этом кабинете сидел седой, представительный Реденс. И был расстрелян. На его место сел вечно пьяный Заковский с багровым носом и безумными глазами, не знавший иного наказания, кроме расстрела... И был сам расстрелян. В начале 1939 года в кабинете появляется садист Петровский – через три недели застрелился. Сменил его Якубович – арестован на следующий же день, расстрелян. На два дня появился Карутский – в первый день представился, во второй застрелился. Был назначен Коровин, быстро исчез. Пришел Журавлев – вызван к Берии, не вернулся.

Какая-то ускоренная съемка. Так бегают Глупышкин в немых фильмах... Появлялись, мелькали, исчезали... И все время убивали – они, их...

Несостоявшийся финал триллера

Но был ли воистину откат террора?

Действительно, после снятия Ежова аресты носят как бы единичный характер. Но каковы эти единицы! В 1939–1940 годах арестовали нескольких гениев – режиссера Всеволода Мейерхольда, писателя Исаака Бабеля, ученого Николая Вавилова. Были арестованы лучший журналист советской России Михаил Кольцов и блистательный поэт-авангардист Даниил Хармс...

Случайный набор имен? У Хозяина не бывало случайностей. Ставшее доступным дело Бабеля раскрывает прелюбопытнейшую историю.

Бабеля заставляют признаться, что он был членом подпольной троцкистской группы, куда его завербовал писатель Илья Эренбург. В списке этих «подпольщиков-террористов» знаменитые деятели культуры: Леонов, Иванов, Катаев, Олеша, Эйзенштейн, Александров, Шмидт, Михоэлс, Утесов и так далее... Да, готовился новый грандиозный процесс. Он задумывался еще при Ежове, но Хозяину, решившему убрать слугу, приходит в голову испытанная мысль – включить в финал триллера... самого Ежова, как прежде Ягоду. Он любил связывать процессы – ему нравились романы с продолжением. Бабель был хорошо знаком с Ежовым – и в деле появляется «покойная жена врага народа Ежова»...

В рамках намечаемого процесса в Ленинграде был арестован Мейерхольд. В тот вечер он долго сидел у своего знакомого – артиста Гарина. И когда Мейерхольд вышел, Гарин в окно увидел, как три крысы в полу сумерках белой ночи перебежали ему дорогу...

Есть показания свидетелей, присутствовавших при допросах Мейерхольда. Великий режиссер лежал на полу со сломанным бедром, с разбитым кровоточащим лицом, и следователь мочился на него... Ему приписали участие в троцкистской организации и шпионаж в пользу сразу четырех стран: Японии, Англии, Франции и Литвы. В стенограммах допросов Мейерхольда фигурируют имена Пастернака, Шостаковича, Олеси и Эренбурга – действующих лиц намечаемого небывалого спектакля.

Да, Хозяин не думал останавливаться и после Ежова. Закончив разгром партии, армии и советской верхушки, он логично задумал нанести последний удар – по культуре. Но массовые истребления были более невозможны – страна истощилась, и Вождь, регулируя Священный огонь, заменял количество качеством. Процесс должен был касаться имен, которые знала вся страна, – чтобы раз и навсегда все поняла позволяющая себе шепотом фрондировать творческая интеллигенция, чтобы затвердила она на веки вечные урок, уже выученный и партией, и армией...

Но видимо, наблюдая за следствием, он усомнился в возможности участия Бабея, Мейерхольда и прочих в задуманном процессе. Он не мог полагаться на этих странных людей. Например, уже все признавший Бабель 10 октября 1939 года отказывается от своих показаний... И Хозяин понял: эти нервные великие художники опасны, ибо возбудимы и непредсказуемы, на них нельзя положиться!

Он разочаровался в актерах, и спектакль не состоялся. И Бабея, и Мейерхольда, и Кольцова попросту расстреляли, получив от них нужные показания, и продолжили поиск новых достойных исполнителей в финале триллера... Но помешала война.

В дни следствия жена Мейерхольда, актриса Зинаида Райх, писала письма Сталину, ходила по Москве, рассказывая о несправедливости. Это был бунт – и реакция последовала... Убийцы проникли в ее квартиру через балконную дверь. Убивали садистски, кололи долго – 17 ножевых ран. Она безумно кричала, но никто ей не помог, люди боялись в те годы ночных криков...

В освободившейся квартире Мейерхольда поселились шофер Берии и 16-летняя возлюбленная Лаврентия Павловича. Сатанинский финал – в духе Воланда.

Очень скоро произошло чудо. Появились странные слухи: знаменитые расстрелянные живы, они просто лишены права переписки, они тайно содержатся «в особых и очень приличных условиях», ибо Хозяин не позволил НКВД уничтожить таланты.

И это не были просто слухи. Периодически к брату Кольцова, известному художнику Б. Ефимову, являлись некие люди, «недавно освободившиеся из лагерей», где они «неоднократно видели живого и цветущего Михаила Кольцова». Жена Бабея тоже рассказывала: ее несколько раз «уведомляли разные люди, что Бабель жив».

А один из знакомых Мейерхольда будто бы даже держал в руках открытку от Всеволода Эмильевича... Впрочем, сразу после смерти Хозяина все слухи прекратились. Но тогда они должны были поддерживать его любимый образ: добрый-добрый Хозяин...

«Славься, славься, наш русский царь!»

Заканчивался 1939 год. Наступало 60-летие Хозяина – нового царя. Было вполне логично, что пьесу к своему юбилею он заказал Булгакову – автору «Дней Турбиных», воспевшему царское офицерство. Но писатель нарушил табу: захотел найти документы о жизни Кобы. Пьесу пришлось запретить.

Булгаков не перенес решения. К тому времени он, конечно же, знал: миллионы невинных вместе с виновными истребило «доброе зло». Но заставлял себя

не видеть, верить в бич Божий. Он так хотел изменения судьбы, так надеялся... И вот получил плевков, пощечину: зло не нуждалось в его служении, зло разрешило ему жить – и этого с него достаточно. В те дни Булгаков сказал жене: «Помнишь, как запрещали «Дни Турбиных», как сняли «Кабалу святош», отклонили рукопись о Мольере... у меня не опускались руки, я продолжал работать, а вот теперь смотри: я лежу перед тобой продырявленный». И уже вскоре смертельно заболел...

В романе Воланд помог Мастеру. В жизни Воланд убил Мастера.

Опасно заигрывать с дьяволом...

В феврале 1939 года в Большом театре поставили любимую оперу Романовых – «Жизнь за царя» Михаила Глинки. Ее давали в дни коронации Николая II и в дни трехсотлетия династии. И вот через 22 года она снова на той же сцене, правда, под названием «Иван Сусанин».

Хозяин сидел в глубине ложи. Впервые после революции гремела эта музыка: «Славься!» Но знаменитый текст, ставший царским гимном: «Славься, славься, наш русский царь!» – теперь был переделан: «Славься, славься, ты, Русь моя!» По его повелению Сергей Городецкий, знаменитый в дореволюционной России поэт, переписал текст, а Хозяин сам проверил и отредактировал новые стихи. Он занимался и операми тоже!

Музыкой «Славься!» встретил он свое 60-летие! Да, он давно уже был царем. Одиноким русским царем. И его соратники, точнее, слуги, смертельно боялись его, как когда-то слуги боялись настоящего царя.

Писатель Е. Габрилович приводит рассказ Хрущева о том, как тот был в гостях у Хозяина на даче под Гагрой в дни его отдыха:

«Сталин сидел в саду в беседке. Пили чай, беседовали. Шло время. Стемнело. Сталин мрачнел. Хрущев сказал:

– Ну, я поеду домой, Иосиф Виссарионович, жена, наверное, заждалась.

– Вы никуда не поедете, – вдруг сказал Сталин. – Останетесь тут.

– Жена будет ждать, Иосиф Виссарионович...

Сталин поднял на Хрущева глаза. Это был тот взгляд: желтые, бешеные глаза. Хрущев, конечно, остался. Но спал плохо.

Утром оделся, вышел в сад. В беседке, в той же позе, сидел Сталин, пил чай. Хрущев поздоровался, справился о здоровье. На что Сталин, прихлебывая чай, вдруг спросил Хрущева:

– А кто вы такой? Как вы попали сюда?

– Иосиф Виссарионович, я... Хрущев.

– Надо еще выяснить, кто вы такой, – сказал Сталин, отодвинул стакан и вышел из беседки.

В ужасе дрожащий Хрущев пошел по дорожке к выходу. Его нагнал охранник. Хрущев приготовился к концу.

– Никита Сергеевич, вас товарищ Сталин зовет, ищет повсюду.

Хрущев поплелся к беседке. Там сидел Сталин и пил чай.

– Ну где же вы, Никита Сергеевич? – ласково спросил он. – Нельзя так долго спать, я вас заждаюсь».

Игры Хозяина...

Все они были пылью – его могущественные бюрократы. Он заставил их не спать ночами, испытывать постоянный, непреходящий страх. Жену формального главы государства, председателя Президиума Верховного Совета Калинина он отправил в лагерь, где она искала вшей в белье арестантов перед стиркой. И жалкий старик Калинин все просил вернуть ее – напрасно просил... Он отправил в лагерь и жену своего верного секретаря Поскребышева. И тот тоже нудно молил вернуть ее – безуспешно молил. Глава правительства Молотов тоже лишится своей жены... Чтобы не забывали: они – ничто. В любой момент он может отправить их вслед за женами.

Впрочем, у него самого тоже не было жены, так что он попросту всех уравнивал. И теперь они могли, не отвлекаясь на семью, как Хрущев, забыв мещанские радости, служить Великой мечте, все более становившейся реальностью.

Тайна

Он стал царем и богом. Он всегда знал: божественность власти – в ее тайне. Во мраке таинственности, которым он окружил свою жизнь, – и тайный страх, который скрывала жизнерадостность его подданных, и тайная Ночная жизнь, и фары черных машин, и обыски в ночи, и прожектора над темными поездами, идущими в лагерь. И тайные расстрелы вчерашних владык, и тайные могилы на кладбищах...

Все было – тайна... Вся страна считает, что он живет в Кремле. На самом деле поздней ночью из Боровицких ворот выезжают несколько больших автомобилей ЗИС. Они набирают громадную скорость, мчатся по правительственной трассе. Непробиваемые темные стекла бронированных машин не дают возможности рассмотреть, кто внутри. Все автомобили имеют одинаковый вид, и никто не знает, в котором сидит он: тайна. Только перед самым въездом на Ближнюю дачу его машина выходит в голову кортежа, остальные – за ней...

Ближняя дача на самом деле – его дом. Но и это тайна. Здесь, недалеко от Москвы, он живет. Отсюда не более чем за полчаса он может появиться в Кремле. Эту кирпичную дачу построили в 1931 году, и после смерти жены он в нее переселился. Внутри дачи фойе и

большая столовая, где он вместе с соратниками из Политбюро «обедает» (так он называет полуночную еду, походившую больше на ужин вместе с завтраком). И ночной стиль его жизни – тоже тайна... На даче прислуживают офицеры НКВД и горничные.

Одна из них – молоденькая Валечка Истомина. Она поступила на дачу в 1935 году. Валечка гладит ему брюки и полувоенный китель. Денщика у него нет. Он не меняет привычек – все делает сам.

17 лет проработает Валечка на даче... Она стелила ему постель. И старилась рядом с ним.

Молотов: «А если она и была женой Сталина – кому какое дело?»

Горничная становится его тайной женой. Новый глава охраны Власик – воспитателем детей. Тесная дача – его дворцом.

В этой декорации он живет. В ней и настигнет его смерть...

В 1940 году он получает подарок: Берия сумел организовать убийство Троцкого.

Все это время Хозяин беспощадно расправлялся с его родственниками. Он начал с ареста Сергея, младшего сына Троцкого, ученого, мирно проживавшего в Москве.

Жена Троцкого Наталья Седова обратилась за помощью к Ромену Роллану, Бернару Шоу... много имен прогрессивных деятелей было в ее открытом письме. Но они хранили молчание. Почему?

В 1933 году Теодор Драйзер в письме к М. Истмену, просившему его выступить против арестов сподвижников Троцкого, фактически ответил на этот вопрос: «Я поразмыслил серьезно, как на молитве, об этом деле, касающемся Троцкого. Я очень сочувствую его сторонникам... но тут встает проблема выбора. Какова бы ни была природа нынешней диктатуры в России – победа России важнее всего...»

Победа государства рабочих и крестьян ценнее «мизерабельных» человеческих жизней – все та же Высшая целесообразность!

Так что Хозяин знал: они будут молчать. Сводя с ума своего врага, он физически уничтожил всех родственников Троцкого – даже самых отдаленных. Даже няню его внука!

Все 30-е годы его агенты открыто охотятся за Троцким. Это была еще одна пытка – пытка грядущей смертью. Наконец посланец Хозяина, бывший лейтенант испанской республиканской армии Рамон Меркадер, раскрыл Троцкому череп. Лезвие ледоруба проникло в мозг, которым Троцкий так гордился...

Он остался один – из всех главных революционеров, начавших с Лениным. Теперь наследство революции по праву принадлежало ему.

Одиночество небожителя...

Глава 20 Великая мечта

Подготовка

Гигантская Империя нового Чингисхана воздвиглась на востоке Европы, готовая к прыжку.

До 1938 года внешняя политика обслуживала внутреннюю. Теперь, создав новую страну, он мог себе позволить начать осуществлять внешние задачи, точнее, главную, потаенную – Великую мечту.

Да, с воцарением Сталина ничего не изменилось. Просто великая ленинская мечта, мировая революция, к экспорту которой открыто призывали деятели старой партии, все эти уничтоженные им говоруны, – стала секретной. Хозяин перевел ее в подполье. И в 1936 году в беседе с американским журналистом Роем Говардом, напечатанной в «Правде», на вопрос американца: «Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию?» – Сталин преспокойно ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было».

А в это время шла совсем иная пропаганда, совсем к другому готовил он свой народ. Большую войну во имя Великой мечты воспевала его послушная литература:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Павел Коган

Только советская нация будет,
И только советской нации люди.

Михаил Кульчицкий

Следы этой подготовки к Большой войне я встретил в Архиве президента. Еще в 30-х годах (еще до Гитлера) лихорадочно перевооружалась Красная армия. 19 июня 1930 года Тухачевский писал Сталину: «Уважаемый т. Сталин!.. Я вполне понимаю, что войну надо не только выиграть, но надо еще при этом сохранить свою экономическую мощь... Работая в этом направлении, можно будет наиболее рентабельно решать задачи, выдвигаемые большой войной...»

Далее в письме шел детально разработанный план перевооружения Красной армии для «войны моторов» – Большой войны. Здесь Тухачевский столкнулся с Ворошиловым. У них были разные взгляды на грядущую войну, но мы не будем вдаваться в суть их разногласий. Важно одно: и Ворошилов, и Тухачевский готовились к Большой войне.

Будущая Большая война дирижировала и гигантским строительством московского метро,

начавшимся в начале 30-х годов.

Во время создания проекта с одного из подмосковных аэродромов поднимались в воздух бомбардировщики, сбрасывавшие на местность фугасные бомбы. При помощи этих бомбежек определялась глубина, на которой должны быть построены тоннели будущего метро, чтобы авиабомбы не могли их поразить. Хозяин запретил строить наземные участки – метро было запрятано глубоко под землю на случай Большой войны.

Жертва ферзя

Хозяин правильно оценил важность появления Гитлера для Великой мечты. Взрывая европейский мир, в марте 1938 года Гитлер захватил Австрию. Сгустились тучи над Чехословакией. Все, как предполагал Хозяин: Гитлер реально вовлекает в войну Европу, начинает разрушать европейскую систему капитализма. Это был уже не призрак, не мечта – реальная мировая революция надвигалась на Европу... Только надо толкать, толкать все дальше Гитлера.

Ситуация для игры была необычайно благоприятная. В такой обстановке Великий игрок впервые начал большую шахматную партию за границами страны.

Уже в 1938 году, ведя переговоры с Францией и Англией о коллективной безопасности, Хозяин делает новый фантастический ход: начинает искать контакты со злейшим врагом – Гитлером. Из Берлина отозван посол СССР еврей Яков Суриц – он заменен русским Мерекаловым.

В то же время усиливается интенсивность переговоров с Францией и Англией – его обычный прием. Хозяин заранее уверен в их провале. Он знает: западные демократии не верят новому Чингисхану, вызывающему у них отвращение и страх. Но эти переговоры должны заманить Гитлера.

И точно: страшась объединения Сталина с Западом, Гитлер начинает демонстрировать интерес к СССР. В 1938 году привычные проклятия исчезают из заявлений немецких официальных лиц, кампания взаимных оскорблений затухает. Наступает новая полоса: непримиримые враги как бы перестают замечать друг друга...

Между тем Чехословакия становится следующей жертвой Гитлера. Хозяин тотчас предлагает военную помощь чехам, правда, при условии, что так же поступят Англия и Франция. Это – отважно... и безопасно. Он знает: помощь оказывать не придется, хотя бы потому, что Польша и Румыния никогда не согласятся пропустить советскую армию. Они понимают: впустить Сталина легко, выгнать его будет трудно... Тем более что польские руководители легкомысленно клюнули на приманку Гитлера – отхватили кусочек растерзанной Чехословакии.

Так, ничем не рискуя, он – благороден в общественном мнении Европы. А пока он устраивает очередной театр: бесконечно заседает Политбюро, обсуждая возможную помощь.

В это время союзники умывают руки – предают Чехословакию. Заключается Мюнхенское соглашение. Премьеры Англии и Франции Чемберлен и Даладье уверены: они успокоили Гитлера, добыли мир. Мощная линия чешских укреплений отходит без единого выстрела к Германии. Боеспособные чешские дивизии перестают существовать, как вскоре и сама Чехословакия, несмотря на все гарантии западных держав.

29 сентября 1938 года в Москве узнают о Мюнхенском соглашении. Всю ночь идет заседание Политбюро (ночное заседание должно подчеркнуть его чрезвычайность). В отсутствие находящегося за границей наркома Литвинова Хозяин грубо обрушивается на него: ведь Литвинов – как бы сторонник союза с западными демократиями. Но именно «как бы». За всеми дипломатическими ходами всегда стоял только он – Хозяин. Однако теперь он обвиняет: в результате политики Литвинова Франция и Англия посредством Мюнхенского соглашения направили агрессию Гитлера против СССР, и вследствие этого предательства ему, Сталину,

приходится искать пути предотвращения агрессии.

Таковы его заявления – желанное оправдание готовящегося очередного поворота. Хозяин строит поиск союза с Гитлером как новый вариант Бреста.

В успехе задуманного Хозяин не сомневается. Он чувствует Гитлера, ведь фюрер – такой же. Его нельзя насытить, Чехословакия – это только начало. Но чтобы идти дальше, Гитлеру нужен союз с СССР.

Сталин создаст этот союз – только бы Гитлер пошел дальше и разрушил капиталистический мир!

А пока он сам делает новые шаги. 3 мая 1939 года Литвинова снимают на заседании Политбюро. Глава правительства Молотов становится по совместительству наркомом иностранных дел, что должно подчеркивать исключительную важность внешней политики.

Литвинова никуда не назначают, и он понимает: это – гибель. В ожидании конца пишет умоляющие письма Хозяину, но ответа не получает. Все ждут его скорого ареста, но, ко всеобщему изумлению, бывшего наркома не трогают.

Это еще одно доказательство: ища союза с Гитлером, Хозяин думал о продолжении шахматной партии, где Литвинов – символ ориентации на западные демократии – должен будет понадобиться. И действительно, когда начнется война, уцелевший Литвинов будет назначен заместителем наркома иностранных дел.

Дальше все идет так, как предполагал Хозяин: Гитлер встал у границ Польши, Чемберлен вынужден дать заверения полякам о помощи в случае нападения.

Союз со Сталиным становится необходимым для Гитлера, а пока Хозяин его подстегивает: Ворошилов во главе военной делегации ведет переговоры с Англией и Францией.

И Гитлер действует: посол Шуленбург заканчивает тайные переговоры с Молотовым. Министр иностранных дел Германии Риббентроп, проклинаемый советскими газетами, готов приехать в проклинаемую немецкими газетами Москву. Фашисты предлагают большевистскому государству делить Европу.

Гитлер уже спешит: чтобы напасть на Польшу, ему нужна полная ясность. Риббентроп забрасывает Шуленбурга шифrogramмами. Разведка работает – и Хозяин все знает о нетерпении фюрера. Он его

поймал.

Уже середина августа. Гитлер не может более ждать: начнутся дожди, размокнут дороги. И он безоговорочно принимает все предложения Хозяина.

19 августа он посылает Сталину телеграмму о приезде Риббентропа.

Впрочем, для Хозяина этот поворот не принципиален. И Гитлер, и западные демократии – его

враги, и союз с любым из них – не более чем ход на пути к Великой мечте. Но, сдавая в архив свою ненависть к Гитлеру, он жертвовал ферзя. Союзнику Гитлера трудно быть Вождем мировой демократии – так что приходится пожертвовать Коминтерном. Он знал: в будущем он вернет отданное. А пока получит территории...

«Мы хорошо поругали друг друга, не правда ли?» – этими словами он встретил в Кремле Риббентропа. Три часа при полном единодушии они делили Восточную Европу. Все дополнительные предложения Хозяина были приняты Риббентропом поразительно легко. Пакт о ненападении и секретный протокол были подписаны. Подписал их, естественно, не Сталин – Молотов.

Все закончилось приемом – столь любимой Хозяином обильной едой и столь же любимыми тостами. Закаленный в его застольях Молотов поразил гостей умением пить, не пьянея.

Сталин поднял бокал за Гитлера, рейхсминистр – за Сталина. После чего немецкой делегации пришлось много пить – и за пакт, и за новую эру в отношениях. Хозяин сохранил чувство юмора – предложил тост за присутствовавшего Кагановича, и Риббентропу пришлось выпить за еврея (впрочем, и Кагановичу пришлось пить за здоровье Гитлера).

Переговоры закончились. В секретном протоколе определялась цена, которую Гитлер платил Сталину за пакт: свобода «территориальных и политических преобразований в Прибалтике», право «реализовать свою заинтересованность в Бессарабии». Получал он и кусок Польши.

После церемонии подписания Хозяин сделал подарок Гитлеру: сидевшие в лагерях остатки старого Коминтерна – немецкие и австрийские коммунисты – были вывезены в Германию, в гестапо.

На следующий день Ворошилов с усмешкой сообщил английской и французской делегациям: «Ввиду изменившейся обстановки нет смысла продолжать переговоры».

Для народа Хозяин сам придумал объяснение нового союза.

В воинских частях чертили два забавных треугольника. Один назывался: «Что хотел Чемберлен?» Вверху треугольника было написано: «Лондон», внизу: «Москва и Берлин» – Чемберлен хотел столкнуть нас с немцами, чтобы самому быть наверху.

Другой назывался: «Что сделал товарищ Сталин?» Теперь наверху было слово «Москва» – Сталин столкнул Берлин с Лондоном, и мы наверху.

Страна единодушно ликовала, выдержав очередной тест на покорность. Да, он создал поистине новое общество.

Вторая мировая

Гитлер вторгся в Польшу. Англия и Франция объявили войну Германии. Игра Хозяина оправдалась: Гитлер окончательно втянул Европу в мировую войну. Глобальный кризис стал явью. Путь к Великой мечте был открыт.

Но шахматная партия продолжалась. Начал действовать и Сталин – забирать обратно потерянные после революции части империи Романовых. 17 сентября его войска вошли в поверженную немцами Польшу.

«В связи с тем что Польское государство перестало существовать, защищая права

белорусских и украинских меньшинств (читай – от Гитлера. –

Э.Р.), советские войска вошли в Польшу» – так он объявил стране и миру.

Гитлеру пришлось это съесть и вдобавок пойти на отредактированный текст советско-германского коммюнике. Вместо воинственных заявлений Гитлера Хозяин написал любимые идеологические фразы: «для восстановления мира и порядка в Польше, которые вызваны развалом Польского государства, и для оказания помощи польскому народу»...

Короче, ради Польши оккупировали Польшу!

Западная Украина и Западная Белоруссия – части прежней империи Романовых – вернулись в лоно его Империи. В это время он сделал подарок Литве – передал ей давнюю мечту литовцев, город Вильнюс. Литва ликовала. Но умные литовцы вздыхали: «Вильнюс принадлежит нам, но мы, кажется, России».

В обмен на ферзя

В конце сентября, когда Риббентроп опять появился в Москве, Хозяин просил уже всю Прибалтику, включая Литву, которая прежде входила в сферу интересов рейха. Попросил он (и получил) и польские нефтеносные районы – Борислав и Дрогобыч, столь нужные бедной нефтью Германии. В обмен он пообещал

продавать ей нефть. Гитлеру пришлось согласиться – так он страшился ухода Сталина в англо-французскую коалицию. И опять был банкет в Кремле, и опять рейхсминистру пришлось выдержать бесконечные тосты – и за дружбу между народами, и за мир во всем мире. Хозяин сохранял чувство юмора.

«В России все секрет и ничего не тайна...» Было много слухов о тайной встрече Сталина и Гитлера, которая состоялась где-то на территории, отнятой у поверженной Польши.

В 1972 году во Львове старый железнодорожник рассказал мне о поезде, который прибыл в город в октябре 1939 года, об охране, никого не пропускавшей на привокзальную площадь, об остановленном движении поездов. Он даже помнил число – 16 октября... Я с изумлением вспомнил об этой дате, когда увидел в «Комсомольской правде» фотокопию сенсационного документа, найденного в Национальном архиве США.

«19 июля 1940 года. Лично и конфиденциально уважаемому Адольфу Берлу-младшему, помощнику Государственного секретаря... По только что поступившим данным из конфиденциального источника информации, после немецкого и русского вторжения в Польшу и ее раздела Гитлер и Сталин тайно встретились во Львове 17 октября 1939 года. На этих тайных переговорах Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта... Искренне ваш Дж. Эдгар Гувер».

Документ был подписан знаменитым многолетним шефом ФБР.

На документе видны пометы о рассекречивании в декабре 1979 года. Даже поверив в его подлинность, я, естественно, продолжал сомневаться в истинности информации. В конце концов, сообщение, посланное Гуверу, могло оказаться ложным. Но публикация все-таки заставила меня перечитать рассказ железнодорожника, записанный в моем дневнике, – и там тоже был октябрь!

Я понимал, что вряд ли удастся это проверить – несомненно, все документы, все следы этой

встречи должны быть заботливо уничтожены Сталиным. И я решил обратиться к неожиданному источнику – Журналу регистрации посетителей Сталина, его страницам за октябрь 1939 года...

Нет, 16 октября Сталин был в своем кабинете в Москве. И 17 октября у него – длинный список посетителей. Я уже хотел оставить свое занятие, но все-таки взглянул на 18 октября... В этот день приема не было! Сталин в Кремле не появился! И это не был выходной, обычный рабочий день – четверг.

Итак, 18 октября его нет в Кремле! Отсутствует он и весь день 19 октября и только поздним вечером в 20 часов 25 минут возвращается в свой кабинет и начинает принимать посетителей.

Я знал стиль его неутомимой, запойной работы. Он был типичным работоголиком, и это отсутствие посередине рабочей недели (суббота тоже была тогда рабочим днем) могло произойти только в двух случаях: или он был очень болен, или... отсутствовал в Москве.

Интересен и список его посетителей накануне этого загадочного отсутствия. Вместе с членами Политбюро приходят Ворошилов, Жуков, Кулик, Кузнецов, Исаков – все руководители армии и флота. Но дольше всех в его кабинете в тот день – нарком иностранных дел Молотов.

Нет, Хозяин не был болен. Скорее всего, во время его отсутствия состоялось что-то очень важное, ибо, согласно Журналу, 19 октября, когда он вновь появляется в Кремле, до полуночи идет совещание с глазу на глаз со вторым человеком в государстве – Молотовым. При этом во время их беседы в кабинет вызываются тот же Жуков и функционер номер три – Каганович...

Неужели действительно эта встреча была? Тайная встреча века! Как ее можно описать! Они сидели друг против друга – Вожди, земные боги, столь похожие и столь различные. Клялись в вечной дружбе, делили мир, и каждый думал, как он обманет другого...

Видимо, на встрече Хозяин еще раз понял, как нужен Гитлеру. И уже в конце 1939 года смело подготовил ему сюрприз – попытался завоевать Финляндию.

Гитлер и это съел. Сталин все понял правильно.

Финская война

Еще до заключения пакта с Гитлером начался нажим СССР на Финляндию. В начале осени 1939 года К. Мерецков, тогдашний командующий войсками Ленинградского военного округа, был вызван Хозяином. «У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля мирового коммунистического движения Куусинена, – писал Мерецков. – Мне рассказали об опасении, которое возникло у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства... Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных империалистических группировок – немецкой и англо-французской... Имеются разные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии... В этой связи на меня возлагается обязанность подготовить план прикрытия границы от агрессии и план контрудара по вооруженным силам Финляндии».

Поразительная сцена! Никто из собеседников, естественно, всерьез не думает, что маленькая Финляндия нападет на огромную Империю. Никто всерьез не верит, что Гитлер, с

которым тогда заканчивались успешные переговоры, или Англия и Франция, с которыми они в то время велись, начнут в Финляндии «антисоветские действия».

Собеседники отлично понимают: речь идет о подготовке к захвату Финляндии, а «известный деятель мирового коммунистического движения» финн Куусинен должен будет образовать марионеточное правительство... Но таков обязательный «глубокий язык». На нем «нападение» всегда будет называться «защитой» и «агрессия» – «обороной от агрессии».

Далее все было разыграно как по нотам. Финляндии был предложен невозможный территориальный обмен: Хозяин потребовал уступить районы Карелии, где проходила оборонительная линия Маннергейма, и районы, прилегающие к Ленинградской области. Переговоры, естественно, зашли в тупик, и вскоре советское правительство объявило: «26 ноября наши войска... были неожиданно обстреляны с финской стороны артиллерийским огнем... в результате чего убито четверо и ранено 10 человек».

Напрасно финны доказывали, что пушечные выстрелы были произведены с советской стороны, что убили собственных солдат... Война началась.

За агрессию против Финляндии СССР был исключен из Лиги Наций. Куусинен тотчас образовал правительство Финляндской Демократической Республики из жалких остатков финских коммунистов, не сгинувших в дни террора. Впрочем, сам «известный деятель коммунистического движения» не знал не только о судьбе своих товарищей, но и о собственной семье. Плохо он был информирован и о предполагавшемся будущем Финляндии.

Маршал Конев в своих воспоминаниях пишет, как в присутствии адмирала Исакова и Ворошилова, начиная финскую войну, Хозяин сказал: «Надо будет финнов переселить... Население Финляндии меньше населения одного Ленинграда, можно будет переселить...» Так что, возможно, бедному Куусинену предназначалось исчезнуть вместе с правительством и народом. Хозяин умел осуществлять грандиозные проекты. Если Бог поселил народ не там – он исправит Бога.

Но Бога он не исправил. Войну предполагалось выиграть молниеносно («Было велено вести боевые действия с учетом продолжительности войны 12 суток», – писал Мерецков). Но последовали сокрушительные поражения. Только ценой невероятного напряжения удалось остановить наступление финнов.

«200 тысяч лежат в снежных сугробах и смотрят невидящими глазами в наше хмурое небо, и в том нет нашей вины», – сказал финский президент Маннергейм... И еще – почти три сотни тысяч калек и пропавших без вести.

Маленькая Финляндия выстояла. Руководство Красной армии во главе с Ворошиловым доказало свою бездарность, что весьма успокоило Гитлера. Но ресурсы Финляндии были мизерны, и пришлось ей заключать мирный договор – с потерей территорий.

Хозяин сделал выводы: выгнал Ворошилова из наркомов. Назначенный на его место маршал Тимошенко сказал финскому военному атташе: «Русские многому научились в этой тяжелой войне».

Восстановленная империя

Между тем весь 1940 год Гитлер пожинает успехи, превосходящие самые смелые мечты.

Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург и, наконец, Франция – стремительно пали... Мощные танковые атаки, десанты за линию фронта, парашютисты, приземлявшиеся в полях и на крышах домов и начинавшие тотчас бесстрашно действовать, беспощадные налеты авиации, обращавшие в руины города, – такова была эта война железного XX века.

После каждого нового акта агрессии Хозяин не забывает поздравить Гитлера. Но под аккомпанемент этих поздравлений начинает брать по векселю: одну за другой оккупирует республики Прибалтики, причем все это совершается, «чтобы положить конец интригам, посредством которых Англия и Франция пытаются сеять разлад между Германией и СССР в Прибалтийских государствах». Насмешник Хозяин оккупирует Прибалтику исключительно в интересах дружбы с Германией. Эстония, Латвия, Литва (естественно, «по просьбе своих народов») вновь возвращаются в Империю.

Он поспешил на Балканы и летом 1940 года предъявляет ультиматум Румынии – вернуть Бессарабию, захваченную ею в 1918 году. Мощная группировка советских войск сосредоточилась у границ Румынии. Нефть этой страны питала всю немецкую военную машину, и Гитлер, испуганный возможным военным конфликтом, вынужден нажать на румынское правительство. Румыния покорно соглашается отдать земли.

Захватывая больше, чем договаривались, Хозяин все время выказывает преданность Гитлеру. Летом 1940 года, когда новый английский посол в Москве заговорил с ним о союзе против Гитлера, он тотчас послал фюреру текст своего ответа: «Сталин... не обнаружил никакого желания у Германии поглотить европейские страны... Он не считает, что военные успехи Германии представляют какую-то опасность для Советского Союза».

Над кем он издевался – над англичанином? Над Гитлером? Над обоими?

На оккупированных территориях он беспощадно создает «морально-политическое единство общества». НКВД чистит присоединенные области от «чуждых элементов»... И шли эшелоны с новыми зеками: буржуазия, интеллигенция, богатые крестьяне, белоэмигранты, политические деятели – теперь они станут новыми тружениками в его ГУЛАГе. Их везли в товарных составах: нары в два этажа, в центре выводная труба для параши, в крохотные зарешеченные окошки плохо поступет воздух.

В одном из таких вагонов ехал в лагерь арестованный в Литве еврей. Его звали Менахем Бегин – будущий премьер государства Израиль...

Англия держалась, истекая кровью. Сменивший Чемберлена Черчилль был непреклонен: «Мы будем защищать наш остров, чего бы нам это ни стоило. Мы будем сражаться на побережье... мы будем сражаться на полях и улицах... мы никогда не сдадимся, даже если этот остров или большая его часть будут поработены и начнут умирать от голода... Тогда наша империя будет сражаться за морями... пока по воле Божьей Новый свет не выступит для освобождения Старого света».

Гитлер назначил день форсирования Ла-Манша – высадки в Англии, но англичане бомбежками десантных судов сорвали операцию... А потом последовала неожиданность: в августе 1940 года английская авиация впервые бомбила Берлин. Немцы никак не думали, что это может случиться. Это был шок: война пришла в Германию.

Взбешенный Гитлер предпринял невиданную бомбардировку Лондона. Гигантский столб огня над городом, непрерывные ночные налеты – бомбовый террор. Но и это не сломило англичан. Более того, они постепенно начинают выигрывать войну в воздухе.

В это время оба Вождя заверяют друг друга в дружбе. Молотов отправлен в Берлин с 48-часовым визитом – обсуждать будущие сферы влияния. Переговоры велись в бомбоубежище под грохот очередного налета англичан.

– С Англией покончено, – решительно сказал Риббентроп.

– Тогда почему мы здесь сидим? – сухо спросил Молотов.

Да, Хозяин понимал – Гитлер явно не закончил с Англией.

Почему он не верил?

Существует общепринятая версия: именно тогда коварный Гитлер окончательно решил напасть на своего ничего не подозревающего союзника. Именно в то время безумный фюрер готовит план «Барбаросса» – план нападения на СССР.

В декабре 1940 года Гитлер его подписал – все было решено за полгода до объявления войны.

Полгода! И все это время и Черчилль, и оставшиеся в Германии добровольные шпионы, работавшие на Коминтерн, сообщали Хозяину: Гитлер решил напасть. О том же сообщал ему и Рихард Зорге – тайный член немецкой компартии, внук сподвижника Маркса. Зорге работал в Японии под видом нацистского журналиста и регулярно поставлял в Москву разведывательную информацию. Именно ему удалось сообщить точную дату немецкого нападения.

Но Сталин не поверил – ни Зорге, никому. И оно состоялось – внезапное нападение, совершенно неожиданное! Его первая шахматная партия на внешнеполитической арене закончилась крахом. Такова общепринятая версия.

Но эта версия вызывает изумление. Коварный Хозяин, восточный политик, первым правилом которого было не доверять никому, вся стратегия которого состояла в том, чтобы усыпить бдительность врага, вдруг оказался так доверчив к старому врагу и настолько был им усыплен, что не обращал ни малейшего внимания на постоянные предупреждения. Он абсолютно доверяет лгуну Гитлеру, который столько раз предавал, нарушал слово! Это возможно, если только речь идет о другом человеке, но не о нашем герое! У него не тот характер. И он доказал это всей своей жизнью. Тогда что же произошло?

Уже в марте 1941 года разведка представила ему фактически весь план «Барбаросса». Там значилось: начало войны намечено на период от 15 мая до 15 июня. Но прагматик Хозяин верил только в разум: Гитлер не может пуститься на такую авантюру, не может воевать одновременно с несколькими странами, чей потенциал в сумме несоизмеримо больше потенциала Германии.

Не мог он верить и постоянным предостережениям Черчилля, тем более что тот забавно ошибся в одном из своих предсказаний: предупредил Сталина о начале агрессии немцев в мае 1941 года, но именно тогда германские части вместо СССР напали... на английскую базу на острове Крит. Хозяин со своей тихой усмешкой мог спросить: почему британская разведка так печется об интересах Советского Союза, но не может помочь самой себе? И легко ответить: Англия исходит кровью в неравной борьбе, и Черчилль любой ценой хочет втолкнуть его в войну. Так что не мог он верить Черчиллю.

Не мог верить Хозяин и своему разведчику Зорге. Всех работавших с ним расстреляли, да и сам Зорге уклонялся от приезда в СССР... Как можно верить невозвращенцу?

И когда в начале 1941 года Гитлер начал войну на Балканах, Сталин имел право окончательно успокоиться. В апреле югославы капитулировали, и Гитлер двинулся в Грецию.

Теперь Хозяину было ясно, куда метил фюрер: захватив Грецию, он получал возможность уничтожить англичан в Египте, взять Суэц. О том же, кстати, думал Черчилль, моливший Америку вступить в войну: «Я умоляю вас, мистер Президент, взвешенно оценить всю серьезность последствий краха на Ближнем Востоке... Этот удар должен стать концом Британской империи».

И было еще одно забавное доказательство невозможности скорого нападения Гитлера на Россию. В мае он был еще на Балканах. Значит, нападение могло случиться никак не ранее конца июня. Отсюда вывод: Гитлер должен подготовиться к русской зиме. Показателем намерений немецкой армии к нападению должны были стать... бараньи тулупы. Для армии их потребуются миллионы, и сталинская разведка тщательно следила... за баранами в Европе. Если Гитлер решился на нападение, он должен срочно позаботиться о тулупах, а это значит, что цены на баранье мясо должны резко пойти вниз, и вверх – на бараньи шкуры. Ничего подобного его разведка не доносила, так что по всему Хозяин имел право полагать: Черчилль решил втянуть в войну Америку мольбами, Россию – дезинформацией.

Итак, Сталин вполне логично заключил: Гитлер не может броситься на Россию. Но Гитлер все-таки бросился. Почему? Может быть, Хозяин не учел иррациональный момент, гитлеровскую экзальтацию? Нет, он замечательно чувствовал людей. Гитлер был истериком, который... играл в истерика, он поддавался наитию, но большей частью... играл в наитие. В узком кругу он часто издевался над тем, что иступленно проповедовал толпе. Решения Гитлера всегда смелы, но логичны. Фюрер – такой же актер, как... Хозяин, только с другим темпераментом. Он европейский актер – декадент с истеричной, многословной речью... Хозяин – восточный актер: он не говорит – он вещает. И удел жрецов – многие дни толковать немногие слова Богочеловека...

Но почему же Гитлер все-таки принял это самое нелогичное решение в самый ответственный миг своей жизни?

Чтобы понять это, нам придется забыть все общепринятые версии.

Он сам готовился к нападению

Офицер Главного разведывательного управления Владимир Резун решился остаться на Западе, чтобы опубликовать некое открытие, которое мучило его всю жизнь.

Все началось на занятиях в Академии. На лекциях по стратегии Резун услышал: если противник готовится к внезапному нападению, он должен прежде всего стянуть свои войска к границам и расположить аэродромы как можно ближе к линии фронта.

На лекции по военной истории Резун услышал о том, что Сталин, поверив Гитлеру, оказался совершенно не готов к войне. Он допустил серьезнейшие ошибки и, в частности, стянул к границе лучшие свои части и расположил свои аэродромы на самой границе с немцами. Резун начал изучать этот вопрос и с изумлением понял: оказывается, доверчивый Сталин после заключения пакта бешено наращивал темпы вооружений и накануне войны разворачивал все новые и новые дивизии у самой границы – по всем правилам стратегии внезапного нападения.

И Резун спросил себя: что же получается? Выходит, сам Сталин собирался напасть на Гитлера?

Да, заключив пакт с Гитлером, Сталин толкнул его на новые завоевания. И пока Германия

упоенно воевала, уничтожая капиталистическую Европу, Хозяин готовил Большую войну с Гитлером. Победив в этой войне, он становился освободителем обескровленной Европы и ее повелителем. Сначала – «СССР всей Европы». А дальше – «только советская нация будет», как обещал поэт.

Что ж, Хозяин точно оценил важность появления Гитлера для победы Великой мечты.

Все это время шла идеологическая подготовка войны: газеты, радио, кинофильмы возвеличивают армию. Главная пьеса предвоенного театрального сезона в Москве – «Парень из нашего города» К. Симонова – о военных. И не зря Хозяин отправляет в военные училища обоих своих сыновей – профессия офицера становится самой престижной. Композиторы и поэты получают социальный заказ – и появляется множество песен о Большой войне и скорой победе, таких, как знаменитый «Марш танкистов»: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...»

«Правда» печатает выступление летчика Байдукова: «Какое счастье и радость будут выражать взоры тех, кто тут, в Кремлевском дворце, примет последнюю республику в братство народов всего мира! Я ясно представляю бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, склады и позиции противника... штурмовики, атакующие ливнем огня... десантные корабли, высаживающие дивизии...»

Сразу после заключения пакта о ненападении по личному указанию Сталина начинает разрабатываться... план мобилизационного развертывания Вооруженных Сил СССР. Главное сосредоточение усилий планируется – на Западном фронте. В Полевом уставе 1939 года написано: «Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий».

Как пишет Я. Чадаев, тогдашний управляющий делами Совнаркома, в своих неопубликованных воспоминаниях (мы еще не раз к ним вернемся): именно в это время Хозяин поручает ему «подготовить справку о принятых в годы гражданской войны... решениях по оборонным и хозяйственным вопросам». И «постоянно тормозит»:

– Как идет сооружение нового бомбоубежища в Кремле?

– Работы ведутся круглосуточно, – отвечает Чадаев, – два месяца – и все будет готово.

– Примите меры к тому, чтобы закончить раньше...

Гитлер, конечно же, все это знал – разведка работала. Понимал он и то, зачем Сталин создал мощнейший военный кулак на границе с Румынией (Бессарабия была только поводом). Там, в Румынии, – тайное сердце Германии, там нефть.

Оба союзника-врага, разумеется, никогда не доверяли друг другу. Но оба знали точно: к нападению до конца не готовы ни тот, ни другой, и это успокаивало обоих.

Сталин показывает миролюбие – демонтирует линию укреплений. Но Гитлер знает: Красная армия стоит у его границ. В феврале 1941 года Хозяин разворачивает командные пункты, но зато в мае, задабривая Гитлера, закрывает в Москве посольства Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии – государств, враждебных Германии.

5 мая, выступая на выпускном собрании Академии командиров Красной армии, Сталин прямо сказал: «Дело идет к войне, и противником будет Германия». Он заявил: «Произошла коренная перестройка армии и ее резкое увеличение», привел точную цифру – 300 дивизий – и сообщил: «Из них треть – механизированные».

Беда всех диктаторов – им говорят то, что они хотят услышать... Хозяин не знал, что из 300

дивизий четверть еще только формируется, что из его военных училищ, которые он лихорадочно открывал в те годы, выходят плохо обученные командиры.

После выступления, уже во время банкета, он пояснил: «Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, – теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону страны, мы обязаны действовать

наступательным образом».

Вот что пишет об этой речи слышавший ее Чадаев: «Слова Сталина: «Дело идет к войне, и противником будет Германия» были вычеркнуты. В «Правде» был очень скупой отчет. Через корреспондента немецкого информационного бюро был направлен ложный текст, где Сталин делал упор на пакт о ненападении, подчеркивал, что мы не ожидаем агрессии от Германии...»

Тогда же ему докладывают проект создания Ставки Главного командования. Предполагалось в скором времени провести военные учения – «перевод страны под руководством Ставки на военное положение»... Еще в феврале состоялась партийная конференция, посвященная «оборонным вопросам». Сталин предложил «увеличить объем промышленности (военной. –

Э.Р.) на 17–18 процентов».

Так он спешил с «обороной».

«Самим начать»

– Сталин не планировал нападение на Германию в 1941 году, – заявил автор книги о нем Дмитрий Волкогонов – генерал-лейтенант, историк, первый, кому разрешили работать во всех секретных архивах.

«Передо мной, – писал он, – несколько документов, адресованных Сталину и Молотову. Нарком обороны маршал С. Тимошенко, начальник Генштаба Г. Жуков докладывали «уточненный план развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке», подготовленный 11 марта 1941 года... В плане говорится, что сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ. Военачальники считают, что Германия может нанести главный удар на юго-востоке, имея целью прежде всего захватить Украину, а вспомогательные – на Двинск и Ригу. 14 мая Тимошенко и Жуков отправляют особой важности директивы командующим войсками Западного, Прибалтийского, Киевского военных округов. Нигде ни слова об ударе по германским войскам, все документы требуют предпринимать меры обороны».

Но старый работник Политуправления Волкогонов должен был знать цену идеологическим словам. «Оборона» – идеологическое слово. На «глубоком языке», как выяснилось уже в финскую войну, оно часто означает нападение.

Тот же Волкогонов впервые привел удивительный документ, подготовленный Жуковым в Генеральном штабе для Сталина 15 мая 1941 года: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар... Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий

германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Волкогонов указывает: «Жуков не расписался». И делает вывод: документ не был доложен Сталину.

Но ситуация оказалась иной.

Документ, о котором писал Волкогонов, сохранился полностью, находится в Историко-архивном и военно-мемориальном центре Генерального штаба и называется «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Документ адресован Сталину.

На 15 страницах текста «Соображения» рассказывают о плане

внезапного нападения на Германию.

«В настоящее время Германия... вместе с союзниками сможет выставить против СССР 240 дивизий». Предлагалось:

«Упредить противника в развертывании и атаковать... Стратегической целью действий войск поставить разгром главных сил немецкой армии... и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка – Оломоуц...

Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо:

1. Произвести скрытое отмотобилизование войск под видом учебных сборов офицеров запаса.
2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе.
3. Скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл...»

Главный удар должен был нанести Юго-Западный фронт в направлении Краков – Катовицы. Целью этого наступления было отрезать Германию от ее южных союзников (Италии, Венгрии, Румынии).

«Соображения» снабжены подробными картами и схемами. Документ разработан и написан

от руки черными чернилами генерал-майором Василевским, заместителем начальника Генерального штаба, поправки внесены первым заместителем генерал-лейтенантом Ватутиным. Оставлено место для подписей начальника Генштаба Жукова и наркома обороны Тимошенко.

Обе подписи действительно отсутствуют, но это совсем не значит, что документ не был доложен Сталину. Просто перед нами типичный

рукописный черновик (подлинник, скорее всего, был уничтожен во время регулярных чисток архивов, ибо не должен был сохраниться документ, свидетельствующий о планах нападения СССР на Германию).

Нет, подобная кропотливая работа руководителей Генштаба не могла делаться без ведома Хозяина. Недаром, согласно Журналу регистрации посетителей Сталина, вся троица – Жуков, Тимошенко и Василевский – побывала в те майские дни не раз (12, 19 и 24 мая) в кабинете Сталина.

И не случайно тогда же (15 мая) в войска была направлена директива Политуправления, уже откровенно настраивавшая армию: «Многие политработники забыли известное положение Ленина: «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот». И далее: «Иногда дается такое толкование о войнах справедливых и несправедливых: если страна первой напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой. И наоборот: если страна подверглась нападению и только обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Из этого делается вывод, что якобы Красная армия будет вести оборонительную войну, забывая ту истину, что

всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет справедливой».

Яснее не скажешь.

Лицо бога войны

И Гитлер решился сделать ход первым. Зная о планах Сталина, он готовил план «Барбаросса». Зная, что Сталин не верит в немецкое нападение, он использовал его уверенность и решился на безумие. И, надеясь на слабость сталинской армии, подтвержденную в Финляндии, на ненависть народа к большевизму, на фактор внезапности, Гитлер делает этот шаг.

Он верит: это даст ему молниеносную победу, ибо только она может спасти его.

Хозяин по-прежнему не верит в безумный шаг Гитлера. Он уверен: у него есть время, и он спокойно готовит свой поворот – тот внезапный удар, о котором писали его военачальники в «Соображениях».

Но по мере приближения рокового дня, несмотря на уверенность, он начал нервничать – слишком много сводок о передвижениях немцев у границы.

Он бросил пробный шар. 14 июня последовало заявление ТАСС о том, что «слухи, появившиеся в английской и не только в английской печати, о близости войны между СССР и Германией – это неуклюжая пропаганда враждебных СССР и Германии сил».

Он ждет. Но никакого ответного шага от Гитлера не последовало.

Из германского посольства уезжают сотрудники. Правда, лето, время отпусков – но отъезд носит слишком массовый характер. И опять, проигрывая ситуацию, Хозяин понимает: не может Гитлер сейчас начинать, не сумасшедший же он – грядущая зима, раздетая армия... Тогда что же? Пугает? Возможно, сам боится? Хочет добиться каких-то гарантий? Ну что ж, дадим гарантии, отодвинем дивизии. А потом опять придвинем... И вымуштрованная команда не смела говорить обратное: Молотов знал, когда следует спорить с Хозяином (точнее, когда тот

хочет, чтобы с ним спорили). Нет, задача Молотова сейчас – как и посла в Германии Деканозова, как и прочих холуев – подтверждать мысли Вождя.

18 июня Сталину передали донесение агентов из Германии о дислокации немецких истребителей и назначении глав будущих оккупированных русских земель. Он поставил резолюцию: «Можете послать ваш источник на...»

Наконец нарком обороны не выдержал. Как пишет тот же Чадаев, Тимошенко сказал на

очередном совещании: «Приготовления Германии явно свидетельствуют: война начнется в этом году и скоро». И получил жесткий ответ: «Не пугайте нас, гитлеровская Германия попросту пытается спровоцировать»...

В те дни Хозяин, как всегда, занимался всем. В Узбекистане работала научная экспедиция. Знаменитый антрополог Михаил Герасимов, восстанавливавший по черепам лица людей, предложил открыть гробницу Тимура. Хозяин согласился – ему хотелось увидеть лицо великого завоевателя...

Тимур был похоронен в Самарканде – в мавзолее Гур-Эмир.

Еще в начале экспедиции Хозяину сообщили местное предание: нельзя нарушать покой бога войны, иначе жди беды – на третий день вернется Тимур с войною. Так говорили старики на базаре в Самарканде.

Но Сталин, видевший, как выбрасывали из гробниц мощи русских святых, взрывали церкви, убивали священников, должен был только улыбнуться. Он сам был восточным богом. Что ему кости Тимура!

В ночь на 20 июня 1941 года склеп мавзолея Гур-Эмир был озарен светом прожекторов. Кинохроника снимала вскрытие могилы. Гигантская мраморная плита в 240 пудов была сдвинута, в темноте саркофага стоял черный гроб, покрытый истлевшим золотым покрывалом. Тимур умер далеко от Самарканда, и к месту погребения его привезли в этом гробу. Старик, работавший в мавзолее, молил не открывать крышку гроба – над ним посмеялись. Из крышки выбили огромные гвозди... Герасимов торжественно достал череп Тимура и продемонстрировал перед камерой. Пленку отвезли в Москву.

Хозяин увидел: череп бога войны глядел на людей...

События развивались: 21 июня ему сообщили, что немецкий фельдфебель-перебежчик заявил: война начнется на рассвете 22 июня.

Неумолимо верящий в здравый смысл, он знает – это провокация. Но весь день из пограничных округов идут сведения о передвижениях немецких войск у границы.

Ночью он все-таки дает осторожную директиву: «В течение 22–23 июня возможно нападение немцев на фронтах. Нападение может начаться с провокационных действий, задача наших войск не поддаваться ни на какие провокации, но одновременно быть в полной боевой готовности, чтобы встретить внезапный удар немцев и их союзников. В течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов. Рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, тщательно ее замаскировать. ВВС привести в боевую готовность».

Глава военно-морского ведомства адмирал Кузнецов получил указание: связаться немедленно с командующими флотами – объявить полную боевую готовность.

В 21 час 30 минут Молотов вызвал посла Шуленбурга и высказал обеспокоенность своего правительства: «В чем причина массового отъезда сотрудников посольства? В чем недовольство Германии, если оно есть? Почему нет ответа на миролюбивое заявление ТАСС?»

Шуленбург отвечал невразумительно, он был явно подавлен.

Молотов, конечно же, все понял. И думаю, испугался: не дай Бог, если выйдет, что он понял, когда Вождь не понял...

И Молотов предпочел

не понять растерянность Шуленбурга.

Политбюро заседало весь день. В полночь после заседания черные машины повезли Хозяина и ближайших его соратников на Ближнюю дачу. Он старался отвлечься...

Молотов: «21 июня были на даче у Сталина часов до 12. Может быть, даже кино смотрели».

Но с весельем не выходило. И он предложил Молотову отправить шифрограмму послу в Берлине – пусть поставит перед Риббентропом те же вопросы, которые задавали Шуленбургу.

Молотов поехал в наркомат. В 00.40 (уже 22 июня) в Берлин пошла шифрограмма.

В 3.30 немецкие самолеты сбросили бомбы на Белоруссию. В 4.00 немцы уже бомбили Киев и Севастополь.

В это время Хозяин мирно спал на Ближней даче.

Из воспоминаний Г. Жукова: «Нарком велел мне звонить Сталину. Заспанный голос дежурного:

– Кто говорит?

– Начальник штаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас? Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно, немцы бомбят наши города».

Минуты через три Сталин подошел. Жуков доложил обстановку.

В ответ – молчание.

– Вы меня поняли? – переспросил Жуков.

Снова молчание. И наконец:

– Где нарком? Приезжайте с ним в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы вызвал все Политбюро.

В ночь на 22 июня началась война.

Шел третий день после вскрытия гробницы Тимура.

Глава 21 Первые дни войны

Двадцать второго июня,

Ровно в четыре часа,

Киев бомбили,

Нам объявили,

Что началась война... Из советской песни

Свидетель

Еще горели фонари, когда машина Хозяина въехала в Кремль. Немцы напали – в воскресенье, на умеющую отдыхать страну. Сколько хмельных голов отсыпалось после вчерашних веселий! Так что он, конечно же, со страхом ждал известий об уроне.

Он приехал в Кремль первым. И вскоре, разбуженные Поскребышевым, входили в его кабинет члены Политбюро.

Я просматриваю Журнал регистрации лиц, принятых Сталиным в тот страшный день, точнее, рассветное теплое утро. 22 июня – Молотов, потом Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков, Маленков, Микоян, Каганович...

Но среди пришедших в кабинет был человек, не указанный в Журнале, ибо он не был посетителем.

Я. Чадаев был управляющим делами Совнаркома. Хозяин поручил ему вести краткие записи всех заседаний Правительства и Политбюро, проходивших в его кабинете.

Как упомянет несколько раз Чадаев в своих воспоминаниях, он «был единственным, кому Сталин разрешил записывать». Поэтому его рукопись о драматическом начале войны, написанная уже после смерти Хозяина, представляет огромный интерес.

После кончины самого Чадаева рукопись оказалась в секретном фонде Архива Октябрьской революции. Там, уже в период Перестройки, мне удалось прочесть эти неопубликованные воспоминания, названные автором «В грозное время».

В первые дни войны, согласно стойкой легенде, Сталин, потрясенный гитлеровским нападением, совершенно растерялся, впал в прострацию, а затем попросту уехал из Кремля на Ближнюю дачу, где продолжал пребывать в совершенном бездействии. Я знал его биографию (уроки, полученные в Гражданской войне, когда большевики, потерявшие три четверти территории, смогли победить), и все это показалось мне очень странным.

Но, прочтя чадаевские воспоминания, я смог понять поведение Сталина...

Чадаев: «На рассвете у Сталина были собраны члены Политбюро плюс Тимошенко и Жуков. Докладывал Тимошенко: «Нападение немцев следует считать свершившимся фактом, противник разбомбил основные аэродромы, порты, крупные железнодорожные узлы связи...» Затем Сталин начал говорить, говорил медленно, подыскивая слова, иногда голос прерывала спазма. Когда он закончил, молчали все и молчал он. Наконец он подошел к Молотову: «Надо еще раз связаться с Берлином и позвонить в посольство».

Он еще цепляется за надежду: а может, все-таки провокация?

«Молотов из кабинета позвонил в наркомат иностранных дел, все ждали, он сказал кому-то, чуть заикаясь: «Пусть едет». И пояснил: «Шуленбург хочет меня видеть». Сталин сказал коротко: «Иди».

Первый заместитель начальника Генерального штаба Ватутин отлучился из кабинета на несколько минут, чтобы получить новые данные, вернулся и объявил: «Немецкие войска быстро двинутся вглубь страны, не встречая сильного сопротивления».

Молотов ушел в свой кабинет в Кремле с видом на колокольню Ивана Великого. Туда и приехал к нему посол Шуленбург.

Чадаев: «После беседы с Шуленбургом Молотов вернулся в кабинет и сказал: «Германское правительство объявило нам войну». Это вызвало замешательство среди членов Политбюро».

Да, они верили Хозяину и по-прежнему надеялись: это всего лишь провокация – проверка сил. Разговор с послом все утрясет.

«Сталин произнес спокойно: «Противник будет бит по всему фронту». И обратился к военачальникам: «Что вы предлагаете?»»

Жуков: «Дать указания пограничным войскам ударить по всему фронту и задержать зарвавшегося противника».

Тимошенко: «Не задержать, а уничтожить».

Было решено: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. До особого распоряжения границу не переходить. Авиации нанести бомбовый удар по войскам и по территории, занятой противником...»

В этот первый день войны все были настроены довольно оптимистически, верили, что это лишь кратковременная авантюра с близким провалом».

Думаю, Чадаев не прав: и Тимошенко, и члены Политбюро просто подыгрывали Хозяину, не смели сказать иное – ведь потом не простит, запомнит, разделается с ними. И Хозяин тоже играет в оптимизм, но он, конечно, уже понял – произошла катастрофа. У Гитлера все преимущества напавшего первым. Но каковы размеры катастрофы?

Чадаев: «Я мельком видел Сталина в коридоре... Вид у него был усталый, утомленный. Его рябое лицо осунулось. В первой половине дня Политбюро утвердило обращение к советскому народу. В 12 часов его зачитал Молотов».

Он выставил Молотова вперед: он подписывал пакт – пускай и расхлебывает. А пока они вместе составляют обращение к народу – два партийных журналиста, когда-то редактировавших «Правду».

Молотов: «Сталин не хотел выступать первым, хотел понять картину, тон и какой нужен подход».

В полдень страна услышала обращение правительства. Во многих городах его уже слушали под грохот рвавшихся бомб. Молотов был явно растерян – говорил трудно, чуть заикался и закончил свою речь написанными Сталиным словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Всю войну, бесчисленное количество раз будет повторяться, вводиться в сознание эта фраза. Сталин сделает ее заклинанием.

Чадаев: «В 2 часа меня вызвали в кабинет Молотова, туда пришел и Сталин. Он сказал: «Ну и волновался же ты, но речь прошла хорошо».

Молотов счастлив. Он знает Хозяина – сейчас тот будет искать виноватых. Но им будет явно не Молотов.

Однако страна ждет выступления всезнающего бога, а бог пока молчит, ждет – что будет на

фронтах. И подыскивает первых виноватых.

Чадаев: «Вечером Сталин был настроен мрачно, говорил гневно: «Павлов (командующий Западным фронтом, принявшим на себя первый удар немцев.

– Э.Р.) не имеет связи даже со штабами армий, говорит, опоздала директива... Почему опоздала? А если б мы вообще не успели дать директиву? Разве без директивы армия не должна находиться в полной боевой готовности, разве я должен приказывать своим часам, чтобы они шли?»

Первый виноватый был определен.

«Сталин продолжал: «Надо поручить эвакуировать население и предприятия на восток.

Ничего не должно доставаться врагу».

За этой фразой – гибель от рук отступающей армии городов, сел, заводов, азиатская тактика выжженной земли. Тогда, в панике отступления, это было только пожеланием. В скором будущем – станет реальностью.

Безумный день продолжался. С фронта поступали все новые отчаянные сведения.

Чадаев: «Докладывал Тимошенко:

– Удар превзошел все ожидания. В первые часы войны вражеская авиация нанесла массированные удары по аэродромам и войскам.

– Стало быть, много советских самолетов уничтожено прямо на земле? – Сталин пришел в неопишное негодование, прохаживался по кабинету. – Неужели до всех аэродромов добралась немецкая авиация?

– К сожалению, так.

– Сколько же уничтожено самолетов?

– По предварительным подсчетам, около 700».

«На самом деле, – пишет далее Чадаев, – в несколько раз больше... Наиболее тяжелые потери понес Западный фронт».

И опять – проклинал командующий Павлов.

«Это же чудовищное преступление, – сказал Сталин. – Надо головы снимать с виновных». – И тут же поручил НКВД расследовать это дело».

Двенадцатичасовой рабочий день закончился в 17.00. Последним из кабинета вышел Берия – видимо, после обычных решений: виновных расстрелять. Но они уже лежали там – рядом с самолетами...

Ночью работа возобновилась. До половины четвертого он непрерывно принимает посетителей. В ту ночь была создана Ставка Главного командования, которую он задумал создать еще в мае, – высший орган управления Вооруженными Силами. Он назывался Ставкой и при свержении Николае II, и это было не случайно. Как не случайно Сталин вернет в армию ненавистные революционерам офицерские погоны. Интернационализм, мировая революция – все спрятано в стол. На свет появилась национальная идея Русского государства – идея Отечества...

Он решил осмотреться – и пока главой Ставки назначил Тимошенко.

Последние посетители покидают его кабинет в 6 утра. День мешается с утром.

Любимая маска спокойствия сброшена. Теперь он подлинный – никакой протрации, бессилия. Его постоянное состояние – ярость. Он ненавидит всех за свою вину.

Чадаев: «Хотя наши войска мужественно стремятся выполнить директивы о контрнаступлении, – докладывает Тимошенко, – однако ожидаемых результатов пока не достигли.

Сталин, выслушав Тимошенко, пришел в бешенство. Он винил во всем командование Западного фронта... Потом обрушился с упреками на Ватутина и Тимошенко.

Побледневшие Тимошенко и Ватутин, пряча обиду, попросили послать их на фронт.

– Фронт от вас никуда не уйдет. А кто в Генштабе расхлебывать будет сложившуюся ситуацию, кто будет исправлять положение?

Их просьба еще более распалила его негодование... Был вызван на заседание нарком танковой промышленности Малышев...

– Медленно поворачиваетесь, – прервал его доклад Сталин и начал задавать конкретные вопросы о том, как расширить военное производство и как наладить дело с броневым листом. Было решено образовать на Урале и в Сибири новую базу танкостроения».

Он, конечно, понимал: даже если немцы займут всю европейскую Россию, останутся бескрайние просторы Сибири, богатейший Урал. Можно воевать и там.

Чадаев: «В завершение по телефону он позвонил заместителю начальника Генштаба Василевскому: «Немедленно передайте командующим фронтами, что мы выражаем крайнее недовольство отступлением войск».

Но войска «самой наступающей из армий» оказались пока беспомощны. Армия стремительно отступала.

Чадаев: «Были приглашены ожидавшие в приемной секретарь МГК Г. Попов и секретари райкомов. Сталин провел трубкой по усам и сказал: «В ЦК поступают многочисленные просьбы от советских людей создать народное ополчение... Идя навстречу москвичам, мы создадим несколько добровольческих дивизий из ополченцев».

В его мозгу уже сформировалась кровавая мысль восточного полководца: приберечь резервы, сохранить свежие, формировавшиеся в те дни в Сибири новые дивизии. Там – страна охотников, там много молодежи. А пока затыкать дыры на фронте человеческим мясом народного ополчения – городской интеллигенцией, очкариками, с трудом умевшими стрелять, молодыми мальчиками из вузов – и потрепанными, истекающими кровью отходящими частями.

И начался патриотический призыв в ополчение. Запись была объявлена добровольной, но это был «глубокий язык»: отказавшихся записаться «обливали презрением и обещаниями расправиться».

И продолжались поиски виноватых.

«В кабинете Молотова он сказал Деканозову – бывшему послу в Германии: «Детеныш утки уже в яйце знает воду, а вы ведь тертый калач. В личных разговорах со мной вы утверждали, что раньше 1942 года не следует ожидать нападения... Как же вы... Словом, надежды на вас не оправдались!»

Обрушился он и на маршала Кулика, бездарного военного, который был взят им вместо репрессированных маршалов: «Надо дать по жопе этому бездельнику Кулику!» Так в лихорадочной деятельности идут дни. Ярость и обычная работа – без усталости.

Но уже открылись подлинные размеры случившегося: военная катастрофа.

Чадаев: «Тимошенко докладывает, что ведется перегруппировка сил, чтобы сдержать противника.

– Значит, вы теперь уже не собираетесь, как вы собирались раньше, разгромить противника?
– спрашивает Сталин.

– Да, с ходу это не удастся сделать, но после подтягивания новых сил мы, безусловно, разгромим».

И все чаще Хозяин срывается: это теперь его обычное состояние.

«Сталин стоял у карты, его соратники смотрели укоризненно в его спину. Они не успевали сделать одно, как он поручал другое».

Он решил: пора прекращать игру. Пора начинать осторожно говорить правду, пока народ еще не смеет сказать ее сам.

«Мы утешали себя надеждой, что враг вот-вот будет остановлен и разбит, а он продолжает лезть вперед...» – Сталин умолк, он выглядел бледным и расстроенным».

Черная столица

Чадаев: «24 июня в 3 часа ночи была объявлена воздушная тревога. Командующий зоной ПВО сообщил, что на Москву идет группа самолетов, заревели сирены, население укрылось в бомбоубежищах, зенитная артиллерия открыла огонь...»

И сбитые самолеты, чертя горящий след, падали на землю.

«Но уже вскоре все разъяснилось. Командующий ПВО позвонил: «Наши тут немного поднапутали, оказалось, мы стреляли по своим возвращавшимся с бомбардировки самолетам».

Чадаев не добавил: и успешно сбили их. Уже в первые дни войны обстановка паники и ужаса пришла в Москву. На окнах маскировка, фонари не горят. «Рай для влюбленных – можно целоваться посреди улицы», – писал поэт.

«25 июня Поскребышев срочно вызвал меня в приемную Сталина. Надо было сделать протокольную запись. Я сразу же вошел в кабинет. Кроме Сталина, Тимошенко и Ватутина, никого не было. Ватутин заканчивал доклад.

– Если резюмировать коротко, то положение на фронтах крайне тяжелое. Не исключено, на какое-то время оно станет еще более тяжелым... – сказал Сталин.

После этого Тимошенко спросил Сталина: отправлять ли на передовую позицию его сына Якова, который очень туда просится.

– Некоторые, – молвил Сталин, сдерживая гнев, – мягко говоря, чересчур ретивые работники всегда стремятся угодить начальству. Я не причисляю вас к таковым, но советую вам впредь

никогда не ставить передо мной подобных вопросов».

Что ему сын!

Его страна гибла! Гибла Великая мечта!

Как всегда, он привычно пытается заниматься всем.

Чадаев: «К примеру, он занимался выбором конструкций снайперской и автоматической винтовки, какого типа пригнать к ней штык – трехгранный или ножевой... Когда я приходил к Сталину, у него, как правило, были Молотов, Берия, Маленков... Вопросов никогда не задают. Сидят, слушают».

Но теперь он платил за рожденный им всеобщий страх.

«С фронтов поступала информация... В донесениях, как правило, занижались наши потери и преувеличивались потери врага. Все это вселяло в него убеждение, что, неся такие потери, враг не может их долго выдержать и скоро потерпит поражение».

Между тем немцы стремительно шли вперед. Говорили о скором падении Минска. Это значит: падет и Смоленск – и тогда открыт путь на Москву.

«В эти дни Сталин часто вызывал к себе руководителей наркоматов. Он ставил большие задачи и требовал их выполнения в короткие сроки, не считаясь с реальностью. И люди часто выходили из его кабинета подавленными».

Он все чаще ловил за спиной переглядку членов Политбюро. Страх кончался – он должен был что-то предпринять...

Чадаев: «Утром 27 июня члены Политбюро, как обычно, собрались у Сталина. После окончания заседания... я вышел из кабинета и увидел в окно, как Сталин, Молотов и Берия садились в машину. Чуть помедлив, Поскребышев сказал: «Видно, уже немцы взяли Минск». Вскоре позвонил правительственный телефон, и Поскребышев пояснил, что звонил Власик – начальник охраны Сталина – и сообщил, что Хозяин, а также Маленков, Молотов и Берия находятся в наркомате обороны. Потом мне рассказал Ватутин, что их появление... было встречено с большим недоумением. Работники наркомата, увидев Сталина, останавливались в настороженном оцепенении, не в силах постигнуть – наяву ли они видят Вождя. (Они помнили недавний смерч, пронесшийся по наркомату и уничтоживший их предшественников.

–

Э.Р.)... Войдя в кабинет Тимошенко, Сталин тут же сообщил, что они прибыли для ознакомления на месте с поступающими сообщениями с фронтов и выработки дополнительных мер...

Сталин молча стоял у оперативной карты, и было видно, что он сдерживает гнев и бешенство. По знаку Тимошенко в кабинете остались Жуков и Ватутин.

– Ну что там под Минском? Положение не стабилизировалось?

– Я еще не готов докладывать.

– Вы обязаны постоянно видеть все как на ладони и держать нас в курсе событий, сейчас вы просто боитесь сообщать нам правду.

Жуков, еще будучи до приезда Сталина во взвинченном состоянии, вспылил:

– Товарищ Сталин, разрешите нам продолжать работу.

– Может, мы вам мешаем? – вклинился Берия.

– Вы знаете, – раздраженно произнес Жуков, – обстановка на фронтах критическая, командующие ждут от наркомата указаний, и потому лучше, если мы сделаем это сами – наркомат и Генштаб».

Дальше последовала открытая перепалка.

«Берия (запальчиво):

– Указания можем дать и мы.

Жуков:

– Если сумеете – дайте.

– Если партия поручит – дадим, – сказал Берия.

– Это если поручит, – не меняя резкости тона, ответил Жуков, – а пока дело поручено нам.

Наступила пауза. Жуков подошел к Сталину:

– Извините меня за резкость, товарищ Сталин, мы безусловно разберемся, приедем в Кремль и доложим обстановку.

Сталин посмотрел на Тимошенко.

– Товарищ Сталин, мы обязаны сейчас в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже вас информировать, – сказал Тимошенко.

– Вы делаете грубую ошибку, отделяя себя от нас... о помощи фронтам надо думать вместе, – ответил Сталин. Затем обвел удрученным взглядом членов Политбюро и сказал: – Действительно, пускай они сами сначала разберутся, поедemте, товарищи.

И первым вышел из кабинета».

Он увидел воочию: самое страшное произошло – они больше его не боялись. Значит, наступал конец.

Чадаев: «Выходя из наркомата обороны, он в сердцах бросил: «Ленин создал наше государство, а мы все его просрали».

Молотов тоже описал это посещение: «Я со Сталиным ездил в наркомат обороны... Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым, хотя он редко выходил из себя. Потом мы поехали на дачу, где он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам!»

Молотов прав – это относилось ко всем и ко всему.

Блестящий ход

Чадаев: «Во второй половине дня 27 июня я зашел к Поскребышеву... Позвонил правительственный телефон, Поскребышев ответил:

– Товарища Сталина нет, и не знаю, когда он будет.

– Позвонить, что ли, на дачу? – спросил вошедший заместитель наркома обороны Лев Мехлис.

– Позвоните, – сказал Поскребышев.

Мехлис привычно набрал по вертушке номер Ближней дачи и ждал полминуты. Но никто не ответил.

– Непонятно, – сказал Поскребышев. – Может быть, выехал сюда, но тогда мне позвонили бы из охраны.

Подождали еще несколько минут. Поняв, что ждать не стоит, пошли к Молотову. В это время позвонил телефон, и Молотов кому-то ответил, что не знает, будет ли Сталин в Кремле...

На следующий день я пришел в приемную Сталина. Но Сталин не приехал. У всех было недоумение – что случилось?

На другой день я опять отправился в приемную подписывать бумагу. И Поскребышев мне сказал сразу и определенно:

– Товарища Сталина нет и едва ли будет.

– Может быть, он выехал на фронт?

– Ну что ж ты меня терзаешь! Сказал: нет и не будет...»

Было много легенд об этом исчезновении Сталина из Кремля в эти страшные первые дни войны. Но вот рассказ Чадаева – очевидца:

«Вечером я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву, и вновь... Сталин не появился. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский, я попросил его подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

– Молотов просит обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него через два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас...

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

– Никто на даче не отвечает. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент».

И опять поздно вечером Чадаев идет в приемную Сталина.

«– Хозяина нет и сегодня не будет, – сказал Поскребышев.

– И вчера его не было...

– Да, и вчера его не было, – с некоторой иронией произнес Поскребышев...

Я предполагал, что Сталин заболел, но спросить не решился».

Сталин приезжал в Кремль с дачи обычно к двум часам дня. Работа продолжалась до 3–4 часов ночи. Этого распорядка придерживались все члены Политбюро, военачальники и наркомы.

Чадаев: «И вот он не приехал... Ближайшее окружение было встревожено, если не сказать больше. Мы все всегда знали: проходило немного времени, чтобы тот или иной работник не

был к нему приглашен. А теперь телефоны молчат, известно только одно: он на Ближней даче, но никто не решается поехать к нему. В эти дни его уединения у Молотова собрались члены Политбюро и стали решать, как быть? По сообщению обслуживающего персонала дачи, Сталин был жив, здоров. Но отключился от всех, никого не принимает, не подходит к телефонным аппаратам. Члены Политбюро единодушно решили: ехать всем».

Итак, что же произошло на самом деле?

Как мы уже говорили, любимым героем Сталина был Иван Грозный. В его личной библиотеке хранилась книга – «А.Н. Толстой. «Иван Грозный», пьеса. Москва, 1942 год».

В самый грозный год войны была напечатана эта пьеса, и в разгар поражений он ее читал. Читал внимательно – размашистым почерком правил стиль автора, вычеркивал причитания типа «ах-ах» из речи царя. Ему хочется, чтоб любимый им грозный царь говорил как он, так же сухо, немногословно. Особенно интересна обложка книги, видимо в задумчивости исписанная Хозяином. Много раз на ней написано слово «учитель». И еще – «выдержим».

Выдержим – вот о чем он тогда думал. Но и слово «учитель», которое он начертал на пьесе о страшном царе, не забудем...

Нет, этот железный человек не повел себя как нервная барышня. Тогда, в наркомате обороны, поняв новые настроения, он сделал выводы: со дня на день падет Минск, немецкая лавина покатится к Москве, и его жалкие холопы от страха смогут взбунтоваться. И он повел себя как царь Иван – учитель. Любимый прием Грозного – притвориться умирающим, следить, как поведут себя его злосчастные бояре, а потом восстать с одра болезни и жестоко карать, чтобы другим неповадно было. Практиковал Иван, как известно, и исчезновения из столицы, чтобы бояре поняли, как беспомощны они без царя.

И он действует, подобно учителю. Конечно, Поскребышев – его «око государево» – и глава НКВД Берия все знают и слушают, что говорят соратники без него.

Но опытный царедворец Молотов сразу понял игру – и страшится подписывать важные бумаги. Не подписывать – доказательство лояльности. Хозяин хорошо их подобрал: без него соратники – «слепые котята», как он назовет их впоследствии. Оставив «бояр» одних, он дал им почувствовать их ничтожность, понять: без него военные их сметут.

Молотов спешит устроить поход членов Политбюро на дачу. Там великий актер разыгрывает знакомый спектакль – «Игра в отставку».

Чадаев описывает происшедшее со слов Булганина:

«Всех нас поразило тогда вид Сталина. Он выглядел исхудавшим, осунувшимся... землистое лицо, покрытое оспинками... он был хмур.

Он сказал: «Да, нет великого Ленина... Посмотрел бы он на нас, кому судьбу страны доверил. От советских людей идет поток писем, в которых справедливо упрекают нас: неужели нельзя остановить врага, дать отпор. Наверное, среди вас есть и такие,

которые не прочь переложить вину, разумеется, на меня». (Представляю взгляд его желтых глаз и как соратники заспешили с ответом.

– Э.Р.)

Молотов: «Спасибо за откровенность, но заявляю: если бы кто-то попытался направить меня против тебя, я послал бы этого дурака к чертовой матери... Мы просим тебя вернуться к делам, со своей стороны мы будем активно помогать».

Сталин: «Но все-таки подумайте: могу ли я дальше оправдывать надежды, довести страну до победного конца. Может, есть более достойные кандидатуры?»

Ворошилов: «Думаю, единодушно выражу мнение: достойнее никого нет».

И сразу же раздались дружные голоса: «Правильно!»

Они усердно умоляют. Знают: кто не будет усерден – обречен.

Игра закончена: теперь, когда в очередной раз они сами умолили его быть Вождем, он как бы вновь облечен ими властью.

По Журналу регистрации посетителей проверяю написанное Чадаевым... Он ошибся всего на один день. 28 июня Сталин еще принимал посетителей. Но 29 и 30 июня

записей в Журнале нет.

В это время Сталин действительно отсутствовал в Кремле и вернулся вновь только 1 июля.

Короткое возвращение Сосо

3 июля облеченный новой властью Сталин выступил по радио с долгожданным обращением к народу.

«Товарищи, граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои...» – так он начал. Да, вместе с главным обращением революции – «товарищ» появилось христианское, из семинарской памяти возникшее «братья и сестры».

«Братья и сестры» должны защитить Родину-мать. И в художественных фильмах той поры зазвонил церковный колокол...

На даче у него было время все продумать, и он провозгласил Отечественную войну – священную войну народа с захватчиками, как когда-то Александр I против вторгшегося Наполеона. Будто подсказывая эту идею, Гитлер начал свой поход почти день в день с Наполеоном – 22 июня... Аналогия должна была вселять надежду: в 1812 году так же отступали, даже отдали Москву врагу – но победили.

Конечно, и партия фигурировала в его речи – был призыв «сплотиться вокруг партии

Ленина – Сталина». И эта фраза никому не казалась дикой в устах самого Сталина. Обычное понятие – как «голубое небо».

«В газетах – странная галиматья из марксизма и царского полицейского православия, фатально сопутствовавшего всякой русской власти в лице ее нерусских правителей», – писала в дневнике современница.

На самом деле все было значительнее и сложнее. В таинственные дни уединения бывший семинарист решил призвать на помощь отвергнутого им Бога. Он узнал, что Патриарх Антиохийский обратился с посланием ко всем христианам о помощи России.

На книге об Иване Грозном есть запись: «Поговорить с Шапошн.» (Шапошниковым – тогдашним главой Генштаба). «Сталин называл его только по имени-отчеству, в разговорах с ним никогда не повышал голоса... он был единственным, которому он разрешал курить в своем кабинете», – вспоминал Жуков.

Борис Михайлович Шапошников, бывший царский полковник, был открыто религиозным человеком. Сыном священника был и другой руководитель Генштаба – Василевский. В первые дни войны эти люди особенно близки к Сталину. Видимо, от них он узнал о случае, потрясшем православный мир.

Илия, митрополит гор Ливанских, затворился в каменном подземелье и без сна и еды стоял на коленях с молитвой Божьей Матери о России. И было ему чудесное видение (о котором он написал письмо главам Русской церкви): на третьи сутки в огненном столпе к нему явилась Богородица и передала ему определение Божие: «Должны быть открыты по всей стране храмы и духовные монастыри. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город Святой иконой Казанской Божьей Матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен, и далее везти ее в Сталинград...»

Как звучали для Сталина все эти слова, будто из забытого детства, – для него, объявившего столь недавно «безбожную пятилетку», в конце которой (в 1943 году) должен был быть закрыт последний храм и уничтожен последний священник.

Хозяин решил исполнить видение Илии. Так начался его удивительный и такой короткий возврат к Богу.

Но возврат ли? Прозрение? Или просто страх, бросивший его к Отцу? Или марксистский Богочеловек решил попросту использовать веру народа в Бога? Или все вместе? Но с того таинственного уединения он внешне мирится с Богом.

И началось то, о чем никогда не писали его историки. По его приказу из лагерей возвращено множество священников. В вымирающем от голода Ленинграде, осажденном немцами, к изумлению и воодушевлению горожан, вынесли чудотворную икону Казанской Божьей Матери и понесли ее крестным ходом. Потом икона прибыла в Москву, откуда отправилась в осажденный Сталинград. Эти три города так и не были сданы врагу...

Будут открыты 20 000 храмов, Троице-Сергиева и Киево-Печерская Лавры. И напутствие «с Богом» теперь произносят перед сражениями он и его военачальники. Впервые «Правда» напечатает сообщение о встрече главы большевиков с местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием.

На встрече, как было сказано, Сталин «сочувственно отнесся к предложению избрать Патриарха и заявил, что со стороны правительства не будет никаких препятствий».

Вернувшись к работе, он неумолимо сосредоточивает власть в своих руках.

1 июля он создает Государственный Комитет обороны, которому передается вся полнота власти в государстве. И он – во главе. Через десять дней он назначает себя и главой Ставки. Он – Верховный Главнокомандующий, председатель Комитета обороны, нарком обороны, председатель Совета народных комиссаров и Вождь партии. Он – все...

Облеченный неограниченной властью, он решился... начать переговоры с Гитлером! По данным историка Павленко, полученным от маршала Жукова, Сталин поручил Берии попытаться через посольство Болгарии в Берлине начать мирные переговоры с немцами. Об этом же рассказывал маршал Москаленко со слов Берии.

Скорее всего, он попросту пытался сбить темп молниеносного движения немцев, дать войскам хоть какую-то передышку. Пример Бреста оправдывал эту акцию перед страной. Но Гитлер, естественно, не захотел.

Старший сын

В дни военной катастрофы ему суждено было пережить жесточайшее горе и унижение. 19 июля 1941 года ему передали сообщение берлинского радио: его старший сын попал в плен к германским войскам: «Яков заявил, что понял бессмысленность сопротивления и потому сам перешел на сторону Германии».

В личном архиве Сталин сохранил сообщение: «С фашистских самолетов была сброшена листовка... На ней были изображены немецкие офицеры, беседующие с Яковом (в гимнастерке без ремня) и подпись: «Сын Сталина Яков Джугашвили, старший лейтенант, командир батареи... сдался в плен. Если уж такой видный советский офицер сдался в плен, то это доказывает очевидность, что всякое сопротивление германской армии совершенно бесцельно. Поэтому кончайте войну и переходите к нам».

7 августа ему переслали новую листовку, которыми немцы забрасывали его армию. В нее был включен текст письма, написанного Яковом: «Дорогой отец, я вполне здоров, буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яша».

Это был его почерк. Он – предатель, сомнений не было.

В его архиве сохранилась автобиография Я. Джугашвили: «...жена Юлия Исаковна Мельцер... До 1935 года жил на иждивении отца и учился, в 1935 году окончил транспортный институт... В 1937 году поступил в Артиллерийскую академию...»

Его поступление в Академию знаменовало примирение с отцом, который всегда хотел, чтобы его сыновья были военными. Яков закончил Академию 9 мая 1941 года, за 42 дня до начала войны, и ушел на фронт в первый ее день. У него не было времени увидеть отца.

Яков позвонил ему по телефону с дачи младшего брата Василия. Там шли веселые проводы...

На допросах в плену Яков показал: «22 июня по телефону... отец сказал: «Иди и сражайся».

В то время было много солдат, сдавшихся в плен добровольно, и дезертиров, бежавших в деревни к родителям. Однако большинство попадало в плен после тяжелых боев, часто ранеными. Но Сталин решил всех уравнивать. Он готовит приказ, в котором все военнослужащие, попавшие в плен, объявлялись вне закона, и их семьи подвергались репрессиям.

Так он оставил своим солдатам только две возможности: или сражаться и победить, или – умереть. И в это время, когда он приготовил приказ, с немецких самолетов сбрасывали листовки с фотографией его сдавшегося в плен сына! Он никогда не любил его и конечно же сразу поверил: волчонок решил отомстить за постоянные унижения, за отцовское пренебрежение, за арест родственников его матери – Сванидзе... Теперь он ненавидел все, что связано с предателем. И всех Сванидзе.

Так что не случайно в следующем месяце, 20 августа, был расстрелян Алеша Сванидзе – дядя «изменника».

Совершила непоправимую ошибку и Мария.

Аллилуева-Политковская: «Маме с оказией привезли письмо от Марии Анисимовны. В нем было написано, что она находится в лагере, там ей очень плохо и она умирает. Когда у Сталина было хорошее настроение, мама дала ему это письмо. Он прочитал и сказал:

«Женя, чтобы вы никогда больше этого не делали»...

К тому времени он уже прочел дневник Марии, и мысль, что «наблюдавшая его» родственница решила воспользоваться своим открытием и просить Женю, привела его в ярость. Это его вечное грозное: «Сталина обмануть захотели!»

Он позволял интригу только себе. И решил вопрос, как всегда, кардинально: все ненавистные Сванидзе должны исчезнуть! Мария и Марико Сванидзе, сестра Алеши, были расстреляны в начале 1942 года.

Да, он поверил в измену сына. И когда немцы через Красный Крест начали переговоры об обмене Якова, он попросту не ответил на предложение.

В частях распространяли слух: когда Сталину предложили обменять его сына на пленного фельдмаршала, он сказал: «Солдата на фельдмаршала не меняю». Пусть знают: для Сталина все равны. Сын его – всего лишь один из солдат, и все солдаты его сыновья.

Но были созданы несколько диверсионных групп, которые должны были выкрасть Якова из плена или убить, чтобы немцы перестали его использовать. Все они погибли.

Согласно его приказу, попавшим в окружение надлежало «сражаться до последней возможности, пробиваться к своим, а тех, кто предпочтет сдаться в плен, уничтожать всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи».

И в лубяную тюрьму отправилась Юлия Мельцер – жена его сына-«изменника», мать его внучки. Ее выпустят через два года, когда он окончательно узнает: сын не предавал. Но это будет потом... а тогда, в страшные дни, глава Политуправления армии Мехлис создал версию, которая распространялась в частях: сын Сталина доблестно сражался, не имея никаких привилегий, был ранен и попал в плен. Немецкие листовки – всего лишь пропаганда.

В своем личном архиве он сохранил документы – доказательства невинности его несчастного сына. Например, письмо, которое получил Василий и тут же передал отцу: «Дорогой Василий Иосифович! Я полковник, который был у вас на даче с Яковом Иосифовичем в день его отъезда на фронт. 12 июля, без боеприпасов, полк был брошен в бой... с десятикратным превосходящим противником... Командир дивизии... уехал с поля боя на танке. Проезжая мимо Якова Иосифовича, он даже не поинтересовался его судьбой... Иван Сапегин, командир 303 легкого артполка»...

И вскоре он знал: придуманная его пропагандой версия оказалась... истиной! Его сын был до конца верен долгу.

Из воспоминаний Жукова: «Я спросил: «Товарищ Сталин, я давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?» На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом: «Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его. Душегубы. По наведенным справкам, держат они его изолированным от других военнопленных и агитируют за измену Родине». Помолчав, твердо добавил: «Яков предпочтет смерть измене Родине...» Сидя за столом, Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде».

После победы он узнал все окончательно – ему тогда переслали текст допроса Якова, захваченный в Германии.

Из протокола допроса Я. Джугашвили в штабе командующего авиацией 4-й армии. 18 июля 1941 года:

«– Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

– Я вынужден... Нас окружили. Это вызвало такую панику, что все разбежались. Я находился в это время у командира дивизии в штабе... Я побежал к своим, но в этот момент меня позвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться к своим. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы испугались, и я остался один... Если бы мои красноармейцы отступали, если бы я увидел, что моя дивизия отступает, я бы сам застрелился, так как отступить нельзя... Но это были не мои солдаты, это была пехота... Я хотел бежать к своим... В деревне я обменял у одного крестьянина одежду. Я отдал военную и получил гражданскую... Я зашел в избу, крестьянин говорит: «Уходи сейчас же, не то мы донесем на тебя». Крестьянка прямо плакала, говорила, что убьют ее, детей, сожгут ее дом... Выхода не было. Я увидел, что окружен, идти некуда, я пришел и сказал: сдаюсь...

– Красное правительство главным образом состоит из евреев?

– Все это ерунда, болтовня. Они не имеют никакого влияния. Напротив, я лично, если хотите, сам могу вам сказать, что русский народ всегда питал ненависть к еврейству... О евреях я могу только сказать, что они не умеют работать... Главное, с их точки зрения, – это торговля.

– Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка?.. Ведь Каганович тоже еврей?

– Ничего подобного. Она была русской... Что вы там говорите?! Никогда в жизни ничего подобного не было! Его первая жена была грузинка, вторая – русская, вот и все.

– Разве фамилия его второй жены не Каганович?

– Нет, нет, это все слухи, чепуха!.. Его жена умерла... Аллилуева. Она русская. Человеку 62 года. Он был женат. Сейчас нет...

– Насчет того, что сжигают все запасы в местах, которые оставляют. Это же ужасное бедствие, которое постигает все население... Считает ли он это правильным?

– Скажу откровенно, я считаю...

– Известно ли вам, что мы нашли письмо... от русского офицера, там есть фраза: «Я прохожу испытание, как младший лейтенант запаса. Я хотел бы поехать осенью домой, но это удастся только в том случае, если этой осенью не будет предпринята прогулка в Берлин.

11 июня 1941 года. Виктор».

И допрашивающий записывает первую реакцию Якова: «Читает письмо и бормочет про себя «черт возьми».

– Действительно ли были такие намерения?

– Нет, не думаю, – отвечает Яков осторожно».

В заключение он говорит: «Мне стыдно перед отцом, что я остался жив».

Сталин не мог предать гласности этот допрос сына. В протоколе – настроение 1941 года, когда немцы еще недавно были союзниками.

Во время войны он создал новый образ немца-зверя, сам разговор с которым являлся предательством. Сын прав: стыдно, что он остался жив. И это понял, когда дошел до него приказ о попавших в плен, подписанный отцом. Это был приказ – умереть.

И Яков это сделал – в 1943 году.

Сталин сохранил документ о гибели Якова – показания Густава Вегнера, командира батальона СС, охранявшего лагерь.

«В конце 1943 года... арестованные были на прогулке. В 7 часов... приказано было пойти в барак, и все пошли. Джугашвили не пошел и потребовал коменданта лагеря... Эсэсовец пошел звонить коменданту по телефону. Пока он звонил, произошло следующее. Джугашвили, идя в раздумье, перешел через нейтральную полосу к проволоке (с током). Часовой... крикнул: «Стойте!» Джугашвили продолжал идти. Часовой крикнул: «Стрелять буду!» После этого окрика Джугашвили начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, обнажил грудь и закричал часовому: «Стреляй!» Часовой выстрелил в голову и убил Джугашвили... Джугашвили одновременно с выстрелом схватился за проволоку с высоким напряжением и сразу упал на первые два ряда колючей проволоки. В этом положении он висел 24 часа, после чего труп отвезли в крематорий».

Отступление продолжается

Страшный июль продолжался, войска катились назад к Москве. Маршал Конев вспоминал звонок Вождя к нему под Вязьму в те дни, его неожиданно страстный монолог: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин – честный человек... он сделает все, что в его силах, чтобы исправить создавшееся положение».

И он исправлял... Сначала он вернул атмосферу ушедшего страха, чтобы не пришлось ему более произносить подобных жалких монологов перед своими военачальниками. После приказов о дезертирах, сопровождавшихся расстрелами солдат и офицеров, последовали расстрелы генералов.

22 июля состоялся суд над бывшим командованием Западного фронта. Генералы просили отправить их на фронт рядовыми, чтобы кровью искупить поражения своих войск. Но они должны были помочь вернуть безропотное подчинение новому Верховному Главнокомандующему, и последовал его приказ:

«Бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д. Павлова, бывшего начальника штаба Западного фронта В. Климовских, бывшего начальника связи Западного фронта А. Григорьева, виновных в проявлении трусости, бездействия, нераспорядительности, в сознательном развале управления войск... расстрелять».

И вспомнили его генералы 1937 год – и

кто есть Власть.

В середине июля войска группы «Центр» уже стояли у Смоленска – всего 200 километров отделяло их от Москвы. От Черного моря до Балтики надвигался немецкий фронт. Внешне все было как при нападении на Польшу: множество пленных, окружение целых армий, безумная неразбериха в отступающих войсках... Но с самого начала было и отличие. «Поведение русских войск... поразительно отличалось и от поляков, и от войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окруженными, они не отступали со своих рубежей», – писал немецкий генерал.

Да, это было великое мужество его солдат. Но действовал и его страшный приказ...

Еще интересней писал генерал Гальдер в своем дневнике: «Колосс-Россия, который

сознательно готовился к войне... был нами недооценен... К началу войны мы имели против себя 200 дивизий. Теперь (к 11 августа, после кровопролитных потерь Красной армии.

– Э.Р.) мы насчитываем против себя уже 360 дивизий. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину». Да, Хозяин мог жертвовать миллионами – он знал: у него будут новые миллионы.

Гитлер верил, что Сталина свергнет его же народ, как только Вождь потерпит на фронте тяжелое поражение: «Надо только ударить сапогом в дверь, и вся прогнившая структура тотчас развалится».

Но народ не задал вопрос: почему его Вождь прозевал войну? Почему не готова к обороне победоносная армия?

Как и во все времена, забыв все дурное, народ поднялся защищать Отечество. Солдаты сражались, наступали и гибли с криком: «За Родину! За Сталина!»

А потом началось то, о чем Хозяин думал с самого начала: Гитлеру не хватало ресурсов. Фюрер решает приостановить наступление на Москву и устремляется на Украину и Кавказ – нужны хлеб и нефть, чтобы продолжать войну.

Гитлер рассчитал: Украина традиционно не любит русских, там – потомки казаков, ненавидевших большевиков. Но произошло неизбежное: фашисты восстановили против себя и тех, кто им сочувствовал. Оккупация Украины, с насилиями и грабежами, дала толчок партизанской войне, умело организованной Хозяином. Истребление евреев мобилизовало против Гитлера эту динамичную группу населения: вчерашние робкие интеллигенты становились беззаветными героями.

За все время войны был лишь один серьезный случай измены. Летом 1942 года генерал-лейтенант А. Власов перешел на сторону немцев.

Власов – заместитель командующего Волховским фронтом, прекрасно зарекомендовал себя во время битвы под Москвой. Его весьма скромное участие в Гражданской войне, отсутствие заслуг в период Троцкого и контактов с ленинской когортой дали ему возможность сделать карьеру в годы террора. Перешел ли он на сторону Гитлера от безысходности, попав в плен? Или вправду (как он сам утверждал) ненавидел Сталина, мечтал о новой России? Но как мог Власов построить новую Россию в союзе с Гитлером, задумавшим уничтожить славянство? Это осталось тайной странного человека в очках с лошадиным лицом.

Свои формирования Власов назвал Русской освободительной армией (РОА). К нему присоединились прежние знакомцы Сталина по боям в Царицыне – белые генералы Краснов и Шкуро...

После победы он найдет и Власова, и Краснова, и Шкуро – со всеми расплатится. По всей Европе будет искать НКВД солдат РОА.

И они погибнут – от пули, а чаще на виселице. Детское впечатление – виселица в Гори – навсегда останется в подсознании Сталина символом позорной смерти...

Вслед за РОА немцы создали Кавказский, Туркестанский, Прибалтийский, Грузинский, Армянский легионы. Все это были весьма малочисленные формирования и использовались они больше для пропаганды...

Так что Хозяин мог сказать: Империя выдержала.

В начале октября 1941 года наступление немцев на Москву возобновилось.

«Враг повержен, – заявил Гитлер. – Позади наших войск территория, в два раза превышающая размеры рейха в 1933 году». Но Хозяин знал: впереди войск Гитлера – еще большая территория. И – зима, к которой они не подготовлены.

Однако немцы по-прежнему наступали, хотя уже с трудом – по размокшим от осенних дождей чудовищным русским дорогам, с тонущей в грязи техникой...

А дальше началось чудо. Митрополит Илия сказал правду: Богородица не оставила страну. Сильные снегопады случились в тот год небывало рано – с начала октября. Наступила ранняя, необычайно суровая зима. «Уже 12 октября ударили настоящие морозы. Но не было никаких намеков, что мы получим зимнее обмундирование», – писал генерал Блюментритт.

3 ноября температура понизилась до минус восьми. В баках танков стало замерзать топливо, смазка. Немцы лежали на льду под танками и разводили костры. И генерал Гудериан, чья танковая группа рвалась к Москве через Тулу, тщетно запрашивал теплую одежду для своих солдат.

В это время пять советских армий погибали под Вязьмой и Брянском. Окруженные из-за ошибок командования, они бились из последних сил. Они выполнили его задачу – вымотали уничтожавших их немцев, обескровили. Они погибали, но гитлеровцы вышли к Москве усталыми, измотанными.

К середине октября немецкие части стояли в нескольких десятках километров от столицы. Гитлер готовился к параду в Москве. 15 октября Хозяин принял решение об эвакуации. Начался отъезд правительственных учреждений и посольств в тыл – в Куйбышев.

В те дни, когда все рушилось, когда сотни тысяч погибали в окружении, хранитель Тела Ленина Збарский был вызван в Кремль. Его приняли Молотов, Каганович, Берия и Микоян – разговор предстоял важный. Збарскому сообщили решение Политбюро об эвакуации драгоценного Тела в глубокий тыл – в далекую Тюмень.

– Что вам требуется? – спросили его.

– Нужен гроб.

– Размеры?

– Мы одного роста.

– Смерьте, – приказал Микоян помощнику. Пока тот благоговейно обмерял Збарского, хранитель держал речь о нуждах Тела. Нужно было многое: оборудовать вагон установками для обеспечения микроклимата и специальными амортизаторами, чтобы не было толчков на стыках рельс. Несмотря на панику и неразбериху тех дней, Хозяин приказал, чтобы Тело ни в чем не нуждалось. 3 июля поезд специального назначения в обстановке высшей секретности покинул Москву. Тело прибыло в Тюмень и было тайно размещено в здании бывшего реального училища. Все научные сотрудники, обслуживавшие Тело, в интересах секретности жили рядом с ним.

Но по-прежнему стоял караул у Мавзолея, скрывая отъезд Боголенина. В эти октябрьские дни москвичи должны были верить: Ленин по-прежнему с ними.

Хозяин тоже должен был покинуть столицу в ближайшие дни. Сотрудники охраны вспоминают, как его дочь Светлана паковала вещи. Его библиотеку и личные бумаги уже перевезли в Куйбышев. Отправился в эвакуацию и дневник Марии Сванидзе. Ближняя дача была заминирована. Секретный поезд ждал Хозяина в железнодорожном тупике. На аэродроме дежурили четыре самолета и его личный «дуглас». Именно тогда он и принял эффективное решение...

Новые постановки великого режиссера

Наступили сильные холода. «Генерал Мороз» помогал России. Разведка доносила о глохнущих моторах немецких танков, среди солдат уже начались случаи обморожения.

Сталин сосредоточил под Москвой мощный кулак. Жительница подмосковной Николиной горы рассказывала: «Сибирские части накануне сражения стояли прямо в нашем лесу. Румяные парни в белых новеньких полушубках. Они умудрялись спать стоя, прислоняясь к дереву. Храп был страшнейший».

Молотов вспоминал: «В этот период все подразделения просили подкреплений. Под Москвой операциями командовал Жуков. Но, несмотря на все его мольбы, Сталин не давал ни батальона и сказал, чтоб любой ценой держался. В это время у Сталина находилось пять полнокompлектных армий, вооруженных новой техникой (в том числе новыми танками Т-34 с мощной броней. –

Э.Р.). Тогда мы считали, что Сталин ошибается. Но когда немец был обескровлен, Сталин ввел эти войска в действие».

Миллионы его солдат уже погибли, обескровив наступавших. Он уже насытил бога войны. Древняя восточная стратегия торжествовала – как во времена войн былых империй, он, измотав врага, готовился бросить в бой свежие войска. И сделать это он решил у стен столицы.

Светлана, семья Василия и дочь Якова были перевезены в Куйбышев. И его ждал там секретный бункер. Наркоматы и Генеральный штаб уже работали в Куйбышеве.

В Москве готовились к приходу немцев. Дым костров стоял над столицей – горели архивы. В подвалах Лубянки торопливо расстреливали узников. В ночь на 16 октября Берия собрал совещание партийных руководителей и приказал: «Эвакуировать всех, кто не способен защищать Москву. Продукты из магазинов раздать населению, чтобы не достались врагу».

Шоссе были забиты уходящими из города людьми. Специальные поезда увозили в тыл женщин и детей. В оставленных квартирах открыто орудовали воры. Часто сами управдомы указывали им богатые квартиры. За бесценок продавались картины, драгоценности...

И тогда Сталин решил – пора! После очередного длиннейшего дня в Ставке он отправился на уже заминированную Ближнюю дачу. Охрана встретила его с изумлением: огни не горели, уже готовились к взрыву. Он отменно сыграл сцену. Спросил: «Почему не горит свет?» Ему объяснили. Он пожал плечами и коротко приказал: «Немедленно разминируйте, натопите печку, а пока я буду работать». И объявил изумленным охранникам: «Я из Москвы никуда не уезжаю, и вы остаетесь со мной. Москву не сдадим».

И сел работать в беседке.

Той же ночью в некоторых домоуправлениях появились люди в знакомой форме НКВД.

Управдомы, поверившие, что «власти ушли», были арестованы и расстреляны. Утром расстреляли людей, пытавшихся грабить магазины. И все тотчас поняли: Хозяин остался в Москве.

Теперь дочь писала ему письма из Куйбышева: «Милый мой папочка, дорогая моя радость, здравствуй, как ты живешь, дорогая моя секретаришка? Я тут устроилась хорошо. Ах, папуля, как хочется хотя бы на один день в Москву! Папа, что же немцы опять лезут и лезут? Когда им наконец дадут как следует по шее? Нельзя же, в конце концов, сдавать им все промышленные города... Дорогой папочка, как же я хочу тебя видеть. Жду твоего разрешения на вылет в Москву хотя бы на два дня. 19.09.41 года».

За вопросы, которые задавала дочь, тогда расстреливали. Это называлось «вражеской пропагандой». Но он верил: скоро он сможет ей ответить. Готовилась битва под Москвой. Он решил отстоять город. И разрешил дочери прилететь на два дня.

Было 28 октября 1941 года. Немцы уже разглядывали столицу в бинокли. Он встретился со Светланой в недавно достроенном бомбоубежище. Она была счастлива, все хотела говорить с ним, а он сердился, раздражался – она его отвлекала.

Это были дни, когда все решалось – весь мир тогда думал, что он повержен.

Уже после ее отъезда последовало его гениальное пропагандистское решение – как бы продолжение выдумки с дачей... Гитлер уже оповестил мир о падении Москвы, и Хозяин придумал: провести в Москве празднование годовщины Октябрьской революции – с традиционным военным парадом на Красной площади и заседанием в Большом театре. Мир и страна должны были увидеть обычное торжество в его столице. За три дня до праздника он пригласил руководителей Москвы, и они все обсудили. В Большом театре, где обычно проводилось торжественное заседание, зияла огромная воронка от бомбы. Решено было провести заседание под землей, на станции метро «Маяковская», заgrimировав ее под Большой театр. Соорудили сцену, привезли знакомую трибуну из театра, цветы и стулья. Вдоль платформы были поставлены поезда метро, в которых разместились гардеробы и буфеты.

Немецкая авиация в течение пяти часов пыталась прорваться в город, но не прорвалась. В 19.30 Сталин начал свой доклад. После доклада был традиционный концерт...

В это время в глубочайшей тайне готовили парад, который должен был состояться рядом с врагом, под открытым небом. Начало парада назначили на два часа раньше, чем обычно. В здании ГУМа был оборудован лазарет на случай бомбежки. Сталин велел: если прорвутся самолеты противника – парад не отменять. Даже участники парада не знали, к чему их готовят, думали: обычные учения перед отправкой на фронт. Командовал парадом комендант Кремля Артемьев, а принимал – популярнейший в народе герой Гражданской войны маршал Буденный.

В пять утра на площади уже были выстроены войска. Дул холодный ветер. И опять Бог помог: утром начался сильнейший снегопад, маскируя участников и делая погоду нелетной. Из ворот Кремля на белом коне выехал Буденный. Отяжелевший маршал не разучился ездить верхом – он прекрасно прогарцевал на скользком булыжнике.

Сталин произнес свою знаменитую речь на Мавзолее перед войсками. Он говорил о победоносных русских полководцах времен московских царей и Романовской империи...

С парада он отправил войска прямо на фронт.

Впоследствии, просматривая документальный фильм о параде, историки заметили, что на морозном воздухе у Сталина... не идет пар изо рта! Было высказано предположение, что на

параде он никакой речи не произносил, что это – одна из его фальсификаций.

Все разъяснилось через полстолетия.

Речь и парад должна была снимать кинохроника. Группу операторов разместили на ночь на студии документальных фильмов. Но (видимо, в целях конспирации) ей сообщили неверное время начала парада. «Мы знали, что парад начнется, как обычно, в 10 утра. Парад начался в 8 утра. Проснувшись, по радио мы с ужасом услышали, что парад уже идет и Сталин говорит речь. Мы помчались на Красную площадь, но снять нам уже удалось только общий план парада», – вспоминал участвовавший в этой съемке звукооператор В. Котов.

Но Хозяину был нужен документальный фильм. Он должен был показать всему миру – мощь страны не уничтожена. И тогда было решено доснять его речь на параде... в помещении, в Кремле. Однако он позаботился, чтобы инициатором пусть даже самой невинной фальсификации было Политбюро. И пришлось соратникам принимать специальное решение: «Обязать товарища Сталина еще раз выступить с речью перед микрофоном для кинохроники».

«Открыли окна, чтобы шел у него хоть немного пар изо рта, и Сталин прочел перед камерой свою речь», – вспоминал Котов.

Вместо Тимошенко Сталин возвышает Жукова – смелого и беспощадного, чем-то похожего на него самого. Жуков понимает, что значит «не останавливаться ни перед какими жертвами ради победы».

Жуков умеет побеждать.

1 декабря Гитлер начинает наступление на Москву: его солдаты уже прошли более полутысячи километров – что им жалкие два десятка!

Остался последний бросок. Разведывательный батальон немецких войск с трудом оттеснен с Химкинского моста – это уже Москва. По городу бродят панические слухи о немецких мотоциклистах, прорвавшихся к парку Сокольники – 20 минут езды до Кремля.

Но армии Жукова стояли насмерть. Наступление немцев выдыхалось. Встали пораженные жестокими холодами танки Гудериана. И наконец вся двухсоткилометровая дуга немецкого охвата Москвы зависла, застыла на лютom морозе.

И тогда Жуков ввел в бой свежие силы – так началась битва под Москвой, невиданная по масштабу: более 100 дивизий участвовали в битве. Свежие полки дрались вместе с частями, закаленными кровавым отступлением. Их удара немцы не выдержали.

Это был крах гитлеровского плана молниеносной войны. Не подготовленная к зиме армия фюрера вступала в зиму. Впереди у нее будут еще успехи, но от этого удара ей уже не оправиться.

Верховный главнокомандующий

В отличие от своих соратников по Гражданской войне – Ворошилова и Буденного – Сталин сумел стать современным военачальником. «Учимся понемногу, учимся».

За это учение он заплатил миллионами жизней.

Его кабинет в Ставке – сердце армии. Маршалы оставили портрет Вождя во время работы в Ставке:

Конев: «Мимика его была чрезвычайно бедной, скупой, и по лицу нельзя было угадать направление его мыслей. Ни одного лишнего жеста... выработанная манера, которая стала естественной. Эту сдержанность он сохранял во время побед и ликований».

Жуков: «Обычно спокойный и рассудительный, он по временам впадал в острую раздражительность, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знаю смельчаков, которые могли выдержать его гнев».

В Ставке он проводил дни и часто ночи.

Жуков: «Во время беседы он производил сильное впечатление: способность четко формулировать мысль, природный ум и редкая память... Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать на лету суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Могу твердо сказать, он владел основными принципами организации фронтовых операций и групп фронтов. И руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Он был достойным Главкомандующим».

Впоследствии вместе со своими маршалами он разработает новую стратегию и выиграет главные сражения великой войны.

Смысл этих небывалых стратегических действий состоял в одновременных операциях целых групп фронтов, согласованных по времени, цели и подчиненных его единой воле... Полоса наступления достигала порой 700 километров. Это были гигантские операции тысяч танков и самолетов. Сотни тысяч солдат шли в бой, и тысячи оставались на поле боя – навсегда.

Следующей великой вехой в войне он сделал битву за город своего имени – Сталинград – ключ к нефти и хлебу юга. Во время Гражданской войны он уже отстаивал этот город. Теперь здесь опять решались судьбы войны. Город был превращен в пустыню, начиненную железом и трупами, – но он не позволил его отдать.

К декабрю 1942 года было подготовлено поражающее воображение контрнаступление – множеством армий, тысячами танков и самолетов. С севера, юга и востока войска охватили немецкую 6-ю армию, в рождественские праздники заставили ее медленно погибать от голода и морозов. Беспомощный фельдмаршал Паулюс сидел во тьме в подвале универмага – там находился командный пункт его исчезающей армии. 2 февраля 1943 года гитлеровская группировка под Сталинградом перестала существовать.

Теперь он часто доставлял москвичам новое развлечение.

Любимый крик военного детства: «Ведут!» И, забыв все, «военные дети» бросаются смотреть: пленных немцев ведут по улице Горького. Они идут оборванные, понурые, заросшие, в грязных шинелях, и дети радостно швыряют в них камнями. Милиционеры, шпалерой стоящие вдоль улицы, с доброй улыбкой журят их. И, чувствуя поощрение, «военные дети» опять и опять швыряют свои камни.

Город-призрак

Три города стали символами этой войны: Москва, Сталинград и город имени предыдущего Богочеловека – Ленинград, прежняя столица прежней Империи.

У стен Ленинграда завязались жестокие бои. Атакуя, фашисты придумали гнать перед собою захваченных в плен женщин, детей и стариков. Солдаты не решались стрелять. Немедленно Сталин отдал приказ: «Бейте всюду по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами»...

Дети, старики, ценность человеческой жизни – как давно все это изжито... Он знает только – цель и победу.

Уже в июле 1941 года немцы вышли к окраинам Ленинграда и Ладожскому озеру. Город был взят в кольцо, только по льду озера текла жалкая струйка продовольствия. Начались 900 дней блокады. Но город Хозяин не сдал...

Профессор Ольга Фрейденберг, пережившая блокаду, писала в те дни в дневнике: «В лютый мороз люди стоят в ожидании привоза ужасного хлеба – сырого и мокрого, по 10 часов на жгучем морозе. Электричество давно отключено, не ходят трамваи, квартиры, аптеки, учреждения – все покрылось тьмой. Заходят в магазины – в полном мраке руками ощупывают последнего в очереди или идут на голос. При вонючей коптилке работают продавцы. Пользуясь темнотой, обкрадывают умирающих от голода людей... в городе нет спичек, давно не действует водопровод и уборные. Нет топлива и тока. Бомбардировки ежедневно, непрерывно – сутками с малыми перерывами... Под круглосуточные взрывы бомб сходят с ума».

Голодные люди падали на улицах тысячами каждый день.

«Заходили в гости на полчаса, садились и умирали. Входили в лавку и умирали. Деловито уходили из дома и по дороге умирали. Тысячи людей, присев на землю, не могли встать и замерзали. И тотчас милиция похищала их продуктовые карточки».

Эти еле передвигавшиеся тени записывались в добровольные батальоны ополчения.

«Их вызывали и предлагали стать добровольцами. Страх был сильнее немоги. И они маршировали, падали в колоннах и умирали... Советский человек обладал неизмеримой емкостью и мог растягиваться, как подтяжка. И никакие муки живых людей... ничто никогда не заставило бы власти сдать город. Это был обычный закон всевластия и истаптывания человека, который называют патриотизмом и героизмом осажденных».

Этот монолог отчаяния не был до конца справедлив. Если бы Сталин сдал город – это не сохранило бы жизни осажденным.

«Фюрер решил стереть с земли Санкт-Петербург. Цель состоит в том, чтобы подойти к городу и разрушить его до основания посредством артиллерии и непрерывных атак с воздуха. Просьбы о капитуляции будут отклонены... мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города», – говорилось в директиве немецким войскам от 29 сентября 1941 года.

Другой вопрос: мог ли Хозяин раньше прорвать блокаду?

Мог. Но во имя тактических задач 900 дней и ночей он использовал покорный патриотизм безропотно умиравших людей.

Пожалуй, все это не смог бы вынести ни один народ в мире...

«Василий Васильевич»

Постоянные мобилизации новых и новых солдат взамен миллионов погибших должны были в конце концов остановить промышленность. Но производство не только не остановилось – оно росло не по дням, а по часам. Кто же работал?

В те дни по радио часто пели песенку об ударнике труда Василии Васильевиче: «Привет, Василь Васильевич, примите мой привет... Василию Васильичу... всего тринадцать лет!»

Да, на производстве трудились женщины и дети. Русские женщины работали на полях, впрягаясь в плуг вместо лошадей, или сутками стояли у станков – без отдыха и часто без еды. Работали у станков и дети – по 10 часов, стоя на ящиках, так как многие не доставали до станка. Но порой дети не выдерживали и попросту сбегали домой, к мамам, или шли в кино вместо изнурительной работы, или так уставали, что просыпали. Дети не знали сталинских законов: опоздание на работу, прогул считались тяжкими уголовными преступлениями. И детей арестовывали, судили, чтоб другим неповадно было. Они получали свои пять лет...

В 1942 году в лагеря начали поступать партии детей. Но еще до лагеря они проходили все круги ада: арест, тюрьма, следствие, ужасы этапа. Они попадали за проволоку уже потерявшие, утратившие все человеческое от голода и ужаса. В этом сверхаду они жались к сильным... В женских лагерях бандитки продавали девочек шоферам и нарядчикам за банку консервов или за самое ценное – глоток водки.

Их слезы, их муки... Сталин читал Достоевского и, конечно, помнил знаменитый вопрос, который задал писатель устами своего героя Алеши Карамазова: «Если для возведения здания счастливого человечества необходимо замучить лишь ребенка, согласишься ли ты на слезе его построить это здание?» Что ж, и он, и создавшая его революция неоднократно ответили на этот вопрос...

Глава 22 Семья и война

«Страшное открытие»

Уже перед войной Светлана написала из Сочи: «Никаких приказов писать больше не буду, я уже не маленькая, чтобы этим забавляться...» Грузинские девочки расцветают рано, а ей было целых 15 лет перед войной. Отец с болью видел: она выросла. Светлана описывает, как он злился, увидев ее оголенные колени и руки. Он ругал ее, требовал, чтобы она удлинила юбку, чтобы носила шаровары. Она не понимала: он уже ревновал ее, не хотел делиться ею

с тем , будущим... В конце концов, могла же сестра Ленина посвятить Ленину всю жизнь!

Но он чувствовал ее темперамент. Он приставил к ней охранника из НКВД, теперь тот повсюду ее сопровождал – в школу, на концерты, в театры. Светлане объяснили: это в целях безопасности.

В эвакуации в Куйбышеве она тосковала, писала ему: «Город мне не нравится... Очень много... хромых, слепых и прочих калек. На улице каждый пятый калека...»

Мужчины – не калеки – были в его армии.

Только когда немцы были отброшены от столицы, он разрешил ей вернуться. Летом 1942 года она была в Москве. Он не знал, что дочь вернулась другой...

«В ту зиму обрушилось на меня страшное открытие», – написала она впоследствии. В английском журнале, который ей легкомысленно дали почитать (как бы полетели головы, если бы он узнал об этом!), упоминалось о самоубийстве ее матери как о давно известном факте. «Я была потрясена, я не верила глазам».

Дача в Зубалово была разрушена, но осенью ее отстроили, и она переселилась туда. В те дни в Зубалове гостил ее брат Василий. В доме жили его жена с ребенком, дочка Яши с няней. И Светлана... С Василием постоянно приезжали его друзья – летчики, спортсмены, актеры. Пили смертно, гремела радиола, танцевали... «Как будто не было войны», – пишет Светлана.

«Принц Вася»

Ему было пять лет, когда мать, после очередного скандала с отцом, забрала его и Светлану и уехала в Ленинград. Запомнил Вася, как пытался покончить с собой Яша. И испуг отца, скрытый под яростью.

На столе у отца всегда стояло грузинское вино – в Грузии оно считалось «соком». Отец курил трубку и своеобразно дразнил мать: пускал дым в лицо младенцу Васе.

С детства Вася попробовал вино и табак.

В 11 лет он пережил смерть матери. С тех пор вся прислуга в доме состояла из сотрудников НКВД. Главным посредником между его воспитателями и отцом стал начальник охраны Сталина полуграмотный Власик. Вася плохо учился, и отец постоянно грозил ему всякими карами. После трудного окончания школы Васю отправили туда, где мечтали быть тогда все советские юноши, – в авиационное училище.

Сталин сохранил в своем архиве письма о его «подвигах». Вот отчет о прибытии Васи: «Уже по дороге в школу, – пишет Берия Хозяину, – Вася сказал встретившему его начальству: «В этом году в Севастополь должен приехать папа отдохнуть, вероятно, заедет ко мне».

Перепуганное насмерть начальство начинает стараться.

«Поместили Васю, – продолжает Берия, – не в общежитие для курсантов, а в отдельный дом для приезжих, питание ему готовили отдельно... ездил на машине, предоставленной командованием школы...»

И отец дает жесткие указания, как относиться к «хитрому паршивцу»: «Внимание и заботу не проявлять в смысле создания каких-то особых условий...»

Поймем несчастного сына диктатора, выросшего практически без матери и отца. Самоубийство матери, посаженные родственники, расстрелянные друзья дома, которые были так нежны к нему, – весь этот ужас был бытом его детства.

Ему всегда не хватало ласки – и, должно быть, поэтому Вася так рано женился. Со своей женой Галей Бурдонской он познакомился на знаменитом катке на Петровке. Там катались самые красивые девушки и юноши из сталинского «высшего общества».

В то время рассказывали легенды о скандальных подвигах недавно погибшего великого

Чкалова. Однажды он пролетел под мостом в Ленинграде, чтобы поразить любимую...

Я разговариваю с Надей Сталиной – дочерью Василия и Гали: «Мама жила у метро Тургеневская, и папа на бреющем полете пролетал часто над ее метро. У нее был низкий голос, она была очень хорошенькая, с великолепной фигурой. Им было по 19, когда они расписались. Об этом папа послал письмо Сталину, она все волновалась и спрашивала, пришел ли ответ. Однажды, когда папа ушел, она нашла в мусорной корзине разорванные бумажки, исписанные красным карандашом. Там было написано: «Женился, черт с тобой! Если хорошая девушка – мы ее все будем любить. Мне только ее жаль, что она вышла за такого идиота, как ты»...

Отец сохранил выпускную аттестацию курсанта Василия Сталина: «Летает отлично, любит летать... присвоено звание «лейтенант». Но он знал цену подобным бумажкам. В марте 1941 года он отправляет Василия на летные курсы в Люберцы. Там стоит так называемый «дворцовый гарнизон» – привилегированный летный полк, участвовавший в знаменитых воздушных парадах... В полку собрались асы.

По просьбе Хозяина сам В. Цуканов, командир знаменитого полка, стал инструктором Василия. «Вася – способный летчик, – честно отчитывался Цуканов, – но из-за пьянства у него всегда будут неприятности». Несчастный Вася уже тогда пил...

А потом началась война. После пленения Яши отец не мог разрешить второму сыну пойти на фронт. Вася стал инспектором управления ВВС. Он сидел в большом кабинете на Пироговской улице, мало чем занимался. И пил.

На фронте карьеры делались стремительно, и Сталин, зная безумное честолюбие сына, заботился, чтоб он не отставал. Вася быстро становится начальником инспекции ВВС.

Грехопадение

В Зубалово становилось все веселее и пьянее. Кутил Вася с компанией кинематографистов. Среди них – сценарист Алексей Каплер, фигура легендарная, главный сердцеед столицы. Когда одному мужу сообщили о романе его жены с Каплером, он сказал знаменитую фразу: «Мужья на Каплера не обижаются»...

Я знал его – он был другом моего отца. Тучный Каплер был некрасив, да и писал, скажем, «не лучше других». Талант его был в другом: это был гениальный рассказчик. Когда говорил – завораживал. Сирена-Кайл ер... Был в этой компании и другой тогдашний «плейбой» – знаменитый кинорежиссер-документалист Роман Кармен. И Вася радостно окунулся в веселую жизнь. Пьяный, стрелял по люстрам в ресторанах – это называлось «хрустальный звон» – и пребывал в бесконечных романах... Великое имя отворяло женские сердца.

Один из его тогдашних собутыльников, писатель Б. В-в (по понятным причинам ограничимся инициалами), позднее показал на следствии по делу Василия Сталина:

«Однажды застал у своей жены, Л. Ц-ой (кинозвезда конца 30-х годов. –

Э.Р.), ее приятельницу, артистку В. Серову, и неизвестного офицера-летчика. Тот стал уговаривать поехать на дачу. По дороге Серова сказала, что он является Василием Сталиным. На даче он начал беспардонно приставать к моей жене, Л. Ц-ой, пытаюсь утащить ее в уединенное место. Я вмешался в резкой форме, он извинился, и в остальном ужин прошел без особых происшествий, не считая, что подвыпивший Василий взял из камина

обуглившуюся головешку и разрисовал ею лица сидевших за столом кинооператора С. и режиссера К.».

И знаменитые кинематографисты терпели.

Но пришлось вытерпеть и большее. Через некоторое время Власик передал отцу следующий документ: «Начальник инспекции ВВС Василий Сталин встретился с женой кинорежиссера товарища К., и по взаимной уговоренности они уехали на дачу Василия Сталина».

Власик чувствовал: Вождь при всей строгости испытывает слабость к подобным выходкам сына. В конце концов, он был сыном сапожника, а этот шалопай – сын нового царя.

Но Хозяин обязан быть строгим и справедливым. Последовала лаконичная резолюция: «Полковника посадить на гауптвахту, жену вернуть домой».

Мечта Васи сбылась: его подвиги становились легендой в глазах друзей-летчиков. Жена пока терпела (но терпеть будет недолго)... Именно тогда, в дни кутежей и любовных побед, Вася привез в Зубалово Алексея Каплера. И познакомил со Светланой.

Каплер, как и многие писатели, работал в то время военным корреспондентом. Он только что вернулся в Москву из немецкого тыла – был заброшен к партизанам Белоруссии, участвовал в диверсиях. И готовился отбыть в Сталинград, где решалась судьба кровавой битвы...

Вася привез его на дачу 8 ноября 1942 года – в годовщину Октября. И Каплер увидел очаровательную девочку – умную и явно талантливую. Он пригласил ее на танец. Погибая от застенчивости, одетая, как хотел отец, в детских полуботинках без каблуков, она пошла танцевать фокстрот.

И Каплер заговорил. После косноязычного брата, молчаливого отца и убогих речей его соратников он конечно же потряс ее. Одиночество кончилось – она нашла понимающего человека. Она рассказала ему в этот вечер все: и про годовщину смерти матери, и как ужасно, что никто не помнит об этом...

Они начали встречаться. Это были опасные встречи. Каплер дал ей прочитать неопубликованный роман Хемингуэя, славил великих опальных поэтов – расстрелянного Гумилева, полузапрещенную Ахматову... На языке того времени это называлось: «идеологически развращал дочь Вождя». Уже за это Каплер подлежал уничтожению...

Светлана влюбилась... Она была совсем девочкой и не понимала мир, где жила, не понимала человека, который был ее отцом. Но Каплеру было около сорока. Как же он, который все это отлично знал, отважился на такое безумие?! Что делать – он тоже влюбился. Ему нравился восторг этой девочки. И влюбленный Каплер забыл обо всем...

Сорокалетний мужчина ждал школьницу в маленьком подъезде напротив ее школы. Они ходили в нетопленную, промерзлую Третьяковскую галерею, слушали «Пиковую даму»... По черным улицам военной Москвы во тьме плелся за ними унылый охранник – и Каплер давал ему закурить, чтобы тому не было так скучно...

Естественно, Хозяину тут же доложили. Но он был в те дни целиком поглощен ситуацией у Сталинграда – готовил свою величайшую победу. И не оценил серьезность происходящего.

Каплер уехал в Сталинград – туда в ожидании великого события слетелись военные корреспонденты. Оттуда он написал очерк для «Правды».

И вот в «Правде» (в

его «Правде», которую он когда-то редактировал) Хозяин прочел очерк Каплера «Письмо

лейтенанта Л. из Сталинграда». В нем в форме письма к любимой рассказывалось о делах военных, а заодно и о прекрасных воспоминаниях – недавних походах автора с некоей любимой в Третьяковку, об их прогулках по ночной Москве – все, о чем ему доносили. В конце обезумевший влюбленный писал: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля...» Чтобы не оставалось сомнений!

Можно представить ярость Хозяина. Но он поборол ее. Впервые он не знал до конца, что делать. Вскоре один из руководителей охраны позвонил Каплеру и вежливо попросил его уехать в командировку – и подальше.

Каплер послал его к черту.

Когда Хозяину передали ответ Каплера, он, наверное, подумал: как изменила людей война! Пребывание рядом со смертью уничтожало страх, у некоторых он пропал вовсе. Много работы будет после войны...

И опять весь февраль Светлана и Каплер ходили по театрам, по ночной Москве, а сзади плелся охранник. В день ее семнадцатилетия они пришли на квартиру Василия, молча целовались в пустой комнате, стараясь, чтобы их не было слышно. А в другой комнате сидел несчастный охранник и мучительно вслушивался: он составлял ежедневные отчеты об их встречах.

Каплера арестовали через два дня.

Отец приехал с бешеными, желтыми глазами – дочь никогда не видела его таким. Задыхаясь от гнева, он сказал:

– Мне все известно. Твои телефонные разговоры – вот они. – Он похлопал по карману. – Твой Каплер – английский шпион, он арестован...

Но она была дочерью своей матери и его дочерью. Она не испугалась.

– А я люблю его, – ответила она и получила две пощечины – впервые в жизни. Но он понимал: болью ее не сломить. И приготовил самое унижительное для нее:

– Ты бы на себя посмотрела: кому ты нужна! У него кругом бабы, дура!

Она не разговаривала с отцом несколько месяцев. Но и для него все было кончено. Это было второе предательство – после смерти ее матери.

Даже в сказках царь обезглавливал за попытку соблазнить царевну. Но ему пришлось совладать с собой. Он помнил конец ее матери, знал, как опасно доводить до отчаяния Аллилуевых – сумасшедших Аллилуевых.

И «шпиона» Каплера выслали на пять лет в Воркуту. Всего лишь.

Его гнев обрушился и на Васю – это он привел Каплера, на Васькиной бардачной квартире они встретились. При его умении строить сюжеты он мог подумать: а не устроил ли нарочно сын-хитрец всю эту историю, чтобы изгнать из его сердца любимую дочь?

В то время Вася получил ранение, но не на фронте, а на рыбалке, спьяну – авиаснарядом, которым он и его собутыльники глушили рыбу. Вася был ранен в щеку и в ногу.

Тут же последовал приказ народного комиссара обороны И. Сталина: «Полку и бывшему командиру полка полковнику В. Сталину объявить, что... полковник снимается с должности за пьянство и разгул, за то, что он портит и развращает полк».

Васю отправили на фронт, но после истории с Яковом участвовать в воздушных боях ему разрешали редко и всегда под большим прикрытием. Это Васю бесило – он был храбр и жаждал подвигов.

Но за продвижением сына по службе Хозяин следил. Начав войну 20-летним капитаном, Вася закончит ее 24-летним генералом.

Что ж, генералом и должен быть сын Сталина...

Второй фронт

Течение войны, история открытия союзниками второго фронта – все это много и подробно описано. Мы лишь бегло коснемся этого величайшего периода...

После нападения на СССР Черчилль стал союзником Сталина – вынужденным союзником. Хозяин понимал его отношение к ситуации: для Черчилля идеальная война – когда оба его врага перегрызают глотки друг другу. Но помогать он, конечно, будет ему, Сталину. Как сказал Черчилль: «Если Гитлер оккупирует ад, я буду просить помощи дьяволу в палате общин».

В конце 1941 года атака японцев на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе окончательно принесла еще одного союзника: Рузвельта. Вот тогда и пригодился Литвинов – опальный еврей назначается послом в США.

Ему в помощь Сталин создает в феврале 1942 года Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Возглавил его великий актер, руководитель Московского еврейского театра Соломон Михоэлс. Задача членов ЕАК – ездить в США, просить деньги у богатых евреев, но главное – влиять на американское общественное мнение, приближать открытие второго фронта. Антисемитизм забыт. Литвинов подписывает соглашение с Америкой: в СССР пойдут алюминий, бензин, зенитки, пулеметы и автоматы. И богатые продуктовые посылки.

Вкус американского шоколада – в голодной, промерзшей от холода, нетопленной Москве...

Но главная задача Сталина – заставить Запад открыть второй фронт. Как он ему был нужен тогда, страшной зимой 1941/42 года! Однако открывать второй фронт Черчилль не торопился, он давал Красной армии изойти кровью. Что ж, Хозяин его понимал. На его месте он действовал бы так же.

Не открыли второй фронт союзники – ни в 1942-м, ни в 1943-м.

Вместо этого Черчилль сам прилетел в Москву: «...в это угрюмое большевистское государство, которое когда-то я пытался настойчиво задушить при его рождении и вплоть до появления Гитлера считал злейшим врагом цивилизованной свободы».

Сталин встретил британского премьера как давнего друга. Они были в чем-то похожи. Разведка сообщала: Черчилль знал о нападении японцев на Перл-Харбор, но не предупредил друзей-американцев, чтобы втянуть их в войну. Что ж, и здесь он действовал бы, наверное, также.

Черчилль посетил спектакль в Большом театре, побывал у Сталина дома, познакомился с рыжей Светланой, сообщил, что волосы, которые исчезли с его головы, были тоже рыжие, но... второй фронт открыть пока отказался: союзники еще не готовы.

Впоследствии Хозяин, должно быть, вспоминал эту историю с усмешкой. Хитрый Черчилль сделал величайшую глупость. Да, Сталин сражался один. Но что в результате? Поддерживаемая техникой и продовольствием союзников, его армия приобрела в сражениях фантастическую мощь. Гитлеровские генералы – лучшие полководцы Европы – кроваво учили ее. К концу 1943 года он имел величайшую военную машину, когда-либо существовавшую в мире. Судьба Гитлера была предрешена.

Он приготовил мощные удары, которые должны были перевести войну за пределы России – в Европу. И это означало: Великая мечта возродилась! Более того, она стала совершенно реальна.

Именно весной 1943 года он распускает Коминтерн, чтобы «разоблачить ложь Гитлера, будто Москва намерена вмешиваться в жизнь других государств и большевизировать их». Так он сказал в интервью агентству «Рейтер». На «глубоком языке» это значило: «Москва вмешается в жизнь других государств и большевизирует их, когда придет время». Кадры распущенного Коминтерна должны были стать будущими правителями Восточной Европы.

Распуск Коминтерна, возрождение Патриархии в России, возвращение царских погон в его армию – все это свидетельствовало как бы о конце большевизма. Эту идею он теперь постоянно внедряет в умы союзников – перед решительным наступлением на Европу.

«Медовый месяц»

В 1943 году в Тегеране открылась конференция союзников. Теперь они сами торопились открыть второй фронт – накануне прихода Сталина в Европу.

Он сохранил наивную юношескую привычку Кобы: опоздал на конференцию на день. Пусть ждут – он теперь Хозяин.

В Тегеране он впервые увидел Рузвельта. Президент США поселился в здании советского посольства. Они оказались до смешного разные: Рузвельт, игравший в идеалиста, и Черчилль, гордившийся тем, что он – «прожженный политик».

Кто из них больше нравился Сталину? На этот вопрос он так ответил Молотову: «Оба они – империалисты». Это был ответ на уровне понимания «каменной жопы»... Пожалуй, тогда они ему очень нравились – оба. Ибо ему сразу стало ясно, как можно столкнуть Рузвельта, с его показным отвращением ко всяким закулисным сделкам, и Черчилля, уверенного, что только такими сделками можно противостоять страшному «дядюшке Джо».

«Если бы я формировал команду для переговоров, Сталин был бы мой первый выбор», – как отозвался о нем А. Иден, английский министр иностранных дел. И он был прав.

В «медовый месяц» в Тегеране они объяснялись в любви друг к другу. Черчилль вручил ему меч Сталинграда: «Маршал Сталин может быть поставлен в ряд с крупнейшими фигурами русской истории и заслуживает звания «Сталин Великий». Он скромно ответил: «Легко быть героем, если имеешь дело с такими людьми, как русские».

Главная тема: открытие второго фронта. Но Черчилль не удержался – спросил о территориальных претензиях России после победы. Сталин ответил: «В настоящее время нет нужды говорить об этом, но придет время – и мы скажем свое слово».

Он знал: Черчилль не выдержит – предложит игру. Так и случилось. В 1944 году союзники высаживаются в Нормандии. Тогда же его армия переходит границу СССР и стремительно начинает захватывать Польшу, Венгрию, Румынию, Чехословакию...

Болгария и Финляндия выходят из войны. Балканы оказываются в его власти. В Греции

коммунисты и находившаяся под их влиянием Национально-освободительная армия захватили всю материковую часть страны. В Югославии побеждает армия во главе с коммунистом Тито.

И Черчилль поспешил. 9 октября 1944 года он и Иден были в Москве. Ночью они встретились с Хозяином в Кремле – без американцев.

Всю ночь шел торг. Черчилль писал на листке: Россия на 90 процентов доминирует в Румынии, Англия имеет то же в Греции. Перешли к Италии – Хозяин уступил ее Черчиллю. Главное впереди: министры иностранных дел занялись процентами в Восточной Европе. Молотов предложил: Венгрия – 75 на 25 в пользу русских, Болгария – 75 на 25, Югославия – 60 на 40. Такую плату Хозяин потребовал за Италию и Грецию. Иден торговался: Венгрия – 75 на 25, Болгария – 80 на 20, Югославия – 50 на 50.

После долгих споров решили: 80 на 20 – Болгария и Венгрия, а Югославия пополам... Только по окончании торга был поставлен в известность посол США в СССР А. Гарриман. Джентльменское соглашение было скреплено пожатием рук.

Проценты были смешной фикцией. Всюду, где он появится, он будет Хозяином на все сто процентов. Великая мечта становилась былью.

Черчилль понимал: Сталину верить нельзя. Он попытался действовать – в некоем сталинско-черчилльском духе, но Хозяин был спокоен: он понимал, что Рузвельт, поддерживая свой образ идеалиста, не сможет допустить вероломства. И когда Черчилль попытался начать тайные переговоры с Германией, Хозяин тотчас сообщил об этом Рузвельту. Президент вознегодовал, и переговоры прервались.

Впрочем, Гитлер сам сплотил «великую тройку». В конце 1944 года немцы предприняли контрудар против союзников в Арденнах. Начался прорыв – внезапный и беспощадный. И Сталин великодушно пришел на помощь терпящим бедствие союзникам, отвлек немцев – начал неподготовленное наступление. Что ж, и эту помощь им придется зачесть во время дележа Европы.

Катынская ликвидация

Рейх доживал последние месяцы, когда в феврале 1945 года союзники собрались под Ялтой в Ливадии – в любимом дворце царской семьи. На конференции были приняты красивые решения о будущей мирной Европе, о создании ООН, о демилитаризации Германии. Но главное – продолжился дележ континента, формирование Великой мечты. На этот раз Сталин сумел включить в нее Польшу.

Но дело осложнила чудовищная Катынская история.

После падения Польши более 20 000 захваченных польских офицеров были помещены в советские лагеря недалеко от границы. Готовя нападение на Германию, Хозяин побоялся держать внутри страны столько потенциальных врагов – он помнил мятеж чехословацких военнопленных в 1918 году. Проблему он решил, как обычно, быстро и революционно: пленные были ликвидированы.

Во время войны, когда начала формироваться польская армия Андерса, он освободил из лагерей оставшихся в живых 2000 пленных. Но поляки начали интересоваться: куда исчезли тысячи офицеров? Им ответили: остальные разбежались из лагерей при начале войны.

Однако польское прозападное «правительство в изгнании» из Лондона упрямо спрашивало об исчезнувших.

Пришлось сыграть маленький спектакль. В присутствии польского представителя Сталин позвонил Молотову и Берии: «Все ли поляки освобождены из тюрем?» И оба ответили: «Все».

Но немцы, захватившие Смоленск, нашли в Катинском лесу под городом страшное захоронение – бесконечные ряды трупов с пулевыми отверстиями в затылках. Это были останки польских офицеров. Сталин, естественно, обвинил Гитлера в чудовищной провокации. Так появилась его новая версия: поляки не разбежались, их перевезли под Смоленск – на строительные работы. Немцы захватили их, расстреляли и свалили все на СССР. Была создана специальная комиссия, куда вошли писатели, ученые, представители церкви. Комиссия, естественно, все подтвердила.

Рузвельт и Черчилль

должны были поверить. Черчилль притворился, Рузвельт, возможно, поверил: не мог же «добрый дядюшка Джо» расстреливать безоружных офицеров?!

Только сейчас стали известны чудовищные масштабы трагедии.

А. Краюшкин, начальник одного из управлений Федеральной службы безопасности, в апреле 1995 года сообщил на встрече с российскими и польскими журналистами в Смоленске: всего в различных лагерях было уничтожено 21 857 польских военнопленных.

Дела расстрелянных с согласия Хрущева были уничтожены в 1959 году. Но осталось письмо тогдашнего главы КГБ А. Шелепина Хрущеву, где он сообщает: «Всего по решениям НКВД было расстреляно 21 857 человек. Из них: в Катинском лесу – 4421, в Осташковском лагере (Калининская область) – 6311, в Старобельском лагере близ Харькова – 3820 человек».

И далее Шелепин просит у Хрущева разрешения уничтожить дела расстрелянных как «не имеющие ни оперативной, ни исторической важности»...

В августе 1944 года в Варшаве началось восстание, подготовленное эмигрантским правительством. Войска Сталина стояли рядом с городом, но он повелел им не двигаться, и они смотрели, как немцы уничтожали Варшаву. Главным для него было избавиться от этого польского правительства, и союзники не раз слышали его рывкающее «нет», когда пытались говорить с «добрым дядюшкой Джо» о демократической Польше. У него была простая логика: он выиграл войну, чтобы иметь под боком хороших соседей. Единственное, на что он согласился, – дал союзникам возможность постепенно уступать ему Польшу. Он понимал: Рузвельт должен думать о голосах американских поляков.

Так уже в конце войны он возвел каркас Великой мечты – будущей коммунистической Восточной Европы.

Думал он и об Азии. В Ялте обсудили его участие в будущей войне с Японией. Он конечно же согласился. Это была отличная возможность прийти в Китай – сначала его войскам, а вслед за ними и Великой мечте.

Впрочем, Рузвельт не увидел эту новую Европу «дядюшки Джо».

12 апреля 1945 года он умер. Хозяин совершенно искренне написал Черчиллю: «Что касается меня лично, я особенно чувствую тяжесть утраты этого великого человека – нашего общего друга».

В самом конце 1944 года в Москву прибыл еще один союзник – легендарный генерал де

Голль, премьер-министр освобожденной Франции. В его апартаментах стояли подслушивающие устройства – так что Хозяин был в курсе постоянных разговоров французов о кровожадном Сталине.

В Кремле был устроен банкет. Длинный де Голль и маленький Хозяин составляли уморительную пару.

На банкете Сталин предложил выпить за Кагановича:

– Храбрый человек. Знает: если поезда не будут приходить вовремя, – он сделал паузу и закончил совсем ласково, – мы его расстреляем.

Затем он предложил тост за маршала авиации Новикова.

– Хороший маршал... выпьем и за него. Если и он не будет делать хорошо свое дело, мы его, – он добро улыбнулся, – повесим.

Он уже не казался французам уморительным.

Заканчивая издеваться, он добавил смеясь:

– Обо мне говорят, что я чуть ли не чудовище, но, как видите, я шучу по этому поводу. Может быть, я не так уж ужасен?

В поезде де Голль задумчиво сказал: «С этими людьми нам придется иметь дело еще сто лет!»

Впрочем, французы почувствовали и иное: «В его поведении сквозило что-то похожее на отчаяние человека, который достиг таких вершин власти, что дальше идти некуда». На том же вечере победитель Гитлера вдруг сказал де Голлю: «В конце концов, победу одерживает только смерть».

Был декабрь – приближался 65-й день его рождения.

Уничтожение народов

Он имел право назвать себя «чудовищем». Если бы знал де Голль, что происходило в то время в стране шутивного диктатора! Впрочем, даже его собственные солдаты, победоносно сражавшиеся с врагом, не знали, что происходит в глубоком тылу.

В 1944 году, в преддверии победы, Хозяин начал возвращать в страну ушедший Страх. Больше всего его тревожили проснувшиеся национальные амбиции. В начале войны на фронтах его комиссары говорили об украинском, грузинском, молдавском, армянском, азербайджанском – Отечествах. Страна была у края бездны, и он поощрял эти разговоры: крепче воевать будут. Теперь это надо было искоренять, выжигать из сознания. Он всегда считал национализм опаснейшим динамитом.

Именно национализм взорвет его Империю через полсотни лет, во времена Горбачева...

Вот почему уже в конце 1943 года – в разгар войны – он собрал Политбюро и более часа докладывал... о сценарии, написанном украинским кинорежиссером Довженко!

Довженко был великим режиссером. Его фильм «Земля» входил в десятку лучших картин всех времен. Незадолго до войны, после какого-то совещания, Сталин немного прогулялся с

Довженко...

Они шли по пустому Арбату, только охранники и машины НКВД стояли вдоль обочин. Как и положено художнику, Довженко говорил без умолку, а он слушал.

В тот вечер Хозяин хорошо понял Довженко и с тех пор следил за ним. И вот он узнал, что Довженко написал сценарий и прочел его Хрущеву – тогдашнему руководителю Украины. Дело было на даче; Хрущеву, наверняка «расслабившемуся» на отдыхе, сценарий понравился. Хозяин немедленно потребовал сценарий. Прочел – и понял: он не ошибся. Хитрец Довженко применил прием, которым будет активно пользоваться литература послесталинского времени, – все острые, потаенные мысли автора были вложены в уста отрицательных героев. Например, немецкий офицер говорил: «У вашего народа есть абсолютная ахиллесова пята: люди лишены умения прощать друг другу свои разногласия... Они уже 25 лет живут негативными лозунгами – отрицаниями Бога, собственности, семьи, дружбы. У них от слова «нация» осталось одно прилагательное!» И так далее... Конечно, там было полно ортодоксальных ответов на подобные обвинения (на них и клюнул Хрущев). Но как жалки были эти ответы по сравнению с совращающими рассуждениями! Отметил Хозяин и главную мысль: «На каких бы фронтах мы ни бились, – писал Довженко, – мы бьемся за Украину. За единственный сорок миллионный народ, не нашедший себя в столетиях человеческой жизни... За народ растерзанный, расщепленный».

Прочитав это на Политбюро, Сталин сказал: «Нет отдельной Украины! Не существует! Борьба за СССР – это и значит борьба за Украину».

Он сотни тысяч расстрелял, чтобы они запомнили, выучили сей урок. И вот опять... Хозяин беспощадно уничтожал Довженко: «Он пытается критиковать нашу партию. Что он имеет за душой, чтобы критиковать нашу партию? Стоит только напечатать сценарий... как все советские люди так разделали бы Довженко, что осталось бы одно мокрое место». Довженко сидел потерянный, бледный.

Хозяин дал возможность Хрущеву исправить свою ошибку. И тот поусердствовал: теперь Довженко уничтожали на бесчисленных собраниях, выгнали с Киевской киностудии... «Меня разрубили на куски, а окровавленные части отдали на поругание на всех сборищах», – записал режиссер в дневнике.

И вот в 1944 году, когда замаячила победа, Сталин решил «крепко ударить» по национализму. Крепко – означало кроваво. Чтобы все навсегда запомнили: есть только СССР.

Берия все понял и быстро подыскал примеры для урока стране. Во время оккупации Кавказа немцы посулили независимость чеченцам, ингушам, калмыкам, балкарцам. И были случаи, когда кто-то пошел за гитлеровцами. То же было с татарами в Крыму...

Берия знал правила: Хозяин не должен быть инициатором расправы. И он сам обратился с ходатайством к Вождю.

Я читаю «Особую папку товарища Сталина». Здесь под грифом «Совершенно секретно» остались следы тайной бойни, о которой не знали ни мир, ни страна, ни армия.

Из письма Берии Сталину: «Оккупация немцами Кавказа была встречена балкарцами доброжелательно. Отступая под ударами Красной армии, немцы организовали отряды из балкарцев».

Хозяин опять решил проблему по-революционному.

11 марта 1944 года Берия докладывает ему: «Погружено в эшелоны и отправлено к местам

нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца. Заслуживающих внимания происшествий во время операции не было».

Национализм приводит к измене – таков должен быть идеологический урок. Но если люди изменили, достойны ли они по-прежнему жить на Кавказе, в этом земном раю, где родился живой бог Коммунизма?

Пока союзники славляли его, открывая облик «нового Сталина», в снежном феврале в горных районах Кавказа появились тысячи солдат в форме НКВД. Местных жителей созвали на митинги – была годовщина Красной армии. Когда они пришли, их уже ждали...

«23 февраля выпал обильный снег, в связи с чем создались затруднения в перевозке людей, особенно в горных районах», – докладывал Хозяину Берия. Но уже к 25 февраля, несмотря на морозы и снег, опустели селения, где люди жили тысячелетиями. Жителей гнали под конвоем вниз, где их ждали вагоны для скота. Набитые людьми, эти вагоны отправились в Сибирь...

«Операция по выселению чеченцев и ингушей проходит нормально. 25.2 погружено в железнодорожные эшелоны 342 647 человек, на 29.2 – 478 479 человек, из них 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Операция прошла организованно, без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов. Все случаи попытки к бегству носили единичный характер. Берия».

«Инцидентов не было» – это писалось для Хозяина. На самом деле НКВД пришлось потрудиться.

Рассказывает чеченец Руслан Г., директор банка: «Они прочесывали избы, чтобы никто не остался. Было холодно, и пол был покрыт изморозью. Солдату, вошедшему в дом, не хотелось нагибаться. Он полоснул очередью из автомата, а под лавкой прятался ребенок. Из-под лавки полилась кровь. Дико закричала мать, бросилась на него. Он застрелил и ее... Составов не хватало. Оставшихся постреляли. Засыпали песком, землей кое-как. Да и постреляли кое-как. И они, как червяки, начали выползать. Всю ночь их достреливали».

Да, инциденты были. Но сопротивления не было – Берия писал правду. Страна не забыла предыдущих уроков. Страх быстро возвращался.

Народ за народом Хозяин гнал с Кавказа.

«Операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы (Алтай, Красноярский край, Амурскую, Новосибирскую и Омскую области) прошла успешно. Всего погружено 93 139 человек. Во время проведения операции эксцессов не было. Нарком Берия».

Потрудился он и в Крыму.

«Товарищу Сталину. Во исполнение вашего указа в период с апреля по июнь была проведена очистка Крыма от антисоветских элементов, а также выселены в восточные районы СССР крымские татары, болгары, греки, армяне и лица иностранного подданства. Выселено 225 009 человек. В операциях участвовало 23 тыс. бойцов и офицеров войск НКВД. НКВД ходатайствует о награждении орденами и медалями отличившихся».

В конце войны Хозяин начал готовить и антиеврейскую акцию. В Еврейский антифашистский комитет вошли многие знаменитые евреи. Кроме Михозлсатам были поэты И. Фефер, П. Маркиш, академик Лина Штерн и другие. Начальник Совинформбюро Соломон Лозовский был назначен фактически политкомиссаром при комитете. Покровительствовала ЕАК жена Молотова – еврейка Полина Жемчужина. Эту фанатичную коммунистку он тоже

использовал...

В 1944 году ЕАК направляет Хозяину письмо от имени евреев СССР. В нем было предложение о создании Еврейской социалистической республики на опустевших землях выселенных из Крыма татар. Письмо было, естественно, написано Лозовским. Мог ли опытный Лозовский решиться на такое без согласования с Хозяином? Одним из инициаторов письма была Жемчужина. Могла ли жена Молотова пойти на это, не узнав мнение Вождя? Да, за кулисами, конечно, был он сам.

Такая идея тогда была ему очень нужна. Обещание «Калифорнии в Крыму» должно было привлечь сердца американских евреев и конечно же открыть их кошельки. К тому же слух о том, что «добрый дядюшка Джо» отдаст Крым евреям, вводил от разговоров о судьбе депортированных народов.

Но эта идея была очередным даром данайцев. Члены ЕАК не поняли, в каком опасном положении они оказались. Точнее, во что он их вовлек, уже тогда уготовив им будущее.

«Крымская еврейская республика» очень поможет возвращению Страха.

Его длинные шахматные партии...

Но тогда – весь военный период – ему приходилось заботиться о впечатлении, которое он производил на иностранцев.

Так, в 1944 году в лагерях на страшной Колыме пришлось принимать американскую миссию. Приняли успешно. К приезду гостей приготовили особую зону в лагере: там отремонтировали бараки, поставили кровати с чистым постельным бельем и даже подушками, женщинам выдали вольную одежду и прислали парикмахеров. Американцам показали теплицы, где выращивали помидоры, огурцы и даже дыни, повезли их на образцовую свиноферму, где роли свинарок удачно исполнили сотрудницы НКВД. Гостей восхитил и лагерный театр, где им показали настоящий балет.

Театр не был инсценировкой. Такие театры действительно существовали в его лагерях. В них выступали многие недавние знаменитости, а ныне «враги народа». Выступали под номерами. Конферансье объявлял: «Арию Хозе из оперы «Кармен» исполняет номер такой-то», и выходила посаженная звезда. Лагерные начальники старались превзойти друг друга в пышности театральных постановок.

Победа

На Эльбе его войска встретились с союзниками. Шли бесконечные братания, попойки. Он хорошо знал историю: русские офицеры, победив Наполеона, привезли из Европы в Россию дух вольности и основали тайные общества...

Особенно раздражал его Жуков. Маршал раздавал интервью западным агентствам, все чаще забывая обязательный рефрен о «величайшем полководце всех времен»...

И вот пришла Победа. Жукову он оказал величайшую честь – доверил подписать протокол о безоговорочной капитуляции Германии и принимать парад Победы. Опасны его почести... Тени исчезнувших маршалов могли это подтвердить опьяненному победой Жукову.

Во время парада – в тот дождливый день, когда «само небо оплакивало павших», как писали его поэты, – Хозяин уже думал о завтра. О дне

после Победы.

Окончились 1418 дней войны. 1418 дней гибели людей.

Страна лежала в развалинах, была покрыта могилами его солдат. И пол-Европы было усеяно их телами.

В дальнейшем он объявит официальную цифру погибших, не слишком большую, чтобы не очень пугала, – около 7 миллионов.

После его смерти с каждым годом эта цифра будет расти. Беспощадно расти. В 1994 году на международной научной конференции, состоявшейся в Российской Академии наук, большинство экспертов сошлись на таких цифрах: около 8 миллионов 668 тысяч потеряла армия и 18 миллионов – мирное население. Всего 26 миллионов погибших.

А пока уцелевшие после невиданной войны солдаты маршировали по Красной площади, швыряя знамена побежденной гитлеровской армии к подножию Мавзолея. К ногам Хозяина. Но он должен был задуматься: как будут жить после демобилизации эти солдаты, научившиеся убивать легко и умело. Он уже был наслышан о бандах, появившихся в столице.

«Москвичей... стали жутко грабить и убивать по ночам какие-то бандиты. Доходит до того, что даже в центральных районах люди боятся с наступлением темноты выходить на улицу», – писала ему дочь в начале 1945 года.

На войне они разучились работать и бояться. Или точнее: разучились работать, потому что разучились бояться.

«Сегодня мне сказали, – продолжает Светлана, – будто ходит слух, что Сталин вернулся в Москву и издал приказ ликвидировать бандитизм и воровство к Новому году. Люди всегда приписывают тебе что-нибудь хорошее».

Он не обманул ожидания людей, отдал знакомый приказ: расстреливать. И не только тех, кто грабит, но и тех, кто не умеет справиться с грабежами.

Банды пополняли сотни тысяч бездомных и нищих. Среди них – множество калек, пришедших с войны. Потерявшие кто руки, кто ноги, изуродованные, они боялись или не хотели возвращаться в свои семьи. Впрочем, если и возвращались, часто обнаруживали: жена, по ошибке получившая «похоронку», вышла замуж. И тогда они присоединялись к свободному племени нищих или бандитов.

В папках Хозяина остались отчеты НКВД: «На территории Арзамасского района появилось большое количество нищенствующего элемента. Наибольшее скопление... у крахмально-паточного завода «Рассвет». Завод отпускает населению в качестве корма для скота отходы производства. Эти отходы употребляются нищенствующим элементом в пищу. Территорию завода уже посетило до 20 тыс. человек. Л. Берия».

Нищие пополняли его лагеря.

Нуждалась, ох как нуждалась в страхе страна... Контрразведка усердно перлюстрировала письма с фронта, и Берия регулярно докладывал ему об их содержании. И Хозяин понял: произошло самое тревожное. Во время войны вместе с чувством личной ответственности за судьбу Отечества возродились и

личные мысли.

Впереди предстояла жестокая борьба с этими независимыми мыслями.

Мечь

Решил он и проблему пленных, освобождавшихся из немецких лагерей. Они должны были расплатиться за то, что не выполнили его приказ – не погибли на поле боя, посмели выжить и оказались в плену. И конечно же он думал об опасных идеях, которых его солдаты «понахватались» (любимое словечко его пропаганды) в интернациональных лагерях. Так что судьба их была решена: пережившие годы кошмара вражеского плена и сумевшие все-таки дожить до победы, прямо из немецких лагерей они должны были отправиться в лагерь советские. «Сто двадцать шесть тысяч офицеров, возвратившихся из плена, были лишены воинских званий и посланы в лагерь» – так говорил маршал Жуков на пленуме ЦК партии в 1957 году.

Печальная судьба ждала и мирных граждан, насильно угнанных гитлеровцами в Германию. Контакты с иностранцами (тем более с врагами) считались в его государстве неизлечимой заразой, чумой. Зачумленных следует отделять от здоровых...

Так что и они тоже должны были пополнить его лагерь.

Однако многие из подлежащих возвращению находились на территории, занятой союзниками. Они уже знали слова Хозяина о том, что «в плен сдаются только изменники родины», и умоляли не отсылать их в СССР.

Но он, как всегда, позаботился обо всем заранее: еще в дни Ялтинской конференции подписал соглашение с Рузвельтом и Черчиллем, согласно которому все пленные и интернированные во время войны граждане СССР подлежали возвращению на родину.

И союзники беспощадно выполнили соглашение.

«Жертвы Ялты» – так назвал свою книгу об этих несчастных Николай Толстой-Милославский, внучатый племянник Льва Толстого. В книге он собрал показания очевидцев и участников трагедии.

Сержант Д. Лоуренс (был в конвое, сопровождавшем автомашины с советскими гражданами, которых англичане везли для передачи представителям СССР): «Когда бывшие пленные прибыли в Грац (Австрия), где был советский приемный пункт, какая-то женщина кинулась к парашюту виадука, пересекавшего реку Мур... бросила в воду ребенка, а потом прыгнула сама. Мужчин и женщин вместе загнали в огромный отгороженный проволокой концлагерь... Я на всю жизнь запомнил этот кошмар».

Но то были граждане СССР. Как писал любимый герой Хозяина, Иван Грозный, о своих подданных: «Награждать их царь волен и казнить их волен тоже».

Однако Хозяин сумел заполучить и иные жертвы.

В Европе находились тысячи его прежних врагов – белогвардейцев, участников Гражданской войны, бежавших когда-то из России.

В Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии и Венгрии, занятых его войсками, НКВД выявлял их и вывозил в СССР – в концлагерь. Но часть этих прежних врагов оказалась на территории поверженного рейха, оккупированной союзниками. И хотя в СССР могли быть репатриированы только те, кто до вывоза в Германию или до плена являлись советскими гражданами, он сумел добиться от союзников невозможного. Герои белого движения: казачий атаман Краснов, генерал Шкуро, награжденный английским орденом Бани за подвиги в

борьбе с большевиками, генералы Соломатин и Султан-Гирей были выданы англичанами Хозяину.

Напрасно Султан-Гирей надел форму царского генерала, напрасно генерал Кучук Улагай размахивал перед английским офицером своим албанским паспортом – они были переданы в руки офицеров НКВД.

Хозяин заставил союзников исполнить его волю.

Узнав о происшедшем, тысячи казаков-эмигрантов, оказавшихся в Австрии, бежали в горы. Но английские патрули ловили беглецов и передавали советским представителям.

Хозяин устроил суд в Москве. Сопровождаемые газетными проклятиями, его давние враги, герои Гражданской войны – 60-летний Шкуро и 78-летний Краснов – были повешены.

Он еще раз доказал: врага можно простить... но только убив врага.

НКВД и церковь

Предстояло решать и проблему церкви. К тому времени он уже забыл свое обращение к Богу. Прежний страх Сосо был смешон Сталину. Это он выиграл величайшую войну – Победитель! Это он освободил народы – Богосталин!

Вернув Патриаршество, он организует строгий надзор за церковью – за ней следит Совет по делам церкви. Формально Совет образован при правительстве, но на деле Сталин поручает его совсем иной организации. Во главе Совета он сажает... полковника Г. Карпова – начальника 5-го отдела НКВД по борьбе с контрреволюционным духовенством. В НКВД полковник Карпов должен бороться с церковью, а в Совете – помогать ей! В этом – весь Хозяин!

Но он захотел быть и благодарным. В 1947 году он пригласил в СССР митрополита Илию и наградил его премией своего имени – Сталинской, первой степени. Но владыка отказался. Илия объяснил забывчивому семинаристу, что монаху мирские блага не нужны, и передал 200 000 долларов сиротам войны, прибавив к своим деньгам и его Сталинскую премию.

Глава 23 Возвращение страха

«Дружков»

В июле 1945 года Сталин выехал в Потсдам на мирную конференцию. 17 000 бойцов НКВД охраняли маршрут его поезда. На каждом километре пути стояли от 6 до 15 человек охраны. Путь стерегли 8 бронепоездов НКВД. Это была демонстрация могущества Богосталина. Священный поезд, вызывая ужас подданных, мчался по разрушенной стране.

На Потсдамской конференции уже не было двух участников «медового месяца». Рузвельт лежал в могиле, а Черчилль во время конференции улетел на выборы и не вернулся: в

Англии победили лейбористы во главе с Эттли. И Хозяин высказался о том, как ничтожна западная демократия, если может поменять великого Черчилля на жалкого Эттли.

Итак, союзников представляли президент Трумэн и Эттли. Но если он сумел обыграть тех двух титанов, что ему эти двое?

В Потсдаме и после – весь 1945 год – они продолжали делить послевоенную Европу. Большое впечатление на союзников произвел его нарком иностранных дел Молотов. Именно тогда вокруг него возник загадочный ореол. Молотов завораживал удивительной молчаливостью, жесткой непреклонностью, коварными ходами, гипнотизировал неторопливостью и порой озадачивал отсутствием «нет» и «да» по самым простым вопросам.

Разгадку «великого дипломата Молотова» я нашел в Архиве президента.

Оказывается, весь 1945 год Молотов получал подробнейшие указания из Москвы от некоего Дружкова. Множество зашифрованных телеграмм отправил Молотову этот неутомимый Дружков.

Понять, кто скрывался за псевдонимом, труда не составляло. Кто мог приказывать Молотову, второму человеку в государстве? Конечно, Сталин.

Видимо, демонстрируя свое дружелюбие Молотову, Хозяин назвал себя ласковым именем Дружков.

В телеграммах Дружков диктует Молотову буквально каждый шаг во внешней политике (как прежде диктовал в политике внутренней). Никакого «советского Меттерниха»-Молотова не существовало, был все тот же передатчик желаний Хозяина, не смеющий самостоятельно принять ни единого решения. Отсюда и величественная неторопливость Молотова, и загадочная нерешительность в простейших вопросах.

В последние дни гитлеровской Германии, когда шла безумная гонка соперников-союзников – кто возьмет Берлин, – решалось и будущее Польши. Трумэн и Черчилль в своем общем послании попытались отстоять демократическую Польшу. Но Дружков велит Молотову быть непреклонным и сообщает, что ему говорить: «Объединенное послание президента и Черчилля по тону мягко, но по содержанию никакого прогресса. Если попытаются поставить вопрос об общих принципах польской программы, ты можешь ответить, что принципы эти изложены в послании Сталина. Без их принятия ты не видишь возможности добиться согласованного решения... Дружков».

Перед Потсдамом посол Гарриман информировал президента Трумэна: Сталин дорожит помощью союзников – ему надо восстанавливать разрушенную страну. Следовательно, в Потсдаме на него можно будет давить. И союзники приготовились быть непреклонными – отстоять Восточную Европу и, в частности, Польшу. Тем более что Трумэн прибыл в Потсдам накануне успешных испытаний американцами атомной бомбы.

Но как только Трумэн заговорил со Сталиным об уступках, он с изумлением услышал рывкающее, запелляционное «нет». «Нет» – ибо его армии оккупировали Европу, он заплатил за это «нет» миллионами жизней своих солдат. «Нет», – как эхо, тотчас повторяет Молотов. Сталин не успокоился, пока не посадил править Польшей своего ставленника Берута.

9 августа СССР вступил в войну с Японией. Все было, как рассчитывал Хозяин. Его войска буквально растерзали Квантунскую армию. Он не только забрал Курилы и Южный Сахалин, отомстив Японии за победу над царской Россией. Поражение Японии, захват Маньчжурии позволили ему открыто поддержать армию Мао Цзедуна в Китае. Советские специалисты и

военная техника помогли Мао захватить Северный и Центральный Китай. Многомиллионная страна, величайший человеческий резерв готов присоединиться к Великой мечте.

Все заманчивее перспектива...

Торг по поводу будущего Европы продолжился на сессии Совета министров иностранных дел союзников.

Дружков наказывает Молотову: «12.9.45...Необходимо, чтоб ты держался крепко. Никаких уступок в отношении Румынии...»

И Молотов действует, постоянно консультируясь с Хозяином. Любой, даже самый ничтожный вопрос он не смеет решать без Дружкова:

«Молотов – Дружкову. Шифрограмма. 15.9.45. По приглашению Эттли сегодня вечером обедали в загородной резиденции премьера. Были Эттли и Бевин (британский министр иностранных дел.

– Э.Р.) с женами. Обед и послеобеденная беседа прошли в сравнительно непринужденной атмосфере. Эттли и особенно Бевин предлагали расширить неофициальные встречи между русскими и англичанами. Он очень советовал послать в Лондон советских футболистов, а также оперно-балетную труппу. Было бы хорошо, если бы я мог дать им более определенные ответы по обоим этим вопросам».

Но без указаний Дружкова нарком не смеет дать «определенный ответ» даже насчет балетных танцоров. И приходится ему загадочно молчать.

Постоянно дирижирует Дружков: «В случае проявления непримиримости союзников в отношении Румынии, Болгарии и т. д. тебе следовало бы дать понять Бирнсу (Государственный секретарь США. –

Э.Р.) и Бевину, что правительство СССР будет затруднено дать свое согласие на заключение мирного договора с Италией».

К концу заседаний Совета Дружков приказывает своему наркому пойти в решительную атаку: «Пусть лучше первый Совет министров провалится, чем делать существенные уступки Бирнсу. Думаю, что теперь можно сорвать покровы благополучия, видимость которого американцы хотели бы иметь».

Конец «медового месяца»

Молотов все еще не понимает новых идей своего повелителя. Он, как и Гарриман, знает, что помощь союзников нужна, и сообщает Хозяину предложения Запада о возможных взаимных уступках. И получает в ответ то же самое рывкающее «нет»: «Союзники нажимают на тебя, чтобы сломить волю, заставить пойти на уступки. Ясно, что ты должен проявить полную непреклонность... Возможно, что совещание кончится... полным провалом. Нам и здесь не о чем горевать...»

Думаю, здесь Молотов начал понимать. Ох, как это важно – вовремя понять тайные желания Вождя, ибо от этого зависит сама жизнь Молотова. Да, Дружков хочет провала Совета министров иностранных дел. Он больше не собирается идти вместе с союзниками. «Медовый месяц» с капиталистами закончился. И Молотов тотчас становится холодно-непримиримым.

Так что Гарриман ошибся: в 1945 году Сталин отнюдь не хотел помощи союзников, более того – жаждал разойтись с ними. Но почему?

Было множество причин. Одна из них – иметь возможность оставить у себя всю захваченную Восточную Европу, Балканы. Никаких обещанных «процентов влияния». Мощный единый лагерь социализма, противостоящий Западу, – вот что собирается создать Хозяин.

Теперь его нарком избирает новый тон общения с союзниками – все время ссорится, нигде и ни в чем не дает себя ущемить.

Американцы, сбросившие на Японию атомные бомбы, упоены победой.

Проигрывая Китай, они занялись будущим Японии. Хозяин почувствовал: здесь его пытаются оттеснить. И союзники тотчас услышали яростное сталинское «нет».

«26.09.45. Молотову. Я считаю верхом наглости американцев и англичан, считающих себя нашими союзниками, то, что они не захотели заслушать нас как следует по вопросу о Контрольном совете в Японии».

Он предлагает Молотову проверенный способ исправить ситуацию – шантажировать союзников: «Мы имеем сведения, что американцы наложили руку на золотой запас Японии, исчисляемый в 1–2 миллиарда долларов, и взяли себе в соучастники англичан. Нужно намекнуть им на это, дав понять, что здесь лежит причина того, что американцы и англичане противятся организации Контрольного совета в Японии и не хотят подпускать нас к японским делам».

И уже вскоре Гарриман вручил Молотову ноту о Контрольном совете: «30.09.45... Будет учрежден Союзный военный Совет под председательством Главнокомандующего союзных держав. Членами Совета будут: СССР, Китай, Британское содружество наций».

Сталин выиграл и здесь. Несмотря на атомную бомбу.

Охота за бомбой

Во время Потсдамской конференции состоялось первое испытание сверхоружия XX века – атомной бомбы. Счастливый Трумэн узнает, что «бэби родился». Гегемония сталинской военной машины перестала существовать.

Наступает великий миг: Трумэн торжественно сообщает Сталину об испытании сверхоружия. Теперь диктатору придется быть поуступчивее!

Но... Сталин удивительно равнодушно отнесся к сообщению. Трумэн в изумлении: престарелый Вождь явно не понял силы нового оружия! Торжества не получилось.

Равнодушно отнесшийся к сообщению Хозяин был давно и отлично информирован о рождавшемся «бэби». Как, должно быть, усмехался великий старый актер, когда наивный Трумэн, торжествуя, подошел оглушить его грозной вестью.

Проклятое новое оружие давно не давало ему покоя! Это был вопрос жизни и смерти Великой мечты.

Он лихорадочно включился в ядерную гонку, но с большим опозданием. И, как всегда, решил одним скачком догнать конкурентов.

В Архив Октябрьской революции во времена Горбачева поступили из КГБ «Особые папки товарища Берии». Под грифом «Совершенно секретно» в них были донесения, рапорты и отчеты, которые читал всесильный глава НКВД. В папке за 1946 год хранилась докладная записка «О результатах проверки состояния строительства номер 817 Курчатова и номер 813 Кикоина». Под номерами скрывались сверхсекретные объекты, где создавался советский «бэби», а Исаак Кикоин и Игорь Курчатov были знаменитыми физиками, участвовавшими в разработке бомбы.

В 1946 году наркоматы были переименованы в министерства, а Совнарком – в Совет министров.

Тогда же Хозяин разделил ведомство Берии – всесильный НКВД – на два министерства – государственной безопасности и внутренних дел. Но Берия на посту заместителя председателя Совета министров по-прежнему курировал обе могущественные епархии.

Во главе госбезопасности стоял сподвижник Берии, верный Меркулов. Хозяину это не нравится, и он заменяет его Виктором Абакумовым, человеком, далеким от Берии, начальником СМЕРШа (СМЕРШ – Смерть шпионам – военная контрразведка в армии. Не только боролся со шпионами, но и контролировал политическую благонадежность «своих», вмешивался в назначение командиров, прославился беспощадными расстрелами на фронте).

Берии и его секретным ведомствам Хозяин поручает новую работу – создание атомной бомбы. Но как и Молотов во внешнеполитической деятельности, так и Берия в истории атомной бомбы – всего лишь рабочие лошадки, управляемые Хозяином.

Еще перед войной советские физики Я. Зельдович, Ю. Харитон, Г. Флеров и Л. Русинов имели достижения в ядерных исследованиях, но ни сам Хозяин, ни его сподвижники не понимали тогда важности этих работ. Их интересовало оружие грядущей войны – танки, самолеты, орудия. Колеблющиеся стрелки приборов, приводившие в такой восторг физиков, их не воодушевляли. И когда Зельдович и Харитон выяснили условия возникновения ядерного взрыва, получили оценку его мощи – Хозяину даже не сообщили об этом.

Но вот разведка донесла из Лондона поразившую его новость. Ее передал физик-теоретик К. Фукс, коммунист, покинувший Германию и работавший в Англии в секретной группе по разработке ядерного оружия. Узнав, что работа ведется втайне от русских, Фукс начал передавать известную ему информацию в посольство СССР. Советская разведка устанавливает с ним связь. Именно тогда Хозяин оценил наконец возможности нового оружия и продумал путь скорейшего преодоления опасного отставания: поручил ядерную гонку Берии. Его шпионы должны были добыть информацию, кроме того, ведомство Берии имело неограниченные ресурсы, а в его «шарашках» трудились блестящие ученые. Сверхсекретность ведомства гарантировала и сверхсекретность ядерных работ.

И тогда понадобился прежний распущенный Коминтерн – его люди. К ним, чьи друзья и соратники погибли в сталинских застенках, его шпионы обращаются с формулой, которую он разрешил им повторять: «Сталины приходят и уходят, а первое в мире социалистическое государство остается».

Супруги Розенберги, Фукс – его разоблаченные помощники.

Идейные помощники. А сколько осталось неразоблаченных!

Я уже писал о мемуарах генерал-лейтенанта Судоплатова. Это дезинформация, уводящая от реальных тайн. И я часто вспоминаю другого генерала разведки – Василия Ситникова. Когда я познакомился с ним, он работал зампредом в ВААПe – Всесоюзном агентстве по авторским правам. На эту должность традиционно назначались функционеры КГБ, отошедшие от

активной деятельности. В ВААПе Ситников держался весьма либерально. Будучи человеком Андропова, Ситников много ожидал от перестройки, но стал одной из ее первых жертв – его выгнали на пенсию. Мне кажется, именно тогда в его голове забродила эта мысль – написать воспоминания... Как-то я встретил его на улице. Он нес старый номер журнала «Иностранная литература». Мы разговорились.

– Здесь, – сказал Ситников, – напечатана документальная пьеса «Дело Оппенгеймера»... Нет, не Оппенгеймер тут интересен. – Он улыбнулся знакомой улыбкой всеведущего, той самой, какую я видел когда-то у следователя Шейнина. И, помолчав, добавил: – Берия часто повторял слова Сталина: «Нет такого буржуазного деятеля, которого нельзя подкупить. Только надо понять чем. Для большинства – это деньги. Если он остался неподкупен, значит, вы пожадничали. Но там, где все же не пройдут деньги, пройдет женщина. А где не пройдет женщина, там пройдет Маркс». Лучшие люди на нас работали из-за идей. Если бы записать все, что я об этом знаю! Думаю, напишу...

Я узнал, что он умер – вскоре после нашего разговора.

После возвращения Хозяина из Потсдама Берия передал физикам: «Товарищ Сталин сказал: «Атомная бомба должна быть сделана в кратчайший срок – во что бы то ни стало». И пообещал ученым лагеря в случае неуспеха.

С 1943 по 1946 год информация из США, переданная шпионами, содержала обширные сведения, необходимые для создания ядерного оружия. Руководитель проекта Курчатов, узнав, что бомба, о которой он уже много знал, успешно испытана в США, решил повторить оправдавшую себя схему. Он не смел рисковать, разрабатывать свое – ведь Хозяин велел «в кратчайший срок»... Он выбрал путь воссоздания американской бомбы.

Первое испытание атомной бомбы в СССР успешно прошло 29 августа 1949 года. Хозяин добился своего: догнали Америку, и в кратчайший срок. После взрыва он щедро раздал награды своим ученым и сказал: «Если бы мы опоздали на полтора года, то, наверное, попробовали бы ее на себе».

На «глубоком языке» это означало: вскоре мы попробуем ее на других.

Все вернулось: у него вновь была самая мощная в мире армия – и по бомбам сравнялись.

Теперь Хозяин дал волю своим ученым, и они его не подвели – уже в 1951 году создали свою атомную бомбу. Она была мощнее первой более чем в два раза и в два раза легче, что было важно для ее доставки.

В 1951 году он уже думал о доставке, ибо тогда уже готовил страну и человечество к осуществлению грандиозного замысла. Апокалипсис приближался.

Сталин часто повторял: «Русские всегда умели воевать, но никогда не умели заключать мир».

Он сумел – выиграл все, что мог.

Молотов: «После войны на дачу Сталину привезли карту СССР в новых границах. Он приколот ее кнопками на стену. «Посмотрим, что у нас получилось: на Севере у нас все в порядке. Финляндия очень перед нами провинилась, и мы отодвинули ее границу от Ленинграда, Прибалтика – эта исконная русская земля – снова наша, белорусы у нас теперь все, украинцы тоже, молдаване тоже вместе. И так, на западе у нас нормально». И он перешел к восточным границам. «Что у нас здесь? Курильские острова наши, Сахалин полностью... Посмотрите, как хорошо – и Порт-Артур наш!» Он провел трубкой по Китаю: «Китай, Монголия – все в порядке».

Расширенные границы Империи были окружены теперь безропотными странами-сателлитами. Правда, оставалась Финляндия, которая перед ним «очень провинилась», воюя на стороне Германии. Теперь его агенты почти открыто вылавливали в Финляндии русских эмигрантов, нашедших там прибежище после революции, и доставляли в Москву. Финны должны были этого не замечать... Такая Финляндия его устраивала. Пока.

«А вот здесь граница мне совсем не нравится, – сказал Сталин и показал южнее Кавказа. – Дарданеллы... Есть у нас претензии и на турецкие земли... и Ливию». Здесь его министр, должно быть, похолодел: Хозяин говорил о новом переделе мира.

Нет, Молотов испугался не за мир и человечество. Просто он наверняка вспомнил 1937 год: средством для подготовки страны к войне Хозяин сделал тогда террор. И вот он снова заговорил о войне. Значит, впереди новое усмирение? Большая кровь?

Молотов испугался за себя.

Военный лагерь социализма

Сталину нужна была решительная ссора с Западом, нужны были враги, новая опасность для страны Советов, чтобы покончить с играми в демократию в странах Восточной Европы. И жестко завинтить гайки внутри страны.

На помощь пришел... Черчилль! В 1946 году он произносит свою знаменитую речь в Фултоне: призывает Запад «стукнуть кулаком», ибо Сталин не понимает слабых... «В результате Советы контролируют уже не только всю Восточную, но и Центральную Европу».

Трумэн и Эттли открестились от речи Черчилля, но поздно. Хозяин смог объявить: СССР снова угрожает агрессия. Началась столь ему желанная война взаимных проклятий – «холодная война». Полились потоки статей и выступлений по радио – об «угрозах империалистов», о «поджигателях новой войны».

У Хозяина развязаны руки. С 1946 по 1949 год он открыто, грубо формирует «могучий лагерь социализма»: Чехословакия, Венгрия, Румыния, Польша, ГДР, Болгария, Югославия – всюду сажают покорных ему коммунистических правителей.

Он создает Коминформ – законнорожденное дитя Коминтерна, рычаг управления лагерем социализма, постоянно действующее совещание коммунистических партий. Здесь он дирижирует – вырабатывает общую политику. Здесь западные компартии получают от него деньги и распоряжения. Все, что происходит внутри лагеря, происходит только с его ведома. Никакой самостоятельности – за всем следит Хозяин, беспощадно карает всякую попытку решать без него.

Правда, был сбой. Он узнает, что Тито, верный Тито – ведет свою интригу: не согласовав с ним, попытался присоединить к Югославии Албанию, заключил договор о взаимной безопасности с другим его холопом, Димитровым, посаженным править Болгарией. Теперь Тито уже предлагает Болгарии объединиться в конфедерацию, более того, пытается включить туда Польшу, Чехословакию и даже Грецию.

Хозяин понял: появился опасный жеребец и уводит его табун. Гнев его был ужасен. Последовали грозные статьи в «Правде». Он вызвал к себе Димитрова и Тито. Но Тито, всегда помнивший о судьбе коминтерновцев, вместо себя послал соратников.

В холодном феврале 1948 года в Кремле Хозяин принял обе делегации. Он орал на

Димитрова: «Вы зарвались, как комсомолец... Вы и Югославия ничего не сообщаете о своих делах».

Посланец Тито Кардель попытался сгладить: «Никаких разногласий нет». В ответ последовал яростный поток сталинских слов: «Ерунда! Разногласия есть, и весьма глубокие. Вы вообще не советуется. Это у вас принцип, а не ошибки!»

Было принято постановление о постоянных консультациях в будущем. Но Хозяин решил избавиться от Тито. Теперь он ему нужен был как враг, как прежде Троцкий, чтобы карать за связь с ним, чтобы, проклиная его, цементировать лагерь покорных. И возвращать Страх.

Коминформ единодушно обрушивается на Югославию. Тито и его страну изгоняют из «лагеря».

Но вместо маленькой Югославии Хозяин получил огромный Китай. В октябре 1949 года войска Мао заняли Пекин. Великая восточная держава коммунистов была создана. Вскоре при помощи китайских войск на карте мира появилась коммунистическая Северная Корея. Он прочно обосновался и в Азии. Созданный им лагерь социализма обладал теперь бесконечными человеческими ресурсами. Как близка Великая мечта!

Но сначала предстояло вернуть в страну Страх.

Задел на кровавое будущее

Молотов не ошибся – Хозяин готовил страну к невиданным испытаниям.

Уже во время войны его тревожили военачальники, привыкшие к своеволию, вкусившие славы. Война еще шла на территории СССР, а он уже готовился их усмирять. В 1943 году Абакумов получил указание записывать телефонные разговоры его маршалов и генералов (папки с этими записями остались в архивах КГБ).

Но особенно усердно пришлось записывать после войны. Вот отрывок одного из таких разговоров 1946 года. Беседуют генерал-полковник В. Гордов (Герой Советского Союза, командовал Сталинградским фронтом летом 1942 года, в 1946 году был отправлен в Приволжский военный округ командующим) и генерал-майор Ф. Рыбальченко – начальник его штаба.

«28.12.46. Оперативной техникой зафиксирован следующий разговор Гордова и Рыбальченко:

Р. – Вот жизнь настала – ложись и умирай... Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят: в поездах, в метро, везде прямо говорят.

Г. – Эх, сейчас все построено на взятках и подхалимстве, а меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимался.

Р. – А вот Жуков смирился, несет службу (герой войны был тихо отправлен начальствовать в провинциальный военный округ. –

Э.Р.).

Г. – Формально службу несет, а душевно ему не нравится...» И так далее.

«31.12.46. Оперативной техникой зафиксирован следующий разговор между Гордовым и его женой Татьяной:

Г. – Почему я должен идти к Сталину – просить и унижаться перед (идут оскорбительные и похабные выражения по адресу товарища Сталина).

Т. – Я уверена, что он просидит еще только год...

Г. – Я ж его видеть не могу, дышать с ним одним воздухом не могу, а ты меня толкаешь, говоришь – иди к Сталину. Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут. Эх, если бы ты знала хоть что-нибудь... Ты думаешь, что я один такой? Совсем не один, далеко не один.

Т. – Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать... А сейчас заняться даже нечем. Вот сломили даже такой дух, как Жуков.

Г. – Жукова год-два подержат, и потом ему тоже крышка...»

Так что это уже не были пустые вымыслы.

Гордов, его жена и Рыбальченко были арестованы в январе 1947 года и позже расстреляны. Но Хозяин помнил: «Ты думаешь, что я один такой? Совсем не один, далеко не один».

И будут расстреляны еще несколько «говорунов»-военных. Среди них – Г. Кулик, бывший маршал, разжалованный в генералы.

Во всех крамольных разговорах военных все время возникал Жуков. Сталин понимал: пока Жуков на свободе – центр скрытой военной оппозиции будет существовать. Но нужна была наживка крупного размера, чтобы поймать такую акулу, и он велел добыть ее.

Апрельской ночью 1946 года командующий ВВС маршал авиации Новиков был встречен у подъезда своего дома. Маршала втолкнули в машину, доставили, как он писал сам, «в какую-то комнату, сорвали маршальскую форму, погоны, выдали рваные штаны и рубашку». Шутка, которую услышал де Голль, стала былью. Одновременно были арестованы все руководители авиационной промышленности.

Абакумов умело повел следствие и быстро заставил героев войны оклеветать себя. Они подтвердили: выпускали самолеты с заведомым браком, в результате гибели летчики.

Но главное – они дали показания против Жукова...

Все это время следователи Абакумова продолжали неумоимо собирать материал против вчерашнего героя. 18 сентября 1948 года были арестованы генерал-лейтенант Владимир Крюков и его жена – самая популярная певица страны Лидия Русланова.

Имя Руслановой было связано с войной и победой. «Соловей фронтовых дорог» – так называли ее на передовой и в госпиталях, где она пела, окруженная ранеными и умирающими... Свой последний и самый знаменитый фронтовой концерт Русланова дала в поверженном Берлине прямо у дымящихся развалин Рейхстага. Газеты печатали фотографии: у изрешеченных снарядами колонн поет Русланова, окруженная торжествующими победителями...

Была у нее и романтическая фронтовая любовь – на фронте певица вышла замуж за удалого командира казацкого корпуса генерала Крюкова.

Крюков был близок к Жукову. В мае 1945 года Русланова и ее муж были частыми гостями на победных застольях в доме маршала...

Сохранился протокол допросов арестованного Крюкова.

Главные вопросы следователя:

- Можете ли вы рассказать о враждебных партии и правительству высказываниях Жукова?
- Можете ли вы привести еще примеры вражеских и провокационных высказываний Жукова?

И генерал рассказывает, приводит. Но слов Жукова уже мало – следствию нужны его преступные дела.

Из Германии Крюков, судя по материалам дела, вывез четыре трофейные автомашины старинных ковров и гобеленов, множество антикварных сервизов, мебель, меха, картины. Тогда, в дни победы, Хозяин это поощрял, уже зная, что будет потом.

И вот «потом» наступило.

Следователь: – Опускаясь все ниже и ниже, вы превратились, по существу, в мародера и грабителя. Можно ли считать, что таким же мародером и грабителем был Жуков, который получал от вас подарки, зная их происхождение?

Крюков: – Жукову... я отправил дорогие отрезы, ковры, посуду и много чего другого. А также и многим еще генералам.

Следователь: – При каких обстоятельствах Русланова преподнесла жене Жукова бриллиантовую брошь, присвоенную ею в Германии?

Крюков: – В июне 1945 года, на следующий день после парада Победы Жуков устроил банкет на своей подмосковной даче. Русланова произнесла тост за верных жен, восхваляла жену Жукова и преподнесла ей брошь. При этом она сказала: «Вот – правительство не придумало орденов для боевых подруг». И вместо этого преподнесла ей брошь.

– Вы оба раболепствовали перед Жуковым, зная его любовь к лести. И вами было пущено выражение «Георгий Победоносец!» – негодует следователь.

После войны (на короткий срок) Сталин отменил смертную казнь. И генерал получил 25 лет лагерей, а любимица страны Русланова – 10 лет.

Но все это было заделом на будущее. Решающую чистку армии, как и в 30-х годах, он, видимо, оставлял на конец задуманного. Военачальники еще были едины. И Жукова арестовывать было рано. Ибо в страну еще не возвратился Страх.

«Мы возьмемся за вас как следует»

Возвращение Страха Хозяин начинает, как и прежде, с интеллигенции, действуя по плану, проверенному еще в дни террора.

Интеллигенты принесли с фронта «личные мысли»: «Дым Отечества, ты – другой, не такого мы ждали, товарищи», – писал тогда поэт. Они посмели ждать перемен. Война, близость смерти и краткая дружба с союзниками породили насмешливое отношение к идеологии.

С 1946 года он вновь начинает любимую идеологическую канонаду.

Он попросил привезти только что законченную вторую серию фильма Эйзенштейна об Иване

Грозном. (Первую серию он объявил шедевром, дал Сталинскую премию.)

Эйзенштейн лежал в больнице, и Хозяин смотрел фильм о любимом герое вдвоем с руководителем кинематографии Большаковым.

«Большаков вернулся неузнаваем: правый глаз у него был странно прикрыт, лицо в красных пятнах. От пережитого он не мог ни с кем весь день говорить», – писал очевидец.

Хозяин назвал фильм «кошмаром» и на прощание сказал Большакову: «У нас во время войны руки не доходили, а теперь мы возьмемся за вас как следует».

И началось... Последовало знаменитое постановление о литературе – «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Для разгрома были выбраны две знаменитости: Анна Ахматова и Михаил Зощенко. Хозяин давно оценил его. Как писала Светлана: «Он иногда читал нам Зощенко вслух... и приговаривал: «А вот тут товарищ Зощенко наверняка вспомнил об ОГПУ и изменил концовку». Шутник Хозяин!

Константин Симонов: «Выбор Зощенко и Ахматовой был связан... с тем головокружительным триумфом (отчасти демонстративным), в обстановке которого протекали выступления Ахматовой и Зощенко в Ленинграде. Присутствовала демонстративная фронда интеллигенции».

И в Ленинграде собрали интеллигенцию. Маленький отечный человечек с усиками – Андрей Жданов – произнес речь, где называл «блудницей» великую Ахматову, поносил Зощенко. Он задал вопрос, приведший зал в трепет: «Почему они до сих пор разгуливают по садам и паркам священного города Ленина?»

Но Хозяин решил их не трогать. Пока. Павленко сказал моему отцу: «Сталин лично не дал тронуть Ахматову: поэт Сосо когда-то любил ее стихи».

Это была версия, которую пустила и распространяла его тайная полиция. Готовя великую кровь, он не забывал быть милостивым.

Были «заботливо» разгромлены все виды искусств: театр, кинематограф. Недолго ждала и музыка. В специальном постановлении от февраля 1947 года особенно жестоко уничтожались два главных любимца Запада – Прокофьев и Шостакович.

Все в ужасе ждали дальнейшего. На даче Прокофьев, запершись в кабинете, жег книги любимого Набокова вместе с комплектом журнала «Америка».

Однако Хозяин и их не тронул. Пока. Но предупредил... Прокофьев в то время жил на даче с молодой женой. Его прежняя жена, итальянская певица Лина, жила в Москве с двумя его сыновьями. В конце февраля на даче появились оба сына. Прокофьев все понял, вышел с ними на улицу. Там они сказали ему: Лина арестована.

Сразу после постановления он написал покаянное письмо, которое опубликовали, прочли вслух на общем собрании композиторов и музыковедов, где «вместе со всем советским народом горячо приветствовали постановление ЦК».

Сын Прокофьева Святослав: «После всего у отца были изнурительные приступы головных болей и гипертонические кризы. Это был уже другой человек, с печальным и безнадежным взглядом».

В это время его бывшая жена Лина в лагере возила на тележке баки с помоями. Евгения Таратута, писательница, сидевшая с ней, вспоминала: «Иногда она бросала тележку и, стоя у помоев, с восторгом рассказывала нам о Париже...»

Лина переживет и Сталина, и Прокофьева, вернется из лагеря и умрет только в 1991 году.

Старался выжить и Шостакович. Он писал музыку к самым идеологическим кинофильмам – «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й» и так далее. Написал он и симфонию под названием «1905 год» и еще одну – «1917 год».

Уже после смерти Сталина он подаст заявление в партию. «За прошедшее время я почувствовал еще сильнее, что мне необходимо быть в рядах Коммунистической партии. В своей творческой работе я всегда руководствовался вдохновляющими указаниями партии...» – писал величайший композитор века. Тоже испугался – навсегда.

Когда Эйзенштейн выздоровел, Хозяин позвал его в Кремль. Целых два часа он беседовал с ним и с актером Черкасовым. По возвращении их из Кремля этот разговор был тотчас благоговейно записан журналистом Агаповым. Вот некоторые рассуждения Хозяина: «Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если бы он их уничтожил... не было бы Смутного времени... Мудрость Ивана в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в страну не пускал... У вас опричники показаны как «ку-клукс-клан». А опричники – это прогрессивная армия».

Беседа была благожелательной. Но что самое удивительное – он разрешил переделать свирепо обруганный фильм. Причем просил не спешить и переделывать основательно.

Эйзенштейн конечно же все понял. Его фильм надобен Вождю для будущего: в закрытой от иностранцев, закупоренной наглухо стране Хозяин вместе с «прогрессивной опричниной» собирался дорезать все возможные «мятежные семейства». И фильм должен был это восславить.

Эйзенштейн быстро умер. Уже в следующем, 1948 году его не стало. Все постановления об искусстве были выпущены отдельными брошюрами. Страна учила их в кружках политпросвещения.

Хозяин вновь наградил интеллигенцию ужасом и немотой.

«Ветер в тюремных решетках»

На фоне идеологических погромов уже идут аресты. Забирают родственников сильных мира сего, чтобы шумнее был арест, чтобы все узнали о случившемся. И боялись.

Нарком морского флота Петр Ширшов имел множество титулов: академик, участник экспедиций на Северный полюс, Герой Советского Союза. Его женой была тридцатилетняя красавица актриса Женя Гаркуша. Они безумно любили друг друга.

В 1946 году она была арестована. И несмотря на все его титулы, Ширшову даже не сказали – за что.

Дневник Петра Ширшова сохранила его дочь Марина.

«И все-таки пишу... потому что нет больше сил терпеть этот ужас. Кончилась очередная суббота, и в 4 часа ночи я просто не могу придумать себе работы в наркомате. И поневоле иду домой, зная, что заснуть все равно не смогу. Я держусь изо всех сил. 13–14 часов на работе – ну а дальше что? Куда мне деться, когда остаюсь один, куда мне деться от самого себя?.. Женя, моя бедная Женя... Как и сейчас, было воскресенье, и ты шептала мне: «Ширш! Мы скоро заведем себе еще одну Маринку, только пусть это будет мальчик!» А потом

говорила, как чудесно будет нам вдвоем на юге... Уже совсем стемнело, когда мы поднялись с балкона, и, уходя, ты доверчиво прижалась ко мне: «Ширш! Если бы ты знал, как хорошо мне с тобой». Так ушел этот последний день. С утра была обыденная «горячка» на работе: звонки телефонов, бумаги, шифровки, телеграммы. А в 7 вечера меня вызвали, и я узнал: Женя арестована... Веселую, смеющуюся, ее ждали на берегу реки, и такой же оживленной и веселой она села в машину в одном легоньком летнем платье. Среди чужих и враждебных людей. Когда-то на льдине, в палатке, затерявшейся в пурге и полярной ночи, я мечтал о большой любви, прислушиваясь к завываниям ветра. Я всегда верил в это и ждал... Вот и домечтался – седой дурак, в сорок с лишним лет сохранивший наивность мальчишки. Слушай же, как свистит ветер в тюремных решетках... как воет он над крышей тесного барака, куда заперли твою бедную Женю... Скоро утро... 3 месяца я все же на что-то надеялся, на чудо, не признаваясь себе, ждал, вернется Женя... Сколько раз очередной звонок телефона предчувствием сжимал сердце – это Женя, Женя звонит из дома, отпустили... Сколько раз, вернувшись ночью домой, осторожно входил в спальню: а вдруг чудо, может, она дома, попросту мне не сказали? 3 месяца я добиваюсь, чтобы мне хоть что-нибудь сказали о ней, о ее судьбе, и каждый раз натываюсь на стену молчания. Никто ничего не говорит и, очевидно, не скажет. Зачем я все это пишу? Не знаю. Времени у меня впереди более чем достаточно... Я держусь... Я должен жить ради твоей мамы, ради тебя, Маринка. Но пусть никогда в жизни тебе не придется узнать, какой муки стоит удержаться от самого желанного выхода... Пусть никогда ты не узнаешь, как трудно оторвать руку от пистолета, ставшего горячим в кармане шинели».

Евгения Гаркуша была отправлена на золотые прииски: она домывала золото бромформом – работа, на которую женщин из-за вредности не ставили. Умерла в 33 года в лагере. Ширшов по-прежнему ходил на работу и молчал. Он не раз видел Хозяина на совещаниях. И молчал. Он так и не узнал, за что ее арестовали. Заболел раком и умер в 1953 году.

Не оставил Хозяин вниманием и остатки недобитых Аллилуевых. Давно он с ними не встречался – они относились совсем к другой, забытой жизни. Теперь и они должны были послужить возвращению Страха. Берия это понял и вскоре сообщил Хозяину, будто вдова Павла Аллилуева Женя распространяет слухи, что Павел был отравлен.

Он так и не простил ее, так ловко его обманувшую, торопливо выскочившую замуж. И Берия получил возможность действовать, так что вскоре пополз ответный слух: Павел действительно был отравлен, но... женой! Дескать, жила с другим мужчиной и захотела избавиться от Павла.

1 декабря 1945 года Светлана пишет отцу: «Папочка, что касается Жени, то мне кажется, что подобные сомнения у тебя зародились только оттого, что она слишком быстро вышла снова замуж. Ну а почему это так получилось – об этом она мне кое-что говорила сама... Я тебе обязательно расскажу, когда приедешь... Вспомни, что на меня тебе тоже порядком наговорили!»

Но «папочка» уже действовал.

Дочь Жени – Аллилуева-Политковская: «Это случилось 10 декабря 1947 года. Я недавно окончила театральное училище, жизнь была прекрасна. И раздался этот звонок. Открываю дверь, стоят двое: «Можно Евгению Александровну?» Я кричу: «Мама, к тебе какие-то два гражданина» – и обратно в свою комнату. Прошло немного времени, и я слышу: мама идет по коридору и громко говорит: «От тюрьмы да от сумы не отказывайся». Я услышала, выскочила. Она меня быстро в щеку чмокнула и ушла. Уже после смерти Сталина, когда она вернулась, я спросила: почему она так быстро ушла? Она ответила: «Поняла, что это конец, и задумала выброситься с 8-го этажа в пролет, а то они там замучают». Но они ее схватили и увезли. А потом вдруг ночью – звонок. Входят двое в форме, говорят: «Одевайтесь, возьмите теплые вещи и 25 рублей на всякий случай». Это было всего через месяц после мамы... Посадил он

и Анну Сергеевну. Ей тоже «пришили» заговор против Сталина. Она оттуда нервнобольная вышла, со слуховыми галлюцинациями».

В 1948 году он отправил в ссылку Джоника Сванидзе – сына расстрелянных им родственников.

Дочери Светлане он все объяснил кратко, но правдиво: «Знали слишком много и болтали слишком много. А это на руку врагам».

Вся Москва с ужасом говорила об этих арестах: неужели снова начнется 1937 год? А он уже начался...

Сигнал

Хозяин открыл огонь «по штабам» – началось уничтожение соратников. Двое из самых высокопоставленных – Вознесенский и Кузнецов – отправились в небытие.

Есть известная версия, будто пали они в результате борьбы группировок соратников: коварный Берия, блокируясь с хитроумным Маленковым, выступал против всевластного любимца Сталина Жданова и его ставленников – молодых Вознесенского и Кузнецова. И тотчас после смерти Жданова успешно с ними расправился, используя болезненную подозрительность Сталина. Версия, основанная на непонимании действующих лиц.

Кто были эти его соратники? Всесильный любимец Жданов на самом деле был жалким сердечником, горьким пьяницей и холуем, на которого Хозяин постоянно изливал свое дурное настроение. Хитроумный Берия? Хорош хитроумец – глава тайной полиции, который всего через сто дней после смерти Сталина проморгал первый же заговор, направленный против него самого... Или Маленков – «жирная, вялая, жестокая жаба» (так назвал его сослуживец), также мгновенно проигравший после смерти Вождя... Все они до паранойи боялись Хозяина и исполняли главный завет: никакой самостоятельности. Достаточно посмотреть сталинские «Особые папки»: к нему посылает Берия сообщения обо всех происшествиях в столице. От обсуждения спектакля в Малом театре до посещения иностранцами высотного здания – все докладывается ему, читается им, контролируется им – Хозяином.

В 1951 году Хрущев посмел проявить инициативу – выдвинул идею создания агрогородов. Хозяину должна была понравиться эта показуха – возможность скорого преодоления разрыва между городом и деревней. Но Хрущев посмел забыть правило: малейшая самостоятельность наказуема. Тотчас последовал грозный окрик, и пришлось Хрущеву жалко, как школьнику, каяться в письме: «Дорогой товарищ Сталин, вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки... Прошу вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить грубую ошибку и насколько можно уменьшить ущерб, который я причинил партии своим неправильным выступлением...» И именно за попытку самостоятельного решения заплатит жизнью Вознесенский... Нет, соратники – никто и ничто без Хозяина. Так что это смешно – представить себе их самостоятельные интриги. Он сам соединял их в группировки и толкал уничтожать друг друга. За всеми кремлевскими группировками стоял все тот же Хозяин.

Итак, начиная чистку страны, он бьет по соратникам. Он устал от них, они ему надоели. Они обременены слишком многими тайнами. И слишком стары. Ему нужны новые, послушные, молодые кадры для исполнения Великой мечты. И еще: оглушительное падение вождей должно помочь все тому же – возвращению Страха.

После войны у него появилась любимая тема: он все чаще заводил разговоры о своей старости. Задачей соратников, естественно, было страстно доказывать, что это не так. Посетивший Сталина югославский коммунист К. Попович рассказывал: «Сталин привез нас ночью на Ближнюю дачу... Молчаливая женщина, не говоря ни слова, принесла ужин на серебряной посуде. За ужином и тостами прошел целый час. Потом Сталин начал заводить патефон и приплясывать под музыку. При этом Молотов и соратники выкрикивали: «Товарищ Сталин, какой вы крепкий!» Но настроение его вдруг переменялось: «Нет, я долго не проживу». «Вы еще долго будете жить, вы нужны нам!» – кричали соратники. Но Сталин покачал головой: «Физиологические законы необратимы, – и он посмотрел на Молотова. – А останется Вячеслав Михайлович».

Я представляю, как облился потом от страха Молотов.

Говорил он это, видимо, не раз. Старик Молотов рассказывал поэту Чуеву: «После войны Сталин собрался уходить на пенсию и за столом как-то сказал: «Пусть Вячеслав поработает теперь. Он помоложе». Молотов не рассказал о своем ответе, но можно представить, как он протестовал, как перепугался и подумал: скоро!

И действительно, вскоре Хозяин начал...

Удар по штабам

Началось с провокации. В Архиве президента я прочел телеграмму Хозяина Молотову: «14.09.46. Академики... просят, чтобы ты не возражал против избрания тебя почетным членом Академии наук. Я прошу тебя дать согласие. Дружков».

Молотов из Нью-Йорка отправляет церемонную телеграмму в Академию: «Приношу глубокую благодарность... Ваш Молотов».

И тотчас последовала гневная шифровка: «Я был поражен твоей телеграммой. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием тебя в почетные члены? Что значит подпись «ваш Молотов»? Мне кажется, что тебе, как государственному деятелю высшего типа, следовало бы больше заботиться о своем достоинстве».

Молотов понял: началось. И поспешил покаяться: «Вижу, что сделал глупость... За телеграмму спасибо».

Но Молотов знает привычки Хозяина: это только начало, теперь он будет уничтожать его по любому поводу.

«21.10.48. Представленные Молотовым... поправки к проекту конституции Германии считать неправильными и ухудшающими конституцию... Сталин».

Шатается, шатается стул под «каменной жопой»... Уничтожая Молотова, Хозяин все активнее выдвигает Вознесенского.

Микоян вспоминал: «В 1948 году Сталин на озере Рица сказал, что он стал стар и думает о преемниках. Председателем Совета министров он назвал Вознесенского, Генсеком – Кузнецова».

Думаю, узнав об этом, опытный Молотов облегченно вздохнул: сигнал прозвучал для других. Хозяин явно решил начать новую охоту.

Молодой член Политбюро Вознесенский, первый заместитель Сталина на посту председателя Совета министров, способный экономист, выдвинулся во время войны. В союзе с ним выступает секретарь ЦК Кузнецов. Он в чем-то повторяет Кирова: молодой, обаятельный, честный работяга. И также бывший вождь коммунистов Ленинграда.

Взяв Кузнецова в Москву секретарем ЦК, Хозяин делает его вторым человеком в партии, поручает ему курировать оба ведомства Берии – МГБ и МВД. Кузнецов и Вознесенский, в отличие от остальных соратников – крупные фигуры, умеющие принимать самостоятельные решения. Такие были необходимы во время войны. Но теперь война окончилась. А они так и не смогли этого понять...

Берия и Маленков тотчас уловили настроение Хозяина. Берия жаждет броситься на Кузнецова, курирующего его ведомства. Собаки рвутся с поводка. Все чаще соратники Сталина начинают выступать против Вознесенского и Кузнецова.

Когда Хозяин назначил Абакумова министром госбезопасности, Кузнецов произнес вдохновенную речь по этому поводу. Но не знал оратор, что курируемое им ведомство уже получило приказ заняться им самим. Впоследствии Абакумов покажет: «Обвинительное заключение по делам Вознесенского и Кузнецова было продиктовано высшей инстанцией».

Да, это Хозяин велел начать дело Вознесенского, Кузнецова и ленинградских руководителей.

Начиналось все с невинного слова «шефы». Ленинградец Кузнецов считался как бы шефом города, также называли ленинградские партийцы Вознесенского. Хозяину это слово решительно не понравилось.

С 10 по 20 января 1949 года в Ленинграде была проведена Всероссийская оптовая ярмарка. Маленков выдвинул против Кузнецова и ленинградских руководителей обвинение: они провели ярмарку без ведома ЦК и Совета министров СССР. Вспомнили и слово «шефы»... Моментально последовало постановление Политбюро: Кузнецову приписали «демагогическое заигрывание с ленинградской организацией, охаивание ЦК, попытки отдалить город от ЦК».

И вчерашний всемогущий функционер в результате этой галиматии потерял все должности. Вознесенский получил выговор.

Но эти смешные обвинения грозно прозвучали для тысяч партийных работников. Ибо на «глубоком языке» это означало: началось! Отчетливо вспомнились времена, когда уничтожали зиновьевскую организацию. Все приготовились – и не обманулись в ожиданиях. Сталин вступил на тропу войны.

Пока «стряпают» дело Вознесенского – Кузнецова, Хозяин продолжает уничтожать Молотова. Он – символ прежней внешней политики СССР и союза с Западом, поэтому его конец подчеркнет: дружба с Западом навсегда закончилась. Кроме того, кто-то должен ответить за союз с Гитлером...

И наконец, жена Молотова – еврейка. В своей новой шахматной партии Сталин отводил евреям одно из ведущих мест.

Началось с Еврейского антифашистского комитета – символа тесных связей с Америкой. Уже в октябре 1946 года МГБ создает секретную записку «О националистических проявлениях некоторых работников ЕАК»: «ЕАК, забыв о классовом подходе, осуществляет международные контакты с буржуазными деятелями... преувеличивает вклад евреев в достижения СССР, что есть проявление национализма».

Хозяин отдает приказ раскрутить дело. Но мешает фигура знаменитого Михоэлса – слишком

велика была его слава после войны.

Гибель Михоэлса

Его гибель долго была окружена легендами. Уже в 1953 году, сразу после смерти Сталина, как бы отмежевываясь от деяний Хозяина, Берия начал раскрывать «нарушения законности».

Только спустя 40 лет стали доступны эти документы.

Из письма Берии в Президиум ЦК КПСС: «В процессе проверки материалов на Михоэлса выяснилось, что в феврале 1948 года в Минске... по поручению министра госбезопасности В. Абакумова была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса. В связи с этим в МВД СССР был допрошен В. Абакумов... Он показал: «В 1948 году И.В. Сталин дал мне срочное задание быстро организовать ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним его друг, фамилию которого я не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено Сталину, он дал указание: в Минске и провести ликвидацию. Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить участников орденами, что и было сделано. Было несколько вариантов устранения Михоэлса... Было принято следующее решение: через агентуру пригласить Михоэлса в ночное время в гости, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи министра госбезопасности Белоруссии Л.Ф. Цанавы, где и ликвидировать, а потом вывезти на малолюдную глухую улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины. Так и было сделано. Во имя тайны убрали и работника МТБ Голубова, который поехал с Михоэлсом в гости».

За всем следил Хозяин – и за ликвидацией Михоэлса тоже...

Но в январе 1948 года Хозяин решил ограничиться Михоэлсом и отложить расправу над ЕАК, ибо в то время он с большим интересом следил за процессом создания государства Израиль.

Множество выходцев из России участвовало в его создании, немало было среди них бывших коминтерновцев. Хозяин, разочарованный в арабском национализме, который служил то фашистам, то Англии, решил сделать новую ставку. Уже в мае 1947 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель СССР Громыко, к восторгу советских евреев, выразил полную поддержку образованию в Палестине еврейского государства.

Созданием Израиля, находящегося под влиянием СССР, Хозяин задумал противостоять британцам на Ближнем Востоке и не допустить туда американцев. Израиль должен был стать его форпостом в этом регионе. Так что ЕАК продолжил свое существование, а Михоэлсу устроили пышные похороны.

3 сентября 1948 года в СССР торжественно прибыла первый посол Израиля Голда Меир. МГБ, руководимое Абакумовым, наблюдало за реакцией евреев на ее приезд и копило материал на будущее.

«Наша Голда»

Голда Меир появилась в Москве в день похорон верного соратника Хозяина – Андрея Жданова. Ее поразили сотни тысяч людей на улицах Москвы, шедших проститься с умершим. Она еще не знала, что скорбь, как и все в стране, организуется.

Голду принимали радушно, но... Илье Эренбургу поручили написать статью о том, что Израиль не имеет никакого отношения к советским евреям, ибо «у нас нет антисемитизма и еврейского вопроса. У нас нет такого понятия «еврейский народ», но есть «советский народ». Израиль нужен для евреев капиталистических стран, где процветает антисемитизм»...

Однако евреи не поняли грозного предупреждения. Они знали: великий Сталин поддержал создание Израиля и Молотов принял «нашу Голду». Дух легкомысленной свободы еще не испарился после Победы.

Невиданная толпа в полсотни тысяч человек собралась перед синагогой, куда в еврейский Новый год пришла Голда Меир. Тут были солдаты и офицеры, старики, подростки и младенцы, высоко поднятые на руках родителей.

«Наша Голда! Шолом, Голд еле! Живи и здравствуй! С Новым годом!» – приветствовали ее.

«Такой океан любви обрушился на меня, что мне стало трудно дышать, я была на грани обморока», – напишет Голда в своих мемуарах.

И она сказала многотысячной толпе: «Спасибо! Спасибо за то, что вы остались евреями», – опаснейшую фразу в его государстве.

На приеме в МИДе к Голде подошла жена Молотова Полина и заговорила с ней на идиш.

– Вы еврейка? – изумилась Голда.

– Я дочь еврейского народа, – ответила Полина.

Скорее всего, это было частью оболъщения Голды. Как всегда, все распределено Хозяином: статья Эренбурга – для народа, но... нельзя забывать и о дружбе с Израилем.

Еврейская карта

Но вскоре он понял: неблагодарный Израиль явно ориентировался на Америку. И тогда Хозяин решил: пришла пора осуществить задуманное. В начале 1949 года он развернул массовую кампанию против «безродных космополитов» – так теперь именовались те, кого обвиняли в «преклонении перед иностранщиной». При сем было объявлено: «Под видом восхваления иностранщины космополиты вели тайную безудержную пропаганду буржуазного образа жизни».

Активы киноработников, писателей, музыкантов бесконечно заседали – выявляли у себя «низкопоклонство перед Западом». Обнаруженные «космополиты» каялись на открытых собраниях перед сотнями коллег... Подавляющее большинство «космополитов» было евреями.

Кампания быстро переросла в безумие. Во всех областях знания его историки должны были обнаруживать приоритет русских ученых, украденный пройдохами-иностранцами. Изобретателем парового котла вместо Уатта оказался сибирский мастер Ползунов, электрическую лампочку изобрел не Эдисон, но Яблочков, радио открыл Попов, а не Маркони, первый аэроплан испытали не братья Райт, но инженер Можайский, учитель Петров

открыл вольтову дугу, ну а все остальное изобрел и открыл еще в XVIII веке Михаил Ломоносов.

Чтобы не было сомнений в антисемитском акценте кампании, Хозяин соединяет ее с разгромом Еврейского антифашистского комитета.

Сначала по Москве поползли страшные слухи, что погибший Михоэлс оказался шпионом, агентом еврейских националистов. Вскоре Маленков вызывает к себе нового председателя ЕАК – главу Совинформбюро Лозовского и орет на него площадной бранью. Обвинения просты: приезд Голды выявил, что тысячи евреев – потенциальные шпионы, они сочувствуют враждебному государству. Американские сионистские организации сделали ЕАК своим агентом. Недаром ЕАК при поддержке США готовился создать еврейский форпост в Крыму! Опытный Лозовский знает: попытка оправдаться участием Сталина в этой идее означает пытки, гибель. Его задача – каяться и надеяться на милость. Но милости быть не может, у Хозяина – большие планы.

Вскоре Лозовский и члены ЕАК арестованы. Все они будут расстреляны (чудом уцелеет маленькая старая женщина – академик Лина Штерн). Но это случится позже, летом 1952 года. А тогда, в 1949 году, они были надобны живыми для большой охоты – на Молотова.

Шахматная партия развивается: благодаря делу ЕАК уже можно сделать следующий ход – арестовать жену Молотова Полину Жемчужину.

Молотов рассказывал: «Когда на заседании Политбюро Сталин прочитал материал, который ему чекисты доставили на Полину, у меня коленки задрожали... Ее обвиняли в связях с сионистскими организациями, с послом Израиля Голдой Меир; в том, что хотели сделать Крым еврейской республикой... Были у нее хорошие отношения с Михоэлсом... Конечно, ей надо было быть разборчивее в связях. Ее сняли с работы, но какое-то время не арестовывали... Сталин мне сказал: «Тебе надо разойтись с женой».

Впрочем, точнее фраза должна бы звучать так:

перед тем как ее арестовать, Сталин сказал: «Тебе надо разойтись с женой».

Полина конечно же все поняла.

Молотов: «Она мне сказала: «Если так нужно для партии, разойдись». В конце 1948-го мы разошлись, а в 1949-м ее арестовали».

И опять Молотов не рассказывает до конца...

В Архиве президента я нашел необходимое дополнение к его рассказу. Оказалось, на Политбюро, когда его ни в чем не повинную жену исключали из партии, Молотов героически... воздержался от голосования.

Но уже вскоре он покорно написал Хозяину: «20 января 1949 года. Совершенно секретно. Тов. Сталину. При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически неверным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, я признаю свою тяжелую вину, что вовремя не удержал близкого мне человека от ложных шагов и связей с антисоветскими националистами вроде Михоэлса. Молотов».

Чтобы остаться на свободе, он обязан был предать жену.

Молотов соблюдал правила.

В это время его жену ломали на следствии. Три папки допросов и очных ставок Жемчужины до сих пор хранятся в архиве бывшего КГБ.

Ее обвиняли в давних связях с еврейскими националистами, и имя Молотова замелькало в «еврейском деле». Но она все отрицала, даже свои посещения синагоги.

Из протокола очной ставки между Жемчужиной и Слуцким:

«Слуцкий: Я являюсь членом двадцатки московской синагоги, отвечающей за ее деятельность.

Следователь: Вами сделано заявление, что 14 марта 1945 года, когда было моление в синагоге, там присутствовала Жемчужина?

Слуцкий: Да, такое заявление я сделал и его подтверждаю... У нас в синагоге такой порядок: мужчины находятся внизу в зале, а женщины на втором этаже. Для нее мы решили сделать исключение и посадить ее на особо почетное место в зале.

Жемчужина: В синагоге я не была, все это неправда».

Отрицала она и показания свидетелей о ее активном участии в идее «Калифорнии в Крыму». Она отрицала все. Почему?

Думаю, что была правда, которую она не имела права объяснять следователю. Полина всегда была достойной женой своего мужа. О ее связях с ЕАК конечно же знал муж и, следовательно, знал Вождь. Присутствовать в синагоге и быть «дочерью еврейского народа», вероятнее всего, было для нее лишь партийным заданием.

Но этого она сказать не смела. Так что ей оставалось одно – все отрицать.

Хозяин ограничился ее высылкой. В его шахматной партии Полине еще предстояло вступить в игру – в скором будущем. А пока она жила в далекой Кустанайской области и именовалась «Объект 12». Приставленные к ней стукачи аккуратно передавали в центр ее разговоры. Но ни одного крамольного высказывания стойкая Полина не допустила.

В том же 1949 году Молотов теряет пост министра иностранных дел. Хозяин перестает звать его на дачу.

Опытный Молотов начинает ждать своего часа...

Партийная тюрьма

Тем временем Хозяин раскручивает дело Вознесенского и Кузнецова.

В феврале 1949 года он посылает Маленкова в Ленинград. Тот быстро добивается от арестованных партийных секретарей нужных признаний: в городе существовала тайная антипартийная группировка. Секретарь горкома Капустин сознался, что он английский шпион. 2000 партийных работников было арестовано в Ленинграде.

Как показал потом Маленков: «Все время заделом наблюдал сам Сталин».

Он повторял свой старый триллер 1937 года – и не от отсутствия воображения. Прежние обвинения тотчас пробуждали и прежний рефлекс: безумный страх.

Наступил конец Вознесенского. Вчерашний «выдающийся экономист» был обвинен в том, что «сознательно занижал цифры плана», что его работники «хитрят с правительством». В марте 1949 года он был снят со всех постов. Бывший заместитель Хозяина в правительстве сидел на даче, работал над книгой «Политическая экономия коммунизма» и ждал конца.

Неожиданно его вызвали на Ближнюю дачу. Хозяин обнял его, посадил рядом с прежними друзьями – членами Политбюро, во время застолья даже поднял тост за него. После возвращения с дачи счастливого Вознесенского арестовали. Оказалось, это было прощание. Он любил Вознесенского, но... что делать – он менял прежний аппарат.

В последние дни сентября 1950 года в Ленинграде состоялся процесс по делу Вознесенского, Кузнецова и ленинградских партийцев. Они сознались во всех невероятных преступлениях и были приговорены к смерти. Фантастичен был финал судебного заседания: после оглашения приговора охранники набросили на осужденных белые саваны, взвалили на плечи и понесли к выходу через весь зал. В тот же день все были расстреляны.

В Москве на улице Матросская Тишина спешно создавалась особая партийная тюрьма (Кузнецов и Вознесенский были ее узниками). Тюрьме было уготовано большое будущее. После отставки Маленкова у его помощника Суханова были изъяты заранее написанные конспекты допросов будущих высокопоставленных узников. Они еще находились на свободе, а их допросы уже существовали!

Элитарная тюрьма была рассчитана на 40–50 человек – на всю избранную верхушку. Там были особые следователи и аппарат правительственной связи с Хозяином. Он готовился лично руководить постановкой будущего грандиозного процесса.

Он с самого начала предупредил Маленкова: тюрьма не подчиняется Берии.

Что означало: Берии тоже крышка.

А пока за всей кремлевской верхушкой шло непрерывное наблюдение. 58 томов подслушанных разговоров – таков результат наблюдения органов за маршалами Буденным, Тимошенко, Жуковым, Ворошиловым и другими предполагавшимися узниками особой тюрьмы. Эти тома были изъяты из личного сейфа Маленкова после его падения. На пленуме ЦК в 1957 году Маленков оправдывался: «Я сам тоже прослушивался – это была общая практика».

И возник забавный спор – сцена из театра абсурда:

Хрущев: «Товарищ Маленков, ты не прослушивался. Мы жили с тобой в одном доме. Ты на четвертом, я на пятом этаже... Установленная аппаратура была под моей квартирой».

Маленков: «Нет, через мою квартиру прослушивались Буденный и твоя квартира. Вспомни, когда мы шли с тобой арестовывать Берию, ты пришел ко мне. Но мы опасались разговаривать, потому что подслушивали всех нас».

Маленков все-таки был прав. Прослушивали их всех – кого Хозяин приговорил окончить свои дни в новой тюрьме. Просто Маленкова он назначил исполнять роль Ежова – с тем же финалом...

К 1949 году контуры будущего невиданного процесса проглядывали ясно: через «еврейское дело» в него вводится Молотов как американо-сионистский агент. Через его показания наступает очередь остальных членов Политбюро. В конце, как и в прежних чистках, – на закуску – пойдут военные... И переплавленное в огне этой чистки единое общество, вновь сцементированное страхом, он поведет к третьей, последней мировой войне. К Великой мечте – Мировой Советской Республике.

«Солнце нашей планеты»

Как всегда, перед решающим прыжком последовало кажущееся ослабление безудержной идеологической кампании, его любимая пауза – затишье перед бурей. На сей раз – перед мировой бурей.

В конце года Хозяин переключил страну на празднование своего юбилея.

Весь 1949 год, одновременно с идеологическими погромами, страна готовилась к величайшему празднику – 70-летию Вождя (отсчет шел от выдуманного им самим года его рождения). В преддверии юбилея Берия развлек его письмом от другого императора, захваченного его войсками, последнего императора Маньчжурии Пу И. Оно осталось в «Особой папке» – иероглифы, написанные Пу И, и перевод письма:

«Для меня высшая честь писать Вам настоящее письмо... Я пользуюсь вниманием и великодушием властей и сотрудников лагеря. Здесь я впервые начал читать советские книги и газеты. Впервые за 40 лет жизни я прочел «Вопросы ленинизма», «Краткий курс истории ВКП(б)». Узнал, что СССР – самая демократическая и прогрессивная страна в мире, путеводная звезда малых и угнетенных народов... Ваше гениальное предвидение в книге об Отечественной войне о неизбежном крахе фашистской Германии... В прошлом я просил об оставлении меня в СССР, но до сего времени нет ответа. У меня одинаковые интересы с советскими людьми, я хочу работать и трудиться также, как советские люди, дабы тем отблагодарить за Ваше благодеяние».

Так обычный император писал ему – Богосталину.

В каждой строчке письма видно, как старался заслужить освобождение бедный Пу И. Но у Хозяина были другие планы. Государство Пу И вошло в состав коммунистического Китая, и он переправил поверженного императора своему «китайскому брату» – Мао Цзедуну. Из советского плена несчастный император отправился в китайский – для нового перевоспитания.

К 1949 году он создал свою особую «религиозную» литературу, воспевавшую Богосталина. «Вождь и Учитель», «Корифей науки и техники», «Величайший гений всех времен и народов» – теперь его постоянные эпитеты. Но были и любопытные, например: «Солнце нашей планеты». Его придумал Довженко – научился.

Но это было не просто сумасшествие. Нет, этот культ имел важнейшую цель.

Одним из его признанных писателей был Петр Павленко. Четырежды Хозяин присуждал ему высшую литературную награду – Сталинскую премию 1-й степени. Удачливый Павленко на самом деле был несчастнейшим человеком. В 1920 году он вступил в партию, был связан со многими расстрелянными – и всю жизнь боялся своего прошлого, всю жизнь замаливал его... После войны Павленко написал сценарии двух кинофильмов, официально объявленных Хозяином «шедеврами советского искусства»: «Клятва» и «Падение Берлина».

Но в этих сценариях у Павленко был соавтор.

«Клятва» – фильм о клятве Сталина над гробом Ленина. Рукопись этого сценария Павленко с благоговением показал моему отцу. Сценарий был изукрашен пометками... самого героя! И все пометки касались лишь его одного. Сталин правил образ Сталина!

Павленко рассказывал: «Берия, передавший сценарий со сталинскими пометками, объяснил режиссеру Чиаурели: «Клятва» должна стать возвышенным фильмом, где Ленин – как евангельский Иоанн Предтеча, а Сталин – сам Мессия».

Лексика семинариста выдавала автора замечаний.

«Клятва» стала фильмом о Богочеловеке. В «Падении Берлина» эту тему успешно продолжили. В конце фильма был некий апофеоз: мессия Сталин приезжает в поверженный Берлин. Нет, не на скучном поезде – он прилетает на самолете. Одетый в ослепительно белую форму (белые одежды ангела, спускающегося с неба), он является ожидавшим его людям. И все языки планеты славят мессию.

«Возникает мощное «ура». Иностранцы, каждый на своем языке, приветствуют Сталина. Гремит песня: «За Вами к светлым временам идем путем побед» – так записано в сценарии.

Богочеловек... Константин Симонов, член Комитета по Сталинским премиям, в своих воспоминаниях описывает, как Сталин присутствует на заседании во время обсуждения литературных произведений, выдвинутых на премию его собственного имени.

«Неслышно ходит Хозяин за спинами членов Комитета. Это его обычная манера – чтобы не видели лица бога, чтобы в напряжении старались угадать, угодить... Ходит, посасывая трубку...

Секретарь объявляет: «Писатель Злобин представлен на Сталинскую премию 1-й степени за роман «Степан Разин». Но тут Маленков выдает неожиданную реплику: «Товарищ Сталин, Злобин был в немецком плену и вел себя нехорошо». Воцаряется изумленная тишина, все знают: кандидатов старательно проверяли. Значит, это испытание для них, членов Комитета?

И тогда в тишине раздается тихий голос Сталина: «Простить или не простить?» Все молчат – боятся. А он медленно проходит круг за кругом. И опять: «Простить или не простить?» В ответ та же мертвая тишина: ведь предъявлено страшное обвинение! Какая там премия – голову бы спасти Злобину! Хозяин проходит еще круг. И опять: «Простить или не простить?» И сам себе отвечает: «Простить...» И Злобин вместо лагерей становится лауреатом – вмиг вознесен на вершину славы и богатства!»

Да, он один решает человеческие судьбы. Ему, Богочеловеку, дано простить и любое преступление. Так он их учит.

И вот наступил юбилей Богосталина. Соратники, уже сходявшие с ума от страха, ломали головы, как его отметить.

В 1945 году за победу над Германией они уже присвоили Вождю странное звание – генералиссимус. Как вспоминал маршал Конев, Хозяин тогда ворчал: «Зачем это нужно товарищу Сталину? Подумаешь, нашли ему звание! Чан Кайши – генералиссимус, Франко – генералиссимус... Хорошая компания...»

Но он стал генералиссимусом, принял высочайшее звание царских полководцев. Теперь он все чаще изображается в маршальской форме с красными лампасами на брюках – одной из главных примет формы царской армии... Он не только переименовал наркоматы в министерства, но и ввел форменные мундиры для чиновников – опять как при царе... Соратники, конечно, понимают устремления Хозяина. К юбилею явно требовалось придумать

что-то этакое... титул, вроде царя, но все-таки революционный. Что придумать? Между тем юбилей все ближе и ближе, напряжение нарастало.

В архиве я нашел следы их мук: «Секретно. 16.12.1949. Проект указа «Об учреждении ордена Сталина и юбилейной медали», «О медали лауреата международной Сталинской премии»... Ничего нового они так и не придумали. И Хозяин еще раз понял: обленились соратники. От ордена Сталина, который по проекту «размещается за орденом Ленина», он отказался.

Они не понимали его. Не в старческой любви к славословию было дело. Приблизилось осуществление Великой мечты, когда он поведет народы на штурм враждебных твердынь. Образ Богосталина должен был вести народ в этот решительный и воистину последний кровавый бой – в этом был смысл культа. Вот для чего ему нужен грандиозный юбилей, вот почему день и ночь газеты и радио должны славить его имя.

Гремит, гремит имя... «Сталин туда, Сталин сюда, Сталин тут и там. Нельзя выйти на кухню, сесть на горшок, пообедать, чтобы Сталин не лез следом: он забирался в кишки, в мозг, забивал все дыры, бежал по пятам за человеком, звонил к нему в душу, лез в кровать под одеяло, преследовал память и сон», – писала в дневнике современница.

Одиночество

В конце жизни, усмехаясь, он говорил о сподвижниках: «Все великие! Все гениальные! А чаю выпить не с кем».

На вершине могущества он был совсем один. Соратники – эти будущие мертвецы – его раздражали. Дочь стала чужой...

В 1944 году Светлана решила выйти замуж за студента университета Григория Мороза. Она знала его давно – они учились в одной престижной школе. Григорий был красив, из обеспеченной интеллигентной семьи (отец – заместитель директора научно-исследовательского института). Но он был еврей.

Светлана поехала на Ближнюю дачу – объявить отцу о замужестве. В своих воспоминаниях она рассказывает: «Был май, все цвело... «Значит, замуж хочешь?» – спросил он. Потом долго молчал, смотрел на деревья. «Да, весна, – вдруг сказал он и добавил: – Черт с тобой, делай что хочешь!» Но не велел приводить Григория в дом».

Она родила мальчика, странно похожего на самого Сталина, и назвала его именем. Но уже вскоре развелась. Нет, он ее не подталкивал – развелась сама и потом опять вышла замуж за сына его покойного сподвижника – Жданова.

Он был рад этому браку, но они по-прежнему виделись редко.

Однажды он заговорил с нею о матери – впервые. Это случилось в день главного праздника страны – годовщины Октябрьской революции. В день гибели Надежды.

«Это отравляло ему все праздники, – пишет Светлана, – и он предпочитал их теперь проводить на юге...»

Дочь приехала к нему на юг. Они сидели одни. «И ведь такой маленький был пистолет, – вдруг сказал он в сердцах и показал, какой маленький... – Это Павлуша привез ей! Тоже – нашел, что подарить!»

И замолчал. Больше они об этом не говорили...

Дочь уехала. И опять они подолгу не виделись, хотя на отдыхе он часто думал о ней. Вспоминал, как она была Хозяйкой.

Теперь уже много лет рядом с ним Валечка Истомина, горничная на Ближней даче. Она не Хозяйка – покорная служанка. Но главное – преданная.

Снова «принц Вася»

Он старел и, как положено старику грузину, полюбил сына. Ворчал на него, все знал о его похождениях, но все больше любил.

После войны наступает взлет Василия. В 27 лет он – командующий ВВС Московского военного округа. Сын готовит знаменитые воздушные парады, наблюдать которые на летное поле в Тушино приезжает Хозяин вместе с Политбюро. Они смотрят фигуры высшего пилотажа, инсценировки воздушных боев – игры современных гладиаторов. Вся страна сидит у приемников и слушает рассказ о параде. Голос диктора звенит металлом, когда он объявляет о самолете, ведомом Василием.

Маршал авиации Савицкий: «Это миф, будто Вася возглавлял воздушные парады над Красной площадью и в Тушино. Летал Василий на правом сиденье бомбардировщика, то есть просто сидел, а за штурвалом находился командир экипажа, который вел самолет».

За него боялись – Вася пил все больше и больше. Он развелся с женой, ушел из «Дома на набережной» в особняк на Гоголевском бульваре, забрал туда обоих детей... Мать приходит тайком – ей запрещено видеться с ними. Происходит сцена из «Анны Карениной»: няня, не выдержав ее горя, тайно устраивает ей встречи с детьми... А у Василия – очередное приключение: он женится на знаменитой пловчихе Капитолине Васильевой. Это была любовь сына цезаря: ради пловчихи Вася сооружает памятники своей страсти – спортивный комплекс, до сих пор украшающий Ленинградский проспект, и первый в стране крытый бассейн. Но и Капитолина недолго пробыла его женой...

В Архиве президента хранится уголовное дело: после смерти Сталина Василий был арестован по обвинению «в систематическом расхищении казенного имущества». В деле – подробности его жизни.

Из показаний его адъютанта Полянского: «Пьянствовал Василий почти ежедневно, неделями не появлялся на работе, ни одной женщины не пропускал... Этих связей у него было так много, что если бы у меня спросили сколько, то я не смог бы ответить. За счет средств ВВС создал охотничье хозяйство в районе Переславль-Залесского в 55 гектаров, где были выстроены 3 дачи, соединенные узкоколейной дорогой. Были приобретены по его приказу и доставлены в хозяйство 20 пятнистых оленей, белые куропатки и так далее...»

Показания писателя Б. В-а: «Зимой, в конце 1949 года, приехав на квартиру второй своей жены, актрисы Марии П., застал ее в растерзанном виде – сказала, что только что у нее был в гостях Василий и пытался принудить ее к сожительству. Я поехал к нему на квартиру, где он пил в компании летчиков... Василий встал на колени, назвал себя подлецом и негодяем и заявил, что сожительствует с моей женой. В 1951 году мы помирились, у меня были денежные затруднения, и он устроил меня в штаб референтом. Работы я не выполнял никакой, а зарплату получал, как спортсмен ВВС».

Из воспоминаний шофера А. Брота: «У него в штабе был свой большой гараж. Для него дорожных правил не существовало. Когда он был выпивши, он, сидя рядом со мной, нажимал ногой на педаль газа, требовал мчаться. Требовал часто, чтобы мы выезжали на встречную полосу».

При этом слабый Вася мечтал походить на отца. Как он хотел, чтобы его тоже боялись!

Из показаний майора А. Капелькина: «Как-то ночью, перед ноябрьскими праздниками, он позвал меня на квартиру, сказал: «Мы должны допросить террориста». Он был пьян и сообщил, что начальник контрразведки полковник Голованов «арестовал группу террористов, которые имели будто бы намерения совершить теракт против И.В. Сталина». Василий заявил, что будет пытать одного из них – бывшего сотрудника отдела кадров майора Кашина. Он приказал одному из подчиненных разуться и встать коленями на стул. И стал его бить хлыстом по ступням ног, проверяя орудие пытки. Когда привезли Кашина, Василий ударом кулака сбил его с ног. После такого вступления начался допрос Кашина, который не признал себя виновным. Ему велели встать на стул коленями, однако после первого удара по его ступням хлыст сломался. Тогда мы все начали бить Кашина, чтобы сознался. Когда он падал, били ногами. А потом все начали пить».

Шофер Брот: «Вскоре Василий женился в третий раз – на дочери героя войны маршала Тимошенко. Она была очень строга и даже жестока. Детей Василия она не любила. Их тайно подкармливали мы с поварихой. Как-то адъютант сказал мне, что придет грузовая машина с вещами – подарками для высшего командования из завоеванной Германии. Действительно, пришел грузовик, адъютант отобрал кое-что для Василия, в основном письменные приборы, а остальное приказал отвезти на дачу жене Екатерине... Это были золотые украшения с бриллиантами и изумрудами, десятки ковров, много дамского белья, мужские костюмы в огромном количестве, пальто, меховые шубы, горжетки, каракуль... Дом у нее после войны и так ломился от золота, немецких ковров и хрусталя. И просила она меня все это продать в комиссионках. Целый месяц я возил это туда, деньги сдавал Екатерине».

Отец надеялся: Тимошенки – положительные бережливые люди, может, они образумят Василия... Не образумили. Скандалы продолжались, и ему, отрываясь от Великой мечты, приходилось разбираться.

Главной заботой Василия было спортивное общество ВВС. Он истово любил футбол и хоккей и быстро сумел создать знаменитую хоккейную команду ВВС. Игроки команды сына цезаря получали главное богатство – квартиры, не говоря уже о спецпайках и прочем. Все звезды хоккея быстро оказались в команде ВВС. И все они погибли в одночасье.

Команда летела в Челябинск на очередную игру. Из-за сильной метели аэропорт назначения не принял, пришлось приземлиться в Казани. Игроки скучали, позвонили в Москву. И тогда Вася Сталин своей властью разрешил продолжать полет. Одиннадцать хоккеистов погибли при аварии во время посадки самолета в пургу.

Вместе с игроками разбился спецсамолет, на котором летали только члены Политбюро. На нем Вася возил своих любимцев.

Отцу тотчас доложили, и он запретил печатать сообщение о катастрофе – в его стране катастроф не бывало! Просто лучшие хоккеисты куда-то исчезли, и никто не смел ни о чем спросить.

Но подлинной страстью Василия (да и всей страны) был футбол. При помощи тех же благ «принц» создал звездную футбольную команду. В начале 50-х годов по составу игроков с ней могло соперничать только «Динамо» – команда МВД, команда Берии. Но хотя Вася собрал блестящих футболистов, команда ВВС по-настоящему не заиграла – не было достойного тренера.

И Вася вспомнил о знаменитом тренере «Спартака» Николае Старостине. Он отбывал срок где-то на Дальнем Востоке.

Дальнейшее Старостин описал сам. Однажды ночью в 1948 году его разбудили и привели в кабинет начальника лагеря. По телефону секретной правительственной связи он услышал: «Николай, здравствуйте. Это Василий Сталин...»

Вскоре на военном аэродроме приземлился личный самолет командующего ВВС Московского округа. Старостина вывезли в Москву. Он оказался в особняке на Гоголевском бульваре. В огромной зале стоял стол, на нем – графин с водкой. Вася выпил за встречу... И уже скоро Старостин сидел в восьмиметровой комнате (все, что оставили его семье от огромной квартиры), рядом – плачущие от счастья жена и дочь.

Но начать тренировать команду ВВС он не успел. Через несколько дней главный болельщик «Динамо» Берия ответил: к Старостину явились двое в форме: «Гражданин Старостин, вы хорошо знаете, что приехали незаконно, и вы должны в 24 часа уехать обратно».

Вася пришел в бешенство: «Как они посмели?!» И решил: «Будешь жить вместе со мной в моем доме, там уж никто не тронет».

Теперь заключенный Хозяина и сын Хозяина стали неразлучны. Вместе ездили в штаб, на тренировки, на дачу, даже спали в одной широченной кровати.

Василий ложился спать с револьвером под подушкой. Он запретил Старостину выходить одному из дома. Но Николай тосковал по семье и однажды, когда Василий уснул пьяным сном, вылез в сад через окно и ушел к себе. Утром его разбудили звонки, вошли два полковника... Старостина выслали из Москвы.

Но на первой же остановке в поезде появился начальник контрразведки Василия: «Я догнал вас на самолете. Хозяин (Вася обожал, когда его называли, как отца.

– Э.Р.) приказал вас доставить любыми средствами в Москву».

Когда Старостина привезли, Василий схватился за телефон, позвонил в МВД, вызвал одного из заместителей Берии и заявил: «Два часа назад вы мне сказали, что не знаете, где Старостин... Но сейчас он сидит напротив меня. Это ваши люди его похитили. Запомните: в нашей семье обид не прощают».

В конце концов отцу пришлось вмешаться. Порядок должен быть! И Старостина выслали обратно.

Все это время Василий спивается. И в 1952 году наступает катастрофа: командующий дальней авиацией С. Руденко и главком ВВС П. Жигарев отстраняют пьяного Василия от командования парадом в Тушино.

Парад прошел великолепно. Сталин объявил благодарность всем его участникам. Пьяный Василий, с трудом держась на ногах, явился на традиционный прием после парада: присутствовали отец, соратники, руководители ВВС.

– Это что такое? – спросил отец.

– Я отдыхаю.

– И часто ты так отдыхаешь?

Наступила тишина.

– Часто, – сказал Жигарев.

Василий послал его матом. Тишина стала страшной.

– Вон отсюда, – коротко сказал Сталин.

У него не было выхода: Василий был снят со всех постов. Он отправил его слушателем в Военную академию.

Но Хозяин запомнил, с какой радостью его соратники и военачальники – надутые фанфароны, забравшие волю в войну, – смотрели на унижение сына. Даже не старались скрыть...

Он конечно же понимал, почему так пьет и безобразничает Вася. Его слабый сын смертельно боялся того, что с ним неминуемо должно случиться, когда не станет старого отца. И старался забыться – заливал страх вином. Его несчастный сын, с детства лишенный женской ласки и жаждавший найти ее в бесконечных любовных похождениях...

Конечно, его старые соратники тотчас избавятся от Васи – слишком много он о них знает. Может быть, это тоже было подсознательной причиной того, что Хозяин решил их всех убрать?

Таинственный старик

Наступил 1950 год. Он по-прежнему жил по раз и навсегда заведенному распорядку – те же застолья в ночи, мешающейся с рассветом. И соратники после трудового дня в Кремле должны ехать с ним на дачу на муку – бессонную пьяную ночь. Но они счастливы: зовет, значит, пока не погубит.

Через четыре десятка лет его престарелые охранники подробно расскажут о «секретном быте» одинокого человека на закрытой от мира Ближней даче.

Во время его застолья с соратниками к каждому блюду прикладывался акт: «Отравляющих веществ не обнаружено...»

Чистые тарелки, приборы, хрустальные фужеры стоят рядом с пиршественным столом. Здесь самообслуживание – чтобы обслуга не слушала их разговоры.

Иногда он командует: «Свежую скатерть!» И тогда появляется обслуга, скатерть вместе с посудой поднимают с четырех сторон, сворачивая кульком, – и звенит битый драгоценный хрусталь, мешаясь с остатками еды.

И. Орлов, комендант дачи: «В большом зале, где собирались, висели портреты – портреты членов Политбюро. И он любил, чтобы каждый сидел под своим портретом».

Но уже убрали портреты Вознесенского и Кузнецова. Уже не зовет он на дачу Молотова, но тот уныло приходит сам – как верный пес. А он с холодной усмешкой называет бывшего главу правительства американским шпионом.

Он знает: скоро исчезнут и другие портреты...

Коротая ночь, рассказывают мужицкие анекдоты – в кругу соратников он употребляет мат. Он заставляет гостей напиваться, и они не смеют отказываться, ибо это означает: нечестен и

оттого боится, что вино развяжет язык. Начинаются шутки: подкладывают помидор на стул, когда жертва стоя произносит тост, или сыпят соль в бокал с вином... Или толкают в мелкий пруд посреди участка. И они счастливы: издевается, значит, не гневается. А он следит за унижением будущих мертвецов, посасывая трубку...

Застолье кончается в четыре утра – он разрешает обессиленным шутам отправляться спать. Но его одинокая ночь продолжается.

После их ухода он еще работает в кабинете или в саду. Он любил ночью срезать цветы. В свете фонаря орудовал секатором, срезанные головки цветов собирала охрана. Но руки уже не те – дрожали от старости, и он часто ранил пальцы. Тогда вызывали фельдшера, но и у того дрожали руки – уже от страха. И он, усмехаясь, сам перевязывал обрезанный палец.

Под утро он немного спал. Летом – на топчане, закрыв лицо фуражкой, чтоб не тревожило утреннее солнце. Зимой любил по ночам ездить в санках по аллеям. В последнюю зиму ездил редко: усилился ревматизм, болели ноги, и он стал очень раздражителен.

Из всех комнат дачи он выбирал одну и жил практически только в ней. Спал там же – на диване, который ему стелила Валечка. Ел на краешке стола, заваленного бумагами и книгами. На стене висел портрет Ленина, под ним круглосуточно горела лампочка. Бывший семинарист сам придумал эту негасимую лампаду, освещавшую лицо Боголенина.

В отсутствие шутов из Политбюро он полюбил разговаривать с охраной. Полуграмотные охранники становились теперь его главными друзьями, с ними он беседовал, рассказывал случаи из времен своих ссылок, по-старчески привирая. Он все чаще обращался в прошлое.

«Одинокий, жалко его было, старый стал», – сказал мне бывший его охранник.

Нет, жалкого старика не существовало! Был вечный хищник, знавший одно – кровь. Старый тигр лишь немного расслабился – отдыхал перед большим прыжком.

А великая чистка, задуманная им, уже шла. Повсюду.

Как и в 1937 году, начали исчезать люди из его собственной охраны. И он печально говорил об очередном исчезнувшем: «Не сумел оправдаться старик».

Ему действительно было их жаль. Но так было надо. Все прежние должны были исчезнуть. И как когда-то Паукер, вскоре должен был исчезнуть Власик. Многолетний глава его охраны, обремененный множеством тайн, будет арестован в 1952 году.

А пока – весь «тихий 1950 год» – шли тайные убийства. По его приказу в августовскую ночь были расстреляны десятки военачальников – генералы Гордов, Рыбальченко, Кириллов, Крупенников, маршал авиации Худяков; осенью – сотни арестованных по ленинградскому делу.

Напряженно работал крематорий близ Донского монастыря, и прах расстрелянных сбрасывали в бездонную общую «могилу № 1» Донского кладбища...

Тогда же началась репетиция грядущих шоу. Была арестована группа врачей, работавших в медицинской части крупнейшего автомобильного завода имени Сталина (ЗИСа). К ним прибавили сотрудников дирекции, работников министерства и даже журналистку, писавшую о ЗИСе.

У всех арестованных были выразительные имена – Арон Финкельштейн, Давид Смородинский, Мириам Айзенштадт, Эдуард Лифшиц... Все они были евреями.

После гибели Еврейского антифашистского комитета – это было первое открытое

антисемитское кровавое дело.

Все обвиняемые были расстреляны в ноябре 1950 года. Он уже начал готовить «дело кремлевских врачей», и будущие следователи немного попрактиковались. Поэтому «дело ЗИСа» (так его называли) прошло без особой огласки.

Откровение в двух брошюрах

В то время вышли две его теоретические брошюры: «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР».

Он давно не радовал страну и партию теоретическими работами. Но Вождь обязан быть великим теоретиком – такова ленинская традиция. И ему пришлось возвращать долг.

Написал ли он сам эти две свои последние работы? Нет, задумав оба труда, он разрешил своим академикам поработать на него. Правда, и сам хорошо потрудился – не только переписал заново все от начала и до конца, но и добавил туда свои новые, потаенные мысли.

Например, в «Экономических проблемах социализма» он много писал о борьбе за мир. Это был обычный прием: готовя войну, славить «движение сторонников мира». Но эти «сторонники мира» в разных странах под крылом его госбезопасности, сами того не подозревая, должны были стать его пятой колонной в тылу будущего врага.

И другие свои тайные планы он высказал достаточно полно, но в форме, понятной только посвященным.

Он писал: «Борьба за мир в некоторых странах разовьется в борьбу за социализм».

На «глубоком языке» это означало: через движение сторонников мира мы будем готовить восстания и революции.

Написал он и о возможной войне. «Неизбежность войн между капиталистическими странами» – его главный тезис.

На «глубоком языке» это означало: мы натравим их друг на друга, как во времена Гитлера.

При этом он по-ленински успокаивал «глухонемых». Он объявил: «Вероятность войн между капиталистическими странами больше, чем между лагерем капитализма и лагерем социализма». Но тут же сообщил: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм».

Иными словами, только когда победит Великая мечта – несчастья рода человеческого прекратятся.

После выхода работ, естественно, началась кампания прославления. Светилы языкознания и экономики писали бесчисленные статьи о немедленном расцвете своих наук. Писались диссертации, создавались многотомные труды...

Кампания ширилась. Шли рапорты о небывалом перевороте во всех областях знания, свершившемся после прочтения двух его брошюр.

Земной бог порадовал откровением.

Но это не просто тешило его самолюбие.

Подобно «Краткому курсу», появившемуся перед террором, эти сочинения также знаменовали начало новой эры. Он писал их уже для будущего – для тех, кто останется после великой эры крови, которая уже наступала.

Кресты и вопросы

Начиналось истребление верхушки.

В октябре 1952 года после многолетнего перерыва он собрал XIX съезд партии.

Он выступал в конце съезда. Все знали, что он плохо себя чувствовал. Хрущев: «В конце съезда он выступил, 5–7 минут говорил. И сказал нам: «Смотрите-ка, я еще могу!» Мы посмотрели на часы: 5–7 минут говорил! Смог!.. Из этого мы сделали вывод, как он

физически слаб».

Он еще раз надул своих жалких соратников.

Тотчас после съезда состоялся пленум ЦК. На нем «физически слабый» Сталин выступил с длинной и страшной речью.

Писатель К. Симонов был участником пленума. И через много лет он испытывал прежний ужас, вспоминая ту его речь: «16 октября 1952 года. Кремль. Свердловский зал. Он вышел из задней двери вместе с остальными членами Президиума – с суровым деловым лицом. Началась овация, но он жестом остановил ее. Пленум вел Маленков, он предоставил слово Сталину. Тот говорил сурово, без юмора, без листочков. И цепко, внимательно всматривался в зал. И тон его речи, и содержание вызвали оцепенение.

Пленум продолжался два часа, из них полтора заняла речь Сталина... Главное в его речи: то, что он стал стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал. «Но пока мне поручено, значит, я делаю», – сказал он резко, почти свирепо. Он требовал бесстрашия и твердости, ленинской твердости в 1918 году. Он вспоминал о Ленине, который «гремел тогда в неимоверно тяжелой обстановке, гремел, никого не боялся, гремел». Он трижды повторил это слово. Он говорил о Ленине, имея в виду поведение «некоторых товарищей».

И «некоторые товарищи» вскоре обрели имена в его речи.

«Он набросился на Молотова с обвинениями в трусости и капитулянтстве. Он говорил о Молотове долго и беспощадно, приводил какие-то не запомнившиеся мне примеры... Я... понял, что Сталин его обвиняет с гневом такого накала, который был связан с прямой угрозой... После чего перешел к Микояну. И речь его стала более злой и неуважительной. В зале стояла страшная тишина. У всех членов Президиума были окаменевшие, неподвижные лица. Они ждали, не шагнет ли он после Молотова и Микояна еще на кого-то. Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми... Уничтожив Молотова, Сталин опять заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии вести дело, которое ему поручено. Поэтому, оставаясь Председателем Совета министров, он просил освободить его от должности генсека. Все это он говорил, глядя внимательно в зал. На лице Маленкова я увидел ужасное выражение... которое может быть у человека, осознавшего смертельную опасность. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздымаемые руки были прямой мольбой к присутствующим отказать в просьбе товарищу Сталину. И из-за спины Сталина раздались его

торопливые слова: «Нет! Просим остаться!» И зал загудел: «Просим, просим остаться...»

Помню, как в каком-то спектакле по пьесе Брехта убиваемым мазали лица белой краской. И они недвижно стояли на сцене до конца действия, пугая белыми лицами...

Белое, мертвое лицо Молотова... Побелевшее лицо Маленкова...

Симонов прав: если бы удовлетворили просьбу Хозяина, первым ответил бы своей головой Маленков. А во что бы это обошлось делегатам – нетрудно представить. Ему нужен был новый XVII съезд, нужно было их предательство, чтобы скопом их уничтожить. Но они не посмели – он их хорошо выучил.

Потом состоялись выборы. В преддверии грядущего уничтожения он реорганизовал Политбюро в расширенный Президиум. Но он был фикцией: внутри Президиума Хозяин образовал узкое Бюро. Оно выполняло теперь функции прежнего Политбюро, и туда он уже не пустил ни Молотова, ни Микояна.

Для всех они уже были мертвецы.

После смерти Сталина работник Партархива Шаратов был послан разбирать его библиотеку. В одной из комнат Шаратов нашел толстую черную книгу в переплете – Стенографический отчет XVIII съезда партии. В канун XIX съезда Сталин поработал

черным карандашом над списком членов и кандидатов в члены ЦК, избранных предыдущим съездом. Он поставил кресты против фамилий тех, которые по его воле перестали жить. Потом он разбросал по списку знаки вопросов. Это был задел на ближайшую чистку...

Когда-то он придумал забавный обычай: уничтожив соратника, он передавал его дачу следующему. Берия жил на даче расстрелянного Чубаря, Молотов – на даче расстрелянного Ягоды, Вышинский – на даче расстрелянного Серебрякова... Они думали, что это были дачи. А это была все та же эстафетная палочка смерти. Он знал: скоро они передадут свои дачи новым владельцам.

Наступили последние четыре с половиной месяца его правления – страшные месяцы подготовки Апокалипсиса.

Последний триллер

В начале 50-х годов Хозяин поручил министру государственной безопасности Абакумову произвести массовые аресты среди земляков Берии – выходцев из Мингрелии, которых Берия рассадил на многие ответственные посты. Начиная дело, Хозяин будто бы прямо сказал Абакумову: «Ищите в заговоре Большого мингрела». Впрочем, тот должен был это и сам понять... Но дело продвигалось медленно – Абакумов явно боялся собирать материал на шефа.

Хозяин оценил его страх: Абакумов был обречен.

В это же время Абакумов готовит «дело врачей».

Еще в 1948 году заведующая электрокардиографическим кабинетом Кремлевской больницы Лидия Тимашук подала заявление: врачи неправильно лечат Жданова.

Хозяин запомнил письмо. Автор триллера 1937 года тотчас понял возможности сюжета: к

примеру, работавший в «Кремлевке» профессор Вовси был родным братом Михоэлса. Идея «разветвленного еврейского заговора, использующего в своих целях людей самой гуманной профессии в мире», была готова. Книги, которыми зачитывалась чернь во времена его юности, – все эти «Протоколы сионских мудрецов», многочисленные издания Союза русского народа хранились в его цепкой памяти. Готовя осуществление Великой мечты, он знал: есть две возможности сделать общество единым – страх и ненависть. Борьба с космополитизмом многое раскрыла, а результаты превзошли его ожидания.

«Антисемитизм – с ним и водка крепче, и хлеб вкуснее», – как говорил русский писатель.

Итак, он сочинил свой последний триллер. Вот его содержание, которое должна была вскоре узнать страна:

Зловещая сионистская организация «Джойнт» решила погубить народ России. Возможно, она начала действовать еще во времена Троцкого – Зиновьева – Каменева. Ее агенты (Михоэлс и прочие верные слуги американского империализма) проникли повсюду. По ее заданию многочисленные космополиты отравляют идеологию страны. Но этого мало – агенты-врачи убивают государственных деятелей. (Сюжет врачей-убийц уже был отработан им во время бухаринского процесса. Но это и было хорошо – включался условный рефлекс страха.) Проникли сионисты и в высшие эшелоны власти.

Здесь в сюжет должна была вступить Жемчужина. Как когда-то Зиновьева и Каменева, он берег ее для открытого процесса. Жемчужина должна двинуть триллер на новую ступень.

Через Жемчужину в агенты «Джойнта» был завербован Молотов. А далее в сюжет можно включать все новых и новых участников. Сначала их будет истреблять Большой мингрел, потом наступит и его очередь сыграть Яго. Зачем придумывать новое, если все отработано еще в 1937 году...

Теперь существовал лагерь социализма, и он перенес действие триллера и в братские страны. Он не простил (и не мог простить) Димитрову союза с Тито – и столь хорошо ему послуживший лидер Болгарии умирает в 1949 году. Сподвижников Димитрова он вводит в сюжет триллера: Трайчо Костов, болгарский руководитель, один из лидеров Коминформа, был расстрелян по обвинению в шпионаже.

В 1952 году действие триллера в братских странах приобретает нужную окраску.

В Чехословакии состоялся процесс секретаря компартии Сланского. Вместе с ним на скамью подсудимых сели еще несколько крупных функционеров. Все они были евреи. Сланского расстреляли как агента международного сионизма.

Попутно Хозяин уже окончательно формировал кадры исполнителей террора.

Нерешительность Абакумова в «деле Берии» потребовала решения, и этот красавец палач с внешностью бравого гвардейца отправился за решетку.

Заместитель председателя КГБ Ф. Бобков вспоминал: «Сотрудники в прострации бродили по коридорам. Пришло известие, что Абакумов арестован. Зачитали постановление ЦК». Оказалось, что беспощадного министра убрали... за отсутствие беспощадности. Вечный юмор Хозяина.

В постановлении говорилось, что «чекисты утратили бдительность, не видят террористических гнезд в стране, работают в «белых перчатках».

И началась новая кампания – борьба с «белоперчатниками». Арестовали многих начальников отделов и управлений МГБ. Так Хозяин разгромил абакумовские (и бериевские) кадры.

Новым работникам МГБ было предложено «вернуть бдительность и беспощадно нажимать на арестованных врагов».

Все поняли: новый 1937 год уже идет вовсю! На пост министра госбезопасности Сталин назначил далекого от Берии партийного работника Игнатьева.

К тому времени большую группу знаменитых врачей-евреев уже приготовили для будущего процесса: Когана, Фельдмана, Этингера, Вовси, Гринштейна, Гинзбурга... Но по его сюжету острие заговора должно быть направлено лично против Вождя. Так что пришлось ему быть щедрым – включить в триллер и личного врача: профессор Виноградов был арестован.

В январе 1953 года оперативная группа МГБ выехала в Урицкий район – перевезли «Объект 12» (Полину Жемчужину) из ссылки в тюрьму.

«Объект» сказал слова, оставшиеся в деле: «Как правительство решило, так и будет».

К тому времени Виноградов, Коган, Вовси уже дали необходимые показания. И против нее материала было достаточно. «Объект» привезли на Лубянку, начались допросы. Вопрос о Молотове был предрешен...

Молотов и Жемчужина уцелеют только благодаря внезапной смерти Вождя. И оба до самой своей смерти останутся ему верны. «Она не только потом не ругала Сталина, а слушать не хотела, когда его ругают», – вспоминал Молотов.

Еще один портрет «нового человека».

Есть закон террора: начавшись, он должен разгораться. Расставшись с личным врачом, Хозяин спровадил в тюрьму и своего начальника охраны.

Полуграмотный Власик, сменив полуграмотного Паукера во главе охраны Хозяина, унаследовал и его безмерное влияние. С 1947 года он – начальник Главного управления охраны. Теперь верный страж Вождя назначал охрану и для его соратников, то есть ставил при них своих осведомителей. Но Власик начал допускать промахи. Приставленный к Берии Саркисов сообщал ему данные «о разврате Берии», однако Власик не почувствовал новых желаний Хозяина. Он не только не дал ход показаниям Саркисова, но и одернул его. Всеведущий Хозяин узнал об этом и понял: нюх у постаревшего пса притупился. К тому же пьянки и женщины делали Власика ненадежным, так что и его стоило включить в триллер.

15 декабря 1952 года Власик был арестован. Но суд состоялся уже после смерти Сталина – 17 января 1955 года.

Сохранились его показания на суде и обширная просьба о помиловании. Как и в случае с Ежовым, документы рисуют поразительный портрет «нового человека».

Председательствующий: Когда вы познакомились с художником С-ом?

Власик: В 1934 или в 1935 году. Он работал на оформлении Красной площади к торжественным праздникам.

– Что вас сближало с ним?

– Конечно, сближение было на почве совместных выпивок и знакомств с женщинами...

– Подсудимый Власик, вы раскрыли перед С-ом секретных агентов МГБ. Он показал: «От Власика мне стало известно, что моя знакомая Кривова является агентом органов и что его сожительница Рязанцева тоже сотрудничает».

Признав это, Власик показывает:

– Но в вопросах службы я всегда был на месте. Выпивки и встречи с женщинами были за счет моего здоровья и в свободное время. Признаю, женщин у меня было много.

– Глава правительства вас предупреждал о недопустимости такого поведения?

– Да, в 1950 году он говорил мне, что я злоупотребляю отношениями с женщинами.

– Вы показали, что вам доложил Саркисов о разврате Берии, а вы заявили: «Нечего вмешиваться в личную жизнь Берии, надо охранять его».

– Да. Я от этого устранился, так как считал, что не мое дело в это вмешиваться, ибо это связано с именем Берии.

– Как вы могли допустить огромный перерасход государственных средств по вашему управлению?

– Грамотность у меня сильно страдает, все мое образование заключается в трех классах приходской школы.

Свидетель художник С-г: Должен сказать, что Власик – морально разложившийся тип. Он сожительствовал со многими женщинами, в частности (далее идет список из 20 с лишним имен.

– Э.Р.)... и другими, имена которых я не помню. Власик спаивал меня и мою жену и сожительствовал с нею, о чем сам цинично мне же рассказывал.

А вот и другая сторона жизни начальника охраны:

– Подсудимый Власик, расскажите суду, что из трофейного имущества вами было приобретено незаконным путем, без оплаты?

– Насколько я помню: пианино, рояль, три-четыре ковра.

– А что вы можете сказать о четырнадцати фотоаппаратах? Откуда у вас хрустальные вазы, бокалы, фарфоровая посуда в таком количестве?

И так далее, и тому подобное...

Начиная революцию, они обещали в своем гимне: «Мы наш, мы новый мир построим». Построили... Сколько крови, сколько убитых, чтобы пришли Власик, Ежов, Берия – люди этого нового мира. Грядущий Хам, о котором писала русская литература в начале века, победил.

Смерть Сталина спасла Власика от гибели. В 1955 году он написал просьбу о помиловании, где сообщает поразительное. Сначала его допрашивал лично Берия. И Власик с изумлением понял: Берия знал «некоторые детали его разговоров, которые глава правительства вел с ним наедине. Их можно было узнать, только

подслушивая».

«Берия, – продолжает Власик, – должен был знать о недовольстве главы правительства, которое после войны он высказывал по поводу него».

Стремительный темп впервые подвел Хозяина. С арестом Власика он явно поспешил: лишился опытного пса, не имея пока другого.

Итак, Хозяин решил убрать Берию. Но прежде чем исчезнуть, Большой мингрел, как и все

предыдущие жертвы, должен довести до конца порученную работу.

Берия был тесно связан с Великой мечтой. В 1951 году под его кураторством была испытана мощнейшая атомная бомба. Теперь его ученые создали новое небывалое оружие – водородную бомбу. По мощности она в 20 раз превосходила бомбу, сброшенную на Хиросиму. Ничего подобного в мире не было – Хозяин один обладал таким оружием.

Бомба будет испытана в августе 1953 года – всего через несколько месяцев после его смерти...

На пороге обладания новым оружием он поручил Берии завершить ракетную оборону Москвы. Еще в конце 40-х годов было решено окружить столицу ракетными дивизионами, чтобы можно было сбить любой самолет на пути к Москве. Воздвигались гигантские кольца обороны, где располагались зенитно-ракетные комплексы. По требованию Хозяина работы велись с лихорадочной торопливостью. Трудились испытанные строители ведомства Берии – заключенные. Систему налаживали трудно. Радиолокационные станции отслеживали мишени, ракеты взлетали, но... взаимодействия не было. Хозяин торопил. Инженеров перевели на казарменное положение. Вызвав главного конструктора, Берия заявил: «Если система не будет действовать, то...»

И она начала действовать. В начале 1953 года Хозяин знал: вскоре Москва будет смотреть на Запад из-за частоты ракет.

Все было готово: и водородная бомба, и самая мощная в мире армия. Нет, не зря он говорил Молотову вскоре после войны: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства, вторая – создала социалистическую систему, третья – навсегда покончит с империализмом». Что на «глубоком языке» означало:

мы покончим. И Великая мечта, которую завещал им Боголенин, свершится.

Шаг до апокалипсиса

Хозяин дал Игнатьеву минимальный срок для подготовки процесса и сформулировал лаконично: «Если врачи не признаются, вы будете там же, где они».

13 января 1953 года страна прочла сообщение ТАСС «О раскрытии террористической группы врачей-отравителей».

«Правда» напоминала читателям слова Вождя, сказанные в 1937 году: «Наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы. Чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа». Чтобы ни у кого не было сомнений: 1937 год вернулся.

Но в наступавшем ужасе была совершенно новая деталь – открытый антисемитизм. Это должно было пробудить фанатизм толпы и немыслимый размах террора.

Целый день грозно звучали голоса радиодикторов. Из всех репродукторов несся этот текст: «Советский народ с гневом клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев...»

Далее шло обещание, заставившее содрогнуться тех, кто понимал «глубокий язык»: «Что же касается вдохновителей этих наймитов – они могут быть уверены, что возмездие вскоре найдет дорогу к ним».

«Вдохновителями», как писалось, были «иностранные хозяева», «американский

империализм». И «возмездие» – война – «уже искало к ним дорогу».

Кампания нарастала. Журнал «Крокодил» опубликовал открыто антисемитский фельетон «Пиня из Жмеринки»; «Огонек» в передовой статье «Бдительность и еще раз бдительность», перечислив еврейские имена арестованных врачей, называл их «извергами человеческого рода»; «Правда» печатала сообщения «об арестах шпионов в разных городах» с бесконечным рядом еврейских фамилий...

Наступили страшные дни. Ночами по Москве ездили черные машины – забирали известных евреев. Тогда же арестовали следователя Шейнина.

Еврея Збарского не защитила даже Великая мумия. Видимо, он должен был исполнить роль губителя Священного Тела.

Збарский выйдет на свободу после смерти Сталина, в 1954 году. Для него был юбилейный год – 30 лет он провел рядом с Телом.

Збарский рассказывал: «Все 24 часа в сутки я был подключен к Мавзолею. Я учил сотрудников: если даже муха влетит к нему, без меня удалять категорически воспрещаю». И всю жизнь мне снился этот кошмарный сон – звонят из Мавзолея: «Борис Ильич, высылаем машину – муха в саркофаге!» И я вскакиваю и мчусь как сумасшедший».

В том же году Хранитель Тела умер. Но Тело продолжало существовать...

Теперь Хозяин все чаще остается один на Ближней даче. Дочь – редкий гость, она общается с ним в основном письмами.

«26.10.52. Дорогой папа, мне очень хочется повидать тебя. Никаких «дел» или «вопросов» у меня нет, просто так. Если бы ты разрешил и если это не будет тебе в тягость, я хотела бы провести у тебя на Ближней 2 дня из ноябрьских праздников: 8–9 ноября».

Она опять разводилась. «10.02.53. Мне очень хочется тебя видеть, чтобы поставить в известность... как я живу... с глазу на глаз. Что же касается Юрия Андреевича (мужа Светланы, сына Жданова.

– Э.Р.), то мы с ним еще накануне Нового года решили окончательно расстаться... Нет уж, довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного эрудита, пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны... Деньги у меня сейчас есть, еще те, что ты прислал, так что дело не в этом только».

Во время редких посещений дочь с испугом увидела на стенах странные репродукции картин, вырезанные им из журналов. На них были дети: девочка поит из рожка лосенка, мальчик на лыжах, ребятня под вишней...

Картинками он заменил своих внуков.

В 1952 году, как пишет в своих мемуарах Хрущев, Хозяин впервые не поехал отдыхать. Не до отдыха, не до детей – мир стоит на пороге Великой мечты.

Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов – этих смертников он уже не зовет. Только четверых из Политбюро приглашает он теперь на дачу: Маленкова, Берию и еще двоих из новых людей в руководстве – Хрущева и Булганина. Эта четверка должна будет действовать сначала против опальных стариков, потом друг против друга. Затем их всех сменят новые роботы. Партийная тюрьма уже ждала очередных обитателей. Кандидаты на смерть названы...

И будущие жертвы, как римские сенаторы во времена Нерона, покорно ждут своей участи. Страх парализовал их.

Накануне

Атмосфера накалялась. Все ждали чего-то страшного – со дня на день. И в феврале последовал зловещий сигнал.

Так как на Западе в адрес СССР раздавались бесконечные обвинения в антисемитизме, в ЦК решили подготовить пропагандистскую акцию: было составлено коллективное письмо представителей еврейской общественности. В этом письме евреи – знаменитые деятели науки и культуры – должны были гневно осудить арестованных «убийц в белых халатах» и заявить, что никакого антисемитизма в СССР нет, да и быть не может, но есть справедливая кара жалкой кучке буржуазных националистов, агентов международного сионизма.

Впоследствии было много слухов о том, кто подписал это письмо и кто отказался. Вот что сказал мне один из подписавших (не буду называть его имя – он до смерти казнил себя за эту подпись): «Да, подписывали чудовищное письмо из-за животного страха за себя, за детей. Но одновременно я говорил себе: врачей уже не спасешь, надо спасать остальных. И чтобы прекратить эту антисемитскую кампанию – надо дистанцироваться, отделить остальных евреев от несчастных обреченных врачей...»

Письмо должно было появиться в самом начале февраля, когда случилось неожиданное. 2 февраля в редакционных кабинетах «Правды» царил полнейшая растерянность: тщательно подготовленное письмо было запрещено печатать.

Все понимали: только Хозяин мог запретить письмо, подготовлявшееся по распоряжению секретариата ЦК.

А.М. Борщаговский (писатель и литературный критик, один из главных объектов травли в период антисемитской кампании) вспоминал в своей книге: «Окрик раздался с самого верха. Сталин не захотел делить евреев на хороших и плохих. Он не захотел, чтобы евреи откупились «кучкой буржуазных националистов».

Знавшим об этом стало страшно. Если Хозяин не разрешает откупиться «кучкой буржуазных националистов», не задумал ли он наказать весь народ?

Уже вскоре ответ на этот вопрос стал ясен. Вместо покаянного письма евреев (которое должно было остановить кампанию) в «Правде» появился яростный антисемитский фельетон «Простаки и проходимцы». В нем было множество персонажей с еврейскими фамилиями, и все они были жуликами и вредителями, «проходимцами», которых принимают на работу доверчивые «простак», потерявшие бдительность русские люди.

И естественно, последовал новый виток антисемитской истерии. Уже в конце февраля по Москве поползли слухи: евреев будут выселять в Сибирь.

Люди знали: слухи, которых Хозяин не желал, прекращались быстро, их распространителей немедленно сажали. Здесь же день ото дня слух становился пугающе массовым. Но, как и во времена нацизма, многие евреи пытались себя успокоить. Сосед по дому говорил моему отцу: «Вы представляете, сколько будет нужно вагонов?! Нет, он попросту не сможет!»

Но они врали себе, ибо знали: он сможет! Как смог даже в разгар войны переселить сотни тысяч с Кавказа в Сибирь.

Прерванный апокалипсис

Но что это все означало? Зачем нужны были антисемитская кампания, депортация евреев, грядущая чистка руководства и надвигавшийся террор?

Наивно объяснять это (как и террор 1937 года) паранойей Сталина или его животным антисемитизмом.

Это был холодный прагматик, который за четверть века безраздельной власти всегда имел четкое обоснование своих самых чудовищных поступков.

Отец любил повторять чью-то фразу о Сталине: «Горе тому, кто станет жертвой столь медленных челюстей».

Да, Сталин не любил евреев, но он никогда не действовал в угоду страстям. Не любя евреев, он сделал своими довереннейшими лицами и Кагановича (третьего человека в государстве), и Мехлиса, который был его секретарем, а в дни войны – главой Политуправления армии. Да и внук Хозяина был сыном еврея...

Тогда в чем же дело?

Мог ли хитрец Сталин не понимать, что его государственный антисемитизм вызовет антисоветскую волну на Западе, и прежде всего в США, что готовившаяся депортация евреев может довести враждебность Америки до высшей точки?

Странный вопрос! Конечно же понимал! Значит, почему-то желал этой конфронтации? Хотел разругаться с Западом до конца? Чтобы...

И еще вопрос: для чего он готовил террор?

Террор 30-х годов должен был создать единое общество, безоговорочно подчиняющееся воле Хозяина. И в 1953 году он имел те же задачи: восстановить расшатавшуюся в войне дисциплину, начавший исчезать страх, чтобы создать единое общество, безоговорочно подчиняющееся воле Хозяина.

Но как справедливо объяснял Молотов в беседах с Чуевым, террор в 30-х годах имел конечную цель – подготовить страну к войне.

И надвигавшийся террор 50-х годов ему нужен был, чтобы...

Да, чтобы начать новую Большую войну – войну с Западом. Последнюю войну, которая должна была окончательно сокрушить капитализм.

Планировалась Отечественная, Священная война – под знакомыми, понятными лозунгами: сокрушить всемирное зло (капитализм) и его агентов (международное еврейство). Воплощением этого зла пропаганда, естественно, объявила Америку. Вот почему он провоцировал конфронтацию со Штатами.

Старый диктатор решил осуществить Великую мечту, ибо в тот момент у него были все возможности для этого: его войска стояли в странах Восточной Европы и в Германии; его армия, закаленная в войне, пока была самой могущественной в мире; его столица была защищена двойным кольцом ракет; со дня на день он ждал испытания самого мощного в мире оружия, которое

пока — на короткий срок – выводило его в лидеры (но он знал, что американцы идут следом);

треть человечества была под его знаменами, и многие сотни тысяч сочувствовали ему – победителю Гитлера...

Однако все эти преимущества были временными. Пока он был впереди – пока! Но уже завтра его полуголодная, полуразрушенная страна – покатит вспять!

Мог ли этот великий хищник, уже теряя физические силы, в ощущении грядущего конца, не воспользоваться последним шансом осуществить Великую мечту?

В России все секрет и ничего не тайна!

Я отлично понимал, что документов об этом быть не может.

Уже в день смерти Сталина в его архиве началась проверка и чистка. Было принято постановление: «Поручить Маленкову Г.М., Хрущеву Н.С., Берия Л.П. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги тов. Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в надлежащий порядок». (Из протокола совместного заседания ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета от 5 марта 1953 года. Эта секретная часть протокола была опубликована впервые лишь через 41 год.)

Так что, «меры были приняты» и «надлежащий порядок наведен». Вряд ли эта тройка оставила документы, свидетельствовавшие о намерении СССР развязать мировую войну. Но в нашей стране, где документы в архивах периодически уничтожались или полны фальсификаций, существует забавный исторический источник – устные рассказы современников.

А. Борщаговский рассказал мне об удивительной фразе Сталина, будто бы сказанной в феврале 1953 года. Он услышал об этой фразе и обо всем случившемся от своих близких (увы, умерших) знакомых – в частности, генерал-полковника Д. Драгунского, члена Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС.

Дело происходило в кабинете Хозяина. Вышинский (который с 1940 года ушел из прокуратуры и занимал руководящие посты в Министерстве иностранных дел) рассказал Сталину о чудовищной реакции Запада на готовившийся процесс врачей. В ответ Сталин обрушился на Вышинского, назвал выступление меньшевистским и наорал на соратников, назвав их «слепыми котятками». В конце он сказал: «Мы никого не боимся, а если господам империалистам угодно воевать, то нет для нас более подходящего момента, чем этот».

Вот что пишет в своей книге чешский историк Карел Каплан: «В секретных архивах чехословацкой компартии сохранилось изложение выступления Сталина на совещании руководителей братских компартий в 1951 году. Сталин объяснил участникам совещания, что настал наиболее выгодный момент для наступления на капиталистическую Европу... Война в Корее показала слабость американской армии... Лагерь социализма получил военное преимущество, но это преимущество временное... Таким образом, основной задачей социалистического лагеря является мобилизация всех его политических и военных сил для решающего удара по капиталистической Европе... Возникла реальная возможность установить социализм по всей Европе».

Сталин уехал на дачу и до своей смерти оттуда уже не выезжал. В Журнале регистрации посетителей после 17 февраля записей нет. Хозяин более не возвращался в Кремль. И кто-то провел на полях Журнала красную черту, как бы подводя итог...

Впрочем, 2 марта в его кабинет вновь войдут посетители.

Но уже без него.

Глава 25 Смерть или убийство?

«Цезарь, бойся мартовских ид»

Кончался февраль. Март обещали солнечный, как тот далекий март, когда началась революция и Коба, полный надежд, вышел на петроградский перрон. Солнечный март... Но он его не увидит.

Согласно слухам, 5 марта евреев должны были посадить на грузовики и вывезти из Москвы. Берия конечно же должен был понимать: с этого момента мировая война приблизится вплотную. Начнется вторая часть задуманной Хозяиным программы – предвоенный террор, великая чистка. И тогда уже им всем – конец.

Если Берия хотел спастись – ему нужно было поспешить.

Я вспоминаю тот мартовский день. Голос главного диктора СССР Левитана – грозный голос, который привыкли ассоциировать с Хозяином, – читает официальный бюллетень о его болезни. Застыв от ужаса, люди слушают о содержании лейкоцитов в его крови. Оказывается, он имел обычные лейкоциты! Неужели смерть посмеет отнять его?

И люди забросали газеты фантастическими проектами, включающими и собственное умерщвление, – только бы жил он...

Сколько легенд было о его смерти! Даже придворный писатель Симонов точно ничего не знал. В 1979 году он пишет: «Меня и сейчас, спустя четверть века, терзает любопытство: как это умирание произошло на самом деле».

Хотя уже в период Хрущева шепотом рассказывали следующую легенду: «Смерть Хозяина произошла совсем не в Кремле, как объявлено в официальном сообщении, а на Ближней даче. В ночь на 1 марта охранники Сталина по телефону вызвали Берию, сказали: «Хозяин подозрительно долго не выходит из своих комнат». Берия позвонил Хрущеву и Маленкову, они все вместе приехали и вошли в его комнату. Он лежал на полу без сознания и вдруг зашевелился.

Тогда Хрущев бросился к нему и стал душить, а за ним уже все накинулись на тирана. И придушили его. Всех сталинских охранников Берия расстрелял в туже ночь. Стране сообщили о болезни Сталина, когда тот уже был мертв».

С тайны началась его жизнь и тайной закончилась.

Свидетели появляются

Первые показания истинных свидетелей смерти Сталина напечатаны в книге Д. Волкогонова «Триумф и трагедия». На основании беседы с охранником Сталина А. Рыбиным автор написал: «Сталин умер на Ближней даче, сотрудник охраны Старостин обнаружил его лежащим на полу».

Но к тому времени я уже знал: насчет Старостина Волкогонов ошибся. В Музее революции мне удалось прочесть неопубликованные воспоминания того же А. Рыбина «Железный солдат», и там я нашел несколько поразивших меня страничек...

Сам Рыбин очень давно (с 1935 года) не работал в охране Сталина. Но 5 марта 1977 года (в очередную годовщину смерти Хозяина) ему удалось собрать нескольких сотрудников охраны, присутствовавших на Ближней даче в мартовские дни 1953 года.

И вот со слов охранников (официально они назывались «сотрудники для поручений при И.В. Сталине») Рыбин записал показания. Сначала общие: «В ночь с 28 февраля на 1 марта члены Политбюро смотрели в Кремле кинокартину. После просмотра поехали на дачу... На дачу к Сталину приехали Берия, Хрущев, Маленков, Булганин, которые находились на даче до 4 утра. При Сталине в этот день дежурили старший сотрудник для поручений М. Старостин и его помощник В. Туков; у коменданта дачи Орлова был выходной, и дежурил помощник коменданта П. Лозгачев».

На даче находилась также кастелянша М. Бутусова.

После ухода гостей Сталин лег спать и более из своих комнат не появился.

Рыбин также записал отдельно показания охранников Старостина, Тукова и Лозгачева.

Самые краткие показания дал Старостин: «С 19 часов нас стала тревожить тишина в комнатах Сталина... Мы оба (Старостин и Туков.

– Э.Р.) боялись без вызова входить в комнаты Сталина».

И они отправляют туда Лозгачева. Он и обнаружил Сталина лежащим на полу у стола.

Но уже показания, записанные со слов Тукова и Лозгачева, насторожили. Оказывается, Старостин в своем рассказе не сообщил удивительную деталь: перед тем как лечь спать, Сталин отдал невероятное распоряжение охране.

Туков: «После ухода гостей Сталин сказал службе и комендантам: «Я ложусь спать, вас вызывать не буду, можете и вы ложиться».

Такого распоряжения Сталин никогда раньше не давал...»

Хозяин, всегда болезненно относившийся к своей безопасности, вдруг велит собственной охране идти спать, оставив свои комнаты без присмотра! И в ту же ночь с ним случается удар!!!

И в показаниях Лозгачева, первым увидевшего Хозяина после удара, я прочел то же самое: «Я, – говорит Сталин, – ложусь спать, и вы ложитесь спать...» В прошлом не помню, чтобы Сталиным была дана такая команда: «Всем спать».

И я решил встретиться с Лозгачевым.

Он оказался маленьким, еще крепким, широкоплечим стариком с доброй улыбкой. В его квартирке в Крылатском на крохотной кухне я записал его показания.

Уже начав писать книгу, я еще раз навестил его и попросил подписать страницы, где было

изложено главное. Он долго читал и потом поставил подпись.

Последняя ночь хозяина

Сначала Лозгачев долго рассказывал о быте Ближней дачи. Охранники называли ее просто «Ближняя» или «объект», а себя – «прикрепленными».

Наконец он заговорил о той ночи:

– В ночь на 1 марта я был на даче – дежурил... Орлов, комендант дачи, только что пришел из отпуска и был выходной. При Сталине дежурили старший прикрепленный Старостин, его помощник Туков, я и Матрена Бутусова. В ту ночь на объекте должны были быть гости – так Хозяин называл членов Политбюро, которые к нему приезжали. Как обычно, когда гости к Хозяину приезжали, мы выработывали с ним меню. В ночь с 28 февраля на 1 марта у нас было меню: виноградный сок «Маджари»... Это молодое виноградное вино, но Хозяин его соком называл за малую крепость. И вот в эту ночь Хозяин вызвал меня и говорит: «Дай нам сока бутылки по две...» Кто был в ту ночь? Обычные его гости: Берия, Маленков, Хрущев и бородатый Булганин. Через некоторое время опять вызывает: «Еще принеси сока». Ну принесли, подали. Все спокойно. Никаких замечаний. Потом наступило четыре утра... В пятом часу подаем машины гостям. А когда Хозяин гостей провожал, то прикрепленный тоже провожал – двери закрывал за ними. И прикрепленный Хрусталева Иван Васильевич закрывал двери и видел Хозяина,

а тот сказал ему: «Ложитесь-ка вы все спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобятся». И Хрусталева пришел и радостно говорит: «Ну, ребята, никогда такого распоряжения не было...» И

передал нам слова Хозяина... – Здесь Лозгачев прибавил: – И правда, за все время, что я работал, это был единственный раз, когда Хозяин сказал: «Ложитесь спать...» Обычно спросит: «Спать хочешь?» – и просверлит тебя глазами с ног до головы. Ну какой тут сон!.. Мы были, конечно, очень довольны, получив такое указание, и смело легли спать.

– Подождите, но при чем тут Хрусталева? – остановил я его. – Ведь вы не говорили, что Хрусталева тоже был на даче.

– Прикрепленный Хрусталева был на даче только до 10 утра, потом он уехал отдыхать. Его сменил Старостин Михаил Гаврилович, – ответил Лозгачев.

(Так вот почему Старостин не сообщил Рыбину о странном приказе Хозяина – он его попросту не слышал!)

Итак, в ту ночь на Ближней даче пили легкое вино – никаких крепких напитков, которые могли спровоцировать приступ, не было. Хозяин, по словам Лозгачева, «был добрый», а «когда он чувствовал себя неважно, у него настроение менялось – лучше не подходи».

Но главное – удивительная фраза: «Ложитесь-ка вы все спать», которую Лозгачев от Хозяина «слышит впервые».

Точнее, не от Хозяина – от прикрепленного Хрусталева а. Это он передает приказ Хозяина, а утром уезжает с дачи. Приказ, который так удивил и Лозгачева, и другого охранника, Тукова. Они-то знают, как беспощадно Хозяин следит за порядком. Эта фраза нарушала священный порядок: разрешала им всем спать, то есть

не охранять его комнаты и не следить друг за другом.

Что и произошло.

– На следующий день было воскресенье, – продолжал Лозгачев. – В 10 часов мы, как обычно, уже все были на кухне, начинали дела на сегодняшний день планировать.

(Да, в результате приказа Лозгачев добросовестно спит. И естественно, не знает, что делали ночью его товарищи – к примеру, тот же Хрусталеv, передавший этот невероятный для Хозяина приказ и утром уехавший домой.)

Лозгачев: «В 10 часов в его комнатах – нет движения (таку нас говорилось, когда он спал). Но вот пробило 11 – нет, и в 12 – тоже нет. Это уже было странно: обычно вставал он в 11–12, а иногда даже в 10 часов он уже не спит.

Но уже час дня – и нет движения. И в два – нет движения в комнатах. Ну, начинаем волноваться. В три, в четыре часа – нет движения. Телефоны, может, и звонили к нему, но когда он спит, обычно их переключают на другие комнаты. Мы сидим со Старостиним, и Старостин говорит: «Что-то недоброе, что делать будем?»... Действительно, что делать – идти к нему? Но он строго-настрого приказал: если нет движения, в его комнаты не входить. Иначе строго накажет. И вот сидим мы в своем служебном доме, дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная, уже 6 часов, а мы не знаем, что делать. Вдруг звонит постовой с улицы: «Вижу, зажегся свет в малой столовой». Ну, думаем, слава Богу, все в порядке. Мы уже все на своих местах, все начеку, бегаем, и... опять ничего! В восемь – ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять – нету движения, в десять – нету. Я говорю Старостину: «Иди ты, ты – начальник охраны, ты должен забеспокоиться». Он: «Я боюсь». Я: «Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?» В это время почту привозят – пакет из ЦК. А почту передаем ему обычно мы. Точнее – я, почта моя обязанность. Ну что ж, говорю, я пойду, в случае чего, вы уж меня, ребята, не забывайте. Да, надо мне идти. Обычно входим мы к нему совсем не крадучись, иногда даже дверью специально громко хлопнешь, чтобы он слышал, что ты идешь. Он очень болезненно реагировал, когда тихо к нему входили. Нужно, чтобы ты шел крепким шагом и не смущался, и перед ним чтоб не тянулся. А то он тебе скажет: «Что ты передо мной бравым солдатом Швейком вытягиваешься?» Ну, я открыл дверь, иду громко по коридору, а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так. – Здесь Лозгачев приподнял полусогнутую руку. – Все во мне оцепенело. Руки, ноги отказались подчиняться. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог. Слух у него был хороший, он, видно, услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с вами?» Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: «Может, врача вызвать?» А он в ответ так невнятно: «Дз... дз...» – дзыкнул и все. На полу лежали карманные часы и газета «Правда». На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды «Нарзан», он, видно, к ней шел, когда свет у него зажегся. Пока я у него спрашивал, ну, наверное, минуту-две-три, вдруг он тихо захрапел... слышу такой легкий храп, будто спит человек. По домофону поднял трубку, дрожу, пот прошибает, звоню Старостину: «Быстро ко мне, в дом». Пришел Старостин, тоже оторопел. Хозяин-то без сознания. Я говорю: «Давай его положим на диванчик, на полу-то неудобно». За Старостиним Туков и Мотя Бутусова пришли. Общими усилиями положили его на диванчик, на полу-то неудобно. Я Старостину говорю: «Иди звонить всем без исключения». Он пошел звонить. А я не отходил от Хозяина, он лежал неподвижно и только храпел. Старостин стал звонить в КГБ Игнатьеву, но тот испугался и переадресовал его к Берии и Маленкову. Пока он звонил, мы посоветовались и решили перенести его в большую столовую на большой диван... Мы перенесли потому, что там воздуха было больше. Мы все вместе это сделали, положили его на тахту, укрыли пледом, видно было, что он очень озяб, пролежал без помощи с семи

вечера. Бутусова отвернула ему завернутые рукава сорочки – ему, наверное, было холодно. В это время Старостин дозвонился до Маленкова. Спустя примерно полчаса Маленков позвонил нам и сказал: «Берию я не нашел». Прошло еще полчаса, звонит Берия: «О болезни товарища Сталина никому не говорите».

Итак, прошел час. Никто не спешит к умирающему Хозяину. Бывшему Хозяину. Только прикрепленные сидят у постели. И ждут.

Ложь

Единственный из соратников, подробно рассказавший о ночной трагедии, – Хрущев. Он описал ее в своих «Воспоминаниях». Но описал весьма странно: «Вдруг звонит Маленков: «Вот, знаешь, звонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты. Они тревожно сообщили: что-то произошло со Сталиным. Надо будет поехать. Я уже позвонил Берии и Булганину. Выезжай прямо туда, к Сталину, и я поеду, и они тоже приедут». Я сейчас же вызвал машину... Мы условились, что приедем не прямо к Сталину, а сначала зайдем в дежурку... Мы зашли к дежурным и спросили: «В чем дело?» Они объяснили: «Обычно Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонил, вызывал, просил чай... Сейчас этого не было». Чекисты сказали, что они уже послали Матрену Петровну (Бутусову. –

Э.Р.) на разведку (подавальщица – очень ограниченный, но честный, преданный Сталину человек). Она пришла и сказала, что товарищ Сталин лежит на полу – спит, и под ним помочено – он мочился... Чекисты подняли Сталина и положили на кушетку в малой столовой. Когда нам сказали, что с ним такой случай произошел и что он теперь спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться, когда он в таком неблагоприятном положении находится. Мы уехали по домам».

Итак, по Хрущеву, вся четверка вчерашних гостей тотчас приехала. Но, узнав о неблагоприятном положении Хозяина, она из деликатности уезжает.

На самом деле, по словам Лозгачева, происходило все совершенно иначе.

Лозгачев: «В 3 часа ночи слышу – подъехала машина. (Прошло почти четыре часа после того, первого звонка, почти четыре часа Сталин лежит без помощи – и только теперь приехала машина. –

Э.Р.) Приехали Берия и Маленков. У Маленкова ботинки скрипели, помню, он снял их, взял под мышку. Они входят: «Что с Хозяином?» А он лежит и чуть похрапывает... Берия на меня матюшком: «Что ж ты панику поднимаешь? Хозяин-то, оказывается, спит преспокойно. Поедем, Маленков!» Я им все объяснил, как он лежал на полу, и как я у него спросил, и как он в ответ «дзыкнул» невнятно. Берия мне: «Не поднимай панику, нас не беспокоит. И товарища Сталина не тревожь». Ну и уехали».

Итак, объявив, что 74-летний старик, пролежавший четыре часа в луже мочи, «преспокойно спит», соратники уезжают, вновь оставив Хозяина без помощи.

«Я его убрал»

Лозгачев: «Опять остался я один. Думаю, надо опять Старостина звать, пусть он всех опять

поднимет. Говорю: «Иначе он умрет, а нам с тобой крышка будет. Звони, чтоб приехали».

Хрущев: «Прошло какое-то небольшое время, опять звонок. Звонит Маленков и говорит: «Звонили опять ребята от товарища Сталина. Они говорят, что все-таки что-то с товарищем Сталиным не так. Хотя Матрена Петровна, когда мы ее посылали, сказала, что он спокойно спит, это не обычный сон. Надо еще поехать». Условились: надо, чтобы приехали врачи».

Лозгачев: «В восьмом часу утра заявляется Хрущев. «Как Хозяин?» Говорю: «Очень плох, с ним что-то случилось», и все рассказываю.

Хрущев говорит: «Сейчас врачи приедут». Ну, думаю, слава Богу. Между половиной девятого и девятью (после того, как он пролежал 13 часов без помощи!

– Э.Р.) прибыли врачи».

Мы никогда не узнаем, что же произошло ночью в запертых комнатах Хозяина. Но есть только два варианта происшедшего: или Хозяин обезумел и действительно отдал приказ всем спать, «по удивительному совпадению той же ночью с ним случился удар... или Хрусталеву было кем-то приказано уложить спать своих подчиненных, чтобы остаться наедине с Хозяином – ему или кому-то еще, нам неизвестному. (После ареста Власика Берия конечно же завербовал кадры в оставшейся без надзора охране. Он должен был использовать последний шанс выжить.)

Проник ли в неохраняемую комнату сам Хрусталеv или кто-то еще? Сделали ли укол заснувшему после «Маджари» Хозяину? Спровоцировал ли этот укол удар? Проснулся ли Хозяин, почувствовав дурноту, и пытался ли спастись, но сумел дойти только до стола? Все это – предположения... но если все так и было, становится понятной поражающая смелость соратников: узнав о происшедшем, они не спешат примчаться на помощь, будто точно

знают, что произошло, уверены, что Хозяин уже безопасен.

Но в обоих вариантах четверка

сознательно бросила Хозяина умирать без помощи.

Так что в обоих вариантах они убили его. Убили трусливо, как жили. И Берия имел право сказать Молотову слова, которые тот потом процитировал:

«Я его убрал».

Хроника смерти

Лозгачев: «Ну врачи все были совсем испуганные... глядят на него и тоже все дрожат. Им надо его осматривать, а у них руки трясутся, а тут еще зубной врач снял протезы, а они у него из рук выпали. Бойтся. Ну, профессор Лукомский говорит: «Надо рубашку снимать, давление измерять...» Я разорвал рубашку. Стали мерить. Потом осмотрели все и нас спросили, кто при этом был – когда он упал. Мы думали: теперь все, сейчас нас посадят в машину и будь здоров – конец! Нет, слава Богу, врачи пришли к выводу, что с ним было кровоизлияние. Тут народу понаехало очень много, и, по существу, с этого момента мы уже отошли от всего этого. Я в дверях стоял. За мной люди толпились – приехавшие. Помню, министр Игнатьев все боялся войти. Я говорю: «Что вы стесняетесь, заходите». Тогда же, 2 марта, привезли Светлану».

Дочь Сталина пишет в своей книге: «Василия вызвали тоже, но он был пьян и быстро ушел к охране – шумел в служебном помещении, что отца убили... пока не уехал к себе. Ставили пиявки, делали рентген легких. Заседала сессия Академии медицинских наук, решая, что предпринять. Привезли установку для искусственного дыхания. Громоздкий аппарат стоял без дела, а молодые специалисты ошалело озирались».

Так он умирал в созданных им страхе и показухе.

Оставив при Сталине Булганина, соратники отправились в Кремль. Пока Хозяин умирал, Журнал продолжал фиксировать посетителей сталинского кабинета.

Согласно записи, 2 марта в 10.40 утра в кабинете собрались Берия, Маленков и Хрущев. Позже к ним присоединились опальные Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович и остальные члены Президиума ЦК. И видимо, начали делить его власть в его кабинете... После чего Берия, Маленков и осмелевшие Ворошилов и Микоян отправились на дачу – следить за умирающим.

В половине девятого вечера, согласно Журналу, все вновь собрались в сталинском кабинете – продолжили делить власть.

Утром – вновь на дачу.

И так теперь каждый день.

Но беспомощный, еле дышащий полутруп еще был им нужен. Профессор Мясников: «Маленков дал нам понять, что... он надеется, что медицинские мероприятия смогут продлить жизнь больного на достаточный срок. Мы все поняли, что речь идет о необходимом сроке для организации новой власти и подготовки общественного мнения... Сталин иногда стонал. Только на один короткий миг показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружающих. Тогда Ворошилов сказал: «Товарищ Сталин, мы здесь, твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?» Но взгляд уже ничего не выражал. Весь день мы что-то впрыскивали, писали бюллетени. Члены Политбюро подходили к умирающему, те, кто рангом пониже, смотрели через дверь. Помню, Хрущев тоже держался у дверей. Во всяком случае, иерархия соблюдалась: впереди – Маленков и Берия, далее – Ворошилов, Каганович, Булганин и Микоян. Молотов был нездоров, но два-три раза приезжал на короткий срок».

Молотов: «Меня вызвали на дачу... Глаза у него были закрыты, и, когда он открывал их и пытался говорить, тогда к нему подбежал Берия и целовал ему руку. После похорон Берия хохотал: «Корифей науки, ха-ха-ха».

Наступило 5 марта.

Светлана: «Отец умирал страшно и трудно... Лицо потемнело, изменилось... черты лица становились неузнаваемы... Агония была страшной, она душила его прямо на глазах... В последнюю уже минуту он вдруг открыл глаза. Это был ужасный взгляд – то ли безумный, то ли гневный, и полный ужаса перед смертью... И тут... он вдруг поднял кверху левую руку и не то указал куда-то вверх, не то погрозил всем нам... И в следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Впрочем, каждый воспринял этот последний его жест по-своему.

Реаниматор Чеснокова: «Но вот дыхание резко нарушилось, наступило возбуждение. Левая рука, как в приветствии, поднялась и упала. Это была агония. Дыхание остановилось».

Лозгачев: «Говорят, когда он умирал, то, как тогда у стола, поднял руку – просил о помощи...»

Но кто ему поможет!..»

Мясников: «Смерть произошла в 21.50».

Светлана: «Берия первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все стояли молча, послышался его громкий, не скрывавший торжества голос: «Хрусталева, машину!..» И круглолицая, курносая Валечка Истомина грохнулась на колени около дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос».

К Хрусталеву обращается Берия! Из всех прикрепленных выбирает Хрусталева!

Берия торопится уйти. Но другие соратники остаются. Для Берии он был только Хозяин. Для остальных – Молотова, Кагановича, Ворошилова – он был их молодостью, их надеждами. Он был всей их жизнью.

Но, постояв немного, и они ринулись в Кремль вслед за Берией – принимать власть. В Кремле в это время шло совместное заседание ЦК партии, Совета министров, Верховного Совета. Оно должно было легализовать то, о чем они уже договорились.

К. Симонов был членом Верховного Совета. Но и он, как и вся страна, верил, что Сталин еще жив и борется со смертью здесь, в Кремле: «Я пришел в зал за сорок минут, но уже собрались все. Мы все знали, что где-то рядом в Кремле лежит Сталин, который никак не может прийти в сознание. Все сидели совершенно молча... Я никогда бы не поверил, что в течение сорока минут так могут молчать триста тесно сидящих людей. Никогда в жизни не забуду этого молчания. Из задней двери вышли они – те, кто был в Бюро Президиума ЦК, плюс Молотов и Микоян. Вступительную речь сказал Маленков. «Товарищ Сталин продолжает бороться со смертью, но, даже если он победит, состояние его настолько тяжелое... Нельзя оставлять страну без руководства. Поэтому необходимо сформировать правительство».

Сформировали.

Заседание было коротким. После заседания черные машины тотчас выехали из ворот Кремля. Маршрут соратников был прежний – на Ближнюю дачу.

На этот раз поездка была последней.

Когда после заседания Симонов приехал в «Правду», на столе редактора зазвонил телефон. Редактор выслушал сообщение, повесил трубку и сказал коротко: «Сталин умер».

– Нам сказали, сейчас будут забирать его в больницу, бальзамацию делать, – рассказывает Лозгачев. – Никто нас не звал проститься с мертвым, мы сами ходили. Светлана была недолго. Был и Вася. Не сказал бы, что он был пьян, но в волнении. Потом приехала машина с носилками, положили его и при мне понесли. И все... И никого – только мы стоим и смотрим.

– Говорят, у Хозяина на теле был какой-то кровоподтек, будто его толкнул кто-то? – спросил я его.

– Никакого кровоподтека не было и не могло быть, никто его не толкал.

Хрусталева был, когда его бальзамировали, и говорил нам, что в легких, правда, нашли какой-то огарок. Может быть, когда кислород вводили, что-то попало. А так ничего.

– А что было потом с прикрепленными?

– Ну, а дальше всех разогнали, вызывают такого-то и отправляют из Москвы – «чтоб

немедленно выезжали с семьей». Такая неожиданность! Старостин, Орлов, Туков решили зайти к Берии – попросить не отправлять. Пришли, а он говорит: «Не хотите быть там – будете там» – и пальцем указал на землю. Ну, они и поехали.

– А что было потом с Хрустальевым?

– Хрустальев заболел и вскоре умер (!!! –

Э.Р.). Орлова со Старостиным назначили во Владимир, а я остался на объекте – объект пустой, а я завхоз. Объект передали министерству здравоохранения. Так вот и закончилась Ближняя...

Конец триллера

Но так просто Хозяин не ушел. В Москве состоялось его невиданное кровавое прощание с народом.

Его положили в Колонном зале, и тысячные толпы скорбящих вышли на улицу. Из всех городов шли поезда с людьми – проститься с богом...

Помню солнечный день и девушку рядом, ее безумные глаза. Толпа сжимала нас (ее теснила милиция), мы задыхались. Вдруг все сдвинулось, и люди попадали. Меня понесло по людям, я спотыкался о тела... Помню, как вырвался и упал на мостовую. Пола пальто оборвана, но – живой...

В тот день тысячи увезли в мертвецкие. Уйти без крови он не смог... И задавленные присоединились к миллионам, которые он уничтожил.

В тот же день, 5 марта 1953 года, умер еще один человек. Но смерть его прошла совершенно незамеченной. Это был Сергей Прокофьев. Вдова пыталась достать хоть какие-то цветы, но все было закрыто, ничего не продавалось. Ее соседка по дому срезала все комнатные растения, чтобы хоть что-то положить на гроб великого композитора. В это время любимый пианист Прокофьева Святослав Рихтер летел из Тбилиси в специальном самолете – играть в Колонном зале у гроба Вождя. Самолет был завален цветами, и Рихтер буквально задыхался от их запаха...

Непрерывно заседала комиссия по похоронам, стараясь превзойти все возможное в увековечивании Вождя. «Комиссия считает целесообразным долговременное бальзамирование тела товарища Сталина произвести в специальной лаборатории Мавзолея В.И. Ленина. Тело товарища Сталина должно быть положено в гроб в военной форме, на кителе прикрепить медали Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, а также планки к орденам и медалям... Подготовить проект постановления о строительстве Пантеона».

В связи с условиями бальзамирования его погоны, пуговицы на мундире и звезды Героя были из золота.

Саркофаг с мумией второго большевистского бога стоял у Мавзолея.

На Мавзолее расположились убившие его верные соратники: Маленков в ушанке, Хрущев в папаше пирожком, Берия в широкополой шляпе, надвинутой на пенсне, похожий на мафиози из фильма. Они славили убиенного бога.

После похорон соратники установили непрерывное подслушивание в квартире его сына. В Архиве президента находятся записи его разговоров.

Василий (разговаривает с шофером Февралевым о похоронах): «Сколько людей подавили, жутко! Я даже с Хрущевым поругался... Был жуткий случай в Доме Союзов. Приходит старуха с клюкой... У гроба в почетном карауле стоят Маленков, Берия, Молотов, Булганин... И вдруг говорит им старуха: «Убили, сволочи, радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

Через три недели после смерти отца генерал-лейтенант авиации Василий Сталин был уволен из армии без права ношения военной формы. Еще через месяц его арестовали. Из тюрьмы всесильный сын цезаря окончательно вышел только весной 1961 года. Вышел, чтобы умереть.

Его сослали в Казань, и уже 19 марта 1962 года он умер.

Или помогли ему умереть – в соответствии с традициями Хозяина?

Вслед за Василием в тюрьме оказался и посадивший его Берия.

Осталось описание его расстрела: «Его привязали к крюку, вбитому в деревянный щит, скрутив руки сзади. Берия все просил: «Разрешите сказать...» Но Генеральный прокурор приказал: «Заткните ему рот полотенцем». Над повязкой сверкал дико выпученный глаз. Офицер нажал курок, пуля угодила в середину лба».

Потом пали Маленков, Молотов, Каганович... И наконец – Хрущев.

Пока соратники уничтожали друг друга, по всей его Империи брели люди в грязных телогрейках. Шло великое освобождение из его лагерей. Алексей Каплер (в которого была влюблена его дочь) был тоже освобожден. Спустя много лет он рассказывал мне: «Я зашел тогда в скверик, сел на скамью и бессмысленно смотрел, как играют дети... Какой-то мальчик, смеясь, пробежал мимо – я увидел худенькие, беззащитные детские ножки. И что-то случилось... Я зарыдал. Я рыдал бесстыдно, сладко, как в детстве... И прощал... прощал... прощал...»

Несмотря на все разоблачения Хрущева, Сталин продолжал лежать в Мавзолее. Помню, как я его увидел: рядом с кукольной ленинской головкой – совершенно живое лицо, на нем росла щетина.

Только через восемь лет решились его вынести из Мавзолея.

Ф. Конев, командир Кремлевского полка, вспоминал: «31 октября 1961 года наряды милиции очистили Красную площадь, закрыли на нее входы. Когда окончательно стемнело, было решено начать рыть могилу у Кремлевской стены. Переложили тело Сталина из саркофага в гроб, обитый красной материей. Сталин был как живой, сотрудники плакали, отключая приборы. Золотые пуговицы на мундире заменили на латунные, сняли и золотые погоны. Потом тело покрыли вуалью темного цвета, оставив открытым живое лицо.

В 22.00 прибыла комиссия по перезахоронению. Из родственников не было никого... После минутного молчания мы его спустили в могилу. Было распоряжение прикрыть его двумя железобетонными плитами. (Будто боялись, что выйдет из гроба.

– Э.Р.) Но мы просто засыпали его землей».

Век заканчивался

Пришел к власти Горбачев, началась перестройка, и люди начали подводить итоги пережитому.

Тогда я и получил это письмо:

«Пишет вам Пепеляев Юрий Николаевич. Давно интересуюсь своей фамилией. Если у вас есть возможность, сообщите, пожалуйста, подробности о моих родственниках. В частности:

Пепеляев Н.М. – генерал-майор царской армии, погиб в 1916 году, в Первую мировую войну.

Пепеляев В.Н. – председатель в правительстве Колчака, расстрелян в 1920 году в Иркутске.

Пепеляев А.Н. – генерал-лейтенант, командующий 1-й Сибирской армией Колчака, потом воевал на Дальнем Востоке, вынужден был сдаться в плен, осужден, расстрелян в 1938 году.

Пепеляев Л.Н. – белый офицер, погиб в годы гражданской войны.

Пепеляев М.Н. – штаб-ротмистр царской армии, осужден в 1933 году, погиб в лагерях.

Пепеляев А.Н. – хирург в армии Колчака, осужден в 1942 году, умер в Сиблаге в 1946 году.

Пепеляев А.И. – член партии эсеров, расстрелян Пермской ЧК в 1918 году.

Пепеляев М.Е. – мой дед, проживал в Бийске, осужден в 30-х годах.

Пепеляев М.И. – проживал в Бийске, погиб в Отечественной войне». Краткая история России в XX веке?

Но два верных соратника Хозяина – Молотов и Каганович – все еще жили. Как странные привидения, они гуляли по улицам.

Правда, в самые последние годы Молотов начал забываться. Порой он вновь представлял себя главой правительства – требовал костюм, галстук и часами терпеливо ждал к себе на доклад горбачевских министров. Лишь в 1986 году этот человек, родившийся при Александре III, живший при Николае II, работавший при Ленине и Сталине и доживший до Горбачева, успокоился в традиционном большевистском красном гробу...

Каганович дотянул до 90-х. Его родственник рассказал мне: «Он умер в июле 1991 года. По телевизору передавали очередные «перестроечные» новости, показывали Горбачева, Ельцина. Домработница услышала, как он сказал: «Это катастрофа». Она обернулась, но он уже сидел мертвый у телевизора».

Через три недели наступил август 1991 года. Толпа громила памятники Боголенину и била стекла в священном здании ЦК его партии...

СССР – величайшая Империя, построенная Хозяином на века, с озадачивающей стремительностью рассыпалась в прах.

Вавилонская башня и Великая мечта перестали существовать.

«Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришел суд твой» (Отк. 18: 10).

«Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога» (Ис. 44: 6). Эти слова Святой Книги должен был хорошо знать ученик Духовной семинарии маленький Сосо Джугашвили, вошедший в мировую историю под именем Сталина.